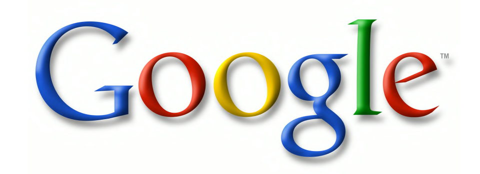
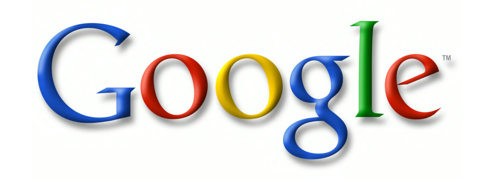
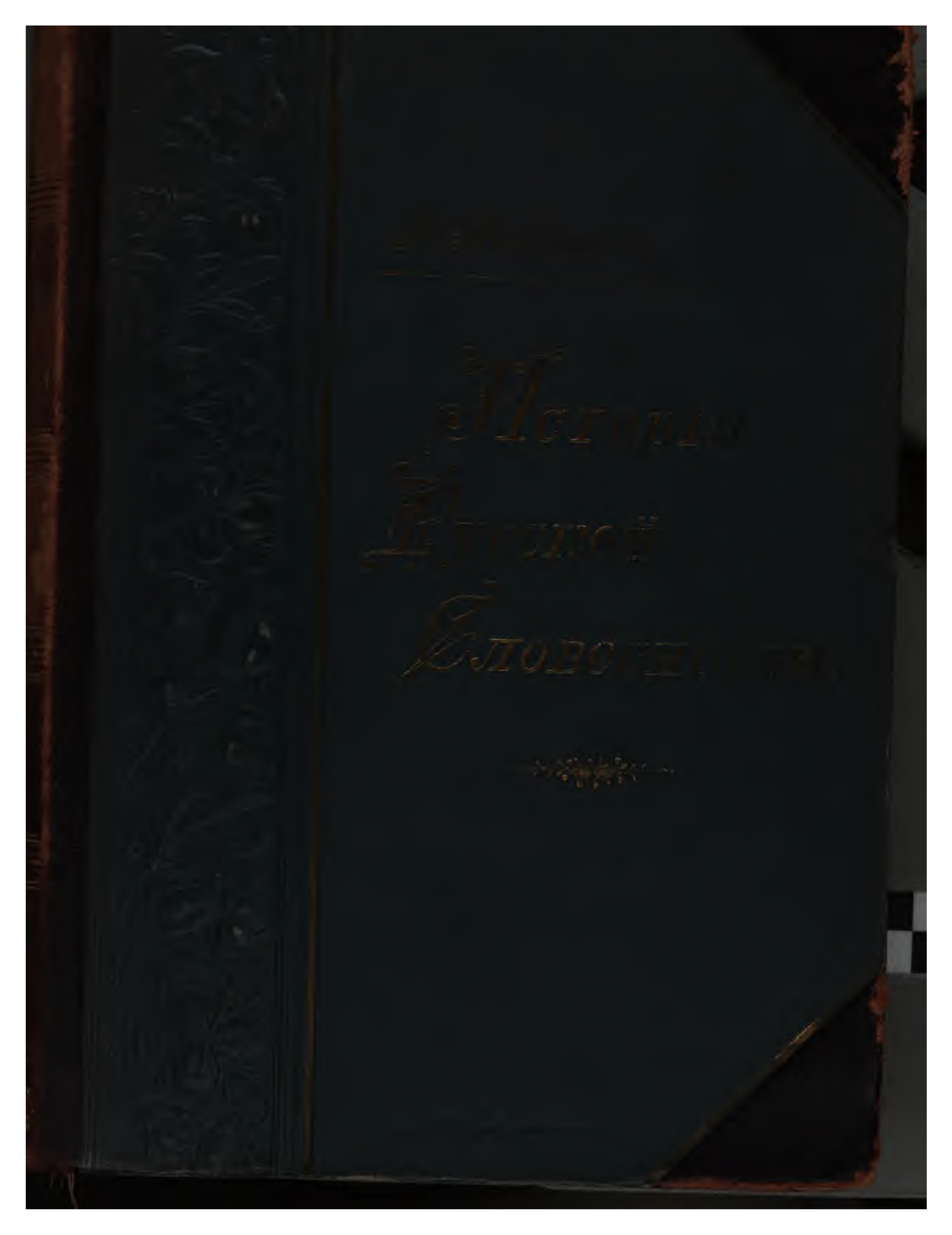
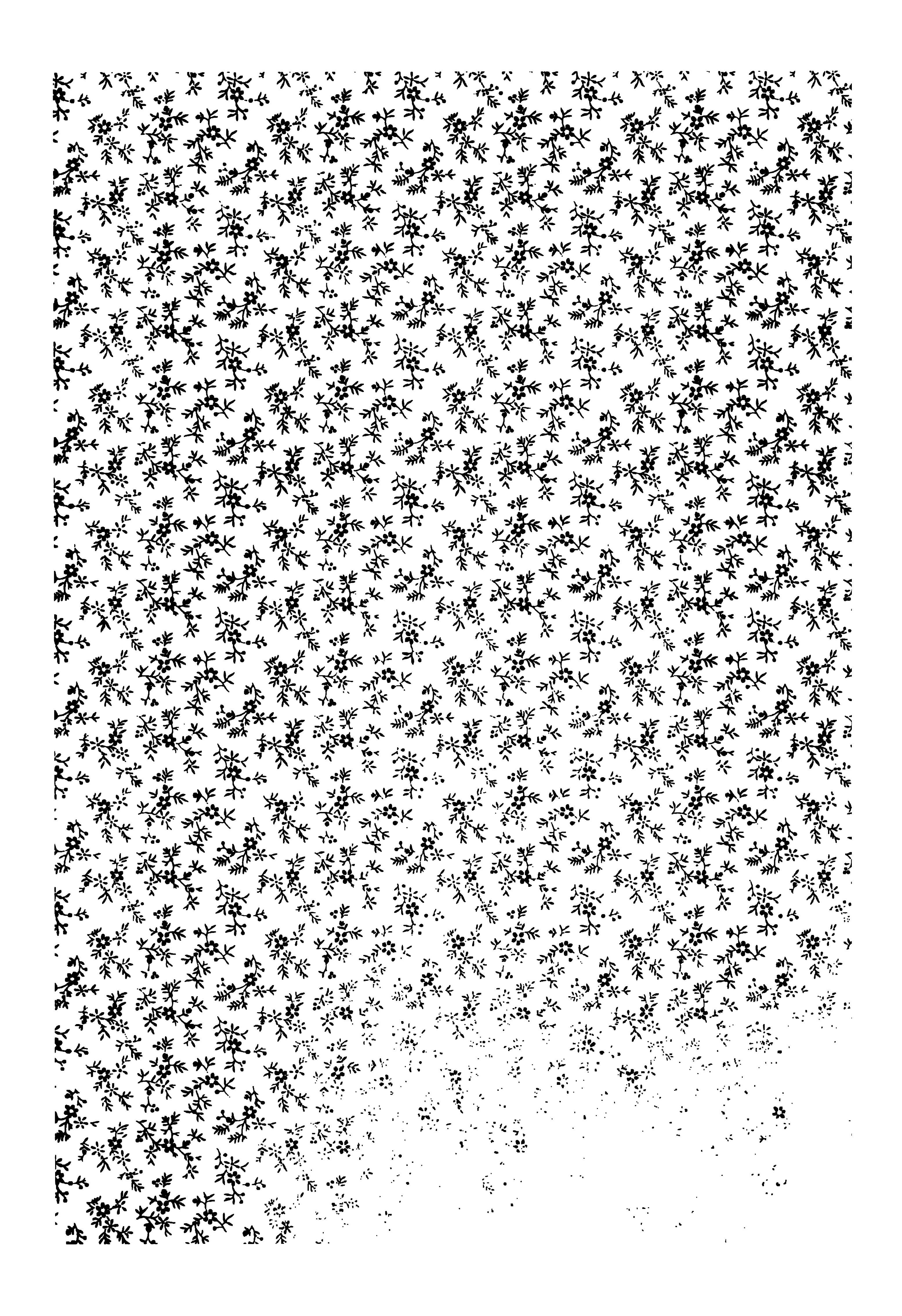





Исторія

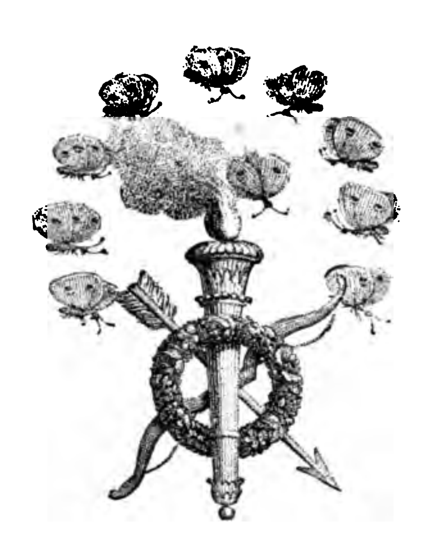
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY
Asiatic & Slavic
Languages
&
Civilization



ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

Томъ второй.



Дозволено цензурою. СПБ. 26 апрѣля 1909 г.

Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подьяч., № 1.

СII
Вѣкъ
Екатерины,

П. Н. Полевой.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1900.

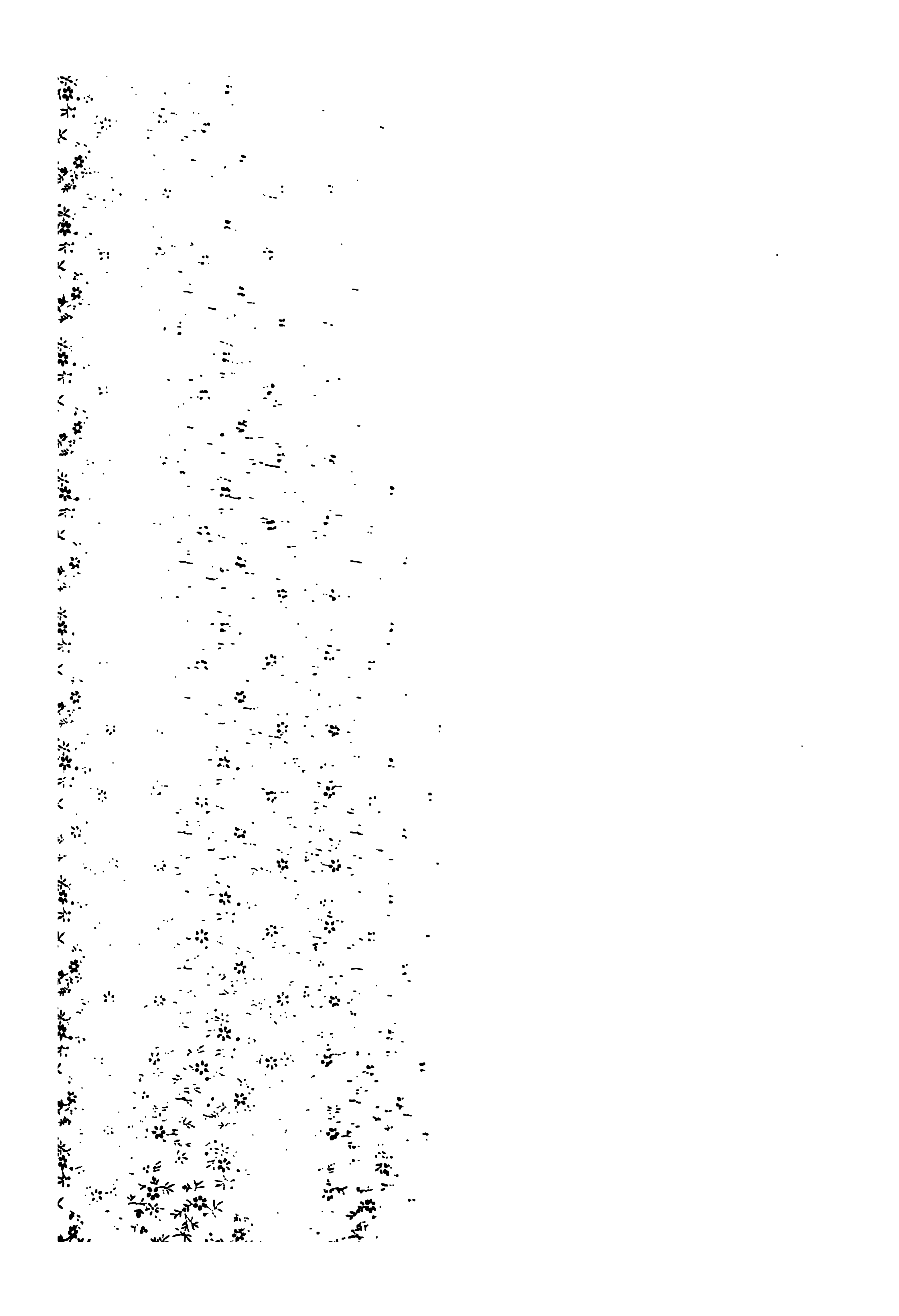
ВОСЛИТАНІЕМЪ УКРОЩАЮТСЯ НРАВЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Екатерина Великая и ея вѣкъ.—Ея преклоненіе предъ господствующими философскими идеями XVIII вѣка. — Увлеченіе теоріей и разочарованіе на практикѣ. — „Наказъ". — Планы воспитанія и народнаго образованія. — Значеніе литературной дѣятельности Екатерины и ея вліяніе на подъемъ литературы.—Литераторы, поэты и журналисты Екатерининскаго времени.—Наука и научное движеніе.

Есть имена въ исторіи, передъ которыми мы останавливаемся съ невольнымъ изумленіемъ... Мы можемъ гордиться тѣмъ, что въ нашей отечественной исторіи есть два такихъ имени, какъ бы взаимно дополняющія другъ друга, — какъ бы неразлучныя въ народной памяти: Петръ Великій и Екатерина Великая. Петръ— неутомимый и мощный работникъ на практикѣ и всеобъемлющій геній въ нагромозженіи самыхъ обширныхъ и разнообразныхъ теорій и плановъ, безпощадный къ себѣ и суровый въ своихъ требованіяхъ къ сотрудникамъ... Онъ прорубилъ „окно въ Европу", онъ выводитъ Россію окончательно на тотъ путь единенія съ Европой, на который она и сама застѣнчиво и робко пыталась выступить... Екатерина, не менѣе Петра упорная въ достиженіи своихъ цѣлей, не менѣе Петра широкая въ своихъ замыслахъ, не менѣе его неутомимая въ трудѣ и неистощимая въ его примѣненіи—геніально воспользовалась плодами трудовъ Петра и доставила Россіи то положеніе въ Европѣ, о которомъ Петръ могъ только мечтать... И держась своего чуднаго правила: *„живи, и жить давай другимъ"*, —она достигла такихъ изумительныхъ результатовъ своею женственною мягкостью, какихъ невозможно было бы добиться самыми суровыми карами и самыми жестокими взысканіями. Многіе изъ писателей, посвящавшихъ свои труды разра-

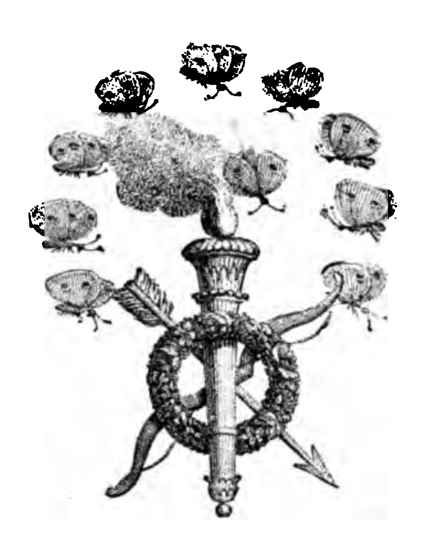
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY
Asiatic & Slavic
Languages
&
Civilization



ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

Томъ второй.



Дозволено цензурою. СПБ. 26 апрѣля 1909 г.

Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подьяч., № 1.

СII
Вѣкъ
Екатерины,

П. Н. Полевой.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
ДО
НАШИХЪ ДНЕЙ.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1900.

ВОСПИТАНІЕМЪ УКРОЩАЮТСЯ НРАВЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Екатерина Великая и ея вѣкъ.—Ея преклоненіе предъ господствующими философскими идеями XVIII вѣка. — Увлеченіе теоріей и разочарованіе на практикѣ. — „Наказъ“. — Планы воспитанія и народнаго образованія. — Значеніе литературной дѣятельности Екатерины и ея вліяніе на подъемъ литературы.—Литераторы, поэты и журналисты Екатерининскаго времени. —Наука и научное движеніе.

Есть имена въ исторіи, передъ которыми мы останавливаемся съ невольнымъ изумленіемъ... Мы можемъ гордиться тѣмъ, что въ нашей отечественной исторіи есть два такихъ имени, какъ бы взаимно дополняющія другъ друга, — какъ бы неразлучныя въ народной памяти: Петръ Великій и Екатерина Великая. Петръ—неутомимый и мощный работникъ на практикѣ и всеобъемлющій геній въ нагромозженіи самыхъ обширныхъ и разнообразныхъ теорій и плановъ, безпощадный къ себѣ и суровый въ своихъ требованіяхъ къ сотрудникамъ... Онъ прорубилъ „окно въ Европу“, онъ выводитъ Россію окончательно на тотъ путь единенія съ Европой, на который она и сама застѣнчиво и робко пыталась выступить... Екатерина, не менѣе Петра упорная въ достиженіи своихъ цѣлей, не менѣе Петра широкая въ своихъ замыслахъ, не менѣе его неутомимая въ трудѣ и неистощимая въ его примѣненіи—геніально воспользовалась плодами трудовъ Петра и доставила Россіи то положеніе въ Европѣ, о которомъ Петръ могъ только мечтать... И держась своего чуднаго правила: *„живи, и жить давай другимъ“*, —она достигла такихъ изумительныхъ результатовъ своею женственною мягкостью, какихъ невозможно было бы добиться самыми суровыми карами и самыми жестокими взысканіями. Многіе изъ писателей, посвящавшихъ свои труды разра-

боткѣ русской литературы и общественной жизни въ Екатерининское время, какъ намъ кажется, относились черезчуръ сурово къ той реакціи, которая наступила въ послѣдніе годы царствованія великой Императрицы и привела къ печальнымъ результатамъ и къ незаслуженнымъ гоненіямъ. Въ отвѣтъ этимъ строгимъ порицателямъ Екатерины, мы можемъ привести только одно оправданіе: рѣдкое царствованіе, хотя бы даже и самое блестящее, но продолжавшееся болѣе тридцати лѣтъ, не имѣло своей реакціи, и, въ послѣдніе годы, по направленію своему, не уклонялось отъ первыхъ, начальныхъ годовъ; при этомъ напомнимъ еще, что рѣдкій вѣкъ въ исторіи вырабатывалъ такіе привлекательные нравственные идеалы, создавалъ такія соблазнительныя теоріи, приманивалъ такими увлекательными утопіями, какъ восемнадцатый вѣкъ, — и послѣ всѣхъ этихъ утопій закончился страшною, неслыханно-кровавою трагедіею. Увлеченная идеями XVIII в. въ ранней молодости, Екатерина, по вступленіи на престолъ, въ лучшемъ возрастѣ женщины, предалась осуществленію своихъ идеаловъ со всею свойственной ея характеру энергіей — предалась искренно и горячо... Но можно ли было ожидать, что и тридцать лѣтъ спустя,—послѣ всѣхъ пережитыхъ ею испытаній и разочарованій, послѣ того паническаго ужаса, который навелъ на всѣхъ революціонный терроръ,—она останется и въ старости вѣрна своимъ молодымъ идеаламъ?

Идеалы Екатерины. А идеалы были чудные, воспринятые въ лучшіе годы юности, вычитанные изъ любимыхъ книгъ въ ту пору жизни, когда онѣ составляли лучшую, если не единственную утѣху безотрадно протекавшей юности. Изъ тѣхъ книгъ, которыя въ ту пору кружили головы всѣмъ образованнѣйшимъ людямъ Европы и, послѣ долгаго періода религіозной борьбы, пережитой Европою въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, находили свободный доступъ ко всѣмъ сердцамъ. То были идеалы свободы, понимаемой въ самомъ обширномъ и самомъ возвышенномъ смыслѣ слова, идеалы равенства и братства, возвращавшіе людей къ золотому вѣку, уносившіе ихъ въ далекое будущее, когда остатки средневѣковыхъ стѣсненій, общественныхъ и сословныхъ, падутъ сами собою, а вмѣстѣ съ ними уничтожатся и всѣ препоны къ полному общественному благополучію.

Идеи XVII—XVIII вѣковъ. Начало этихъ идеальныхъ стремленій лежитъ далеко за предѣлами XVIII вѣка и за предѣлами той страны, въ которой они окончательно развились и сложились въ форму соблазнительныхъ идеаловъ. Корни этихъ стремленій слѣдуетъ искать въ томъ сильномъ умственномъ движеніи, которое вызвано было во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ эпохою реформаціи съ одной стороны, а затѣмъ, съ другой — быстрыми успѣхами наукъ физико-

Екатерина въ молодости, до вступленія на престолъ.

математическихъ и естественныхъ, которые нашли себѣ истолкованіе въ опытной философіи Локка, и, расширивъ горизонтъ человѣческой мысли, раздвинувъ границы для наблюдательности человѣка, породили массу новыхъ идей, новыхъ воззрѣній, новыхъ понятій. Первоначальнымъ центромъ развитія новыхъ идей явилась Англія—отчизна Бэкона, Ньютона и Локка, за которыми слѣдомъ пошелъ цѣлый рядъ ученыхъ, философовъ и публицистовъ, писавшихъ въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII вѣка. Движеніе это представлялось, до нѣкоторой степени, противорѣчіемъ исторической дѣйствительности. Границы разума, повидимому, расширились. . . . .

. . . .

. . Критику разума хотѣлось примѣнить ко всему — къ религіи, къ воспитанію, къ вопросамъ общественной жизни и нравственности, къ государственному строю,—а примѣнять оказывалось трудно, вслѣдствіе множества стѣснительныхъ условій. Въ этихъ стѣснительныхъ условіяхъ, кажется, и нужно искать объясненія тому, что новыя идеи, прежде всего, перешли въ тѣ страны, гдѣ болѣе свободныя условія жизни давали имъ возможность развиться и пріобрѣсти болѣе широкое распространеніе, а именно въ Швейцарію и Нидерланды. Распространенію ихъ по Европѣ, здѣсь, много способствовалъ и французскій языкъ, который былъ тогда еще гораздо болѣе общимъ во всей Европѣ, нежели нынѣ. И вотъ, въ Нидерландахъ поселяется одинъ изъ талантливыхъ представителей новаго направленія, Бэйль (Bayle), и здѣсь, въ концѣ XVII вѣка, печатаетъ свой знаменитый „***Историко-критическій Словарь***“, въ которомъ впервые начинаетъ свободно и независимо высказывать свои воззрѣнія на различные вопросы религіозные и нравственные, научные и государственные. Такой способъ изложенія своихъ взглядовъ на важнѣйшіе вопросы жизни и даже самый способъ изложенія ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, въ формѣ словаря, въ которомъ легко было подыскать необходимыя объясненія и отвѣты на то, что тревожило все общество—все это было новостью, и новостью заманчивою.

Энциклопедисты.

Ученія ближайшихъ послѣдователей „опытной“ философіи Локка пріобрѣли совсѣмъ иную окраску, когда проникли во Францію и нашли себѣ тамъ такого талантливаго истолкователя, какъ ***Вольтеръ*** (р. 1694 г., ум. 1778 г.), который былъ одинаково пріятенъ, силенъ и убѣдителенъ въ стихахъ и въ прозѣ, въ сатирѣ и въ драмѣ, въ памфлетѣ и въ романѣ. Не отрицая Бога, Вольтеръ вездѣ старался выказать торжество разума надъ откровеніемъ, религіозными традиціями и церковными обычаями, и все—

даже самое дорогое сердцу своихъ соотечественниковъ (напр., народную легенду объ Орлеанской дѣвѣ) — подвергалъ безпощадному глумленію. Одновременно съ нимъ, другой, болѣе глубокій и болѣе сильный умъ, *Монтескье* (род. 1689 г., ум. 1755 г.) обращалъ все свое вниманіе на изученіе общественныхъ порядковъ и государственнаго строя человѣческихъ обществъ. Въ своей классической книгѣ, „*Духъ Законовъ*", Монтескьё разобралъ критически всѣ многоразличныя формы правленія и впервые указалъ на государственный строй Англіи, какъ на образцовый. Вслѣдъ за этими двумя передовыми дѣятелями, выступили на то же поприще два талантливыхъ ученыхъ и литератора—*Дидро* (р. 1713 г., ум. 1784 года) и *Даламберъ* (р. 1717 г., ум. 1783 г.), — которые, далѣе и далѣе развивая идею англійскихъ философовъ о „религіи разума", низвели ее до полнаго отрицанія божественнаго начала въ природѣ, а упрощая сущность нравственной философіи, дошли до самаго ограниченнаго и узкаго матерьялизма. При такомъ взглядѣ на человѣка и его назначеніе, на природу и дѣйствительность, все представлялось каждому чрезвычайно яснымъ и понятнымъ: все — доступнымъ уму и достижимымъ волѣ человѣка, которому вовсе не приходилось заботиться о своемъ нравственномъ совершенствованіи и о своей душѣ, а только о пріобрѣтеніи возможно большаго количества свѣдѣній для развитія ума и о матеріальномъ благосостояніи въ этой, земной жизни, которою будто-бы все для человѣка оканчивалось. Дидро изложилъ свои воззрѣнія въ цѣломъ рядѣ сочиненій, надѣлавшихъ много шума; а затѣмъ затѣялъ издавать, вмѣстѣ съ Даламберомъ, „*Энциклопедію или объяснительный лексиконъ Наукъ, Искусствъ и Ремеслъ*" (первые томы вышли въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка), черезъ которую, главнымъ образомъ, они и думали, упрощая и выясняя свои идеи, распространить ихъ въ массѣ и способствовать проведенію ихъ въ жизнь. Давая всему новыя истолкованія и все стараясь примѣнить къ своимъ воззрѣніямъ, авторы „Энциклопедіи", конечно, относились съ самою строгою критикою къ тому, что съ ихъ воззрѣніями не согласовалось, и не признавали никакихъ авторитетовъ, всюду выискивая поводы къ сомнѣнію и порицанію. Отъ заглавія своего изданія Дидро и Даламберъ, точно такъ же, какъ и ихъ сотрудники по „Энциклопедіи", и ихъ многочисленные послѣдователи, получили названіе *энциклопедистовъ*. Многіе изъ нихъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, додумывались до возможности проповѣдывать величайшія крайности; одни (Ляметри) утверждали, что настоящее счастье человѣка можетъ быть основано только на удовлетвореніи чувственныхъ ощущеній; другіе (Морелли, въ своей книгѣ „Code de la Nature"—*Уставъ природы*) мечтали въ будущемъ объ установленіи строя новой жизни, въ которой не было бы соб-

ственности, такъ какъ всѣ имущества должны были принадлежать всѣмъ, всѣ должны въ равной степени трудиться на общую пользу, получать общественное воспитаніе и пользоваться всѣми правами самаго широкаго равенства.

Ж. Ж. Руссо. Эти соблазнительныя идеи такъ бы, вѣроятно, и остались не болѣе какъ увлекательною проповѣдью, если бы, къ сожалѣнію, на крайнемъ Западѣ Европы не нашлась (именно во Франціи) такая почва, на которой подобныя идеи должны были упасть роковыми сѣменами и возрасти впослѣдствіи страшною, бѣдственною жатвою. Франція, въ теченіе двухъ вѣковъ являвшаяся во главѣ европейской политики и просвѣщенія, законодательница роскоши и моды, школа изящества и общественности — въ сущности, переживала въ XVIII вѣкѣ весьма бѣдственный періодъ своего историческаго существованія. Безумная роскошь и страшная распущенность нравовъ преобладали въ высшихъ классахъ и въ духовенствѣ, которое нисколько не заботилось о просвѣщеніи народа, и, напротивъ, развивало въ немъ предразсудки и суевѣріе; народъ находился въ положеніи бѣдственномъ, подавленный непосильными налогами, казенными монополіями и всевозможными привилегіями дворянства; финансы были жестоко потрясены, а значительно ослабленная королевская власть была близка къ такому кризису, котораго никто не предвидѣлъ и не ожидалъ... Всѣмъ жилось тяжело и дурно; всякій жаждалъ перемѣны, исхода, поворота къ лучшему будущему, потому что настоящее было невыносимо-тягостно. Понятно, что при такихъ условіяхъ, проповѣдь энциклопедистовъ и язвительная сатира Вольтера, разбивавшая, одинъ за другимъ, всѣ старые кумиры — должны были дѣйствовать на умы потрясающимъ образомъ. А тутъ явился еще одинъ новый и сильный мыслитель, который сумѣлъ иначе приступить къ той же разрушительной работѣ. То былъ знаменитый *Жанъ-Жакъ-Руссо*, который, не увлекаясь идеями энциклопедистовъ, сумѣлъ найти болѣе короткій, болѣе простой, болѣе прямой путь къ намѣченной имъ цѣли. Тѣ видѣли спасеніе человѣчества въ усиленіи средствъ къ образованію, въ распространеніи просвѣщенія въ массѣ народа, въ возможномъ расширеніи границъ человѣческаго разума и просвѣтленіи его знаніями:—Руссо отвергъ это воззрѣніе, какъ заблужденіе. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій, написанномъ въ отвѣтъ на тему, заданную Дижонской Академіей („Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ исправленію нравовъ?"), отвѣчалъ своимъ знаменитымъ панегирикомъ дикому состоянію человѣчества, когда оно было грубо, невѣжественно, но не испорчено; при этомъ онъ съ увлекательною убѣдительностью доказывалъ вредъ цивилизаціи и указывалъ на необходимость возвра-

Екатерина въ первой половинѣ царствованія.

титься къ простотѣ и естественности первоначальныхъ человѣческихъ обществъ. Отвѣтъ молодого мыслителя на академическую тэму былъ блестящимъ парадоксомъ, который обратилъ на себя общее вниманіе своею оригинальностью, и, вѣроятно, былъ бы вскорѣ забытъ всѣми, если бы Руссо не выступилъ съ новыми трудами въ томъ же направленіи, и на этотъ разъ произведенія его были настолько серьезны по тѣмъ вопросамъ, которые въ нихъ были подняты, что имя Руссо пріобрѣло популярность и стало знаменемъ цѣлой школы его сторонниковъ. Этими послѣдующими произведеніями Руссо были его трактаты *„О причинахъ неравенства между людьми“* и *„Общественный договоръ“* (Contrat social). Въ первомъ изъ этихъ двухъ сочиненій онъ именно указываетъ, что главная причина неравенства между людьми есть неравенство развитія, которое дается образованіемъ; а такъ какъ неравенство есть зло и приводитъ къ множеству всякаго рода злоупотребленій, то и причина всего этого -образованіе—есть уже величайшее зло и излишняя роскошь. Чтобы избѣгнуть этого зла, Руссо предлагалъ пересоздать всю систему воспитанія юношества, и основать его на началахъ свободы, простоты и естественности отношеній. На началахъ этого новаго воспитанія, Руссо мечталъ о возможности создать новую породу людей, совершенно свободную отъ всякихъ вкоренившихся между нами пороковъ, предразсудковъ и суевѣрій. Въ другомъ своемъ сочиненіи (Contrat social), Руссо, на основаніи тѣхъ же идей, приходитъ къ новому воззрѣнію на государственный строй и предлагаетъ его видоизмѣнить на основаніи естественнаго права массы къ преобладанію надъ меньшинствомъ; всѣ междулюдскія отношенія онъ предполагалъ устроить заново, на основаніи высокихъ принциповъ полнаго равенства, и первый произнесъ страшное, по условіямъ того времени и общественному строю, слово о *верховенствѣ народа*... Въ заключеніе своей пропаганды, Руссо изложилъ всѣ свои идеи въ популярной и всѣмъ доступной формѣ двухъ романовъ: *„Новая Элоиза“* и *„Эмиль“*. Мы знаемъ, какъ воздѣйствовала эта пропаганда на умы современниковъ во Франціи, знаемъ, какъ она была принята и истолкована, и къ какимъ результатамъ привела въ концѣ XVIII вѣка; но объ этомъ намъ еще придется говорить въ послѣдующихъ главахъ настоящаго періода. Здѣсь же, послѣ этого бѣглаго обзора идей, широко распространенныхъ въ современномъ обществѣ и неизбѣжно занесенныхъ также и къ намъ въ Россію, мы должны указать на отношеніе къ нимъ Екатерины и важнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей ея времени.

Екатерина II. Екатерина II принадлежала, въ свое время, не только къ образованнѣйшимъ женщинамъ въ Россіи, но и въ Европѣ. Этимъ образованіемъ она была сама себѣ обязана, тѣмъ болѣе, что не

вынесла изъ своего домашняго воспитанія ничего, кромѣ того знанія французскаго языка, которое въ XVIII вѣкѣ было обязательнымъ при всѣхъ, даже и самыхъ мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ... Но, пріѣхавъ въ Россію въ 1744 г., пятнадцатилѣтней дѣвочкой, Екатерина, почти въ теченіе восемнадцати лѣтъ оставаясь въ положеніи великой княгини при блестящемъ Дворѣ Елисаветы, имѣла полную возможность заняться собою въ смыслѣ самообразованія—и эти долгіе годы протекли для нея не даромъ. Жадно и непрерывно читая и по многу разъ перечитывая любимыхъ своихъ авторовъ. Екатерина—въ эти годы своей первой молодости — поглотила все то, что было существеннаго, выдающагося по уму и таланту въ западно-европейской литературѣ; все, что можно было прочесть на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, тогда еще не богатомъ литературою оригинальною, но уже обладавшемъ значительною литературою переводною. Само собой разумѣется, что все, написанное „энциклопедистами" и ихъ главнымъ популяризаторомъ Вольтеромъ, было и прочтено, и вполнѣ усвоено тонкимъ и прекраснымъ умомъ Екатерины, и глубоко залегло въ ея сердцѣ, какъ прочная основа ея будущихъ дѣйствій. Особенно восторгалась она Вольтеровыми сочиненіями, которыя знала чуть не наизусть, и до страсти любила повторять, съ полнымъ убѣжденіемъ: „*Вольтеръ—это мой учитель*".

Но геніальный умъ Екатерины выразился именно въ томъ, что она не удовлетворилась выводами, почерпнутыми изъ западно-европейской образованности, что она не отнеслась къ своей второй родинѣ съ тѣмъ пренебреженіемъ, которое могло бы быть ей свойственно, какъ нѣмецкой принцессѣ того времени, воспитанной въ тѣсной рамкѣ небольшого нѣмецкаго княжества... Въ этомъ отношеніи, она составляла счастливую противоположность со своимъ супругомъ, для котораго интересы маленькаго Герцогства Голштинскаго постоянно оставались болѣе близкими сердцу, нежели интересы громадной Россіи; она, напротивъ того, съ любовью и усерднымъ вниманіемъ принялась за изученіе русскаго языка, за ближайшее ознакомленіе съ исторіею Россіи, съ бытомъ и нравами русскаго народа, которымъ ей, со временемъ, предстояло править. Ея успѣхи въ русскомъ языкѣ, который поручено было преподавать уже извѣстному намъ Адодурову, были такъ быстры и свидѣтельствовали о такомъ рвеніи ученицы, что императрица Елисавета нашла даже нужнымъ осадить это рвеніе... Екатеринѣ не удалось вполнѣ овладѣть русскимъ разговорнымъ и письменнымъ языкомъ настолько, чтобы тѣмъ и другимъ владѣть отлично и безъ ошибки; однакоже, она настолько узнала русскій языкъ, что прекрасно понимала всѣ его особенности, всѣ тонкости, и хотя въ разговорѣ и на письмѣ выражалась не совсѣмъ плавно

Самостоятельность Екатерины

и нерѣдко допускала ошибки и неправильные обороты, но духъ языка былъ ей настолько близокъ и понятенъ, что она любила употреблять (вполнѣ сознательно) самыя характерныя русскія выраженія и постоянно пересыпала свою разговорную и письменную рѣчь русскими пословицами, поговорками и присловьями, которыхъ знала множество. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что Екатерина перечитала, до восшествія своего на престолъ, все, что было въ предшествующемъ двадцатилѣтіи напечатано по-русски—все, что заключала въ себѣ „русскаго“ Академическая библіотека и Академическая книжная лавка: прямымъ доказательствомъ того служатъ постоянныя и оживленныя сношенія Екатерины съ библіотекаремъ Академіи, отъ котораго она требуетъ, въ своихъ записочкахъ, то ту, то другую книгу... И книгами она была окружена, книгами нѣкоторое время жила, и среди нихъ находила единственное утѣшеніе и наслажденіе въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ своей первой и весьма грустной молодости.

Идеи и дѣйствительность.

То, что она видѣла вокругъ себя, зорко наблюдая и чутко ко всему прислушиваясь, то, что она успѣвала подмѣтить изъ своихъ мимолетныхъ наблюденій и извлечь изъ сношеній съ людьми, близко поставленными къ ней при ея великокняжескомъ Дворѣ—все это доставляло ей о Россіи свѣдѣнія отрывочныя, неполныя, какъ о странѣ могущественной, необъятной, но еще темной, не просвѣщенной никакимъ свѣтомъ европейской цивилизаціи. Тѣмъ горячѣе, тѣмъ искреннѣе должна была она мечтать о возможности, со временемъ, примѣнить здѣсь—на этомъ необъятномъ просторѣ—тѣ новыя и гуманныя начала, которыя были выработаны для общечеловѣческаго совершенствованія ея друзьями—энциклопедистами... Само собою разумѣется, что молодому и неопытному уму впечатлительной женщины ученіе энциклопедистовъ было доступно только съ его казовыхъ, внѣшнихъ, привлекательныхъ сторонъ. Вѣротерпимость, свобода совѣсти, разумное пониманіе истинъ вѣры—вотъ что̀ хотѣлось бы ей видѣть въ области религіи при своемъ будущемъ царствованіи; разумныя и гуманныя начала власти, мягкія и справедливыя отношенія къ управляемому народу,—вотъ что̀ хотѣлось бы ей, тогда же, провести въ область жизни государственной; уничтоженіе всякихъ злоупотребленій власти, всякихъ несправедливостей суда, путемъ изданія въ свѣтъ новыхъ и болѣе совершенныхъ законовъ—вотъ что̀ она намѣревалась внести въ жизнь народную... Она мечтала даже о возможности избавить низшіе слои народа отъ тяжкаго ярма, которое на нихъ тяготѣло, и уравнять отношеніе сословій на болѣе справедливыхъ основаніяхъ нравственныхъ. Вотъ, что она вычитала изъ проповѣди энциклопедистовъ, увлекаясь ихъ теоріями и не помышляя о томъ, во что обратятся эти золотые сны при столкновеніи съ грубой

И

уголовног

1) буде кто зар
~~вопреки извест~~
2) буде кто был
~~кто~~

1 буде кто зар
~~[illegible]~~ вводить
дом или вил
болезни
2) буде кто в
ные ~~вводить~~
свенной и ~~[illegible]~~ чумою зар

3.) буде кто пр
сухим путем
с умыслу об
Карантинно
4.) буде кто пр
товарами пр

Екатерина во второй половинѣ царствованія.

дѣйствительностью и съ темной массой народа, коснѣвшей въ глубокомъ невѣжествѣ.

Екатерина и Бецкій.

Съ такими идеями, въ началѣ своего царствованія, Екатерина приступила къ обширному плану преобразованія нашихъ учебныхъ заведеній въ учебно-воспитательныя и къ учрежденію новыхъ воспитательныхъ заведеній. Уже въ 1763 г. она назначила *Ивана Ивановича Бецкаго*—лично ей извѣстнаго и пользовавшагося ея большимъ уваженіемъ—президентомъ ново-учрежденной Академіи Художествъ и директоромъ Кадетскаго Корпуса. При этомъ она поручила ему устроить и тутъ, и тамъ воспитательныя заведенія, строго сообразованныя съ новыми просвѣтительными началами [1]). Затѣмъ Екатерина съ увлеченіемъ занялась выполненіемъ задуманнаго ею плана, при помощи котораго она хотѣла поднять уровень женскаго образованія въ Россіи и черезъ женщинъ-матерей воздѣйствовать на будущее поколѣніе русскихъ людей. Въ этихъ видахъ, въ 1764 г. въ С.-Петербургѣ, было основано, при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, первое въ Россіи воспитательное заведеніе для дѣвицъ высшихъ сословій; а въ слѣдующемъ году, тамъ же—подобное же заведеніе для дѣвицъ мѣщанскаго сословія. Такое же заведеніе, Екатерининское, было открыто и въ Москвѣ, въ 1764 г. Всѣ эти училища были закрытыя, и главная, основная идея воспитанія въ нихъ заключалась именно въ томъ, чтобы воспитать „новое поколѣніе", уединивъ его отъ условій, въ которыя оно было поставлено рожденіемъ и бытомъ, и оградивъ отъ вредныхъ вліяній. Тѣ же идеи „воздѣйствія чрезъ воспитаніе" положены были и въ основу тѣхъ „воспитательныхъ домовъ для приносныхъ младенцевъ", которые были не только благотворительными заведеніями, но и разсадниками будущихъ „честныхъ и полезныхъ гражданъ", такъ какъ „монархиня (такъ значилось въ офиціальномъ докладѣ) предпріяла самые пороки премѣнить въ источникъ добродѣтели".

Дальнѣйшее развитіе плана высшихъ учебныхъ зеведеній [2]), по разнымъ причинамъ, Екатеринѣ не удалось осуществить, и только уже значительно позднѣе, въ 1773—1775 г., она внесла еще одинъ, весьма существенный вкладъ въ русское просвѣщеніе, утвердивъ планъ „Коммиссіи для народныхъ училищъ", которая выработала ихъ устройство, озаботилась даже изготовленіемъ необходимыхъ учебниковъ и способствовала тому, что въ 80-хъ годахъ, въ важнѣйшихъ губернскихъ городахъ, явились „высшія народныя школы" и „нижнія народныя школы". Послѣднія болѣе всего подходили по типу къ нынѣшнимъ школамъ грамоты, а

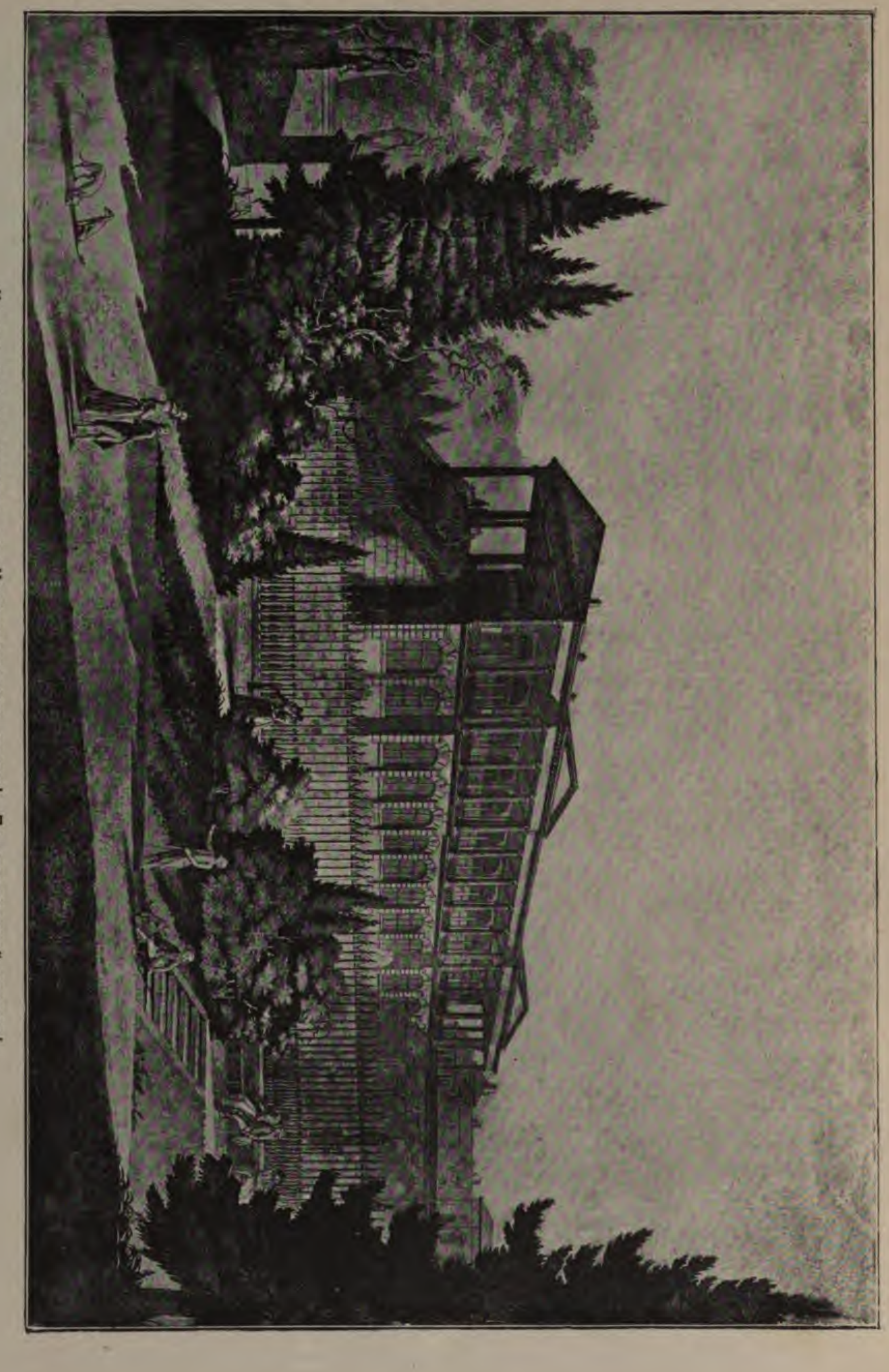
[1]) Первое открыто въ 1764 г.; а второе—въ 1766 г.

[2]) Изъ высшихъ учебныхъ заведеній открыты при Екатеринѣ только Академія Художествъ—1744, Коммерческое училище—1772, Горное училище—въ 1773 г.

И. И. Бецкій, по рисунку Ходовецкаго.

первыя—къ бывшимъ уѣзднымъ училищамъ: хотя и тѣ, и другія были училищами „городскими", но они назывались „народными", потому что были учреждены для всего народа, безъ различія званій или происхожденія. Отголосокъ тѣхъ же убѣжденій и тѣхъ же ученій, съ которыми Екатерина вступала на престолъ, звучитъ и въ заявленіи училищной Комиссіи, по поводу открытія этихъ училищъ: „Государство обязано доставить каждому, безъ изъятія, гражданину воспитаніе; ибо отечество обязываетъ къ себѣ благодарностью своихъ сыновъ черезъ воспитаніе... Отъ добраго воспитанія и руководства еще съ молодыхъ лѣтъ жизнь каждаго гражданина, всѣ его склонности и дѣла, все вѣчное и временное благополучіе зависитъ".

Въ данномъ случаѣ, мы встрѣчаемся уже съ явленіемъ совершенно новымъ и не имѣющимъ ничего общаго съ предшествующею эпохою. Въ особенности, по сравненію съ первыми учебными заведеніями, которыя вводились въ Россіи Петромъ, новыя учебныя заведенія, введенныя Екатериною, являются рѣзкою противуположностью. Петръ спѣшилъ подготовить только работниковъ для настоящаго и, не заглядывая въ далекое будущее, руководился только потребностями дѣйствительности. Цѣль всѣхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Петромъ, заключалась въ томъ, чтобы ***научить***, доставить возможность пріобрѣсти извѣстное умѣнье, дѣловую или техническую подготовку... Екатерина уже не довольствовалась этимъ, и задавалась иною, высшею цѣлью: она стремилась ***не только научить, но и воспитать***. Петру нужны были отъ школы ***работники***, которыхъ онъ тотчасъ же могъ бы поставить на опре- **Значеніе воспитанія.**



Камероновская галлерея при Царскосельскомъ дворцѣ. По современной гравюрѣ.

дѣленное дѣло; Екатерина ожидала отъ школы *„добрыхъ и прямыхъ гражданъ...“* Она самымъ яснымъ и подробнымъ образомъ высказываетъ полную программу того воспитанія, которое желаетъ

Императрица Екатерина (на Камероновской галлереѣ) въ послѣдніе годы царствованія.

внести въ Россію, и такъ излагаетъ ее въ своемъ „Наказѣ“: „Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердца ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ, воз-

буждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству... отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ."

Наказъ. Вообще говоря, этотъ „Наказъ" Коммиссіи, учрежденной въ 1766 г. для сочиненія проекта Новаго Уложенія, есть самое полное и самое искреннее изложеніе тѣхъ внутреннихъ, излюбленныхъ убѣжденій и воззрѣній Екатерины, съ которыми она приступала къ трудному дѣлу царствованія надъ многомилліоннымъ государствомъ. Это ея — profession de foi. Она сама вѣритъ, несомнѣнно, въ то, что̀ заявляетъ въ своемъ манифестѣ, по созывѣ депутатовъ въ комисcію (11 декабря 1766 г.): „Наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться..." Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это „счастіе и довольствіе", несомнѣнно, казались ей, въ моментъ написанія этого манифеста, гораздо болѣе „возможными и близкими", нежели они были на самомъ дѣлѣ. И едва ли когда-нибудь прекраснѣйшія теоріи отдѣлялись отъ практической дѣйствительности такою широкою и глубокою пропастью, какъ въ данномъ случаѣ. И дѣйствительно, умнѣйшая и образованнѣйшая женщина своего времени работала два или три года надъ составленіемъ этого „Наказа", руководствуясь сочиненіями такихъ авторитетовъ въ наукѣ права и воспитанія, какъ Локкъ, Монтескьё и Беккарія, создала гуманнѣйшій и прекраснѣйшій планъ, по которому собранные со всего государства депутаты должны были создать новое Уложеніе и осчастливить имъ народъ, страдавшій подъ гнетомъ непомѣрно-суровыхъ законовъ. Планъ, въ которомъ, сообразно съ убѣжденіями просвѣщеннѣйшихъ людей Европы, внушалось гражданамъ, что „равенство состоитъ въ подчиненіи тѣмъ же законамъ" и „общественная вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ"; планъ, въ которомъ пытка отвергалась, какъ противная здравому человѣческому разсужденію, и будущимъ законодателямъ предлагалось „послѣдовать природѣ, давшей человѣку стыдъ, вмѣсто бича" и помнить, что высшимъ наказаніемъ должно считать „безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся".

И такой чудный планъ, такая золотая греза молодого и горячаго ума разбилась въ прахъ отъ столкновенія съ грубою дѣйствительностью.

Крестьянскій вопросъ.

Работая надъ изготовленіемъ „Наказа", Екатерина долгое время скрывала свою работу; потомъ, чтобы провѣрить себя, рѣшилась ее показывать, подъ покровомъ великой тайны, нѣкоторымъ изъ приближенныхъ лицъ, и, между прочимъ, удостоила этой чести А. П. Сумарокова, который былъ такъ горячо и глубоко ей преданъ—такъ безпредѣльно проникнутъ уваженіемъ къ ней и ея дѣяніямъ. Его, какъ и всѣхъ другихъ, удостоенныхъ довѣренности государыни, болѣе всего возмутила мысль о возможности освобожденія крестьянъ или даже о какомъ бы то ни было приравненіи ихъ въ правахъ съ остальными сословіями. По его мнѣнію—„сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными—нельзя", дабы не оставить дворянъ „безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ" [1]). Отъ освобожденія крестьянъ Сумароковъ ожидалъ только страшнаго бунта, на усмиреніе котораго потребовались бы „многіе полки"; притомъ еще онъ указывалъ (какъ на главное препятствіе къ улучшенію участи крестьянъ) на то, что „нашъ низшій народъ никакихъ благородныхъ чувствъ не имѣетъ". И напрасно пыталась съ нимъ спорить Екатерина, напрасно доказывала, что народъ „въ нынѣшнемъ состояніи ихъ и имѣть не можетъ", что нужно облегчить его долю, что нужно просвѣтить его... Сумароковъ стоялъ на своемъ; а за нимъ и многіе, многіе другіе — а за ними большинство членовъ созванной Комиссіи... И Екатерина, скрѣпя сердце, „зачеркнула, сожгла и разорвала" болѣе половины написаннаго ею „Наказа", и только остальная часть его вышла въ свѣтъ, да и то для того, чтобы остаться мертвою буквой, потому что Комиссія, созванная для составленія Проекта Новаго Уложенія, черезъ нѣсколько времени была распущена и проектъ будущаго кодекса остался не дописаннымъ.

Но неужели же, дѣйствительно, „всуе труждался зиждущій"? Неужели долгій, излюбленный, широко-задуманный трудъ пропалъ напрасно? Нѣтъ. Онъ остался прочной основой всей умственной и нравственной дѣятельности Екатерины, и духъ „Наказа" проявился подъ разными видами и формами во всѣхъ ея разно-

---

[1]) Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ тѣми, которые ставятъ Сумарокову въ укоръ эти его мнѣнія и обвиняютъ его въ противорѣчіи, сравнивая эти мнѣнія съ его журнальными статьями, въ которыхъ онъ ратовалъ противъ дурныхъ помѣщиковъ... Мы тутъ не видимъ противорѣчія: онъ порицалъ дурныхъ помѣщиковъ, но предполагалъ, что хорошіе помѣщики крестьянамъ необходимы, и не могъ себѣ представить иной формы отношеній между дворянскимъ и крестьянскимъ сословіями... Многіе, еще въ очень недавнее время, держались того же заблужденія.

Титульный листъ весьма рѣдкаго изданія Екатерининскаго времени, подъ заглавіемъ: «Россійскій Апофегматъ». По экземпляру, принадлежащему Императорской Публичной Библіотекѣ.

Безчестие законами налагаемое должно быть тоже самое, которое происходитъ изъ всесвѣтнаго нравоученія.

Безчестіе и посмѣяніе суть одни наказанія кои употреблять должно противу притворно вдохновенныхъ и лжесвятошь, ибо сіе гордость ихъ притупити могутъ

По елику наказанія станутъ кротчае умѣреннѣе, милосердие и прощение тѣмъ меньше будетъ нужно, ибо сами Законы тогда духомъ милосердія наполненны.

Во всемъ, сколь ни пространно государствѣ не надлежитъ быть никакому мѣсту, которое бы отъ законовъ не зависѣло

Хотите ли предупредить преступленія. Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину.

Страничка текста «Россійскаго Апофегмата».

Примѣчаніе. Текстъ состоитъ изъ нравственныхъ правилъ и нравоучительныхъ сентенцій. Любопытно сравнить его съ приведенной выше страничкой изъ «Юности честное зерцало», чтобы наглядно убѣдиться, какъ быстро двинулось русское общество впередъ со временъ Петра.

образныхъ сочиненіяхъ: комедіяхъ, сатирическихъ статьяхъ, нравоучительныхъ повѣстяхъ и сказкахъ, педагогическихъ планахъ и „историческихъ представленіяхъ". „Наказъ" не привелъ къ предназначенной цѣли, но онъ, помимо воли самой Екатерины, сдѣлался кодексомъ для всѣхъ лучшихъ дѣятелей ея времени, явился основою ихъ морали, явился источникомъ, изъ котораго они почерпали свои лучшія вдохновенія, свои назиданія, свои нравственные выводы. И всѣ эти дѣятели, въ равной степени, явились, въ своихъ произведеніяхъ, горячими сторонниками того просвѣщенія, на которое „Наказъ" указывалъ какъ на спасеніе отъ всѣхъ бѣдствій [1]), какъ на основу возможнаго на землѣ благополучія. И между тѣмъ, какъ первѣйшіе ученые предшествующей эпохи считаютъ долгомъ своимъ защищать науки отъ всякаго рода навѣтовъ и отъ нападковъ невѣжества,—литераторы и ученые Екатерининскаго времени свободно и спокойно предаются своимъ занятіямъ, съ гордостью указывая на государыню, которая сама не выпускаетъ пера изъ рукъ, сама постоянно роется въ книгахъ и умѣетъ пользоваться литературой и журналистикой, какъ мощнымъ орудіемъ для проведенія новыхъ и здравыхъ идей въ общество.

Новое значеніе литературы.

Сообразно съ этими условіями, въ значительной степени мѣняется и самый типъ поэта — писателя и журналиста въ Екатерининскую эпоху. И журналистика, и литература уже не нуждаются въ казенной поддержкѣ для своего существованія, а являются удовлетвореніемъ ясно высказываемыхъ обществомъ потребностей умственной жизни. Взглядъ на литературу и на поэзію, какъ на занятія, пригодныя только для досуга — совершенно отживаетъ свой вѣкъ; и въ поэтѣ, и въ писателѣ проявляется сознательное отношеніе къ своей дѣятельности, къ своему назначенію. Ни тотъ, ни другой не являются уже простыми ремесленниками, простыми „мастерами пера", которымъ можно приказать, чтобы они къ сроку сочинили трагедію или выполнили иной литературный заказъ. Поэтъ, писатель и журналистъ уже знаютъ себѣ цѣну и имѣютъ полную возможность оградить свое достоинство. Наконецъ, и смѣшанный типъ поэта-ученаго—профессора и академика, пишущаго торжественныя оды и похвальныя слова—исчезаетъ также безслѣдно. Писатель, поэтъ, журналистъ—окончательно обособляются отъ ученаго, и каждый изъ нихъ свободно и спокойно пролагаетъ свой путь, не вступая въ безплодные споры о преимуществѣ науки передъ „бѣднымъ риѳмичествомъ", ни о достоинствѣ „піитическаго паренія" передъ трудами ученаго.

---

[1]) «Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялось между людьми»—такъ гласитъ § 244 «Наказа».

Наконецъ, и подавляющее преобладаніе ложно-классической школы въ вѣкъ Екатерины начинаетъ замѣтно слабѣть въ произведеніяхъ нѣкоторой части нашихъ писателей, среди которой болѣе и болѣе проявляется направленіе національно-русское, начинаетъ преобладать стремленіе къ изученію Россіи съ разныхъ сторонъ, и впервые являются типы, характеры и черты быта, заимствованные авторами изъ живой дѣйствительности, а не списанные съ иностранныхъ образцовъ. Подъ покровительствомъ и обаяніемъ „Сѣверкой Семирамиды“ возникаетъ литература въ томъ именно видѣ, въ какомъ она можетъ и должна служить отраженіемъ умственной жизни общества и выразительницею его лучшихъ стремленій.

«Ex libris» собственной библіотеки императрицы Екатерины.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Представители ложно-классическаго направленія въ Екатерининскую эпоху.—М. М. Херасковъ и Я. Б. Княжнинъ.—Эпическія поэмы Херсакова и ихъ отличительныя черты.—Слѣпое преклоненіе передъ теоріей.—Трагедіи и другія драматическія произведенія Княжнина.

Новыя идеи Запада, уже задолго до воцаренія Екатерины проникавшія въ Россію и окончательно усвоенныя Россіею ея „Наказомъ", еще не скоро укоренились на нашей литературной почвѣ, не скоро проявились въ видѣ новаго направленія, и литература еще долго должна была держаться прочно-усвоеннаго ею ложно-классическаго направленія. Вообще говоря, развитіе литературы въ каждомъ молодомъ обществѣ совершается очень медленно и постепенно; тихо и незамѣтно подрастаютъ въ немъ новыя поколѣнія писателей, среди общаго, непрерывнаго жизненнаго движенія и обмѣна; и въ то время, когда эти новые дѣятели-литераторы выступаютъ на литературное поприще съ новыми взглядами, новыми идеями и вкусами — рядомъ съ ними, на томъ же самомъ поприщѣ, еще долго держатся и дѣйствуютъ давно устарѣвшіе и отжившіе маститые и почетные представители предшествующей эпохи, и долго еще остаются вѣрны давно отжившимъ литературнымъ традиціямъ.

Такъ было во всѣ времена—такъ было и въ вѣкъ Екатерины. Въ то самое время, когда вдохновенный пѣвецъ Екатерины, восторженный и талантливый Державинъ, создавалъ свою богатую и яркую лирику; въ то время, когда Фонвизинъ и цѣлая плеяда молодыхъ драматурговъ выводили на сцену новые типы, почерпнутые прямо изъ наблюденія надъ русскою дѣйствительностью; въ то время, когда, по примѣру и съ легкой руки самой Екатерины, цѣлый рой сатирическихъ журналовъ дерзалъ впервые высказывать порицанія современному общественному строю — Сумароковъ доживалъ свой вѣкъ и заканчивалъ свое литературное поприще, а Херасковъ и Княжнинъ, въ цвѣтѣ силъ и возраста, продолжали идти тою же избитой тропой псевдо-классицизма, создавая свои громадныя, объемистыя и тяжелыя произведенія эпическія и драматическія по всѣмъ правиламъ теоріи Буало и Баттё.

Хераскова мы уже видѣли выше издателемъ литературнаго журнала въ Москвѣ, гдѣ его домъ былъ излюбленнымъ и виднымъ литературнымъ центромъ; въ настоящей главѣ намъ придется ближе ознакомиться съ нимъ и съ его литературною дѣятельностью. Біографія его не блистаетъ разнообразіемъ и обиліемъ фактовъ; но онъ самъ, по всему складу своего характера, представляетъ собою типъ оригинальный и заслуживающій почтитель-

наго вниманія. Это былъ типъ одного изъ тѣхъ меценатовъ-руководителей, которые, въ прошломъ вѣкѣ, въ значительной степени способствовали развитію въ обществѣ пристрастія къ литературѣ и успѣху первыхъ журнальныхъ предпріятій. Около такихъ-то меценатовъ-руководителей собирались наши первые литературные кружки; подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ возрастали и выступали на литературное поприще молодые писатели.

Апоѳеозъ Екатерины Великой, по современной гравюрѣ.

Біографія Хераскова.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (род. 1733 г., ум. 1807 г.) происходилъ изъ рода волошскихъ бояръ Хереско. Отецъ его М. А. Херасковъ переселился въ Россію при Петрѣ Великомъ, быть-можетъ, также послѣ Прутскаго похода, какъ и отецъ Кантемира. Ему удалось жениться на княжнѣ Аннѣ Друцкой, которая, послѣ смерти этого перваго мужа, вышла замужъ за князя Н. Ю. Трубецкого, и черезъ него-то Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ породнился съ цѣлымъ рядомъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій: съ Салтыковыми, Румянцевыми-Задунайскими, Нарышкиными, Вяземскими и Черкасскими [1]). Воспитаніе и первоначальное образованіе Херасковъ получилъ въ Сухопутномъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, и здѣсь, повидимому, развился уже въ немъ вкусъ къ занятіямъ литературнымъ. Послѣ весьма краткаго пребыванія на военной службѣ (въ Ингерманландскомъ полку), Херасковъ перешелъ въ гражданскую, и тотчасъ по учрежденіи Московскаго университета былъ зачисленъ въ штатъ служащихъ при этомъ новомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Здѣсь прослужилъ онъ до 1770 г., а затѣмъ, послѣ небольшого перерыва, проведеннаго отчасти на службѣ въ Петербургѣ, Херасковъ, въ 1778 году, былъ назначенъ однимъ изъ кураторовъ Московскаго университета и въ этой весьма почетной должности оставался до 1802 г., т. е. до преобразованія Московскаго университета, вызваннаго учрежденіемъ особаго Министерства народнаго просвѣщенія.

Журнальная дѣятельность.

Еще въ началѣ своей службы при университетѣ Херасковъ (какъ мы видѣли выше) уже издавалъ журналъ „*Полезное Увеселеніе*“ (1760—1762 гг.), а затѣмъ „*Свободные Часы*“ (1763 года). Оба эти журнала главнымъ образомъ наполнялись стихотвореніями и иными произведеніями самого Хераскова и его супруги „того времени стихотворицы“; сверхъ того, въ нихъ принимали участіе и студенты, члены того небольшого кружка молодежи, который собирался въ домѣ Херасковыхъ: братья Фонвизины, Домашневъ, Булгаковъ, И. С. Потемкинъ и Санковскій. Есть основаніе думать, что Херасковъ принималъ главнѣйшее участіе (можетъ-быть, даже руководилъ изданіемъ) въ двухъ другихъ около того же времени издававшихся журналахъ: „*Невинное Упражненіе*“ Богдановича и „*Доброе Намѣреніе*“ Санковскаго. Впослѣдствіи, въ особенности во время кураторства Хераскова, богатый и степенный домъ его въ Москвѣ сдѣлался центромъ, около котораго вращалось все московское литературное общество. Въ домѣ Хе-

[1]) Упоминаемъ объ этомъ потому, что родственныя связи среди знати сильно повліяли на служебную карьеру Хераскова и рано уже дали ему прекрасное общественное положеніе. Тѣ же связи, въ самый разгаръ гоненія на масоновъ, спасли Хераскова отъ гнѣва Екатерины.

раскова, кромѣ образованнѣйшихъ представителей современной знати, можно было встрѣтить и В. И. Майкова, и И. П. Елагина, и Д. И. Фонвизина, И. П. Тургенева, И. Ф. Богдановича, Г. Р. Державина (съ которымъ М. М. Херасковъ до конца жизни поддерживалъ дружескую переписку), и начинающихъ литераторовъ: Мерзлякова, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитріева. Благодаря своему серьезному, спокойному и крайне благодушному характеру, Херасковъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ партій и къ нему весьма охотно шли на судъ всѣ молодые и старые писатели и несли ему все, что выходило изъ-подъ ихъ пера. Онъ никого никогда не хулилъ и не хвалилъ, но всѣхъ поощрялъ къ занятіямъ литературнымъ, и всѣ очень высоко цѣнили его мнѣніемъ и отзывомъ.

Херасковъ кураторъ.

Въ бытность свою кураторомъ Московскаго университета, Херасковъ много способствовалъ воспитанію въ немъ юношества своею нѣжною заботливостью о немъ. Въ первый же годъ его кураторства (15 декабря 1778 г.) объявлено было объ учрежденіи при университетѣ *Вольнаго Благороднаго Пансіона*, а въ слѣдующемъ году, это лучшее изъ воспитательныхъ заведеній въ Россіи конца XVIII в. было открыто. Въ томъ же году, при помощи І. Г. Шварца, одного изъ талантливѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета, Херасковъ учредилъ при университетѣ учительскую семинарію (1779 г.), произвелъ различныя важныя перемѣны и улучшенія въ университетской гимназіи (1780 г.), а въ слѣдующемъ году открылъ „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, и все подготовилъ къ открытію въ ближайшемъ будущемъ такъ-называемаго „*Дружескаго Ученаго Общества*“ [1]).

Херасковъ, около полувѣка трудившійся весьма усердно на литературномъ поприщѣ, не былъ поэтомъ въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ теперь, а скорѣе только плодовитымъ и усерднымъ стихотворцемъ. Огромная масса оставленныхъ имъ произведеній свидѣтельствуетъ именно, что у него было болѣе любви и усердія къ литературному творчеству, нежели таланта. Дѣйствительно, въ теченіе почти полувѣковой дѣятельности, Херасковъ успѣлъ испробовать свое перо во всѣхъ литературныхъ родахъ: писалъ трагедіи, драмы слезныя, драмы съ пѣснями, оды анакреонтическія и оды торжественныя, повѣсти поучительныя и повѣсти сентиментальныя, поэмы описательныя и героическія—и не произвелъ ничего, хотя сколько-нибудь выдающагося,

---

[1]) Оно было открыто 6 ноября 1782 г., вмѣстѣ съ «Переводческою Семинаріею» при немъ. Изъ этого общества возникла впослѣдствіи (1784 г.) знаменитая «Типографическая компанія», о которой намъ придется говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

ничего такого, что могло бы сохранить хотя относительное значеніе и достоинство и для послѣдующихъ поколѣній. Но за то, едва ли не болѣе всѣхъ русскихъ писателей прошлаго вѣка, Херасковъ можетъ служить самымъ полнымъ и самымъ вѣрнымъ представителемъ ложно-классическаго направленія, насколько оно могло проявиться въ нашей поэзіи лирической, драматической и эпической. Главнымъ образомъ прославился Херасковъ, въ глазахъ современниковъ, именно эпическими своими произведеніями—поэмами „*Россіяда*“ и „*Владиміръ*“—упрочившими за авторомъ прозваніе „*Россійскаго Гомера*“, одинъ изъ тѣхъ Парнасскихъ титуловъ, на которые невзыскательная русская критика XVIII вѣка была такъ щедра [1]).

«Россіяда» Хераскова. Ни „Россіяда“, ни „Владиміръ“ не были первыми произведеніями Хераскова [2]). Но они затмили собою всѣ остальныя, потому что представляли собою первые сносные образцы эпическаго рода на нашей литературной почвѣ. „Россіяда“, вышедшая въ свѣтъ въ 1779 г., была начата авторомъ еще въ 1771 г. и писалась, слѣдовательно, цѣлыхъ восемь лѣтъ. Эта огромная эпопея, въ 12-ти объемистыхъ пѣсняхъ, воспѣваетъ взятіе Казани Іоанномъ Грознымъ. Въ предисловіи къ своему творенію, авторъ старается оправдать выборъ своего сюжета, такъ какъ эпическая поэма (по правиламъ современной ложно-классической теоріи) должна была заключать въ себѣ какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе, въ бытіяхъ міра случившееся и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну, относящуюся до всего человѣческаго рода. На основаніи такого воззрѣнія и Херасковъ старается, по возможности, возвысить значеніе историческаго факта, избраннаго имъ въ основу поэмы: „Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства“ — говоритъ Херасковъ, —„я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего Россійскаго воинства, и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но цѣлому отечеству: почему сіе твореніе и *Россіядой* названо... Важно ли сіе приключеніе въ Россійской Исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее состояніе Россіи, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи... а моя поэма сіе оправдать обязана“. Ближайшее знакомство съ поэмою убѣждаетъ насъ въ томъ, что историческія свѣ-

---

[1]) Впрочемъ, обѣ эти поэмы, даже и въ глазахъ Державина, и И. И. Дмитріева представлялись «твореніями безсмертными», неподлежащими забвенію въ потомствѣ.

[2]) Занятіе литературою Херасковъ началъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» Мюллера. Первымъ крупнымъ произведеніемъ его была небольшая дидактическая поэма «Плоды наукъ», написанная въ 1757 г.; а черезъ годъ послѣ того «Венеціанская монахиня»—драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

М. М. Херасковъ по современному портрету.

денія Хераскова крайне сбивчивы и что онъ, въ своемъ понятіи о личности Іоанна Грознаго и объ его эпохѣ, недалеко ушелъ отъ „Синопсиса“ Гизеля. Вѣроятно, отчасти и самъ это сознавая, а отчасти и желая оправдать свободу творчества, допущенную имъ при разработкѣ эпопеи (опять-таки на основаніи точныхъ правилъ ложно-классической теоріи), Херасковъ даетъ намъ отъ себя весьма любопытныя указанія относительно способа разработки историческаго сюжета въ „Россіядѣ“:

„Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я по исторической истинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ: присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани... Но да памятуютъ мои читатели, что, какъ въ эпической поэмѣ вѣрности историческія, такъ въ дѣеписаніи — поэмы искать не должно. Многое отмѣнилъ я, переложилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что эпическія поэмы обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются“.

Послѣ этихъ весьма любопытныхъ и важныхъ указаній, данныхъ намъ самимъ авторомъ, намъ остается только кратко изложить содержаніе „Россіяды“, для того, чтобы получить, болѣе или менѣе, ясное и полное представленіе объ этой поэмѣ, писанной „по правиламъ“.

Первая пѣснь, послѣ обычнаго вступленія, начинается съ описанія бѣдственнаго положенія Москвы послѣ большого московскаго пожара. Царю Іоанну, въ сновидѣніи, по волѣ Всевышняго, является св. мученикъ князь Александръ Тверской и возвѣщаетъ о томъ, что онъ свыше избранъ спасти Россію отъ татарскаго владычества. Іоаннъ передаетъ объ этомъ видѣніи Адашеву, а потомъ, принявъ рѣшеніе, исполняетъ предназначенное ему, отправляется, по примѣру Дмитрія Донского, за благословеніемъ въ обитель Св. Сергія. Во второй пѣснѣ,—засѣданіе Царской думы. И царь, и важнѣйшіе вельможи говорятъ рѣчи, рѣшая вопросъ о походѣ въ Казань. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, является царица-супруга съ младенцемъ на рукахъ и проситъ царя—или отказаться отъ его намѣренія, или взять и ее въ походъ съ собою. Въ слѣдующихъ трехъ пѣсняхъ дѣйствіе переносится въ Казань; изображается бѣдственное положеніе Казанскаго царства, раздираемаго смутами. Вводится и сверхъестественный элементъ: царица Казанская, во второмъ бракѣ вышедшая за царевича Алея, оказывается злою волшебницею. Желая заглянуть въ будущее, она находитъ нужнымъ побывать на могилѣ своего перваго мужа Сафа-Гирея, заклинаніями вызвать

тѣнь его и вопросить о судьбѣ, ожидающей Казанское царство. Могилы бывшихъ татарскихъ царей Казани оказываются скрыты въ очарованномъ лѣсу, въ который не дерзалъ вступать никто, незнакомый съ чарами. Лѣсъ описанъ подробно и обставленъ всѣми атрибутами ложно-классическаго ужаса. Сафа-Гирей поднимается изъ могилы и вѣщаетъ сокрушенной царицѣ:

«Увы!.. Ордынску власть Россія истребитъ,
«Меча ея никто отъ насъ не отвратитъ...»

Затѣмъ (въ 6-й пѣснѣ) начинается описаніе похода Іоаннова противъ Казани. Царь отдѣляетъ Курбскаго, съ третью всего своего войска, противъ Крымцевъ, чтобы отразить ихъ набѣгъ, а Богъ посылаетъ русскому воеводѣ въ помощь св. мучениковъ князей Бориса и Глѣба. Въ то время, когда святые помогаютъ Русскому Царю и его воеводамъ, „Безбожіе“ призываетъ на помощь Казанцамъ всѣ силы ада и чародѣя Киремета, который поднимаетъ бурю на Волгѣ, чтобы потопить русскія суда и воздвигнуть всякія препятствія на пути русскаго войска. Но все напрасно—русскія войска подступаютъ подъ стѣны Казани. Чтобы ободрить Іоанна на совершеніе его тяжкаго подвига, является къ нему пустынникъ, старецъ Вассіанъ, и, возведя его на „Гору Пророчествъ“, въ весьма пространномъ видѣніи, показываетъ ему и славное прошлое (его предковъ) и лучезарное будущее — славу Россіи въ грядущемъ; а среди этой славы яркими звѣздами блистающія имена Петра Великаго и Екатерины II, о которыхъ Вассіанъ говоритъ:

... «Се твой потомокъ Петръ.
Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть великимъ»...
... Екатерина вѣкъ Астреинъ возвратитъ, -
Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ».

Въ трехъ послѣднихъ пѣсняхъ описывается осада и взятіе Казани. Наканунѣ того, какъ нѣмецъ-инженеръ закладываетъ свой подкопъ подъ стѣны Казани, является новое препятствіе Русскому Царю и русскому войску въ видѣ волхва Нигрина, который вѣчно пребываетъ въ заколдованномъ царствѣ зимы и оттуда нагоняетъ на осаждающихъ страшную, неслыханную стужу [1]). Но ничто не можетъ побороть мужества русскихъ войскъ—и Казань падаетъ подъ ихъ ударами.

Внимательная критика открываетъ въ различныхъ частностяхъ и подробностяхъ эпопеи Хераскова и заимствованія изъ классическихъ образцовъ, и подражанія прославленнымъ поэмамъ

[1]) По этому случаю, поэтъ вставляетъ въ свою поэму описаніе «царства зимы», которое, въ свое время, считалось верхомъ поэтическаго совершенства и всегда приводилось въ хрестоматіяхъ, какъ образецъ описанія.

Тасса и Вольтера. Такими подражаніями особенно богата „Россіяда“ въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ проявляется элементъ чудеснаго, сверхъестественнаго—неизбѣжная прикраса всѣхъ ложноклассическихъ эпопей. Это „чудесное“ выходитъ особенно неумѣстнымъ въ „Россіядѣ“, гдѣ оно не почерпается изъ обильнаго запаса народныхъ вѣрованій и преданій, а либо заимствуется изъ западныхъ эпопей, либо, въ подражаніе ихъ „чудесному“ элементу, изобрѣтается самими авторами и, конечно, составляетъ самую слабую сторону въ произведеніи Хераскова. Несомнѣнно, однакожe, что въ этомъ произведеніи была одна сторона, которая очень должна была нравиться современникамъ и составляла, въ ихъ глазахъ, главную украсу „Россіяды“: это — историческая часть поэмы и аллегорическія указанія на русскую современность, изображаемую въ идеальномъ, украшенномъ видѣ. Пробудившееся сознаніе народной гордости, еще болѣе питаемое и возбуждаемое славными подвигами русскихъ войскъ и побѣдами Екатерины, побуждало всѣхъ чутко и отзывчиво относиться ко всему, что̀ могло льстить народному самолюбію, и Херасковъ, понимая это, не жалѣетъ красокъ на прославленіе Россіи и ея торжества надъ внѣшними врагами.

Современный рисунокъ, изображающій Екатерину въ видѣ Минервы, покровительницей наукъ и Академіи.

Владиміръ Херасковъ. Другая эпопея Хераскова, „*Владиміръ*“, изданная въ свѣтъ въ 1736 г., заключаетъ въ себѣ восемнадцать пѣсенъ и воспѣваетъ другое, еще болѣе важное событіе Русской исторіи — просвѣщеніе Россіи христіанствомъ „черезъ князя, который сначала

былъ столь же ревностнымъ язычникомъ, насколько впослѣдствіи ревностнымъ христіаниномъ". Предисловіе къ этой эпопеѣ проникнуто особымъ духомъ и ясно указываетъ на то, что авторъ писалъ ее подъ особымъ настроеніемъ [1]) и придавалъ ей весьма важное нравственное значеніе. „Ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего „Владиміра",—говоритъ Херасковъ—я тому совѣтую, наипаче юношеству, читать оную не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ, по большей части, битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать, какъ странствованье внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ сражается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ въ мракъ сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды, и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается. Не учительскимъ скучнымъ голосомъ преподаю наставленія,

Символическое изображеніе торжества Екатерины на поприщѣ наукъ и художествъ.

какъ достигать свѣта истины; ни съ важностью проповѣдника, мнѣ не приличною, возвѣщаю, какъ возродиться человѣкъ можетъ; но въ духѣ, свойственномъ пѣснопѣвцу, робкому пѣснопѣвцу, единственно о христіанскомъ просвѣщеніи Владиміра повѣдаю,—Вла-

[1]) Кажется, даже и выборъ самаго сюжета совпадалъ съ тѣмъ религіозно-мистическимъ направленіемъ, которое проявляется во всѣхъ произведеніяхъ Хераскова съ конца 70-хъ годовъ, когда онъ поддался вліянію масонства.

диміра, Россіи просвѣтителя и нареченнаго Равноапостольнымъ. Повѣсть важна, велика и восторговъ достойна... Многіе духовные отцы въ томъ сочиненіи мнѣ руководствовали, многое отъ бесѣдованья съ цѣломудренными людьми я заимствовалъ, многое собственнымъ позналъ опытомъ; и ежели кто, прочитавъ сію поэму, скажетъ, что онъ не напрасно потерялъ свое время, то и я сказать осмѣлюсь, что мое время, сочиняя Владиміра, употребилъ не втунѣ". Несмотря на высокое настроеніе этого предисловія, несмотря на желаніе автора придать своему произведенію какое-то особенно важное значеніе, его поэма „Владиміръ", въ сущности, является гораздо болѣе слабою, нежели „Россіяда". Ея фабула чрезвычайно запутана, а внесенный въ нее элементъ „чудеснаго", сверхъестественнаго, еще болѣе представляется искусственнымъ и искусно-приглаженнымъ къ содержанію произведенія, нежели въ „Россіядѣ... Въ этомъ сверхъестественномъ элементѣ, принимаетъ участіе, съ одной стороны, весь русскій языческій міръ, въ видѣ боговъ: Перуна, Чернобога. Хорса, Купала, Лада, Услада, Знича, Посвиста, Волоса и Дажбога [1]). Но этого кажется поэту недостаточно: онъ вселяетъ въ Перуна особое существо—*духъ Безбожія*, дѣйствующій непосредственно по внушенію дьявола, точно такъ же, какъ и *Духъ Сомнѣнія*, на время овладѣвающій душою Владиміра, и еще какое-то существо „*Раздоръ*" (крайне неопредѣленное), являющееся только для того, чтобы возбудить Печенѣговъ къ нападенію на русское войско, идущее къ стѣнамъ Херсона. Всѣ эти враждебныя христіанству силы дѣйствуютъ заодно съ волхвомъ *Зломиромъ* и жрецомъ *Пламидомъ*, полагая всевозможныя препятствія на пути къ спасенію Владиміра и къ переходу его отъ язычества въ христіанство. Зато, съ другой стороны, дѣйствуютъ благія силы, въ видѣ херувимовъ, св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ видѣ старца Кира, „пастыря вѣрныхъ душъ и древняго философа", и, наконецъ, въ видѣ олицетворенія „Благочестивой вѣры", которая убѣждаетъ Владиміра перейти въ христіанство. Къ простой исторіи этого перехода изъ одной вѣры въ другую, Богъ вѣсть для чего, приплетена исторія любви Законеста къ красавицѣ Версанѣ, которою плѣняется также и Владиміръ, но великодушно уступаетъ ее Законесту, узнавъ, что и онъ, и Версана—христіане, и любятъ другъ друга. Точно также, въ видѣ совершенно излишняго эпизода, только растягивающаго и безъ того уже длинную эпопею, является въ 11-й пѣснѣ: увлеченіе Зломиромъ Рогдая—главнаго Владимірова воеводы—вдаль отъ русскаго стана, вмѣстѣ съ четырьмя русскими витязями, какъ разъ въ то время, когда „Раздоръ" наводитъ Печенѣговъ на русское

[1]) Въ числѣ русскихъ языческихъ боговъ, почему-то упоминается даже и Кій—Богъ вѣсть какими судьбами очутившійся между боговъ.

войско... Между тѣмъ, какъ Рогдай со своими витязями бродитъ невѣдомо гдѣ, отуманенный чарами Зломира, Владиміръ подступаетъ къ Херсону и требуетъ выдачи русскихъ плѣнниковъ и сдачи города. Старецъ Киръ уговариваетъ правителя Ферекида—послать ко Владиміру царевну Анну, тѣмъ болѣе, что въ „Совѣтѣ Божіемъ" предопредѣлено черезъ нее просвѣтить Россію православной вѣрой и навѣки соединить съ Греціей нерушимымъ союзомъ. Въ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ описываются битвы подъ стѣнами Херсона, взятіе города, прибытіе царевны изъ Греціи и крещеніе Владиміра.

Мы уже говорили выше, что̀ именно нравилось русской читающей публикѣ (въ половинѣ XVIII вѣка) въ эпопеяхъ Хераскова. Не менѣе нравились и другія его произведенія, и, въ особенности, тѣ его повѣсти, въ которыхъ ясно слышались намеки и указанія на русскую современность, конечно, идеализированную, превознесенную и украшенную. Такъ, напр., значительнымъ успѣхомъ пользовалась его повѣсть „*Нума Помпилій или процвѣтающій Римъ*" (1765 г.), въ которой, подъ видомъ „мудраго Нумы", изображена была Екатерина и всѣ блага ея правленія. Самъ авторъ весьма наивно высказываетъ это въ своемъ предисловіи къ поэмѣ: **Остальныя произведенія Хераскова.**

Автографъ Хераскова.

„Ежели бы всѣ такія расположенія души имѣли, какія имѣлъ сочинитель сей книги, тогда бы человѣческій родъ не несчастенъ былъ; ибо истина, добродѣтель и правосудіе торжествовали бы на землѣ. Онѣ торжествуютъ въ Россіи. Небо продли сіе благо!"

На томъ же основаніи и такимъ-же успѣхомъ пользовалась другая повѣсть Хераскова—„*Кадмъ и Гармонія*" (1789) и ея продолженіе—„*Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи*", въ которыхъ осуждается современное революціонное движеніе во Франціи и тамошнимъ смутамъ противополагается общество, уважающее преданіе, тишину и порядокъ [1]). Со стороны теоретическихъ воззрѣній Хераскова весьма любопытнымъ является слѣдующее мѣсто изъ предисловія автора къ повѣсти „Кадмъ и Гармонія". „Мнѣ совѣтовали переложить сіе сочиненіе стихами, дабы видъ эпической поэмы оно приняло. Надѣюсь, могутъ читатели повѣрить мнѣ,

---

[1]) По общему направленію, къ этой повѣсти изъ позднѣйшихъ произведеній Хераскова—подходитъ только поэма: «*Царь или спасенный Новгородъ*» (1800 г.), которая, въ свое время, была очень популярною.

что я въ состояніи былъ издать сіе твореніе стихами; но я не поэму писалъ, а хотѣлъ сочинить простую токмо повѣсть, которая для стихословія не очень удобна. Кому извѣстны піитическія правила, тотъ, при чтеніи сей книги, почувствуетъ для чего не стихами она писана".

Нужно ли упоминать здѣсь, что всѣ эти повѣсти не были у Хераскова произведеніями вполнѣ оригинальными и являлись не болѣе, какъ подражаніемъ тѣмъ назидательнымъ повѣстямъ Фенелона, Террасона, Мармонтеля и Флоріана, которыя, въ началѣ второй половины XVIII вѣка, уже были давно извѣстны въ русскихъ переводахъ.

Надгробный памятникъ М. М. Хераскова, на кладбищѣ Симонова монастыря.

Въ заключеніе того, что мы сказали о Херасковѣ, замѣтимъ, что онъ, по образованію и литературной подготовкѣ своей, принадлежитъ эпохѣ, которая произвела и подготовила къ дѣятельности такихъ усердныхъ послѣдователей ложно-классической теоріи, какъ Тредіаковскій и Ломоносовъ. Съ Херасковымъ и отжилъ свой вѣкъ въ Россіи типъ литераторовъ, болѣе придававшихъ значенія внѣшней формѣ произведенія, нежели его содержанію, типъ литераторовъ, вѣрившихъ въ возможность „творить, на основаніи правилъ", хотя бы даже и безъ вдохновенія, и безъ поэтическаго таланта [1]).

[1]) Онъ самъ говоритъ, въ предисловіи къ «Кадму и Гармоніи»: «Не одни стихи, но наипаче изобрѣтеніе, естественность, украшенія, привлекательность слога, убѣдительное нравоученіе и остроуміе стихотворца составляютъ».

Я. Б. Княжнинъ.

По характеру и направленію своей дѣятельности, хотя и въ иномъ литературномъ родѣ, очень близко подходитъ къ Хераскову *Яковъ Борисовичъ Княжнинъ* (род. 1742 г., ум. 1791 г.). Онъ родился во Псковѣ, гдѣ отецъ его владѣлъ помѣстьями и состоялъ на службѣ. Въ противоположность многимъ другимъ современникамъ, отецъ Княжнина прилагалъ много заботъ и старанія къ тому, чтобы дать сыну хорошее воспитаніе, и тщательно слѣдилъ за его нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ; для этой цѣли онъ и держалъ сына дома до 18-ти лѣтняго возраста. Затѣмъ отецъ отдалъ Якова Борисовича въ домъ академика Мо-

Заглавная виньетка на титульномъ листѣ полнаго собранія сочиненій Я. Б. Княжнина 1787 г.

дераха, человѣка образованнаго и отлично знавшаго языки; въ средѣ нѣмцевъ-академиковъ онъ даже настолько былъ извѣстенъ своимъ знаніемъ русскаго языка, что и самъ Мюллеръ отдавалъ ему на исправленіе русскій текстъ своихъ сочиненій. У Модераха Княжнинъ получилъ недурное среднее образованіе и пріобрѣлъ весьма основательное знакомство съ языками итальянскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, благодаря чему и могъ начать свою службу съ мѣста переводчика въ Иностранной Коллегіи... Дальнѣйшая біографія его не представляетъ собою ничего существенно-важнаго, въ смыслѣ отношенія къ его литературной дѣятельности, и если мы добавимъ къ сказанному, что Княжнинъ служилъ послѣ Иностранной Коллегіи сначала въ военной службѣ, а потомъ занималъ мѣсто секретаря у И. И. Бецкаго [1]), которому помогалъ при устройствѣ Воспи-

[1]) Одно время, по желанію Бецкаго, Княжнинъ былъ даже преподавателемъ Русской Словесности въ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ.

тательныхъ домовъ—то мы этимъ вполнѣ исчерпаемъ весь матерьялъ, важный для біографіи Княжнина.

Трагедіи Княжнина.

Увлекаясь театромъ, Княжнинъ сталъ рано писать для сцены и, будучи еще очень молодымъ, поставилъ на сцену (сначала въ Москвѣ) свою трагедію „*Дидона*", въ которой онъ старался подражать пьесѣ того же имени, написанной итальянскимъ поэтомъ Метастазіо. Въ Москвѣ эта пьеса заслужила одобреніе самого Сумарокова, а въ Петербургѣ, когда она была представлена на придворномъ театрѣ, императрица Екатерина отнеслась къ ней чрезвычайно благосклонно. Публикѣ понравилось то, что въ основу трагедіи положена была борьба страстной любви съ чувствомъ долга, которое побуждаетъ Энея покинуть Дидону, горячо его любящую и горячо имъ любимую — чтобы исполнить завѣтъ боговъ и основаніемъ Рима увѣковѣчить славу Трои.

Успѣхъ первой трагедіи ободрилъ Княжнина и къ дальнѣйшимъ шагамъ на томъ же самомъ поприщѣ. Вскорѣ послѣ „Дидоны" написана была его другая трагедія—„*Росславъ*", и авторъ, въ посвященіи княгинѣ Дашковой, обращаетъ ея вниманіе на то, что главною темою въ ней является „не обыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна и была представляема, но страсть великихъ душъ — любовь къ отечеству". Героемъ этой трагедіи выведенъ на сцену какой-то „россійскій полководецъ Росславъ", попавшійся въ плѣнъ къ Датскому и Шведскому королю, Христіерну. Подвигъ его заключается въ томъ, что онъ отвергаетъ всѣ соблазны—и любовь Зафиры, княжны Шведской, и тронъ, который она ему предлагаетъ — и остается вѣренъ любви къ своей отчизнѣ. Но всѣ эти высокія чувства, какъ и самый характеръ „Росслава", ходульны и напыщенны, и скорѣе напоминаютъ намъ сценическихъ героевъ и сценическія положенія французской ложно-классической трагедіи, нежели какую бы то ни было живую дѣйствительность. Но такіе герои и такія преувеличенныя чувства, внесенныя на сцену и утвердившіяся на ней съ легкой руки Сумарокова—еще нравились публикѣ, и „Росславъ", точно такъ же, какъ и „Дидона", удержался на русской сценѣ почти до конца XVIII вѣка. Современники почитали ихъ лучшими произведеніями Княжнина, и на ряду съ ними ставили только еще третью его трагедію — „*Титово Милосердіе*" — которая была почти дословно передѣлана изъ извѣстной уже намъ оперы Метастазіо [1].

Кромѣ этихъ трехъ трагедій, Княжнинъ написалъ еще три: „*Владиміръ и Ярополкъ*" (1772 г.), „*Софонизба*" (1786 г.) и „*Владисанъ*"

[1] Эту трагедію Княжнинъ написалъ по желанію Екатерины, и всѣ современники видѣли въ характерѣ «Тита» олицетвореніе ея царственныхъ заслугъ и доблестей.

(того же года) — въ которыхъ подражалъ Расину и Вольтеру, заимствуя у нихъ и характеры, и положенія, и сцены. Но эти

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ

ТРАГЕДІЯ

въ

стихахъ,

въ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинена.

ЯК. КНЯЖНИНЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ,

1793 года.

Заглавный листъ трагедіи «Вадимъ Новгородскій», сочиненной Я. Б. Княжнинымъ и подвергнувшейся гоненію послѣ смерти автора. По весьма рѣдкому экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

трагедіи не имѣли успѣха, точно такъ же, какъ и переведенныя Княжнинымъ (бѣлыми стихами) трагедіи Расина: „*Сидъ*“, „*Смерть*

Помпея" и „*Цинна*". Гораздо болѣе всѣхъ этихъ произведеній Княжнина—не столько содержаніемъ своимъ и литературными достоинствами, сколько своею странною судьбою — возбудила къ себѣ вниманіе его трагедія „*Вадимъ Новгородскій*", написанная въ 1783 г., но напечатанная въ 1793 г., т. е. черезъ два года послѣ смерти автора. Проникнутая тѣми же самыми патріотическими чувствами, какими переполнено содержаніе другихъ драматическихъ произведеній Княжнина, эта трагедія за самый сюжетъ свой и за нѣсколько громкихъ тирадъ о вольности, неожиданно подверглась гоненію со стороны Екатерины и вызвала цѣлую бурю въ высшихъ сферахъ только потому, что была напечатана во время самаго разгара республиканскаго террора во Франціи. Но къ этой трагедіи мы еще вернемся въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Комедіи и оперы. Еще болѣе слабыми, чѣмъ трагедіи, и еще менѣе оригинальными должны быть названы комедіи Княжнина, въ которыхъ онъ опять-таки подражалъ второстепеннымъ французскимъ образцамъ и, подставляя русскія имена на мѣсто французскихъ, пытался передѣлывать французскіе сюжеты на русскіе нравы. Изъ числа такихъ передѣлокъ и переработокъ болѣе удачными считались комедіи: „*Хвастунъ*" и „*Чудаки*", хотя онѣ очень тяжелы и натянуты, а многое въ нихъ до такой степени неестественно и непослѣдовательно, что мы, въ настоящее время, не можемъ даже уловить того, что̀ въ этихъ комедіяхъ могло нравиться публикѣ. Болѣе комедій были популярны и приходились по вкусу столичной публикѣ „*комическія оперы*" Княжнина, по своей простой и незамысловатой подкладкѣ, по веселымъ и легкимъ пѣсенкамъ и аріямъ, которыя были въ нихъ внесены. Особенною извѣстностью, въ числѣ ихъ, пользовались оперы: „*Несчастье отъ кареты*" и „*Сбитеньщикъ*", изъ котораго и до сихъ поръ въ памяти многихъ держатся нѣкоторыя пѣсенки, повторяемыя безотчетно; напр.:

«Все на свѣтѣ можно—
Покупать,
Продавать,
Только должно
Осторожно
Поступать.»

Или еще:

«Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него—куда съ умомъ!
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ—идешь пѣшкомъ».

Мы и теперь еще напѣваемъ иногда эти пѣсенки, совсѣмъ

забывая о томъ, что имъ уже стукнуло чуть не сто тридцать лѣтъ, и что онѣ написаны Княжнинымъ...

Подводя итоги всей литературной дѣятельности Княжнина, мы должны прійти къ тому заключенію, что онъ во всѣхъ своихъ сценическихъ произведеніяхъ былъ не болѣе, какъ подражателемъ Сумарокова [1]) и продолжателемъ его дѣятеьлности, т. е. преданнѣйшимъ поклонникомъ образцовъ ложно-классической драмы, со всѣми ихъ недостатками, несообразностями и уродливымъ примѣненіемъ стѣснительныхъ „трехъ единствъ". Но онъ былъ несомнѣнно менѣе талантливъ и менѣе плодовитъ, нежели Сумароковъ; а языкъ его былъ едва ли не хуже языка Сумарокова, по своему тяжелому, неправильному складу и неудачному подбору словъ и выраженій. Несомнѣнное и неотъемлемое достоинство Княжнина, по сравненію съ Сумароковымъ, составляетъ его чрезвычайная скромность и отсутствіе всякаго самомнѣнія. Съ этой именно стороны его прекрасно характеризуетъ извѣстный анекдотъ о томъ, что послѣ перваго представленія „Дидоны", какой-то восторженный поклонникъ его пьесы рѣшился воскликнуть при немъ: — „Вы нашъ Расинъ! Русскій Расинъ!" — „Ради Бога", — остановилъ его Княжнинъ: — „говорите потише; а то, пожалуй, кто-нибудь еще услышитъ ваши слова, и тогда уже впредь вамъ ни въ чемъ вѣрить не будетъ".

Медаль въ память Екатерины II.

---

[1]) Съ Сумароковымъ Княжнинъ очень подружился и даже подчинялся его вліянію; впослѣдствіи онъ женился на дочери Сумарокова, которая и сама занималась литературой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дальнѣйшая разработка эпопеи ближайшими преемниками Хераскова.—И. Ѳ. Богдановичъ.—Его поэтическое настроеніе и направленіе его таланта.—«Душенька»—вѣнецъ его славы.—Новыя черты русской поэзіи въ этой эпопеѣ.—Басня въ русской литературѣ. — Хемницеръ и его басни.—В. И. Майковъ.—Его лирическія и эпическія произведенія.—Сатирическое направленіе его поэзіи и ея народные элементы.

Героическая, серьезная и тяжелая эпопея, съ ея напыщеннымъ паѳосомъ, съ ея мрачными картинами битвъ и борьбы, съ преувеличенными изображеніями восторговъ и ужаса, съ изложеніемъ событій въ однообразно-повышенномъ, натянутомъ тонѣ—должна была нѣсколько прискучать, и не каждому читателю оказывалась по плечу. Вмѣстѣ съ развитіемъ у насъ журналистики и легкой переводной литературы, а также и съ проявленіемъ въ обществѣ весьма замѣтной потребности вообще въ легкомъ и занимательномъ чтеніи, должны были неизбѣжно явиться попытки упростить эпопею, понизить ея торжественный тонъ—сблизить ее съ простою обстановкой русской обыденный жизни. Такое видоизмѣненіе эпической поэмы было, вначалѣ, не малою заслугою, и честь этой заслуги всецѣло принадлежитъ одному изъ скромныхъ послѣдователей и учениковъ Хераскова, И. Ѳ. Богдановичу.

Богдановичъ. *Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ* (род. 1753 г., ум. 1803 г.), родился въ историческомъ мѣстечкѣ, Переволочномъ, гдѣ его отецъ занималъ какую-то должность. На одиннадцатомъ году онъ отвезенъ былъ въ Москву и опредѣленъ юнкеромъ въ Юстицъ-Коллегію. Въ то же время ему дозволено было учиться въ математической школѣ, при тогдашней сенатской конторѣ. Но у юноши не то было въ головѣ: онъ бредилъ стихами Ломоносова и Сумарокова, самъ пописывалъ стишки и страстно увлекался театромъ. Когда ему минуло лѣтъ пятнадцать, онъ даже и самъ рѣшился идти на сцену; но Херасковъ (въ то время былъ директоромъ Московскаго театра) отговорилъ его и, взявъ къ себѣ въ домъ на житье, записалъ въ Московскій университетъ. Занимаясь въ университетѣ и живя въ домѣ Хераскова, Богдановичъ участвовалъ въ журналахъ, которые Херасковъ издавалъ въ началѣ 60-хъ годовъ; потомъ, получивъ мѣсто при университетѣ, онъ и самъ сталъ издавать журналъ „*Невинное Упражненіе*", въ которомъ принимали участіе многія лица изъ кружка Хераскова и даже княгиня Е. Р. Дашкова. Она-то и способствовала переселенію Богдановича въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто переводчика въ Иностранной Коллегіи и потомъ, прославившись

СОЧИНЕНІЯ
БОГДАНОВИЧА.
ЧАСТЬ I.
Изданіе второе

Москва.
1818

СОЧИНЕНІЯ
ИППОЛИТА ѲЕДОРОВИЧА
БОГДАНОВИЧА.

Часть Первая
МОСКВА.
1809.

Титульные листы къ двумъ изданіямъ сочиненій И. Ѳ. Богдановича.

своими поэтическими произведеніями, сталъ лично извѣстенъ самой императрицѣ Екатеринѣ.

Въ Петербургѣ, Богдановичъ, уже знакомый публикѣ по мелкимъ поэтическимъ произведеніямъ и по своему журналу, еще болѣе обратилъ на себя вниманіе переводомъ Вольтеровской поэмы „*На разрушеніе Лиссабона*"; вскорѣ послѣ того онъ издалъ въ свѣтъ свою назидательную поэму „*Сугубое Блаженство*" [1] (въ 1765 г.). Въ слѣдующемъ году онъ по службѣ своей долженъ былъ отправиться за границу и прожилъ два года въ Дрезденѣ; а по возвращеніи, съ новымъ рвеніемъ принялся за поэзію и литературу — писалъ стихи, переводилъ и даже издавалъ журналъ „*Петербургскій Вѣстникъ*" (въ теченіе полутора года), и, наконецъ, напалъ на счастливую мысль воспользоваться игривою и граціозною тэмою „Любви Психеи и Купидона", но не въ томъ видѣ, какъ изложилъ ее Лафонтенъ [2]) въ своей повѣсти, а приспособивъ тотъ же сюжетъ къ русскимъ понятіямъ и поставивъ его въ бытовыя условія, близкія и знакомыя русской публикѣ, сообразуясь съ моднымъ въ Екатерининское время направленіемъ нашей литературы.

И. Ѳ. Богдановичъ.

„Душенька" Богдановича.

Въ началѣ поэмы, противополагая ея легкое содержаніе серьезному содержанію большихъ классическихъ эпопей, Богдановичъ говоритъ въ обычномъ вступленіи:

«Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ, въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ, кончали дни герои—
Но Душеньку пою.
Тебя, о, Душенька! на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору *въ простотѣ и вольности* слагаю».

Вотъ именно эта-то „*простота и вольность*", которыя Богдановичъ допустилъ (не всегда кстати) въ изложеніе своей поэмы,

---

[1]) Современный біографъ Богдановича такъ отзывается объ этой поэмѣ: «онъ разбилъ ее на три пѣсни; въ первой изображаетъ картину золотого вѣка; во второй—успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленія страстей; въ третьемъ — спасительное дѣйствіе законовъ и церковной власти». Но «поэма не сдѣлала впечатлѣнія на публику».

[2]) Лафонтенъ, въ свою очередь, заимствовалъ содержаніе своей повѣсти у Апулея, латинскаго писателя, жившаго во II вѣкѣ по Р. Хр.; Апулей вставилъ разсказъ о любви Амура и Психеи, въ видѣ эпизода, въ одну изъ главъ своего обширнаго философскаго романа «*Превращеніе или золотой оселъ*».

и составили въ ней черты совсѣмъ новыя, не виданныя дотолѣ въ русской поэзіи. „Простота“ эта выразилась отчасти и въ самомъ названіи поэмы „Душенькой“, т.-е. такимъ ласкательнымъ словомъ, которое не можетъ, собственно говоря, служить ни замѣною, ни переводомъ греческаго наименованія героини въ романѣ Апулея. Придавъ своей героинѣ имя „Душеньки“, Богдановичъ способствовалъ ея перерожденію изъ отвлеченной, таинственной, греческой „Психеи“ въ весьма положительную, хорошенькую русскую дѣвушку, отчасти напоминающую намъ всѣхъ героинь нашей простой народной русской сказки. Хотя родителями „Душеньки“, у Богдановича, являются греческіе царь и царица, живущіе „въ старинной Греціи, въ Юпитерово время“; хотя она любитъ Амура и вступаетъ въ сношенія со всѣмъ классическимъ Олимпомъ и Тартаромъ — мы все-жъ видимъ около нея знакомую намъ обстановку русскихъ сказокъ: и Чудо-Юдо, и Змѣя-Горынича, и Кощея, у котораго хранится „мечъ-самосѣкъ“. Такими же знакомыми русскими бытовыми героями изобилуетъ, напримѣръ, описаніе поѣзда Венеры, которая мчится по волнамъ моря, какъ знатная барыня въ каретѣ по улицамъ одной изъ русскихъ столицъ:

Психея возлагаетъ вѣнокъ на бюстъ Богдановича. Заглавный листъ въ изданіи его сочиненій 1809 г.

«Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ

Выходитъ къ ней изъ бездны водъ.
Иной вокругъ нея ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой крутясь, во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ...
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Вожжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди, верхомъ
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то видѣть могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальнихъ
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ обломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.»

Основная фабула всей поэмы, какъ расказывается она у Апулея, пользуется весьма широкою извѣстностью, и потому мы ограничимся лишь самымъ краткимъ ея изложеніемъ. У одного царя было три дочери, и младшая изъ нихъ, Психея, отличалась такою поразительною красотою, что всѣ преклонялись предъ ней, какъ предъ богиней красоты. Такія почести, воздаваемыя простой смертной, прогнѣвили богиню Венеру, и она повелѣла сыну своему, Купидону, покарать Психею; но сынъ не могъ исполнить приказаніе матери, потому что и самъ увлекся Психеей. Въ то время, когда родители Психеи, повинуясь оракулу, отвезли ее на одну изъ горныхъ вершинъ, гдѣ Психея должна была встрѣтить свыше назначеннаго ей супруга, Купидонъ явился туда и приказалъ Зефиру перенести красавицу въ далекій и богатый чертогъ, гдѣ и сталъ посѣщать ее каждую ночь, и, пользуясь мракомъ, оставался ей неизвѣстенъ. Счастливая и всѣмъ довольная Психея, желая подѣлиться своимъ счастьемъ съ сестрами, передала имъ чрезъ Зефира вѣсть о себѣ. Сестры къ ней явились и, изъ зависти, стали ей наговаривать, будто ея таинственный супругъ никто иной, какъ чудовищный драконъ. Онѣ совѣтовали Психеѣ, во что бы то ни стало, убѣдиться въ истинѣ ихъ словъ—и избавиться изъ-подъ власти чудовища. Напуганная Психея запаслась свѣтильникомъ и кинжаломъ, воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы взглянуть въ лицо своего таинственнаго супруга, и такъ была поражена его божественною красотою, что рука у

нея дрогнула, горячее масло пролилось изъ свѣтильника на тѣло Купидона, и тотъ проснулся... Глубоко возмущенный ея преступнымъ любопытствомъ и предположивъ, что у ней въ душѣ таился противъ него злой умыселъ, Купидонъ ее покинулъ. Опечаленная Психея пошла искать своего милаго по бѣлу свѣту, и дошла, наконецъ, до самой Венеры. Гнѣвная богиня подвергаетъ Психею различнымъ испытаніямъ, и, наконецъ, посылаетъ ее въ подземное царство, къ богинѣ Прозерпинѣ, чтобы добыть отъ той сосудъ съ благовоніями, дарующими красоту. Но Венера повелѣваетъ Психеѣ—не открывать сосуда на пути и тѣмъ возбуждаетъ ея женское любопытство. Психея не исполняетъ этого завѣта богини: вскрываетъ сосудъ и смертоносное испареніе, вылетѣвшее изъ-подъ крышки его—умерщвляетъ Психею. Однакоже Купидонъ оживляетъ ее однимъ прикосновеніемъ стрѣлы, и она, по волѣ Зевса возведенная на Олимпъ, удостоена безсмертія и вступаетъ въ вѣчный союзъ съ Купидономъ.

Союзъ Психеи (души) съ Купидономъ (богомъ любви и желаній), въ классической древности, имѣлъ глубокое символическое значеніе. Само собою разумѣется, что въ обработкѣ Лафонтена эта фабула обратилась въ простую исторію любви Купидона къ Психеѣ, и прежнее, отчасти философское, отчасти символическое значеніе должно было, естественно, утратиться безслѣдно. Еще болѣе упростилась и утратила своей граціи и прелести та же исторія въ передачѣ Богдановича, который не обладалъ ни талантомъ, ни литературнымъ умѣньемъ, ни тактомъ Лафонтена. Но этого не видѣлъ и не замѣчалъ никто изъ современниковъ Богдановича: легкая поэма его, представлявшая пеструю смѣсь ложно-классическаго элемента съ русскимъ, народнымъ, чрезвычайно понравилась современному русскому читателю, утомленному скукою и однообразіемъ тяжелыхъ героическихъ эпопей, написанныхъ по всѣмъ правиламъ строгой теоріи. „Ипполитъ Богдановичъ — первый на русскомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ могли быть для него образцами только въ иныхъ родахъ!“ — такъ восклицаетъ современный критикъ, и отзывъ его справедливъ во многихъ отношеніяхъ потому, что, дѣйствительно, „Душенька“ Богдановича была первымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ, одинаково доступнымъ и пріятнымъ для всѣхъ, тѣмъ болѣе, что языкъ автора „Душеньки“ невольно поражаетъ насъ даже и въ настоящее время своею замѣчательною легкостью, свѣжестью и игривостью, по сравненію съ языкомъ современной ему поэзіи и повѣствовательной прозы. И не только современники, но и ближайшее, послѣдующее поколѣніе до такой степени увлекалось и восхищалось поэмой Богдановича, что ставило ее выше Лафон-

тенова оригинала. „Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ“... „Душенька“ во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и *вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами* [1]), ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы: что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ искусствѣ“ [2]). Если такъ могъ говоритъ Карамзинъ, почти тридцать лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Душеньки“, то что же должны были о ней думать и какъ должны были на нее смотрѣть современники...

Уваженіе современниковъ къ игривому и граціозному творенію Богдановича выражалось отчасти въ томъ, что „Душенька“ разошлась въ нѣсколькихъ изданіяхъ съ прекрасными гравюрами. Мало того:—эта поэма пользовалась въ такой степени прочнымъ успѣхомъ не только въ концѣ прошлаго, но даже и въ началѣ нынѣшняго вѣка, что одинъ изъ весьма талантливыхъ русскихъ художниковъ, графъ Ѳ. П. Толстой, избралъ „Душеньку“ тэмою для цѣлой серіи превосходныхъ рисунковъ, которые и вышли въ свѣтъ въ видѣ роскошнаго альбома гравюръ въ 40-хъ годахъ XIX вѣка.

„Душенька“ вызвала общій восторгъ и окончательно упрочила служебную карьеру автора, такъ какъ Екатерина, читавшая все, что выходило новаго въ русской литературѣ, обратила на поэму Богдановича особенное, милостивое вниманіе. Она приблизила къ себѣ автора, осыпала его милостями и подарками и, сама увлекаясь театромъ, стала и его побуждать, чтобы онъ работалъ для сцены. Объ этихъ побужденіяхъ сохранились любопытныя свѣдѣнія въ автобіографической запискѣ, оставленной самимъ Богдановичемъ:

...„1786 года въ апрѣлѣ, по именному Монаршему повелѣнію, сочинилъ лирическую комедію „*Радость Душеньки*“, которая удостоена была *Высочайшей* апробаціи, и въ знакъ Монаршаго благоволенія при семъ случаѣ пожалована автору отъ Государыни табакерка; вскорѣ же потомъ пожалованы на уплату долговъ деньги. По представленіи же комедіи на придворномъ театрѣ пожалована еще табакерка“...

Остальныя произведенія Богдановича.

Изъ той же записки узнаемъ, что до 1789 года Богдановичемъ была написана еще драма „Славяне“ (она была поставлена на сцену въ день празднованія 28-ми-лѣтняго юбилея царствованія Екатерины II) и еще какія-то „два театральныя представленія изъ русскихъ пословицъ“, сложенныя въ

---

[1]) «Лафонтеново твореніе» писано и стихами и прозой.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1803 г., № 10 (статья Карамзина). Любопытно и продолженіе ея, указывающее намъ, какъ могли образованные русскіе люди смотрѣть на поэзію, даже въ началѣ XIX в. «Нѣкоторыя изобрѣтенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ *для большаго удовольствія читателей*... никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно-несбыточное принадлежитъ къ сему,—слѣдственно и басня «Душенька»...

1787 году изъ русскихъ пословицъ „по имянному Монаршему повелѣнію". Эти послѣднія два произведенія, очевидно, были результатомъ довольно оригинальнаго литературнаго труда, также

Торжество «Душеньки». По гравюрѣ конца XVIII вѣка.

исполненнаго Богдановичемъ по желанію Екатерины, а именно— „Русскихъ пословицъ, собранныхъ и переложенныхъ авторомъ „Душеньки" въ стихи" (изд. въ трехъ частяхъ, въ 1785 году) [1].

[1]) Пословицы въ сборникѣ Богдановича отобраны, тщательно обдѣланы и расположены по значенію въ отдѣлы; напр.: I) нужная умѣренность въ жизни; II) нужное терпѣніе въ жизни; IV) стыдъ хвастовства; VIII) глупость спѣси и т. д.

Екатерина, любившая наши народныя пословицы, видимо, захотѣла придать имъ литературную форму, чтобы ввести ихъ въ область литературы и дать имъ возможно-большее обращеніе въ обществѣ. Нѣсколько преувеличивая объемъ и значеніе таланта своего любимаго поэта, Екатерина, вѣроятно, поручила ему написать также „Историческое изображеніе Россіи"... Но всѣ эти произведенія, написанныя Богдановичемъ послѣ „Душеньки", ничего не прибавили ни къ его заслугамъ, ни къ его славѣ въ потомствѣ. Впрочемъ, ни самъ Богдановичъ, ни современники его на этотъ счетъ нимало и не заблуждались, оцѣнивая по достоинству все, что было написано авторомъ „Душеньки" послѣ 1775 года [1]).

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (съ 1788 г.), Богдановичъ занималъ весьма видное мѣсто предсѣдателя новоучрежденнаго Государственнаго Архива и затѣмъ вышелъ въ отставку, обезпеченный полнымъ окладомъ жалованья, обращеннымъ въ пенсію. Удалившись на родину въ Малороссію, онъ дожилъ до вступленія на престолъ Александра I, котораго еще привѣтствовалъ торжественною одой, и скончался въ Курскѣ 6-го января 1803 года.

Первые образцы басни. Почти одновременно съ легкимъ и шутливымъ эпосомъ, который, какъ мы увидимъ далѣе, привился у насъ довольно скоро— въ русской литературѣ явились и первые образцы басенъ, въ весьма талантливой и довольно самостоятельной обработкѣ, хотя и не безъ вліянія со стороны западно-европейской литературы. Мы говоримъ — первые образцы, хотя „басню" пытались ввести въ нашу литературу многіе писатели и до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія: Кантемиръ, Тредіаковскій, Ломоносовъ—писали „басни", а Сумароковъ оставилъ даже нѣсколько книгъ, наполненныхъ „баснями и притчами"; но ни онъ, ни его предшественники не дали, собственно говоря, ни одной настоящей басни, въ томъ видѣ, какъ она была разработана классическими баснописцами, и окончательно усвоена въ западно-европейской литературѣ Лафонтеномъ и Геллертомъ. Первый писатель, которому удалось перенести на русскую почву этотъ весьма трудный и прихотливый литературный родъ и притомъ передать его въ изящной и пріятной формѣ, нимало не похожей на то, что̀ разумѣли подъ именемъ басни вышеупомянутые писатели — былъ иноземецъ, одинъ изъ тѣхъ дорогихъ для Россіи, обрусѣвшихъ иноземцевъ, которымъ наше русское просвѣщеніе, литература и наука обязаны многими незабвенными услугами. Этотъ иноземецъ, впрочемъ, родившійся въ Россіи, былъ И. И. Хемницеръ.

Хемницеръ. *Иванъ Ивановичъ Хемницеръ* (род. 1745 г., ум. 1784 г.) про-

[1]) Сюда же слѣдуетъ отнести всѣ поэтическія произведенія Вольтера, Мармонтеля и др., написанныя въ честь и хвалу Екатерины и переведенныя Богдановичемъ.

исходилъ изъ нѣмецкой семьи, и отецъ, его, Іоганъ Адамъ Хемницеръ [1]), выѣхалъ въ Россію изъ Германіи, вѣроятно въ началѣ 40-хъ или въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Онъ былъ по профессіи докторъ и, въ качествѣ военнаго врача, занималъ скромный служебный постъ въ Енотаевской крѣпости (нынѣ городъ Енотаевскъ, Астраханской губ.), гдѣ и родился у него сынъ—будущій русскій баснописецъ. Достовѣрно извѣстно, что и воспитаніе, и первое образованіе И. И. Хемницеръ въ дѣтствѣ и отрочествѣ получилъ нѣмецкое, и только съ 1755 года, когда отецъ его переселился изъ Астрахани въ Петербургъ, молодой Хемницеръ очутился въ иныхъ условіяхъ: въ школѣ учителя, преподававшаго латинскій языкъ при врачебномъ училищѣ (впослѣдствіи, въ 1783 г., переименованномъ въ медико-хирургическій институтъ), онъ получилъ первые начатки средняго образованія. Тутъ же почувствовалъ онъ охоту и къ медицинѣ; но кто-то сбилъ юношу съ толку и сманилъ его, на 13-мъ году, въ военную службу. Противъ воли отца, онъ поступилъ въ солдаты пѣхотнаго Нотебургскаго полка, причемъ ему показанъ былъ 16-й годъ. Двѣнадцать лѣтъ оставался онъ на службѣ, принималъ участіе въ походахъ (во время Семилѣтней войны), но не былъ въ сраженіяхъ, и всю службу проходилъ тѣмъ бѣдственнымъ и медлительнымъ путемъ, какимъ проходили ее въ ту пору всѣ маленькіе люди, не обладавшіе обезпеченными средствами и не имѣвшіе протекціи. Ничего не выслуживъ, кромѣ весьма скромнаго чина армейскаго поручика, Хемницеръ вышелъ въ отставку въ 1769 г., и вскорѣ поступилъ на службу по горному вѣдомству [2]).

Надгробный памятникъ И. Ѳ. Богдановича на кладбищѣ въ Курскѣ.

---

[1]) Многіе и до сихъ поръ повторяютъ басню о томъ, что фамилія Хемницеровъ происходитъ изъ города Хемница въ Саксоніи; а между тѣмъ мы теперь уже достовѣрно знаемъ, что отецъ Хемницера былъ родомъ изъ Фрейберга.

[2]) Какъ совершился этотъ переходъ—это остается до сихъ поръ темнымъ для біографовъ Хемницера. Въ одномъ учебникѣ по Русск. Слов. находимъ даже такую фразу:

Занятія литературой.

Служа въ Петербургѣ и посвящая всѣ свои досуги литературѣ и самообразованію, Хемницеръ вскорѣ сблизился съ А. Н. Львовымъ, а черезъ него проникъ и въ кружокъ, собиравшійся постоянно около Державина, домъ котораго былъ излюбленнымъ центромъ лучшихъ молодыхъ силъ литературныхъ и художественныхъ. Въ это время, онъ уже, вѣроятно, попалъ на тотъ литературный родъ, который болѣе всего подходилъ къ его характеру и таланту: — началъ, если не сочинять, то переводить басни, увлекаясь Лафонтеновскими образцами ея. Однакоже, первые его стихотворные опыты относились къ тѣмъ же избитымъ ложно-классическимъ образцамъ, съ которыхъ начинали и другіе юные поэты; первымъ извѣстнымъ произведеніемъ Хемницера была, напечатанная имъ въ 1770 г., очень плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи. За одою послѣдовала героида Дора „Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы“; это произведеніе, напечатанное въ 1774 году, посвятилъ Хемницеръ „своему любезному другу Львову“.

И. И. Хемницеръ.

Служба, трудная и отвѣтственная, требовавшая постоянныхъ и напряженныхъ работъ по ученому собранію при Горномъ Училищѣ [1]), много отнимала времени у Хемницера и, доставляя ему лишь весьма скромное обезпеченіе, оставляла ему для занятій литературою очень небольшіе досуги. Есть возможность предполо-

«Любя заниматься минералогіей, Х. изъ военнаго вѣдомства перешелъ въ горное»... Академикъ Гротъ дѣлаетъ такое предположеніе: Хемницеръ попалъ въ горное вѣдомство черезъ Львова, который состоялъ въ родствѣ съ М О. Соймоновымъ, начальникомъ горнаго вѣдомства; но знакомство Хемницера со Львовымъ (по Гроту же) началось «вскорѣ послѣ 1770 года»... Какъ же могъ Львовъ рекомендовать Соймонову Хемницера въ 1769 году?

[1]) Состоя членомъ этого собранія, онъ переводилъ ученые труды нашихъ академиковъ по минералогіи и работалъ надъ составленіемъ горнаго словаря, причемъ отстаивалъ необходимость переложенія иностранныхъ терминовъ на русскій языкъ.

жить, что Н. А. Львовъ, человѣкъ весьма талантливый, прекрасно образованный и одаренный большимъ художественнымъ чутьемъ, оказалъ нѣкоторое вліяніе на развитіе и направленіе таланта Хемницера; но несомнѣнно то, что именно Львовъ, во главѣ другихъ друзей Хемницера, понудилъ его выдать въ свѣтъ то, что̀ у него было уже давно написано. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ (въ концѣ 1776 года) побывалъ за границей, имъ были изданы его „басни и сказки", безъ обозначенія года и безъ имени автора. Говорятъ даже, будто онъ взялъ съ друзей своихъ слово, что они не выдадутъ его тайны. „Басни и сказки" понравились публикѣ, и въ 1779 г. вышли въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, опять-таки безъ имени автора [1].

Иллюстрація къ баснѣ «Метафизикъ» Хемницера, въ изд. 1811 года.

Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1781 году, Хемницеръ оставилъ службу по горному вѣдомству, потому что Соймоновъ вышелъ въ отставку, и нашъ баснописецъ не надѣялся ужиться съ новымъ начальникомъ. Оставшись безъ мѣста, скромный и добро-

[1]) Всего написано Хемницеромъ 91 басня. Въ числѣ ихъ, заимствованныхъ или переводныхъ до 30 (5 изъ Лафонтена, 18 изъ басенъ нѣмецкаго баснописца Геллерта); остальныя оригинальныя.

Виньетка къ сочиненіямъ Хемницера (изд. 1811 г.), по рисункамъ А. Н. Оленина.

совѣстный труженикъ сталъ терпѣть нужду, которая, впрочемъ, никогда не выпускала его изъ своихъ тисковъ. Поступить вновь на службу было необходимо, и, при помощи друзей, это ему наконецъ, удалось: въ 1782 г. Хемницеръ получилъ весьма почетное мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Ему пришлось разстаться съ дорогими и милыми ему людьми, съ любимыми занятіями и привычными условіями жизни... Онъ не могъ съ этимъ свыкнуться, да притомъ и здоровье его не выдержало тяжелыхъ климатическихъ условій его новаго мѣстопребыванія; онъ сталъ хирѣть и 20-го марта 1784 года его не стало. Говорятъ, что останки его были перевезены въ Россію и преданы землѣ въ Николаевѣ; могила его, однакоже, осталась неизвѣстна.

Виньетка къ сочиненіямъ Хемницера, по рисункамъ А. Н. Оленина.

Басни Хемницера.

Безпристрастно судя о басняхъ Хемницера и принимая въ соображеніе тѣ литературныя условія, въ которыхъ онѣ были созданы Хемницеромъ, мы должны прійти къ тому убѣжденію, что Хемницеръ, въ кругу нашихъ писателей прошлаго вѣка, занимаетъ, хотя и не видное, однакоже свое, самостоятельное положеніе. Басни его, и по внутреннему содержанію своему, и по достоинствамъ своей внѣшней обработки, до сихъ поръ еще не

утратили своего значенія, а въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онѣ, въ качествѣ образцовъ этого рода, должны были значительно облегчить обработку русской басни не только Дмитріеву, но даже и Крылову. Вѣскимъ доказательствомъ въ пользу несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ Хемницера служитъ и самая живучесть нѣкоторыхъ его произведеній: его басня „Метафизикъ" и до сихъ поръ не утратила своего значенія и всѣмъ становится извѣстна со школьной скамьи.

Василій Ивановичъ Майковъ (род. 1728, ум. 1778 г.), въ ряду второстепенныхъ поэтовъ середины XVIII вѣка занимаетъ выдающееся мѣсто, по оригинальности нѣкоторыхъ своихъ произведеній и по чрезвычайно смѣлому реализму одного изъ нихъ, главнымъ образомъ, составившаго его славу. О его дѣтствѣ и юности, о воспитаніи и вступленіи въ свѣтъ мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Происходилъ онъ отъ стараго дворянскаго рода и былъ сынъ Ивана Степановича Майкова, богатаго ярославскаго помѣщика, который былъ, повидимому, человѣкомъ передовымъ и образованнымъ, судя потому, что его имя встрѣчаемъ рядомъ съ именемъ ярославскаго воеводы, Мусина-Пушкина, въ числѣ меценатовъ, поощрявшихъ первые шаги Волкова и его компаніи въ ихъ театральныхъ затѣяхъ. Достовѣрно знаемъ одно: В. И. Майковъ не воспитывался ни въ какомъ изъ современныхъ учебныхъ заведеній и, отпущенный изъ военной службы домой „для наукъ" [1]), вынесъ изъ этого домашняго обученія лишь очень не многое. В. И. Майковъ.

Виньетка къ сочиненіямъ Хемницера, по рис. А. Н. Оленина.

Въ 1761 г. Василій Ивановичъ покинулъ военную службу, перешелъ въ гражданскую и поселился въ Москвѣ, гдѣ вступилъ въ литературный кружокъ, собиравшійся около М. М. Хераскова, и первыя свои произведенія напечаталъ въ его журналѣ „*Полезное Увеселеніе*" и въ журналѣ „*Свободные часы*" (1762—1763). Здѣсь же онъ познакомился съ И. П. Елагинымъ, И. П. Мелис-

[1]) По современному обычаю, тѣмъ родителямъ-дворянамъ, которые заявляли желаніе обучать дѣтей своихъ, принятыхъ на службу, обыкновенно этихъ дѣтей отпускали домой, но съ обязательствомъ обучить ихъ дома: «ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, фортификаціи, артиллеріи, инженерному искусству, иностраннымъ языкамъ и, сколько возможно, и военной экзерциціи». Въ какой степени была выполнена, по отношенію къ В. И. Майкову, эта обширная программа, можемъ судить потому, что онъ *не зналъ ни одного иностраннаго языка.*

сино, братьями А. И. и В. И. Бибиковыми и княземъ Ѳ. А. Козловскимъ, однимъ изъ раннихъ русскихъ вольнодумцевъ XVIII вѣка. Вѣроятно, около того же времени встрѣтился онъ впервые съ А. П. Сумароковымъ, передъ которымъ совершенно искренно преклонялся и благоговѣлъ до конца жизни. Недаромъ онъ говоритъ о началѣ своей литературной дѣятельности, что „спознался съ Аполлономъ, подражая полночному Расину"... Подражаніе, дѣйствительно, выразилось въ томъ, что В. И. Майковъ, принявшись за перо, написалъ цѣлый рядъ торжественныхъ одъ и нѣсколько басенъ, основою нѣкоторыхъ послужили, отчасти, произведенія народной литературы. Во время этого же пребыванія въ Москвѣ, В. И. Майковъ издалъ въ свѣтъ первое крупное произведеніе свое: поэму „*Игрокъ Ломбера*", которая такъ понравилась публика, что въ короткое время выдержала три изданія.

В. И. Майковъ. По современному портрету.

Но цвѣтущимъ временемъ В. И. Майкова, какъ писателя, были тѣ 5—6 лѣтъ, которыя онъ провелъ въ Петербургѣ, начиная отъ 1768 г. Онъ явился сюда уже съ извѣстностью крупнаго писателя, пользовавшагося вниманіемъ и расположеніемъ публики. Поэтому неудивительно, что, кромѣ связей литературныхъ, остроумный писатель пріобрѣлъ здѣсь и новыя связи въ высшемъ кругу общества: сблизился съ Г. Г. и А. Г. Орловыми и З. Г. Чернышевымъ. Онъ писалъ одновременно и для сцены [1]), принималъ участіе въ современныхъ журналахъ

[1]) Трагедіи «Агріопа» и «Ѳемистъ и Іеронима» были имъ написаны въ 1769 и 1773 гг.—въ началѣ и въ концѣ его литературной карьеры.

(напр., въ „Трутнѣ“ Новикова) и создалъ свою сатирическую эпопею „*Елисей или раздраженный Вакхъ*“, которая, несмотря на нѣкоторую нескромность своей фабулы и грубый реализмъ нѣкоторыхъ картинъ и описаній, все же принадлежитъ къ наиболѣе оригинальнымъ и наиболѣе замѣчательнымъ эпическимъ произведеніямъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Хотя въ содержаніи поэмы и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ ея и чувствуется подражаніе классическимъ образцамъ; но, въ общемъ, вся поэма развивается на чисто-народной, бытовой основѣ, и главный герой поэмы, пьяный ямщикъ Елисей, особенно ярко выступаетъ характерными сторонами своего типа на фонѣ ложно-классическаго Олимпа и его боговъ, руководящихъ дѣйствіями „Елисея“. Многія сцены, описываемыя авторомъ живо и образно, ясно указываютъ на то, что онъ превосходно знакомъ съ бытомъ нашего простонародья и притомъ обладаетъ несомнѣннымъ сатирическимъ талантомъ и тонкою наблюдательностью. Многія картины (напр., картина кулачнаго боя Валдайцевъ съ Зимогорами) полны жизненной правды и, видимо, прямо выхвачены изъ живой дѣйствительности: изъ той же дѣйствительности почерпнуты и многія описанія, которыя еще и до сихъ поръ не утратили правдивости и яркости красокъ. Припомнимъ, напр., описаніе современной полицейской тюрьмы, помѣщенное во второй пѣснѣ поэмы, когда Ермій (Гермесъ) нисходитъ въ тѣ «Елисей» В. И. Майкова.

«... темничныя юдоли,
Гдѣ скука, распростря свою ужасну власть.
Предвозвѣщала всѣмъ колодникамъ напасть.
Тамъ зрѣлися вездѣ томленія и слезы
И были тамъ на всѣхъ колодки и желѣзы.
Тамъ нужныхъ не было для жителей потребъ:
Вода ихъ питіе, а пища только хлѣбъ.
Не черновидныя стояли тамо ложи.
Висѣли по стѣнамъ цыновки и рогожи,
Раздранны рубища всегдашній ихъ нарядъ.
И обоняніе единый только смрадъ;
Среди ужаснаго и скучнаго толь дома...
Покойно тамъ не спятъ и сладко не ѣдятъ:
Всѣ жители оттоль какъ будто вонъ глядятъ,
Лишенны вольности, напрасно стонъ теряютъ,
И своды страшные ихъ стонъ лишь повторяютъ:
Ихъ слезы, ихъ слова не внятны никому».

И въ противоположность этой мрачной картинѣ темницы и заключеннымъ въ ней колодникамъ, такъ и просится другая, чрезвычайно привлекательная картина сельской природы, полной красокъ и звуковъ...

«Тамъ воды ясныя, какъ чистое стекло,
Между зелеными кустами извиваясь,
То индѣ межъ собой въ единъ ручей сливаясь,
Какъ сонныя въ брегахъ излучистыхъ текли,
И образъ надъ собой стоящихъ древъ влекли—
И роза, и нарцисъ себя въ нихъ также зрѣли.
Тамъ слышатся вездѣ пастушески свирѣли,
Которыя стрегли овечекъ отъ звѣрей,
Тамъ также слышался пріятный соловей,
Который, плѣнникъ ставъ прекрасныя Венеры,
Высвистывалъ любовь чрезъ разные манеры...
Тутъ стука не было отъ дятловыхъ носовъ
И также не было тамъ филиновъ и совъ—
Казалось, что тутъ вся природа отдыхала,
Одна лишь горлица о миломъ воздыхала,
Котораго въ тотъ день лишилася она...»

А вотъ, рядомъ съ этими двумя отрывками, изъ той же самой поэмы, насмѣшливый отзывъ автора о тѣхъ „щеголяхъ", которые ѣздятъ въ Парижъ „людей посмотрѣть и себя показать". В. И. Майковъ замѣчаетъ, что

... «Ѣздятъ щеголи туда не ради скуки.
А если весело тамъ время проводить,
Такъ должно по домамъ кофейнымъ походить:
Узнать, въ какіе дни тамъ зрѣлища бываютъ,
Какіе и когда кафтаны надѣваютъ,
Какіе носятъ тамъ тупеи и виски,
Какія тросточки, какіе башмаки,
Какія стеклышки, чулки, манжеты, пряжки,
Чтобъ, выѣхавъ оттоль, одѣться безъ промашки,
И тѣмъ подъ судъ себѣ подобнымъ не подпасть.
Умѣти изъяснить свою безстыдну страсть,
Вертѣться, вздоръ болтать, по самой новой модѣ,
Какая только есть во вѣтренномъ народѣ.»

Какъ на чрезвычайно любопытную и еще весьма рѣдкую въ то время черту поэтическаго творчества, укажемъ, въ поэмѣ В. И. Майкова, его ссылки на довольно распространенную въ XVIII вѣкѣ печатную и лубочную литературу, и даже на народныя пѣсни [1]), изъ которыхъ онъ заимствуетъ краски и образы. Такъ, опи-

[1]) «Изъ *пѣсни* взятъ уборъ, *котору у приволья бурлаки волскіе*, напившися, поютъ, а пѣсенку сію *Камышенкой* зовутъ:

Рѣка, что устьецомъ въ мать-Волгу протекаетъ,
Искусство, красоту отвсюду извлекаетъ.»

сывая богатырскій, непробудный сонъ своего героя, „пьянаго Елеськи", Майковъ восклицаетъ, пародируя напыщенныя псевдо-классическія „обращенія" и примѣняя ихъ очень ловко къ данному случаю:

«О вы, преславные творцы *Венеціана*,
Петра златыхъ ключей, Бовы и Еруслана!
У васъ-то витязи всегда сыпали такъ,
Что ихъ прервати сна не могъ ни чей кулакъ...
Теперь повѣрю я, что вы не врали въ вѣкъ,
Когда сыскался здѣсь такой же человѣкъ,
Котораго Ермій возстати какъ ни нудитъ, —
Толкаетъ, щиплетъ, бьетъ—однако, не разбудитъ.»

В. И. Майковъ и его критика.

Оригинальная и любопытная во многихъ отношеніяхъ поэма В. И. Майкова является довольно одинокою въ кругу поэтическихъ произведеній въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка. Своимъ шутливымъ содержаніемъ и явнымъ осмѣяніемъ формъ ложно-классической эпической поэмы она изобличаетъ въ авторѣ большую самостоятельность творчества и вѣрное пониманіе тѣхъ началъ народности, которыхъ не доставало еще нашей молодой литературѣ, переполненной подражаніями иностраннымъ образцамъ и передѣлками чуждыхъ намъ поэмъ и сюжетовъ. Какъ на любопытную черту современныхъ литературныхъ нравовъ можно именно указать на то, что эта самостоятельность не нравилась многимъ изъ современниковъ В. И. Майкова и одинъ изъ нихъ [1]), постоянно враждовавшій съ нимъ, на страницахъ современныхъ журналовъ даже прямо осмѣиваетъ эту самостоятельность, какъ важный недостатокъ. Намекая на незнакомство Майкова съ иностранными языками, придирчивый критикъ его говоритъ:

«Латинскій мнѣ языкъ и русскій неизвѣстенъ,
Другихъ не знаю я, а прочихъ не училъ;
Однако, лишь перо въ чернила омочилъ,
То вздумалъ о себѣ, что есть во мнѣ примѣта
Такая, что мнѣ быть учителемъ полсвѣта».

Невполнѣ понятнымъ и справедливымъ въ этомъ порицаніи представляется намъ только укоръ въ „незнаніи русскаго языка", такъ какъ В. И. Майковъ владѣетъ имъ ничуть не хуже всѣхъ современныхъ ему писателей, и даже могъ бы служить образцомъ для многихъ изъ числа своихъ современниковъ. Поясненіе этого укора слѣдуетъ, быть-можетъ, искать въ той чрезвычайной про-

[1]) М. Д. Чулковъ, въ своихъ журналахъ «*И то, и се*», и «Парнасскомъ Щепетильникѣ».

стотѣ языка и оригинальности его народнаго склада, которыми отличаются басни и поэмы В. И. Майкова... Въ противоположность общепринятой надутости и важной высокопарности современной поэтической рѣчи, эта простота языка могла представляться критикамъ и неумѣньемъ, и недостаткомъ. Недаромъ же самъ В. И. Майковъ такъ простодушно смѣялся надъ „пухлымъ слогомъ" поэта В. П. Петрова...

Какъ бы то ни было, за В. И. Майковымъ, какъ за поэтомъ, остается заслуга признанія реальныхъ потребностей жизни и внесенія живыхъ чертъ народнаго быта въ область манерной и скучной эпической поэзіи въ такое время, когда она была еще вполнѣ подчинена стѣснительнымъ условіямъ ложно-классической теоріи.

Виньетка, заимствованная изъ собранія сочиненій Капниста.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Державинъ—пѣвецъ Екатерины.—Біографическія свѣдѣнія о немъ.—Его «Записки», какъ цѣнный матерьялъ для изученія его личности и его времени.—Поэзія Державина, какъ переходъ отъ ложно-классической эпохи къ эпохѣ романтической.—Народный элементъ въ произведеніяхъ Державина.

Исторія литературы тѣсно бываетъ связана съ общимъ ходомъ исторіи страны и народа:—недаромъ литературу называютъ отраженіемъ духовной жизни народа. Она, дѣйствительно, и живетъ,

Г. Р. Державинъ, въ молодости. Съ оригинала Боровиковскаго.

и умираетъ вмѣстѣ съ народомъ. Мало того: она служитъ постоянно живымъ отголоскомъ его радостей и печалей, его подвиговъ и самопожертвованій, его торжествъ и страданій... Наиболѣе громкія славою, наиболѣе блестящія историческія эпохи всегда бывали богаты и проявленіемъ усиленной литературной дѣятельности, и мы видимъ, что очень часто имена великихъ историческихъ дѣятелей нераз-

лучно связаны съ именами тѣхъ дѣятелей литературныхъ, которые служили наиболѣе полнымъ и яркимъ выраженіемъ ихъ эпохи. Такъ, съ вѣкомъ Августа неразрывно связаны имена Виргилія и Горація... Такъ и съ вѣкомъ Екатерины связано имя Державина, „пѣвца Фелицы“; и эта связь такъ жива, такъ тѣсна, такъ естественна, что вѣкъ Екатерины, богатый подвигами и славой, былъ бы какъ будто менѣе блестящимъ и менѣе громкимъ, если бы ему недоставало мощной лирики Державина, которая служитъ какъ бы гармоническимъ эхомъ событій, какъ бы отраженіемъ ореола, осѣняющаго „Сѣверную Семирамиду“. И нельзя не отмѣтить того отраднаго факта, что эта лирика не была вызвана ни корыстнымъ желаньемъ наградъ, ни жаждою чиновъ и почестей, ни странною обязанностью придворнаго поэта, который, волей-неволей, долженъ воспѣвать и отмѣчать своими пѣснопѣніями всѣ оффиціально-важныя событія придворной жизни... Державинъ не былъ придворнымъ поэтомъ, и его лучшія произведенія, посвященныя Екатеринѣ, были плодомъ свободнаго генія, плодомъ настоящаго восторга, данью горячаго сердца. Онъ не могъ писать по заказу, и даже тогда, когда ему хотѣлось бы удовлетворить желанію Екатерины, при отсутствіи личнаго вдохновенія, „все выходило у него слабо, холодно и натянуто, какъ у цеховыхъ стихотворцевъ... и онъ не былъ въ состояніи ничего произвести, чѣмъ бы и самъ могъ быть доволенъ“. Такъ говоритъ онъ о себѣ самъ, въ откровенной бесѣдѣ съ собою — въ своихъ драгоцѣнныхъ „Запискахъ“. И мы смѣло можемъ выразить отношеніе Державина къ Екатерининской эпохѣ такимъ выводомъ: если слава и величіе Екатерины были достойны такого пѣвца, какъ Державинъ, то, въ свою очередь, и Державинъ былъ вполнѣ достоинъ высокаго назначенія—быть пѣвцомъ Екатерины. Біографія Державина, полная жизни и дѣйствія, заслуживаетъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько подробнѣе, потому что служебная карьера поэта была одною изъ рѣдкихъ по яркости и силѣ вынесенныхъ имъ впечатлѣній, по огромному обилію и разнообразію встрѣчъ и столкновеній съ людьми самыхъ противоположныхъ слоевъ общества, - наконецъ, по той непосредственной близости, въ которую онъ былъ поставленъ своимъ служебнымъ положеніемъ къ тремъ монархамъ: Екатеринѣ, Павлу I и Александру I. Притомъ же, біографіи Державина посчастливилось болѣе, чѣмъ біографіямъ другихъ нашихъ поэтовъ. Отъ него самого дошли до насъ „Записки“ — памятникъ въ высшей степени важный во многихъ отношеніяхъ; масса документовъ, уже разобранныхъ и разработанныхъ, знакомитъ насъ съ его служебною и оффиціальною дѣятельностью; обширная переписка вводитъ насъ въ кругъ его отношеній къ друзьямъ и современникамъ;

наконецъ, и самыя „Сочиненія" его дошли до насъ съ весьма цѣнными примѣчаніями одного изъ ближайшихъ друзей поэта, который сообщилъ любопытнѣйшій литературный комментарій и объяснилъ намъ всѣ побужденія, руководившія авторомъ при написаніи того или другого стихотворенія, всѣ намеки, внесенные имъ въ его поэтическія произведенія. И все это сличено, разработано и изучено академикомъ Я. К. Гротомъ — талантливымъ и усидчивымъ ученымъ, который поставилъ себѣ изученіе жизни и твореній Державина задачею многихъ лѣтъ своей жизни, — изучено и разработано въ такой степени, что пониманіе поэзіи Державина и его значенія въ исторіи нашей словесности немыслимо безъ знакомства съ трудомъ Грота.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ (род. 3 іюля 1743 г., ум. 9 іюня 1816 г.), ведетъ свое родоначаліе отъ Багрима-Мурзы, выѣхавшаго въ Россію изъ Орды, въ княженіе Темнаго, въ XV вѣкѣ [1]). Родители поэта были бѣдные дворяне Казанской губерніи, и самъ онъ родился близъ Казани (въ селѣ Кармачахъ или Сокурахъ) Отецъ Гавріила Романовича служилъ въ арміи, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, а потомъ переведенъ былъ въ оренбургскіе полки, и почти все дѣтство поэта протекло на этой далекой восточной окраинѣ Россіи. Послѣ кончины отца, мать поэта, Ѳекла Андреевна, очутилась въ большой нуждѣ, и при этомъ должна была вести тяжбу съ сосѣдями и хлопотать о правахъ дѣтей на службу. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ объ ученіи дѣтей нечего было и думать, и оно было до такой степени пренебрежено, что по 14-му году Державинъ зналъ только русскую грамоту и былъ нѣсколько знакомъ, и то только практически, съ нѣмецкимъ языкомъ [2]). Не болѣе удачны были и другія мѣропріятія къ домашнему обученію Гавріила Романовича, когда его мать поселилась въ Казани; но, на его счастіе, здѣсь, въ 1787 году, открылась первая губернская гимназія „подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго университета", отъ котораго она являлась какъ бы отпрыскомъ, — и братья Державины были немедленно записаны въ это училище. Программа новой гимназіи была, впрочемъ, такая же курьезная, какъ и программа Шляхетнаго Кадетскаго корпуса; обучали въ ней — „языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому; ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію" подъ дирекціею извѣстнаго въ то время писателя для сцены—*Михаила Ивановича Верев-*

Біографія Державина.

[1]) Внукъ этого мурзы, по прозванію Держава, далъ прозваніе всему потомству своему,—всѣмъ Державинымъ.

[2]) Въ Оренбургѣ, Державинъ былъ нѣкоторое время помѣщенъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ ссыльнаго нѣмца Розе, о которомъ онъ самъ говоритъ, что онъ былъ «невѣжда и не зналъ даже грамматическихъ правилъ».

кина. Результаты воспитанія и обученія по такой странной программѣ были, конечно, довольно плачевные. Самъ Державинъ пишетъ въ своихъ „Запискахъ“: „болѣе всего старались, чтобы научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представляли на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовали и фехтовали въ торжественныхъ собраніяхъ при случаѣ экзаменовъ, что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило имъ нѣкоторую людскость и розвязь въ обращеніи“. Единственнымъ результатомъ трехлѣтняго пребыванія въ гимназіи было то, что здѣсь Державинъ ознакомился съ произведеніями Сумарокова, Ломоносова, съ „Телемакомъ“ и „Аргенидою“ Тредіаковскаго, и сталъ пытаться подражать имъ, складывая слова въ размѣренныя строчки. Но всѣ эти слабые зачатки обученія и воспитанія чуть не погибли, когда Державинъ въ 1762 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, на службу въ томъ Преображенскомъ полку, въ который онъ былъ записанъ уже много лѣтъ тому назадъ. У юноши не было ни средствъ, ни знакомствъ, ни знатныхъ покровителей, и онъ, поэтому, былъ вынужденъ жить въ казармахъ съ остальными солдатами, въ тѣсныхъ каморкахъ, въ которыхъ, кромѣ его, помѣщалось еще нѣсколько человѣкъ, и изъ нихъ многіе съ женами. Въ первый же годъ службы, юному Державину пришлось быть свидѣтелемъ знаменитыхъ „Петербургскихъ дѣйствъ“, т. е. переворота, вслѣдствіе котораго Екатерина вступила на престолъ—и онъ оставилъ намъ въ своихъ „Запискахъ“ нѣсколько любопытныхъ страницъ объ этихъ историческихъ дняхъ. Но житье его, среди солдатчины, было самое бѣдственное; заниматься чтеніемъ онъ могъ только по ночамъ: „когда всѣ улягутся, читалъ книги нѣмецкія и русскія, какія гдѣ достать случалось, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ“. Два года спустя, онъ уже начинаетъ заниматься правильнѣе, „стараясь научиться стихотворству изъ книги о поэзіи, сочиненной Тредіаковскимъ, и изъ прочихъ авторовъ, какъ гг. Ломоносовъ и Сумароковъ“... Но при этомъ сознается, что болѣе этихъ классиковъ ему нравились легкія произведенія князя Ѳ. А. Козловскаго, изъ которыхъ онъ „научился цезурѣ или раздѣленію александрійскаго ямбическаго стиха на двѣ половины“. Такъ, цѣлыя десять лѣтъ, до 1772 г., Державину пришлось тянуть тяжелую солдатскую лямку, послѣдовательно переходя черезъ всѣ ступени солдатства: быть и капраломъ, и каптенармусомъ, и сержантомъ. Наконецъ, онъ былъ произведенъ въ прапорщики... Это время солдатской службы и первое время офицерства было для Державина тяжелымъ иску-

Г. Р. Державинъ. Съ картины Тончи, сохранившейся въ семействѣ Львовыхъ.

сомъ:—онъ самъ сознается, что за это время видѣлъ себя много разъ на краю гибели, благодаря безумному увлеченію картами и тѣмъ крайне распущеннымъ нравамъ молодежи, которые Державинъ описываетъ самыми мрачными красками. Однакоже, его физически и нравственно-здоровая натура выдержала все, и будущій поэтъ могъ выйти чистымъ изъ омута; а съ 1773 г. для него началась уже та подвижная и дѣятельная жизнь, которая отвлекла его навсегда отъ всякихъ суетныхъ забавъ.

Державинъ и Пугачевщина.

Когда разразилась Пугачевщина, Бибиковъ, отправленный государыней на усмиреніе мятежа, искалъ себѣ для исполненія порученій молодого, расторопнаго офицера, который былъ бы знакомъ съ Казанскимъ и Оренбургскимъ краемъ. Кто-то указалъ ему на Державина... И вотъ, Державину пришлось прослужить на Востокѣ Россіи почти три года, исполняя порученія Бибикова и принимая дѣятельное участіе въ выполненіи возложеннаго на него труднаго дѣла. Здѣсь, между прочимъ, онъ обратилъ на себя вниманіе начальства тѣмъ, что, отъ имени Казанскаго дворянства, написалъ отвѣтную рѣчь императрицѣ Екатеринѣ, на ея рескриптъ, обращенный къ дворянству [1]). За этотъ же періодъ времени были написаны Державинымъ такъ-называемыя „Читалагайскія оды“ [2]) и нѣсколько уже вполнѣ самостоятельныхъ стихотвореній, выказывающихъ несомнѣнный поэтическій талантъ („Ода на знатность“, „На смерть Бибикова“ и т. д.).

Но результаты дѣятельной и безкорыстной службы Державина (которою онъ всегда очень гордился) были незавидны: Державину самому пришлось напоминать о своихъ заслугахъ и хлопотать о ихъ вознагражденіи. И только уже въ 1777 г., послѣ долгихъ и непріятныхъ хлопотъ, и то при заступничествѣ Потемкина, Державину удалось получить въ награду чинъ бомбардиръ-поручика и 300 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Но онъ уже не захотѣлъ продолжать военную службу, и рѣшилъ перейти въ гражданскую, причемъ его новый чинъ былъ приравненъ къ чину коллежскаго совѣтника.

Державинъ въ Сенатѣ.

Вскорѣ послѣ того, Державинъ поступилъ на службу въ Сенатъ, подъ начальство князя А. А. Вяземскаго (одного изъ вліятельнѣйшихъ вельможъ въ царствованіе Екатерины) и, ревностно занимаясь службой, могъ, наконецъ, усердно заняться и литературой. Этому много способствовали тѣ знакомства, которыя завязалъ онъ въ домѣ князя, съ талантливыми, умными и образованными людьми: Н. А. Львовымъ, В. В. Капнистомъ и И. И.

---

[1]) Рѣчь эта была тогда же напечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и составляетъ едва ли не первый печатный трудъ Державина.

[2]) Названы такъ отъ горы Читалагая, противъ колоніи Шафгаузенъ (въ Саратовской губ.).

Хемницеромъ—впослѣдствіи друзьями Державина. Къ тому же и Державинъ около этого времени остепенился, женился по любви на молодой и прекрасной дѣвушкѣ и обзавелся своимъ домкомъ. Но, усердно трудясь надъ обработкою своего поэтическаго дара, онъ все еще никакъ не могъ напасть на свой настоящій путь и выбиться на самостоятельную дорогу. Все, что онъ писалъ, было не болѣе, какъ подражаніемъ Ломоносову, и онъ чувствовалъ, что у него не хватаетъ силъ на то, чтобы поддержать постоянно въ своихъ стихахъ тотъ высокій строй „и великолѣпіе, и пышность, единственно россійскому Пиндару свойственныя". И вотъ, по собственнымъ словамъ, съ 1778—1779 гг., изобрѣлъ онъ „совсѣмъ особый путь, будучи предводимъ наставленіями г. Баттё и совѣтами друзей своихъ—подражая болѣе Горацію". При этомъ, не вполнѣ довѣряя и друзьямъ своимъ, которые очень хвалили его новыя произведенія, Державинъ придумалъ оригинальную уловку, для того, чтобы убѣдиться въ ихъ дѣйствительномъ достоинствѣ: онъ сталъ печатать свои стихотворенія въ журналѣ „*Петербургскій Вѣстникъ*", безъ имени автора, и отъ редактора Брайко узнавалъ о томъ, какъ къ нимъ относится публика. Такъ выпущены были въ свѣтъ такія прекрасныя произведенія, какъ „На смерть князя Мещерскаго"; „Ключъ"; „На рожденіе порфиророднаго отрока"; „Кружка"; „Къ первому сосѣду" и т. д.

И вотъ, наконецъ, въ 1782 г., вѣнцомъ всѣхъ такихъ произведеній въ новомъ родѣ, явилась знаменитая ода „*Киргизъ-Кайсацкой царевнѣ Фелицѣ*", вызванная сказкою Екатерины „*О царевичѣ Хлорѣ*", изданною въ 1781 г. Зная, что Екатерина любитъ веселое и шутливое отношеніе къ своимъ приближеннымъ, поэтъ „во вкусѣ ея и писалъ насчетъ ея ближнихъ, хотя безъ всякаго злорѣчія, но съ довольною издѣвкою и съ шалостью". Однакоже, эту оду Державинъ и не думалъ предназначать для печати: ему это казалось слишкомъ рискованнымъ, и онъ не скрывалъ ее только отъ ближайшихъ своихъ друзей. Но друзья пришли отъ нея въ восторгъ, стали переписывать и распространять въ спискахъ, и, наконецъ, даже способствовали ея напечатанію (черезъ княгиню Дашкову). И когда въ печатномъ видѣ ода попала въ руки Екатерины, она чрезвычайно осталась одою довольна: отъ нея, дѣйствительно, вѣяло новою жизнью, молодымъ, свѣжимъ и сильнымъ талантомъ. Екатерина выразила свое удовольствіе автору, пославъ ему богатый подарокъ [1]), въ шутливой формѣ. Этотъ блестящій успѣхъ поэта не полюбился его начальнику, въ то время всемогущему князю Вяземскому, которому было непріятно, что милости государыни, помимо его, изливаются на его

Ода Фелицѣ

[1]) 500 червонныхъ въ золотой табакеркѣ, съ надписью: «Отъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Фелицы—мурзѣ Державину».

подчиненнаго — и онъ сталъ искать каждаго удобнаго случая, чтобы выказать Державину свое неудовольствіе. Державинъ не уступалъ ему; но, зная, что борьба ему не по силамъ—рѣшился выйти въ отставку... Унывать ему не приходилось: онъ былъ въ самой лучшей порѣ развитія своей поэтической дѣятельности и изъ-подъ пера его выливались въ это время его лучшія произведенія: ода „*Богъ*“, которую онъ въ это время закончилъ, и одно изъ самыхъ гармоническихъ его стихотвореній: „*Видѣніе Мурзы*“,—написанныя въ благодарность Екатеринѣ за ея милостивое вниманіе къ поэту. Эти произведенія разомъ подняли Державина на такую высоту въ глазахъ всего русскаго общества, что имя его съ восторгомъ стали поминать рядомъ и даже выше тѣхъ именъ, которыя еще недавно казались ему облеченными недосягаемою славою. Къ тому же и время было такое, что одно удачное стихотвореніе способно было вывести въ люди и создать карьеру автору...

Державинъ губернаторъ.

Такъ точно случилось и съ Державинымъ: Екатерина въ эту пору настолько благоволила къ нему, что даже не послушалась никакихъ наговоровъ князя Вяземскаго, и, тотчасъ по выходѣ его изъ Сената, опредѣлила его олонецкимъ губернаторомъ (1784 г.). Но съ горячимъ и несдержаннымъ характеромъ Державина мудрено было удержаться на службѣ въ провинціи, въ особенности при крайней неопредѣленности въ границахъ власти между намѣстникомъ и губернаторомъ. Вслѣдствіе постоянной вражды и борьбы съ намѣстникомъ Тутолминымъ, Державинъ и года не просидѣлъ на данномъ ему мѣстѣ. Въ 1785 г. онъ уже былъ переведенъ губернаторомъ въ Тамбовъ, и здѣсь, такъ же ревностно, какъ и всегда, принялся за службу, за управленіе губерніей и за всякія нововведенія въ общественной жизни. Стараясь оживить провинціальное общество и просвѣтить далекую окраину, онъ открылъ у себя въ домѣ школу для приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, устраивалъ у себя вечерніе пріемы и домашніе спектакли—и другихъ увлекъ къ тому же своимъ примѣромъ. Потомъ, съ разрѣшенія намѣстника, онъ даже построилъ въ Тамбовѣ особый театръ (въ 1787 г.), а въ слѣдующемъ году открылъ съ великимъ торжествомъ первое народное училище. Позднѣе, онъ задумалъ, для сокращенія канцелярской переписки, завести типографію — *первую типографію въ этой мѣстности Россіи.* Но при этомъ онъ безпощадно и горячо преслѣдовалъ „неправду“ во всѣхъ видахъ, и дѣйствовалъ такъ круто и поспѣшно, что нажилъ себѣ въ короткое время массу враговъ, и эти враги нашли себѣ сильнаго защитника, въ лицѣ намѣстника, графа Гудовича, который не ладилъ съ Державинымъ и, пользуясь своими огромными связями въ столицѣ, постоянно обносилъ его и чер-

И

№ 71. С. п...

Милостивый ...

верь Иванов...

Генералъ-...

мнѣ отъ сего ...

чайшимъ Его ...

повелѣніи, вы...

объявленномъ ...

циновыхъ ок...

ное ко мнѣ ...

доставлю ...

дара моего и...

по сему дѣл...

къ его высок...

Второму Соседу
1796 г.

Не пышность резныхъ Колмогоръ,
Не мраморъ Тивдіи и Рифея,
Не Невски зеркала, фарфоръ
Не шелкъ Баки и Глазунова
Не благовонныя пары
[illegible] известность;
но твой твердый духъ и Честность,
а паче Музъ дары.

Почто же мой второй Соседъ
Зданіемъ пышнымъ, что отражаетъ
Лучи Солнца за стекла свѣтлы
обгражденные
отъ того Заборъ?
Чрезъ поле, пруды и рѣки
ты мнѣ тобой нетеченъ
твой не насыщенъ взоръ?

Въ тотъ мигъ, какъ съ почвы до Конька
и около прозрачныхъ Вертоградъ
мое старинное сѣдка
съ твоимъ обозрѣвая рядомъ,
ты въ гордости своей съ высотъ
на низменные мои мшисты кровы
наводишь темный Садъ Кедровый
и шумны токи водъ,

Кто вѣсть, что рокъ готовитъ намъ?
быть можетъ, что сіи Чертоги,
назначенны тобой пирамъ,
свидѣтели времянъ и строги
встанутъ [illegible] обратятся?
За частію [illegible] руки взять;
и чтобъ твой рѣвъ, [illegible] всѣхъ свѣту,
небѣся о Закатѣ.

Автографъ Державина. Рукописный оригиналъ стихотворенія «Второму Сосѣду» (1796 г.). Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

Автографъ Державина. Рукописный оригиналъ прозы. Хранится въ томъ же отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

нилъ всѣ его дѣйствія въ глазахъ Екатерины. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1788 г. Державинъ былъ неожиданно отрѣшенъ отъ должности и даже преданъ суду, по обвиненію въ различныхъ, будто бы допущенныхъ имъ, упущеніяхъ по службѣ.

Дѣло тянулось долго и разбиралось въ Сенатѣ въ Москвѣ. Державинъ горячился, хлопоталъ, оправдывался, давалъ объ- **Державинъ не у дѣлъ.**

Г. Р. Державинъ, въ положеніи юстицъ-министра, при Александрѣ I.

ясненія — и дѣло кончилось ничѣмъ. Говорятъ даже, будто Екатерина, когда ей было представлено дѣло Державина, сказала, что она „не можетъ обвинить пѣвца Фелицы"... Но онъ все же остался безъ службы, въ тѣни—не у дѣлъ. А между тѣмъ онъ, по собственному его выраженію, горѣлъ желаніемъ „доказать Государынѣ, что онъ способенъ къ дѣламъ, неповиненъ руками, чистъ сердцемъ и вѣренъ въ возложенныхъ на него должностяхъ".

И вотъ, съ этою цѣлью, онъ и отправился изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ и сталъ добиваться аудіенціи у государыни, воображая, что она его выслушаетъ, что она пожелаетъ узнать истину...

Державинъ и фавориты. Аудіенціи онъ добился, путемъ всякихъ хлопотъ, поклоновъ и ходатайствъ, но аудіенція эта ни къ чему не привела. Державину было возвращено недоданное жалованье; даже приказано было производить ему это жалованье „до опредѣленія къ мѣсту“...[1]) Но между тѣмъ —мѣста ему не давали и держали его въ положеніи совершенно неопредѣленномъ, несмотря на то, что онъ имѣлъ пріѣздъ ко Двору по воскресеньямъ. „Не было у него никакого предстателя, который бы напомянулъ о немъ императрицѣ, то онъ и сталъ какъ бы забвеннымъ“... А между тѣмъ, самолюбіе, жажда дѣятельности, увѣренность въ томъ, что онъ можетъ и долженъ принести пользу въ дѣлахъ государственныхъ— все это терзало и мучило Державина. Однакоже, время было не такое, чтобы можно было выбиться въ люди и обратить на себя вниманіе какими бы то ни было заслугами: нужно было „имѣть руку“ и опираться на чье-нибудь сильное покровительство, чтобы

Могила «Плѣниры», первой жены Державина — на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

---

[1]) Въ эти тревожные годы Державинымъ было написано очень немногое; но все же, ко времени тамбовскаго губернаторства относятся нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній: ода «на смерть Румянцева», «Осень во время осады Очакова» и «Властителямъ и судьямъ»; послѣдняя изъ нихъ имѣла позднѣе очень странную судьбу.

Водопадъ «Кивачъ», воспѣтый Державинымъ въ его «Водопадѣ».

выдвинуться впередъ изъ толпы всякихъ „чающихъ" и „уповающихъ". Державинъ говоритъ по этому поводу въ своихъ „Запискахъ" совершенно откровенно: „не оставалось ничего другого дѣлать, какъ искать входа къ любимцу Государыни (П. А. Зубову) и черезъ него имѣть себѣ покровительство". Державинъ не былъ съ нимъ знакомъ, и рѣшился во что бы то ни стало искать протекціи заносчиваго и гордаго временщика [1]), къ которому доступъ былъ очень труденъ... „Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у Императрицы. Такимъ образомъ, ходя нѣсколько разъ, не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другого средства, *какъ прибѣгнуть къ своему таланту*; вслѣдствіе чего и написалъ оду „Изображеніе Фелицы" и къ 22-му числу сентября, т. е. ко дню коронованія Императрицы, передалъ черезъ Эмина, который въ Олонецкой губерніи былъ при мнѣ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду" [2]). Это было въ 1789 году. „Съ тѣхъ поръ я сему царедворцу сталъ знакомъ, но, кромѣ ласковаго обращенія, никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако, и одинъ входъ

[1]) П. А. Зубову было въ то время не болѣе 22-хъ лѣтъ отъ роду.

[2]) Къ этому Державинъ добавляетъ въ «Запискахъ» еще и слѣдующую подробность: «а сверхъ того, Императрица приказала приглашать меня и въ Эрмитажъ, и на прочія домашнія игры, какъ-то: на святки, когда онѣ наступали, и на прочія собранія».

къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ мнѣ много уваженія“. Эта страница „Записокъ“ до такой степени характерна и такъ ярко обрисовываетъ намъ придворные нравы и общественныя понятія нашей сѣверной столицы во второй половинѣ XVIII вѣка, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Остается только добавить къ ней, что и путемъ униженій Державинъ также ничего не могъ добиться, несмотря на то, что вскорѣ послѣ того его ода „на взятіе Измаила“ была очень благосклонно принята императрицей и удостоена богатаго подарка. Положеніе его при Дворѣ оказалось даже и очень затруднительнымъ, когда въ концѣ 1790 г. Потемкинъ вернулся изъ арміи и сталъ готовиться къ знаменитому празднеству

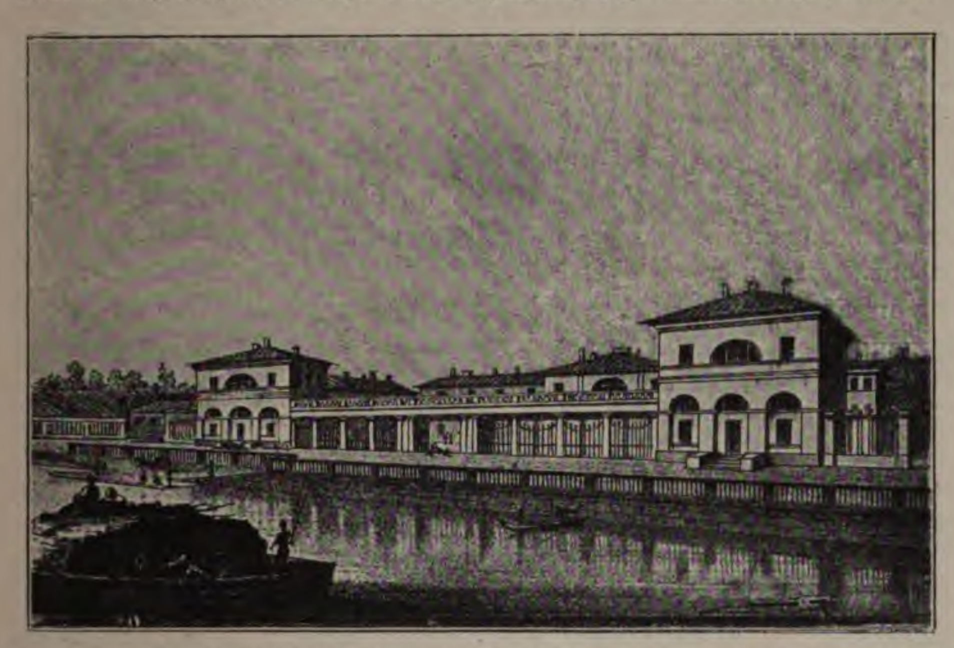
Казанская гимназія—мѣсто воспитанія Державина—старѣйшая изъ губернскихъ гимназій.

въ Таврическомъ дворцѣ. При Дворѣ завязалась страшная борьба партій—Потемкинской и Зубовской. Потемкинъ сталъ за Державинымъ ухаживать, потому что поручилъ ему сочиненіе торжественныхъ гимновъ и хоровъ къ празднеству; тогда и Зубовъ сталъ въ немъ заискивать со своей стороны, стараясь отвлечь его отъ Потемкина и переманить на свою сторону... И безхарактерный, слабодушный Державинъ, описывая такое свое затруднительное положеніе, наивно признается въ своихъ „Запискахъ“: „въ таковыхъ мудреныхъ обстоятельствахъ не зналъ, что̀ дѣлать и на которую сторону искренно предаться, ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ“...

„Не сумѣвши воспользоваться этими „мудреными обстоятельствами“ съ ловкостью опытнаго царедворца, Державинъ—много

потрудившійся для знаменитаго и блестящаго празднества (28 апрѣля 1791 года), на которомъ пѣли и хоры его сочиненія— не получилъ ничего и нисколько не улучшилъ своего положе-

Домъ въ Петрозаводскѣ, въ которомъ жилъ Державинъ, будучи олонецкимъ губернаторомъ.



Домъ Державина въ С.-Петербургѣ, на Фонтанкѣ, нынѣ Римско-Католическая Духовная Коллегія.

нія. Онъ, попрежнему, оставался безъ мѣста, и, вынужденный жить широко, проживалъ послѣднія средства...

Державинъ и Екатерина

О немъ вспомнили уже только въ концѣ 1791 г., и возвели его въ статсъ-секретари какъ разъ въ то время, когда открыты были разныя злоупотребленія въ Сенатѣ и началось разслѣдованіе громад-

Изъ виньетокъ къ сочиненіямъ Державина, рисованныхъ Н. А. Львовымъ.

наго дѣла, въ которое замѣшаны были многіе изъ окружавшихъ императрицу вельможъ. Никто не брался за разборъ этого дѣла и за доклады о немъ императрицѣ, и всю тягость ихъ взвалили на новаго секретаря, зная его безразсудную горячность и избытокъ служебнаго рвенія... Державинъ, дѣйствительно принялся за дѣло, порученное ему, съ такимъ усердіемъ, что вскорѣ успѣлъ имъ надоѣсть императрицѣ, и неоднократно навлекалъ на себя ея гнѣвъ своею излишнею прямотою и поспѣшною горячностью. Часто случалось, что Екатерина жаловалась окружающимъ на грубость и вспыльчивость Державина при докладахъ. „Случалось, что разсердится и выгонитъ его отъ себя"—такъ пишетъ онъ въ своихъ „Запискахъ" — „а онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ: зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить и тому подобное, ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ свою досаду, и сдѣлается, попрежнему, чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ:

— Боже мой! Кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня положилъ на себя клятву, чтобы, послѣ вчерашняго, ничего съ вами не говорить; но вы, противъ моей воли, дѣлаете изъ меня все, что хотите.

Она засмѣялась и сказала: „Неужели это правда?"

Державинъ сенаторъ.

Но несмотря на то, что близость къ императрицѣ льстила самолюбію Державина, что и Екатерина цѣнила многими его качествами, они стали мало-по-малу тяготиться другъ другомъ, и, два года спустя (въ 1793 г.), Державинъ, изъ статсъ-секретарей былъ назначенъ сенаторомъ. За этотъ періодъ времени онъ написалъ слѣдующія стихотворенія: „*Моя ласточка*" (въ память первой супруги), „*Мой истуканъ*", „*Вельможа*", „*На взятіе Варшавы*", „*Приглашеніе къ обѣду*", „*На рожденіе царицы Гремиславы*", „*На кон-*

Изъ виньетокъ къ сочиненіямъ Державина, рисованныхъ Н. А. Львовымъ.

чину графа Орлова", „*Аѳинскому вождю*" и „*Памятникъ*". Къ чести Державина надо замѣтить, что именно въ этотъ періодъ, когда Екатерина сильно измѣнила свой взглядъ на литературу и на свободу слова, Державинъ постоянно являлся передъ нею усерднымъ ходатаемъ и горячимъ заступникомъ за тѣхъ авторовъ и поэтовъ, которые подвергались опалѣ и гнѣву императрицы.

Державинъ министръ.

Дальнѣйшая служебная карьера Державина, при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, не имѣетъ значенія для его поэтической дѣятельности. Въ эти оба царствованья, онъ достигъ высокаго положенія служебнаго, занималъ чрезвычайно важныя государственныя должности и закончилъ свою карьеру министромъ юстиціи, при Александрѣ I. Но онъ уже былъ не на мѣстѣ, среди молодыхъ министровъ государя, не сочувствовалъ тѣмъ новымъ идеямъ, которыя Александра одушевляли, и продолжалъ попрежнему усердствовать и горячиться, не замѣчая, что онъ является „отсталымъ" среди окружающаго его поколѣнія. Наконецъ, въ 1803 г., онъ, по настоянію императора Александра, подалъ въ отставку изъ „юстицъ-министровъ".

Державинъ въ отставкѣ.

Въ отставкѣ Державинъ прожилъ еще тринадцать лѣтъ, проводя зимы въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ на Фонтанкѣ (гдѣ теперь католическая духовная коллегія), а весну и лѣто въ Новгородской губерніи, въ своемъ имѣніи: „Званкѣ", на лѣвомъ берегу Волхова. Эти послѣдніе годы жизни онъ прожилъ спокойно, безъ всякихъ треволненій, по привычкѣ посвящая большую часть своего времени занятіямъ литературнымъ. Писалъ лирическія сти-

Бесѣдка Фелицы, въ паркѣ, принадлежавшемъ къ дачѣ Александрово, владѣнію великаго князя Александра Павловича, близъ Павловска.

хотворенія; сочинилъ трагедіи: „Ирода и Маріамну", „Евпраксію", „Темнаго" и перевелъ „Федру" и „Зельмиру". Написалъ двѣ комическія оперы: „Дурочка умнѣе умныхъ" и „Женская дружба". Лучшимъ изъ стихотвореній Державина за этотъ періодъ было: „Жизнь Званская"—въ которомъ онъ подробно и картинно набрасываетъ идиллію своей сельской жизни и обстановки [1]). Постоянно интересуясь различными вопросами литературными, Державинъ, вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ (впослѣдствіи президентомъ Академіи Наукъ), основалъ въ С.-Петербургѣ литературное общество, подъ названіемъ „*Бесѣды любителей русскаго слова*"; въ изданіяхъ этого общества было помѣщено Державинымъ и его „*Разсужденіе о лирической поэзіи*". Гораздо важнѣе всего этого были два обширныхъ труда, которыми занимался Державинъ въ отставкѣ, среди спокойнаго досуга. Онъ написалъ полное и подробное „*Объясненіе къ своимъ стихотвореніямъ*"—авторскій комментарій къ поэтической его дѣятельности; и затѣмъ, въ 1812 году, по настоянію своего друга, Капниста, принялся за „*Записки*", въ которыхъ, также подробно и съ удивительною искренностью, изложилъ всѣ событія своей жизни и служебной дѣятельности. Странная судьба свела Державина, весною 1815 года (на экзаменахъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ), съ поэтомъ-юношей, въ которомъ онъ предугадалъ своего геніальнаго преемника: — Пушкинъ, въ присутствіи

---

[1]) Стихотвореніе это посвящено митрополиту Евгенію (Болховитинову), извѣстному своими учеными трудами. Онъ жилъ въ то время въ Хутынскомъ монастырѣ, по сосѣдству съ Державинымъ, и часто бывалъ у старца-поэта.

Изъ виньетокъ Н. А. Львова къ произведеніямъ Державина.

Державина, прочелъ свое стихотвореніе „*Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ*“; въ немъ двѣ строфы посвящены Державину и его поэтическому творчеству. Сначала, въ строфѣ седьмой, вспоминая о воинскихъ подвигахъ, Пушкинъ восклицаетъ:

Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ,
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

Послѣдняя строфа стихотворенія—

«О, Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй.
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца».

—эта строфа привела Державина въ восторгъ, и онъ съ полнымъ убѣжденіемъ говорилъ потомъ С. Т. Аксакову:

„— Мое время прошло... Скоро явится свѣту второй Державинъ — это Пушкинъ, который и въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей.

8-го іюня 1816 года Державинъ тихо и спокойно скончался въ своемъ помѣстьѣ „Званкѣ“. О его душевномъ настроеніи, въ послѣдніе дни жизни, прекрасно свидѣтельствуетъ то стихотвореніе, первую строфу котораго онъ успѣлъ написать на аспидной доскѣ (за три дня до смерти): Кончина Державина.

Изъ виньетокъ Н. А. Львова къ произведеніямъ Державина.

«Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья—
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы»... [1])

Тѣло Державина, по желанію, выраженному имъ при жизни, было предано землѣ въ церкви Хутынскаго монастыря (на правомъ берегу Волхова, въ 7 верстахъ отъ Новгорода), куда перевезено было по Волхову. Въ одномъ изъ современныхъ журналовъ находимъ слѣдующее описаніе скромныхъ похоронъ знаменитаго „пѣвца Екатерины":

„На погребеніи поэта были почти одни только родственники его. Гробъ несли на рукахъ офицеры стоящаго неподалеку оттуда полка; они не были знакомы лично ни ему, ни семейству его, но почли обязанностію отдать послѣдній долгъ великому россіянину"[2]).

[1]) Аспидная доска, съ этими послѣдними стихами Державина, была подарена его вдовою Императорской Публичной Библіотекѣ. Тамъ хранится она и понынѣ; но отъ начертанныхъ на ней строкъ почти ничего уже не осталось.

[2]) По завѣщанію вдовы поэта, Званка передана была потомъ въ вѣдѣніе Духовнаго Вѣдомства; на мѣстѣ дома Державина теперь находится женское воспитательное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія.

Державинъ писалъ всю жизнь; писалъ много и въ разныхъ родахъ. Очень многія изъ его произведеній были при его жизни напечатаны въ различныхъ журналахъ петербургскихъ и московскихъ. Но мысль о собраніи своихъ сочиненій и изданіи ихъ въ видѣ „полнаго собранія" пришла въ голову поэту не ранѣе, какъ въ 1798 году. Къ этому склонилъ поэта И. И. Шуваловъ, въ рукахъ котораго находился полный списокъ сочиненій поэта. Печатать рѣшено было въ Москвѣ. При этомъ встрѣтились цензурныя затрудненія: цензура не допускала напечатанія нѣкоторыхъ произведеній поэта цѣликомъ (напр. „Властителямъ и судьямъ"), а изъ другихъ выкидывала строки и строфы, „предлагая поэту

Званка, усадьба Державина, на лѣвомъ берегу Волхова. По современной гравюрѣ.

замѣнить ихъ другими". Поэтъ на это не согласился и изданіе вышло съ пробѣлами. Несмотря на то, что за этимъ изданіемъ слѣдилъ, по просьбѣ Державина, Карамзинъ—изданіе оказалось довольно плохимъ, и со стороны исправности текста, и со стороны внѣшности. Державинъ былъ имъ такъ недоволенъ, что хотѣлъ все уничтожить тотчасъ послѣ выпуска его въ свѣтъ, и друзья едва могли его уговорить, чтобы онъ отмѣнилъ это рѣшеніе. Въ 1804 г. были напечатаны „Анакреонтическія пѣсни" Державина, а въ 1808 г., наконецъ, появилось исправное и красиво отпечатанное изданіе сочиненій Державина въ 4-хъ томахъ. Онъ говоритъ, въ предисловіи къ этому изданію: „со временемъ все касающееся до моихъ письменъ, объяснено будетъ, если не мною са-

мимъ, то, по оставленнымъ мною запискамъ, другимъ кѣмъ-либо". Эти объясненія къ своимъ сочиненіямъ Державинъ и предполагалъ напечатать при одномъ изъ послѣдующихъ изданій; но при жизни своей не успѣлъ этого сдѣлать. Эти объясненія, гораздо позднѣе, были напечатаны отдѣльной книгой, а потомъ вошли цѣликомъ, какъ весьма существенная часть, въ прекрасное академическое изданіе подъ редакціею Грота.

Титульный листъ къ «Анакреонтическимъ пѣснямъ» Державина.

Поэзія Державина.

Переходя отъ бѣглаго очерка біографіи Державина къ обзору его поэтической дѣятельности, мы должны, прежде всего, указать на тѣ, довольно рѣзко обозначающіяся грани, которыя замѣтны въ развитіи его сильнаго и самостоятельнаго поэтическаго дара. Прежде всего замѣтимъ, что, по самому свойству своей природы, своего горячаго темперамента и своего живого характера, Державинъ неспособенъ былъ подчиняться никакому вліянію вполнѣ, съ рабскою покорностью, и благоговѣть передъ тѣмъ или другимъ образцомъ; не могъ подражать успѣшно, хотя и начиналъ, какъ всякій поэтъ, съ подражаній. Такъ, напр., восторгаясь одами Ломоносова, желая идти по слѣдамъ его, онъ ясно видѣлъ свое безсиліе, и самъ сознается, что „не могъ выдержать изящнымъ подборомъ словъ, свойственныхъ одному Ломоносову, великолѣпія и пышности рѣчи..." Роль „Россійскаго Пиндара" была ему не по плечу; онъ это сознавалъ и чувствовалъ, и смутно представлялъ себѣ, что въ его поэтическомъ дарѣ есть болѣе

Титульный листъ къ позднѣйшему изданію сочиненій Державина, съ рисункомъ А. Брюллова.

общаго съ Гораціанскою поэзіею (конечно, насколько онъ могъ съ нею ознакомиться по переводамъ и по истолкованіямъ друзей, знакомыхъ съ этимъ классикомъ въ подлинникѣ). Но у него совсѣмъ не было той выдержанности и уравновѣшеннаго спокойствія въ тонѣ, какимъ отличается поэзія Горація. Поэтому, въ лучшую пору развитія своего таланта, когда, по его мнѣнію, онъ набрелъ на „свой путь“, онъ создалъ изъ готовыхъ и условныхъ формъ теоріи нѣчто такое, что съ теоріей совсѣмъ не согласовалось, ни подъ какія условныя рамки не подходило; но зато, несомнѣнно, носило на себѣ своеобразный отпечатокъ новизны и большой оригинальности. Эта новизна и оригинальность болѣе всего сказывались въ томъ, что почти ни одно

Проектъ памятника Державину, составленный Гальбергомъ и Тономъ.

произведеніе не выходило изъ-подъ пера Державина написаннымъ съ начала и до конца въ одномъ и томъ же тонѣ или подъ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ. Очень часто, начиная свое произведеніе съ высокихъ и торжественныхъ нотъ, онъ сводилъ его потомъ къ насмѣшкѣ и шутливой сатирѣ; и, напротивъ того, начиная съ веселыхъ и игривыхъ строфъ, приходилъ, въ концѣ произведенія, къ серьезному и глубокому выводу. Теоретикъ, въ большинствѣ произведеній Державина, найдетъ массу промаховъ, ошибокъ и несообразностей; но безпристрастный критикъ не откажетъ поэту въ искренности его поэтическаго порыва, въ силѣ вдохновенія и въ большой силѣ и образности языка и самыхъ оборотовъ рѣчи.

Особенность такихъ поэтическихъ формъ, которыя, если Державинъ и не самъ пріобрѣлъ, то самъ приладилъ къ потребностямъ своего поэтическаго вдохновенія, заключается именно въ томъ, что онѣ всѣ составляютъ какой-то особый, смѣшанный поэтическій родъ, въ которомъ и ода является не одой, и посланіе не посланіемъ, и даже торжественно и высоко-настроенная элегія переходитъ то въ рядъ картинъ и описаній, то въ дидактику, то

Памятникъ Державину въ Казани, на театральной площади.

въ остроумную и ѣдкую сатиру. Онъ не стѣсняется ничѣмъ въ своемъ вдохновеніи: онъ даетъ ему полную волю, и „поэтическую свободу" понимаетъ такъ широко и своеобразно, что она, въ его произведеніяхъ, очень часто переходитъ въ „поэтическое своеволіе" и нарушаетъ общій строй произведенія рѣзкостью выраженій и произвольностью образовъ. Въ результатѣ выходитъ, что форма, въ строгомъ смыслѣ слова, нарушена, не соблюдена, не выдержана до конца, и въ частностяхъ многое не можетъ удовлетворить придирчивую критику; но, въ общемъ, произведеніе оставляетъ въ насъ впечатлѣніе чего-то живого, яркаго, реальнаго, и въ самой непослѣдовательности Державинскаго творчества чувствуется что-то родное, близкое всѣмъ намъ, свойственное нашей славянской натурѣ. Мѣстами ощущаются кое-какіе диссонансы, въ видѣ неряшливой и неумѣлой обработки языка и стиха, кое-какіе недомолвки и недочеты, въ видѣ неудачныхъ сравненій, неизящныхъ образовъ и излишнихъ преувеличеній, указывающіе на неразвитость вкуса, на недостатокъ образованности въ авторѣ. Но зато, рядомъ съ этими недостатками, въ по-

эзіи Державина встрѣчаются такіе величавые образы, такіе изумительно-мѣткіе эпитеты и проблески такого высокаго поэтическаго дара въ выборѣ словъ и выраженій, какимъ могутъ похвалиться немногіе изъ нашихъ поэтовъ,—до Пушкина. Если мы заглянемъ въ сочиненія Державина, то примѣры его красотъ напросятся сами собою, и намъ тѣмъ болѣе будетъ легко ихъ припоминать, что классическія произведенія Державина не только памятны намъ, но не вполнѣ забыты еще и молодымъ поколѣніемъ. Припомнимъ, напримѣръ, то описаніе зимы, которымъ начинается ода *„на Рожденіе на Сѣверѣ порфиророднаго отрока"*:

«Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Сыпалъ иней рукой.
Сыпалъ иней пушисты
И мятели воздымалъ,
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ»...

И рядомъ съ этимъ другое, такое же картинное описаніе наступленія зимы изъ стихотворенія *„Осень во время осады Очакова"*.

«Борей на осень хмуритъ брови
И зиму съ сѣвера зоветъ.
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.
На мѣстѣ радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсѣянъ бѣлый пухъ». [1])

Громадный талантъ Державина, точно такъ же, какъ и талантъ Пушкина, выказывается въ томъ, что онъ не затрудняется вносить въ поэзію картины изъ обыденной дѣйствительности, и самымъ обыкновеннымъ предметамъ умѣетъ придать такія краски, такой блескъ, что они, въ его поэтическомъ сопоставленіи, представляютъ собою великолѣпную картину. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ рисуетъ намъ столъ пиршества въ своемъ извѣстномъ описаніи знаменитаго Таврическаго празднества:

---

[1]) На нашъ взглядъ, это описаніе нисколько не уступаетъ, по красотамъ своимъ, Пушкинскому описанію наступленія зимы (въ «Евгеніи Онѣгинѣ»): «Вотъ Сѣверъ, тучи нагоняя,» и т. д. Пушкинское описаніе реальнѣе Державинскаго, но не красивѣе его.

«Богатая Сибирь, наклонишись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато, и сребро;
Восточный, западный—сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Черно-кудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,

Державинъ (въ послѣднее время жизни). Съ гравюры Пожалостина, по портрету художника Васильевскаго.

Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ въ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина».

И рядомъ съ этою яркою, красочною картиною роскошнаго пиршества, какъ свободно и властно переходитъ онъ къ описанію

ужасовъ войны и пиршества смерти, во всей его грозной обстановкѣ. Вотъ подобная картина изъ описанія страшнаго, кроваваго ночного штурма Измаила:

«Везувій пламень изрыгаетъ;
Столбъ огненный во тьмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ Понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О, Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ».

Или вотъ еще изображеніе Суворова въ видѣ сказочнаго богатыря, заимствуемое нами изъ оды „на взятіе Варшавы“:

«Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла:
Вихрь полуночный, летитъ богатырь.
Тьма отъ чела его, съ посвистомъ пыль,
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ...»

Сопоставляя рядомъ съ этими мрачными образами, игривыя и веселыя бытовыя сценки изъ жизни Екатерининскихъ вельможъ въ одѣ „Фелица“, въ „Посланіяхъ“ къ друзьямъ и мелкихъ шутливыхъ стихотвореніяхъ Державина, припомнимъ его застольную пѣсню:

«Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань, предстань предъ насъ скорѣй,
Большая, сребряная кружка.»

Припомнимъ его „*Ласточку*“ и другіе идиллически-нѣжные образцы поэзіи — и мы удивимся разнообразію его таланта. Но этотъ талантъ проявляется особенно сильнымъ и красивымъ въ тѣхъ противоположеніяхъ, которыя такъ любитъ сопоставлять Державинъ. Кому не памятны подобныя сопоставленія и противоположенія изъ оды „*на смерть князя Мещерскаго*“, за которыми слѣдуетъ величавое изображеніе грознаго образа Смерти? Или картины безумной роскоши, окружающей изнѣженнаго, пресыщеннаго и разочарованнаго вельможу (въ одѣ „Вельможа“),

вызванныя воображеніемъ поэта только для того, чтобы сопоставить ихъ съ картинами нужды, униженія и скорби человѣческой?

«А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то-ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?
На то-ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани:
Токай густое льетъ вино,
Левантъ съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?
Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ
На то-ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ. равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?..»

И рядомъ съ этими картинами—печальные типы несчастныхъ и бѣдняковъ, которые давно уже ожидаютъ пробужденія вельможи: тутъ израненный герой, его бывшій начальникъ, а нынѣ пришедшій къ нему за приказомъ и вынужденный стоять „межъ челядью его златою, поникнувъ лавровой главой"; тутъ и несчастная вдова съ груднымъ младенцемъ на рукахъ; тутъ и инвалидъ, на костыляхъ, когда-то спасшій жизнь вельможи въ бою, а теперь ожидающій его на лѣстницѣ, чтобы протянуть ему руку за милостыней... Картина прекрасная, сильная и поражающая! А какъ хорошъ этотъ всѣмъ извѣстный отрывокъ изъ оды „Водопадъ", въ которомъ поэтъ, пораженный внезапною кончиною Потемкина въ степи и въ самой простой обстановкѣ, сопоставляетъ условія этой кончины съ тѣмъ могуществомъ, великолѣпіемъ и славой, какими онъ пользовался при жизни:

«Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи;

Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствують отверсты.
Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?..
Не ты-ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли, съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?..
Не ты-ль наперсникомъ близь трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ музъ — другъ Аполлона,
На полѣ Марса—вождемъ слылъ?
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?»

Духовныя оды Державина. Глубокимъ сознаніемъ человѣческаго ничтожества и непостижимой силы и величія Божества проникнуты всѣ тѣ стихотворенія Державина, которыя служатъ у него выраженіемъ его личнаго религіознаго чувства или передаютъ религіозные мотивы, заимствованные у вдохновеннаго псалмопѣвца; напр. подражаніе 137 псалму („Исповѣмся всѣмъ сердцемъ моимъ“), или 91-му псалму („Благо есть исповѣдатися Господеви“), 45-му псалму („Богъ намъ прибѣжище и сила“), 83-му псалму („О, коль возлюбленна селенія Твоя, Боже“) и многіе другіе. Сюда же относятся и стихотворенія, заимствованныя изъ псалмовъ или основанныя на псалмахъ, какъ на тэмѣ для развитія извѣстной идеи: напр., „*На тщету земной славы*“ (изъ 48 псалма); „*Покаяніе*“ (вольное переложеніе 50 псалма); „*Умиленіе*“ (подражаніе 70-му псалму) и, наконецъ, прекрасное стихотвореніе „*Властителямъ и судіямъ*“ (заимствованное изъ 81 псалма), надѣлавшее такъ много хлопотъ и непріятностей Державину, въ періодъ извѣстной реакціи, наступившей въ послѣдніе годы царствованія Екатерины [1]). Но ни одна изъ этихъ пьесъ не проникнута такимъ искреннимъ и глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ, какъ извѣстная каждому образованному русскому человѣку Державинская ода „*Богъ*“. Написанная поэтомъ въ полномъ уединеніи, въ порывѣ сильнѣйшаго поэтическаго вдохновенія, на время какъ бы охватившаго поэта

---

[1]) Вслѣдствіе того, что въ новѣйшее время явились критики, которые стали утверждать, что ода «Богъ» не оригинальное произведеніе, а по частямъ заимствованное у разныхъ иноземныхъ авторовъ, академикъ Гротъ, въ своемъ классическомъ изданіи нашего поэта, подвергъ это произведеніе самому тщательному изслѣдованію и пришелъ къ тому убѣжденію, что это—«созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ подобныхъ произведеній только въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разрабатывающіе одинъ и тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться въ однѣхъ мысляхъ». Соч. Державина въ изданіи Грота, I, 189—194, указаны всѣ мѣста, общія по мысли съ другими поэтами.

и оторвавшаго его отъ всѣхъ житейскихъ впечатлѣній — эта ода можетъ быть названа перломъ Державинскаго творчества, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она, по силѣ и выразительности своей, по чрезвычайной смѣлости, выказанной поэтомъ въ обработкѣ такой трудной и малодоступной нашему сознанію темы, была въ свое время произведеніемъ единственнымъ, неимѣвшимъ себѣ подобнаго ни въ одной изъ европейскихъ литературъ. Ода замѣчательна, въ особенности, тѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ, въ поэтической формѣ, совершенно вѣрное и догматически-правильное опредѣленіе существа Божія, и всѣхъ тѣхъ свойствъ, какія мы ему приписываемъ. Это именно и составляетъ содержаніе вступленія и нѣсколькихъ первыхъ строфъ („*О Ты, пространствомъ безконечный*“ и т. д.). Не напоминаемъ ихъ, по ихъ общеизвѣстности; но не можемъ не добавить къ этому, что лучшею частью оды почитаемъ тѣ строфы, въ которыхъ поэтъ изображаетъ отношеніе человѣка къ Божеству и теряется разумомъ въ сознаніи

Надгробный памятникъ Державина въ главномъ храмѣ Хутынскаго монастыря, на Волховѣ.

Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты.
Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?..
Не ты-ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли, съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?..
Не ты-ль наперсникомъ близь трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ музъ — другъ Аполлона,
На полѣ Марса — вождемъ слылъ?
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?»

Духовныя оды Державина. Глубокимъ сознаніемъ человѣческаго ничтожества и непостижимой силы и величія Божества проникнуты всѣ тѣ стихотворенія Державина, которыя служатъ у него выраженіемъ его личнаго религіознаго чувства или передаютъ религіозные мотивы, заимствованные у вдохновеннаго псалмопѣвца; напр. подражаніе 137 псалму („Исповѣмся всѣмъ сердцемъ моимъ"), или 91-му псалму („Благо есть исповѣдатися Господеви"), 45-му псалму („Богъ намъ прибѣжище и сила"), 83-му псалму („О, коль возлюбленна селенія Твоя, Боже") и многіе другіе. Сюда же относятся и стихотворенія, заимствованныя изъ псалмовъ или основанныя на псалмахъ, какъ на тэмѣ для развитія извѣстной идеи: напр., „*На тщету земной славы*" (изъ 48 псалма); „*Покаяніе*" (вольное переложеніе 50 псалма); „*Умиленіе*" (подражаніе 70-му псалму) и, наконецъ, прекрасное стихотвореніе „*Властителямъ и судіямъ*" (заимствованное изъ 81 псалма), надѣлавшее такъ много хлопотъ и непріятностей Державину, въ періодъ извѣстной реакціи, наступившей въ послѣдніе годы царствованія Екатерины [1]). Но ни одна изъ этихъ пьесъ не проникнута такимъ искреннимъ и глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ, какъ извѣстная каждому образованному русскому человѣку Державинская ода „*Богъ*". Написанная поэтомъ въ полномъ уединеніи, въ порывѣ сильнѣйшаго поэтическаго вдохновенія, на время какъ бы охватившаго поэта

[1]) Вслѣдствіе того, что въ новѣйшее время явились критики, которые стали утверждать, что ода «Богъ» не оригинальное произведеніе, а по частямъ заимствованное у разныхъ иноземныхъ авторовъ, академикъ Гротъ, въ своемъ классическомъ изданіи нашего поэта, подвергъ это произведеніе самому тщательному изслѣдованію и пришелъ къ тому убѣжденію, что это—«созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ подобныхъ произведеній только въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разрабатывающіе одинъ и тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться въ однѣхъ мысляхъ». Соч. Державина въ изданіи Грота, I, 189—194, указаны всѣ мѣста, общія по мысли съ другими поэтами.

и оторвавшаго его отъ всѣхъ житейскихъ впечатлѣній — эта ода можетъ быть названа перломъ Державинскаго творчества, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она, по силѣ и выразительности своей, по чрезвычайной смѣлости, выказанной поэтомъ въ обработкѣ такой трудной и малодоступной нашему сознанію тэмы, была въ свое время произведеніемъ единственнымъ, неимѣвшимъ себѣ подобнаго ни въ одной изъ европейскихъ литературъ. Ода замѣчательна, въ особенности, тѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ, въ поэтической формѣ, совершенно вѣрное и догматически-правильное опредѣленіе существа Божія, и всѣхъ тѣхъ свойствъ, какія мы ему приписываемъ. Это именно и составляетъ содержаніе вступленія и нѣсколькихъ первыхъ строфъ („*О Ты, пространствомъ безконечный*“ и т. д.). Не напоминаемъ ихъ, по ихъ общеизвѣстности; но не можемъ не добавить къ этому, что лучшею частью оды почитаемъ тѣ строфы, въ которыхъ поэтъ изображаетъ отношеніе человѣка къ Божеству и теряется разумомъ въ сознаніи

Надгробный памятникъ Державина въ главномъ храмѣ Хутынскаго монастыря, на Волховѣ.

своего ничтожества, но ничтожества разумнаго, одареннаго сильными душевными свойствами, предъявляющаго права на безсмертіе. Опредѣливъ мѣсто человѣка въ природѣ, поэтъ переходитъ къ слѣдующей знаменитой строфѣ:

«Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ—
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю:
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ.
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ безвѣстенъ...
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель.
Твоей премудрости я тварь.
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь.
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твое».

Вся эта ода, удивительно цѣлостная по общему составу своему и законченная въ частностяхъ, вылилась изъ-подъ пера Державина въ самый разгаръ его литературной дѣятельности, въ самый цвѣтущій періодъ развитія его таланта. Она произвела на всѣхъ впечатлѣніе потрясающее, поразительное — и несомнѣнно должна была его произвести, потому что во все время своей долгой поэтической карьеры, выразившейся множествомъ отдѣльныхъ, крупныхъ и мелкихъ произведеній, Державинъ, ни до этой оды, ни послѣ нея, не выказывалъ ни въ чемъ такой силы поэтическаго дара, такого возвышеннаго и дивнаго строя своего вдохновенія.

Пѣсни и драмы. Начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, эта сила уже значительно ослабѣваетъ въ Державинѣ и все рѣже и рѣже проявляется въ чемъ-нибудь крупномъ и достойномъ „пѣвца Екатерины". Съ одной стороны, онъ мельчаетъ и въ произведеніяхъ своей лирики, вдаваясь въ „Анакреонтическій" родъ поэзіи, сводя все на формы „пѣсни", въ которой выражалось мимолетное впечатлѣніе, воспѣвались красоты природы и спокойствіе эпикурейскаго довольства благами жизни. Сюда относятся такія пьесы, какъ *„Горячій ключъ"*, *„Стрѣлокъ"*, *„Пчелка"*, *„Цвѣты"*, *„Рожденіе*

красоты", "*Русскія дѣвушки*", "*Разлука*", "*Хариты*" и т. п. Многія изъ этихъ мелкихъ произведеній были положены на музыку и распѣвались какъ романсы—и этимъ путемъ пріобрѣли большую популярность и широкое распространеніе. Въ концѣ жизни, Державинъ сильно пристрастился къ произведеніямъ драматическимъ, вѣроятно, увлекаясь тѣмъ значеніемъ, которое болѣе и болѣе начиналъ пріобрѣтать театръ въ русской общественной жизни и литературѣ, можетъ быть даже и увлекаясь преимущественно успѣхами Озерова и другихъ современныхъ драматурговъ [1]). Въ драматическихъ произведеніяхъ Державина, трагедіи чередовались съ операми, которыя были тогда въ большомъ ходу и въ модѣ. Однимъ изъ первыхъ его драматическихъ опытовъ была фантастическая опера "*Добрыня*", явившаяся въ 1804 г. Въ ней проявляются поползновенія на возсозданіе русской сказочной старины на основаніи тѣхъ первыхъ проявленій вкуса къ ней, которыя уже начинаютъ выказываться со времени появленія первыхъ сборниковъ нашихъ народныхъ пѣсенъ (въ особенности былинъ). Въ одномъ году съ "Добрыней" явилось и героическое представленіе "*Пожарскій*"; въ 1806 г. написана была трагедія "*Иродъ и Маріамна*". Затѣмъ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ жизни, еще три историческія пьесы: трагедіи—"*Темный*" и "*Евпраксія*" (та княгиня рязанская, супруга князя Θеодора, которая въ Зарайскѣ ринулась съ забрала вмѣстѣ съ младенцемъ-княжичемъ, чтобы не достаться въ руки басурманамъ) и опера "*Грозный или покореніе Казани*" [2]). Своими драматическими произведеніями — по какой-то старческой прихоти вкуса, — Державинъ до такой степени увлекался, что въ бесѣдѣ съ однимъ изъ молодыхъ (въ то время) литераторовъ—С. Т. Аксаковымъ—даже жалѣлъ, что въ самомъ началѣ своего вступленія въ литературу не посвятилъ себя всецѣло трагедіи, какъ Сумароковъ или Княжнинъ... А между тѣмъ именно драматическаго дарованія у Державина вовсе не было, по общему отзыву всѣхъ, даже и самыхъ безпристрастныхъ современниковъ и всѣхъ критиковъ потомства.

Отзывы критиковъ. Чрезвычайно любопытно то, что къ Державину всѣхъ строже отнесся Пушкинъ, положительно-несправедливый въ своемъ рѣзкомъ отзывѣ о дѣятельности поэта-ветерана и его значеніи въ нашей литературѣ XVIII вѣка [3]). Этотъ рѣзкій отзывъ тѣмъ бо-

[1]) Вообще, въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности, когда самобытный талантъ болѣе и болѣе слабѣлъ, Державинъ очень охотно поддавался подражанію многимъ произведеніямъ даже новыхъ поэтовъ: напр., Жуковскому въ его романтическихъ балладахъ; Озерову—въ драмѣ.

[2]) Извѣстны даже и переводныя его произведенія сценическія: напр., «*Атаболибъ или разрушеніе Перуанской Имперіи*»—трагедія съ хорами, и опера «*Рудокопы*».

[3]) «Перечелъ я Державина всего» — пишетъ онъ въ 1825 г. Дельвигу, — «вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова)» — котораго, кстати сказать, Пушкинъ, тоже

лѣе поражаетъ насъ своею странною неожиданностью, что Пушкинъ отзывается съ удивительною мягкостью и снисходительностью о Тредіаковскомъ, а о весьма слабыхъ поэтическихъ опытахъ своихъ друзей (Вяземскаго, Дельвига, Баратынскаго) любитъ говорить даже съ преувеличенными похвалами, почти съ восторгомъ... Гораздо справедливѣе Пушкина отнеслись къ Державину ближайшіе къ нему критики наши 30-хъ и 40-хъ годовъ (Н. А. Полевой и Бѣлинскій), которые одинаково признали въ немъ могучій, дивный поэтическій даръ, но необработанный и лишенный той благородной отдѣлки, того блеска и лоска, которые даются только основательнымъ образованіемъ и тонко развитымъ чутьемъ изящнаго. Признавая всякіе недостатки этого крупнаго, но чрезвычайно своеобразнаго поэтическаго дара, академикъ Гротъ, глубокій знатокъ литературной дѣятельности Державина, приходитъ, при оцѣнкѣ его значенія, къ такому прекрасному выводу:

„Несмотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы, имъ начертанные, сохранятъ навсегда свою яркость, и до тѣхъ поръ, пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія“...

Въ дополненіе къ этому отзыву, и именно въ качествѣ противовѣса къ вышеприведенному отзыву Пушкина (слишкомъ поспѣшному), мы считаемъ долгомъ указать здѣсь на вполнѣ справедливый отзывъ Грота и о языкѣ, и о слогѣ въ сочиненіяхъ Державина [1]).

„При всей неправильности и небрежности выраженія, часто замѣчаемыхъ въ стихахъ Державина—сочиненія его и со стороны языка заслуживаютъ изученія... Не успѣвъ пріобрѣсти литературнаго образованія, которое отвѣчало бы силѣ его таланта, Державинъ, для выраженія своей поэтической мысли, обращается съ языкомъ самовластно: онъ не боится ошибокъ противъ грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею въ легкій и

нисколько не цѣнилъ. По мнѣнію Пушкина (далѣе, въ томъ же письмѣ), Державинъ «не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно-поэтическія... Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника».

[1]) Не мѣшаетъ припомнить здѣсь же, что языкъ и слогъ Державина (въ IX т. изданія его сочиненій) явились у Грота предметомъ особаго изслѣдованія, весьма тщательнаго и подробнаго. Онъ составилъ даже «Словарь словъ и выраженій къ стихотвореніямъ Державина».

рѣзкій образъ—и дѣйствительно, такимъ способомъ онъ часто достигаетъ своей цѣли вѣрнѣе, чѣмъ если бы гонялся за безукоризненною чистотою рѣчи, охлаждая тѣмъ полетъ своей пылкой фантазіи. Его языкъ, при всемъ видимомъ своемъ своенравіи, есть языкъ выразительный, сильный и пластическій. Его слогъ мужественъ и полонъ энергіи"—и въ доказательство этого Гротъ приводитъ, по отношенію къ слогу произведеній Державина, отзывъ современника, весьма тонкаго стилиста (И. И. Димитріева), который, даже вовсе и не зная, кому принадлежали первыя печатныя сочиненія Державина (печатавшіяся безъ имени), былъ пораженъ оригинальностью и силой его оборотовъ и выраженій.

Мы полагаемъ, что вообще русская лирика, въ произведеніяхъ Державина, много выиграла даже и съ внѣшней стороны:— онъ сумѣлъ отрѣшиться отъ того скучнаго и однообразнаго, какъ бы офиціальнаго размѣра одъ, который введенъ былъ Ломоносовымъ, и которому рабски слѣдовали всѣ его подражатели. Размѣры въ лирикѣ Державина чрезвычайно разнообразны, хотя и далеко не вездѣ выдержаны съ строгою, педантической правильностью; многія произведенія у Державина писаны даже и двумя размѣрами; замѣтно, вообще, что онъ справлялся со стихомъ довольно свободно и даже нѣсколько тщеславился свободными переходами отъ одного размѣра къ другому.

Если же мы станемъ сравнивать лучшія оды Ломоносова и Сумарокова съ Державинскими, со стороны ихъ внутренняго содержанія, то увидимъ, что поэзія въ вѣкъ Екатерины сдѣлала большой шагъ впередъ на пути своего внутренняго развитія въ смыслѣ воплощенія идеи въ образахъ поэтическаго творчества. Державину значительно удалось упростить нашу поэзію, сблизить ее съ жизнью и дѣйствительностью — примѣнить поэтическую форму къ такимъ сюжетамъ, о которыхъ и помыслить не смѣли его предшественники „одописцы" въ своемъ „пареніи"... Не даромъ самъ Державинъ, въ своемъ письмѣ къ Е. Р. Дашковой, очень мѣтко указалъ на разницу между своими одами и одами Ломоносова, говоря, что „ему надобно было прибѣгать къ великолѣпнымъ всегда небылицамъ и постороннему украшенію, а мнѣ къ одной натурѣ, къ одной той истинѣ, съ которою и послѣ меня исторія будетъ согласна". Прибѣгая „къ натурѣ", Державинъ сумѣлъ еще усвоить своей поэзіи много такого, что было имъ заимствовано изъ непочатой еще тогда сокровищницы народныхъ преданій, повѣрій и богатаго запаса словъ, оборотовъ и образовъ, который начинали вскрывать первые памятники нашей народной поэзіи, тогда начавшіе появляться въ свѣтъ... Вообще говоря, Державину уже въ значительной степени удалось вдунуть жизнь въ мертвыя, чуждыя формы нашей лирики, вложить

Значеніе Державина.

душу въ мертвое, безжизненное тѣло нашеЙ только еще слагавшейся поэзіи—и это заслуга не малая, да притомъ же доступная только сильному и своеобразному таланту.

При императорѣ Николаѣ I Державину былъ воздвигнутъ памятникъ (въ 1847 году) на его родинѣ, въ Казани, въ оградѣ мѣстнаго университета. Позднѣе онъ былъ перенесенъ на площадь. Поэтъ, облеченный въ классическую тунику и обутый въ сандаліи, сидитъ на этомъ памятникѣ, въ позѣ поэтическаго раздумья. Болѣе удачною и реальною представляется намъ фигура Державина, помѣщенная на памятникѣ Екатерины (въ скверѣ Александринскаго театра въ С.-Петербургѣ), среди ея знаменитыхъ сподвижниковъ и современниковъ. Отдаленнымъ отголоскомъ его эпохи и его славы является и самая „бесѣдка Фелицы" въ Павловскѣ... Но, безъ сомнѣнія, лучшимъ и самымъ прочнымъ памятникомъ прославленнаго „пѣвца Екатерины" слѣдуетъ признать то прекрасное съ внѣшней стороны и важное по внутреннимъ достоинствамъ изданіе сочиненій Державина, которое было предпринято Академіей Наукъ въ царствованіе императора Александра II и вышло въ свѣтъ подъ редакціею академика Я. К. Грота, посвятившаго на выполненіе этой обширной и труднѣйшей задачи многіе годы своей жизни.

Державинъ, въ одномъ своемъ лицѣ, представляетъ намъ цѣлую эпоху, и потому, издавая его сочиненія, необходимо было дать полнѣйшую картину той яркой, богатой и своеобразной эпохи, среди которой онъ жилъ, тѣсно связанный разнообразными отношеніями съ массою историческихъ лицъ. Поэтому, для выясненія личности и дѣятельности Державина, какъ поэта и какъ общественнаго дѣятеля, Я. К. Гроту пришлось перебрать всю внутреннюю исторію нашего общества, второй половины XVIII вѣка; пришлось разъѣзжать по всей Россіи, собирая матерьялы для біографіи и характеристики Державина, разрывая казенные архивы и фамильныя бумаги Екатерининскихъ временъ; пришлось сличать и изучать различныя редакціи рукописей и изданій Державина, вдаваться въ мелкія и крупныя изслѣдованія подробностей и частностей, даже намековъ въ произведеніяхъ поэта... Трудъ былъ огромный и явился первымъ у насъ классическимъ изданіемъ крупнаго русскаго поэта и писателя—достойнымъ и Академіи Наукъ, и того, кому она поручила выполненіе этой тягостной и мудреной задачи... Академику Гроту пришла счастливая мысль, издать Державина въ томъ видѣ, въ какомъ онъ самъ хотѣлъ увидѣть когда-нибудь свои сочиненія, а именно — приложивъ къ нимъ не только его личный подробный комментарій (цѣлую исторію его Музы!), но еще и живописный комментарій его друга и родственника Н. А. Львова, который, со свойственною

ему живостью и изяществомъ, украсилъ почти каждое изъ стихотвореній Гавріила Романовича своими высоко-художественными виньетками. Всѣ эти виньетки внесены въ „большое“ изданіе сочиненій Державина, печатанное въ форматѣ роскошнаго in quarto, Одновременно съ этимъ выпущено было въ свѣтъ и болѣе дешевое, болѣе доступное изданіе поэта, въ которое вошло все, вмѣщенное въ большомъ изданіи, кромѣ виньетокъ. Такого прекраснаго памятника—увы!—удостоены еще весьма немногіе изъ нашихъ классиковъ.

Изъ виньетокъ Н. А. Львова къ произведеніямъ Державина.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Лирика послѣдователей старой школы.—Ея главные мотивы и рутинные пріемы.—Костровъ.—Рубанъ.—Петровъ.—Новыя вѣянья въ одописаніи; подражатели Державина.—Капнистъ и его оды.

Лирика въ жизни общества XVIII в.

Державинъ, въ области лирики былъ въ такой степени чрезвычайнымъ, выходящимъ изъ ряда и новымъ явленіемъ въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, что его лучшія, выдающіяся произведенія, въ родѣ одъ „Фелица", „Видѣніе Мурзы" и оды „Богъ" опрокинули всѣ теоріи, сбили съ толку авторовъ, сообразовавшихъ съ ними свое послушное вдохновеніе, поколебали даже прочно-установившуюся славу такихъ кумировъ, какъ Ломоносовъ. Въ лирикѣ произошелъ положительный переворотъ, вынуждавшій многихъ совсѣмъ отказаться отъ поэзіи, которая переставала быть мертвою буквою, по правиламъ старой теоріи, втискивавшей произведенія въ узкія рамки опредѣленныхъ формъ...

Подъ мощными ударами своеобразнаго и прихотливаго таланта Державина старыя формы разлѣзались врозь, рамки теоріи стали терять смыслъ и значеніе,—торжественная хвалебная ода начиналась не съ воззванія къ Аполлону и Музамъ, а прямо, съ сущности дѣла, безъ всякаго приступа. Мало того, ода переплеталась съ сатирой, съ картинами природы, съ шутливыми нравоученіями и опять переходила къ важному, высоко-настроенному тону. Требовался для созданія лирическихъ произведеній новый элементъ, новый факторъ, о которомъ не упоминала старая теорія:—настоящій поэтическій даръ и настоящее вдохновеніе. Идти прежнимъ путемъ, послѣ Державина, было, конечно, невозможно, и это признали, это совершенно искренно высказали наиболѣе проницательные изъ лириковъ старой школы... Но, конечно, переворотъ совершился не скоро, не разомъ, и въ то время, когда Державинъ удивлялъ Екатерину и всѣхъ современниковъ блескомъ, яркостью и новизною своей лирики, около него продолжали писаться и печататься оды и иныя лирическія произведенія, которыя были плохимъ подражаніемъ одамъ Ломоносова и Сумарокова, и вызывались скорѣе литературнымъ обычаемъ, литературными нравами времени (если можно такъ выразиться), нежели какимъ бы то ни было вдохновеніемъ или естественною потребностью къ творчеству. Литература была еще пріятною новинкой, диковинкой, роскошью, доступною избраннымъ классамъ общества, и литераторамъ, даже поэтамъ—такъ, по крайней мѣрѣ, думали въ то доброе старое время—могъ быть всякій человѣкъ, вкусившій отъ плодовъ науки, знакомый съ иностранными литературами, хотя бы даже въ переводахъ; а главное—знакомый съ теоріей и правилами, по ко-

торымъ слѣдовало выражать свои мысли и впечатлѣнія въ стихахъ и прозѣ—съ риторикой и піитикой. И хотя литература еще не являлась, въ половинѣ XVIII вѣка, спеціальностью, исключительнымъ назначеніемъ людей ума и таланта, хотя ей все еще посвящались только досуги отъ службы и другихъ серьезныхъ занятій, доставлявшихъ средства къ жизни—однакоже, на литературу, какъ и на многіе предметы роскоши, уже явился спросъ. По мѣрѣ распространенія европейской образованности въ высшихъ классахъ общества, въ средѣ вельможъ и знати сталъ проявляться вкусъ къ литературѣ и къ поощренію ея развитія различными путями и средствами. Одни довольствовались тѣмъ, что, подражая Екатеринѣ, меценатствовали, благосклонно принимая подносимыя имъ похвальныя оды и посвященія сочиненій и отплачивая авторамъ за вниманіе болѣе или менѣе цѣнными подарками; другіе—болѣе скупые на деньги—отдѣлывались отъ подносителей тѣмъ, что доставляли имъ мѣста и оказывали имъ поддержку въ дѣловыхъ хлопотахъ; третьи—болѣе искренно преданные интересамъ процвѣтанія русской литературы—доставляли авторамъ средства на печатаніе ихъ произведеній, на изданіе переводовъ и сочиненій, на литературныя предпріятія, въ родѣ изданія новыхъ журналовъ или историческихъ памятниковъ. И эта милость „меценатовъ“, эта возможность выставиться, выдѣлиться изъ толпы, угодить „сильнымъ міра сего“ во-время поданною торжественною одою или поздравительнымъ стихотвореніемъ—многихъ поэтовъ второй руки и побуждала къ созданію болѣе или менѣе обильнаго количества лирическихъ произведеній, тѣмъ болѣе, что отъ любого лирика, въ то время, требовалось гораздо менѣе таланта и знанія, чѣмъ въ настоящее время отъ мелкаго сотрудника или репортера ничтожной газетки.

Еще на школьной скамьѣ каждый изъ такихъ будущихъ лириковъ усвоивалъ себѣ, такъ-сказать, легчайшіе пріемы и способы къ пріобрѣтенію въ будущемъ болѣе или менѣе громкой „піитической славы“, такъ какъ въ учебникѣ словесности (Аполлоса) находилъ такія „піитическія“ правила: . . . „Поэзія *или стихотворство* (sic!) есть наука—всякую вещь или данную матерію метрически или по мѣрѣ стопъ описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ, къ пользѣ и увеселенію слушающихъ или читающихъ...“ Такъ объяснялись сущность и значеніе поэзіи вообще; а вотъ какъ объяснялась лирика, въ связи, конечно, со всѣмъ ходомъ ея развитія на русской почвѣ, въ первой половинѣ XVIII вѣка: **Теорія о лирикѣ.**

. . . „Поэзія лирическая есть искусство писать *похвальные* стихи, особливо оды; изобрѣтена въ честь и прославленіе верховнаго Существа. Опредѣляютъ семь родовъ поэзіи: торжества, радости,

похвалы мужей и другихъ вещей, временъ, праздниковъ, публичныхъ мѣстъ и пр.“

При такихъ взглядахъ на „поэзію или стихотворство“, при такомъ ограниченномъ примѣненіи лирики къ житейскимъ потребностямъ, лирикомъ могъ быть всякій человѣкъ, умѣвшій более или менѣе складно сопоставить четыре стихотворныя строчки и закончить ихъ хотя бы даже и очень сомнительными риѳмами. И дѣйствительно, уже къ началу царствованія Екатерины лириковъ было у насъ довольно много, а затѣмъ, съ легкой руки Ломоносова, Сумарокова и Хераскова, явилось столько охотниковъ имъ подражать, что не легко было бы ихъ перечислить въ нашемъ краткомъ обзорѣ; а полное перечисленіе ихъ произведеній, давно поглощенныхъ забвеніемъ, было бы даже едва-ли исполнимою задачею... Но изъ этихъ лириковъ мы упомянемъ лишь о тѣхъ немногихъ, которые уцѣлѣли въ памяти потомства хотя бы самою ничтожною частью своихъ произведеній и оказали нашей литературѣ хотя какія-нибудь услуги. А такихъ лириковъ, уже дѣйствовавшихъ въ литературѣ до Державина и продолжавшихъ свою дѣятельность въ духѣ старой школы до конца XVIII вѣка, мы укажемъ только троихъ: Рубана, Кострова и Петрова.

В. Г. Рубанъ. *Василій Григорьевичъ Рубанъ* родился въ Бѣлгородѣ въ 1739 году. Вѣроятно, онъ развился и выросъ въ той провинціальной средѣ, въ которой потребность образованія для молодежи начинала уже сказываться достаточно громко: по крайней мѣрѣ мы очень рано видимъ его въ Кіевѣ, въ стѣнахъ той академіи, которая, до половины XVIII вѣка, была главнымъ разсадникомъ образованія и наукъ въ Россіи. Тамъ началъ Рубанъ свою довольно продолжительную учебную карьеру. Неизвѣстно, почему именно онъ предпочелъ Кіевской академіи Московскую славяно-греко-латинскую, но мы видимъ его въ числѣ ея учениковъ, въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Какъ только основалась при Московскомъ университетѣ университетская гимназія, такъ Рубанъ тотчасъ же поступилъ въ это новооткрытое заведеніе и въ 1759 г. былъ уже студентомъ. Здѣсь, подъ благодушнымъ покровительствомъ и, вѣроятно, даже подъ руководствомъ Хераскова началась литературная дѣятельность Рубана, для которой было открыто готовое поле, въ видѣ тѣхъ литературныхъ журналовъ, которые Херасковъ наполнялъ, какъ мы уже видѣли выше, преимущественно своими личными произведеніями, произведеніями своей супруги и работами университетской молодежи. Въ „Полезномъ Увеселеніи“ за 1761 годъ и въ „Добромъ Намѣреніи“ помѣщены были первые литературные опыты Рубана, въ видѣ переводныхъ статей. Вскорѣ послѣ того онъ переселился изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ служилъ, въ концѣ 60-хъ годовъ,

переводчикомъ при Правительствующемъ Сенатѣ, а въ началѣ 70-хъ—также переводчикомъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ Петербургѣ литературная дѣятельность Рубана проявилась въ весьма широкихъ размѣрахъ, потому что тутъ хвалебная лирика была въ большомъ ходу и модѣ, и даже вызвала въ одномъ изъ современныхъ сатирическихъ журналовъ такое горькое размышленіе:

„Имѣетъ-ли простой народъ добродѣтели—я того не знаю. Затѣмъ, что стихотворцы прославляютъ добродѣтели лирическимъ гласомъ, однако, я никогда не читалъ похвальной оды крестьянину, также, какъ и клячѣ, на которой онъ пашетъ. Но простой народъ терпѣливъ: онъ сноситъ голодъ, жаръ, стужу, презрѣніе отъ богатыхъ, гордость знатныхъ, нападки отъ управителей, раззореніе отъ помѣщиковъ—однимъ словомъ отъ всѣхъ, кои его сильнѣе. Можно признаться, что онъ терпѣливъ: однако, не смѣю еще вмѣнить сіе въ добродѣтель, затѣмъ что добродѣтели присвояются однимъ благороднымъ“ („*Смѣсь*“, журналъ 1769 года).

Рубанъ весьма обильно заплатилъ дань своему вѣку и современному пристрастію къ похвальной, торжественной одѣ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ, говоря о Рубанѣ, выражаетъ сожалѣніе, что его „неисчислимые похвальные гимны“ до сихъ поръ не собраны въ одинъ сборникъ, такъ какъ они должны были бы составить „любопытный въ историческомъ отношеніи литературный памятникъ своего времени“. И затѣмъ онъ приводитъ длинный списокъ отдѣльно-напечатанныхъ одъ Рубана, начиная отъ 1768 г. и до 1795. И чего тутъ нѣтъ? Тутъ и „ода на день всерадостнѣйшаго торжества за предпріятый и благополучно-совершившійся, къ неописанному счастью всея Россія, Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Величества, въ привитіи оспы, подвигъ 22 ноября 1768 года“, и „Стихи на великолѣпное зданіе соборней Исакіевской церкви“, и „Стихи на кончину Евдокіи Борисовны, Герцогини Курляндской“, и „Пеанъ или пѣснь на побѣды, одержанныя Суворовымъ“, и „Посланіе Россійской Музы къ Овидію“, и „Пукъ цвѣтовъ Парнасскихъ, принесенный въ даръ Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Бецкому“—и цѣлый рядъ посланій, одъ и пѣсенъ, посвященныхъ Потемкину, съ которымъ Рубанъ былъ очень близокъ (вѣроятно, вслѣдствіе того, что они вмѣстѣ сидѣли на школьной скамейкѣ, въ Московской университетской гимназіи) и который постоянно оказывалъ Рубану покровительство и щедрую помощь въ различныхъ его литературныхъ предпріятіяхъ.

Во всѣхъ этихъ одахъ, какъ и вообще во всей массѣ написанныхъ Рубаномъ стиховъ, нельзя указать даже и на проблески поэтическаго дара, хотя многимъ изъ нихъ (въ особенности вы-

ражающимъ его признательность Потемкину, Румянцеву, Г. Г. Орлову, И. Д. Еропкину и др. меценатамъ, оказавшимъ Рубану благодѣянія) нельзя отказать въ искренности выражаемыхъ поэтомъ чувствъ; но эта искренность высказывается въ такой неестественной, напыщенной и высокопарной формѣ, что мы не находимъ почти никакой возможности ей повѣрить.

Болѣе удачными у Рубана являются „надписи въ стихахъ", которыми онъ, главнымъ образомъ, и прославился: — въ нѣкоторыхъ изъ его надписей мысль, дѣйствительно, выражена сжато, кратко и сильно. Не говоря уже о весьма извѣстной его надписи:

«Колоссъ Родосскій свой смири кичливый видъ» и т. д.

припомнимъ для примѣра здѣсь другую, а именно: „*Надпись на возвращеніе графа Г. Г. Орлова изъ Москвы въ С.-Петербургъ*" (послѣ чумы); въ ней онъ сравниваетъ Орлова съ Тезеемъ и говоритъ:

«Безъ страха въ лавиринѳъ ко Минотавру вшелъ,
И, умертвя его, самъ вышелъ здравъ и цѣлъ».

Надписи, подобныя этимъ, очень нравились современникамъ Рубана, и потому нѣкоторая часть ихъ вошла даже въ составъ двухъ, отдѣльно-изданныхъ сборниковъ его произведеній [1]).

Успѣхъ сатирическихъ журналовъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, соблазнилъ и Рубана приняться за журнальное дѣло. Въ подражаніе журналу „*И то, и се*", Рубанъ сталъ издавать въ концѣ 1769 г. журналъ „*Ни то, ни се*", (о немъ еще упомянемъ впослѣдствіи), который вполнѣ оправдалъ свое заглавіе. Онъ не просуществовалъ и года, и покончилъ свое жалкое существованіе, осыпанный насмѣшками другихъ сатирическихъ журналовъ. Въ 1771 году онъ принялся за изданіе другого журнала — „*Трудолюбивый Муравей*", — и этотъ также долго не просуществовалъ. Гораздо болѣе осмысленнымъ явилось новое изданіе, предпринятое Рубаномъ, подъ заглавіемъ: „*Старина и Новизна, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и стихотворныхъ, издаваемое почастно*". Вышло этого изданія двѣ части въ два года; и надо замѣтить, что здѣсь, впервые, въ составъ статей журнала введенъ былъ новый элементъ: сырые матерьялы по русской исторіи, русскимъ древностямъ и быту.

Прекративъ изданіе этого сборника, Рубанъ, сблизившись съ извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ нашей старины, Хлѣбниковымъ, занялся изданіемъ отдѣльныхъ памятниковъ по Русской Исторіи, и этимъ оказалъ весьма существенную услугу русской литературѣ. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ были изданы на

[1]) Сочиненныя и переведенныя надписи на побѣды Россіянъ надъ Турками, одержанныя въ 1769 и 1770 годахъ, и на другія достопамятности, изд. Василіемъ Рубаномъ. Спб., 1771 г. И еще «Надписи, изъявляющія достопамятности заключеннаго въ Кучукъ-Кайнарджи мира, 10-го іюля, 1774 года».

счетъ постоянно-покровительствовавшаго Рубану Потемкина. Между ними встрѣчаемъ и весьма важные, и любопытные, напр. *„Уставъ ратныхъ дѣлъ“*, отысканный Потемкинымъ въ Оружейной палатѣ; *„Землеописаніе Малыя Россіи“* и *„Краткая лѣтопись Малыя Россіи“;* сочиненное А. И. Богдановымъ *„Описаніе Петербурга“* [1]), къ которому подъ стать Рубанъ составилъ въ 1782 году *„Описаніе Москвы“*, и, наконецъ (уже извѣстное намъ), *„Путешествіе къ св. мѣстамъ пѣшеходца Василія Барсова“*—по преданію, любимая книга Потемкина; онъ ею зачитывался... Такимъ образомъ, Рубанъ явился исполнителемъ желанія, высказаннаго еще Татищевымъ, о необходимости собиранія и обнародованія историческихъ памятниковъ, и предшественникомъ болѣе важной и болѣе плодотворной дѣятельности Новикова въ томъ же направленіи.

Занимаясь этою издательскою дѣятельностью, Рубанъ, однакоже, до самой смерти не оставлялъ своихъ „піитическихъ упражненій“, которыя подъ конецъ помѣщалъ преимущественно въ журналѣ *„Собраніе разныхъ сочиненій и новостей“* (1776 г.), не смущаясь отзывомъ современнаго критика, который, упоминая о немъ, говорилъ: „Сей стихотворецъ могъ бы взползти на Парнасъ, но онъ не пишетъ стихи, а рубитъ ихъ какъ дрова“. Послѣднимъ стихотворнымъ произведеніемъ Рубана былъ *„Пукъ цвѣтовъ Парнасскихъ, принесенный въ даръ Бецкому“;* оно, по свидѣтельству академика Тихонравова, напечатано незадолго до его кончины.

Рядомъ съ В. Г. Рубаномъ, въ томъ же самомъ періодѣ, является ничтожная и невзрачная фигурка другого лирика — *Ермила Ивановича Кострова* (род. въ половинѣ XVIII в.; ум. 1796 г.), этого перваго русскаго литературнаго неудачника и „несчастнаго любителя наукъ“. Факты его біографіи до такой степени оказываются скудны, что ихъ можно было бы умѣстить въ десяти строкахъ; но между строками этой біографіи можно прочесть много интереснаго и поучительнаго, много такого, что характеризуетъ то отдаленное время. По происхожденію, онъ былъ сынъ крестьянина Вятской губерніи, хотя есть свидѣтельство, по которому онъ будто бы называлъ себя сыномъ дьячка. На это отчасти указываетъ и тотъ фактъ, что Костровъ, несомнѣнно, былъ воспитанникомъ Вятской семинаріи. Первымъ его стихотворнымъ опытомъ были стихи, обращенные къ Новоспасскому архимандриту Іоанну *„въ чаяніи милостиваго благопризрѣнія и отеческаго милосердія къ несчастнымъ любителямъ наукъ“*. Въ 1775 г. Костровъ былъ уже въ

Е. И. Костровъ.

---

[1]) Къ этому заглавію прибавлено: «дополненное и изданное Надворнымъ Совѣтникомъ, Правящимъ должность Директора надъ Новороссійскими Училищами, Вас. Рубаномъ». Спб., 1779 г. Вѣроятно, эта должность была доставлена Рубану также Потемкинымъ.

числѣ студентовъ Московской славяно-греко-латинской академіи, и здѣсь также оставилъ слѣдъ своей страсти къ стихотворству, поднеся поздравительную „*Епистолу митрополиту Платону, по случаю полученія имъ драгоцѣннѣйшей митры и панагіи*". Проходя почти тотъ же путь ученія, который пройденъ былъ Рубаномъ, Костровъ изъ Академіи направился также въ Московскій университетъ, гдѣ въ 1779 г. и получилъ степень баккалавра. Затѣмъ, жизнь его потекла путемъ совсѣмъ необычнымъ (для XVIII столѣтія): — онъ не поступилъ ни на какую службу, можетъ-быть, потому, что ни на какую службу не былъ пригоденъ, и, питаясь отъ одной литературы, влачилъ весьма бѣдственное существованіе, кажется, даже не имѣя своего опредѣленнаго угла. Ему помогалъ то одинъ изъ знакомыхъ и богатыхъ меценатовъ, то другой:—такъ видимъ, что онъ одно время жилъ въ домѣ Ѳ. Г. Карина, потомъ въ домѣ И. И. Шувалова, и, наконецъ, у М. М. Хераскова, который не любилъ Рубана, но относился всегда очень снисходительно къ Кострову. Несмотря на это снисходительное вниманіе М. М. Хераскова, Костровъ, какъ большинство русскихъ неудачниковъ, сталъ, въ концѣ-концовъ, прибѣгать къ „зелену вину" и впослѣдствіи погибъ отъ этой несчастной слабости.

Переводы Кострова. Костровъ перевелъ, по заказу Новикова, извѣстную повѣсть Апулея „Превращеніе или Золотой Оселъ" (въ 70-хъ годахъ). Богдановичъ заимствовалъ изъ нея (по передѣлкѣ Лафонтена) только граціозный миѳъ о любви Психеи къ Купидону, какъ тэму для своей шутливой поэмы; Костровъ, отлично знакомый съ латинскимъ и греческимъ языкомъ, перевелъ повѣсть Апулея въ прозѣ и цѣликомъ. Въ 1787 г. вышелъ въ свѣтъ знаменитый въ свое время переводъ „Иліады" подъ заглавіемъ: „*Гомерова Иліада, переведенная Ермиломъ Костровымъ во градѣ Св. Петра*". Сохранилось объ этомъ переводѣ такое извѣстіе, будто Костровъ перевелъ всѣ первыя двѣнадцать пѣсенъ Гомерова Эпоса, но книгопродавецъ за вторую половину этого перевода не хотѣлъ дать болѣе полутораста рублей, и оскорбленный такимъ предложеніемъ, Костровъ будто-бы бросилъ эти пѣсни въ огонь. Однакоже, въ 1811 г. отыскались седьмая, восьмая и половина девятой пѣсни Иліады въ переводѣ Кострова, и этотъ фактъ какъ будто противорѣчитъ только-что приведенному преданію.

Хотя „Иліада" переведена Костровымъ не въ размѣрѣ подлинника, а риѳмованными александрійскими стихами; хотя переводъ, несомнѣнно, страдаетъ многими недостатками, но онъ былъ первой попыткой поэтической передачи греческаго эпоса на русскій языкъ — и это заслуга немалая... Она дала право Кострову на почетный титулъ „переводчика Иліады", который долго сохранялся за нимъ въ ближайшемъ потомствѣ. Несомнѣнно то, что

онъ Гомера зналъ хорошо, и хорошо понималъ его, такъ какъ этотъ поэтъ былъ его любимымъ чтеніемъ. Академикъ Тихонравовъ, изъ нѣкоторыхъ сравненій Костровскаго перевода съ переводомъ Гнѣдича, приходитъ къ тому выводу, что Гнѣдичъ нерѣдко „подчинялся вліянію Кострова". Тотъ же ученый даетъ о лирикѣ Кострова, о его одахъ, вполнѣ вѣрный и справедливый отзывъ:

„Немногосложны пріемы оды Кострова, наслѣдованные отъ Ломоносова; всѣ они сводятся къ немногимъ мыслямъ, фигурамъ и оборотамъ; во многихъ одахъ повторяется одна и та же фигура, видоизмѣненный одинъ и тотъ же приступъ: такъ скудно было содержаніе оды"... „Бѣдность, пустоту содержанія приходилось ему прикрывать внѣшнимъ аппаратомъ, искусственными украшеніями и наборомъ неестественныхъ, дѣтски-наивныхъ до цинизма и безсмыслія льстивыхъ гиперболъ".

Справедливо замѣчая при этомъ, что лесть и воскуреніе всѣхъ подобныхъ одъ были скорѣе обычнымъ пріемомъ, нежели средствомъ для достиженія извѣстныхъ, корыстныхъ цѣлей, академикъ Тихонравовъ признаетъ въ одахъ Кострова, сравнительно съ Рубаномъ и другими современными одописцами, только одно достоинство, что стихъ его глаже и легче, чѣмъ у остальныхъ его собратій. При этомъ, не мѣшаетъ замѣтить, что Костровъ былъ въ такой же степени офиціальнымъ поэтомъ Московскаго университета, въ какой Ломоносовъ офиціальнымъ поэтомъ Академіи Наукъ:—на торжественныхъ актахъ университета нерѣдко читались стихи Кострова, которые должны были служить „выраженіемъ чувствъ и мыслей" университетской корпораціи.

Надо, однакоже, отдать должную дань справедливости вѣрному поэтическому чутью Кострова, который, хотя и былъ преданнѣйшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Ломоносова, однакоже, послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ одъ Державина, тотчасъ оцѣнилъ ихъ по достоинству. Онъ почуялъ нѣчто живое и новое въ этихъ полусерьезныхъ, полунасмѣшливыхъ лирическихъ очеркахъ дѣйствительности, и, сравнивъ ихъ съ сухою, скучною, безсодержательною одою, повторявшею старые образцы, чистосердечно пришелъ къ убѣжденію, что послѣдняя отжила свой вѣкъ. Онъ прекрасно выразилъ это въ своемъ обращеніи къ Державину, гдѣ удивляется тому, что новый поэтъ, „безъ лиры" и даже „не сѣдлая парнасскаго бѣгунца" (т. е. Пегаса), могъ воспѣть „Фелицу" и блескъ ея вѣнца. При этомъ онъ, прямо и не обинуясь, говоритъ: **Костровъ и Державинъ.**

«Путь непротоптанный и новый ты обрѣлъ.
Обрѣлъ, и въ бѣгъ по немъ пускаешься удачно...»

И онъ относится къ этому „новому пути“ весьма сочувственно, вполнѣ искренно признавая всѣ недостатки торжественной, хвалебной лирики:

«Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ тоновъ,
И полно, кажется, за облака летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ, и рукъ, и ногъ не изломать».

Затѣмъ Костровъ вполнѣ чистосердечно признается, „что изъ моды ужъ вывелись парящи оды“ и отдаетъ полную справедливость Державину, вполнѣ правильно замѣчая:

«Ты простотой умѣлъ
себя средь насъ
вознесть.»

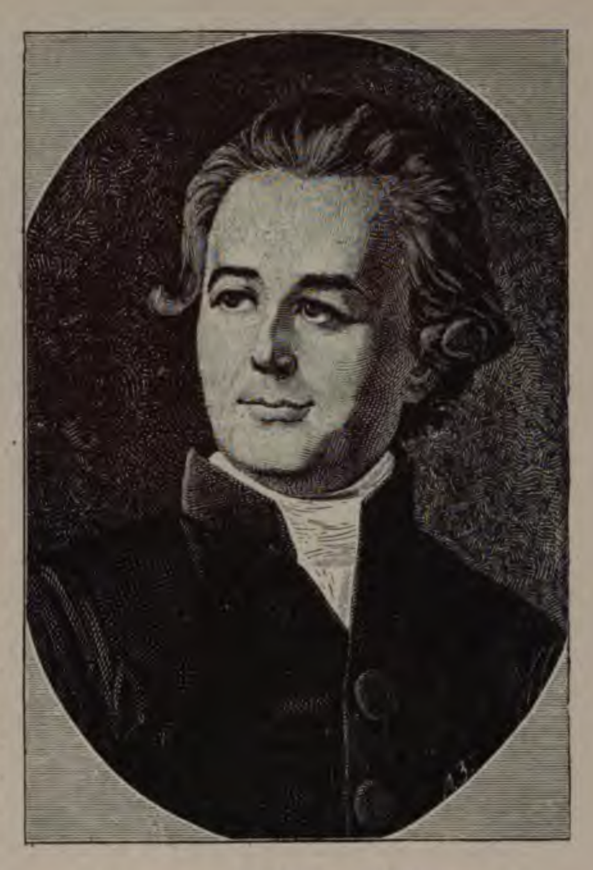
Е. И. Костровъ, по современной гравюрѣ.

И такое откровенное, безпристрастное признаніе дѣлаетъ честь и добродушію, и тонкому вкусу Кострова, который не умѣлъ, подобно Сумарокову, ослѣплять себя самомнѣніемъ.

Третій изъ этой плеяды лириковъ, болѣе всѣхъ другихъ подходившій къ отживавшему типу придворныхъ поэтовъ, былъ *Василій Петровичъ Петровъ* (род. 1736 г., ум. 1808 г.), и, какъ по характеру личному, такъ и по характеру своихъ произведеній, представляется намъ менѣе привлекательнымъ, нежели „несчастный наукъ любитель“ Костровъ и неудержимый въ стихотворствѣ Рубанъ.

В. П. Петровъ. В. П. Петровъ былъ родомъ изъ московскаго духовенства, и, по заведенному, уже твердо установившемуся порядку, воспитаніе получилъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи; но не изъявилъ желанія къ продолженію образованія, и прямо перешелъ на дорогу практическую, служебную: поступилъ въ Академію преподавателемъ піитики и реторики. По обычаю времени, однакоже, обязанность Петрова этимъ не исчерпывалась, и

онъ, сверхъ своихъ спеціальныхъ предметовъ, обучалъ своихъ учениковъ „началамъ ариөметики, Целларіевой географіи и Голберговой исторіи". Во время этого пребыванія въ Академіи преподавателемъ, Петровъ упражнялся и въ церковномъ краснорѣчіи, и его проповѣди, отличавшіяся напыщенностью и обиліемъ внѣшнихъ стилистическихъ прикрасъ, обратили на себя вниманіе многихъ. Говорятъ, что успѣху этихъ проповѣдей, произносимыхъ громко, увѣренно и величаво, много способствовала красивая наружность молодого проповѣдника. Дальнѣйшимъ успѣхамъ Петрова способствовала другая случайность. По всѣмъ вѣроятіямъ, раннее и близкое знакомство съ Г. А. Потемкинымъ (въ бытность его студентомъ Московскаго университета) въ значительной степени помогло Петрову выдвинуться изъ ничтожества и занять видное положеніе при Дворѣ Екатерины. Его ода на карусель, устроенную въ Москвѣ, въ 1766 году, по поводу коронаціи Екатерины II, была замѣчена императрицею, несмотря на то, что не отличалась большими достоинствами, а ея авторъ получилъ не только богатый подарокъ, но еще и удостоенъ былъ милостиваго слова: „я не забуду Петрова". За первою одою послѣдовала вторая, какъ говорятъ, *заказанная* Потемкинымъ „на случай сочиненія проэкта Новаго Уложенія", и смѣлому автору доставлена была даже возможность лично поднести ее императрицѣ, въ 1767 г. Вскорѣ послѣ того, авторъ оды былъ вытребованъ въ Петербургъ; ему дано было мѣсто переводчика при кабинетѣ государыни и поручено исполненіе должности чтеца при ея особѣ (1768 г.). Вспоминая объ этомъ важномъ событіи въ своей жизни, лѣтъ тридцать спустя, Петровъ писалъ своимъ



В. П. Петровъ, по портрету, находящемуся въ Академіи Наукъ.

И онъ относится къ этому „новому пути“ весьма сочувственно, вполнѣ искренно признавая всѣ недостатки торжественной, хвалебной лирики:

«Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ тоновъ,
И полно, кажется, за облака летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ, и рукъ, и ногъ не изломать».

Затѣмъ Костровъ вполнѣ чистосердечно признается, „что изъ моды ужъ вывелись парящи оды“ и отдаетъ полную справедливость Державину, вполнѣ правильно замѣчая:

«Ты простотой умѣлъ
себя средь насъ
вознесть.»

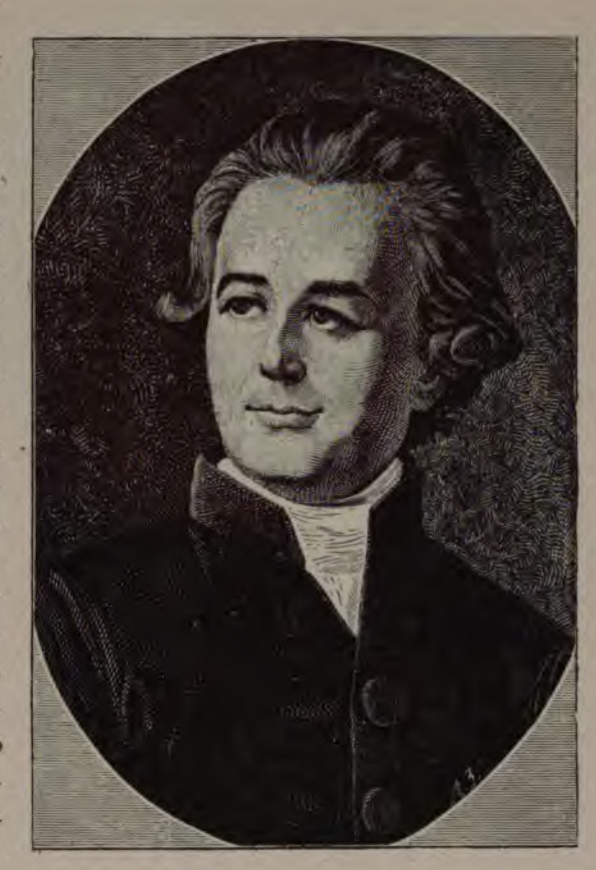
Е. И. Костровъ, по современной гравюрѣ.

И такое откровенное, безпристрастное признаніе дѣлаетъ честь и добродушію, и тонкому вкусу Кострова, который не умѣлъ, подобно Сумарокову, ослѣплять себя самомнѣніемъ.

Третій изъ этой плеяды лириковъ, болѣе всѣхъ другихъ подходившій къ отживавшему типу придворныхъ поэтовъ, былъ *Василій Петровичъ Петровъ* (род. 1736 г., ум. 1808 г.), и, какъ по характеру личному, такъ и по характеру своихъ произведеній, представляется намъ менѣе привлекательнымъ, нежели „несчастный наукъ любитель“ Костровъ и неудержимый въ стихотворствѣ Рубанъ.

В. П. Петровъ. В. П. Петровъ былъ родомъ изъ московскаго духовенства, и, по заведенному, уже твердо установившемуся порядку, воспитаніе получилъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи; но не изъявилъ желанія къ продолженію образованія, и прямо перешелъ на дорогу практическую, служебную: поступилъ въ Академію преподавателемъ піитики и реторики. По обычаю времени, однакоже, обязанность Петрова этимъ не исчерпывалась, и

онъ, сверхъ своихъ спеціальныхъ предметовъ, обучалъ своихъ учениковъ „началамъ ариѳметики, Целларіевой географіи и Голберговой исторіи“. Во время этого пребыванія въ Академіи преподавателемъ, Петровъ упражнялся и въ церковномъ краснорѣчіи, и его проповѣди, отличавшіяся напыщенностью и обиліемъ внѣшнихъ стилистическихъ прикрасъ, обратили на себя вниманіе многихъ. Говорятъ, что успѣху этихъ проповѣдей, произносимыхъ громко, увѣренно и величаво, много способствовала красивая наружность молодого проповѣдника. Дальнѣйшимъ успѣхамъ Петрова способствовала другая случайность. По всѣмъ вѣроятіямъ, раннее и близкое знакомство съ Г. А. Потемкинымъ (въ бытность его студентомъ Московскаго университета) въ значительной степени помогло Петрову выдвинуться изъ ничтожества и занять видное положеніе при Дворѣ Екатерины. Его ода на карусель, устроенную въ Москвѣ, въ 1766 году, по поводу коронаціи Екатерины II, была замѣчена императрицею, несмотря на то, что не отличалась большими достоинствами, а ея авторъ получилъ не только богатый подарокъ, но еще и удостоенъ былъ милостиваго слова: „я не забуду Петрова“. За первою одою послѣдовала вторая, какъ говорятъ, *заказанная* Потемкинымъ „на случай сочиненія проэкта Новаго Уложенія“, и смѣлому автору доставлена была даже возможность лично поднести ее императрицѣ, въ 1767 г. Вскорѣ послѣ того, авторъ оды былъ вытребованъ въ Петербургъ; ему дано было мѣсто переводчика при кабинетѣ государыни и поручено исполненіе должности чтеца при ея особѣ (1768 г.). Вспоминая объ этомъ важномъ событіи въ своей жизни, лѣтъ тридцать спустя, Петровъ писалъ своимъ



В. П. Петровъ, по портрету, находящемуся въ Академіи Наукъ.

обычно-напыщеннымъ слогомъ: „монархиня взяла меня изъ убогой хижины и посадила подлѣ себя; какъ матерь исправляя недостатки моего воспитанія, содѣлала меня удобнымъ къ служенію ея“ и т. д. Въ сущности же, Петровъ—молодой, красивый и ловкій малый—оказался „по природѣ своей“ очень удобнымъ для всякихъ услугъ и случайностей придворной службы того времени. Пользуясь расположеніемъ Потемкина, онъ не упускалъ изъ виду и другихъ сановниковъ, выдвигаемыхъ случаемъ и обстоятельствами—и всѣмъ съ одинаковымъ усердіемъ посвящалъ произведенія своей громкой и весьма податливой музы. Событія государственной жизни и побѣды русскихъ войскъ, придворные праздники и случаи частной жизни—все одинаково вдохновляло и настраивало неприхотливаго поэта и побуждало его „восторгаться и воспѣвать“. Недаромъ, за эту плодовитость и развязность поэтическаго дара, Петровъ получилъ отъ Екатерины шутливое прозваніе „ея карманнаго стихотворца“.

Но нельзя не замѣтить, что стихотворство Петрова ничего не имѣло общаго съ поэзіей и поэтическимъ настроеніемъ; онъ вовсе не былъ поэтомъ, и его стихотворная плодовитость проявлялась въ такихъ формахъ лирики, которыя уже никому изъ серьезныхъ цѣнителей молодой, нарождавшейся русской поэзіи не могли нравиться. Времена кіевскихъ духовныхъ „виршеслагателей“ давно прошли, закончившись твореніями Тредіаковскаго. Отъ поэзіи уже начинали требовать и ясно-выраженной мысли, и благозвучной внѣшней формы, и когда читали въ одахъ Петрова описанія битвы, подобныя слѣдующему—

«Смѣсившись съ кровью, Понтъ густѣетъ
И вержетъ на брега срацынъ,
Стамбулъ отъ страха цѣпенѣетъ,
Ярится въ злобѣ солнцевъ сынъ»—

—оды возбуждали только улыбку или вызывали насмѣшки надъ авторомъ. Ни плодовитость его, ни большой запасъ смѣлости, съ которою онъ приступалъ ко всякимъ сюжетамъ въ своей обильной (хотя и довольно однообразной) лирикѣ, не могли уже защитить его отъ журнальной критики, которая начинала становиться разборчивой и взыскательной. Особенно строго отнесся къ нему Новиковъ въ своемъ знаменитомъ „Словарѣ русскихъ писателей“, весьма правдиво и тонко указавъ на его важнѣйшіе недостатки, какъ поэта-лирика, и сурово осадивъ тѣхъ почитателей Петрова, которые рѣшались называть его „вторымъ Ломоносовымъ“. Чтобы подтвердить справедливость отзыва, высказаннаго Новиковымъ, стоитъ только привести здѣсь отрывокъ одного изъ лучшихъ произведеній Петрова, который познакомитъ насъ съ общей манерой и характеромъ его поэтическихъ произведеній—мелкихъ и

ничтожныхъ по содержанію, и неуклюжихъ, нескладныхъ по внѣшней формѣ. Произведеніе это—„посланіе къ Екатеринѣ“ [1]), въ которомъ онъ (самый напыщенный и манерный изъ стихотворцевъ XVIII вѣка) рѣшается говорить о „простотѣ“ какъ о лучшемъ украшеніи поэзіи! Онъ описываетъ, въ началѣ этого посланія, какъ къ нему съ Парнаса явилась богиня („Не знаю, Муза-ль то, иль Грація была“...) и обратилась со слѣдующею рѣчью:

«Что риѳмы ты»—рекла—«влечешь въ стихи насильно?
Не вымыслъ, не восторгъ, любезна простота
Прямая вашихъ есть сложеній красота.
Въ піитахъ мало сей поклонниковъ богинѣ.
Ты кличь ее всегда, пиша къ Екатеринѣ:
Я знаю нравъ ея, та мной воздоена
И тѣми-жъ мыслями, какъ я, напоена!»
То рекши, божество невидимо вдругъ стало.
Въ восторгѣ, радостно, мнѣ сердце трепетало:
«Любимецъ я судебъ!»—опомнясь, я сказалъ,—
Во свѣтѣ риѳмословъ такъ счастливъ не бывалъ;
Я современныхъ честь, я зависть для потомства,
Что можетъ выше быть съ богинями знакомства:
Одна въ явленіяхъ мнѣ смыслъ толчетъ въ главу;
Другая деньги шлетъ и щедритъ на яву»... и т. д.

Въ качествѣ придворнаго стихотворца, Петровъ прожилъ въ Петербургѣ бо́льшую часть жизни, пользуясь прекраснымъ жалованьемъ и всѣми выгодами своего положенія. Досуги отъ придворной службы онъ посвящалъ изученію классиковъ древнихъ и новѣйшихъ европейскихъ. Одинъ изъ современниковъ въ особенное достоинство Петрову ставитъ это знаніе многихъ языковъ и знакомство съ классической литературой: „онъ читаетъ въ подлинникахъ Гомера, Виргилія, Мильтона [2]), Вольтера, безъ сомнѣнія Тасса и, помнится, Клопштока“... Петровъ и самъ кичился и тщеславился этою способностью къ изученію языковъ, причемъ, однакоже, его попытка переводить Виргилія оказалась очень неудачною.

Въ 1780 г., Петровъ, подъ предлогомъ болѣзни, вышелъ въ отставку, осыпанный милостями императрицы и обогащенный полученными въ разное время подарками и наградами. Онъ жилъ

---

[1]) Оно было напечатано въ «Истор. Вѣстникѣ» 1885 г., стр. 385—387, и не вошло въ собраніе его сочиненій. Мы избираемъ «лучшее», на нашъ взглядъ, изъ стихотвореній Петрова, хотя могли бы, въ подтвержденіе этой мысли, указать на массу самыхъ курьезныхъ и самыхъ вычурныхъ перловъ Петровской лирики.

[2]) Англійскому языку онъ выучился во время своего путешествія по Европѣ, когда, выполняя данное ему порученіе, прожилъ довольно долго въ Англіи.

по зимамъ въ Москвѣ, а остальное время проводилъ въ своей деревнѣ (въ Орловской губ.). Нѣсколько разъ, и изъ отставки, онъ напоминалъ о себѣ Екатеринѣ, ходатайствуя о разныхъ милостяхъ и поднося ей оды. По кончинѣ государыни онъ попытался тѣмъ же самымъ путемъ заискать и въ милостяхъ императора Павла, но ему пришлось убѣдиться въ томъ, что „его время прошло…“ Чрезвычайно характерны и любопытны, для изученія личности, тѣ письма къ женѣ, которыя дошли до нашего времени отъ этой эпохи жизни нашего лирика; въ нихъ онъ очень безцеремонно вскрываетъ передъ нами внутреннія побужденія, ради которыхъ рѣшается еще разъ прибѣгнуть къ хвалебной лирикѣ. Въ ожиданіи наградъ отъ Павла I за оды, написанныя по поводу его коронаціи, Петровъ пишетъ женѣ:

> „Паршивые лирики! суемся же получать вотчины дешевенько: не потерять бы, что нажито, а на чужое нече(го) зубы скалить. Долгъ мой воистину велитъ мнѣ самодержцевъ славить: да что когда они эту грамоту не любятъ—вѣдь силой милъ не будешь. Ты думаешь, пишешь къ Императору и льстишься быть прочтенъ: анъ читаетъ тебя, хохоча, Его Величества секретарь, и скажетъ ему про тебя, что̀ изволитъ, а коли разсудитъ, вовсе промолчитъ. Мудреное для Музы моей время“…

Далѣе, въ томъ же самомъ письмѣ, онъ выражаетъ надежду на то, что сумѣетъ обратить на себя вниманіе императора и своимъ краснорѣчіемъ, если только „сподобится“ его увидѣть:

> „Но, можетъ-быть, и въ пользу свою растворю Императора, сподобясь его увидѣть: не лучше ли подѣйствуетъ Цицероновщина, когда не помогаетъ Виргиліевщина; вѣд муженекъ твой удалъ и на то! Кабы мнѣ волю дали, я-б кажется, смогъ прослыть царскимъ витіемъ: такъ-отъ н когда слывалъ карманнымъ Екатерининымъ стихотворцемъ“

Но время подобныхъ стихотворцевъ миновало и прошло б возвратно… Типъ придворнаго лирика не возрождался болѣ не перешелъ за грани XVIII вѣка.

В. В. Капнистъ.

Къ иному, болѣе новому, послѣ-державинскому періоду развитіи нашей лирики, принадлежитъ *Василій Васильевичъ нистъ* [1]) (род. 1757 г., ум. 1824), ближайшій пріятель Хемни

---

[1]) Какъ происхожденіе, такъ и исторія рода Капнистовъ весьма замѣчательн Василія Васильевича, Петръ Христофоровичъ, былъ итальянецъ и происходилъ из скаго рода Капнисси; онъ выѣхалъ въ Россію при Петрѣ Великомъ (1711 г.) поэта, Василій Петровичъ, былъ храбрый вояка, и всю жизнь провелъ на ко противъ Турокъ, Крымскихъ татаръ и Ногайцевъ. Императрица Елисавета (175 жаловала его за разные подвиги многими деревнями въ миргородскомъ уѣздѣ, По губ. Отъ брака его съ С. А. Дуниной-Бурковской, принадлежавшей къ одному тѣйшихъ и знатнѣйшихъ малороссійскихъ родовъ, родился нашъ поэтъ.

и Львова, другъ и родственникъ Державина (по второй его женѣ). Родился онъ въ Обуховкѣ, одномъ изъ имѣній своего отца, которое впослѣдствіи было имъ воспѣто въ стихахъ. О воспитаніи и обученіи Капниста мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, и полагаемъ, что онъ получилъ первое основаніе своего—по отзывамъ современниковъ — „отличнаго образованія“ — въ домѣ родителей, при благопріятныхъ условіяхъ семейной обстановки. Благодаря такому пробѣлу, біографія его прямо начинается съ формулярнаго списка. На шестнадцатомъ году видимъ его капраломъ Измайловскаго полка, потомъ сержантомъ, а черезъ три года и офицеромъ Преображенскаго полка. Во время этого трехлѣтняго пребыванія въ столицѣ, молодой Капнистъ сходится—въ кружкѣ Державина — съ Хемницеромъ, Богдановичемъ и Львовымъ, и уже высказываетъ (вѣроятно дома пріобрѣтенное) отличное знаніе новѣйшихъ языковъ и литературы и даже основательное знакомство съ древними классиками. Въ 1777 г. онъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую литературную извѣстность своею удачною сатирою „На нравы“, въ которой слѣдующимъ образомъ передаетъ народное присловье [1]):

В. В. Капнистъ.

«Науки возросли, художества цвѣтутъ.
Родятся авторы—а глупость тутъ какъ тутъ.
Какъ въ нивѣ, многими удобренной трудами,
Проникнувъ плевелы, промежду колосами,
Неспѣлый повредя, глушатъ созрѣлый плодъ,
Такъ, вольный въ свѣтъ себѣ глупцы позволя входъ,
Не бывъ посѣяны, ростутъ и созрѣваютъ,
Даютъ худой примѣръ и знанье затмѣваютъ».

Уже въ концѣ 70-хъ годовъ, Капнистъ покинулъ службу и

[1]) «Дураковъ не сѣютъ, не жнутъ,—сами родятся».

Титульный листъ къ первому собранію сочиненій Капниста.

поселился въ провинціи, гдѣ служилъ сначала по выборамъ, а потомъ и окончательно осѣлъ въ своей „любезной Обуховкѣ“.

В. В. Капнистъ. Здѣсь и были написаны всѣ его лирическія произведенія, преимущественно оды, торжественныя и громкія, въ которыхъ онъ воспѣвалъ побѣды русскаго оружія въ Турціи и подвиги Суворова въ Италіи. Но въ этихъ одахъ мы уже видимъ вѣяніе новаго времени и вліяніе поэтическихъ произведеній Державина: въ нихъ менѣе трескучихъ фразъ и менѣе желанія сохранить тѣ офиціальныя рамки опредѣленныхъ правилъ, въ которыя теорія

насильственно вгоняла оду. Въ особенности двѣ изъ одъ Капниста,—ода „*На рабство*" (1783 г.), и совершенно соотвѣтствующая ей по духу, другая ода „*На истребленіе въ Россіи званія раба Императрицею Екатериною II (15 февраля 1786 г.)*"—представляютъ собою поэтическія произведенія, вполнѣ осмысленныя и весьма искреннія по духу времени. Первая изъ нихъ, въ періодъ реакціи, даже набросила тѣнь немилости на поэта и не допускалась въ нѣкоторыя изъ его изданій, какъ нецензурная. Этой, далеко не изобильной и весьма немногосложной лирикой, Капнистъ, при своемъ независимомъ положеніи и большихъ литературныхъ связяхъ, быстро пріобрѣлъ извѣстность поэта и видное мѣсто между нашими литературными дѣятелями конца прошлаго вѣка. Замѣтимъ кстати, что элегіи и мелкія лирическія пьесы Капниста, изъ которыхъ многія отличаются легкостью и граціозностью, гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія, нежели его оды; а извѣстный переводъ стихотворенія Горація „Памятникъ" (Exegi monumentum aere peraennius) не уступитъ въ достоинствѣ Державинскому и передъ Пушкинскимъ имѣетъ то преимущество, что онъ ближе къ подлиннику.

Но не одами, не лирикой всякаго рода пріобрѣлъ себѣ Капнистъ прочную, долговременную литературную извѣстность: ею обязанъ онъ той комедіей, которую онъ цѣликомъ, съ содержаніемъ и характерами, почерпнулъ изъ живой провинціальной дѣйствительности конца XVIII вѣка, и выставилъ на сценѣ въ видѣ яркой и рельефной картины нравовъ. Но объ этой комедіи мы будемъ говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ, при обзорѣ драматической литературы, вызванной къ жизни плодотворною дѣятельностью Фонвизина.

Виньетка къ одѣ Капниста «На истребленіе въ Россіи званія раба».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдователи Сумарокова въ области русской драмы.—Отсталость въ воззрѣніяхъ Сумарокова на новыя направленія драмы.—Новыя вѣянья Екатерининской эпохи и ихъ вліяніе на общество. — Почему комедія беретъ верхъ надъ трагедіей? — Фонвизинъ.—Его воспитаніе; годы ученія.—Первые литературные опыты.—Комедія «Бригадиръ». — Участіе Фонвизина въ журналахъ.—Партійность Фонвизина и его отношенія къ Екатеринѣ.—«Недоросль».—Остальныя произведенія Фонвизина.— Дань вольнодумству и вынужденное благоразуміе преклоннаго возраста.

Сумароковъ, менѣе живой и менѣе своеобразный, нежели Ломоносовъ, не могъ пустить глубокихъ корней въ русской литературѣ, тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, онъ, въ своей дѣятельности, менѣе всего касался русской почвы. И герои его трагедій (несмотря на свои русскія имена), и всѣ основы этихъ произведеній — ничего общаго съ Россіею не имѣли и стояли въ прямой зависимости отъ героевъ и сюжетовъ французской ложно-классической трагедіи: еще менѣе самостоятельными, еще менѣе русскими оказывались комедіи Сумарокова, которыя онъ только старался перекраивать съ французскихъ шаблоновъ на русскіе нравы, и, надо сказать правду, перекраивалъ очень неудачно. Притомъ же, самостоятельный и упорный въ своемъ закоренѣломъ предубѣжденіи о высокомъ достоинствѣ своихъ литературныхъ произведеній, Сумароковъ, въ концѣ литературной карьеры, уже закрывалъ глаза на новыя явленія въ области драмы и на новыя направленія въ комедіи, отворачиваясь отъ нихъ съ презрѣніемъ человѣка отсталаго... Когда какой-то Николай Пушниковъ дерзнулъ перевести одну изъ новыхъ, такъ-называемыхъ „слезныхъ комедій" (comédies larmoyantes)—„*Евгенію*" Бомарше—Сумароковъ разразился бѣшеною бранью и противъ этого новаго рода комедій, заключавшаго въ себѣ задатки будущей драмы (или высокой комедіи, haute comédie), и противъ переводчика, осмѣлившагося знакомить русскую публику съ этимъ „новымъ и пакостнымъ родомъ", который „вѣку великой Екатерины не принадлежитъ"... Онъ воображалъ себѣ, что наша драматическая литература останется навѣки въ тяжкихъ оковахъ псевдо-классическихъ условій. Онъ, вѣроятно, и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ, не доживъ до лучшихъ временъ русскаго театра, когда „Недоросль" Фонвизина произвелъ переворотъ въ нашей сценической литературѣ и сценическомъ искусствѣ. Мы упоминали выше, говоря о „Наказѣ" Императрицы Екатерины, что Сумароковъ вообще не сочувствовалъ новымъ вѣяньямъ Екатерининскаго времени, которыя такъ широко и быстро распространялись въ обществѣ и такъ сильно вліяли на молодое поколѣніе... Оно проникалось ими, оно видѣло въ нихъ лучшій идеалъ нравственнаго совершенства —

лучшую программу жизни на пути къ достиженію какого-то свѣтлаго, чудеснаго и уже не слишкомъ далекаго будущаго. И, несмотря на то, что далеко не всѣмъ этимъ упованіямъ суждено было осуществиться на дѣлѣ: несмотря на то, что, въ дѣйствительности, очень многое противорѣчило благимъ предначертаніямъ „Наказа",—обаяніе личности Екатерины—въ особенности въ первое десятилѣтіе ея царствованія—было до такой степени велико, а блестящіе успѣхи ея внѣшней политики такъ поразительны, и даже всѣ пріемы власти до такой степени новы и невиданны въ Россіи—что молодому поколѣнію 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго вѣка пришлось пережить такой же радостный и лучезарный періодъ надеждъ и чаяній, какой пережило молодое поколѣніе нынѣшняго вѣка, въ первое десятилѣтіе царствованія Александра II. И какъ въ этотъ періодъ, еще памятный всѣмъ намъ, новыя идеи, новыя реформы, новые законы и новыя формы жизни вызвали цѣлую литературу всякихъ обличеній и осмѣяній минувшаго періода: такъ же точно, сто лѣтъ тому назадъ, молодое поколѣніе начала царствованія Екатерины дружнымъ хоромъ принялось за осмѣяніе всего, что не соотвѣтствовало новымъ идеямъ и новому строю русской жизни, который пытались направить, сообразно этимъ идеямъ, на новый путь. Разбивались старые кумиры, мѣнялись прежніе, отжившіе свой вѣкъ идеалы высокаго представителя власти, гражданина, общественнаго дѣятеля, пастыря, чиновника, судьи—шла усиленная ломка въ отношеніяхъ семейныхъ, выступала въ новой своей роли женщина... И путемъ этой ломки нарождалось новое направленіе въ литературѣ, выразившееся, прежде всего, въ новой русской комедіи, а затѣмъ—въ новой русской журналистикѣ.

Дѣйствительно, нельзя упустить изъ виду этого замѣчательнаго оживленія комедіи, въ области которой, съ легкой руки Фонвизина и Екатерины, является разомъ чуть не десятокъ новыхъ, болѣе или менѣе плодовитыхъ авторовъ... И въ соотвѣтствіе съ произведеніями этихъ авторовъ комедій — ни одной трагедіи. Какъ будто всѣ трагики вымерли въ Россіи—или зареклись не писать болѣе трагедій, на которыя не было болѣе спроса и мода какъ-то разомъ прошла... Напыщенные герои трагедій, „махающіе своими картонными мечами", всѣмъ прискучили, какъ что-то мертвое, отжившее, несоотвѣтствовавшее болѣе потребностямъ жизни и дѣйствительности. Не до нихъ было людямъ Екатерининскаго времени, которые стремились поскорѣе скинуть съ себя „ветхаго человѣка", и въ массу, въ толпу бросить разомъ десятки новыхъ идей—указать всѣмъ того новаго человѣка, новаго дѣятеля, который долженъ былъ сломить, упразднить все старое. А какъ это сдѣлать? Легче и удобнѣе всего сдѣлать это

Екатерина и Фонвизинъ.

на сценѣ, выставляя пороки на общее осмѣяніе, „бичуя ихъ стыдомъ“, по „Наказу“—и противополагая имъ идеалы новыхъ людей. Писатели, объ руку съ правительствомъ, дерзаютъ „становиться на стражу общаго блага“, они начинаютъ мечтать даже о томъ, что „человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества...“ [1]. Съ такими мыслями, съ такими идеалами и стремленіями выступилъ на поприще литературы одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, вмѣстѣ съ Державинымъ составляющій лучшее украшеніе царствованія Екатерины—Фонвизинъ.

Біографія Фонвизина.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ (род. 1744 г., ум. 1792 года) [2]) происходилъ отъ стараго нѣмецкаго рыцарскаго рода. Предки его были Меченосцами; но одинъ изъ предковъ, взятый въ плѣнъ еще во время Ливонской войны, поселился въ Московскомъ государствѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ. Потомки его обрусѣли впослѣдствіи и, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, приняли православіе.

Всѣ біографы Фонвизина заимствуютъ фактическую сторону жизнеописанія его изъ той автобіографіи, которую самъ Денисъ Ивановичъ написалъ уже въ концѣ жизни, и, въ подражаніе извѣстнымъ „Признаніямъ“ („Confessions“) Жанъ-Жакъ-Руссо, назвалъ также „Чистосердечнымъ признаніемъ въ дѣлахъ и помышленіяхъ“. Здѣсь, въ живомъ разсказѣ, онъ далъ бѣглый очеркъ своей жизни и дѣятельности литературной (къ сожалѣнію—не полный и не вполнѣ законченный); но къ его разсказу, распредѣляющему матеріалъ далеко неравномѣрно и не вполнѣ безпристрастно, нужно относиться съ нѣкоторою осторожностью, тѣмъ болѣе, что въ тѣ годы, когда онъ писалъ свое „Чистосердечное признаніе“, его взгляды на свое прошлое значительно измѣнились, отчасти подъ вліяніемъ болѣзни, отчасти и подъ вліяніемъ религіозно-мистическаго настроенія. Многое въ этомъ прошломъ представлялось ему гораздо болѣе мрачнымъ, и многое — гораздо болѣе свѣтлымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Притомъ, за недостаткомъ подробностей, утраченныхъ памятью или намѣренно опущенныхъ авторомъ „Чистосердечныхъ признаній“, онъ очень часто довольствуется анекдотическою передачею событій, конечно, болѣе забавной, нежели достовѣрной. Въ довершеніе всего, изложеніе этой автобіографіи пересыпано сокрушеніями о грѣховности, о бурно-проведенной жизни и всякихъ излишествахъ, которыя будто бы довели здоровье Де-

[1]) Слова «Стародума» въ Недорослѣ Фонвизина.

[2]) Эти даты, общія во всѣхъ біографіяхъ, расходятся съ показаніями надгробной плиты Фонвизина, на которой обозначено: «родился въ 1745 г., апрѣля 3 дня, преставился 1792 г., декабря 1-го дня».

ниса Ивановича до полнаго разстройства; и эти сокрушенія, эти покаянныя размышленія — представляются странными диссонансами, странными противорѣчіями со всѣмъ тѣмъ, что отъ современниковъ извѣстно намъ о живомъ, общительномъ, неистощимо-остроумномъ авторѣ „Недоросля". Изъ разсказа И. И. Димитріева, случайно встрѣтившагося съ Фонвизинымъ наканунѣ его кончины, мы знаемъ, напримѣръ, что онъ, разбитый параличомъ и физически уничтоженный своимъ недугомъ, былъ все же и веселъ, и остроуменъ, и бодръ духомъ, и отзывчивъ на впечатлѣнія жизни, и попрежнему страстно преданъ интересамъ литературнымъ [1]).

Воспитаніе Фонвизина.

Изъ словъ самого Фонвизина, мы узнаемъ, что онъ получилъ дома воспитаніе простое, но разумное и подготовку къ школѣ не многостороннюю, но прочно обставленную. Дениса Ивановича рано научили грамотѣ, и научили не механически читать, а заставляя его вникать въ смыслъ каждаго слова; научили не только грамотѣ русской, но и церковно-славянской, безъ которой, по мнѣнію Фонвизина, „Россійскаго языка и знать невозможно". Тотчасъ послѣ того, какъ основанъ былъ въ Москвѣ университетъ, а при немъ и гимназія, Фонвизинъ былъ помѣщенъ въ это заведеніе отцомъ своимъ. Объ этой школѣ онъ отзывается очень неблагопріятно и разсказываетъ объ учителяхъ анекдоты, рисующіе преподаваніе въ самомъ неказистомъ видѣ; но, зная, что въ это время ректоромъ гимназіи былъ такой почтенный ученый и педагогъ, какъ Шаденъ, мы не совсѣмъ довѣряемъ воспоминаніямъ Фонвизина, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ себѣ нѣсколько противорѣчитъ: результаты, вынесенные изъ гимназіи и университета, были довольно положительны, такъ какъ онъ самъ говоритъ, что здѣсь, „обучаясь по-латыни, я положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ"... И сверхъ того: „научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ"... Эти знанія языковъ Фонвизинъ тотчасъ же, т.-е. еще во время пребыванія въ университетѣ, могъ примѣнить на практикѣ, переводя съ французскаго и съ нѣмецкаго для издававшихся при университетѣ журналовъ и для книгопродавцевъ, которые жестоко злоупотребляли трудомъ молодого, начинающаго

[1]) Особенно любопытно для насъ слѣдующее мѣсто изъ разсказа И. И. Димитріева (свидѣтеля, заслуживающаго полной вѣры): «Онъ (Фонвизинъ) приступилъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я «Недоросля»? читалъ ли «Посланіе къ Шумилову»? «Лису-Казнодѣйку» и т. д. Какъ согласить съ этимъ свидѣтельствомъ слѣдующее мѣсто «Чистосердечнаго признанія», гдѣ Фонвизинъ говоритъ о своемъ увлеченіи религіознымъ вольнодумствомъ: «въ кощунствѣ я и самъ игралъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать на смѣхъ то, что должно быть почтимо. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе» и т. д.

писателя, выплачивая ему за работу даже не деньгами, а книгами изъ своей лавки [1]).

Однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній во время пребыванія въ гимназіи и университетѣ была поѣздка въ Петербургъ, куда кураторъ университета, И. И. Мелиссино, захватилъ съ собою десять лучшихъ учениковъ гимназіи „для показанія плодовъ сего училища". Это было передъ окончаніемъ гимназическаго курса, въ 1758 году. Фонвизинъ здѣсь увидѣлъ много новаго и невиданнаго, много такого, что̀ осталось ему памятнымъ на всю жизнь. Такъ въ домѣ Ив. Ив. Шувалова онъ встрѣтилъ Ломоносова; а при Дворѣ, въ первый разъ въ жизни, ему удалось присутствовать при представленіи комедіи („Генрихъ и Пернилья"), разыгранной такими молодыми и талантливыми актерами, какъ Волковъ, Шумскій и Дмитревскій — и эта комедія оставила въ его памяти неизгладимое впечатлѣніе. Наконецъ, ему пришлось побывать и на одномъ изъ придворныхъ „куртаговъ" и дивиться блеску Елисаветинскаго Двора...

Д. И. Фонвизинъ, молодой типъ.

Начало службы.

Ни изъ документовъ, ни изъ разсказа самого Фонвизина нельзя съ полною опредѣленностью рѣшить—кончилъ-ли Фонвизинъ полный курсъ наукъ въ университетѣ, или поступилъ на службу до окончанія курса (что было вполнѣ возможно)? Дѣло, въ сущности, происходило такъ: Фонвизинъ, съ десяти лѣтъ зачисленный отцомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, къ 17-ти-лѣтнему возрасту былъ уже сержантомъ гвардіи; по окончаніи курса ему предстояло идти на военную службу, къ кото-

[1]) Такъ были имъ переведены, по заказу одного книгопродавца, «Басни нравоучительныя съ измѣненіями г. барона Гольберга», которыя уже въ 1765 г. были напечатаны вторымъ изданіемъ.

6. 12 дек.

Милостивой Государь мой Яков Ива

[illegible]

Автографъ Фонвизина. Письм

Изъ собранія рукописеі

[illegible] одна моя вѣдомость. Если захочешь осчастливить

ты, то помните что Вы нужны. Будьте Вы здоровы

и счастливы. Не забудьте меня, который Вашъ истинный

есмь и пребываю преданный Вамъ

Всепокорнѣйшій и покорнѣйшій слуга

[illegible]

ждать, что теперь Вашимъ обществомъ думаю, Не могу

[illegible] особенно [illegible] письмо: но

Васъ прошу засвидѣтельствовать мое отъ меня

нижайшее почтеніе, равно какъ и милостивой Госуда-

рынѣ Супругѣ.

Дея[illegible]

Ванушка

Иванушка

Дея батюшка

брасть напогу Гав[illegible]

матка Да

Ивану. Какъ[illegible]

обидою а фна

матка [illegible]

НЕДОРОСЛЬ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Лица.

Простаковъ. - - Г. *Золинъ.*

Гж. Простакова, жена его. Гж. *Михайлова.*

Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль. Г. *Черниковъ.*

Еремѣевна, мама Митрофанова. Г. *Шумскій.*

Правдинъ. - Г. *Плавильщиковъ.*

Стародумъ. - Г. *Дмитревскій.*

Софья, племянница Стародума. Гж. *Зорина.*

Милонъ. - - Г. *Марковъ.*

Г. Скотининъ, братъ Гж: Простаковой. Г. *Соколовъ.*

Кутейкинъ, семинаристъ. Г. *Петровъ.*

Цыфиркинъ, отставной сержантъ. Г. *Сусловъ.*

Вральманъ, учитель. Г. *Заводинъ.*

Тришка, портной. Г. *Замировъ.*

Слуга Простакова.

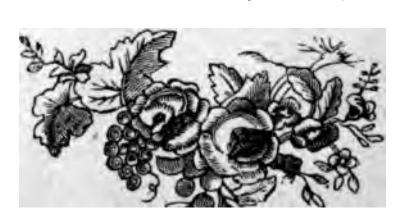
Камердинеръ Стародума.

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

Представлена въ первый разъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Сентября 24 дня 1782.



Снимокъ съ оригинальной афиши «Недоросль» Фонвизина, напечатанной для перваго представленія.

Д. И. Фонвизинъ, съ оригинала писаннаго въ Римѣ.

рой у него не лежало сердце. Вотъ почему онъ и рѣшился отъ нея во что̀ бы то ни стало избавиться и избрать другую дорогу. Въ виду этого, еще на студенческой скамьѣ, онъ обратился въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ и представилъ, что онъ въ университетѣ обучался латинскому, французскому и нѣмецкому языку и желаетъ получить мѣсто при коллегіи. Въ офиціальной бумагѣ, присланной въ отвѣтъ на это прошеніе въ университетъ изъ коллегіи значится: „оной Фонвизинъ въ тѣхъ языкахъ свидѣтельствованъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ и къ дѣламъ оной коллегіи способнымъ", и потому коллегія отъ университета „требуетъ, чтобы оный благоволилъ помянутаго сержанта Фонвизина, выключа изъ числа университетскихъ студентовъ, прислать въ оную коллегію, для опредѣленія по желанію и способности его".

Первыя произведенія. Такъ, съ осени 1762 года началась служба Фонвизина. Но уже и до этого времени онъ успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность своими переводами, которые помѣщалъ сначала въ журналахъ Хераскова, а потомъ въ журналѣ Рейхеля „*Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія*“. Н. С. Тихонравовъ предполагаетъ, что и выборомъ переводныхъ оригиналовъ руководилъ при этомъ умный и образованный профессоръ Рейхель, вліяніе котораго вообще замѣтно на первыхъ литературныхъ опытахъ Дениса Ивановича.

Уже въ 1761 г., слѣдовательно еще на студенческой скамьѣ, Фонвизинъ перевелъ сначала „*Альзиру*“ Вольтера стихами, а затѣмъ книгу аббата Террасона: „*Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, царя Египетскаю, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняю Египта взятая*“. Вотъ эти-то два произведенія, отдѣльно напечатанныя, и обратили на Фонвизина вниманіе одного изъ кабинетъ-министровъ Екатерины, И. П. Елагина, извѣстнаго сочинителя книги „*Опытъ повѣствованія о Россіи*“. Любя собирать около себя талантливую молодежь, Елагинъ пожелалъ приблизить къ себѣ и Фонвизина, вслѣдствіе чего и повелѣно было ему (7-го октября 1763 г.)—„быть для нѣкоторыхъ дѣлъ“ при Елагинѣ. Здѣсь пришлось молодому писателю столкнуться съ другимъ писателемъ В. И. Лукинымъ, уже извѣстнымъ въ то время авторомъ нѣсколькихъ комедій, передѣланныхъ съ французскаго на русскіе нравы. Писатели не взлюбили другъ друга, и Лукинъ, исправлявшій при Елагинѣ должность секретаря, сталъ вредить Фонвизину, гдѣ только могъ, притомъ нимало не затрудняясь въ выборѣ средствъ. Ему удалось, такимъ образомъ, надѣлать Денису Ивановичу много непріятностей; но умный и прямой Фонвизинъ удержался на мѣстѣ и сумѣлъ открыть глаза Елагину на его любимца.

Всѣ эти непріятности, однакоже, не могли отвадить Дениса Ивановича отъ упражненій въ словесности, къ которымъ онъ привязался еще на школьной скамьѣ, и въ 1763 году онъ опять выступаетъ съ переводомъ повѣсти Бартелеми: „*Любовь Кориты и Полидора*“, основанной на классическомъ миѳѣ о Минотаврѣ и тѣхъ дѣвицахъ и юношахъ, которые приносились ему въ жертву. Въ слѣдующемъ 1764 г., будущій драматургъ ставилъ уже на сцену комедію „*Коріонъ*“, передѣланную ихъ Грессетова „*Сиднея*“; и пьеса очень понравилась публикѣ, и Дворомъ была принята весьма благосклонно...

«Бригадиръ» Фонвизина. Наконецъ, въ 1766 году, Фонвизинъ выступилъ съ вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ — комедіей „*Бригадиръ*“, которая, задолго до постановки на сцену, произвела настоящее волненіе въ обществѣ, и, по отзыву одного современника, „всѣми разумными и знающими людьми столько была похваляема, что луч-

шаго и Мольеръ во Франціи своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ"... Очень живо описываетъ Фонвизинъ въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи", какъ его комедія стала извѣстною и модною, и облетѣла въ самое короткое время все высшее общество, всю знать;—какъ стала извѣстна, въ чтеніи самого автора, и Императрицѣ, и Наслѣднику, и Панинымъ, и Чернышеву, и Строганову, и графинямъ Румянцевой, Бутурлиной, Воронцовой; и какъ Фонвизинъ, на время, сталъ кумиромъ всѣхъ салоновъ столицы. Самымъ важнымъ результатомъ, къ которому привелъ блестящій успѣхъ „Бригадира", для Фонвизина было близкое знакомство съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ: подъ его начальство и поступилъ Фонвизинъ, въ 1769 г., видимо, избранный имъ, какъ надежный помощникъ въ дѣлахъ и какъ лицо, заслуживающее полнаго довѣрія въ вопросахъ весьма тонкихъ и въ отношеніяхъ самыхъ деликатныхъ.

За годъ до возвращенія на службу въ иностранную коллегію, и служа еще при Елагинѣ, Фонвизинъ отпросился въ Москву и пробылъ тамъ довольно долго. Онъ тамъ проводилъ время не даромъ, какъ это можно видѣть изъ современнаго его письма къ Елагину:

„Время мое провожу здѣсь весьма полезно"—пишетъ Денисъ Ивановичъ: — „перевелъ „Іосифа"... Напечаталъ „Сиднея" [1]), пишу стихи"... Сверхъ того извѣщаетъ о какой-то сочиненной имъ комедіи, которую собирается, переписавъ, представить на судъ Елагина...

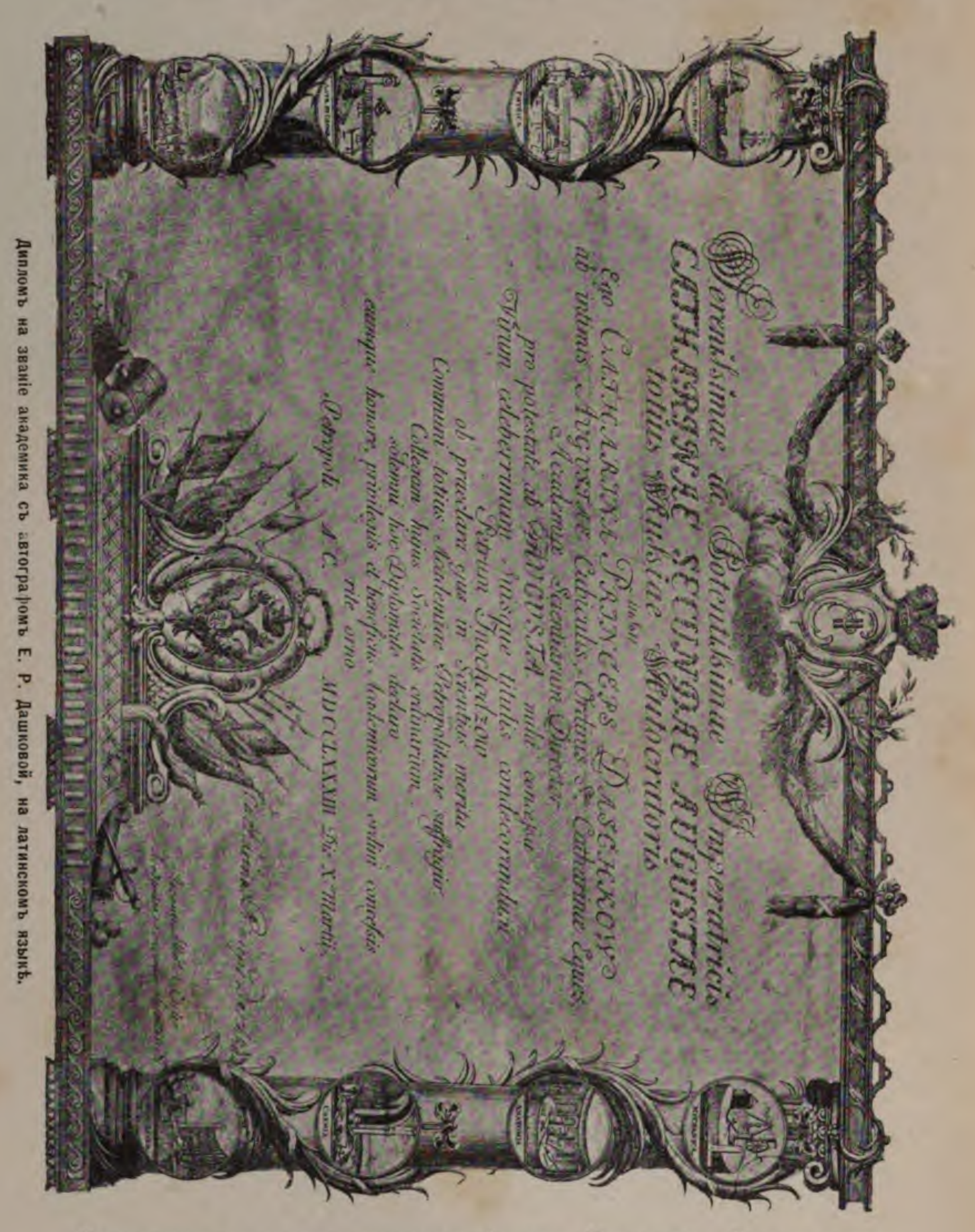
Мы не знаемъ, о какихъ стихахъ упоминаетъ тутъ Фонвизинъ, хотя имѣемъ полное основаніе предполагать, что многіе изъ его стиховъ до насъ не дошли; что же касается „комедіи", то это, вѣроятно, та, которая сохранилась до нашего времени въ отрывкахъ подъ названіемъ: „Обманчивая наружность или человѣкъ нынѣшняго свѣта". Была ли она кончена—или такъ и покинута авторомъ въ видѣ неотдѣланнаго наброска — это теперь рѣшить невозможно.

Что же касается „Іосифа", о которомъ пишетъ Денисъ Ивановичъ Елагину изъ Москвы, то эта нравоучительная поэма Битобе важна для насъ, какъ памятникъ той тягостной и постоян-

---

[1]) *«Сидней и Силли или благодѣяніе и благодарность»*—повѣсть Арно; нравоучительная и весьма сентиментальная. Чувствительное посвященіе перевода указываетъ на обстоятельства, при которыхъ онъ былъ выполненъ: «Слѣдуя волѣ твоей, перевелъ я «Сиднея», и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли его хвалить другіе? Лишь бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь». Это посвященіе объясняется намъ и тѣмъ мѣстомъ автобіографіи, въ которомъ Фонвизинъ говоритъ, что въ бытность въ Москвѣ (1768 г.) онъ встрѣтилъ «женщину плѣняющаго разума, которая тронула его сердце и вселила въ него совершенное къ себѣ почтеніе».

ной работы, которую талантливому и умному писателю приходилось безостановочно производить надъ языкомъ и слогомъ.



Дипломъ на званіе академика съ автографомъ Е. Р. Дашковой, на латинскомъ языкѣ.

Фонвизинъ въ своемъ предисловіи къ „Гаспару", близко знакомитъ насъ со своими колебаніями и исканіями въ этой области: „Слогъ долженъ быть такой, каковаго мы еще не имѣемъ;

И. П. Елагинъ. По современной гравюрѣ.

Телемакъ переведенъ славянскимъ; а въ „Аргенидѣ" нашелъ я много нашихъ нынѣшнихъ выраженій, не весьма, кажется, сходственныхъ съ важностью сія книги. Итакъ, главное затрудненіе состояло въ избраніи слога. Множество приходило мнѣ на мысль славянскихъ словъ и реченій, которыя, не имѣя себѣ примѣра, принужденъ я былъ оставить, боялся или возмутить ясность, или тронуть нѣжность слуха. Приходили мнѣ на мысль наши нынѣшнія слова и реченія, весьма употребительныя въ сообществѣ, но, не имѣя примѣру, оставилъ я оныя, опасаясь того, что не довольно изобразятъ онѣ важность авторской мысли".

Академикъ Тихонравовъ, по поводу этого предисловія къ

„Іосифу“, замѣчаетъ совершенно вѣрно, что то̀ практическое и вразумительное изученіе церковно-славянскаго языка, которымъ Фонвизинъ хвалится въ дѣтствѣ, въ домѣ родительскомъ, въ отношеніи къ его слогу, болѣе вредило, нежели было ему полезно [1]). „При модномъ стремленіи нашихъ писателей прошлаго столѣтія изгонять барбаризмы словами и оборотами языка славяно-церковнаго и при господствѣ вышеизложенной теоріи (Ломоносовской теоріи высокаго штиля), оставило въ нѣкоторыхъ (особенно первыхъ) произведеніяхъ Фонвизина всѣ вредныя слѣдствія чисто - наглядного знакомства съ языкомъ. При этомъ, конечно, и многіе слова и обороты славяно-церковнаго языка употребляются имъ совершенно невпопадъ, потому что истинное значеніе ихъ не было ему извѣстно“...

Къ сожалѣнію, мы очень мало знакомы съ внутреннею жизнью Фонвизина; многое, относительно его біографіи и литературной дѣятельности, остается намъ неяснымъ, даже и во внѣшнихъ фактахъ; а потому мы и не можемъ себѣ объяснить, какимъ образомъ, послѣ нравоучительнаго „Іосифа“, могло явиться въ свѣтъ такое произведеніе, какъ „Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“? Намъ представляется недостаточнымъ объясненіе Тихонравова, который видитъ въ этомъ произведеніи прямое слѣдствіе того, что „авторъ попалъ въ Петербургѣ въ общество людей, любившихъ щеголять безвѣріемъ и богохульствомъ“; намъ ничего не объясняютъ и покаянныя сокрушенія „Признанія“, по поводу этого посланія, потому что, какъ мы видѣли выше (стр. 119, въ прим.), Фонвизинъ, до конца дней, придавалъ значеніе этому „Посланію“... Какъ бы то ни было, но „Посланіе“ было напечатано въ одномъ изъ журналовъ Екатерининскаго времени, въ „Пустомелѣ“, который и просуществовалъ-то лишь два мѣсяца... „Посланію“ предшествуетъ очень любопытное указаніе редакціи, до нѣкоторой степени имѣющее значеніе историческое и документальное по отношенію къ біографіи Фонвизина.

„Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени автора [2]) сего посланія; перо, писавшее сіе, россійскому ученому свѣту и всѣмъ, любящимъ словесныя науки, довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненія носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія; словомъ, если обстоятельства автору сему позволятъ упражняться

---

[1]) Точно такъ же, какъ вредило оно, на нашъ взглядъ, и Державину.

[2]) «Посланіе къ слугамъ» было напечатано въ «Пустомелѣ» безъ имени автора.

въ словесныхъ наукахъ, то не безосновательно и справедливо многіе ожидаютъ увидѣть въ немъ россійскаго Боало".

Изъ этого предувѣдомленія мы видимъ, что въ 1770 году имя Фонвизина уже пользовалось почетною извѣстностью „въ россійскомъ ученомъ свѣтѣ и между любящими словесныя науки"; а затѣмъ узнаемъ и тотъ любопытный фактъ, что многія сочиненія Фонвизина въ „письменномъ видѣ" ходятъ по рукамъ и всѣмъ нравятся. Это объясняетъ намъ, отчасти, то значеніе, которымъ пользовался Фонвизинъ въ обществѣ,—значеніе, которое не легко было бы пріобрѣсти одною комедіей и нѣсколькими переводными сочиненіями; а съ другой стороны, даетъ ключъ къ пониманію той вражды, съ которою Фонвизину приходилось считаться чуть ли не съ первыхъ лѣтъ его жизни, и которую онъ отчасти самъ возбуждалъ, много вредя себѣ своимъ злымъ языкомъ и колкимъ остроуміемъ.

Въ 1773 году Н. И. Панинъ закончилъ воспитаніе Наслѣдника и получилъ отъ Императрицы большія награды деньгами, домами, орденами и помѣстьями (9,000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи). Упоминаемъ объ этомъ фактѣ потому, что онъ весьма благопріятно отразился на судьбѣ Дениса Ивановича, такъ какъ великодушный вельможа захотѣлъ, отъ себя, подѣлиться щедрою царскою милостью съ наиболѣе близкими изъ своихъ сослуживцевъ: и среди нихъ—прежде всѣхъ—наградилъ Фонвизина, который „сохраняя къ нему непоколебимую преданность, удостоенъ былъ всегда полной его довѣренности". Фонвизинъ получилъ при этомъ 1,180 душъ въ Бѣлоруссіи, и этимъ путемъ значительно поправилъ свое весьма недостаточное состояніе, въ особенности, когда (вскорѣ послѣ того) женился на молодой вдовѣ, которая принесла ему въ приданое домъ въ Петербургѣ и небольшой капиталъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что это матеріальное благосостояніе не прибавило ни спокойствія, ни счастія Фонвизину: въ 1777 году, мы видимъ, что болѣзнь жены вынуждаетъ его ѣхать за границу, а съ 1783 г. начинается рядъ его поѣздокъ за границу, вызываемый его собственною, неизлѣчимою болѣзнью [1]). **Панинъ и Фонвизинъ**

Къ сожалѣнію, начиная съ 1777 года, отъ котораго сохранились письма Фонвизина изъ-за границы (къ графу П. И. Панину и къ сестрѣ), мы, до самаго 1782 года, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній по біографіи Фонвизина. А между тѣмъ, именно это пятилѣтіе и было, вѣроятно, любопытнѣйшимъ періодомъ въ жизни нашего даровитаго писателя, потому что въ эти пять лѣтъ и былъ имъ задуманъ и написанъ „*Недоросль*", окончательно упрочившій **Зачатки Недоросля.**

[1]) Начиная съ 1785 г., онъ былъ разбитъ параличомъ: у него отнялась нога, рука и отчасти языкъ... Въ такомъ бѣдственномъ состояніи онъ оставался до кончины.

его славу въ потомствѣ. У насъ нѣтъ никакихъ подробностей о томъ, какъ создавалось это произведеніе, какъ складывались въ сознаніи автора эти замѣчательные типы, цѣликомъ выхваченные изъ живой дѣйствительности... Не обмолвились объ этомъ ни единымъ словомъ даже и тѣ близкіе люди, которые въ это время составляли дружескій кружокъ, постоянно собиравшійся около Фонвизина: Богдановичъ, Княжнинъ, Державинъ и актеръ Дмитревскій. Для насъ — отдаленнаго потомства — „Недоросль" какъ-то вдругъ и какъ бы неожиданно возникаетъ изъ ряда посредственныхъ, обыденныхъ явленій текущей литературы, — и возникаетъ въ одинъ изъ очень громкихъ, блестящихъ и славныхъ годовъ нашей исторіи литературы, одновременно съ „Фелицей" Державина, комедіей Екатерины „О, время", и „Живописцемъ" Новикова. Годъ дѣйствительно замѣчательный, свидѣтельствующій о какомъ-то чрезвычайномъ подъемѣ духа въ современномъ русскомъ обществѣ! Однакоже послѣднія пріобрѣтенія русской науки побуждаютъ насъ предположить, что „Недоросль" не явился плодомъ внезапнаго вдохновенія, не былъ написанъ быстро и въ короткое время. Въ драгоцѣнное собраніе автографовъ П. Я. Дашкова поступила недавно рукопись, представляющая собою одну изъ трехъ или четырехъ первоначальныхъ редакцій „*Недоросля*", изъ чего можно заключить, что онъ вырабатывался медленно и постепенно, въ теченіе продолжительнаго времени.

Графъ П. И. Панинъ.

Первое представленіе „Недоросля."

Весьма любопытно то современное свидѣтельство о первомъ представленіи пьесы, которое приводится въ „Драматическомъ Словарѣ" 1787 г., и въ которомъ о „Недорослѣ" сказано:

„Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ, сентября 24 дня, 1782 г., на щетъ перваго придворнаго актера г. Дмитрев-

скаго, въ короткое время несравненно театръ былъ наполненъ и публика апплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы (т.-е. Простаковой) игралъ бывшій придворный актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей и т. д. Сія комедія, наполненная замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждый въ своемъ характерѣ изрѣченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики".

Графъ Н. И. Панинъ.

Даже и по этому краткому, сухому отчету о представленіи, можно, до нѣкоторой степени, судить о впечатлѣніи, которое пьеса произвела на публику. Еще лучше это впечатлѣніе передается извѣстнымъ историческимъ анекдотомъ о Потемкинѣ, который, будто бы, выйдя изъ ложи и столкнувшись съ Фонвизинымъ, обнялъ его и воскликнулъ:

— „Умри, Денисъ! Ты не напишешь ничего лучше" [1]).

Впечатлѣніе было настолько живо и сильно, что многимъ новая пьеса показалось даже черезчуръ смѣлой; поднялись голоса противъ представленія новой пьесы на сценѣ и, при перенесеніи ея въ Москву, даже встрѣтились какія-то цензурныя затрудненія,

[1]) По другой редакціи того же анекдота, Потемкину приписывается фраза: «Умри, Денисъ. Или больше ничего не пиши».

о которыхъ свидѣтельствуетъ приведенное академикомъ Тихонравовымъ французское письмо Фонвизина къ Медоксу, содержателю театра въ Москвѣ. Но препятствія были устранены. пьесу стали давать и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, къ ужасу Скотининыхъ, Простаковыхъ и Митрофанушекъ, къ великой радости Правдиныхъ и Стародумовъ, которые начинали громче и громче заявлять о своемъ существованіи въ средѣ русскаго общества, и къ громкому прославленію автора, который далъ полную возможность высказаться той партіи, къ которой онъ принадлежалъ всей душою.

[illegible] Два года спустя послѣ этого громкаго успѣха (въ сентябрѣ 1785 года), авторъ „Недоросля“ подвергся большому несчастію: давно уже овладѣвшій имъ жестокій недугъ разразился ударомъ паралича, вслѣдствіе котораго у него отнялась рука, нога и отчасти языкъ. Жизнь обратилась для него въ одну сплошную, нескончаемую муку, которую, однакоже, онъ выносилъ бодро, такъ какъ голова его оставалась свѣжа и продолжала работать... Но все же естественное теченіе въ развитіи его таланта было нарушено, и пожеланіе Потемкина сбылось какъ роковое пророчество... Фонвизинъ не написалъ, послѣ „Недоросля“, ничего, что бы могло равняться съ этою комедіею по литературнымъ достоинствамъ, но продолжалъ и думать, и писать, и заниматься [illegible], насколько позволяли его силы, оставаясь вѣренъ тѣмъ же взглядамъ, которые проведены были имъ въ положительныхъ типахъ „Недоросля“, и никому не стараясь угодить ни лестью, ни лицемѣрнымъ подобострастіемъ...

[illegible] Но 1783 годъ все же остался единственнымъ исключительнымъ [illegible] литературной дѣятельности, потомъ въ біографіи Фонвизина, которая, какъ біографія писателя, этимъ годомъ [illegible] Въ этомъ году совершилось и весьма [illegible] просвѣщенія *учрежденіе Россійской Академіи* [illegible] 1783 [illegible] Е. Р. Дашковой [illegible]

[illegible]

при Россійской Академіи подъ названіемъ „*Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова*“ (изд. въ 1783—1784 г.г.). Уже въ первой части „Собесѣдника“ помѣщается „*Опытъ Россійскаго Сословника*“—первая по времени попытка обратить вниманіе русскихъ словесниковъ на важный въ стилистическомъ смыслѣ вопросъ о синонимахъ. Есть основаніе думать, что ему же принадлежатъ и нѣкоторыя неподписанныя статьи въ „Собесѣдникѣ“ [1]). Затѣмъ тутъ же явилась и знаменитая его „*Челобитная Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей*“, въ которой онъ такъ ясно и опредѣленно высказалъ свой взглядъ на значеніе писателя въ обществѣ европейскомъ и на его ничтожную роль въ русскомъ обществѣ, гдѣ чиновничество чуждается писателей и старается отдалить ихъ отъ дѣлъ. Проводя совершенно противоположное воззрѣніе на писателя, Фонвизинъ, отъ лица ихъ, проситъ императрицу „дабы Ея божественное Величество указомъ повелѣло бы сіе наше прошеніе принять...... насъ же, грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, именованные, служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы Вашего Величества“. За „челобитною россійскихъ писателей“ послѣдовали знаменитые, по своему значенію и смѣлости, „*Вопросы сочинителю Былей и Небылицъ*“, т. е. самой Екатеринѣ, помѣщавшей свои „Были и Небылицы“ въ „Собесѣдникѣ“. Къ этимъ вопросамъ мы еще вернемся далѣе, при обзорѣ журналистики Екатерининскаго времени; а теперь замѣтимъ только, что вопросы Фонвизина были поставлены слишкомъ прямо и ясно, безъ всякаго отвода глазъ куреніями и похвалами дѣйствительности, и нѣкоторые изъ нихъ (явно касавшіеся придворной жизни) очень не понравились государынѣ, которая колко отвѣтила, что подобные вопросы считаетъ лишь результатомъ „свободоязычія“. Фонвизинъ понялъ, что зашелъ въ своихъ вопросахъ слишкомъ далеко, и поспѣшилъ оправдаться въ „*Письмѣ къ сочинителю Былей и Небылицъ*“, въ которомъ, обвиняя себя въ неумѣлой постановкѣ вопросовъ, заявилъ, что отмѣняетъ остальные, уже заготовленные вопросы, „чтобы не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго (sic!) всей душою ненавижу“. Къ сожалѣнію и къ великому ущербу для читателей „Собесѣдника“, вмѣстѣ съ „вопросами“, заготовленными Фонвизинымъ, рѣшено было не печатать и его остроумную „*Всеобщую Придворную Грамматику*“, видимо опасаясь этимъ навлечь на журналъ новое неудовольствіе императрицы.

Пять лѣтъ спустя Фонвизинъ еще мечталъ о новомъ литературномъ предпріятіи—о журналѣ, въ родѣ „Трутня“ и „Жи- **Мечты о журналѣ.**

[1]) С. Н. Глинка увѣряетъ, что въ IV ч. «Собесѣдника» Фонвизину принадлежитъ «Повѣствованіе нѣмого и глухого» (Соч. Н. С. Тихонравова, III, стр. 124).

вописца“, которому онъ далъ названіе *„Стародумъ“ или „Другъ честныхъ людей“*. Между рукописями Фонвизина сохранилось нѣсколько мелкихъ статей, приготовленныхъ для этого журнала; напечатано было (въ 1788 г.) и объявленіе о предстоящемъ его выходѣ въ свѣтъ; но уже въ своемъ письмѣ отъ 4 апрѣля 1788 г. Денисъ Ивановичъ извѣщаетъ П. И. Панина, что петербургская полиція не разрѣшила выхода въ свѣтъ его журнала.

Послѣднимъ печатнымъ произведеніемъ Дениса Ивановича была его извѣстная басня *„Лисица-казнодѣй“*, помѣщенная въ 1787 г. въ *„Распускающемся Цвѣткѣ“*—сборникѣ сочиненій и переводовъ, издаваемомъ воспитанниками Университетскаго благороднаго пансіона. Издателями сборника въ примѣчаніи къ баснѣ выражена признательность автору „который доставилъ имъ сію басню для поощренія ихъ къ дальнѣйшему полученію вкуса въ свободныхъ наукахъ“.

О послѣднемъ днѣ жизни Фонвизина сохранилась весьма любопытная страница въ „Воспоминаніяхъ“ И. И. Дмитріева [1]), которая заканчивается знаменательными словами: „Мы разстались съ нимъ (Фонвизинымъ) въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро (т. е. 1 декабря 1792 г.) онъ былъ уже во гробѣ“.

Весьма недавно, шесть-семь лѣтъ тому назадъ, на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры (влѣво отъ памятника Ломоносова), отыскана была давно забытая и поросшая мхомъ могила Дениса Ивановича Фонвизина, на которой уцѣлѣлъ весьма скромный, покривившійся каменный саркофагъ съ плитою и насѣченной на ней надписью, которую разобрали съ трудомъ. Эта находка почти совпала со столѣтіемъ, истекшимъ со времени кончины знаменитаго писателя. Памятникъ подновили и поправили: приняли мѣры, чтобы къ нему еще разъ „не заросла народная тропа“...

[illegible]

Сочиненія Фонвизина слишкомъ хорошо знакомы всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, да притомъ они и до сихъ поръ еще входятъ значительнымъ вкладомъ въ нашу классную литературу, а потому мы и не будемъ излагать здѣсь содержанія комедій Фонвизина, о которыхъ думаемъ поговорить нѣсколько подробнѣе, чтобы указать на связь ихъ съ эпохою и съ личностью автора. Прежде всего замѣтимъ, что „Бригадиръ“ былъ юношескимъ [2]) произведеніемъ Фонвизина и былъ написанъ въ самомъ началѣ его служебной и литературной дѣятельности; а „Недоросль“ — произведеніемъ его полной литературной зрѣлости. Отсюда громадная разница въ достоинствахъ обоихъ произведеній.

[1]) Мы уже имѣли [illegible] страницъ.
[2]) Ему было тогда не болѣе 22—23 лѣтъ.

Е. Р. Дашкова, директоръ Академіи Наукъ при Екатеринѣ II.

въ качествѣ наблюдательности автора, въ разработкѣ выводимыхъ имъ типовъ. Въ „Бригадирѣ", собственно говоря, только одинъ живой типъ—типъ бригадирши, который, благодаря замѣчательному таланту и художественному чутью автора, былъ взятъ прямо изъ жизни и выставленъ рельефно, ярко и ясно для всѣхъ. Эту „Акулину Тимофеевну", которая, по мѣткому выраженію одного изъ современниковъ, „была всѣмъ родня", Фонвизинъ могъ окружить въ Бригадирѣ только тѣми типами,

которые были уже извѣстны публикѣ и изъ другихъ произведеній современной русской комедіи, потому что эти „петиметры“ въ родѣ „Иванушки“ (сына „Бригадира“) и щеголихи, въ родѣ „совѣтницы“, или крючкотворца и кривосуда, въ родѣ самого „совѣтника“ — были уже давно любимыми выѣздными конями всѣхъ авторовъ, писавшихъ комедіи для сцены. Въ самой основѣ комедіи лежитъ та же тэма, которая уже являлась основою комедій Сумарокова и даже основою сатирическихъ статей въ нашихъ первыхъ журналахъ: — мракъ невѣжества и непроходимая грубость нравовъ съ одной стороны и поверхностное, плохо усвоенное, неправильно-понятое образованіе—съ другой. Очень блѣдны и тѣ лица, которыя должны составлять положительную сторону комедіи—дочь совѣтника, Софья, и ея женихъ Добролюбовъ. Они противуполагаются типамъ выставленныхъ въ комедіи невѣжественныхъ и грубыхъ людей или только принявшихъ на себя внѣшній лоскъ ложнаго европеизма и выставляются авторомъ людьми хорошо-воспитанными и образованными, хотя онъ и не объясняетъ намъ, откуда у нихъ взялось это образованіе, и какъ сложились въ нихъ тѣ взгляды и убѣжденія, которые они высказываютъ на сценѣ. Отвлеченною моралью и резонерствомъ отзывается въ особенности характеръ Добролюбова, который весьма упорно держится какой-то золотой середины: —уважаетъ всѣ лучшія стороны иностраннаго просвѣщенія и, въ то же время, горой стоитъ за все русское. Въ немъ авторъ, видимо, пытался олицетворить свой идеалъ человѣка и гражданина, въ предѣлахъ той возможности и тѣхъ требованій, какія предъявляла современная русская дѣйствительность. Само собою разумѣется, что типъ Добролюбова является настолько же блѣднымъ, насколько остальные, противуположные ему и Софьѣ, типы комедіи являются преувеличенными и карикатурными; но онъ важенъ для насъ, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ юнаго автора на русскую жизнь — какъ программа его будущей общественной дѣятельности. Талантливость Фонвизина и его даръ зоркой наблюдательности выразились въ „Бригадирѣ“ только однимъ типомъ „бригадирши“, который и поразилъ всѣхъ своею жизненностью, своею вѣрностью. Вотъ почему и произошло, что этотъ вполнѣ реальный типъ тупой, скряжной, глубоко-невѣжественной и сварливой женщины такъ бросился въ глаза всѣмъ современникамъ, и никому не надоѣлъ въ теченіе всѣхъ пяти актовъ [1]... Авторъ и самъ чувствовалъ, что этотъ типъ ему удался, что онъ у него вышелъ рельефнымъ и цѣльнымъ, что онъ былъ его первымъ удачнымъ

[1]) Не даромъ Н. И. Панинъ сказалъ Фонвизину: «Я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставивъ говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однакожъ роль ея настолько интересною, что все хочется ее слушать».

воспроизведеніемъ русской дѣйствительности, и даже въ концѣ жизни, набрасывая свои воспоминанія подъ грустнымъ и мрачнымъ впечатлѣніемъ своего тяжкаго недуга и вызываемаго имъ угнетеннаго настроенія—онъ еще оживаетъ и просвѣтляется, когда доходитъ до описанія того впечатлѣнія, которое произведено было чтеніемъ „Бригадира" въ средѣ петербургскаго общества... Есть основаніе думать, что эти воспоминанія о первомъ литературномъ успѣхѣ — успѣхѣ поразительномъ и чрезвычайномъ — были тѣмъ болѣе пріятны Фонвизину, что „Бригадиръ" сослужилъ ему и другую, весьма существенную службу: онъ сблизилъ его съ Паниными и съ той партіей, убѣжденіямъ и взглядамъ которой онъ и потомъ оставался вѣренъ до конца жизни.

Это сближеніе, эту принадлежность опредѣленной партіи необходимо принимать въ разсчетъ при разборѣ и оцѣнкѣ всей дальнѣйшей литературной дѣятельности Фонвизина, послѣ „Бригадира". Минуя всѣ произведенія того 16-ти-лѣтняго періода, который протекъ между появленіемъ въ свѣтъ „Бригадира" и постановкою на сцену „Недоросля", и переходя къ внимательному изученію этой комедіи, мы должны, прежде всего, имѣть въ виду ту разницу въ возрастѣ автора, которая такъ рѣзко сказывается даже при бѣгломъ, поверхностномъ сравненіи обѣихъ комедій. „Бригадиръ" писанъ юношей, только что вступившимъ въ жизнь—талантливымъ, наблюдательнымъ, переимчивымъ, впечатлительнымъ, расположеннымъ и къ шуткѣ, и къ карикатурному преувеличенію; юношей, способнымъ подмѣтить все смѣшное, странное и безобразное въ окружающей его дѣйствительности, хотя она и представляется ему свѣтлою, прекрасною, полною добрыхъ начинаній и прекрасныхъ надеждъ на осуществленіе лучшаго будущаго—на возможность прогресса, въ смыслѣ примѣненія западныхъ началъ цивилизаціи къ русской почвѣ... Идеалы автора неопредѣленны, не ясны, но свѣтлы, заманчивы и привлекательны. «Бригадиръ» и «Недоросль».

Авторъ „Недоросля"—успѣвшій уже прожить большую половину жизни, уже вступившій въ зрѣлый возрастъ, уже искусившійся въ долгой и трудной служебной карьерѣ и мудреныхъ, тонкихъ отношеніяхъ свѣтской жизни—является передъ нами въ совершенно иномъ видѣ. Въ дѣлѣ литературнаго и художественнаго развитія онъ далеко ушелъ впередъ; онъ сумѣлъ отдѣлаться, освободиться отъ стѣснительныхъ рамокъ ложно-классической теоріи сценическихъ произведеній. Онъ еще глубже, еще внимательнѣе вникъ своимъ наблюдательнымъ взоромъ въ русскую жизнь, и на этотъ разъ могъ уже набросать широкую, до мелочей вѣрную картину быта захолустной помѣщичьей семьи, со всѣми дикими и безобразными явленіями ея жизни, со всѣмъ

глубокимъ ея невѣжествомъ и грубостью нравовъ, со всѣмъ ужасомъ отношеній помѣщичьей среды къ крестьянамъ и дворовымъ. Картина написана правдиво и сильно, краски наложены густо и сочно; но картина мрачна и безпросвѣтна... Простаковы и Скотинины воспитываютъ Митрофанушку, отъ котораго мудрено ожидать добра въ будущемъ, пока сохранятся тѣ же печальныя условія жизни, та же неравномѣрность въ распредѣленіи жизненныхъ благъ, тѣ же отношенія рабовъ къ господамъ, уничтожающія личность въ однихъ, развивающія умственную косность и праздность въ другихъ. Главное лицо въ комедіи — *Простакова*, мать Митрофанушки—характеръ уже не комическій, а драматическій; это — „презлая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе всего дома..." Но, въ то же время, она—сила и энергія; она, посвоему, умна и, по-своему, изобрѣтательна; она держитъ весь домъ въ рукахъ, и весь домъ ею держится; она твердо убѣждена въ своихъ правахъ и въ правотѣ всего, что она дѣлаетъ; она и къ своимъ обязанностямъ матери относится горячо и сознательно, какъ бы исполняя строго-обдуманный и прочно-установившійся планъ: т.-е. бережетъ и балуетъ своего Митрофанушку, давая ему понѣжиться, пока онъ въ „недоросляхъ", и даже побуждая его, хоть для виду, немного учиться у Цыфиркина, Кутейкина и Вральмана. Она въ своемъ Митрофанушкѣ души не чаетъ, и съ удовольствіемъ видитъ въ немъ полное воплощеніе родового типа Скотининыхъ, и въ награду за свои заботы о немъ, она ждетъ только одного — нѣжности и ласки своего ребенка, позабывая о томъ, что она не воспитала въ немъ сердца, а развила только одни животные инстинкты... Съ большимъ художественнымъ тактомъ авторъ сумѣлъ привести свою комедію, по отношенію къ этому главному типу Простаковой, — къ совершенно правильной развязкѣ, полной глубокаго трагизма. Въ тотъ моментъ, когда власть караетъ Простакову за ея жестокое, деспотическое управленіе имѣніями и беретъ ихъ подъ опеку: когда она, лишенная всего, бросается обнимать сына, съ возгласомъ: — „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка", — этотъ сынъ, этотъ баловень ея, выказываетъ себя, по отношенію къ ней, такимъ же жестокимъ, какою она бывала по отношенію ко всѣмъ окружающимъ и, отталкивая отъ себя мать, говоритъ съ досадою: —„Да отвяжись, матушка, какъ навязалась!"

Выше этого наказанія не могло выпасть на долю такой матери. И она почти вызываетъ зрителя къ состраданію, когда восклицаетъ въ заключеніе:

— „Погибла я совсѣмъ. Отнята у меня власть. Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя. Нѣтъ у меня сына..."

Эти два характера, очень ярко и полно обрисованные, обста-

Могила Фонвизина на кладбищѣ Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ, въ томъ видѣ, какъ она была отыскана.

влены, для полноты дѣйствія, цѣлою группою второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя нѣсколько карикатурны (какъ Скотининъ и мужъ Простаковой), другія очерчены бойко и живо, третьи едва намѣчены, но вполнѣ вѣрны современной дѣйствительности. Таковы учителя Митрофанушки, няня и портной изъ дворовыхъ. Уродливымъ и неестественнымъ является только одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи — Вральманъ, обучающій Митрофанушку „по французски и всѣмъ наукамъ...“ Но это уродливое лицо выставлено Фонвизинымъ не безнамѣренно (мы никакъ не можемъ допустить мысли,

чтобы онъ самъ не замѣчалъ его уродливости), и намѣреніе это совершенно ясно:—авторъ чувствовалъ, что набросанная имъ картина нравовъ слишкомъ мрачна, что даже и комизмъ нѣкоторыхъ ея сценъ скорѣе наводитъ на грустныя размышленія и возмущаетъ душу, нежели смѣшитъ — и вотъ онъ втиснулъ въ рамку пьесы совершенно лишнюю и ненужную для дѣйствія роль карикатурнаго нѣмца Вральмана, только для того, чтобы подбавить смѣха и внѣшняго шутовского веселья въ черезчуръ уже серьезную комедію.

Типы въ „Недорослѣ."

Но въ „Недорослѣ", какъ и въ „Бригадирѣ", какъ и въ каждой изъ современныхъ комедій, не все же одни отрицательные типы... Вѣдь есть же здѣсь и положительные, и такіе, которые должны служить образцами новаго, лучшаго поколѣнія — образцами лучшаго времени и лучшихъ условій жизни? *Милонъ* и *Софья*, *Правдинъ* и *Стародумъ*—вотъ эти лица, по замыслу автора. Но изъ нихъ, первые два такъ блѣдно, такъ поверхностно набросаны, что ихъ нельзя даже назвать „характерами", въ нихъ нельзя признать никакихъ типовъ... Это просто роли, написанныя для сценическихъ „первыхъ любовниковъ", потому что вѣдь не можетъ же комедія обойтись безъ какой бы то ни было любовной интриги. *Правдинъ*—тоже не живое лицо: это олицетворенная мораль и законность, внесенная въ комедію для того, чтобы добродѣтель могла быть вознаграждена, а порокъ наказанъ. Но мы никакъ не можемъ того же сказать о *Стародумѣ:* — это не блѣдная тѣнь, не случайно вставленное лицо, безъ живого облика, безъ опредѣленной физіономіи... Авторъ могъ свободно обойтись безъ него въ механизмѣ дѣйствія своей пьесы: для развязки ему достаточно было и Правдина съ Милономъ. Но онъ вставилъ еще и Стародума, и далъ ему въ своей комедіи одну изъ самыхъ важныхъ, самыхъ выдающихся ролей. А такъ какъ, по литературному обычаю времени, всѣмъ характерамъ придавались прозвища и фамиліи, соотвѣтствующія ихъ нравственной физіономіи, то и „Стародумъ" не даромъ же носитъ свое имя:—онъ олицетворяетъ собою представителя той партіи, которая недовольна настоящимъ и старается искать своихъ идеаловъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ, пренебрегая до нѣкоторой степени историческою правдою и воспоминаніями современниковъ объ этомъ „добромъ" старомъ времени. Но для чего же собственно требовался автору этотъ Стародумъ—этотъ дядя Софьи, который преспокойно могъ бы оставаться за сценой? Онъ выведенъ авторомъ, очевидно, только для того, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ „настоящимъ", для того, чтобы поговорить о воспитаніи и указать, что нынче воспитываются люди не такъ, какъ бы слѣдовало, поговорить о законахъ и замѣтить, что они не исполняются, коснуться

въ бесѣдѣ семейной жизни, и сказать, что семьи нѣтъ; дать, наконецъ, очеркъ общественной жизни, перебравши всѣ карьеры, для того, чтобы высказать рѣзкій отзывъ о карьерѣ придворной и набросать идеалъ человѣка дворянина и гражданина такимъ, какимъ авторъ ***не видѣлъ*** его въ жизни. Иначе нельзя объяснить себѣ нескончаемыхъ разсужденій Стародума, которыя, въ настоящее время, утратили всякое значеніе, а тогда, несомнѣнно, имѣли значеніе прямыхъ и косвенныхъ намековъ на существующіе порядки, на общественныя нестроенія всякаго рода, даже на личности. Какъ иначе объяснить себѣ такія воспоминанія Стародума о его пребываніи при Дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, въ которыхъ онъ говоритъ:

Мораль Стародума.

„Тутъ я увидѣлъ, что между людьми случайными [1]) и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду...“ [2]) „Въ этой сторонѣ (т. е. при Дворѣ) по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе... Двое, встрѣтясь, разойтись не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ“.

Или такое изображеніе дурной матери:

„Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ?“

Или такое разсужденіе Стародума:

„.... (Способы сдѣлать людей добрыми)—они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ убѣдятся, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, — тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ“.

И, въ заключеніе всего, такой идеалъ государя и его отношеній къ народу, опять-таки вложенный въ уста Стародуму: ... „Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права;

---

[1]) *Случайные люди*—на языкѣ прошлаго вѣка — то же, что временщики, фавориты. Отсюда выраженіе — *быть въ случаѣ*, т. е пользоваться временно милостями, занимать высокое положеніе.

[2]) «*Скаредъ*»—здѣсь не въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. По объясненію Словаря Россійской Академіи: «*скаредъ*»—мерзавецъ; «*скаредный*»—мерзостный, гнусный.

тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконіе". [1])

На это Правдинъ замѣчаетъ Стародуму, что „мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды". Но Стародумъ настаиваетъ на своемъ:

„Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости..." и т. д.

Значеніе Стародума. Для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то, что авторъ не даромъ вывелъ на сцену *Стародума* и поставилъ его рядомъ съ Правдинымъ — представителемъ лучшихъ проявленій современной жизни, чиновникомъ отъ правительства, назначеннымъ ограничивать произволъ помѣщиковъ въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. *Стародумъ*—это олицетвореніе той оппозиціи, которая народилась уже въ самомъ началѣ царствованія Екатерины и нашла себѣ выраженіе въ партіи Паниныхъ, постоянно державшейся въ сторонѣ отъ преобладавшихъ при Дворѣ теченій; къ этой партіи всею душою привязался Фонвизинъ; съ нею сошелся онъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ и въ недовольствѣ тѣмъ направленіемъ, которое болѣе и болѣе начинала принимать жизнь общественная въ зависимости отъ жизни придворной, и тѣмъ разладомъ, который рѣзче и рѣзче начиналъ сказываться между либеральными идеями и побужденіями „Наказа", и фактами живой дѣйствительности. И вотъ, Фонвизинъ воспользовался, очевидно, своей комедіей, какъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы въ лицѣ Стародума высказать многое, что уже давно накипѣло у него въ душѣ [2]), и что онъ въ томъ же году рѣшился высказать въ своихъ смѣлыхъ до рѣзкости вопросахъ автору „Былей и Небылицъ", и пытался еще разъ, впослѣдствіи, высказать въ своемъ журналѣ „Стародумъ, или другъ честныхъ людей" [3]).

---

[1]) Ясный намекъ на крѣпостное состояніе и отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій и самъ Фонвизинъ высказываетъ взгляды на роль «Стародума», какъ на довольно рискованную попытку высказывать непріятную власти правду. Въ своемъ «письмѣ къ Стародуму» онъ говоритъ: «Вѣкъ Екатерины II ознаменованъ дарованіемъ россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. «Недоросль» мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за 30 ваша собственная роль (т. е. роль Стародума) могла ли бы быть представлена и напечатана?»

[3]) Въ одной изъ статей, предназначенныхъ для «Стародума», Фонвизинъ даже прямо высказываетъ желаніе, чтобы имѣли «гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и обсудить поведеніе министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ». Онъ же восхваляетъ Н. И. Панина за то, что «по внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ

Только такимъ значеніемъ и общимъ направленіемъ всей литературной дѣятельности Фонвизина и можетъ быть объяснено то обстоятельство, что талантливѣйшій изъ современныхъ русскихъ авторовъ, въ теченіе всей своей жизни, оставался постоянно въ тѣни и вдали отъ Двора, къ которому Екатерина такъ охотно приближала и второстепенные, и даже весьма посредственные таланты. Только указаннымъ нами значеніемъ „Недоросля" можно объяснить, почему всѣми прославленный авторъ его не получилъ никакой награды и никакого видимаго знака благоволенія къ нему со стороны императрицы [1]), и почему онъ закончилъ свою двадцатилѣтнюю службу въ чинѣ статскаго совѣтника... Екатерина умѣла забывать тѣхъ, кто ей былъ непріятенъ; а что Фонвизинъ—авторъ „Недоросля", „Вопросовъ" къ сочинителю „Былей и Небылицъ", „Слова на выздоровленіе Цесаревича Павла Петровича" и „Всеобщей придворной грамматики" — не могъ быть пріятенъ Екатеринѣ — въ этомъ едва ли можетъ быть какое бы то ни было сомнѣніе?

Въ заключеніе всего, что было нами высказано здѣсь о Фонвизинѣ и его литературной дѣятельности, замѣтимъ, что этотъ писатель, по своему нравственному и общественному значенію въ средѣ современниковъ, по своимъ высокимъ качествамъ умственнымъ и душевнымъ, можетъ быть приравненъ только къ Новикову. Имя Фонвизина, поэтому, навсегда должно сохраниться въ благодарной памяти потомства, какъ имя писателя, сумѣвшаго глубоко сознать свое человѣческое достоинство и свое высокое назначеніе въ обществѣ, которое еще только пробуждалось къ самостоятельному пониманію своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей.

Гербъ Фонвизиновъ.

націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ» и т. д.

[1]) Въ этомъ же слѣдуетъ, конечно, искать объясненія тѣхъ цензурныхъ затрудненій, которыя представленіе «Недоросля» встрѣтило на московской сценѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Комедіи Екатерины.—Екатерина, какъ писательница.—Драматическія произведенія Екатерины.—Важнѣйшія направленія ея комедій.—Предшественники и преемники Фонвизина на русской сценѣ: Лукинъ, Ельчаниновъ, Судовщиковъ, Аблесимовъ, Веревкинъ, Плавильщиковъ, Ефимьевъ, Клушинъ и Капнистъ.

Екатерина, обладавшая обширнымъ умомъ и прекраснымъ, по своему времени, даже весьма основательнымъ образованіемъ, не обладала, однакоже, ни художественнымъ чутьемъ, ни выдающимся даромъ къ самостоятельному литературному творчеству. Несмотря на это, она писала весьма охотно и писала много; но ея тонкій и изворотливый умъ, по преимуществу критическій, болѣе выражался въ произведеніяхъ идейныхъ или полемическихъ, въ формѣ шутливой сатиры или насмѣшки надъ современными общественными недугами, нежели въ формѣ художественно-вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности. Это внутреннее содержаніе было едва облечено во внѣшнюю форму литературнаго произведенія, о которой Екатерина вообще мало заботилась, не придавая ей особеннаго значенія, и потому часто предоставляла даже эту внѣшнюю отдѣлку своихъ произведеній нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ (чаще всего личнымъ секретарямъ своимъ: Козицкому и Храповицкому). Особенно охотно передавала она своимъ сотрудникамъ обработку тѣхъ произведеній, въ которыхъ должна была преобладать форма стихотворная, потому что Екатерина плохо владѣла стихомъ, да и самый трудъ подобнаго выраженія мысли былъ несвойственъ ея натурѣ, слишкомъ живой и подвижной, и потому побуждавшей Екатерину къ быстрой и непосредственной передачѣ мыслей перу и бумагѣ [1]). Своею дѣятельностью литературной Екатерина серьезно увлекалась, и, нисколько не страдая преувеличеннымъ авторскимъ самолюбіемъ, оцѣнивала свои пьесы по достоинству. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру, она говоритъ о своихъ комедіяхъ: „у автора много недостатковъ; интриги его пьесъ слабы; но нельзя того же сказать о характерахъ: они списаны съ натуры и выдержаны... Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста, и онъ хорошо знаетъ народъ“.

Въ перепискѣ съ Гриммомъ, Екатерина тоже совершенно

[1]) На этомъ основаніи Екатерина никогда не могла диктовать; писала все сама и чрезвычайно много, употребляя на письменныя занятія по нѣсколько часовъ въ день. Изъ переписки Екатерины съ Гриммомъ, мы знаемъ, что съ механизмомъ стиха ее впервые ознакомилъ графъ Сегюръ (въ 1787 году, во время плаванія по Днѣпру). «Я послѣ этого стихотворничала (j'ai rimaillé) дня четыре подъ-рядъ; но увидѣла, что на это нужно слишкомъ много тратить времени, да и начала я слишкомъ поздно». И затѣмъ вообще очень рѣдко прибѣгала къ этой формѣ.

искренно высказываетъ, что „сочиненіе комедій, съ одной стороны, доставляетъ ей лично большое удовольствіе; а съ другой—ей хотѣлось бы нѣсколько поднять значеніе національнаго театра, который, за недостаткомъ новыхъ пьесъ, находится въ нѣкоторомъ небреженіи". И она, дѣйствительно, со своей стороны принимала мѣры къ тому, чтобы пополнить репертуаръ русскаго театра: въ періодъ времени между 1772 и 1790 гг. Екатерина успѣла написать четырнадцать комедій, девять оперъ, семь пословицъ и два „историческихъ представленія", изъ которыхъ до насъ дошло — одиннадцать комедій, семь оперъ, пять пословицъ и два „историческихъ представленія", т. е. всего двадцать пять пьесъ [1]). Многія изъ этихъ пьесъ были первоначально написаны Екатериной на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и потомъ переведены ея сотрудниками на русскій языкъ подъ ея надзоромъ. Всѣ онѣ предназначались первоначально для домашней сцены, и предварительно являлись на сценѣ Эрмитажа, для представленій въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ, и потомъ уже переносились, по волѣ императрицы, на публичную сцену, гдѣ многія изъ нихъ имѣли несомнѣнный успѣхъ [2]).

Всѣ пьесы Екатерины легко раздѣляются на три категоріи: *комедіи собственно*—всѣ, болѣе или менѣе тѣсно связанныя съ современной жизнью; *оперы*, передѣланныя изъ сказокъ и былинъ, съ чертами народнаго быта, и *пьесы*, въ основѣ которыхъ хотя и лежитъ историческая канва, но нѣтъ ничего собственно историческаго; и, наконецъ, *пьесы чисто-полемическія*, направленныя противъ масонства и масоновъ. Комедіи Екатерины.

Пьесы первой категоріи написаны въ началѣ 70-хъ годовъ, между 1772—1776 гг.; оперы и „историческія представленія" явились въ слѣдующее десятилѣтіе (до 1786—87 г.); пьесы третьей категоріи принадлежатъ къ той эпохѣ горячей борьбы съ масонствомъ, въ которую Екатерина вступила съ 1784 г. и которая впослѣдствіи такъ печально окончилась катастрофою, постигнувшей Новикова и его издательскія предпріятія, имѣвшія столь важное просвѣтительное значеніе для современной Россіи.

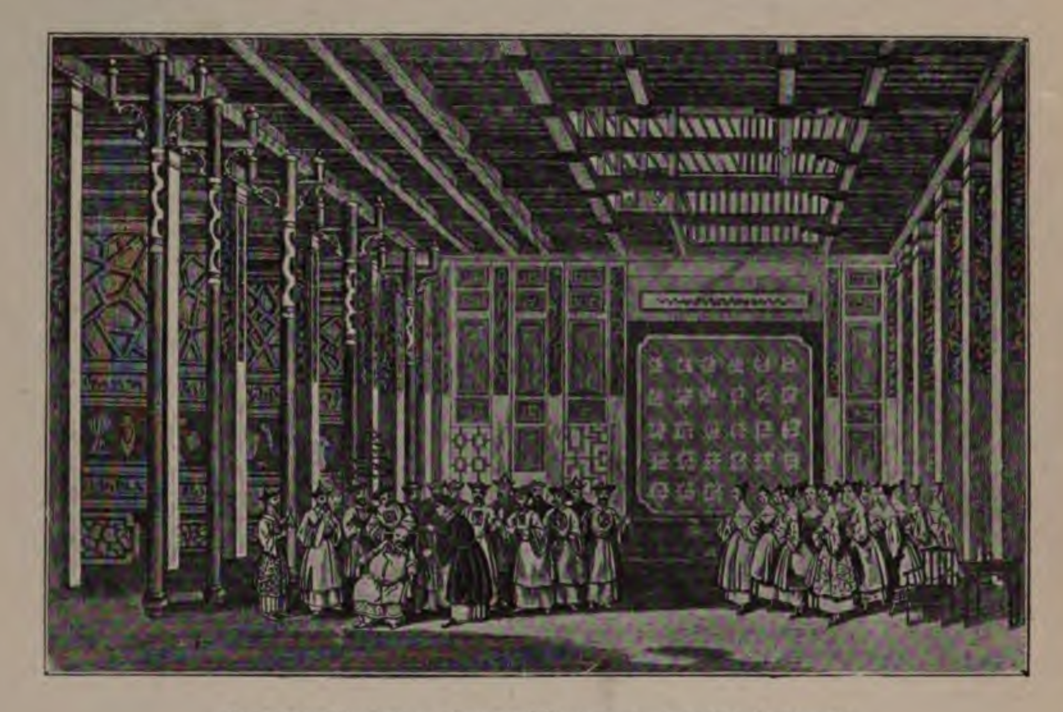
Чрезвычайно любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что комедіи Екатерины, явившіяся вскорѣ послѣ прекращенія „Всякой Вся-

---

[1]) Въ настоящее время о количествѣ пьесъ, написанныхъ Екатериной, а равно и о достоинствѣ написаннаго ею, говорить еще рано. Дѣло въ томъ, что академику А. Н. Пыпину удалось отыскать въ Государственномъ архивѣ много неизданныхъ произведеній Екатерины, которыя онъ готовитъ къ изданію въ свѣтъ.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму, Екатерина пишетъ: «Обманщикъ» и «Обманутый» имѣли замѣчательный успѣхъ на сценѣ. Особенно смѣшило то, что на первомъ представленіи публика вызывала автора, который, конечно, сохранилъ полнѣйшее инкогнито, несмотря на свой огромный успѣхъ. Каждая изъ этихъ пьесъ въ Москвѣ, при представленіи, принесла антрепренеру не менѣе 10,000 рублей.

чины“ и Новиковскаго „Трутня“, почти одновременно съ Новиковскимъ „Живописцемъ“—совпадали, въ направленіи своей сатиры, съ только-что отжившими вѣкъ сатирическими журналами. Въ нихъ порицается невѣжество и застой, ханжество и лицемѣріе людей стараго русскаго покроя, отрицающихъ пользу книгъ и всякой цивилизаціи; порицаются и тѣ, которые раболѣпно предаются подражанію французамъ и всю образованность полагаютъ въ знаніи французскаго языка и французскихъ свѣтскихъ обычаевъ. При этомъ Екатерина въ своихъ комедіяхъ не пренебрегаетъ удобнымъ случаемъ, чтобы выставить на видъ злонравіе тѣхъ дурныхъ помѣщиковъ, которые безчеловѣчно обращаются



Представленіе оперы «Бронзовый конь» во времена Екатерины.

со своими крестьянами. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ одной изъ комедій Екатерины (О, время!), Новиковъ, видѣвшій въ этомъ произведеніи высокую нравственную цѣль, принялся за изданіе своего журнала „Живописецъ“, преслѣдовавшаго подобныя же цѣли. Поэтому именно онъ и посвятилъ свой журналъ „неизвѣстному сочинителю комедіи“ „О, время!“, и въ посвященіи своемъ говоритъ Екатеринѣ:

„Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился: возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ—исправлять нравъ своихъ единоземцевъ; вы поощрили меня испытать въ этомъ свои силы, и дай Боже, чтобы читатели въ ли-

стахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которая оживляетъ ваше сочиненіе".

Академикъ Тихонравовъ заключаетъ совершенно вѣрно, что „Живописецъ" Новикова вполнѣ сошелся съ комедіею императрицы въ изображеніи своего времени: въ послѣдней есть мѣста и выраженія, которыя были бы для насъ непонятны, если бы мы не имѣли „Живописца": между журналомъ Новикова и комедіей Екатерины „О, время!" существуетъ тѣсная связь.

Эта связь или, опредѣленнѣе говоря, общность въ направленіи сатиры, породила, даже въ новѣйшее время, въ одномъ изъ изслѣдователей Екатерининскаго вѣка, желаніе предположить въ Новиковѣ еще одного изъ сотрудниковъ ея комедій и даже гово- Историческія пьесы.

Иллюстрація къ одной изъ пьесъ Екатерины «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика».

рить о тѣсномъ литературномъ сближеніи знаменитаго дѣятеля съ Екатериною. Но сближеніе это, на нашъ взглядъ, является чисто случайнымъ совпаденіемъ нравственныхъ тяготѣній двухъ передовыхъ людей конца XVIII вѣка къ однѣмъ и тѣмъ же сторонамъ наблюденія и изслѣдованія, къ одному, равно привлекательному для обоихъ, литературному направленію. Къ тому же, увлеченіе комедіями почти совпало у Екатерины съ ея увлеченіемъ Русскою Исторіею и памятниками русской старины — т. е. именно тою слабостью, которой такъ охотно посвящалъ свою дѣятельность и Новиковъ, поощряемый Екатериною. Это увлеченіе и привело, между прочимъ, къ сочиненію двухъ пьесъ, названныхъ Екатериною *„историческими представленіями"* и „подра-

жаніями Шекспиру" [1]). Такихъ пьесъ она написала двѣ: *„Историческое представленіе изъ жизни Рюрика"* и *„Начальное управленіе Олега"*. Обѣ относятся къ 1786 году и обѣ одинаково прославляютъ мудрость правителей, руководящихъ народами и ведущихъ народы къ благимъ цѣлямъ. Само собою разумѣется, что ни одно изъ главныхъ или второстепенныхъ лицъ комедіи ничего не имѣетъ общаго съ историческими Рюриками, Олегами и Игорями, а отношеніе къ исторической истинѣ можетъ съ полною ясностью обрисоваться для насъ изъ бѣглаго обзора содержанія „Начальнаго управленія Олега" — гдѣ, въ первомъ актѣ, герой пьесы, Олегъ, полагаетъ основаніе Москвѣ, во второмъ—женится и возводитъ на кіевскій престолъ своего воспитанника Игоря; въ третьемъ — подступаетъ подъ стѣны Царьграда, гдѣ императоръ Левъ, вынужденный къ перемирію, приготовляетъ ему великолѣпный пріемъ; въ послѣднемъ—князь Олегъ присутствуетъ на Олимпійскихъ играхъ, которыя даются въ честь его, и вѣшаетъ свой щитъ на одинъ изъ столбовъ, на память о своемъ пребываніи въ Царьградѣ.

Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ тѣ пьесы Екатерины, которыя направлены противъ масонства: *„Обманщикъ"*, *„Обольщенный"* и *„Шаманъ Сибирскій"* (всѣ написаны послѣ 1784 г.). Въ нихъ Екатерина осмѣиваетъ масоновъ, смѣшивая ихъ (можетъ быть и преднамѣренно), съ одной стороны, со всякими обманщиками и авантюристами, которыми изобиловалъ XVIII в. въ особенности, а съ другой стороны — съ теозофами и иными представителями религіозныхъ сектъ. Сама будучи ревностною сторонницей матерьялистическихъ ученій, распространяемыхъ энциклопедистами, она никакъ не могла вникнуть въ сущность масонства, которое и явилось именно прямымъ противовѣсомъ той нравственной распущенности и умственной свободы, которую проповѣдывали энциклопедисты. Въ противоположность имъ, все пытавшимся разъяснить до полной очевидности и осязаемости, масоны все старались облечь въ непроницаемую тайну, всюду предпочитая отвлеченный, немногимъ понятный символъ и мечтая о возможности постепеннаго нравственнаго совершенствованія, до котораго человѣкъ долженъ былъ доходить путемъ собственныхъ усилій и житейскихъ испытаній. Эта таинственность, которою масонскія общества облекали всю свою дѣятельность; ихъ торжественныя собранія, клятвы, мудреные знаки, которыми обозначалась принадлежность ихъ къ различнымъ ложамъ,--а главное, быстрое и сильное распространеніе масонскихъ ложъ въ то самое время,

[1]) «Эти подражанія Шекспиру»,—говоритъ Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму—«очень удобны, потому, что это ни комедіи, ни трагедіи и нѣтъ у нихъ никакихъ правилъ, кромѣ чувства... почему я и считаю ихъ ко всему подходящими»,

когда и революціонныя идеи, волновавшія Европу, также вызывали къ существованію разныя тайныя общества — все это возбудило въ Екатеринѣ недовѣріе къ масонству, и сначала привело ее къ насмѣшкамъ надъ масонскими нелѣпостями, заблужденіями и обманами въ средѣ масонства, а позднѣе къ открытому преслѣдованію масоновъ, къ закрытію ихъ ложъ и къ уничтоженію ихъ весьма обширной и высоко-нравственной благотворительной дѣятельности.

Гораздо важнѣе всѣхъ остальныхъ произведеній Екатерины — ея *комедіи собственно*, между которыми первое мѣсто, по достоинствамъ литературнымъ, принадлежитъ несомнѣнно двумъ: *„О, время!"* и *„Имянины Госпожи Ворчалкиной"*, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько подробнѣе. Комедіи бытовыя.

Въ комедіяхъ этихъ, конечно, важны вовсе не содержаніе ихъ, завязка и развязка, вращающіяся около весьма нехитрой любовной интриги, благополучно заканчивающейся свадьбою; важны въ нихъ типы главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ авторомъ выставлены зорко имъ подмѣченныя черты современности. Въ комедіи „О время!" главный интересъ всего дѣйствія вращается около трехъ женскихъ характеровъ: Ханжахиной, Вѣстниковой и Чудихиной. Первая изъ нихъ составляетъ, собственно говоря, главный центръ комедіи; двѣ остальныя служатъ ей только въ подспорье и помощь для болѣе полнаго и подробнаго обнаруженія различныхъ свойствъ и сторонъ этого любопытнаго типа. Съ этимъ любопытнымъ, заимствованнымъ изъ живой дѣйствительности типомъ мы знакомимся столько же изъ словъ и дѣйствій Ханжахиной на сценѣ, сколько изъ весьма пространныхъ разсказовъ о ней ея служанки Мавры. Вотъ какія любопытныя бытовыя подробности сообщаетъ Мавра о своей госпожѣ:

„Встаетъ она поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампаду; потомъ прочитываетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ потомъ стихъ: „блаженъ, кто и скоты милуетъ". А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкой, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить. Послѣ заутрени она читаетъ какія-то особенныя молитвы отъ соблазна... По окончаніи ихъ изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чи-

ститъ вещи, которыя у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ... Потомъ она одѣнется, т. е. чулки на ноги, да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ, и т. д."

Рядомъ съ нею выставлена Вѣстникова, жеманная сплетница и старая щеголиха, очень податливая на деньги и подарки; за деньги и подарки она весьма охотно берется устраивать свадьбы

Б. Е. Ельчаниновъ.

и не брезгуетъ даже хлопотами болѣе интимнаго свойства. Ради извѣстнаго сценическаго параллелизма, который былъ весьма обычнымъ въ сценическихъ произведеніяхъ прошлаго столѣтія, около Вѣстниковой поставлена Чудихина, карикатурная въ своемъ суевѣріи и преувеличенной нервозности, которая ее безпрестанно доводитъ до обморока. Насколько Вѣстникова пристрастна къ сплетнямъ, настолько же Чудихина переполнена всякими предразсудками; насколько та любитъ сводить и устраивать свадьбы, настолько же эта любитъ мѣшаться въ семейныя дѣла и разстраи-

вать свадьбы. „Грѣшна — говоритъ она. — Что мнѣ дѣлать: люблю разбивать свадьбы... Вижу, что дурно это, да удержаться не могу...“

Типы комедій Екатерины.

По типамъ и характерамъ дѣйствующихъ лицъ, комедія „Имянины Госпожи Ворчалкиной“ слабѣе первой комедіи Екатерины: но она гораздо живѣе ея, гораздо богаче и разнообразнѣе дѣйствіемъ и сценическою его обстановкою. Главное, находящееся въ центрѣ комедіи лицо, г-жа Ворчалкина, женщина характера брюзгливаго, сумрачнаго, желчнаго. Она ничѣмъ недовольна, и въ особенности недовольна новыми явленіями современной жизни, въ которой все огульно порицаетъ и съ крайнимъ негодованіемъ говоритъ даже о такихъ учрежденіяхъ, какъ воспитательные дома [1]). Около Ворчалкиной выведенъ на сцену цѣлый рядъ лицъ, тоже имѣющихъ поводъ къ недовольству —Фирлюфюшковъ, пустой щеголь и болтунъ, зараженный пристрастіемъ къ французскимъ модамъ и обычаямъ и злоупотребляющій французскимъ языкомъ въ ущербъ русской рѣчи; Спесовъ и Геркуловъ промотавшіеся, но весьма чванные своею родовитостью, дворяне; Некопейковъ, обанкрутившійся купецъ, думающій поправить свои дѣла различными фантастическими предпріятіями, по мнѣнію автора неимѣющими никакой дѣйствительной, практической основы [2]), и осуществимыми только въ воображеніи автора. Всѣ эти господа

П. А. Плавильщиковъ.

---

[1]) «Каковъ нынѣ свѣтъ-атъ развратенъ!» — говоритъ г-жа Ворчалкина «подкидышковъ—что ужъ этого больше?.. подкидышковъ подбираютъ да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ-будто за благородными: такъ можно ли ужъ въ чемъ сомнѣваться?» Извѣстно, что влагая эти слова въ уста Ворчалкиной, Екатерина повторяла ропотъ и недовольство очень значительнаго большинства.

[2]) Чрезвычайно любопытно то, что къ числу такихъ несбыточныхъ химеръ Екатерина относитъ и «голубиную почту» и «построеніе секретнаго (т. е. подводнаго) флота». Нужно ли напоминать читателямъ, что первое уже осуществилось, а надъ построеніемъ подводныхъ лодокъ уже много лѣтъ сряду трудятся не безъ успѣха морскіе техники всей Европы. Поступательное движеніе человѣчества неудержимо идетъ своимъ путемъ!

мѣтятъ на то, что женитьбою на дочеряхъ Ворчалкиной поправить свое матерьяльное положеніе, и эти-то попытки и происки жениховъ составляютъ главную основу комедіи. Положительными типами, представляющими современность въ самомъ разумномъ и привлекательномъ видѣ, являются: Дремовъ и племянникъ его Таларикинъ, который и женится на младшей дочери Ворчалкиной.

Остальныя комедіи Екатерины: „Недоразумѣніе", „Госпожа Вѣстникова съ семьей", „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями", „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье", „Смутникъ", „Глупое пристрастіе къ пословицамъ", „Льстецъ и обольщенный", „Не можетъ быть зла безъ добра", „Путешествіе Промотаева"— имѣютъ только значеніе забавныхъ по тому времени сценическихъ представленій, и въ значительной степени не самостоятельны [1]).

Со времени появленія фонвизинскаго „Бригадира", разомъ доставившаго автору громкое литературное имя и положеніе въ обществѣ, а также и съ легкой руки Екатерины, заботившейся о пополненіи репертуара русской сцены новыми пьесами, русскій театръ, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, проявилъ замѣчательное оживленіе. Не только переводныя сценическія произведенія стали десятками появляться на нашей сценѣ, но и число оригинальныхъ пьесъ стало возрастать замѣтно, причемъ на сцену вносилось уже много новыхъ элементовъ, неизвѣстныхъ предшествующей эпохѣ. Отчасти, конечно, такому оживленію сцены способствовало и то, что недавно народившійся, новый родъ „слезной комедіи" или „мѣщанской драмы", встрѣченный такимъ грознымъ приговоромъ Сумарокова — сталъ преобладать на сценѣ, постепенно вытѣсняя съ нея холодную и скучную ложно-классическую трагедію, съ ея ходульными героями и напыщенными рѣчами. Мѣсто этихъ героевъ стали заступать обыкновенные смертные, со своими простыми житейскими скорбями и радостями, болѣе близкими сердцу зрителей, нежели сѣтованія Андромахъ и благородныя побужденія Энеевъ и Тезеевъ. *Новый* родъ комедіи пользовался большимъ успѣхомъ на русской сценѣ; публика относилась къ нему съ большимъ вниманіемъ; и сначала переводныя драмы Лилло и Мура, Дидро, Бомарше, а потомъ и Лессинга, замѣнили отжившія свой вѣкъ трагедіи Расина и Корнеля и ихъ русскихъ подражателей; затѣмъ, на мѣсто переводовъ, стали являться передѣлки тѣхъ же иностранныхъ произведеній на русскіе нравы, а потомъ уже и оригинальные опыты русскихъ авторовъ, потрудившихся на этомъ поприщѣ; мы должны упомянуть здѣсь имена *Веревкина, Лукина, Аблесимова, Плавильщикова, Клушина,*

---

[1]) Такъ, напр., пьеса «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье» есть ничто иное, какъ какъ слѣды передѣлки «Виндзорскихъ кумушекъ» Шекспира.

Ефимьева, *Ельчанинова* и *Капниста*. Скажемъ о каждомъ изъ нихъ лишь то, что дозволяетъ намъ размѣръ нашего труда.

Верёвкинъ. *Михаилъ Ивановичъ Верёвкинъ* (род. около 1720 г., ум. 1795 г.), съ именемъ котораго мы уже ознакомились въ главѣ о Державинѣ, такъ какъ онъ былъ первымъ директоромъ первой губернской гимназіи въ Казани (основанной въ 1758 г.), гдѣ Державинъ воспитывался. Это былъ человѣкъ образованный, умный и усердно занимавшійся литературой въ свободное отъ служебныхъ занятій время. Онъ переводилъ съ иностранныхъ языковъ книги и писалъ для сцены. Лучшими изъ его произведеній были комедіи: „*Такъ и должно*", „*Имянинникъ*" и „*Точь въ точь*" написанныя между 1773 и 1785 гг. Первая изъ этихъ комедій, въ которой племянникъ изъявляетъ готовность спасти своего дядю отъ нищеты и предлагаетъ ему половину своего состоянія — особенно правилась публикѣ. Тотъ моментъ драмы, когда ея герой, Доблестинъ, встрѣчаетъ своего дядю колодникомъ [1]) и въ лохмотьяхъ, и тотчасъ протягиваетъ ему руку помощи и хлопочетъ объ его освобожденіи — вызывалъ восторгъ и слезы въ театрѣ. Общая постановка дѣйствія, живое изложеніе и тщательная обработка нѣкоторыхъ характеровъ въ пьесахъ Веревкина указываютъ, что авторъ обладалъ недюжиннымъ талантомъ, какъ писатель для сцены.

Лукинъ. *Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ* (род. около 1737 г., ум. 1794 г.), также знакомъ намъ изъ главы о Фонвизинѣ, который о немъ, какъ о человѣкѣ, оставилъ очень непривлекательный отзывъ, какъ въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи", такъ и въ перепискѣ. Съ Лукинымъ Фонвизину пришлось столкнуться во время службы подъ начальствомъ кабинетъ-министра И. П. Елагина, у котораго Лукинъ служилъ домашнимъ секретаремъ и въ то же время былъ сотрудникомъ своего начальника по его литературной и переводческой дѣятельности. Собственно говоря, какъ авторъ для сцены, Лукинъ написалъ только одну, оригинальную комедію: „*Мотъ, любовью исправленный*"; но за то онъ первый открыто возсталъ противъ пересажденія иностранныхъ комедій на русскую сцену, безъ измѣненія именъ и бытовой обстановки. По его мнѣнію, совершенно справедливому, такія пьесы должны были представляться русской публикѣ чуждыми и не вполнѣ понятными. Къ сожалѣнію, однакоже, всѣ его собственныя передѣлки иноземныхъ произведеній для русской сцены, въ родѣ „*Награжденнаго постоянства*", „*Щепетильника*" или „*Разумнаго вертопраха*" — были до такой степени плохи и въ общемъ, и въ частностяхъ, и написаны такимъ тяжелымъ языкомъ, что ни для кого не могли служить

---

[1]) Онъ случайно попалъ въ тюрьму, ибо былъ принятъ за бродягу.

образцами и во всѣхъ современныхъ журналахъ вызывали совершенно справедливыя насмѣшки и нападки на Лукина.

Аблесимовъ. Болѣе удачно примѣнялъ народныя бытовыя черты и отчасти даже народной языкъ къ произведеніямъ сценической литературы *Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ* (род. 1724 г., ум. 1764 г.), изъ небогатыхъ костромскихъ дворянъ, извѣстный авторъ [1]) комической оперы „*Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ*". Эта опера была впервые дана въ Москвѣ въ 1779 г. и успѣхъ ея былъ громадный. Она выдерживала подъ-рядъ по нѣсколько десятковъ представленій; отрывки изъ нея охотно заучивались наизусть, а хоры и отдѣльныя пѣсенки распѣвались всѣми. Другая опера Аблесимова: „*Счастье по жеребью*" и двѣ комедіи—не пользовались такимъ успѣхомъ какъ „Мельникъ" и скоро были забыты, тогда какъ эта опера удержалась на сценѣ даже въ первой четверти XIX вѣка.

Плавильщиковъ. Рядомъ съ Аблесимовымъ мы должны поставить *Петра Алексѣевича Плавильщикова* (род. 1789 г., ум. 1810 г.) — чрезвычайно любопытный типъ писателя. О немъ знаемъ, что онъ получилъ образованіе въ московскомъ университетѣ и, по страсти къ театру, поступилъ на петербургскую сцену [2]), а затѣмъ перешелъ на московскую. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ прекраснымъ актеромъ, но онъ не довольствовался своею сценическою дѣятельностью и, не покидая сцены, занимался и литературою. Онъ помѣщалъ въ журналахъ, преимущественно въ „Зрителѣ", стихи и прозу, а потомъ сталъ писать для сцены комедіи и драмы, сюжеты которыхъ, подобно Аблесимову, заимствовалъ изъ народнаго быта. Изъ его пьесъ наибольшею извѣстностью и наибольшею долговѣчностью на сценѣ пользовались три слѣдующія: „*Бобыль*", „*Мельникъ и сбитеньщикъ—соперники*" и „*Сиділецъ*", „*Сговоръ Кутейкина*".

Клушинъ. Къ тому же литературному кружку принадлежалъ и *Александръ Ивановичъ Клушинъ* (род. въ 1762 или 1763 г., ум. 1804 г.), пріятель, сотрудникъ и соиздатель И. А. Крылова по журналамъ „*Зритель*" и „*С.-Петербургскій Меркурій*". По недавно открытымъ даннымъ, Клушинъ происходилъ изъ бѣдныхъ дворянъ Орловской губерніи, служилъ до 1786 г. въ военной службѣ, а потомъ въ гражданской, и въ 1793 г., въ видѣ особой награды за литературныя заслуги, получилъ, согласно прошенію своему, увольненіе на пять лѣтъ отъ службы съ сохраненіемъ содержанія „*для*

---

[1]) Сохранилось такое извѣстіе, будто Аблесимовъ служилъ въ лейбъ-кампанской канцеляріи, долгое время переписывалъ стихотворенія Сумарокова, и отсюда получилъ и самъ охоту къ писательству.

[2]) Въ одномъ изъ учебниковъ литературы сказано, что онъ поступилъ на петербургскую сцену, «гдѣ славились въ это время *Волковъ*, Дмитревскій и Шумскій...» Легко можетъ быть, что Плавильщиковъ игралъ съ двумя послѣдними, но *Волкова* онъ не могъ застать на сценѣ, потому что тотъ скончался въ 1793 году, когда Плавильщикову было ровно четыре года.

продолженія наукъ въ геттингенскомъ университетѣ". Для сцены онъ писалъ довольно много, и все въ томъ легкомъ сценическомъ родѣ, который болѣе всего нравился въ концѣ XVIII вѣка. Изъ его комедій болѣе другихъ пользовались извѣстностью: „*Смѣхъ и горе*" (въ 5-ти дѣйств.), о которой современное свидѣтельство гласитъ, что она много разъ играна въ Петербургѣ и Москвѣ „съ похвалою для автора". Сверхъ того, имъ написаны слѣдующія комедіи: „*Услужливый*", „*Разсудительный дуракъ*", „*Алхимистъ*" и опера „*Любовь хитрѣе всего*".

Служеніе красотѣ—символическая виньетка Екатерининскаго времени.

Ефимьевъ

Не послѣднее мѣсто въ ряду молодыхъ писателей, писавшихъ для сцены въ концѣ царствованія Екатерины, занимаетъ *Дмитрій Владиміровичъ Ефимьевъ* (род. 1768 г., ум. 1804 г.). Особенною извѣстностью изъ написанныхъ имъ пьесъ пользовалась драма: „*Преступникъ отъ игры или братомъ проданная сестра*". Очень заманчивый сюжетъ драмы, въ которой проигравшійся братъ рѣшился продать обманомъ свою сестру, выдавъ ее за крѣпостную дѣвушку—долженъ былъ нравиться и для многихъ представляться трогательнымъ и возбуждающимъ состраданіе. Это прототипъ будущей мелодрамы, которая позднѣе пріобрѣтаетъ такое выдающееся значеніе на русской сценѣ.

Ельчаниновъ.

Если мы добавимъ къ этому бѣглому обзору современныхъ драматическихъ писателей *Богдана Егоровича Ельчанинова* (род. 1744 года), который уже на 25-мъ году жизни былъ убитъ при осадѣ Браилова (1769 г.), то мы исчерпаемъ почти весь кругъ литературныхъ дѣятелей, работавшихъ для сцены, во второй половинѣ XVIII вѣка. Всѣ свѣдѣнія наши о Ельчаниновѣ ограничиваются только тѣмъ, что онъ написалъ для сцены нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ особеннымъ успѣхомъ пользовалась „*Наказанная Вертопрашка*“, поставленная на петербургской сценѣ за два года до его кончины.

«Ябеда» Капниста.

Къ Екатерининскому же времени относится и еще одно драматическое произведеніе, въ свое время пользовавшееся почти такою же громкою извѣстностью, какъ „*Недоросль*“ Фонвизина, „*Горе отъ ума*“ Грибоѣдова и „*Ревизоръ*“ Гоголя. Мы говоримъ о комедіи Капниста „*Ябеда*“, которой типы заимствованы были авторомъ изъ живой дѣйствительности, наблюдаемой имъ въ провинціальной глуши. Комедія эта имѣетъ свою исторію, весьма поучительную во многихъ отношеніяхъ, и потому мы считаемъ не излишнимъ упомянуть здѣсь о ней въ нѣсколькихъ словахъ.

Говорятъ, что матеріаломъ для этой суровой сатиры на судейскіе нравы конца XVIII вѣка послужилъ автору его собственный многолѣтній процессъ, который ему пришлось вести по всѣмъ инстанціямъ нашихъ провинціальныхъ судовъ, причемъ онъ могъ близко ознакомиться со всѣми отправленіями и органами Россійской Ѳемиды и со всѣми подробностями быта нашихъ подьячихъ. Картина вышла изъ-подъ пера талантливаго писателя поразительная, почти потрясающая, и все произведеніе Капниста явилось однимъ сплошнымъ и суровымъ осужденіемъ нашихъ провинціальныхъ судейскихъ нравовъ и той невообразимой путаницы, крючкотворства и взятокъ, которую должно было обязательно проходить всякое дѣло, причемъ вполнѣ законное иногда легко было проиграть, а совершенно незаконное—выиграть. Типы, выведенные Капнистомъ въ „Ябедѣ“, подмѣчены авторомъ очень вѣрно, въ особенности типъ сутяги „Праволова“, типъ „Предсѣдателя“ и членовъ суда. Едва ли они не были портретами мѣстныхъ дѣятелей? Пьеса, даже въ чтеніи, производила настолько сильное впечатлѣніе, что Капнистъ, порядкомъ напуганный преслѣдованіями литературныхъ произведеній въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, не рѣшился напечатать свою комедію при жизни Государыни. „Ябеда“ была напечатана только уже въ 1798 году, и то съ нѣкоторыми, весьма тонкими предосторожностями: комедіи было предпослано стихотворное посвященіе императору Павлу, и въ этомъ посвященіи авторъ, выставляя на видъ безвредность своей сатиры, испрашивалъ покровительство Монарха своему

скромному произведенію, которое, какъ онъ справедливо предполагаетъ, должно было нажить ему много враговъ.

«Прости, Монархъ, что я, усердіемъ горя,
Мой трудъ, какъ каплю водъ, въ глубоки лью моря,
Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ
Мздоимства, ябеды всю гнустность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Но мстительна отъ нихъ я не боюсь навѣта:
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ...»

Однакоже и вся эта дипломатія не спасла автора отъ непріятныхъ послѣдствій, его слишкомъ откровенной сатиры. Комедія надѣлала много шума, возбудила толки и, главнымъ образомъ, не выгодные для автора. „Чиновный людъ — такъ разсказываетъ намъ одинъ современникъ—просто разрывался отъ досады на Капниста за его „Ябеду". О комедіи былъ составленъ докладъ императору. Въ немъ представлено, что Капнистомъ данъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность; въ комедіи найдено даже явное попраніе Монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ"... „Все это завершалось униженнымъ челобитьемъ объ охранѣ власти, запрещеніи пьесы и о примѣрномъ для будущаго времени наказаніи злостнаго, неотчизнолюбиваго автора". Императоръ Павелъ, довѣрившись донесенію, приказалъ будто бы немедленно отправить Капниста въ Сибирь. Это было утромъ, и приказаніе было немедленно исполнено. Послѣ обѣда гнѣвъ императора остылъ, онъ задумался и усомнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣряя, однакожъ, никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить „Ябеду" въ своемъ присутствіи на Эрмитажномъ театрѣ. Государь явился въ театръ только съ великимъ княземъ Александромъ. Больше никого въ театрѣ не было. Послѣ перваго же акта императоръ, безпрестанно аплодировавшій пьесѣ, послалъ перваго попавшагося ему фельдъегеря, чтобы тотчасъ же возвратить Капниста, пожаловалъ писателю, по возвращеніи его, чинъ статскаго совѣтника, щедро наградилъ его, и до самой кончины удостаивалъ своихъ милостей.

Весьма характерный анекдотъ о комедіи того же Капниста разсказываетъ другой современникъ, Бантышъ-Каменскій, въ своемъ „Словарѣ достопамятныхъ людей"... „Мнѣ случилось, въ молодыхъ лѣтахъ, быть свидѣтелемъ, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ, во время представленія „Ябеды", когда Хватайко запѣлъ:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять...
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ ни на то, чтобъ брать, брать, брать?!»...

всѣ зрители начали рукоплескать, и многіе изъ нихъ, обратясь къ чиновнику, занимавшему мѣсто, соотвѣтствовавшее мѣсту Хватайки, произнесли въ одинъ голосъ, называя его по имени: „Это вы! это вы!“...

Увлеченный успѣхомъ „*Ябеды*“, Капнистъ пытался и еще писать для сцены, но эти попытки оказались въ такой степени неудачными, что онъ самъ осмѣялъ въ эпиграммахъ свои плохія сценическія произведенія. Что же касается „*Ябеды*“, то она заняла на нашей сценѣ весьма видное мѣсто въ ряду лучшихъ произведеній и удержалась въ ея репертуарѣ на многіе и многіе годы.

Такой успѣхъ „Ябеды“ Капниста“ представляется намъ вполнѣ понятнымъ. Въ этой пьесѣ, точно такъ же, какъ и въ „Недорослѣ“ Фонвизина, были выведены на сцену характеры и типы, заимствованные изъ дѣйствительности, и затронуты давно-наболѣвшія язвы нашей общественной жизни; а къ вскрытію такихъ язвъ всякое общество относится всегда съ горячимъ сочувствіемъ, въ надеждѣ на лучшее будущее.

Изъ виньетокъ Екатерининскаго времени.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Н. И. Новиковъ и его значеніе въ исторіи русской литературы и образованности. — Біографическія подробности. — Журнальная дѣятельность. — Сближеніе съ Екатериной въ цѣляхъ и средствахъ литературной дѣятельности. — Идеалы Новикова. — Дѣятельность издательская. — Сближеніе съ масонами. — Второй періодъ журнальной дѣятельности. — Дѣятельность общественная и печальный исходъ ея.

Въ эпоху Екатерины, въ средѣ нашихъ литературныхъ дѣятелей, проявился одинъ, особенно замѣчательный тѣмъ, что онъ воплотилъ въ себѣ всѣ лучшіе идеалы, всѣ лучшія и чистѣйшія стремленія и помыслы, всѣ достоинства лучшихъ дѣятелей своего времени, не повторивъ ни одного изъ ихъ недостатковъ. Этотъ дѣятель, именемъ котораго мы по справедливости можемъ гордиться, какъ однимъ изъ лучшихъ перловъ въ исторіи нашей литературы и просвѣщенія, былъ *Николай Ивановичъ Новиковъ*.

Н. И. Новиковъ. Типъ болѣе молодой.

Недаромъ въ великую заслугу Преобразователю Россіи ставятъ то, что онъ пробудилъ въ русскихъ людяхъ чувство сознанія собственнаго достоинства; а Екатеринѣ—то, что она способствовала развитію въ нихъ сознательнаго отношенія къ національности, къ народной гордости въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Новиковъ служитъ именно самымъ полнымъ воплощеніемъ русскаго литературнаго и общественнаго дѣятеля, по той великой степени духовнаго и умственнаго развитія, какой онъ могъ достигнуть въ эпоху Екатерины. Это уже не робкій ученикъ и подражатель западныхъ дѣятелей, не рабскій послѣдователь западныхъ теорій, не усердный поклонникъ западныхъ литературныхъ образцовъ — это настоящій самородокъ, умѣющій самостоятельно строить на основаніи западныхъ образцовъ, умѣющій и критически къ нимъ относиться, и безъ всякихъ образцовъ удовлетворять насущнымъ духовнымъ

потребностямъ русскаго общества. А по высокимъ качествамъ, и по обширному объему, и по чрезвычайному разнообразію своей общественной и литературной дѣятельности, Новиковъ даже выходитъ изъ ряда дѣятелей исключительно русскихъ: онъ можетъ смѣло занять почетное мѣсто въ средѣ европейскихъ дѣятелей по распространенію просвѣщенія въ половинѣ XVIII вѣка.

Біографическія свѣдѣнія.

Н. И. Новиковъ (род. 27 апр. 1743 г., ум. 31 іюня 1818 г.) происходилъ изъ небогатыхъ дворянъ Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, гдѣ его отцу принадлежало село Тихвинское (Авдотьино тожъ). Отецъ Николая Ивановича, Иванъ Васильевичъ Новиковъ, служилъ смолоду въ морскомъ вѣдомствѣ и, по средствамъ своимъ, едва ли могъ дать сыну въ дѣтствѣ какое-нибудь воспитаніе. Свѣдѣнія

Н. И. Новиковъ. Типъ болѣе старый.

объ этомъ воспитаніи крайне скудны; но не подлежитъ сомнѣнію, что и Н. И. Новиковъ, въ раннемъ дѣтствѣ (подобно многимъ своимъ современникамъ), не миновалъ рукъ приходскаго дьячка; позднѣе, вѣроятно въ 1757 году, онъ поступилъ въ Московскую университетскую гимназію [1]), и въ маѣ слѣдующаго года мы видимъ его имя въ числѣ отличившихся по французскому классу; а затѣмъ, вдругъ, съ крайнимъ удивленіемъ, встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что въ 1759 г. тотъ же Новиковъ „исключенъ изъ университета за нехожденіе именно въ классы французскаго

[1]) Академикъ Тихонравовъ, въ свою статью о Новиковѣ, вноситъ извѣстіе Штелина, будто бы Н. И. Новиковъ нѣкоторое время обучался въ гимназіи и университетѣ при Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Но правдоподобности подобнаго извѣстія едва ли можно вѣрить.

языка" [1]). Изъ этого нѣкоторые біографы выводятъ заключеніе о лѣности, о неспособности Новикова къ языкамъ и т. п.—замѣчанія, которыя положительно не оправдываются дальнѣйшею дѣятельностью Новикова. Скорѣе всего этотъ фактъ былъ слѣдствіемъ юношескаго легкомыслія, весьма свойственнаго тому возрасту, въ которомъ тогда находился Новиковъ (ему едва ли минуло и 16 лѣтъ). Но, вѣроятно, легкомысліе миновало очень быстро и смѣнилось сильнѣйшею жаждою знанія, потому что Новиковъ уже очень рано принялся за самообразованіе и достигъ въ немъ блестящихъ результатовъ.

По выходѣ изъ университета, Новиковъ поступилъ на дѣйствительную службу въ С.-Петербургѣ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Вѣроятно, во время этихъ первыхъ лѣтъ пребыванія въ С.-Петербургѣ, Новиковъ не терялъ времени даромъ: страстно предаваясь обширному и разнообразному чтенію и постоянно вращаясь въ кругу образованнѣйшихъ людей своего времени, онъ, вѣроятно, успѣлъ пополнить свое скудное образованіе, потому что, по свидѣтельству одного изъ его біографовъ, „уже съ 1767 года онъ началъ быть извѣстенъ своею склонностью къ словесности, наипаче Россійской и успѣхами въ оной". Хотя мы и не знаемъ въ чемъ именно проявились эти „успѣхи" и эти занятія Россійской словесностью; но, вѣроятно, онъ успѣлъ чѣмъ-нибудь выдѣлиться изъ среды своихъ сверстниковъ и товарищей, потому что (именно въ 1767 г.) попалъ въ число молодыхъ гвардейцевъ, отправленныхъ въ Москву для письменныхъ занятій при знаменитой Коммисіи Депутатовъ по составленію проекта новаго Уложенія. Онъ назначенъ былъ составителемъ дневныхъ записей по VII изъ двѣнадцати отдѣленій Коммисіи, именно по Отдѣленію „о среднемъ родѣ людей"; кромѣ того, онъ велъ журналы Общаго Собранія Депутатовъ, которые и читалъ при докладахъ императрицѣ, „узнавшей его тогда лично". **Новиковъ въ коммиссіи.**

Есть основаніе думать, что почти двухлѣтнее пребываніе его при Коммисіи и участіе въ ея трудахъ въ значительной мѣрѣ повліяли на всю дальнѣйшую дѣятельность Новикова, который, изъ сношеній со множествомъ русскихъ людей, съѣхавшихся въ Москву съ различныхъ концовъ Россіи, успѣлъ пріобрѣсть близкое и разностороннее знакомство съ нуждами русскаго общества и съ общимъ положеніемъ нашего обширнаго отечества. Кажется, даже и то обстоятельство, что Новикову преимущественно пришлось имѣть дѣло въ Коммисіи со „среднимъ родомъ людей", не осталось безъ вліянія на его дальнѣйшую дѣятельность общественную, потому что онъ (какъ мы увидимъ далѣе) болѣе всего

[1]) По современному университетскому обычаю, объявленіе было пропечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее свѣдѣніе.

прилагалъ стараній впослѣдствіи къ распространенію образованія именно въ средѣ этого средняго сословія людей. Въ 1768 году Новиковъ вышелъ въ отставку, чтобы посвятить все свое время на занятія литературою и издательствомъ, которыя сама императрица Екатерина вводила тогда въ моду, увлеченная своимъ планомъ изданія сатирическаго журнала „Всякая Всячина", офиціально выходившаго въ свѣтъ подъ редакціею Козицкаго.

Журнальныя дѣятельность.

Одновременно съ „Всякой Всячиной", съ мая мѣсяца 1769 г., сталъ выходить въ свѣтъ и журналъ Новикова *„Трутень"*—болѣе рѣзкій по тону своихъ порицаній и насмѣшекъ надъ современными общественными язвами, но, въ существѣ, составляющій втору къ тому направленію, которое проводилось во „Всякой Всячинѣ". „Трутень" является защитникомъ образованности и просвѣщенія, которыя предназначены на то, чтобы облагородить людей, исправить ихъ дурные нравы. Главными цѣлями сатиры „Трутня" является полуобразованіе на французскій ладъ и недобросовѣстность судей, пренебрегающихъ закономъ. Въ 1769 году, „Трутень" пользовался большимъ успѣхомъ; но въ слѣдующемъ году онъ нѣсколько потускнѣлъ — по причинамъ, которыя теперь опредѣлить мудрено—и публика къ нему охладѣла настолько, что Новиковъ счелъ нужнымъ этотъ журналъ прекратить, закончивъ его шутливымъ прощаньемъ со своими читателями. Въ 1772 году, который ознаменовался появленіемъ лучшей изъ комедій Екатерины *(„О, время")*, явился новый журналъ Новикова *„Живописецъ"*, — опять-таки изданіе, стоявшее въ прямомъ соотношеніи съ идеями „Наказа" и первыхъ произведеній Екатерины, въ которыхъ она еще не опасалась выставлять на показъ и на общее осмѣяніе темныя стороны русской современности. Соотношеніе это не преминуло выразиться, съ первыхъ же страницъ „Живописца", посвященіемъ этого журнала *„неизвѣстному сочинителю комедіи „О, время"* [1]). Въ этомъ посвященіи Новиковъ прямо высказываетъ Екатеринѣ: ...„вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился: возбудили во мнѣ желаніе подражать Вамъ въ похвальномъ подвигѣ—исправлять нравы своихъ единоземцевъ"...

Новиковъ и Екатерина.

Но, несмотря на несомнѣнную близость въ направленіи новаго журнала съ тѣми идеями, которыя сама Екатерина проводила и защищала въ своихъ первыхъ и лучшихъ комедіяхъ, Новиковъ не вполнѣ сходился съ нею въ своемъ воззрѣніи на сатиру, осмѣивающую нравы современнаго общества. Онъ хорошо понималъ, что его журнальной сатирѣ придется, главнымъ образомъ, намѣчать свои жертвы въ высшихъ кругахъ русскаго обще-

---

[1]) Всѣ комедіи Екатерины, когда ставились на сценахъ частныхъ театровъ, всегда являлись анонимными, и хотя всѣ знали, кто ихъ авторъ, но всѣ изъ приличія показывали видъ, что авторъ комедіи неизвѣстенъ.

ства, которыя особенно слѣпо подчинялись подражанію французскимъ нравамъ и свѣтскимъ обычаямъ и жили гораздо шире своихъ средствъ; понималъ, что рѣзкія осужденія, направленныя противъ этого общественнаго слоя, будутъ непріятны императрицѣ, и потому старался всѣми силами прикрыть острое жало сатиры разными внѣшними прикрасами и такою обстановкою, которая бы могла нѣсколько смягчить впечатлѣніе, производимое статьями его журнала. Каждый разъ, послѣ особенно рѣзкихъ обличительныхъ статей, Новиковъ помѣщалъ какую-нибудь громкую оду въ честь императрицы или диѳирамбъ князю Григорію Григорьевичу Орлову, или обращеніе къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, и это было, очевидно, не случайностью, а твердо установившимся пріемомъ своего рода журнальной политики, принятымъ разъ навсегда за правило для отвода глазъ, для умиротворенія враждебныхъ навѣтовъ и сѣтованій. Справедливость подобнаго воззрѣнія въ особенности подтверждается тѣмъ, что самъ Новиковъ намекаетъ на необходимость *„быть осторожнымъ"*; высказавъ въ одномъ мѣстѣ „Живописца", что въ настоящій просвѣщенный вѣкъ уже наступила пора снимать личины съ людей порочныхъ и что его журналъ именно для этой цѣли предназначается, онъ, въ то же время, полагаетъ себѣ за правило: „не разлучаться съ тою прекрасною женщиною, съ которою его иногда видѣли и которая называется „Осторожностью". Въ какой степени наивно этотъ пріемъ прилагается къ новиковской журнальной практикѣ—это можно видѣть изъ той оговорки, которую Новиковъ счелъ нужнымъ прибавить къ одной изъ статей своего журнала, переполненной очень рѣзкими и смѣлыми нападками на современныя отношенія господъ къ крестьянамъ... „Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ „Путешествія въ ***" [1]), получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно было помѣщено въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою націею, то не осмѣлился бы я читателей моихъ попотчивать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. *Но нынѣ Премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ*". Глубокій знатокъ нашей журналистики прошлаго вѣка, академикъ П. П. Пекарскій, по поводу этого пріема замѣчаетъ, однакоже, съ нѣкоторой ироніей: „...все это, кажется, недолго помогало: по крайней мѣрѣ во второй части „Живописца" Новиковъ видимо уже сдерживался или былъ сдерживаемъ". Надо, однакоже, отдать

[1]) Полное заглавіе этой статьи: «Отрывокъ путешествія въ *** И*** Т***». Она особенно важна въ томъ смыслѣ, что едва-ли не послужила прототипомъ явившагося впослѣдствіи злосчастнаго «Путешествія Радищева».

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
МѢСЯЦЪ МАЙ

Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.
Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

„Трутень“ Новикова. Титульный листъ (перваго изданія), по весьма рѣдкому экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

„Трутень" Новикова. Титульный листъ (втораго изданія), по экземпляру, принадлежащему Императорской Публичной Библіотекѣ.

справедливость Новикову, какъ издателю „Живописца". Выборъ статей здѣсь гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ „Трутнѣ"; наблюдательность живѣе и глубже; сатира серьезнѣе и ближе къ русской современной дѣйствительности. Рядомъ со статьями, осмѣивающими забавное преклоненіе русскихъ щеголей и щеголихъ передъ французскими модами и французскими нравами, рядомъ съ „опытами словарей" моднаго „щегольского нарѣчія" и образчиками разговоровъ обычныхъ въ кружкѣ щеголихъ — „Живописецъ" помѣщаетъ картины и весьма мрачныя, весьма неутѣшительныя. И при этомъ онъ старается провести всюду одну, чрезвычайно живую, привлекательную черту — уваженіе къ родной старинѣ во всемъ томъ, что въ ней заслуживаетъ одобренія, въ особенности — къ простотѣ ея быта и нравовъ. Черта эта, какъ мы увидимъ далѣе, выразилась впослѣдствіи еще болѣе ясно и опредѣленно въ дѣятельности Новикова, посвятившаго изученію русской старины цѣлый рядъ прекрасныхъ изданій. Всѣ эти стороны новаго журнала Новикова способствовали его успѣху, можно сказать, чрезвычайному: въ короткое время журналъ выдержалъ пять изданій, и прекратился, вѣроятно, по причинамъ, „не зависящимъ отъ издателя"... Но желаніе продолжать начатое дѣло было, видимо, присуще Новикову: онъ не хотѣлъ бросать журнальнаго поприща, на которомъ подвизался съ такимъ успѣхомъ, и попытался выпустить въ свѣтъ еще одинъ сатирическій журналъ: въ 1774 году онъ издавалъ „Кошелекъ", просуществовавшій очень недолго—нѣчто безцвѣтное, безсодержательное и слабое. Видно, что въ этомъ журналѣ и самъ издатель опасался высказаться вполнѣ, и энергія его ослаблена въ значительной степени условіями, неблагопріятными для выполненія задуманной имъ задачи. „Кошелекъ" не встрѣтилъ никакого сочувствія въ публикѣ и просуществовалъ недолго, прекратившись на девятомъ листѣ...

Ученыя изданія Новикова.

Въ то время, когда Новиковъ дѣлалъ эту новую попытку, его дѣятельный умъ уже работалъ въ иномъ направленіи и обращалъ его неутомимую энергію къ другимъ трудамъ, болѣе живымъ, нежели сатирическіе журналы. Въ 1772 году онъ издаетъ свой замѣчательный „*Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ*", а въ 1773 году принимается за изданіе обширной „*Древней Россійской Вивліоѳики*".

„Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ" былъ первою, болѣе или менѣе полною и правильно обоснованною попыткою общаго очерка нашей литературы. „Опытъ" былъ составленъ Новиковымъ отчасти по печатнымъ источникамъ [1]),

---

[1]) Однимъ изъ такихъ источниковъ была статья о русскихъ писателяхъ, помѣщенная въ нѣмецкомъ журналѣ «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften», приписываемая Дмитревскому.

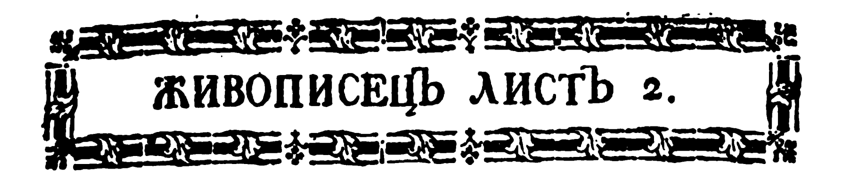
отчасти по свѣдѣніямъ, которыя онъ самъ тщательно собиралъ и сопоставлялъ изъ разныхъ источниковъ — изъ личнаго знакомства съ авторами и ихъ сочиненіями, изъ фамильныхъ преданій, свидѣтельствъ современниковъ и т. п. Однакоже, не мѣшаетъ замѣтить, что Новиковъ и къ печатнымъ источникамъ относится съ надлежащею критическою осторожностью и самостоятельностью, и къ самымъ произведеніямъ русскихъ авторовъ—со строгою разборчивостью. Эта разборчивость, выражающаяся иногда въ довольно строгихъ отзывахъ о достоинствѣ того или другого писателя, многихъ современныхъ писателей возмутила, вызвала рѣзкія возраженія и эпиграммы, направленныя противъ „*Словарника*", и создала Новикову не мало враговъ въ литературныхъ кружкахъ. По современнымъ литературнымъ воззрѣніямъ, всѣ писатели, принимавшіе хоть сколько-нибудь замѣтное участіе въ литературѣ, были или „великими", или „именитыми", и никакое критическое сужденіе о нихъ не допускалось. Россійскій литературный Олимпъ былъ населенъ „Россійскими Корнеліями", „Расинами", „Мольерами" и даже „Гораціями" и „Гомерами", которые могли вызывать восторги и преклоненія, но не могли подлежать никакой критикѣ. И вотъ, именно въ виду такого твердо-установившагося въ литературѣ воззрѣнія на нерушимость славы и высокаго значенія „Россійскихъ писателей"—первая попытка ихъ критической оцѣнки, сдѣланная Новиковымъ, была попыткою чрезвычайно смѣлою и плодотворною. Притомъ, „Опытъ" Новикова, въ которомъ довольно полно и послѣдовательно были собраны факты по исторіи русской литературы, явился весьма нагляднымъ выраженіемъ того высокаго понятія, которое Новиковъ имѣлъ о литературѣ и литературныхъ дѣятеляхъ. Сознавая важность и пользу критики, Новиковъ пытался даже возбудить къ ней охоту и вкусъ въ обществѣ и ради этой цѣли задумалъ издавать особые періодическіе листки [1]), посвященные исключительно критической оцѣнкѣ всего, что издавалось въ свѣтъ на русскомъ языкѣ. Онъ сумѣлъ даже составить кружокъ для изданія подобныхъ листковъ, и они стали появляться въ свѣтъ въ 1777 году подъ названіемъ „*С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости*". Съ какою осторожностью и осмотрительностью Новиковъ приступалъ въ выполненію своей задачи, видно изъ слѣдующихъ вступительныхъ строкъ къ новому органу: „Критическое разсмотрѣніе издаваемыхъ книгъ есть одно изъ главнѣйшихъ намѣреній при изданіи сего рода листовъ, и поистинѣ должно почитаться душою сего тѣла, то и спрашиваемъ мы у просвѣщенной нашей публики, да позволится намъ вольность благородныя критики. Не желаніе осуждать дѣянія дру-

[1]) По мысли издателя, они должны были служить дополненіемъ къ его «Опыту историческаго словаря».

ЖИВОПИСЕЦЪ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
на
1772 годъ
СОЧИНЕНІЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

„Живописецъ" Новикова. Титульный листъ, по весьма рѣдкому экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.



АВТОРЪ КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Ты дѣлаешься Авторомъ; ты принимаешь названіе Живописца; но не такова, которой пишетъ кистью, а Живописца перомъ, изображающаго наисокровеннѣйшія въ сердцахъ человѣческихъ пороки. Знаешь ли, мой другъ, какой ты участи себя подвергаешь? вѣдаешь ли совершенно, какой предлежитъ тебѣ трудъ? извѣстны ли тебѣ твои свойства и твои читатели? надѣешься ли всѣмъ имъ сдѣлать угожденіе? взвѣсилъ ли ты безпристрастно свои достоинства и способности? подумалъ ли, что худой Авторъ добровольно себя всеобщему подвергаетъ осмѣянію? — Ты молчишь: бѣдной человѣкъ! ты столько же порабощенъ страстямъ своимъ, какъ и тѣ, которыхъ исправлять намѣряешся! — Слышу твое возраженіе: какъ оно слабо и смѣшно. Ты говоришь, вить другія пишутъ, не больше моего имѣя способностей; для чего же не писать и мнѣ, имѣвши столько же къ писанію охоты, какъ и они; да еще и тогда, какъ всѣ мои пріятели увѣряютъ, что я къ писанію способенъ: ты одинъ толь-

Б ко

„Живописецъ" Новикова. Предисловіе, по тому же экземпляру.

гихъ насъ къ сему побуждаютъ, но польза общественная; посему и не уповаемъ мы сею нашею поступкою огорчить благоразумныхъ писателей, издателей и переводчиковъ; тѣмъ паче, что во критикѣ нашей будетъ наблюдаема крайняя умѣренность и что она съ великою строгостью будетъ хранима во всѣхъ предѣлахъ благопристойности и благонравія".

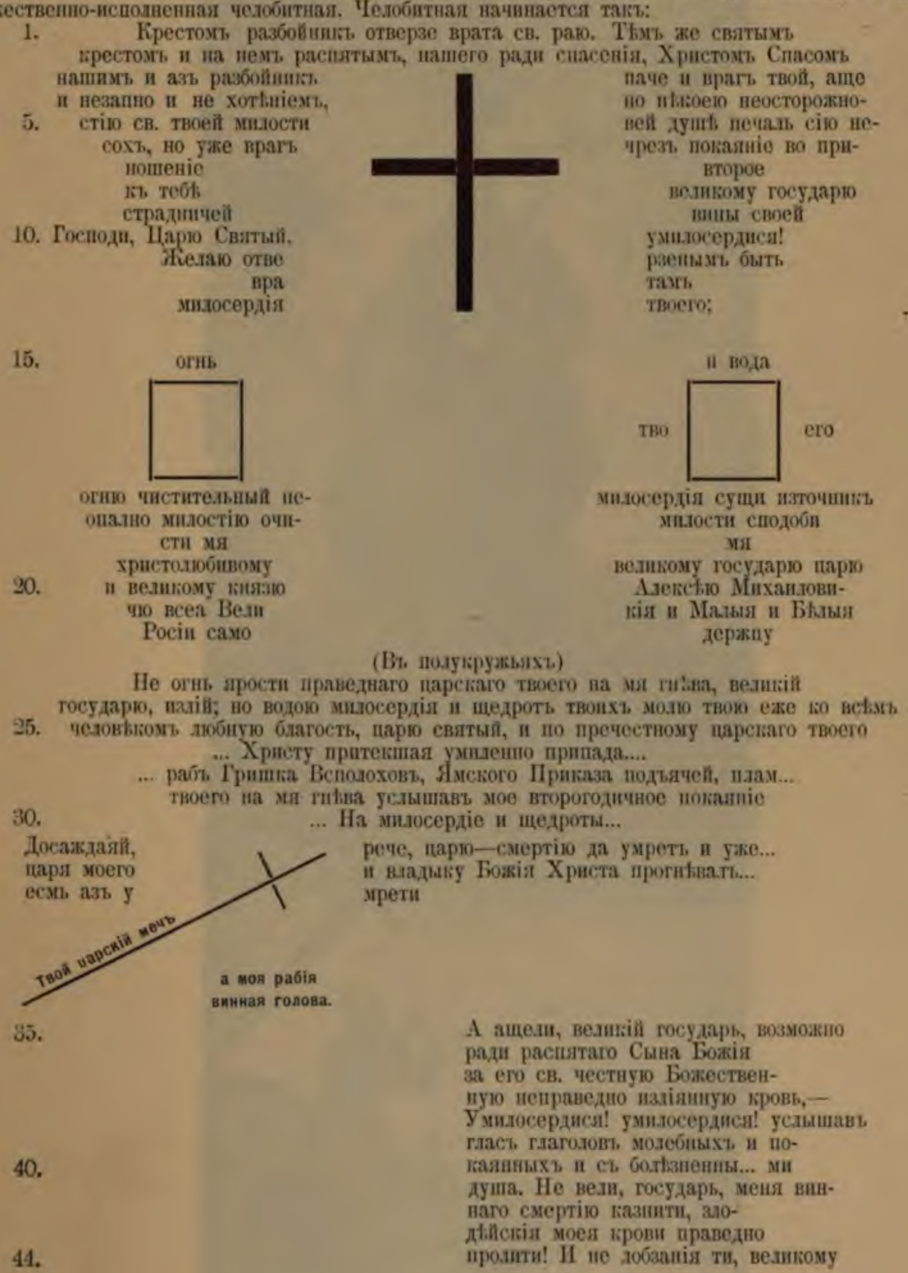
Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, „Ученыя Вѣдомости" не нашли себѣ читателей и прекратились въ половинѣ года. Вѣроятно, Новиковъ не особенно и жалѣлъ объ этомъ, потому что, какъ мы видѣли выше, уже съ 1773 года вниманіе его было поглощено весьма серьезно задачею—печатаньемъ многотомнаго собранія историческихъ матеріаловъ, подъ заглавіемъ: „*Древняя Россійская Вивліоѳика или собраніе древностей Россійскихъ, до Россійской исторіи, географіи и генеалогіи касающихся*" [1]). Чрезвычайно любопытенъ и важенъ для характеристики Новикова и его литературной и издательской дѣятельности тотъ фактъ, что это историческое изданіе не представляетъ собою рѣзкаго перехода или скачка, а только естественный и вполнѣ послѣдовательный выводъ изъ предыдущаго. Въ „Трутнѣ", „Живописцѣ" и „Кошелькѣ" онъ возставалъ противъ пристрастія къ иноземному, противъ преклоненія передъ чужими нравами, обычаями и модами, и всѣми силами старался осмѣять эти недостатки современнаго русскаго общества; въ своемъ новомъ историческомъ трудѣ онъ, исходя изъ тѣхъ же самыхъ побужденій, хочетъ ознакомить своихъ соотечественниковъ съ лучшими сторонами нашей родной старины и, возбудивъ въ нихъ чувство народной гордости, въ немъ создать надежный противовѣсъ пристрастію къ иноземщинѣ. „Не всѣ у насъ еще,—слава Богу!—заражены Франціею; но есть много и такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ читать будутъ описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся; съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ, но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными..."

Екатерина и Новиковъ. Императрица Екатерина, которая много заботилась о подъемѣ народнаго духа и самосознанія, отнеслась чрезвычайно сочув-

[1]) И основная мысль, и даже самое заглавіе этого изданія заимствованы у В. Н. Татищева, который усиленно заботился о томъ, чтобы Св. Синодъ повелѣлъ собирать древніе акты и грамоты по монастырямъ и напечаталъ ихъ «*подъ именемъ Русской Библіотеки*».

ЧЕЛОБИТНАЯ ДЬЯКА ЯМСКОГО ПРИКАЗА ГРИГОРІЯ ВСПОЛОХОВА, ПОДАННАЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЪ 1672 Г.

Челобитная дьяка Всполохова, изданная *fac-simile* въ трудахъ Общества Древней Письменности, представляетъ собою памятникъ въ высшей степени любопытный, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, которое выказываетъ въ дьякѣ весьма искуснаго и толковаго иллюстратора. Къ сожалѣнію, историческое значеніе памятника остается невполнѣ выясненнымъ. Неизвѣстно, за какую именно вину дьякъ Всполоховъ подвергся опалѣ и заточенію; еще менѣе извѣстно, въ какой степени облегченію его участи помогла эта затѣйливая и художественно-исполненная челобитная. Челобитная начинается такъ:



Крестомъ разбойникъ отверзе врата св. раю. Тѣмъ же святымъ
крестомъ и на немъ распятымъ, нашего ради спасенія, Христомъ Спасомъ
нашимъ и азъ разбойникъ
и незапно и не хотѣніемъ,
стію св. твоей милости
сохъ, но уже врагъ
ношеніе
къ тебѣ
страдничей
Господи, Царю Святый.
Желаю отве
вра
милосердія

паче и врагъ твой, аще
по нѣкоею неосторожно-
вей душѣ печаль сію не-
чрезъ покаяніе во при-
второе
великому государю
вины своей
умилосердися!
рзенымъ быть
тамъ
твоего;

огнь

огню чистительный не-
опално милостію очи-
сти мя
христолюбивому
и великому князю
чю всея Вели
Росіи само

и вода

тво его

милосердія сущи источникъ
милости сподоби
мя
великому государю царю
Алексѣю Михаиловн-
кія и Малыя и Бѣлыя
держцу

(Въ полукружьяхъ)
Не огнь ярости праведнаго царскаго твоего на мя гнѣва, великій
государю, излій; но водою милосердія и щедротъ твоихъ молю твою еже ко всѣмъ
человѣкомъ любную благость, царю святый, и по пречестному царскаго твоего
... Христу притекшая умиленно припада....
... рабъ Гришка Всполоховъ, Ямского Приказа подъячей, плам...
твоего на мя гнѣва услышавъ мое второгодичное покаяніе
... На милосердіе и щедроты...

Досаждаяй,
царя моего
есмь азъ у

Твой царскій мечъ

а моя рабія
винная голова.

рече, царю—смертію да умреть и уже...
и владыку Божія Христа прогнѣвать...
мрети

А ащели, великій государь, возможно
ради распятаго Сына Божія
за его св. честную Божествен-
ную неправедно изліянную кровь,—
Умилосердися! умилосердися! услышавъ
гласъ глаголовъ молебныхъ и по-
каянныхъ и съ болѣзненны... ми
душа. Не вели, государь, меня вин-
наго смертію казнити, зло-
дѣйскія моея крови праведно
пролити! И не лобзанія ти, великому

ЧЕЛОБИТНАЯ ГРИГОРІЯ ВСПОЛОХОВА, ДЬЯКА ЯМСКОГО ПРИКАЗА, ПОДАННАЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЪ 1672 Г.

НАЧАЛО.

(Уменьшено въ пять разъ.)

зволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ЧЕЛОБИТНАЯ ГРИГОРІЯ ВСПОЛОХОВА, ДЬЯКА ЯМСКОГО ПРИКАЗА, ПОДАННАЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЪ 1672 г.

Изъ конца челобитной заимствуемъ ту часть, на которой изображена геенна огненная, готовая поглотить несчастнаго, кающагося дьяка. Около изображеній въ этой части челобитной читаемъ:

1170. Оніи Восточніи Царіе къ рождшемуся насъ
ради Христу Богу нашему принесо-
ша дары, злато и ливанъ
и смирну. Ты же,
великій государь,
Восточній царь
и Восто чныя
святыя церкве
сынъ прине-
си то му-жъ
рождше муся
насъ ра ди, и у-
мерше му, и во-
скресше му
Христу Богу
нашему оста-
вленіемъ своимъ
прежде грѣхъ
моихъ въ че сомъ виненъ
я рабъ твой тебѣ великому
государю долга дѣля множестве
нного сребра тво его, и по вѣ-
рнемъ моемъ послуженіи тебѣ великому
государю, обѣщанное воздавше Богу и тебѣ великому государю
отпущеніемъ мене во иночество, сія дары грѣшную мою душу;
поне того ради той Единородный Сынъ и Слово Божія сниде съ небесе.

Господи Царю святый, молюся
И преклоняю грѣшный
И осужденный рабъ твой
Колѣни мысленніи
Вкупѣ же и чувственніи
Ради рождшагося въ Ви-
ѳліемѣ Іюдѣйстемъ,—и убогими
пеленами повившагося и въ скоті

ЧЕЛОБИТНАЯ ДЬЯКА ЯМСКОГО ПРИКАЗА ГРИГОРІЯ ВСПОЛОХОВА, ПОДАННАЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЪ 1672 Г.

КОНЕЦЪ.

(Уменьшено въ два раза.)

зволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ственно къ историческому изданію Новикова и, съ своей стороны, поспѣшила оказать ему возможное содѣйствіе: она не только дала денежную субсидію, пожаловавъ Новикову 2000 р. на это изданіе, но и переслала къ нему, черезъ Козицкаго, много рукописей изъ своей библіотеки; а затѣмъ, особымъ указомъ, повелѣла Мюллеру сообщать Новикову для печатанья въ его „Вивліоѳикѣ" рукописи изъ архива иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ Новикову удалось издать до 20 томовъ „Вивліоѳики" и собрать обширный матеріалъ, послужившій ему для изданія въ свѣтъ другихъ книгъ и сборниковъ по древностямъ русскимъ, географіи и исторіи („Повѣствователь о древностяхъ Россійскихъ", „Древняя Россійская идрографія).

Спасскія казармы, въ Москвѣ, на Садовой—бывшій домъ графа Гендрикова, въ которомъ помѣщалась «Типографическая Компанія».

Долгій и разнообразный литературный, журнальный и издательскій опытъ, въ концѣ концовъ, привелъ Новикова къ очень вѣрному и важному выводу. Онъ убѣдился въ томъ, что „третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются только тѣ книги, которыя попали на вкусъ мѣщанъ... и если простосердечнымъ людямъ нравятся, по ихъ незнанію иностранныхъ языковъ... Напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ". Придя къ этому выводу, онъ рѣшился посвятить всю свою дѣятельность именно этому большинству „простосердечныхъ людей", жаждавшихъ чтенія и знанія, и дѣй-

ствительно, во всю остальную половину своей жизни много потрудился на пользу просвѣщенія именно средняго класса. Развитію и обширному распространенію этой дѣятельности значительно способствовали и нѣкоторыя случайныя обстоятельства, и, болѣе всего, переселеніе Новикова въ Москву, гдѣ онъ встрѣтилъ много сочувствія со стороны общества, нашелъ много сотрудниковъ, полезныхъ для этого дѣла, среди молодежи, а главное—встрѣтилъ Шварца, который окончательно опредѣлилъ и упрочилъ направленіе его дѣятельности [1]). Встрѣча эта и сближеніе со Шварцемъ произошли въ 1779 г., когда Новиковъ переселился въ Москву и взялъ тамъ на откупъ типографію Московскаго университета, на десять лѣтъ, съ правомъ печатать въ ней книги различнаго содержанія.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшему обзору дѣятельности Новикова, въ московскій періодъ его жизни, намъ необходимо будетъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о масонствѣ, которому въ этотъ періодъ Новиковъ предался всей душой и которое, въ свою очередь, оказало весьма важное вліяніе на всю его дальнѣйшую дѣятельность и даже на судьбу его.

Масонство. Тайныя общества, собиравшіяся съ цѣлью взаимнаго религіозно-нравственнаго совершенствованія и посвящавшія себя дѣятельности филантропической или просвѣтительной, носили названіе ***масонскихъ ложъ;*** они явились въ Европѣ не ранѣе, какъ въ первой четверти XVIII вѣка, сначала въ Англіи, потомъ во Франціи и Германіи. Выше уже упоминали мы, что особеннаго развитія достигли они въ половинѣ XVIII вѣка, служа прямымъ и естественнымъ отпоромъ преобладанію въ обществѣ ученія энциклопедистовъ, вырождавшагося въ атеизмъ и вольнодумство. Съ самаго начала своего, масонскія общества усвоили себѣ организацію и символы тѣхъ строительныхъ общинъ, которыя въ средніе вѣка принимали на себя постройку громадныхъ соборовъ и общественныхъ зданій. Эти общины пользовались особыми преимуществами и правами, и потому члены ихъ носили названіе ***вольныхъ каменщиковъ*** (francs maçons, Freimaurer). Въ подражаніе этому и члены новѣйшихъ масонскихъ ложъ называли себя ***масонами*** и ***франкъ-масонами*** [2]), т. е. каменщиками и вольными каменщиками. Впослѣдствіи, когда масонство широко распространилось по всей

---

[1]) Самъ Новиковъ разсказываетъ объ этой встрѣчѣ такъ: «Въ одно утро пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ». Шварцъ, глава московскихъ мистиковъ, окончательно привлекъ Новикова и къ масонству, хотя Новиковъ вступилъ въ масоны уже въ 1775 г., во время пребыванія въ Петербургѣ.

[2]) Отсюда произошло старинное русское слово *фармазонъ*, которое, мало-по-малу, пріобрѣло значеніе укоризненное, почти бранное.

Европѣ, въ различныхъ кружкахъ его стала, мало-по-малу, складываться легенда о мнимой „чрезвычайной древности" происхожденія масонства, которое будто бы явилось еще до Рождества Христова и стояло въ непосредственной связи съ построеніемъ Соломонова храма—перваго храма, воздвигнутаго на землѣ Истинному Богу. Въ соотвѣтствіи съ этою легендою и усвоенными масонствомъ чертами быта средневѣковыхъ строительныхъ общинъ, сложилась вся обрядность и весь символизмъ масонства. Все, что въ средневѣковой старинѣ проявлялось въ видѣ чисто-реальныхъ и вполнѣ осязательныхъ цѣлей и средствъ, въ новѣйшемъ масонствѣ выродилось въ идеалы, въ отвлеченные образы, въ таинственные знаменья и символы. Тѣ общины состояли изъ художниковъ и ремесленниковъ, которые соединялись между собою въ тѣсно-сплоченныя братства для выполненія опредѣленной цѣли—постройки колоссальныхъ готическихъ храмовъ; масонскіе кружки или *ложи* составлялись изъ образованныхъ людей, принадлежавшихъ и къ высшему, и къ среднему сословію, и цѣлью ихъ являлось также „сооруженіе храма", но храма духовнаго, храма добродѣтели, воздвигаемаго постепеннымъ нравственнымъ совершенствованіемъ всѣхъ членовъ кружка, которые, при созиданіи этого духовнаго храма, являлись, такимъ образомъ, *строителями, каменщиками*. Согласно этому воззрѣнію и всѣ тѣ матеріальныя орудія, при помощи которыхъ средневѣковые строители создавали чудеса готики, въ понятіяхъ масоновъ обратились въ отвлеченные символы ихъ духовной дѣятельности, въ вещественные знаки невещественныхъ обязанностей, свойствъ и отношеній. *Молотокъ, циркуль, отвѣсъ, ватерпасъ*—все это получило значеніе отвлеченныхъ обозначеній *порядка, справедливости, равенства* и *братства, прямоты* и *твердости* въ убѣжденіяхъ... Наконецъ, и по самому составу своему, масонскіе кружки подражали составу средневѣковыхъ строительныхъ общинъ, потому что члены каждой масонской ложи дѣлились на *учениковъ, товарищей* и *мастеровъ* [1]), которые всѣ стояли на разныхъ степеняхъ нравственнаго совершенствованія. Сверхъ всего этого, независимо отъ какой бы то ни было связи со средневѣковыми общинами, масонство внесло въ свой обиходъ, съ разныхъ сторонъ, такіе обряды и подробности внѣшней обстановки, которые заключали въ себѣ много страннаго, причудливаго, даже нелѣпаго и, главнымъ образомъ, разсчитаннаго на эффектъ, почти театральный. Этою внѣшнею обстановкою старались воздѣйствовать на воображеніе вступавшихъ въ масонство новыхъ членовъ, а также и придать какъ можно болѣе торжественности всему, что совершалось въ собраніяхъ масонскихъ ложъ. И эта тор-

[1]) Символомъ ученической степени былъ неотесанный булыжный камень; символомъ второй—отесанный камень кубической формы и т. д.

жественность и таинственность, которыми были обставлены всѣ дѣйствія масоновъ, тѣ страшныя клятвы, которыми они себя связывали по отношенію къ своему общему дѣлу и къ храненію въ тайнѣ всего, что происходило въ ложахъ—придавали ихъ ученію и ихъ дѣятельности (въ сущности весьма простымъ и несложнымъ), какой-то особый, заманчивый и внушительный характеръ. Въ масонство вступали съ одинаковыми правами люди всѣхъ партій, всѣхъ образованныхъ слоевъ общества, всѣхъ религіозныхъ толковъ и исповѣданій, всѣхъ національностей—и здѣсь находили себѣ ту нейтральную почву, на которой они не только могли, но и вынуждены были отринуть отъ себя всѣ эти внѣшнія почести и знаки достоинства и проявить себя только „человѣками", въ самомъ лучшемъ, въ самомъ возвышенномъ, духовно-нравственномъ значеніи этого слова.

Домъ Новикова въ с. Тихвинскомъ, въ его настоящемъ видѣ.

Ученіе масоновъ.

Сущность масонскаго ученія была чрезвычайно проста, и стояла въ тѣсной связи съ преобладавшими въ европейскомъ обществѣ XVIII вѣка противоположными философскими теченіями. Съ одной стороны, религіозная сторона масонства выработалась подъ вліяніемъ деизма — той религіи разума, которая на англійской почвѣ явилась естественнымъ слѣдствіемъ нескончаемо-долгихъ религіозныхъ усобицъ, вражды и препирательствъ изъ-за буквы и догмата. Ставя нравственную сущность религіи неизмѣримо выше его догматической стороны, масоны требовали отъ каждаго вступающаго въ ложу только вѣры въ Бога, въ безсмертіе души, въ воздаяніе по заслугамъ въ загробной жизни и признаніе началъ нравственнаго закона, насколько онъ выразился въ общей христіанской морали. Особенное значеніе придавали масоны любви къ ближнему и дѣламъ милосердія, на ней основаннымъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ либеральныхъ идей XVIII вѣка, они съ полнѣйшимъ равнодушіемъ относились ко

всѣмъ внѣшнимъ отличіямъ между людьми: расовымъ, національнымъ, религіознымъ и сословнымъ. Еврей и турокъ, полякъ, французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій — всѣ, по своему человѣческому достоинству, имѣли право на вступленіе въ члены масонскихъ ложъ; графъ и ремесленникъ, князь и купецъ, баронъ и высшій сановникъ, и простой мѣщанинъ—одинаково признанные достойными высокаго призванія масонства — являлись въ ложѣ вполнѣ равноправными ея членами, такъ какъ равенство и братство всѣхъ людей было основнымъ принципомъ масонства. Таковъ

Каменная крестьянская образцовая изба, построенная Новиковымъ въ с. Тихвинскомъ.

былъ характеръ масонства въ первый періодъ его существованія въ Европѣ, когда масонскія ложи, проповѣдуя индифферентизмъ религіозный и національный, настойчиво избѣгали всякаго вмѣшательства въ политику и въ соціальныя условія жизни государства [1]). Съ такимъ характеромъ явилось масонство и въ Россіи, въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и нашло себѣ весьма многихъ послѣдователей въ высшемъ кругу и среди образованнѣйшихъ представителей русскаго общества [2]). Но, несмотря на всю свою безвредность, несмотря на то, что обширная благотворительная дѣятельность масонскихъ ложъ приносила несомнѣнную и весьма существенную пользу русскому обществу, въ самомъ устройствѣ ложъ и въ нѣкоторыхъ сторонахъ масонскаго ученія уже крылись задатки будущихъ столкновеній съ духовен-

[1]) Впослѣдствіи, когда масонство распалось на многія отдѣльныя ученія и толки, нѣкоторыя изъ этихъ масонскихъ ложъ—въ особенности масоны-иллюминаты—стали увлекаться политикой и, заодно съ іезуитами, принимать участіе въ политическихъ интригахъ, чѣмъ и вызвали противъ себя весьма естественныя преслѣдованія со стороны правительствъ.

[2]) Въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка къ масонству принадлежали, напримѣръ, графъ Головкинъ, графы Чернышевы, Иванъ и Захаръ; позднѣе — князь М. Щербатовъ, Ив. Болтинъ, Мелиссино, графъ Р. И. Воронцовъ (отецъ княгини Дашковой); И. П. Елагинъ былъ даже гроссмейстеромъ первой русской ложи, открытой въ 1772 году.

ствомъ и съ правительственною властью. Таинственный мракъ, которымъ масоны прикрывали всѣ свои засѣданія и иныя дѣйствія, давалъ возможность предполагать въ ихъ дѣятельности нѣчто запретное и противозаконное, и весьма удобный поводъ для всякаго рода клеветъ и навѣтовъ со стороны людей, враждебно расположенныхъ къ масонамъ; религіозный индифферентизмъ и его крайняя вѣротерпимость, которыя составляли одну изъ главныхъ основъ масонства, побуждали масоновъ относиться весьма равнодушно къ выполненію обрядовъ церковныхъ — и это возбуждало противъ нихъ духовенство; наконецъ, правительственная власть прямо опасалась тѣснаго единенія различныхъ сословій въ масонствѣ, единенія, вызываемаго однимъ изъ главныхъ масонскихъ догматовъ, и напоминавшаго революціонную формулу „свободы, равенства и братства".

Извращеніе масонства.

Въ довершеніе всего, въ масонство, съ теченіемъ времени, стали закрадываться разныя ученія и предразсудки, очень напоминающіе намъ современный спиритизмъ, съ его продѣлками, фокусами и мнимыми чудесами; масоны стали углубляться въ изъясненіе „таинственныхъ силъ Натуры", мечтать о сношеніи съ духами и всякими невидимыми силами и даже заниматься изысканіями „философскаго камня"—и это подало многимъ поводъ къ осмѣянію масоновъ и къ смѣшанію ихъ съ тою массою обманщиковъ и авантюристовъ, которыми такъ изобиловалъ XVIII вѣкъ въ Европѣ и въ Россіи. Эти увлеченія нѣкоторыхъ масонскихъ кружковъ въ значительной степени способствовали тому, что на масоновъ посыпались отовсюду обвиненія и укоры самаго неказистаго свойства, и сама Екатерина, давно уже подозрительно смотрѣвшая на масоновъ, не пощадила никакихъ красокъ для того, чтобы выставить ихъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ въ своихъ комедіяхъ „*Обманщикъ*", „*Мнимый мудрецъ*" и „*Обольщенный*" и осмѣять ихъ, какъ фокусниковъ, плутовъ и шарлатановъ, наравнѣ съ Каліостро и его послѣдователями. И осмѣяла, и выставила на общій позоръ общества, которыя, въ сущности, по свидѣтельству одного изъ членовъ его, главною цѣлью своего существованія полагали „добродѣтель и стараніе исправлять себя и достигать совершенства при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ въ насъ ея недостаткѣ".

Дружеское Ученое Общество.

Масонство въ этомъ видѣ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мистицизма и обширными видами на разнообразную благотворительную дѣятельность, сильно увлекло Новикова, который введенъ былъ (какъ мы уже видѣли выше) въ кругъ московскихъ масоновъ профессоромъ Шварцемъ, занимавшимъ между ними первенствующее положеніе. Сильный духомъ и словомъ, Шварцъ нашелъ себѣ въ Новиковѣ неутомимаго и талантливаго осуществи-

теля своихъ предначертаній и плановъ. Стараніями и энергіей Шварца добыты были отъ богатыхъ дворянъ средства на учрежденіе „*Дружескаго Ученаго Общества*“, которое было открыто весьма торжественно 6-го ноября 1772 года и поставлено подъ покровительство митрополита Платона и московскаго главнокомандующаго графа З. Г. Чернышева. Тогда же, трудами и работами Шварца, учреждена была при московскомъ университетѣ филологическая (вѣрнѣе сказать, переводческая) семинарія [1]), которая должна была своею дѣятельностью содѣйствовать осуществленію издательскаго предпріятія Новикова, который уже три года содержалъ на своемъ иждивеніи университетскую типографію.

И вотъ, Новиковъ, посвящая всѣ свои силы опредѣленному дѣлу, начинаетъ, по строго обдуманному плану, заниматься издательской и книгопродавческой дѣятельностью. Въ какомъ положеніи находилось это дѣло, можно судить по тому, что сообщаютъ намъ современныя свидѣтельства. Оказывается, что даже въ 1773 году еще не было въ Москвѣ ни одной книжной лавки. Книгами торговали въ толкучемъ ряду, между прочимъ всякимъ товаромъ и хламомъ, раскладывая ихъ на рогожахъ, рядомъ съ пирогами, или „на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ коихъ на день цѣнныхъ собакъ запирали—такъ что и подойти къ нимъ бывало страшно“... Если таково было положеніе книжной торговли въ Москвѣ, то можно себѣ представить, съ какими затрудненіями книги проникали въ провинцію, и какъ высоки были тамъ цѣны на этотъ рѣдкій товаръ.

Приведя университетскую типографію въ отличное состояніе, Новиковъ сталъ въ ней печатать книги и журналы—печатать съ большимъ выборомъ и тонкимъ пониманіемъ потребностей публики, и самую торговлю книгами приводить въ такое положеніе, при которомъ напечатанныя книги могли бы быть непремѣнно распроданы. Въ Москвѣ учредилъ онъ нѣсколько книжныхъ лавокъ; вошелъ въ сношенія и съ провинціей, и основалъ книжные склады въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородицкѣ, Глуховѣ, Кіевѣ, при чемъ Новиковъ чрезъ публикаціи призывалъ всѣхъ, нуждающихся въ книгахъ, обращаться „письменно или самолично въ (его) книжную лавку въ Москвѣ, гдѣ всевозможное вспомоществованіе оказано будетъ; ибо въ оной принято намѣреніе доставить почтеннымъ любителямъ россійской литературы *всевозможную способность въ сообщеніи и всевозможныя выгоды въ цѣнахъ книгъ*“. Дѣло книжное Новиковъ велъ такъ широко, что ради распространенія полезныхъ книгъ находилъ возможнымъ

Новиковъ книгопродавецъ.

---

[1]) Семинарія эта, вѣроятно, произошла изъ того «собранія университетскихъ питомцевъ», которое учреждено было Шварцемъ же въ 1781 году; члены этого собранія должны были составлять изъ своихъ переводовъ и сочиненій журналъ «въ пользу бѣдныхъ».

Любезнѣйшій другъ Михайла Прокофьевичъ.

За письмо, за присланныя переписанныя книги и за черенки покорно и много благодарю; а на мѣсто переписанныхъ посылаю новую и бѣлую бумагу. Она должна быть, какъ вы увидите изъ начальныхъ тетрадей въ двухъ томахъ. Въ оригиналѣ вложены по листамъ записочки, которыя и прошу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вложены, сберечь и по онымъ исполнить. — Радуюсь, что вы довольны садовникомъ: надобно только попугивать; при отпускѣ я ему много говорилъ. Я бы совѣтовалъ вамъ прислать еще одного новаго, котораго бы я велѣлъ учить разводу и хожденію за воздушными деревьями, это особое искусство, и нельзя никакъ одному и оранжерейное и воздушное исправлять, которое нибудь всегда будетъ упущено: я это опытомъ знаю. Дѣтину отъ 16 до 20 лѣтъ: въ два лѣта онъ будетъ вамъ готовъ; если послушаетесь, то послѣ слюбится. — Черенки позасохли, однако по нѣсколькимъ привили. — Болѣзней нашихъ Л. Д. не уменьшенія, но умноженія ожидать надобно. Но я сердечно желаю вамъ облегченія. Что касается до меня, то я не въ состояніи вамъ описать, сколь тягостна была истекающая зима во всѣхъ отношеніяхъ. Кажется, что я во всю жизнь тяжелѣе оной не имѣлъ. Но благодареніе Господу, да будетъ милосердіе его укрѣпляло и давало силы къ перенесенію всего.

Автографъ Н. И. Новикова, изъ собранія П. Я. Дашкова. Первая страница письма.

не только продавать ихъ, но и дарить, и даромъ разсылать по провинціямъ ради рекламы.

Съ этою эпохою блестящаго развитія книгопродавческихъ и издательскихъ дѣлъ Новикова совпало весьма важное правительственное распоряженіе: указъ 15 января 1783 года, составляющій эпоху въ исторіи книжнаго дѣла въ Россіи. По этому указу повелѣно — „не отличать типографіи отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій; каждому позволено по собственной волѣ заводить типогра-

Что касается до желанія вашего, Л. Д., написать вамъ что нибудь по ученію, то сіе оставляю до того времени, пока Господь даруетъ по свѣжее и беспокойнѣе мысли, а теперь крайне раз-строенъ, насилу сіе и то писалъ. Но я бы желалъ лучше, что бы вы слѣдующимъ лѣтомъ пріѣхали къ намъ погостить недѣли на двѣ, управившись съ весеннимъ хозяйствомъ: въ одномъ прежде описавшись объ ономъ: то я увѣренъ, что бы во всѣ жизни вашу разговались о семъ. —

Лобызаю племянницу благодарю за напоминаніе: прошу ее и благовѣрныхъ чадъ за меня. Дѣти и Нат. Ильин. благодарятъ васъ за приписаніе и усердно вамъ кланяются. — Ник. Ив. вашего сосѣда, прошу за меня поцѣловать, и сказать ему, что видно онъ за сватовствомъ позабылъ, что обѣщалъ мнѣ прислать нашихъ по черенковъ. — Прося Л. Д. милосердіе и благословеніе Господне да будетъ съ вами! а съ ними желаю вамъ добраго здоровья и всѣхъ благъ. Есмь навсегда съ искреннею любовью и почтеніемъ,

вашимъ
вѣрнымъ и покорнымъ
другомъ и слугою,
Н Новиковъ.

21 марта 1807.
С. Тихвинское.

Автографъ Н. М. Новикова. Вторая страница того же письма.

фіи, не требуя ни отъ кого разрѣшенія, а только давая о томъ знать Управѣ Благочинія". Дружеское Общество прежде всѣхъ воспользовалось этимъ указомъ и въ томъ же году открыло три новыхъ типографіи, изъ чего мы можемъ заключить, что книжные обороты Общества были весьма значительны въ эту пору.

Изданія Новикова. Издательская дѣятельность Новикова была чрезвычайно разнообразна. Одновременно онъ печаталъ журналы „*Утренній*

Свѣтъ", начатый еще въ 1777 г. въ Петербургѣ и законченный въ Москвѣ въ 1780 году; „*Московское изданіе*"—1781 г., „*Вечерняя Заря*"—1782 г., „*Покоющійся Трудолюбецъ*"—1784 и 1785 гг., нравоучительнаго содержанія, въ которыхъ сотрудниками были студенты московскаго университета, руководимые Шварцемъ и Новиковымъ [1]); печаталъ газету „*Московскія Вѣдомости*" (съ 1779 г.), которую сумѣлъ оживить и сдѣлать настолько занимательною, что подписка на нее поднялась съ 600 экземпляровъ до 4,000. Печаталъ при этихъ „Вѣдомостяхъ" и любопытнѣйшія прибавленія въ видѣ „*Экономическаго магазина*" (съ 1780 г.), составленіе котораго поручилъ А. Т. Болотову, одному изъ образованнѣйшихъ людей своего времени [2]); или же въ видѣ „*Дѣтскаго Чтенія*" (съ 1785 по 1789 годъ включительно), надъ составленіемъ котораго трудились такіе талантливые молодые люди, какъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, А. М. Кутузовъ, Бобровъ, Подшиваловъ, Карамзинъ, и другъ его А. А. Петровъ. Печаталъ и массу другихъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, назидательнаго, общеобразовательнаго характера—печаталъ и такія книги, которыя могли имѣть значеніе только для масоновъ или для тѣхъ, кто интересовался масонствомъ, потому что въ нихъ излагалось ученіе мистицизма или сущность и значеніе масонства и дѣятельность масоновъ (въ родѣ, напримѣръ, „*Божественной метафизики*", „*Духа масонства*", „*Братскихъ увѣщаній*" и т. п.). Однимъ словомъ, чтобы дать понятіе о размѣрахъ издательской дѣятельности Новикова, приведемъ здѣсь слѣдующую любопытную и поучительную цифру: въ отпечатанной Новиковымъ росписи книгъ за 1785 годъ значится 365 заглавій книгъ, отпечатанныхъ въ одной университетской типографіи—да приготовленныхъ къ выпуску въ свѣтъ 55 заглавій. И все это въ періодъ времени между 1779 и 1785 годомъ!

Новиковъ въ немилости. Такая лихорадочная, быстро возраставшая дѣятельность издательская, громадное значеніе общественное, пріобрѣтенное Новиковымъ не только въ Москвѣ, но и во всей грамотной Россіи, его обширныя связи во всѣхъ слояхъ общества, разнообразная дѣятельность его кружка, который, рядомъ съ типографіями и книжными складами, заводилъ и аптеки, безвозмездно отпускавшія лѣкарство бѣднымъ, и обладалъ, повидимому, неистощимыми матерьяльными средствами — все это, вмѣстѣ взятое, побудило Екатерину отнестись къ Новикову съ нѣкоторою подозрительностью и недоброжелательно взглянуть на этого чистаго и безко-

---

[1]) Среди нихъ встрѣчаемъ Антоновскаго, Максимовича, Давыдовскаго, Могилевскаго, Лобзико, Пельскаго, Подшивалова, Сохацкаго, Сафоновича и др., впослѣдствіи составившихъ себѣ имя въ литературѣ.

[2]) Это тотъ самый А. Т. Болотовъ, который прославился своими знаменитыми мемуарами.

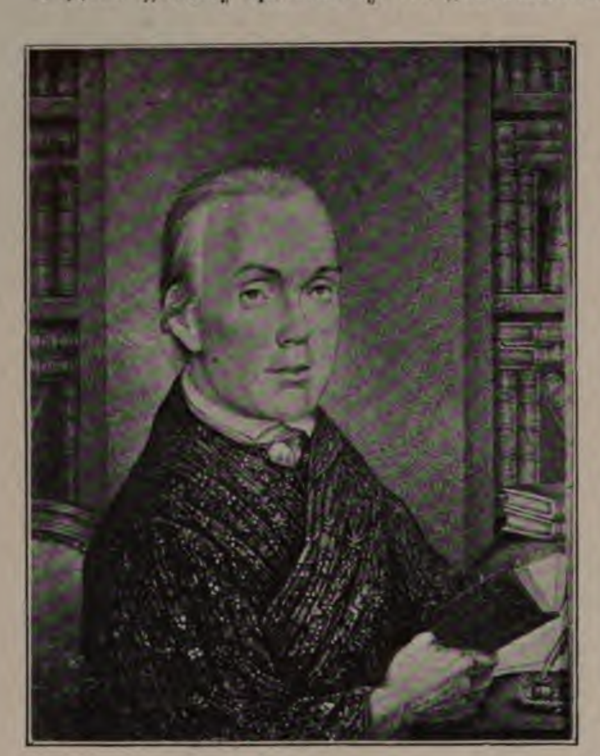
рыстнаго дѣятеля, можетъ-быть, только потому, что онъ принадлежалъ къ масонству, которое издавна не пользовалось расположеніемъ Екатерины. Уже съ 1874 г. начались придирки и привязки къ нѣкоторымъ сторонамъ дѣятельности Новикова и его „типографической Компаніи". Но друзья Новикова, И. П. Тургеневъ и С. И. Гамалѣя (оба масоны) кое-какъ сумѣли отстоять его и защитить отъ несправедливыхъ притязаній мѣстныхъ московскихъ властей. Но дѣло на этомъ не остановилось; въ 1785 г. Новиковъ былъ привлеченъ къ допросу „о причинахъ, побудившихъ его издавать странныя книги, исполненныя новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ"... Самыя же книги были поручены разсмотрѣнію московскаго митрополита Платона, котораго императрица Екатерина просила убѣдиться „не скрывалось-ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами православія и гражданской должности". Призванный къ допросу Новиковъ показалъ, что книги онъ печаталъ не иначе, какъ „съ дозволенія цензуры", и намѣренья притомъ никакого иного не имѣлъ, „кромѣ того, чтобы по силамъ его и по возможности приносить трудами пользу отечеству чрезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами невозбраняемый прибытокъ". Отзывъ митрополита Платона о книгахъ Новикова и о немъ самомъ дышалъ тѣмъ великодушіемъ, благородствомъ и справедливостью, которыми во всю жизнь свою отличался этотъ знаменитый пастырь Церкви. „Молю Всещедраго Бога" — такъ писалъ Платонъ Екатеринѣ — „чтобы не только въ православной

Платонъ (Левшинъ), митрополитъ московскій.

паствѣ, Богомъ и тобою мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковы, какъ Новиковъ".

Погромъ Новиковскихъ предпріятій.

На нѣкоторое время Новикова, какъ будто, оставили въ покоѣ; но надъ нимъ зорко наблюдали, и надъ головою его, видимо, собиралась гроза... Въ 1789 г. окончился контрактъ Новикова съ университетскою типографіею, которую Екатерина не дозволила отдать „этому фанатику"... „Московскія Вѣдомости" перешли къ другой редакціи. „Дѣтское Чтеніе" прекратилось... Видимо опасаясь возможныхъ случайностей, Новиковъ сталъ сокращать кругъ своей дѣятельности, такъ какъ надъ всею общественною жизнью Россіи уже тяготѣла наступившая реакція, нѣкоторымъ оправданіемъ которой служили событія, совершившіяся на Западѣ, гдѣ уже революція была въ полномъ разгарѣ. Въ 1791 г. Типографическая Компанія прекратила свою дѣятельность; а въ апрѣлѣ 1792 года и типографіи, и книжные магазины Новикова были закрыты и опечатаны; самъ онъ былъ арестованъ въ своей подмосковной деревнѣ и отвезенъ, подъ сильнымъ конвоемъ (и притомъ окольнымъ путемъ—черезъ Ярославль и Тихвинъ), въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и оставался въ заточеніи пять лѣтъ сряду[1]). Многіе члены общества, наиболѣе близкіе къ Новикову, также пострадали: одни были сосланы на житье въ деревни, другіе — раззорены, потерявъ тотъ капиталъ, который вложенъ былъ ими въ типографическую компанію. Книжные склады компаніи разбирались много лѣтъ сряду: часть книгъ была сожжена, другая распродана за безцѣнокъ. Все имущество компаніи и капиталы,



С. И. Гамалѣя, писатель-масонъ, ближайшій другъ Новикова.

[1]) Предполагаютъ, что на этотъ послѣдній исходъ преслѣдованій Новикова повліяли, отчасти, интриги іезуитовъ, которые злобствовали противъ Новикова за изданную имъ «Исторію Іезуитскаго ордена»; книга эта, притомъ же, вышла въ свѣтъ какъ нельзя болѣе некстати, въ то именно время, когда императрица Екатерина приняла іезуитовъ подъ свое покровительство.

порученные Новикову частными лицами, „на вспомоществованіе его неистовымъ дѣламъ" (!) — такъ гласитъ офиціальный документъ—отобраны въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Такое тяжелое бѣдствіе, постигнувшее одного изъ благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей Екатерининскаго времени, повергло всѣхъ въ уныніе; но самъ Новиковъ сносилъ свою невзгоду съ изумительнымъ терпѣніемъ, спокойствіемъ и твердостью...

Императоръ Павелъ I, тотчасъ по воцареніи, освободилъ Новикова изъ его заточенія, призвалъ къ себѣ, обласкалъ, обѣщалъ вознаградить его за всѣ потери. Новиковъ отказался отъ всякаго вознагражденія, и возвратился въ свое Тихвинское, „дряхлъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ". Великою утѣхою ему была та безкорыстная радость, съ которою его встрѣчали не только его собственные крестьяне, но и крестьяне сосѣднихъ деревень, вспоминая его благодѣянія въ голодные годы. Конфискованное имущество Компаніи и капиталы были ему возвращены, но онъ отдалъ все это главному кредитору на удовлетвореніе остальныхъ. Ему пришлось вскорѣ заложить даже и свое имѣнье, и бѣдствовать въ большой нуждѣ до конца жизни... Но ничто не могло сокрушить его духа и измѣнить его воззрѣній на жизнь и на обязанности

Новиковъ въ гробу—съ современнаго карандашнаго рисунка, въ собраніи П. Я. Дашкова.

человѣка и гражданина... Проводя послѣдніе годы жизни съ другомъ своимъ, С. И. Гамалѣей, онъ продолжалъ трудиться надъ обширнымъ сочиненіемъ мистическаго содержанія. Опасаясь что-либо печатать, друзья терпѣливо переписывали свой многотомный трудъ и украшали страницы его чертежами и рисунками. Еще не задолго до кончины, Новиковъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „Стòитъ общими силами стараться изслѣдовать, не раздѣлились ли мы въ томъ духѣ, въ которомъ обѣщались жить и умереть? Сей-ли духъ и понынѣ насъ одушевляетъ? И ежели это такъ, то я вѣрю отъ всего сердца моего, что молитва наша, вѣрно, будетъ услышана, и скоро, скоро воспослѣдуетъ помилованіе“...

Церковь въ с. Тихвинскомъ. Мѣсто погребенія Новикова.

Онъ скончался 31-го іюля 1818 г., на 76-мъ году отъ рожденія, и погребенъ въ приходской церкви своего родного села. Безпристрастный біографъ его замѣчаетъ очень мѣтко и справедливо, что Новиковъ „умѣлъ сдѣлаться силой въ такую эпоху, когда сила пріобрѣталась только чисто-государственными заслугами или придворнымъ случаемъ; а онъ не опирался ни на то, ни на другое. И едва ли не въ немъ первомъ высказалась сила общественная, независимая отъ Двора и высшаго управленія“... И заслуги этой силы, этого твердаго, благороднаго и неутомимаго дѣятеля на поприщѣ русскаго просвѣщенія такъ велики, что заслуживаютъ памятника.

Масонскіе знаки, хранящіеся въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Журналы Екатерининскаго времени.—Три рѣзко-замѣтные періода въ ихъ развитіи.—Важнѣйшія направленія.—Современные журнальные обычаи и общепринятыя формы журнальныхъ статей.—Журнальная полемика и главные мотивы журнальной сатиры.—Масонскіе журналы.—Журналы конца XVIII вѣка.

Выше мы уже видѣли, какъ зарождалась и развивалась наша журналистика въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Развивалась туго, медленно, — бѣдная, безсодержательная, преимущественно пробавляясь переводами или передѣлками съ иностранныхъ образцовъ. Видно было, что въ журналистикѣ, способствующей живому обмѣну мыслей, никто еще не нуждался, что выходившіе въ свѣтъ журналы представляли собою скорѣе личную прихоть издателя, нежели удовлетвореніе потребности общества въ разнообразномъ, освѣжающемъ чтеніи, возбуждающемъ интересъ новизною и занимательностью содержанія. Неоднократно, въ тѣхъ главахъ, гдѣ мы говорили о Сумароковѣ, Екатеринѣ, Фонвизинѣ и Новиковѣ, и ихъ литературныхъ трудахъ, мы упоминали и о различныхъ журналахъ, въ которыхъ они, вмѣстѣ съ другими писателями, принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Въ настоящей главѣ мы дадимъ полный обзоръ всей журналистики Екатерининскаго времени, какъ явленія весьма важнаго въ области развитія литературныхъ воззрѣній и отношенія писателей къ переживаемой ими дѣйствительности. Эта дѣйствительность, полная событій первостепенной важности, пестрая, разнообразная, обильная славой и подвигами въ внѣшней политикѣ Россіи и не менѣе богатая новыми явленіями въ области внутренной жизни—должна вызвать, и вызвала сильное движеніе литературное, которое выразилось въ безпримѣрно-быстромъ и богатомъ развитіи литературы и журналистики. И эта литература въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, какъ и эта журналистика въ своихъ наиболѣе видныхъ органахъ, представляетъ самое осязательное доказательство того, что самосознаніе и самостоятельная работа мысли возрастали въ русскомъ обществѣ съ поразительною, безпримѣрною быстротою... Любопытнымъ и поучительнымъ памятникомъ этой работы мысли и народившейся въ Екатерининское время потребности въ ея частомъ обмѣнѣ — служатъ тѣ сорокъ журналовъ, которые намъ остались отъ этой эпохи...

Форма журнала. Само собою разумѣется, однакоже, что, говоря объ этихъ сорока журналахъ, мы не должны себѣ представлять тотъ типъ толстаго ежемѣсячника, который выработался у насъ не ранѣе конца 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; журналы Екатерининскаго времени представляли собой листы, выходившіе ежемѣсячными выпусками и только къ концу года составлявшіе довольно

объемистую книжку небольшого формата и крупной печати. По составу своему, они тоже ничего не имѣли общаго съ нынѣшними журналами, которые, издаваясь книжками или нумерами, постоянно подраздѣляются на опредѣленное количество отдѣловъ, въ извѣстной системѣ и послѣдовательности. Подборъ матерьяла въ журналахъ прошлаго вѣка, повидимому, былъ совершенно случайный и не подчинялся никакой системѣ. Всѣ они (за весьма малыми и ничтожными исключеніями) были не болѣе какъ сборники различнаго литературнаго матерьяла, стихотворнаго и прозаическаго, и всѣ предназначались для легкаго, занимательнаго чтенія. Хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что образцомъ для многихъ журналовъ Екатерининскаго времени служили современные журналы французскіе, нѣмецкіе и англійскіе, однакоже, болѣе значительное вліяніе на ихъ внѣшнюю форму и внутреннее содержаніе должны были оказать первые русскіе журналы: — „*Ежемѣсячныя сочиненія*“ Мюллера и „*Трудолюбивая Пчела*“ Сумарокова, съ внѣшностью которыхъ мы уже имѣли возможность ознакомиться выше. Они-то и явились образцами для журналовъ Екатерининской эпохи, и большинство ихъ послѣдовало этимъ двумъ типамъ. Одни пытались соединить полезное съ пріятнымъ; другіе ограничивались только однимъ матерьяломъ для легкаго и забавнаго чтенія. Важно, однакоже, то, что въ эпоху, предшествующую царствованію Екатерины, журналы являлись, большею частью, предпріятіями только казенными, принадлежностью опредѣленнаго вѣдомства или учрежденія, какъ, напр., „*Московскія Вѣдомости*“ при московскомъ университетѣ, или „*Праздное время въ пользу употребленное*“ — при Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, какъ „*Ежемѣсячныя сочиненія*“ при Академіи Наукъ и т. п. Исключеніе составляла только „*Трудолюбивая Пчела*“ Сумарокова. Напротивъ того, всѣ журналы Екатерининскаго времени, кромѣ „*Собесѣдника любителей россійскаго слова*“, были предпріятіями частными, подобно журналу Сумарокова, и являлись выразителями мнѣній и воззрѣній опредѣленныхъ партій, опредѣленныхъ кружковъ, иногда даже отдѣльныхъ лицъ.

Журнальные обычаи того отдаленнаго отъ насъ времени также нимало не походили на нынѣшніе. Не существовало никакого различія между издателемъ и редакторомъ: кто давалъ средства на изданіе, кто принималъ на себя нравственную отвѣтственность за него, тотъ былъ одновременно и редакторомъ, и издателемъ. Начиная издавать журналъ, выпуская уже въ свѣтъ его первый нумеръ, никто и не думалъ объявлять на него подписки, а назначалъ только продажную цѣну каждаго отдѣльнаго нумера, и если продажа шла бойко и отдѣльные номера изданія распродавались безъ остатка, издатель перепечатывалъ изданіе вновь или вносилъ изъ него лучшія части въ изданіе слѣдующаго журнала.

Такъ, напр., поступилъ Новиковъ: перепечатывая свой „Живописецъ" вторымъ или третьимъ изданіемъ, онъ включилъ въ эти изданія и тѣ статьи изъ „Трутня" (прежняго своего журнала), которыя особенно нравились публикѣ. Вообще говоря, большинство журналовъ того времени болѣе напоминали собою альманахи или сборники, выходившіе ежемѣсячными выпусками, нежели журналы въ настоящемъ значеніи этого слова. Ни одинъ изъ редакторовъ-издателей того времени, замѣтимъ кстати, не заботился о долговѣчности своего журнала и, если журналъ доживалъ до конца года или переходилъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ другой годъ, то это ужъ считалось крупнымъ успѣхомъ. Иные журналы существовали всего нѣсколько мѣсяцевъ и прекращались, не заслуживъ никакого вниманія со стороны публики; но это нимало не служило препятствіемъ къ тому, чтобы тотъ же редакторъ-издатель возобновилъ свой органъ немного спустя, подъ другимъ, болѣе заманчивымъ заглавіемъ—и добился своего желаннаго успѣха.

Отношенія редактора-издателя къ сотрудникамъ тоже были довольно своеобразны: ни о какомъ гонорарѣ не было и помина. Каждый пишущій считалъ для себя за особенную честь и удачу, если его статья появлялась на страницахъ того или другого журнала, и вполнѣ довольствовался нѣсколькими оттисками статьи или нѣсколькими экземплярами журнала, какъ вознагражденіемъ за свое произведеніе. Притомъ весьма немногіе сотрудники рѣшались выступить на страницахъ журнала съ открытымъ забраломъ шлема и подписываться подъ статьями полнымъ именемъ: предпочитались или весьма темныя сокращенія фамилій, или псевдонимы, въ родѣ: Правомыслова, Неспускалова, Правдолюбова, Людоглота и т. п. Есть основаніе думать, что псевдонимы были въ модѣ, потому что чрезвычайно скудны были силами журнальные кружки прошлаго вѣка: а псевдонимъ давалъ возможность одному и тому же лицу являться на страницахъ того или другого журнала подъ различными личинами. Впрочемъ, легко можетъ быть, что обилію псевдонимовъ способствовали, до нѣкоторой степени, и другія условія: напр., желаніе высказаться, не стѣсняясь отношеніями, или даже желаніе вообще утаить отъ всѣхъ свое участіе въ литературѣ, которое многихъ еще способно было смущать [1]). Отчасти, впрочемъ, псевдонимы могли быть и просто модою, перенятою изъ западной журналистики, тогда изобиловавшей псевдонимами.

---

[1]) На это встрѣчается намекъ въ одномъ изъ современныхъ журналовъ: «нѣкоторые думали (доселѣ), что дворянину стыдно присваивать себѣ имя писателя. Не стыдятся того вѣнчанныя главы, ни важные министры, о пользѣ государства пекущіеся; а наши дворяне симъ титломъ гнушаются».

Три періода журналистики.

Въ исторической послѣдовательности своего развитія журналистика Екатерининскаго времени пережила три довольно опредѣленныхъ періода. Первый—отъ 1769 по 1774 годъ—періодъ расцвѣта и оживленія, богатый проявившимися силами и преимущественно сатирическій,—періодъ „*Всякой Всячины*", „*Трутня*" и „*Живописца*". Второй наступилъ въ началѣ 80-хъ годовъ — болѣе серьезный, значительно-понизившій тонъ своей сатиры, съ которою рядомъ явилось и назиданіе; начался онъ „*Собесѣдникомъ любителей россійскаго слова*" и закончился масонскими журналами. Третій періодъ—въ 90-хъ годахъ — весь наполненъ журналами Крылова и Карамзина, представляющими рѣзко выраженныя, противоположныя литературныя теченія.

Родоначальницею всѣхъ журналовъ собственно Екатерининскаго времени явилась „*Всякая Всячина*", издававшаяся подъ редакціею секретаря императрицы Козицкаго [1]) и при весьма дѣятельномъ, хотя и негласномъ участіи самой Екатерины. Съ легкой руки „Всякой Всячины", въ началѣ 1769 года явился уже и другой еженедѣльникъ „*И то и се*", издававшійся подъ редакціею II. Д. Чулкова; вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ февраля, Рубанъ сталъ издавать еще одинъ еженедѣльникъ, который въ противоположность Чулковскому названъ „*Ни то, ни се*". Въ мартѣ того же года явилась *Поденьщина* В. Тузова, впрочемъ, просуществовавшая только до 5-го апрѣля; въ апрѣлѣ стала издаваться „*Смѣсь*" (редакторъ-издатель ея остался неизвѣстенъ); въ маѣ — „*Трутень*" Новикова, а въ іюлѣ — „*Адская почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ*", которую издавалъ Ѳ. Эминъ. Итакъ, въ теченіе одной первой половины 1769 г. въ Петербургѣ появилось разомъ семь журналовъ!

Журналы и публика.

Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что публика, нимало не подготовленная къ такому оживленію журналистики, оказалась, однакоже, гораздо болѣе разборчивой, нежели бы можно было того ожидать. Далеко не всѣ журналы имѣли успѣхъ; положительно нравились только тѣ, которые были болѣе содержательны и отличались большою ѣдкостью сатирическаго отношенія къ современности. Не менѣе любопытно и то, что всѣ эти журналы явились въ Петербургѣ, а въ Москвѣ не было ни одного подобнаго имъ ежемѣсячника. „*Трутень*" весьма остроумно замѣчаетъ по этому поводу: „въ Москвѣ и по сіе время ни одного такого изъ типографіи не вышло листочка, да и напечатанные въ Петербургѣ журналы читаютъ не многіе. Старой, но весьма разумной нашъ мѣщанинъ Правдинъ о семъ заключаетъ, что Москва

[1]) Имя Козицкаго, вмѣстѣ съ именемъ Мотониса, мы уже встрѣчаемъ въ числѣ сотрудниковъ «Трудолюбивой Пчелы» Сумарокова.

къ украшенію тѣла служащія моды принимаетъ гораздо скорѣе украшающихъ разумъ, и что Москва также, какъ и престарѣлая кокетка, сатиръ, но свои нравы читать не любитъ.“

Эта *„сатира на нравы“* явилась до такой степени преобладающимъ интересомъ новыхъ журналовъ, что большее или меньшее ея преобладаніе въ томъ или другомъ журналѣ обезпечивало ему вѣрный успѣхъ. *„Всякая Всячина“*, умѣренная и осторожная въ своей сатирѣ, набрасывала первоначально очень безобидную и немногосложную програму: „....показать, первое, что люди иногда могутъ быть приведенными къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—давать людямъ наставленія, забавляя ихъ, и третіе—говорить русскимъ о русскихъ и не представлять имъ умоначертаній, кои они не знаютъ“. Но эта скромная программа оказалась вскорѣ неудовлетворяющею потребностямъ большинства, и журналы, нимало не стѣсняясь ею, стали болѣе и болѣе усиливать рѣзкость своей сатиры. Это пришлось не по вкусу *„Всякой Всячинѣ“* и она попыталась-было стать во главѣ журнальнаго движенія, попыталась руководить имъ, направлять его. Поддерживая общій всѣмъ журналамъ того времени шутливый тонъ, „Всякая Всячина“ поспѣшила объявить себя родоначальницей всѣхъ журналовъ, явившихся въ свѣтъ послѣ нея, настоятельно намекая на то, что она между ними старшая и всѣ должны слѣдовать ея примѣру. Однакоже, журналы не поддались этому непрошенному руководству и очень рѣзко отказались отъ какой-либо солидарности со „Всякой Всячиной“, намекая на то участіе, которое въ этомъ журналѣ принимаютъ „знатные господа и высокопоставленныя персоны“. На эти рѣзкія выходки „Всякая Всячина“ съ гордостью отвѣчала, что приняла за правило — „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки“, и заявила, что будетъ держаться въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности слѣдующихъ основаній:

„1) Никогда не называть слабости порокомъ; 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобы людей совершенныхъ найти можно было, а для того 4) просить Бога, чтобы далъ духъ кротости и снисхожденія“.

Полемика журнальная.

Въ отвѣтъ на такую программу дѣятельности, очевидно, навязываемую „Всячиной“ остальнымъ журналамъ, въ „Трутнѣ“ появилось письмо Правдолюбова (псевдонимъ) съ очень сильными возраженіями и слишкомъ ясными намеками на личности. Тутъ ужъ и „Всякая Всячина“ не выдержала своей программы и отвѣчала такими же рѣзкостями. „Г. Правдолюбовъ, исключая снисхожденіе, истребляетъ милосердіе. Думать надобно, что ему хотѣлось бы за все да про все кнутомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавъ его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары и желчь не оказались даже на бумагѣ, до

МЕШЕНИНА

КАТОНОСКАРРОНИЧЕСКАЯ:

сочинение періодическое въ стихахъ выходящее въ свѣтъ для забавы покровителей наукъ, знатоковъ и охотниковъ.

POST FESTUM!

то есть:

по автора переводу съ прибавленіемъ, распространеніемъ, примѣчаніями и прочее.

Пословица есть русска; послѣ ужины горчица,
Но думаю, что можно въ день простой. и въ праздникъ бриться,
Такъ съ новымъ годомъ въ масленицужъ можно поздравлять.
Нѣтъ ничево, что мы ужъ далѣко въ Генварѣ,
Хоть двадесятое число ужъ въ Календарѣ.
Смѣяться будутъ, но не поздо всѣмъ добра желать.
Какъ?... что?... такъ поздо! нѣкоторые на Автора вскричатъ.
Потише! господа; читайте перьвую страницу;
Охотники наукъ, найдете перцу и горчицу,
Найдете des bon-bons и далѣ будете читать,
Охотница моя вить Муза до конфектовъ лакомиться;
И потому васъ потчивать каждая страница.
Не меньше на листѣ ума и разума пять унцъ.

Нѣкто.

Кто сочинитель?

Авторъ.

Знающей меня риемачь,
У коего печется риема, какъ калачь,
Отвѣтствуетъ: на унцъ по риемѣ Авторъ. . .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
въ Генварѣ 1773 года.

Титульный листъ „Мешенины". По весьма рѣдкому экземпляру, хранящемуся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

ИРТЫШЪ

ПРЕВРАЩАЮЩІЙСЯ ВЪ ИПОКРЕНУ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,

издаваемое

отъ

Тобольскаго главнаго народнаго училища.

МѢСЯЦЪ СЕНЬТЯБРЬ

1789 года.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома находить.

Ода къ Фелицѣ напечат. въ 1 част. соб. люб. рос. сл.

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,

въ Типографіи Тоб. купца Вас: Корнильева.

„Иртышь“, по снимку, принадлежащему П. Я. Дашкову.

коей онъ дотрогивается“ [1]). Смѣлый „Трутень“, однакоже, не остался въ долгу у „Всячины“ и помѣстилъ на своихъ страницахъ другое письмо Правдолюбова, еще болѣе задорное, съ еще болѣе прозрачными намеками. „Госпожа „Всякая Всячина“ на насъ прогнѣвалась и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами; но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. *Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ статей обстоятельно разумѣть не можетъ*. Ежели я написалъ, что болѣе человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа *Всякая Всячина* такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, если кто ее не похвалитъ“. Въ эту полемику между „Трутнемъ“ и „Всякой Всячиной“ мало-по-малу вступились и другіе журналы: „Смѣсь“ и „Адская почта“ приняли сторону „Трутня“: а журналъ „И то и се“—сталъ отстаивать „Всячину“. „Смѣсь“, отрекаясь отъ родства со „Всякой Всячиной“, рѣшилась прямо утвержать, что „*внучата ея* (т. е. всѣ остальные журналы) поразумнѣе бабушки“ и восклицаетъ: „Пора бы вамъ, господа внучата и племянники извѣстной здѣсь старушки, попросить нашу бабушку, чтобы она въ листкахъ своихъ получше наблюдала постоянство, старости ея лѣтъ приличное; а то она нынѣ, какъ молодое пиво бродитъ. и на одномъ основаніи мыслей своихъ остановить не можетъ. Прежде божилась она, что будетъ исправлять пороки и никакого автора не тронетъ; но послѣ, будучи въ томъ крѣпко увѣрена, что мертвые на критики не отвѣчаютъ, такъ было привязалась къ „Телемахидѣ“, что едва сію ворчливую старушку отъ „Телемахиды“ отогналъ кто-то, ей письмомъ своимъ доказавшій, что авторъ сей книги... много отечеству полезныхъ книгъ перевелъ и листками „Всякой Всячины“ поврежденъ быть не можетъ“.

Однимъ словомъ, въ этомъ журнальномъ движеніи, которое такъ быстро проявилось и разрослось, выразилась та же сила общественнаго самосознанія, которая проявилась и въ Комиссіи по составленію Новаго Уложенія; какъ тамъ пришлось отказаться отъ прекраснаго замысла, потому что онъ сталъ разрастаться гораздо шире предѣловъ, предначертанныхъ Екатериной; такъ и здѣсь, простыя литературныя забавы неожиданно привели къ полемикѣ, затрогивавшей серьезные вопросы и личности.

Само собою разумѣется, что такая полемика не могла про-

---

[1]) Эта рѣзкая выходка «Всячины» можетъ быть пояснена только тѣмъ, что за спиною Козицкаго, въ этомъ журналѣ, скрывалась сама Екатерина. То же было и съ другой стороны: сохранилось преданіе, будто въ «Трутнѣ» Новикова живѣйшее участіе принимала княгиня Е. Р. Дашкова и М. Л. Воронцовъ.

должаться, и журналы, въ концѣ года (1769), одинъ за другимъ, прекратили свое существованіе, можетъ быть и противъ воли. Всѣхъ пережили только два журнала: ***Всякая Всячина*** и ***Трутень.*** Первая въ 1770 году выдавала „Барышекъ Всякія Всячины", т. е. сборникъ оставшихся отъ прошлаго года статей; а „Трутень" хотя и выходилъ въ свѣтъ, но уже совершенно безцвѣтный и безхарактерный: онъ не помѣщалъ болѣе никакихъ сатирическихъ статей и не вступалъ ни въ какую полемику... Однакоже, видимо желая пояснить своимъ читателямъ, что его воздержаніе — не произвольное, а вынужденное, „Трутень" помѣщалъ на своихъ страницахъ письма, въ которыхъ будто бы разныя лица и съ разныхъ сторонъ обращались къ нему съ такого рода запросами: „Господинъ Трутень. Кой чортъ? Что съ тобою сдѣлалось? Ты совсѣмъ сталъ не тотъ. Развѣ тебѣ наскучило, что мы тебя хвалили, и захотѣлось послушать, какъ станемъ бранить?" Или въ такомъ родѣ: „Г. Новый Трутень! преобразись въ старого, а то вѣдь, я чаю, ты, бѣдненькій, остался въ накладѣ: мнѣ сказывалъ твой книгопродавецъ, что нынѣшняго года листовъ не покупаютъ и въ десятую долю противъ прежняго". И т. д.

Одновременно съ упомянутыми выше журналами издавались и другіе, менѣе замѣтные и менѣе содержательные: „*Парнасскій Щепетильникъ*" Чулкова (1770 г.), а затѣмъ „*Трудолюбивый Муравей*" Рубана (1771 г.) [1]), „*Полезное съ Пріятнымъ*" (1769 г.), „*Пустомеля*" (1770 г.) и „*Вечера*" (1772 г.)—неизвѣстно кѣмъ издававшіеся. Въ томъ же 1772 году вышелъ въ свѣтъ знаменитый журналъ Новикова „*Живописецъ*"; за нимъ „*Мешенина Катоноскарроническая*" (редакторъ-издатель неизвѣстенъ) и, наконецъ, „*Кошелекъ*", опять-таки журналъ Новикова. Имъ собственно и заканчивается первый періодъ журналистики Екатерининскаго времени.

Изъ всѣхъ этихъ журналовъ, внимательнѣе и подробнѣе остановимся только на „*Живописцѣ*" Новикова, какъ на типическомъ представителѣ журнальной сатиры Екатерининскаго времени, и ознакомимъ нашихъ читателей съ современной журнальной сатирой хотя бы на столько, на сколько мы въ этой же главѣ уже ознакомили ихъ съ современной журнальной полемикой. **Журналъ «Живописецъ».**

И формы этой сатиры, и тэмы ея не отличались разнообразіемъ. По отношенію къ внѣшней формѣ это были статьи въ видѣ „писемъ" къ редактору журнала изъ провинціи или „иносказательныя восточныя повѣсти", „разговоры въ царствѣ мертвыхъ", „разсказы и сновидѣнія", „сатирическія публикаціи", сатирическія „заповѣди", „словари" и „лѣчебники", нѣсколько позднѣе ввелась форма „вопросовъ и отвѣтовъ"—нѣчто въ родѣ діалога.

---

[1]) Вышеупомянутый нами журналъ Рубана «Старина и Новизна» (1772—1773), издававшійся въ это же время, по содержанію стоитъ особнякомъ.

Въ этой формѣ журнальная сатира направлялась почти исключительно на осмѣяніе неразумнаго пристрастія ко всему иноземному, жестоко бичевала распущенность нравовъ, взяточничество и подкупность судей и подьячихъ, глубокое невѣжество, еще царившее въ провинціальной глуши, и жестокость помѣщиковъ въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ.

Собственно говоря, „Всякая Всячина", въ качествѣ журнала, въ которомъ за спиною офиціальнаго редактора укрывались „знатные господа и высокопоставленныя персоны", касалась послѣдняго пункта очень осторожно, слегка, и какъ бы мимоходомъ... Но горячая и задорная сатира „Трутня" и „Живописца" останавливалась на щекотливомъ вопросѣ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ весьма настойчиво и упорно. Замѣтимъ кстати, что чрезвычайная односторонность и ограниченность круга вопросовъ, въ которыхъ постоянно вращается русская журнальная сатира Екатерининскаго времени, едва ли не были вызываемы извѣстными условіями времени, независѣвшими отъ журналовъ... По крайней мѣрѣ мы никакъ не можемъ себѣ представить, чтобы такой острый и многосторонній наблюдатель русской жизни, какъ Новиковъ, могъ ограничить свою наблюдательность только четырьмя-пятью пунктами въ окружавшей его дѣйствительности и только на нихъ и обращать жало своей сатиры, какъ будто въ русской жизни, современной ему, не было гораздо болѣе вопіющихъ золъ, чѣмъ осмѣиваемая имъ галломанія или взяточничество подьячихъ? Другіе виды зла несомнѣнно существовали на глазахъ у всѣхъ; но ихъ нельзя было касаться, и приходилось довольствоваться тѣми, о которыхъ говорить разрѣшалось... Не слѣдуетъ забывать, что и при этихъ (несомнѣнно существовавшихъ) стѣсненіяхъ, пылкій и увлекающійся Новиковъ часто заходилъ за полагаемыя ими границы и ухитрялся помѣщать на страницахъ своихъ журналовъ такія статьи, которыя, двадцать лѣтъ спустя, должны были бы привести его туда же, куда привело несчастнаго Радищева его „Путешествіе". Къ такимъ именно чрезвычайно рѣзкимъ статьямъ принадлежатъ, напр., помѣщенныя въ „Трутнѣ" двѣ „копіи съ отписокъ крестьянъ къ помѣщику" и „Копія съ помѣщичья указа крестьянамъ". Въ предисловіи къ этимъ статьямъ, авторъ ихъ, будто бы, говорилъ издателю „Трутня": „изъ сего усмотрѣть можете, какъ худые помѣщики данную власть надъ крестьянами употребляютъ во зло, и что такіе господа едва ли достойны быть рабами у рабовъ своихъ, а не господами". Еще болѣе сильными выходками противъ рабства, приниженности и тяжкаго, бѣдственнаго положенія крестьянъ изобилуетъ уже упомянутая нами статья „*Отрывокъ изъ путешествія въ *** И. Т.*", помѣщенная въ „Живописцѣ"... Это цѣлый рядъ весьма мрач-

ныхъ, правдиво и точно набросанныхъ картинъ современнаго крестьянскаго быта, прерываемыхъ размышленіями на разныя весьма щекотливыя тэмы и скорбными сокрушеніями объ участи „тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны". Особенно ярко представляется намъ картина безпомощнаго и ужаснаго положенія дѣтей, покинутыхъ на произволъ судьбы родителями, ушедшими на барщину. „Въ лукошкахъ, прицѣпленныхъ къ шестамъ—они лежали безъ всякаго движенія и плакали. У одного связаны руки и ноги: приносилъ ли онъ о томъ жалобы? Нѣтъ, онъ спокойно взиралъ на свои оковы. Чего требуетъ онъ? Необходимо-нужнаго только пропитанія. Другой произноситъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. „Кричите, бѣдныя твари",—сказалъ я, проливая слезы,—„произносите жалобы свои. Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ въ младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь." [1]) „О, человѣчество! Тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ!"—восклицаетъ авторъ „Отрывка" въ другомъ мѣстѣ своей статьи.—„О, господство! Ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками! О, блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! Ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ".

И рядомъ съ подобными картинами, полными мрака и страданій, встрѣчаешь въ другомъ Новиковскомъ журналѣ („Трутнѣ") сатирическія выходки, шутливыя на видъ, но тоже кроющія въ себѣ острое жало весьма горькаго назиданія. Вотъ, напримѣръ, какая шутливая публикація была напечатана въ „Трутнѣ": Журнальныя сатиры.

„На сихъ дняхъ, въ здѣшній портъ (Кронштадтъ) прибылъ изъ Бурдо корабль: на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ отечествѣ своемъ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ... принуждены были ѣхать въ Россію. Они въ своихъ разсказахъ солгали очень мало: ибо, по достовѣрнымъ доказательствамъ, они всѣ природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многіе изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижскою полиціею и для того она, по ненависти своей къ нимъ, сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, чтобы они немедленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и

[1]) Весьма ясный намекъ на тѣ стѣсненія, которыми сдерживалось всякое поползновеніе со стороны крестьянъ—обжаловать свое тяжкое положеніе передъ начальствомъ.

ночевать въ Бастиліи. Такое привѣтствіе, хотя было и очень искренно, однакоже симъ господамъ французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должность учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Любезные сограждане! спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ, для воспитанія вашихъ дѣтей. Поручайте немедленно будущую опору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учителя французовъ, не узнавъ прежде ни званій ихъ, ни поведенія". Такъ какъ обучаемые подобными воспитателями молодые люди нерѣдко заканчивали годы ученья поѣздкою за границу, которая должна была завершить ихъ образованіе, то результаты иногда получались весьма печальные. Эти-то результаты подобныхъ заграничныхъ путешествій „Трутень" осмѣялъ въ своей извѣстной сатирической публикаціи: „Молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который, объѣздивъ ихъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею—желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города".

Осмѣивая то же неразумное пристрастіе ко всему иноземному, Новиковъ въ „Живописцѣ" напечаталъ „*Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія*" — то-есть, той безобразной смѣси „французскаго съ нижегородскимъ", которою свѣтскіе щеголи замѣняли русскую рѣчь во второй половинѣ XVIII вѣка. Рядомъ съ этимъ „словаремъ", Новиковъ напечаталъ и письмо, будто бы полученное имъ отъ одной изъ „щеголихъ"—какъ образецъ этого невозможнаго нарѣчія: «*Mon coeur* Живописецъ! Ты, радость, безпримѣрный авторъ. По чести говорю, ужесть какъ ты славенъ! Читаю твои листы и безподобно утѣшаюсь, какъ у тебя все славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ, и клянусь, что я всегда фёльетирую ихъ безъ всякой дистракціи!" Печальный памятникъ эпохи слѣпого увлеченія Западомъ, которое долго отвлекало насъ отъ изученія родныхъ сокровищъ мысли и слова [1]).

Успѣхи журналистики. Второй періодъ журналистики Екатерининскаго времени отличается отъ перваго тѣмъ, что журналистика въ этомъ періодѣ распространилась изъ Петербурга не только въ Москву, но и дальше—журналы явились и въ провинціи [2]). Къ этому періоду,

---

[1]) «Неоспоримая есть истинна,—говоритъ Новиковъ,—что доколѣ будутъ презирать свой отечественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотолѣ и въ письменахъ не можетъ оный до совершенства дойти».

[2]) Такъ, въ 1786 году явился въ Ярославлѣ первый провинціальный журналъ „*Уединенный пошехонецъ*", издававшійся Санковскимъ. Онъ же издавалъ въ 1787 году продолженіе того же журнала подъ названіемъ „*Ежемѣсячное изданіе*". Въ 1789 г., какъ мы видѣли выше (стр. 189), даже въ Тобольскѣ сталъ выходить журналъ «Иртышъ».

который начался послѣ четырехлѣтняго перерыва (1774—1778), относились слѣдующіе журналы: „*С.-Петербургскій Вѣстникъ*“— изданіе Брайко (1778—1781); „*Утренній Свѣтъ*“ Новикова (который издавалъ сначала этотъ журналъ въ Петербургѣ, а потомъ, по переселеніи въ Москву, продолжалъ издавать и тамъ), „*Московское Изданіе*“—также Новикова и также продолжавшееся въ Москвѣ. Продолженіемъ этого журнала по духу и направленію были другіе два московскіе журнала Новикова: „*Вечерняя Заря*“ (1782 г.) и „*Покоящійся Трудолюбецъ*“ (1784—1785 гг.). Особнякомъ стоитъ прекрасный дѣтскій журналъ, который Новиковъ издавалъ въ приложеніи къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“: „*Дѣтское чтеніе для сердца и разума*“(1785—1789 г.)—первый дѣтскій журналъ въ Россіи. Въ это самое время видимъ въ Петербургѣ: „*Разсказчикъ забавныхъ басенъ*“—Аблесимова (1781 г.): „*Утро*“ (1782), издатель котораго неизвѣстенъ; „*Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*“—издававшійся при новоучрежденной Россійской Академіи (1783—1784); „*Зеркало Свѣта*“(1786—1787) И. Богдановича и Туманскаго; „*Лѣкарство отъ скуки и заботы*“ (1786—1787), издаваемый Туманскимъ; „*С.-Петербургскій Вѣстникъ*“ (1786—87) И. Богдановича: „*Утренніе часы*“ (1788)—Рахманинова; и наконецъ—„*Почта Духовъ*“ (1789 г.)[1]), издаваемый И. А. Крыловымъ.

«Собесѣдникъ». Выдающееся мѣсто между всѣми этими журналами занимаетъ, конечно, тотъ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“, въ которомъ приняли участіе лучшія литературныя силы и сама Екатерина. Мысль объ изданіи при Академіи Наукъ такого органа, который могъ бы одновременно служить и литературѣ, и наукѣ, принадлежитъ Е. Р. Дашковой, незадолго передъ тѣмъ назначенной „Директоромъ“ Академіи Наукъ и „предсѣдателемъ“ новоучрежденной Россійской Академіи. Такимъ органомъ и явился „Собесѣдникъ“, о которомъ мы поговоримъ нѣсколько подробнѣе.

Были и Небылицы. Въ „Собесѣдникѣ“ Екатерина помѣстила свои знаменитыя „*Были и Небылицы*“—рядъ игриво и свободно набросанныхъ очерковъ современности, въ которыхъ она, какъ и въ прежнихъ журнальныхъ статьяхъ своихъ, преслѣдуетъ постоянно одну и ту же цѣль: остроумно осмѣивая то, что ей не нравилось, она очень тонко проводитъ всюду мысль о томъ, что переживаемая современность имѣетъ неоспоримыя и громадныя преимущества передъ эпохою предшествующею, почему всѣ и должны быть довольны своимъ положеніемъ. Стараясь придать этимъ очеркамъ видъ непринужденно веселыхъ и легкихъ набросковъ, анонимный авторъ „*Былей и Небылицъ*“ (т. е. сама Екатерина) говоритъ о

[1]) Полное заглавіе этого журнальца такое: «Почта Духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулько съ водяными, воздушными и подземными духами».

нихъ, что изъ нихъ исключается все то, „что не въ улыбательномъ духѣ... либо скуку возбудить могущее и плачъ разогрѣвающія драмы“; а заносится въ эти очерки все, что „приходитъ въ голову“ или „попадетъ на языкъ“. Тутъ и коротенькія сценки изъ современнаго домашняго и общественнаго быта, и характеристика, и отрывки дневника, которые авторъ „Былей и Небылицъ“ ведетъ отъ своего лица, и небольшіе разсказцы, въ которыхъ несомнѣнно играетъ роль живая дѣйствительность. Высказывая тѣ или другія мнѣнія, авторъ „Былей и Небылицъ“ чаще всего говоритъ не отъ себя, а сообщаетъ мнѣнія своего дѣдушки и двухъ друзей своихъ: „другъ И. И. И., который больше плачетъ, нежели смѣется, и другъ А. А. А., который больше смѣется, нежели плачетъ“. Но главную точку опоры всѣхъ задушевныхъ мыслей, всѣхъ идеаловъ автора составляютъ не эти два лица (двѣ крайности, напоминающія Гераклита и Демокрита), а именно тотъ „дѣдушка“, который представляетъ собою золотую середину и очень мало походитъ на всѣхъ дѣдушекъ, потому что отдаетъ предпочтеніе современности передъ отдаленнымъ прошлымъ, и говоритъ, напр., такъ:

„Припомните мои слова: всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе: вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега же суть воспитаніе“...

Въ рѣчи „дѣдушки“ авторъ „Былей и Небылицъ“ вплетаетъ мѣстами и еще болѣе тонкую похвалу современности; такъ, напр., вспоминая старое, онъ говоритъ: „Понѣже казалось, что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся того-сего; разговоры же сіи вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можемъ, открыто и громогласно отправляется. Дѣдушка полагаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается“.

Въ первыхъ книжкахъ „Собесѣдника“, въ своихъ „Быляхъ и Небылицахъ“, Екатерина помѣстила нѣсколько характеристикъ, очевидно списанныхъ съ живой натуры. Нашлись люди, которые себя узнали въ этихъ характеристикахъ; нашлись и другіе, которые стали примѣнять къ себѣ каждую черту, каждый намекъ этихъ характеристикъ, и обижаться. Это вынудило Екатерину помѣстить на страницахъ „Собесѣдника“ письмо отъ вымышленнаго Петра Угадаева къ безыменному автору „Былей и Небы-

лицъ". Въ этомъ письмѣ Петръ Угадаевъ пишетъ: „напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми; я и моя семья знаемъ и угадываемъ, кто они таковы, да и не мы одни..." По поводу этого письма, въ видѣ отвѣта на него, Екатерина писала въ „Собесѣдникѣ": „Буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ „Быляхъ и Небылицахъ", то сіе доказываетъ, что „Были и Небылицы" вытащены изъ обширнаго моря естества... „Были и Небылицы" наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится; но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ и дѣла нѣтъ... Буде же Карпъ и Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть принесетъ описаніе своей особы—слово отъ слова внесемъ въ „Были и Небылицы".

Но литературный пріемъ, пущенный въ ходъ Екатериной, нашелъ себѣ вскорѣ подражателей, которые такъ же искусно, какъ она, воспользовались орудіемъ слова, чтобы высказать въ иносказательной формѣ свои затаенныя мысли и взгляды. Въ третьей книжкѣ „Собесѣдника" явились извѣстные 20 „вопросовъ" Фонвизина, обращенные къ безыменному сочинителю „Былей и Небылицъ". Вопросы были очень вѣско и очень круто поставлены, шли прямо въ разрѣзъ съ оптимистическими взглядами „дѣдушки" и заключали въ себѣ весьма прозрачные намеки на нѣкоторыхъ приближенныхъ императрицы, въ особенности вопросъ 14-й [1]). Очень ловко и уклончиво отвѣчая на остальные вопросы, Екатерина на этотъ вопросъ не дала прямого отвѣта, а только замѣтила съ оттѣнкомъ нѣкотораго недовольства:

„Сей вопросъ родился отъ свободоумія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то нашли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ".

„Вопросы" Фонвизина, видимо, задѣвшіе Екатерину за живое, не остались безъ отвѣта и обсужденія въ „Быляхъ и Небылицахъ", гдѣ они побудили „дѣдушку" высказать о нихъ свои замѣчанія.

„Молокососы! (ворчалъ будто бы „дѣдушка") Не знаете вы, что̀ я знаю. Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ иными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства... Тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ нихъ бѣгалъ". При этомъ разборѣ „вопросовъ" дѣдушка будто бы посвятилъ особенное вниманіе вопросу 14-му.

---

[1]) Въ этомъ вопросѣ, 14-мъ, Фонвизинъ спрашиваетъ: «отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе?» Вполнѣ ясный намекъ на Л. Н. Нарышкина, одного изъ приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ Екатерины, который даже и въ обществѣ слылъ подъ названіемъ *Шпыня*.

„Дѣдушка", ходя и прикашливая, твердилъ непрестанно межъ зубовъ повторенный 14 вопросъ, подобно сему: хемъ, хемъ [1]).

„Прочитавъ внимательно вопросъ, „дѣдушка" умножилъ *хемъ-хемы* такъ, что число оныхъ безъ ошибки на бумагу положить нельзя... Отдохнувъ нѣсколько, началъ разбирать подробно члены вопроса и говорить: *отъ чего? отъ чего?..* Ясно отъ того, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ— хемъ-хемъ-хемъ, — опасенія. О, прежнія времена! Сію строку окончили паки множество хемъ-хемовъ... Когда „дѣдушка" дошелъ до *шпыней*, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: „шпынь безъ ума быть не можетъ; въ шпыньствѣ есть острота; за то, что человѣкъ остро что̀ скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются въ обществѣ живущимъ или обществу служащимъ"... Потомъ дошло дѣло до балагуровъ, кои, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знанія старины, или что ни есть подобное, а скучны лишь, — говоритъ прародитель: — Маремьяны плачущія и о всемъ мірѣ косо и криво пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ ужъ духъ скрытой зависти противъ ближняго"...

Л. Н. Нарышкинъ, извѣстный подъ именемъ «Шпыня».

Что тутъ подъ „Маремьянами плачущими" разумѣется Фонвизинъ и вся стоявшая за его спиною партія недовольныхъ—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Этимъ, вполнѣ яснымъ намекомъ Екатерина какъ-бы отвѣчала на подобный же намекъ, заключавшійся въ 14-мъ вопросѣ; но она почувствовала все не-

[1]) *Хемъ, хемъ* изображаетъ дѣдушкинъ кашель. (Выноска автора).

удобство подобной полемики, и, при первомъ же случаѣ, прекратила печатаніе „Былей и Небылицъ“ въ „Собесѣдникѣ“ [1]). Она закончила этотъ рядъ очерковъ весьма любопытнымъ „*Завѣщаніемъ*“, въ которомъ собраны всѣ правила, какимъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ слѣдовать писатель. Многія изъ этихъ правилъ живо передаютъ намъ современныя воззрѣнія на дѣятельность литературную. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ:

„Кто писать будетъ, тому думать по-русски“... „Иностранныя слова замѣнять русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать, ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ“... „Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится“... „Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ носить, т. е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ“... „Веселое всего лучше, улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ“... „Глубокомысліе окутать ясностью, а полномысліе—мягкостью слога, дабы всѣмъ сносными учиниться“... „Желательно, чтобы сочинитель скрылъ свое бытіе, и вездѣ было бы его сочиненіе, а его самого невидно было“... и т. д.

Въ томъ же второмъ періодѣ, особнякомъ отъ другихъ журналовъ Екатерининскаго времени, стоятъ московскіе журналы Новикова, совершенно отличные по содержанію своему и отъ прежнихъ сатирическихъ журналовъ Новикова, и отъ всѣхъ остальныхъ журналовъ второго періода, издававшихся въ Петербургѣ. „Сатира отодвинулась здѣсь на задній планъ, уступивъ мѣсто чисто-дидактической морали“, говоритъ объ этихъ журналахъ академикъ Тихонравовъ. „Какъ видно, сближеніе съ Шварцемъ укротило горячія вспышки гражданскаго негодованія Новикова: смѣлыя обличенія „Живописца“ смѣнились смиренною проповѣдью“... Цѣлью проповѣди явился грандіозный замыселъ: Новиковъ и его товарищи по изданію задумали „весьма униженную на свѣтѣ добродѣтель возвести паки на ея величественный престолъ, а порокъ представить свѣту во всей его наготѣ“, сознавая при этомъ, что „таковыхъ трудовъ и одно намѣреніе уже достойно похвалы, хотя бы душевныя силы и не въ состояніи были оныхъ поддерживать“... И вотъ нравоучительное направленіе, спокойно назидающее и пользующееся всѣми данными современной науки, всѣми доводами вѣры и разума, проходитъ черезъ всѣ журналы Новикова, начиная съ „Утренняго Свѣта“ (послѣ **Московскіе журналы.**

[1]) Этимъ удобнымъ случаемъ была размолвка Екатерины съ Е. Р. Дашковой по поводу насмѣшекъ Л. Н. Нарышкина надъ Россійскою Академіею и надъ рѣчью, которую Дашкова произнесла при ея открытіи. Вслѣдствіе этой размолвки, Екатерина потребовала, чтобы Дашкова возвратила ей всѣ рукописи шутливыхъ статей, отданныя въ «Собесѣдникъ», и, несмотря на всѣ просьбы Дашковой, не согласилась ничего болѣе печатать.

перенесенія журнала въ Москву) и до „Покоящагося трудолюбца“ (1780—1785 г.). Цѣль всѣхъ этихъ періодическихъ изданій особенно ясно выражена въ предисловіи къ „Московскому изданію“, гдѣ прямо сказано, что „причиною предпріятія было сострадание, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и, взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ“. Но та религіозно-нравственная пропаганда, которой посвящались страницы этихъ новиковскихъ журналовъ, была далека отъ всякаго фанатизма, отъ всякой примѣси лицемѣрія, была вполнѣ гуманна и снисходительна къ чужимъ мнѣніямъ, и притомъ шла рука объ руку съ просвѣщеніемъ, придерживаясь извѣстнаго изреченія Эпиктета: „только знаніе есть добро, только невѣжество есть зло“. И вотъ, московскіе журналы Новикова, предлагая свое познаніе и свою мораль, напоминая о Богѣ и необходимости религіи, въ то же время не переставали утверждать: „причина всѣхъ заблужденій человѣчества есть невѣжество, а совершенства—знаніе. Если скажутъ, что невѣріе или безбожіе суть плоды учености, то мы скажемъ: сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ“. Слѣдуя этой программѣ, Новиковъ и его сотоварищи по Дружескому обществу, старались въ своихъ журналахъ удержать современное имъ русское общество отъ излишнихъ увлеченій новыми философскими теоріями, противопоставляя невѣрію евангельскія истины; но въ то же время, осуждая крайности въ философскомъ ученіи энциклопедистовъ, относились совершенно безпристрастно и къ ихъ достоинствамъ.

Ко второму періоду журналистики Екатерининскаго времени относятся еще и тѣ приложенія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, которыми Новиковъ такъ быстро и такъ высоко поднялъ значеніе этой университетской газеты. Къ такимъ приложеніямъ принадлежитъ и упомянутый нами выше „*Экономическій магазинъ*“ и „*Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ*“, изъ чтенія которыхъ „не только юношество, но и всѣ тѣ, кои не имѣли случая учиться, или по крайней мѣрѣ читать подобныя книги, могли получить достаточное и подробное свѣдѣніе почти о всемъ земномъ шарѣ“. Наконецъ, къ этимъ же приложеніямъ принадлежало и то „*Дѣтское чтеніе для сердца и разума*“, которое было первымъ журналомъ для юношества въ Россіи и не выходило изъ употребленія до начала 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія [1]).

---

[1]) Говоримъ это по личному опыту. «Дѣтскому чтенію», стоявшему на полкахъ отцовской библіотеки, мы обязаны первыми литературными впечатлѣніями нашего отрочества. *П. П.*

Третій періодъ журналистики Екатерининскаго времени гораздо бѣднѣе и перваго, и второго періода, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Сюда относятся только издававшіеся въ Петербургѣ: „*Сатирическій Вѣстникъ*" (1790—92 гг.) Страхова, „*Зритель*" (1792 г.) Крылова, „*Пріятное и полезное препровожденіе времени*" (1793—94 гг.) Подшивалова и Сохацкаго, „*С.-Петербургскій Меркурій*" (1793 г.) Крылова, и „*Муза*" (1796 г.). Въ Москвѣ за это же время издавался только „*Московскій журналъ*" (1791—92 гг.) Карамзина и его же „*Аглая*" (1794—95 гг.).

Крыловъ и Карамзинъ журналисты.

Само собою разумѣется, что болѣе подробнаго упоминанія въ этой небольшой группѣ журналовъ заслуживають только журналы Крылова и Карамзина. Послѣ „Почты Духовъ", журнала, отличавшагося довольно однообразной формой и нѣсколько-грубоватымъ оттѣнкомъ сатиры, Крыловъ сталъ издавать журналъ „*Зритель*", просуществовавшій не болѣе 11-ти мѣсяцевъ и въ слѣдующемъ году возродившійся въ видѣ „*С.-Петербургскаго Меркурія*". Оба послѣдніе журнала Крыловъ издавалъ въ сообществѣ съ другимъ, довольно извѣстнымъ въ то время писателемъ, *Клушинымъ*, и при сотрудничествѣ *Дмитревскаго*, *Плавильщикова*, *Николая Эмина* [1]) и Ѳ. Туманскаго. Подчиняясь вліянію этого кружка, въ которомъ ему приходилось быть младшимъ членомъ, Крыловъ старался подражать преимущественно той журнальной сатирѣ перваго періода, въ который всѣ формы и всѣ тэмы сатиры были уже давно исчерпаны Новиковымъ и другими журналистами. Болѣе всего рѣзкими оказываются въ журналахъ Крылова тѣ статьи и стихотворенія, въ которыхъ онъ касается отношеній дворянства къ крестьянскому сословію и пристрастія русскихъ къ иноземцамъ. Въ такомъ же пристрастіи заподозрилъ Крыловъ и Карамзина, когда тотъ выступилъ на журнальное поприще со своимъ „*Московскимъ Журналомъ*" и сталъ дѣлать попытки къ преобразованію русскаго литературнаго языка.

Въ противоположность журналамъ Крылова, отзывавшимся стариною, „Московскій Журналъ" Карамзина явился чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ. Карамзинъ сумѣлъ придать ему такую внѣшнюю форму и такое разнообразіе состава, какихъ до того времени не видимъ еще ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Въ „Московскомъ Журналѣ" помѣщались и переводныя, и оригинальныя статьи самого Карамзина и лучшихъ современныхъ писателей: Хераскова, Державина, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Николева, Ѳ. Львова и многихъ другихъ. За отдѣломъ стиховъ и прозы, въ журналѣ Карамзина слѣдовала *смѣсь* (анекдоты, отчеты

[1]) Сынъ извѣстнаго Ѳ. Эмина, въ 1779 году издававшаго «Адскую Почту».

о театральныхъ представленіяхъ и т. п.) и *отдѣлъ критическій* съ рецензіями на новыя книги русскія и иностранныя, иногда весьма краткими, а иногда и представлявшими собою серьезные разборы важнѣйшихъ произведеній иностранной и русской литературы. Здѣсь, въ „Московскомъ Журналѣ", были помѣщены и повѣсти Карамзина и его „*Письма русскаго путешественника*" — составившія его славу.

Въ апрѣлѣ 1792 г., гроза, давно уже сбиравшаяся надъ головою Новикова и всего его кружка, наконецъ разразилась... Дружеское Общество было закрыто; самъ Новиковъ арестованъ. Вѣроятно, эти крутыя мѣры возбудили опасенія и въ Карамзинѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года онъ прекратилъ изданіе „Московскаго Журнала" и въ эпилогѣ къ нему заявилъ, что стѣсняется журнальной работой и предполагаетъ издавать, вмѣсто журнала, отдѣльные сборники статей своихъ и чужихъ. Однакоже, впослѣдствіи, какъ мы увидимъ,—при болѣе благопріятныхъ условіяхъ,—онъ снова вернулся къ журналистикѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вліяніе, оказанное революціей на умственное движеніе въ Россіи конца XVIII вѣка.—Ложные страхи и ложная тревога.—Подозрѣніе и преслѣдованіе писателей и ихъ произведеній во время наступившей реакціи. — Радищевъ и его замѣчательная книга.

Блестящій вѣкъ Екатерины закончился нѣсколькими годами печальнаго разочарованія... Императрица, состарѣвшаяся и утомленная жизнью, напуганная кровавыми ужасами французской революціи, почувствовала отвращеніе къ тѣмъ самымъ идеямъ гуманнаго либерализма, которыя она такъ усердно и настойчиво проводила въ жизнь въ началѣ своего царствованія. Ей всюду стали чудиться зародыши того движенія, которое, исходя отъ высокихъ и прекрасныхъ идеаловъ равенства, братства и свободы, привело къ дикимъ крайностямъ, къ ниспроверженію общественнаго строя, къ отрицанію всего, что составляло красу и честь цивилизаціи. Хотя ничего подобнаго и не было, на самомъ дѣлѣ, ни въ какихъ слояхъ русскаго общества, хотя русскіе вольнодумцы, напитавшіеся идей энциклопедистовъ и другихъ философовъ новѣйшей школы, болѣе ограничивались ничтожнымъ глумленіемъ надъ внѣшнею обрядностью или тѣшились нелѣпыми атеистическими выходками, однакоже, настроенное въ сторону какихъ-то неопредѣленныхъ опасеній и ожиданій воображеніе Екатерины стало подозрительно относиться ко всему—даже къ такимъ явленіямъ литературнымъ, которыя она сама поощряла 15—20 лѣтъ назадъ, даже къ тѣмъ самымъ идеямъ и убѣжденіямъ, которыя она сама проводила иногда въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ и государственныхъ мѣропріятіяхъ. Пользуясь такимъ настроеніемъ Екатерины, около нея, конечно, усердствовали разные дѣятели и представители власти, наперерывъ спѣшившіе выказать свою ревность и преданность, и еще болѣе раздували ту искру недовѣрія и подозрительнаго отношенія къ литературѣ, которая тлѣла въ душѣ состарѣвшейся покровительницы Вольтеровъ и Дидеротовъ... Такимъ-то образомъ, отъ подозрѣній, Екатерина, подъ впечатлѣніемъ разгоравшагося на Западѣ пожара, сочла нужнымъ перейти къ мѣрамъ карательнымъ, жестокимъ и не всегда справедливымъ, направленнымъ не только противъ сочиненій, но и противъ авторовъ...

Около того времени, когда гроза разразилась надъ Новиковымъ, когда его плодотворная дѣятельность была прекращена, а онъ самъ былъ арестованъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, вышла въ свѣтъ книга, доставившая автору довольно

громкую, но и весьма прискорбную извѣстность. Книга эта носила скромное заглавіе „*Путешествія изъ Петербурга въ Москву*“ и, вѣроятно, не выдвинулась бы изъ общей массы книгъ и прошла бы безслѣдно, если бы усердіе всякихъ ревнителей порядка и благочинія не обратило вниманіе императрицы на новое и „яко бы грозное“ явленіе въ области русской литературы. „Гидра поднимаетъ голову“—зашептали кругомъ ея всякіе угодники и охранители. Добыли откуда-то свѣдѣніе, что авторъ этой злосчастной книги „чуть-ли не мартинистъ“ — а мартинисты тогда были въ жестокой опалѣ и сильномъ подозрѣніи — и вотъ автора схватили, его книгу конфисковали, и началось „дѣло“, которое — увы! — легло темнымъ пятномъ на памяти великой государыни.

А. Н. Радищевъ.

Авторомъ этого путешествія былъ нѣкто *Александръ Николаевичъ Радищевъ* (род. 1749 г.), по происхожденію дворянинъ и помѣщикъ. Первоначальное воспитаніе и образованіе онъ получилъ въ Пажескомъ корпусѣ; а затѣмъ, въ 1767 г., былъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми посланъ за границу для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Между этими молодыми людьми были Ушаковъ, Яновъ и Кутузовъ, съ которымъ Радищевъ сдружился и передъ которымъ благоговѣлъ, хотя самъ былъ ярымъ приверженцемъ энциклопедистовъ и деизма, а Кутузовъ—восторженнымъ мистикомъ. Возвратившись изъ путешествія по Европѣ, Радищевъ состоялъ на службѣ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ вѣдомствамъ (между прочимъ и въ петербургскихъ таможняхъ), занимался литературными опытами, какъ любитель, писалъ повѣсти и подражанія „для упражненія въ слогѣ“ и, наконецъ, вздумалъ заняться серьезнымъ, по его мнѣнію, трудомъ, къ которому, повидимому, онъ уже и приступалъ, какъ къ подвигу.

Въ ту пору были въ большой модѣ такъ-называемыя „сап-

тиментальныя путешествія", и ихъ, съ легкой руки Стерна, во всѣхъ литературахъ расплодились великое множество. Въ этихъ путешествіяхъ, передвиженія съ мѣста на мѣсто и переѣзды изъ одного города въ другой были только внѣшнимъ предлогомъ къ нескончаемымъ размышленіямъ и разсужденіямъ на тэму чувства, впечатлѣній и всякаго рода отвлеченностей. Въ такую-то внѣшнюю форму „*Путешествія*" Радищевъ вздумалъ вставить большую и подробную картину современныхъ общественныхъ нестроеній, о которыхъ ему хотѣлось высказать все, что у него накипѣло на душѣ, впечатлительной и воспріимчивой до крайности, жаждущей добра и правды, отзывчивой на страданія и сѣтованія всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ". Такое отношеніе къ труду своему онъ весьма ясно выразилъ въ томъ посвященіи книги другу своему Кутузову, которое предпослано „Путешествію":

„Я взглянулъ окрестъ меня, — такъ говорилъ онъ въ этомъ посвященіи,—душа моя страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели — вѣщалъ я самъ себѣ — природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженства николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сей мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшеніе въ немъ самомъ. „Отыми завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду". Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе: я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобнымъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь". **Путешествія Радищева.**

И вотъ, подраздѣливъ свою книгу на двадцать пять главъ, онъ наивно придалъ первой изъ нихъ названіе „Выѣздъ", а остальнымъ—названіе важнѣйшихъ станцій между Петербургомъ и Москвой (Софія, Тосна, Любань, Чудово, Спасская Полисть и т. д.), и въ каждой изъ этихъ главъ помѣстилъ по очень неприглядной и мрачной картинѣ изъ современнаго крестьянскаго быта; а въ этихъ картинахъ не пожалѣлъ красокъ на изображеніе крайне-тягостнаго положенія крестьянъ, угнетаемыхъ и мелкимъ тиранствомъ грубыхъ, невѣжественныхъ, необузданныхъ баръ, и несправедливостью, подкупностью и произволомъ властей

и судей. Всѣ эти картины еще болѣе представляются мрачными и рѣзко-подчеркнутыми, потому что переполнены восклицаніями, сокрушеніями, изліяніями гражданской скорби, весьма искренней, но черезчуръ многорѣчивой. „Опомнитесь, заблудшіе, — восклицаетъ Радищевъ, — смягчитесь, жестокосердые! Разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему-же Всещедрымъ уготованы, яко же и вы...“ Или далѣе: „Но кто же между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ, кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада, — тотъ, кто даетъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжатися ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ, что производитъ“ и т. д. Сверхъ такого сентиментальнаго, докучнаго и неумѣстнаго паѳоса, Радищевъ, по поводу той или другой, только-что набросанной имъ картины, позволяетъ себѣ дѣлать обобщенія, переходитъ отъ указанія на частный фактъ, къ пространнымъ разсужденіямъ о разныхъ вопросахъ изъ области религіи, правъ, внутренней политики, соціальнаго положенія народа, отношеній власти къ массѣ и т. п. И все это изложено аляповато, неловко, съ тою угловатою рѣзкостью, которая, изобличая усердіе автора въ разработкѣ даннаго вопроса, въ то же время свидѣтельствуетъ о его безталанности, бездарности литературной, о его неумѣньѣ высказывать свои задушевныя мысли никого не задѣвая, не вооружая противъ себя — пожалуй, даже о его нежеланіи сообразоваться съ существующими условіями и порядками общественной и государственной жизни. Но все это такъ наивно, такъ просто, такъ безхитростно выставлено на видъ и на показъ, что никому, казалось бы, и въ голову не могло бы прійти, что автора этой наивной книги можно заподозрить въ какихъ-то революціонныхъ тенденціяхъ, въ какихъ-то злокозненныхъ замыслахъ и намѣреніяхъ. Въ довершеніе всего, авторъ, какъ бы для того, чтобы окончательно себя выдать и вклепать на себя всякую небывальщину, вздумалъ украсить свою книгу двумя довольно нескладными произведеніями: во главѣ „Спасская Полисть“ онъ помѣстилъ „Сонъ“ царя, которому въ сновидѣніи является Истина, въ видѣ странницы, и указываетъ на великую неурядицу и нестроенія во всѣхъ областяхъ его царства, во всѣхъ частностяхъ управленія; а въ главѣ „Тверь“ помѣстилъ оду на „Вольность“, которая, конечно, была болѣе чѣмъ неумѣстна въ ту пору, когда терроръ свирѣпствовалъ въ стѣнахъ Парижа и революціонныя пѣсни, распѣваемыя на улицахъ этой столицы, наводили ужасъ на всю остальную Европу.

И только благодаря именно этой крайней безтактности и неумѣстной ретивости въ стремленіи къ опредѣленной цѣли, мно-

гія несомнѣнныя достоинства его книги вовсе не были замѣчены и пропали безслѣдно среди расплывчатой массы напыщенныхъ фразъ и сентиментальныхъ возгласовъ. А между тѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ книгою Радищева, мы убѣждаемся въ томъ, что онъ былъ дѣйствительно близко знакомъ съ бытомъ нашего крестьянства и дѣйствительно жаждалъ принести хотя какое-нибудь облегченіе этой меньшей братіи. Все, что онъ предлагаетъ сдѣлать на пользу крестьянства—не отвлеченная фантазія, не вымыселъ, не причудливый проектъ филантропа, упавшаго на землю съ луны. Все предлагаемое и указываемое имъ строго обдумано, вполнѣ разумно и осуществимо на практикѣ. Признавая постепенность необходимымъ условіемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ намѣчаетъ вполнѣ правильно тотъ путь, по которому впослѣдствіи, семьдесятъ лѣтъ спустя, совершена была величайшая реформа XIX вѣка. Въ положеніи о крестьянахъ (19 февраля 1861 г.) нѣтъ почти ни одного пункта, который бы не былъ уже предусмотрѣнъ и заранѣе обсужденъ Радищевымъ.

Судъ надъ Радищевымъ.

Впослѣдствіи, послѣ многихъ лѣтъ тяжкихъ невзгодъ, Радищевъ самъ говаривалъ, что если бы книга его вышла лѣтъ за пятнадцать или даже за десять ранѣе, то онъ можетъ-быть, былъ бы награжденъ, а не сосланъ за свое „Путешествіе", потому что въ немъ онъ указывалъ на многія злоупотребленія, которыя и правительство, конечно, не одобряло, и о положеніи крестьянъ высказывалъ мысли, которыя могли назваться полезными и найти себѣ примѣненіе на практикѣ. Но книга явилась не во̀-время— и книгу постигла жестокая участь; недаромъ еще Горацій сказалъ, что у „каждой книги своя судьба"... Книга попалась въ руки Екатерины въ недобрый часъ, и она отнеслась къ ней въ высшей степени сурово. Авторъ „Путешествія" явился въ ея глазахъ „бунтовщикомъ не хуже Пугачева... исполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ... ищетъ всячески все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, *къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства*"... Въ концѣ разбора книги, сдѣланнаго Екатериною, Радищевъ оказался, наконецъ, даже и „первымъ подвизателемъ французской революціи въ Россіи". Великая государыня поддалась впечатлѣнію минуты и произнесла свой приговоръ въ порывѣ гнѣва: усердіе судей, которымъ поручено было дѣло Радищева, довершило остальное... Рѣшено было сослать Радищева въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, на 10 лѣтъ [1]). Надо, однакоже, предположить,

[1]) Императоръ Павелъ, тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, освободилъ Радищева изъ ссылки и дозволилъ ему жить въ его помѣстьяхъ; а императоръ Александръ I вызвалъ его въ С.-Петербургъ и опредѣлилъ на службу членомъ законодательной коммиссіи (1801 г.).

Титульный листъ «Путешествія» Радищева, съ хранящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ экземпляра, принадлежавшаго А. С. Пушкину.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй.“

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Экземпляръ бывшій въ Тай-
-ной канцеляріи. Запла-
ченъ двести рублей.

Приписка А. С. Пушкина на оберткѣ этого экземпляра.

А. М. К.

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О' сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно -- и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрѣстъ меня -- душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою -- и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предмѣты. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чув„ствованія -- и блаженъ буду.„ Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего,

Страничка «Предисловія» къ «Путешествію» Радищева, по тому же экземпляру.

А Пушкинъ.

Автографъ А. С. Пушкина.
на оберткѣ того же экземпляра.

что разсудокъ Радищева былъ омраченъ всѣми пережитыми имъ потрясеніями... Шутливое замѣчаніе его начальника, который какъ-то сказалъ ему: „охота тебѣ пустословить попрежнему! Или мало тебѣ было Сибири!"—навело его на мрачныя мысли... и онъ отравился (ум. 12 сент. 1802 г.).

Преслѣдованіе автора. Гроза, разразившаяся надъ Радищевымъ и мартинистами, коснулась стороною и тѣхъ литературныхъ дѣятелей, которые высказывали сочувствіе къ мистическимъ ученіямъ, хотя и не принимали въ ихъ дѣятельности прямого участія; такъ, напр., мы знаемъ, что Херасковъ — всѣми уважаемый и любимый въ Москвѣ и занимавшій издавна почетный постъ куратора Московскаго университета—временно подвергся опалѣ и чуть не лишился мѣста. Императрица, уничтожая и закрывая все, что было сдѣлано мартинистами, изглаживая съ особенною настойчивостью всякій слѣдъ ихъ благой и полезной дѣятельности, разсылая и удаляя изъ Москвы всѣхъ членовъ ихъ кружка—не хотѣла пощадить и Хераскова. Онъ спасся только заступничествомъ любимца государыни П. А. Зубова, котораго просилъ за Хераскова Державинъ, тогда пользовавшійся милостью временщика. Надо, однакоже, думать, что Хераскову въ этомъ случаѣ не мало помогли также и его обширныя, разнообразныя родственныя связи.

Чуткая подозрительность Екатерины дошла до того въ послѣдніе годы ея жизни, что опалѣ подвергались за свои произведенія не только живые люди, но и тѣ, которые уже успѣли окончить всѣ свои земные счеты. Такъ, въ 1793 г. жестокое гоненіе было воздвигнуто на одно изъ произведеній Княжнина, скончавшагося въ 1791 г. Произведеніе это было трагедія „*Вадимъ Новгородскій*", написанная еще въ 1783 г., но почему-то напечатанная только уже два года спустя послѣ его смерти, сначала въ видѣ отдѣльнаго изданія, а потомъ, по распоряженію княгини Е. Р. Дашковой, перепечатанная въ собраніи сценическихъ произведеній, извѣстномъ подъ общимъ заглавіемъ „Россійскаго Ѳеатра".

Трагедія эта, заимствованная изъ весьма извѣстнаго эпизода Іоакимовской лѣтописи, была въ сущности произведеніемъ весьма невиннымъ, не заключавшимъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и вся вина покойнаго автора заключалась лишь въ томъ, что его трагедія явилась въ свѣтъ въ періодъ реакціи. Содержаніе трагедіи основано на томъ, что Вадимъ, посадникъ и воевода Новгородскій, уходитъ на войну, а новгородцы, по совѣту своего старѣйшины, Гостомысла, призываютъ къ себѣ въ князья Рюрика и вручаютъ ему неограниченную власть. Возвратившись съ войны, Вадимъ, сторонникъ вольности Новгорода, составляетъ заговоръ противъ Рюрика и при помощи своихъ сотоварищей, посадниковъ Пререста и Вигора, поднимаетъ народное возстаніе.

Возстаніе усмирено Рюрикомъ. Онъ торжествуетъ надъ своими противниками, и великодушно предлагаетъ народу возложить вѣнецъ княженія на Вадима, которому онъ уступаетъ престолъ. Но Вадимъ отказывается отъ вѣнца, а Рюрикъ, внявъ мольбамъ народа, остается попрежнему княземъ Новгородскимъ.

Радищевскій музей въ Саратовѣ, основанный потомкомъ Радищева, художникомъ А. П. Боголюбовымъ.

Чрезвычайно любопытно то, что эта трагедія, вполнѣ монархическая по духу и общему строю своей основы, прославляющая значеніе прочно-установленной княжеской власти и порицающая вольность новгородскую, подверглась гнѣву Екатерины за тѣ нѣсколько отдѣльныхъ фразъ, которыя вложены авторомъ въ уста Вадима и его сподвижниковъ, а можетъ быть и за то, что на сценѣ представленъ заговоръ „противъ законной власти“ и возстаніе. Екатерина потребовала у Дашковой объясненія, выражая ей удивленіе въ томъ, что она дозволила себѣ напечатать произведеніе „достойное быть сожженнымъ рукою палача“... Дашкова оправдывалась какъ могла [1]); но Вадимъ Новгородскій все же былъ отобранъ и сожженъ, и немногіе уцѣлѣвшіе экземпляры его составляютъ большую библіографическую рѣдкость.

[1]) Дашкова, въ свое оправданіе передъ государыней, могла, между прочимъ, сослаться на недавнее прошлое. Лѣтъ за шесть до этого эпизода, московскій главноначальствующій графъ Брюсъ запретилъ представленіе на сценѣ трагедіи Николева «Сорена и Замиръ», за то, что въ этой трагедіи были рѣзкія выходки противъ самовластія и восхваленія вольности. Екатерина, узнавъ объ этомъ изъ донесенія графа Брюса, замѣтила ему, что онъ поступилъ неосмотрительно, «ибо авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью»—и немедленно приказала Дашковой напечатать трагедію Николева въ «Россійскомъ Өеатрѣ».

Не менѣе поучительнымъ фактомъ этой печальной эпохи Екатерининскаго царствованія является и весьма извѣстный эпизодъ съ стихотвореніемъ Державина, заимствованнымъ изъ 81-го псалма (*„Властителямъ и судьямъ“*). Стихотвореніе это было написано еще въ 1780 г., и пятнадцать лѣтъ спустя чуть-чуть не сослужило очень дурную службу знаменитому пѣвцу Екатерины. Дѣло въ томъ, что якобинцы въ Парижѣ распѣвали этотъ псаломъ на улицахъ, и государыня, зная это и увидя тотъ же псаломъ въ прекрасномъ переложеніи Державина, вдругъ вознегодовала на него и потребовала объясненій отъ поэта. По счастью, поэтъ не растерялся и смѣло писалъ въ оправданіе себѣ слѣдующія памятныя строки:

„Проповѣдь Священнаго Писанія въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ нигдѣ и никогда не была опасна. Если оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ мѣстахъ, съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законы, такихъ стиховъ не писали“.

Этотъ эпизодъ, случившійся въ 1795 году, былъ едва ли не послѣднимъ въ ряду проявленій той печальной подозрительности и нетерпимости, которыми — увы! — ознаменовался этотъ грустный и тягостный періодъ царствованія великой государыни.

Виньетка Екатерининскихъ временъ.

Истор

Декабря 28.

Всемилостив

что р

нижайшій верноподданной
Александръ Радищевъ.

1800 го

аянiе мое есть всечасно, а паче всего
е твое есть неизреченно. Услыши, о, государь!
и да причтуся въ число нынѣ помилованныхъ

лостивѣйшiй Государь.

Вашего императорскаго величества

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Крыловъ и Карамзинъ.—Біографическія свѣдѣнія.—Различное отношеніе къ современной дѣйствительности.—Различіе въ литературныхъ направленіяхъ и во взглядахъ на литературный языкъ и слогъ. — Сентиментальное направленіе. — «Письма русскаго путешественника» и повѣсти Карамзина.—Дмитріевъ и его произведенія въ стихахъ и прозѣ.

Блестящій вѣкъ Екатерины, полный громкихъ и славныхъ именъ, закончился литературною дѣятельностію двухъ замѣчательныхъ писателей, переживших при Екатеринѣ періодъ горячей молодости и пылкихъ увлеченій, и впослѣдствіи украсившихъ произведеніями своими первую четверть XIX столѣтія. Почти одновременно выступивъ на литературное и журнальное поприще, они оба—Крыловъ и Карамзинъ—подошли къ своей дѣятельности съ двухъ разныхъ сторонъ и проложили совершенно иные, ни въ чемъ не схожіе пути, какъ люди одинаково-сильныхъ дарованій, но совершенно различныхъ характеровъ, воззрѣній и образованія. Одинъ, почти самоучка, бѣднякъ, близко видѣвшій съ дѣтства всю прозу жизни, рано достигнувшій зрѣлости путемъ горькаго житейскаго опыта, который помогъ ему сблизиться съ народомъ и усвоить его философію; другой—нѣжный и деликатный баричъ, изящный и тонкій, прошедшій всю школу свѣтскаго воспитанія, даже вкусившій свѣтской суетности, и выступившій на литературное поприще послѣ того, какъ счастливая случайность свела его съ лучшими представителями Дружескаго Общества. Подъ ихъ-то руководствомъ онъ и закончилъ свое нравственное воспитаніе и усвоилъ тѣ идеалы, съ которыми выступилъ въ жизни и литературѣ. Оба эти дѣятеля, столь различные во всемъ, сходились, кажется, только въ одной чертѣ своей литературной карьеры: и тотъ, и другой начинали свою дѣятельность съ такихъ литературныхъ произведеній, съ которыми уже никогда болѣе не встрѣчались впослѣдствіи, и составили себѣ громкое, славное имя тѣми именно произведеніями, о которыхъ никогда не мечтали въ юности.

Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ нѣсколько старше Крылова (род. 1768 г., 1 декабря). Онъ былъ родомъ изъ Симбирской губ., гдѣ отецъ его, Михаилъ Егоровичъ Карамзинъ, имѣлъ довольно порядочное помѣстье. Отъ перваго брака М. Е. Карамзина и родился Николай Михайловичъ [1]), котораго отецъ и мачиха выростили и воспитали вмѣстѣ съ его братомъ дома. Въ чемъ заключалось это первоначальное, домашнее воспитаніе — мы не знаемъ; но знаемъ, что къ этому воспитанію прилагалось и стараніе, и забота, потому что, какъ только минуло Карамзину **Карамзинъ.**

[1]) Мать Н. М. Карамзина скончалась въ первые годы его дѣтства.

14 лѣтъ, его отвезли въ Москву и опредѣлили въ лучшее учебное заведеніе того времени, въ пансіонъ Шадена, одного изъ весьма извѣстныхъ и наиболѣе талантливыхъ профессоровъ Московскаго университета. Одинъ изъ учениковъ его, быть-можетъ, товарищъ Карамзина, почтилъ его память слѣдующими стихами:

«Какъ риторъ ты владѣлъ учащихся сердцами,
Какъ философъ —любить ты истину училъ,
И въ томъ примѣромъ самъ отличнѣйшимъ служилъ;
Ты былъ учености и мудрости ревнитель,
Ты вѣры былъ святой всю жизнь свою хранитель.
И друга, и отца учащимся являлъ,—
Ихъ пользу, счастье ихъ ты собственнымъ считалъ».

Годы ученія.

И Карамзинъ также съ благодарностью вспоминаетъ о томъ, какъ онъ былъ однимъ изъ восьми учениковъ у Шадена въ пансіонѣ, который существовалъ (и славился) въ Москвѣ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII столѣтія. Объ этомъ пансіонѣ мы знаемъ только, что въ немъ преподавалъ и Шаденъ, и посторонніе учителя; знаемъ также, что Карамзинъ, пребывая въ пансіонѣ Шадена, посѣщалъ и нѣкоторыя университетскія лекціи. Но все же образованіе, полученное Карамзинымъ даже и въ этомъ образцовомъ пансіонѣ, было не выше элементарнаго; онъ даже не ознакомился въ достаточной степени съ новѣйшими языками: Карамзину пришлось доучиваться имъ впослѣдствіи, особенно во время пребыванія за границею въ 1789 г.

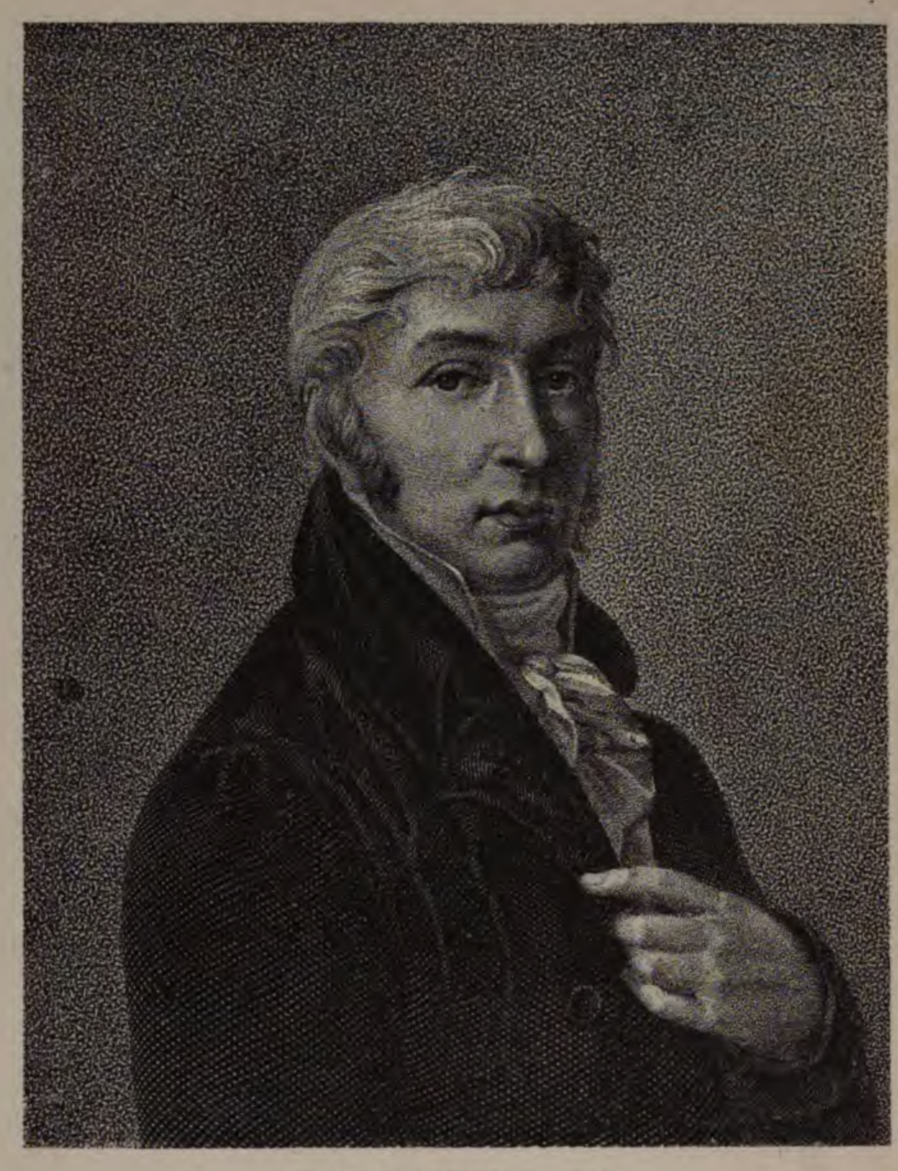
Покончивъ съ пансіономъ, юноша Карамзинъ пошелъ общею стезёю всей дворянской молодежи прошлаго столѣтія—т. е. поступилъ въ военную службу, въ Преображенскій полкъ. Но пробылъ тамъ очень недолго, такъ какъ въ концѣ 1783 г. или въ началѣ 1784 г. умеръ его отецъ и Карамзину пришлось покинуть Петербургъ и уѣхать на родину. Пребываніе въ военной службѣ осталось ему памятно только тѣмъ, что онъ здѣсь сошелся съ И. И. Дмитріевымъ, такимъ же преображенцемъ, какъ онъ самъ—впослѣдствіи закадычнымъ другомъ его до конца жизни. Изъ записокъ И. И. Дмитріева и узнаемъ мы, что Карамзинъ, по смерти отца, зажилъ въ провинціи тою же свѣтскою жизнью, которою около него жили всѣ, и что только счастливая случайность отвлекла его отъ этой пустоты и направила иною дорогою. Въ Симбирскѣ встрѣтился съ нимъ И. П. Тургеневъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ „Дружескаго Общества", и угадавъ въ юношѣ человѣка способнаго и умнаго, уговорилъ его ѣхать въ Москву и заняться дѣломъ. Карамзинъ поѣхалъ и, по пріѣздѣ въ Москву, введенъ былъ И. П. Тургеневымъ въ кружокъ Дружескаго Общества, гдѣ для него нашлись и нравственная под-

держка, и трудъ. А трудиться было необходимо, потому что Карамзинъ, очутившись въ кружкѣ молодежи, которая содержалась на счетъ „Дружескаго Общества“ и работала въ его изданіяхъ, увидѣлъ всю шаткость своихъ знаній, всю ограниченность своего образованія, всю недостаточность своего умѣнья, даже по отношенію къ знанію отечественнаго языка. Чтобы судить о томъ, какъ необычайно много успѣлъ пріобрѣсти Карамзинъ за время своего четырехлѣтняго (1785—1789 г.) пребыванія въ Дружескомъ Обществѣ, стóитъ только сравнить его прозу въ первомъ печатномъ его произведеніи [1]), съ тѣми оригинальными и переводными произведеніями, которыя были имъ помѣщены въ Новиковскомъ „Дѣтскомъ Чтеніи“; и мы сразу поймемъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ развился и выросъ литературный талантъ Карамзина. Здѣсь, подъ руководствомъ болѣе опытныхъ въ словесности товарищей своихъ, Карамзинъ занялся переводами съ иностранныхъ языковъ и вообще самообразованіемъ. Такъ были переведены: поэма Геснера „*О происхожденіи зла*“ (1786), переведенная по порученію Новикова, „*Бесѣды съ Богомъ или размышленія на каждый день года*“ (1787 г.), а также переведенъ и написанъ цѣлый рядъ статей для „Дѣтскаго Чтенія“. Товарищи-руководители, съ которыми Карамзинъ столкнулся въ кружкѣ Дружескаго Общества, были люди способные и основательно-образованные — воспитанники знаменитаго педагога и филантропа Шварца, котораго Карамзинъ уже не засталъ въ живыхъ. Выдающееся мѣсто между ними занимали А. А. Петровъ и А. М. Кутузовъ. О первомъ изъ нихъ И. И. Дмитріевъ, лично съ нимъ знакомый, говорилъ въ своихъ „запискахъ: „Петровъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, и одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ здравой критикѣ“. „Карамзинъ полюбилъ Петрова—говоритъ далѣе Дмитріевъ,—потому что оба питали равную страсть къ познаніямъ, изящному, имѣли одинаковую силу въ умѣ, одинаковую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи, подъ одною кровлею, у Меньшиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ „Дружескому Обществу“ [2]).

---

[1]) Произведеніе это—переводъ геснеровой идилліи «*Деревянная нога*» (напечатанной въ С.-Петербургѣ 1783 г.). Въ немъ, по указанію Н. С. Тихонравова, встрѣчаются мѣста такого рода: «Потеряніе нѣкоторыхъ изъ васъ своихъ отцевъ, коихъ память должна еще быть незабвенна въ вашихъ сердцахъ, сдѣлало, что вы, вмѣсто, чтобъ ходили повѣся голову, страдая подъ игомъ рабства, взираете нынѣ съ радостью на восходящее солнце, и утѣшительныя пѣніи распространяются повсюду».

[2]) «Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками: въ одной стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, а другая освящалась Іисусомъ на крестѣ, подъ покровомъ чернаго крепа». Такъ описываетъ Дмитріевъ студенческую келью Карамзина.



Н. М. Карамзинъ—въ молодости.

Другимъ близкимъ къ Карамзину человѣкомъ, въ томъ же кружкѣ, былъ А. М. Кутузовъ, извѣстный переводчикъ „Мессіады" Клопштока: онъ пользовался среди масоновъ большимъ значеніемъ. Впослѣдствіи онъ даже былъ отправленъ московскими масонами въ Берлинъ и игралъ выдающую роль въ сношеніяхъ русскихъ ложъ съ западно-европейскими. И Петровъ, и Кутузовъ были, повидимому, убѣжденными мистиками и масонами, и отчасти проявляли въ настроеніи своемъ тотъ сумракъ, который былъ неразлученъ съ увлеченіями мистицизмомъ. Карамзинъ зналъ Кутузова уже меланхоликомъ, постоянно занятымъ мыслію о смерти. Тяжелыя сомнѣнія и мрачныя думы постоянно владѣли его ду-

пою Петрова. Вопросы: „что я есмь, и что я буду?—всего меня занимаютъ (пишетъ Петровъ Карамзину) и бѣдную голову мою, праздностью разслабленную, кружатъ и въ большое неустройство приводятъ".

Вліяніе Дружескаго Общества.

Нельзя отрицать того, что пребываніе въ Дружескомъ Обществѣ значительно повліяло на литературное развитіе Карамзина; несомнѣнно и то, что увлеченный примѣромъ друзей своихъ, Кутузова и Петрова, Карамзинъ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1785—1789) усиленно работалъ надъ пополненіемъ своего образованія, много читалъ, многое изучалъ и обдумывалъ, многое обсуждалъ и усвоивалъ, и мало-по-малу пріобрѣлъ обширныя и солидныя свѣдѣнія въ современной ему европейской литературѣ. Но не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію и тотъ фактъ, что мистицизмъ пришелся Карамзину не по душѣ и что проникнуться ученіемъ мистиковъ онъ не могъ, хотя и вступилъ въ масонство и былъ несомнѣнно нѣкоторое время членомъ одной изъ масонскихъ ложъ [1]). Многія стороны дѣятельности масоновъ и ихъ убѣжденія—разумная религіозность, человѣколюбіе, братская любовь къ ближнему и патріотическое настроеніе—находили себѣ сочувствіе въ сердцѣ Карамзина и даже отразились во многихъ сторонахъ его послѣдующей литературной и общественной дѣятельности. Но и дѣятельность масоновъ, и ихъ убѣжденія представлялись живому и пылкому юношѣ Карамзину слишкомъ односторонними и однообразными: ему мало было этой морали и созерцаній, мало было одной филантропіи и сосредоточенія всѣхъ силъ души на самопознаніи. Онъ жаждалъ жизни, впечатлѣній, даже увлеченій, и строгія рамки, въ которыя мистики старались втиснуть всѣ потребности жизни и духа, представлялись ему тѣсными и узкими. Увлекательные парадоксы Руссо, бурный трагизмъ Шекспира и пламенная чувствительность Лессинга кружили ему голову и приводили его въ восторгъ, и склоняли его, мало-по-малу, къ сентиментализму, который тогда (въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка) начиналъ преобладать въ западныхъ литературахъ и уже проникать къ намъ.

Путешествіе за границу.

Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу и, посѣтивъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, провелъ за границею полтора года. Въ теченіе этого времени и были написаны знаменитыя въ свое время „Письма русскаго путешественника", доставившія автору заслуженную извѣстность. Но гораздо важнѣе этого произведенія было то общее настроеніе, которое являлось прямымъ выводомъ всѣхъ впечатлѣній, вынесенныхъ Карамзи-

[1]) Въ 1789 г. онъ даже и за границу уѣхалъ на счетъ Дружескаго Общества и по инструкціи С. И. Гамалѣи—ревностнаго масона.

нымъ изъ его путешествій за границу. Ему пришлось увидѣть тамъ писателей и журналистовъ въ такомъ почетномъ, завидномъ положеніи среди окружающаго ихъ общества, что мысль о возможности создать себѣ подобное же положеніе въ Россіи стала туманить его молодую голову. Понадѣявшись на свои силы, онъ, по возвращеніи изъ-за границы, рѣшился покинуть тотъ избитый торный путь, по которому около него шло все современное русское дворянство, и создать себѣ иное, новое положеніе; и дѣйствительно, онъ, несмотря на 24 года, не поступаетъ на службу, не поселяется и въ деревнѣ, но посвящаетъ себя всецѣло и исключительно литературной дѣятельности.

Московскій журналъ.

Надо сказать правду: эпоха, въ которую Карамзинъ рѣшился выступить на литературное поприще, можетъ быть названа наименѣе благопріятной для выполненія этого оригинальнаго замысла. И конецъ царствованія Екатерины, и кратковременное царствованіе Павла были временемъ суровымъ и тяжкимъ,—временемъ застоя и опасеній за каждое лишнее слово, высказанное печатно или устно. Но смѣлый юноша сумѣлъ примѣниться къ обстоятельствамъ, и очень скоро успѣлъ обратить на себя общее вниманіе новизною и яркостью своихъ увлекательныхъ произведеній: онъ сдѣлался положительно любимцемъ всей читающей публики. Мало того, двѣнадцатилѣтній періодъ времени, отъ 1791 по 1803 годъ, посвященный Карамзинымъ журналистикѣ и литературѣ, представляетъ собою самый блестящій періодъ въ его писательской дѣятельности. И дѣйствительно, все, что въ этомъ періодѣ выходило изъ-подъ пера Карамзина, было настолько жизненно, настолько ярко, ново и разнообразно, настолько соотвѣтствовало потребностямъ и вкусу большинства читателей, что успѣхи Карамзина не могутъ даже удивлять насъ.

Пробнымъ камнемъ литературнаго вкуса и умѣнья Карамзина явилось уже и первое его предпріятіе: ***Московскій журналъ***, которому онъ сумѣлъ придать новую форму и въ эту форму внести такое содержаніе, какого до этого времени публика не встрѣчала еще ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Это литературное умѣнье, конечно, стояло въ большой зависимости отъ таланта Карамзина, но, вѣроятно, было также и результатомъ близкаго знакомства Карамзина съ тѣми условіями, въ которыя журнальное дѣло было поставлено за границей. Влагая душу въ свой журналъ, принимая въ немъ главное участіе, внося въ него львиную долю всего вмѣщаемаго имъ матеріала, Карамзинъ заботился и о томъ, чтобы блеснуть передъ публикой участіемъ лучшихъ силъ современной русской литературы: рядомъ съ нимъ видимъ въ журналѣ и произведенія Хераскова, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго, Николева, Ѳ. Львова, Дмитріева—

рядомъ съ „маститыми" и молодыя силы. За отдѣломъ *стиховъ* и *беллетристической прозы* въ журналѣ Карамзина слѣдовала *смѣсь* и отдѣлъ критическій, въ которомъ, рядомъ съ рецензіями и отчетами о новыхъ книгахъ, помѣщались и довольно обширные разборы важнѣйшихъ произведеній иностранной и русской литературы. Просуществовавъ два года, „Московскій Журналъ" вдругъ прекратился. Легко можетъ быть, что это прекращеніе до нѣкоторой степени стояло въ связи съ разгромомъ, постигнувшимъ „Дружеское Общество" въ декабрѣ 1792 года. Въ заключеніи къ послѣдней книжкѣ журнала Карамзинъ заявилъ, что стѣсняется срочностью

Бывшій масонскій домъ въ переулкѣ, близъ Меньшиковой башни.

журнальной работы и предпочитаетъ форму періодическихъ сборниковъ, вѣроятно потому, что имъ менѣе могли вредить цензурныя затрудненія. Была, впрочемъ, и другая причина, выставленная на видъ Карамзинымъ. Говоря о томъ, что сборникъ „Аглая" заступитъ мѣсто „Московскаго Журнала", онъ прибавляетъ къ этому: „она („Аглая") должна отличаться отъ „Московскаго Журнала" строжайшимъ выборомъ піесъ и вообще чистѣйшимъ, т. е. болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ".

Но прежде „Аглаи" явился въ свѣтъ сборникъ подъ заглавіемъ „Мои бездѣлки", онъ заключалъ въ себѣ всѣ статьи Карамзина, помѣщенныя въ „Московскомъ Журналѣ". Затѣмъ, въ 1794 г., явился сборникъ „Аглая", въ двухъ отдѣльныхъ книж- **Сборники Карамзина.**

кахъ [1]). Но на этихъ двухъ сборникахъ не останавливается талантливый молодой писатель; онъ идетъ далѣе по тому же самому пути, продолжая неутомимо работать для русской литературы, придумывая новыя сопоставленія литературнаго матеріала, способныя привлечь вниманіе читающей публики, и распространяя въ массѣ ея много новыхъ свѣдѣній, изощряя и облагораживая вкусъ читающей публики. И въ этой дѣятельности Карамзина постоянно слышатся отголоски тѣхъ впечатлѣній, которыя вынесены имъ изъ заграничнаго путешествія. Такъ, въ 1796 году, онъ издаетъ въ свѣтъ первый русскій альманахъ, подъ названіемъ „*Аониды или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній*“ — нѣкоторое подобіе тому „Альманаху Музъ (Almanach der Musen)“, который ежегодно печатался въ Германіи и представлялъ собою сборникъ новыхъ, мелкихъ стихотвореній. Въ предисловіи къ сборнику, составитель его выражаетъ надежду на то, что „любителямъ поэзіи“ пріятно будетъ найти въ его сборникѣ „всѣхъ нашихъ извѣстныхъ стихотворцевъ“, а „подъ ихъ щитомъ“ и

Бесѣдка Карамзина, въ саду г-жи Селивановской, подъ Симоновымъ монастыремъ.

---

1) Въ первой книжкѣ Карамзинъ помѣстилъ слѣдующія свои статьи: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона»—воспоминаніе о Петровѣ, умершемъ въ концѣ 1793 года; «Что нужно автору?»—«Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи»;—«Островъ Борнгольмъ»;—«Письма изъ Лондона» и нѣсколько стихотвореній. Во второй книжкѣ «Аглаи» видимъ слѣдующія статьи Карамзина: «Сіерра Морена»;—«Аѳинская жизнь»;—«Переписка Филалета и Мелодора»;—«Дремучій лѣсъ»;—«Илья Муромецъ» и продолженіе «Писемъ русскаго путешественника».

произведенія „нѣкоторыхъ молодыхъ авторовъ, которыхъ зрѣющій талантъ достоинъ ея вниманія". И дѣйствительно, мы видимъ въ „Аонидахъ" [1]), рядомъ со стихами Державина и Хераскова, произведенія Львова и Капниста, и князя Горчакова, и В. Пушкина, и Измайлова, и Кострова, и даже Магницкаго — слѣдовательно „Аониды" могли дать достаточно полное понятіе о силахъ, дѣйствовавшихъ въ ту пору на литературномъ поприщѣ.

Въ 1798 году, вслѣдъ за „Аонидами", Карамзинъ задумываетъ изданіе „*Пантеона иностранной словесности*", о которомъ онъ самъ говоритъ, что это изданіе должно быть не что иное, какъ собраніе всякаго рода твореній—и важныхъ и неважныхъ... „и сказка, и отрывокъ, и арабскій анекдотъ—иное для слога, иное для любопытства, однимъ словомъ, родъ журнала, посвященнаго иностранной литературѣ".

Но времена для литературы были тугія, печальныя. Карамзинъ, въ сохранившихся отъ этой эпохи письмахъ къ друзьямъ, горько сѣтуетъ на цензуру, которая „какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается. Я, кажется, и самъ могу знать, что позволено и что не должно позволять; досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное"... Въ другомъ письмѣ онъ, по тому же поводу, добавляетъ: „я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосѳена, которыя могли бы украсить „Пантеонъ"; но цензоры говорятъ: Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно — и Цицерона также, и Саллюстія также"... Цензоры свирѣпствовали не только надъ произведеніями классиковъ, пересаживаемыми на русскую почву, но и надъ новыми изданіями прежде выпущенныхъ въ свѣтъ сборниковъ и сочиненій Карамзина, вычеркивая изъ нихъ цѣлыми страницами и цѣлыми пьесами. „Черезъ годъ не останется въ продажѣ, можетъ-быть, ни одного изъ моихъ сочиненій" — восклицаетъ Карамзинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и въ отчаяніи выражаетъ даже готовность навсегда отказаться отъ литературы.

Но царствованіе Павла I окончилось въ 1801 году и для Россіи, со вступленіемъ на престолъ Александра I, началась новая эпоха, болѣе благопріятная для развитія всѣхъ сторонъ ея общественной и умственной жизни. И въ жизни Карамзина эта эпоха обозначилась очень рѣзко новыми трудами и планами, новыми литературными предпріятіями, о которыхъ мы будемъ говорить въ послѣдующемъ періодѣ; а въ настоящую минуту ограничимся бѣглымъ обзоромъ того, что было сдѣлано Карамзинымъ въ литературѣ послѣ его возвращенія изъ заграничнаго путешествія, Эпоха Александра I.

---

[1]) Съ 1796 г. по 1799 г. вышло три книжки «Аонидъ».

при чемъ укажемъ и на то направленіе, которое преобладало во всѣхъ произведеніяхъ Карамзина въ эту раннюю эпоху литературной дѣятельности.

Стихи и проза Карамзина.

Дѣятельность эта была весьма разнообразна: съ первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ, Карамзинъ явился и поэтомъ, и журналистомъ, и критикомъ, и литераторомъ. Какъ поэтъ, Карамзинъ не блисталъ ни богатствомъ, ни глубиною содержанія своихъ стихотвореній, ни красотою ихъ внѣшней формы. Академикъ Гротъ справедливо замѣчаетъ, что въ поэзіи Карамзина чувствовался недостатокъ воображенія и образности, и при этомъ прибавляетъ: „стихотворенія Карамзина представляютъ намъ въ особенности историческій и біографическій интересъ, какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко-искренняго человѣка"... „Обыкновенныя тэмы поэзіи Карамзина—любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, кротость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинамъ и богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ"... Какъ журналистъ, Карамзинъ совершенно видоизмѣнилъ типъ журналовъ, существовавшій до него, и указалъ тотъ новый путь, по которому невольно пошли всѣ послѣдующіе журнальные дѣятели. Какъ критикъ, онъ выказалъ себя прекрасно подготовленнымъ и вполнѣ безпристрастнымъ судьею чужихъ произведеній, при разборѣ которыхъ проявлялъ тонкій вкусъ и замѣчательно-развитое чувство мѣры. Но всѣ эти достоинства Карамзина гораздо менѣе привлекали къ нему, гораздо менѣе цѣнились публикою, чѣмъ дѣятельность Карамзина, какъ беллетриста. Карамзинъ поэтъ, критикъ и журналистъ былъ далеко не всѣмъ извѣстенъ: Карамзина-беллетриста, Карамзина-автора „Бѣдной Лизы", „Натальи, боярской дочери" и „Писемъ русскаго путешественника"—знали всѣ, и эти произведенія его надолго стали кодексомъ „сентиментализма" для нѣсколькихъ послѣдующихъ поколѣній.

Сентиментализмъ на Западѣ.

„Сентиментализмъ" въ литературѣ явился на Западѣ такимъ же противовѣсомъ быстро распространявшемуся матеріализму энциклопедистовъ, какъ и мистицизмъ. Какъ масонство,—въ противоположность матеріализму, все старавшемуся разъяснить и доказать и со всего „совлечь покровы"—все облекало въ тайну и во всемъ искало вліянія и проявленія невидимыхъ силъ; такъ же точно и сентиментализмъ, въ противуположность ученію энциклопедистовъ, цѣнившихъ въ человѣкѣ только умъ и волю, отдавалъ предпочтеніе чувству передъ всѣми остальными сторонами человѣческой природы. Значеніе, придаваемое чувству сторонниками сентиментализма, было настолько велико, что и достоинство человѣка, и значеніе всѣхъ его дѣйствій измѣрялось только большею или меньшею степенью преобладанія въ немъ чувствитель-

ности. Важнымъ достоинствомъ сентиментализма было то, что онъ не питалъ ни малѣйшаго сочувствія къ героическому настроенію ложно-классической поэзіи, къ фальшивой постановкѣ и ходульности тѣхъ положеній, въ которыя ложно-классическая поэзія ставила своихъ героевъ—къ трескучимъ эффектамъ и громкимъ фразамъ, которые не имѣли ничего общаго съ дѣйствительностью. Другою привлекательною стороною сентиментализма, въ противоположность ложно-классическому направленію, было то, что приверженцы этого новаго литературнаго направленія придавали значеніе природѣ и высоко ставили тѣ впечатлѣнія, которыя она вызываетъ въ душѣ человѣка—тѣ чувства, какія она въ ней возбуждаетъ. То значеніе, которое сентименталисты придавали природѣ, сближало ихъ съ дѣйствительностью, побуждало къ наблюденію. Имъ не было надобности вдохновляться героическою древностью и преувеличенными проявленіями страстей, пороковъ и добродѣтелей, когда для ихъ вдохновенія достаточно было и тѣхъ впечатлѣній, и тѣхъ отношеній къ природѣ и дѣйствительности, которыя они испытывали каждый день, непрерывно и безпрестанно. Но очень важнымъ недостаткомъ сентиментализма было то пренебреженіе къ интересамъ ума и образованія, къ цивилизаціи и ея плодамъ, которое сентиментализмъ постоянно проповѣдывалъ и которое приводило его къ заблужденіямъ и вычурнымъ, и забавнымъ. Придавая цѣну только сердцу и ограничивая свои наблюденія только областью чувства, сентименталисты не придавали значенія дѣятельности ума и спокойнаго разсудка, и съ этой точки зрѣнія отвергали не только значеніе науки, но и пользу ея, и пригодность. Съ легкой руки Руссо, доказывавшаго вредъ цивилизаціи, поднявшаго голосъ въ пользу невѣдѣнія, преувеличившаго блага первобытнаго, дикаго состоянія человѣка, всѣ стали мечтать о томъ, что это первобытное состояніе было блаженнымъ, невиннымъ и наиболѣе близкимъ къ идеалу свободы, равенства и счастія, возможнаго на землѣ. Многимъ этотъ золотой вѣкъ представлялся тѣсно связаннымъ съ патріархальнымъ пастушескимъ бытомъ, и вотъ, одною изъ любимѣйшихъ тэмъ сентиментализма явилось прославленіе пастушескаго быта, которое создало цѣлый особый жанръ въ художествѣ, въ поэзіи, въ сценическомъ искусствѣ. Подрумяненныя, разряженныя по послѣдней модѣ пастушки и пастушки, въ соломенныхъ шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами, съ щеголеватыми посошками въ рукахъ, съ бѣленькими овечками на цвѣтныхъ шелковыхъ шнурочкахъ—явились необходимыми аксессуарами современной живописи и скульптуры, необходимыми дѣйствующими лицами граціозныхъ „пасторалей“, которыя разыгрывались на сценѣ и на тысячи ладовъ передѣлывались и воспроизводились поэзіей. На-

слажденіе, доставляемое уединеніемъ среди природы, послужило поводомъ къ другой модѣ, весьма распространенной въ прошломъ столѣтіи; люди богатые, владѣвшіе огромными помѣстьями, дворцами и дачами, выстраивали себѣ въ глуши обширныхъ парковъ скромныя хижины, крытыя соломой, и въ эти „отшельничества" (hermitages) удалялись отъ шумной свѣтской жизни и суеты, твердо убѣжденные въ томъ, что жизнь образованныхъ высшихъ классовъ общества гораздо менѣе близка къ идеалу счастія, нежели существованіе „бѣдныхъ, но честныхъ поселянъ, въ тишинѣ наслаждающихся жизнью, близкою къ природѣ". Такая идеализація

Лизинъ прудъ подъ Симоновымъ монастыремъ.

дѣйствительности, доведенная до смѣшныхъ крайностей, отражалась и въ литературѣ, и создавала въ ней какой-то идеальный міръ, не имѣвшій ничего общаго съ дѣйствительностью—міръ, полный весьма граціозныхъ, заманчивыхъ и нѣжныхъ образовъ, которые, однакоже, были весьма далеки отъ правды, отъ суровой прозы жизни, „отъ грубой дѣйствительности".

Сентиментализмъ Карамзина.

Карамзинъ не былъ первымъ русскимъ писателемъ, поддавшимся соблазну ввести къ намъ это новое литературное направленіе: оно было уже извѣстно у насъ задолго до Карамзина, потому что явилось въ Западной Европѣ еще въ концѣ первой половины XVIII вѣка, а 30 лѣтъ спустя было уже перенесено въ нашу переводную литературу (въ концѣ 80-хъ годовъ). Родиною сентиментализма была Англія, гдѣ онъ былъ внесенъ въ литературу чувствительными романами Ричардсона [1]) и знамени-

[1]) Первымъ изъ этихъ романовъ была «Кларисса», вышедшая въ свѣтъ въ 1748 г.

тымъ въ свое время „Сентиментальнымъ путешествіемъ“ Стерна, въ которомъ, впервые, авторъ-путешественникъ занималъ своего читателя не описаніемъ природы, а только описаніемъ тѣхъ впечатлѣній, какія онъ выносилъ изъ ея созерцанія. Оба эти автора встрѣтили себѣ во Франціи высокоталантливыхъ подражателей въ лицѣ Жанъ-Жака-Руссо и Бернардена-де-С. Пьерра; первый изъ нихъ написалъ „Новую Элоизу“, а второй—„Павла и Виргинію“, и въ обоихъ этихъ произведеніяхъ въ высшей степени увлекательно была изображена идиллическая жизнь среди природы, искусственность и испорченность городской жизни и нѣжныя влеченія невинныхъ сердецъ. Затѣмъ уже сентиментализмъ распространился и на Германію. Въ Россіи первые переводы произведеній сентиментальнаго направленія явились въ концѣ 80-хъ годовъ, а въ началѣ 90-хъ—мы видимъ у насъ довольно уродливыя подражанія имъ [1]). Новое направленіе нравилось, начинало прививаться, начинало привлекать общее вниманіе и сочувствіе, даже и тогда, когда съ нимъ можно было знакомиться лишь въ посредственныхъ переводахъ; но открыто и явно стало оно господствовать въ нашей литературѣ съ той поры, когда Карамзинъ—убѣжденный и горячій сторонникъ сентиментализма — воплотилъ его въ своихъ талантливыхъ и привлекательныхъ произведеніяхъ: „*Бѣдной Лизѣ*“, „*Натальѣ, боярской дочери*“ и „*Письмахъ русскаго путешественника*“.

„Бѣдная Лиза“ Карамзина — это образецъ сентиментальной повѣсти. **Бѣдная Лиза.** Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является „прекрасная тѣломъ и душою поселянка“—„нѣжная и чувствительная Лиза“. Ихъ бѣдная хижина стояла „недалеко отъ Симонова монастыря (въ Москвѣ), подлѣ березовой рощи, среди зеленаго луга“. Лиза кормила старушку-мать своими трудами; она ткала холсты, вязала чулки, весною собирала цвѣты, а лѣтомъ ягоды, и ходила въ городъ продавать ихъ. Это послужило ей поводомъ къ знакомству съ Эрастомъ, который былъ „довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ“. Эрастъ влюбился въ Лизу, а Лиза въ Эраста. Идиллическая сельская обстановка, которою Карамзинъ окружаетъ свою „поселянку Лизу“, завлекаетъ Эраста къ мечтамъ, а „красота Лизы дѣлаетъ впечатлѣніе въ его сердцѣ“. Имѣя живое воображеніе, „онъ мысленно переселяется

---

[1]) Романы Ричардсона явились въ Россіи, въ русскомъ переводѣ: «*Памела*» въ 1787 г., «*Кларисса*» въ 1791 г., «*Грандиссонъ*» въ 1793 г., «*Сентиментальное путешествіе*» Стерна — въ 1793. «*Новая Элоиза*» Руссо сначала явилась не въ полномъ видѣ, въ 1769 г., а потомъ въ полномъ—въ 1792. «*Павелъ и Виргинія*» Бернардена-де-С. Пьерра, въ 1793 г. Рабскимъ подражаніемъ Ричардсону явилась въ 1794 г. повѣсть Ѳ. Львова, подъ заглавіемъ: «*Россійская Памела или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки*».

въ тѣ времена, въ которыя всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами и въ счастливой праздности всѣ дни свои провождали". Эрасту казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, что̀ сердце его давно уже искало. „Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ, — думалъ онъ,—и рѣшился (по крайней мѣрѣ на время) оставить большой свѣтъ"... „Всѣ блестящія заботы большого свѣта представлялись ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми страстная дружба невинной души питала сердце Эраста". Эрастъ забываетъ даже о сословныхъ предразсудкахъ и увѣряетъ Лизу, что онъ можетъ быть ея мужемъ, что для него „важнѣе всего душа чувствительная, невинная душа, и Лиза будетъ всегда ближайшею къ его сердцу". Несмотря на всѣ эти увѣренія, онъ ***невольно*** обманываетъ Лизу, воспользовавшись ея невинностью въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда „мракъ вечера питалъ желанія, и никакой лучъ не могъ освѣтить заблужденія". Убѣдившись въ обманѣ, Лиза, покинутая Эрастомъ, нашла, что ей нельзя жить долѣе и бросилась въ прудъ, недалеко отъ тѣхъ древнихъ дубовъ, которые „за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ".

Наталья, боярская дочь.

„Наталья, боярская дочь" нѣсколько болѣе сложна по содержанію, заимствованному изъ древне-русской жизни, которую авторъ рисуетъ въ самыхъ идиллическихъ картинахъ. Онъ хочетъ воскресить передъ читателемъ тѣ времена, когда „Русскіе были русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т.-е. говорили, какъ думали". Въ эту идиллическую обстановку стараго боярскаго быта (авторъ не опредѣляетъ эпохи) вставлена фабула его повѣсти. Наталья, дочь боярина Матвѣя, дѣвушка дивной красоты, встрѣчаетъ въ церкви прекраснаго молодого человѣка, который показался ей олицетвореніемъ „любезнаго призрака, который ночью и днемъ прельщалъ ея воображеніе". По словамъ автора, Наталья влюбилась въ него „въ одну минуту, увидѣвъ его въ первый разъ и не слыхавъ отъ него ни одного слова"—и тутъ же спѣшитъ объяснить читателю такую странную любовь своей героини къ незнакомцу, слѣдующимъ образомъ:

„Милостивые государи, я разсказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвайтесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя. А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ пойди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру".

Познакомившись съ этимъ молодымъ человѣкомъ черезъ няню, которая ввела его въ теремъ Натальи, героиня повѣсти узнала, что онъ уже давно ее любитъ. При этомъ, не надѣясь получить согласіе отца-боярина на бракъ, онъ уговорилъ Наталью тайно уѣхать съ нимъ и повѣнчаться. Въ ту же ночь онъ увезъ ее съ няней, обвѣнчался на пути и ввелъ ее въ свой домъ, построенный въ дремучемъ лѣсу, среди страшной глуши. Только тутъ уже выясняется, что мужемъ Натальи былъ боярскій сынъ Алексѣй Любославскій, что отецъ его попалъ въ опалу по ложному подозрѣнію, вынужденъ былъ бѣжать и скрываться, и умеръ среди этихъ скитаній, въ которыхъ за нимъ всюду слѣдовалъ и его сынъ. И вотъ счастью молодого супружества, поселившагося въ тихомъ уединеніи, мѣшало лишь то, что Алексѣй тяготился своею незаслуженною опалою, а Наталья не могла забыть своего покинутаго отца, и молодые супруги изыскивали всѣ способы, чтобы заслужить милость государя и получить прощеніе отъ боярина Матвѣя. Случай вывелъ ихъ изъ затрудненія. На Московское государство напали Литовцы: Алексѣй рѣшился ѣхать на войну со своими людьми, и Наталья ни за что не хотѣла отстать отъ него— облеклась въ воинскіе доспѣхи и послѣдовала за мужемъ. На войнѣ они выказали столько мужества и такъ отличились своими подвигами, что главный воевода донесъ о нихъ царю и въ донесеніи этомъ высказалъ, что не находитъ словъ для восхваленія „того юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, который гналъ, разилъ непріятелей и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя". При этомъ онъ добавилъ, что „повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасный отрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ", и заканчивалъ словами: „юный воинъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ тебя, государь". Само собою разумѣется, что въ заключеніе повѣсти государь потребовалъ ихъ къ себѣ, узналъ кто они, и не только избавилъ Алексѣя отъ тяготѣвшей на немъ опалы, но и уговорилъ боярина Матвѣя простить дочь и дать ей благословеніе. „И потомъ они жили счастливо до глубокой старости"...

Всѣ современники этого періода дѣятельности Карамзина единогласно утверждаютъ, что успѣхъ его повѣстей и „Писемъ русскаго путешественника" былъ изумительный, небывалый. Ихъ не только читали—ихъ заучивали наизусть, переписывали въ тетрадки на память... Самое мѣсто дѣйствія „Бѣдной Лизы" — окрестности Симонова монастыря и тотъ прудъ, который до сихъ поръ сохранилъ названіе „Лизина"—обратились въ любимое мѣсто романическихъ прогулокъ и сентиментальныхъ мечтаній. Утверждаютъ даже, будто именно со времени появленія этихъ повѣстей любовь къ чтенію усилилась между русскими женщинами. По-

вѣсти Карамзина всѣмъ нравились, всѣмъ пришлись по вкусу, несмотря на то, что Карамзинъ, по справедливому замѣчанію академика Я. К. Грота, не обладалъ „даромъ художественнаго творчества, вслѣдствіе чего въ нихъ вымыселъ чрезвычайно простъ, даже бѣденъ, и нѣтъ въ нихъ ни характеровъ, ни національнаго колорита". Никто этого и не искалъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ Карамзина; русское общество было уже въ значительной степени подготовлено къ сентиментальному направленію переводною литературою, и всѣ ставили въ заслугу Карамзину его умѣнье придать нѣжному и многословному сентиментализму такую легкую, общедоступную и привлекательную форму, которая способствовала широкому распространенію этого направленія въ нашемъ обществѣ.

Письма русскаго путешественника. Въ этомъ же направленіи написаны и „Письма русскаго путешественника", которыя надолго стали для всѣхъ образцомъ всякихъ описаній природы и впечатлѣній странствованія. Живо и образно описывая города Европы съ ихъ чудесами искусства, съ ихъ учеными учрежденіями и музеями, передавая впечатлѣнія встрѣчъ съ замѣчательными европейскими учеными и писателями, Карамзинъ, какъ страстный поклонникъ Руссо, всюду настойчиво проводитъ одну и ту же мысль: всѣ чудеса науки и искусства ничтожны передъ явленіями природы и никакія красоты не могутъ сравниться съ ея красотами. Этотъ взглядъ побуждаетъ Карамзина отдавать Швейцаріи предпочтеніе передъ всѣми странами Европы. Швейцарія—по словамъ Карамзина—„страна живописной Натуры, земля свободы и благополучія"; жители ея—„щастливые Швейцары", обязаны „всякій день, всякій часъ благодарить небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры; подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и служа единому Богу"... Онъ даже жалѣетъ о томъ, что не родился „въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями?.. Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями—тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ: болѣе наслаждались они любовью, болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами природы".

Лучшимъ образцомъ тѣхъ крайностей, до которыхъ способенъ доходить сентиментализмъ Карамзина, можетъ служить письмо изъ Дрездена, гдѣ онъ намъ передаетъ свои впечатлѣнія при видѣ Эльбы: „Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и—даже плакалъ, что̀ обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень,

очень весело... Вынулъ бумагу, карандашъ, написалъ: любезная природа!—и болѣе ни слова... Но едва-ли когда-нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва-ли когда-нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой Любви и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей. А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! Вы будете благословенны мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду вспоминать прошедшее".

Но эти крайности не бросались въ глаза современникамъ, которые были увлечены тѣмъ же направленіемъ литературнымъ, и, по свидѣтельству „Записокъ" И. И. Дмитріева, всѣ были поражены новизною и прелестью карамзинской рѣчи, которая всѣхъ очаровывала красотою и звучностью своихъ оборотовъ и кажущеюся близостью къ разговорному языку образованнаго общества; но объ этомъ намъ придется говорить въ послѣдующемъ періодѣ, въ которомъ Карамзинская рѣчь стала преобладать въ литературѣ...

По какой-то особенно странной игрѣ случая, рядомъ съ тонкимъ, изящнымъ, увлекающимся и нѣжнымъ Карамзинымъ, въ русской литературѣ прошлаго вѣка является другой высокоталантливый писатель, но до такой степени не похожій на своего блестящаго современника и сотоварища, что, сравнивая ихъ, можно только изумляться обилію и разнообразію талантовъ, проявившихся въ русской литературѣ конца прошлаго столѣтія. Писатель этотъ (съ самаго начала дѣятельности противникъ и порицатель Карамзина) былъ никто иной, какъ Крыловъ, этотъ удивительный самородокъ въ области русской словесности.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ только на два года моложе Карамзина (онъ родился въ 1768 г.). Родиною Крылова была Москва, но все дѣтство свое онъ, однакоже, провелъ на крайнемъ Востокѣ Россіи, въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ отецъ его, бѣдный и скудный армейскій офицеръ, находился на службѣ. Во время Пугачевщины, когда всѣ растерялись и не знали, что дѣлать и что предпринять, Андрей Прохоровичъ Крыловъ выказалъ себя человѣкомъ толковымъ, способнымъ и храбрымъ: только благодаря его находчивости и рѣшительности Яицкій городокъ не сдался самозванцу и тѣмъ избѣжалъ ужасовъ, грозившихъ ему при сдачѣ. Но заслуги Андрея Прохоровича никѣмъ не были оцѣнены; онъ не получилъ никакой награды и, оскорбленный такою несправедливостью, перешелъ въ гражданскую службу, въ Тверь, которая была его родиною. Здѣсь въ 1778 г. онъ и скончался, оставивъ своего десятилѣтняго сына на попеченіе матери, безъ

И. А. Крыловъ.

всякихъ средствъ къ жизни. Тяжела была доля этой матери, нѣжно любившей свое единственное дѣтище. По счастію, однакоже, Марья Андреевна Крылова была одною изъ тѣхъ прекрасныхъ русскихъ женщинъ, которыя способны на всякое самопожертвованіе: несмотря на то, что крайность вынуждала ее добывать себѣ пропитаніе чтеніемъ каноновъ по покойникамъ въ богатыхъ купеческихъ и дворянскихъ домахъ [1]), она все же нашла время и возможность передать сыну своему все, что сама знала и даже доставить ему средства для пополненія его образованія. Такъ, напр., извѣстно, что она ввела его въ домъ Николая Петровича Львова (дяди извѣстнаго уже намъ Николая Александровича Львова), который ознакомилъ юнаго Крылова съ французскимъ языкомъ. Но все же, кажется, талантливый юноша болѣе всего былъ обязанъ своимъ образованіемъ тому объемистому сундуку съ книгами, который остался ему единственнымъ наслѣдіемъ отъ покойнаго отца. Онъ быстро исчерпалъ этотъ книжный запасъ, быстро усвоилъ его содержаніе, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и необычайной памяти, и уже очень рано захотѣлъ подражать извѣстнымъ ему авторамъ и началъ сочинять въ стихахъ и прозѣ. Но бѣдность тѣснила и преслѣдовала, и не давала возможности думать ни о чемъ иномъ, кромѣ интересовъ насущнаго хлѣба. Прежде чѣмъ сдѣлаться писателемъ, Крылову пришлось вынести тяжелую школу службы писцомъ въ Калязинскомъ уѣздномъ судѣ и въ Тверскомъ магистратѣ, при 2 рубляхъ жалованья въ мѣсяцъ... Потомъ, когда мать Крылова, обнадеженная полученіемъ пенсіи, переѣхала въ Петербургъ, положеніе Крылова немного улучшилось; онъ перешелъ на службу, писцомъ же, въ Кабинетъ Ея Величества, но прослужилъ здѣсь недолго... Мать скончалась въ 1788 г., и двадцатилѣтній юноша тотчасъ покинулъ жалкую служебную карьеру, сознавая въ себѣ достаточный запасъ способностей и энергіи для того, чтобы выступить на иное—литературное поприще.

Призваніе къ литературѣ. Призваніе къ литературѣ Крыловъ ощутилъ въ себѣ рано. Еще будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже создалъ первый литературный опытъ: сочинилъ нѣкоторое подобіе, бывшихъ тогда въ модѣ, комическихъ оперъ подъ названіемъ „Кофейница“ [2]). Въ этомъ произведеніи, на нашъ взглядъ, гораздо болѣе самостоятельности и таланта, нежели въ ближайшихъ послѣдующихъ драматическихъ произведеніяхъ Крылова, чисто-подражательныхъ. Содержаніе этого юношескаго опыта заключается

---

[1]) Чтеніе каноновъ, въ теченіе шести недѣль послѣ смерти одного изъ членовъ семейства, было въ то время въ обычаѣ въ Твери, не только между купцами, но и между дворянами.

[2]) Кофейница- то же, что ворожея, гадающая на кофейной гущѣ.

въ томъ, что плутоватый приказчикъ, при помощи „кофейницы", старается обмануть свою госпожу-помѣщицу и отбить невѣсту у одного изъ ея крестьянъ, котораго онъ и обвиняетъ въ воровствѣ; но случай обличаетъ обманщика, и все кончается къ лучшему. Во всемъ произведеніи есть извѣстнаго рода ц ѣ л о с т ь, есть связь между явленіями, есть и характеры (плута-приказчика и барыни-помѣщицы — Новомодовой), ловко задуманные и д о в о л ь н о удачно выполненные, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ талантѣ юнаго автора [1]). Но этому произведенію Крылова суждено было долго оставаться неизвѣстнымъ; а лѣтъ пять спустя въ печать попало другое, гораздо менѣе оригинальное произведеніе Ивана Андреевича—трагедія „*Филомела*", впрочемъ открывшая ему доступъ въ литературный кружокъ уже извѣстнаго намъ Княжнина и другихъ драматическихъ писателей. Крыловъ, поощряемый ими, написалъ-было и еще одну трагедію („Клеопатру"), но, по счастью, былъ отвлеченъ отъ этого скучнаго, ложно-классическаго рода другимъ увлеченіемъ—журнальною дѣятельностью.

И. А. Крыловъ. Молодой типъ.

Познакомившись и сблизившись съ капитаномъ Рахманино-

[1]) Преданіе гласитъ, что это первое произведеніе юноши-Крылова чуть-было не попало въ печать... По пріѣздѣ изъ Твери въ Петербургъ, онъ продалъ свою «Кофейницу» книгопродавцу Брейткопфу, который предложилъ за нее Крылову 60 р. ассигнаціями. Но Крыловъ, сильно нуждавшійся въ матерьяльныхъ средствахъ, не взялъ денегъ, а предпочелъ взять у книгопродавца на ту же сумму французскихъ книгъ (въ томъ числѣ сочиненія Расина, Мольера и Буало).

вымъ, издателемъ журнала „Утренніе часы“, Крыловъ сталъ сначала участвовать въ немъ, какъ сотрудникъ, а потомъ отъ роли сотрудника очень быстро перешелъ къ роли редактора самостоятельнаго журнала „Почта духовъ“. Изъ предыдущаго мы уже знакомы съ дѣятельностью Крылова, какъ журналиста, и съ тѣмъ кружкомъ, среди котораго онъ дѣйствовалъ. Не повторяя уже сказаннаго, мы замѣтимъ только, что и въ журнальной дѣятельности замѣчательный сатирическій талантъ и громадный природный умъ Крылова еще не выказались въ той силѣ, съ какою они проявились впослѣдствіи въ произведеніяхъ Крылова-баснописца. Крыловъ-юноша, въ своемъ литературномъ кружкѣ, былъ младшимъ членомъ и замѣтно подчинялся вліянію кружка, то подражая ложно-классическимъ формамъ поэзіи, то повторяя тѣ же тэмы, которыя уже давно были исчерпаны журнальной сатирой Новикова. Въ своихъ статьяхъ и стихотвореніяхъ, печатанныхъ въ журналахъ, Крыловъ, главнымъ образомъ, касался двухъ тэмъ—отношеній барства къ крестьянамъ и преувеличеннаго пристрастія русскихъ ко всему иностранному. Нападки на это пристрастіе, нѣсколько преувеличенныя и вычурныя, привели его даже къ огульному отрицанію европеизма, представителемъ котораго являлся Карамзинъ, блистательно выступившій на журнальное поприще и только-что напечатавшій свои „Письма русскаго путешественника“. И тонъ, и духъ, и самый слогъ этихъ писемъ, вычурно-сентиментальныхъ и проникнутыхъ изысканно-нѣжными чувствами, долженъ былъ показаться въ высшей степени противнымъ и мало понятнымъ русскому самородку, по самой натурѣ своей далекому отъ всякихъ нѣжностей и выспренныхъ стремленій, и постоянно тяготѣвшему къ землѣ. И вотъ, уже въ „*С.-Петербургскомъ Меркуріи*“, Крыловъ выступилъ литературнымъ противникомъ Карамзина, напечатавъ „*похвальную рѣчь Ермолафиду* [1]), *говоренную въ собраніи молодыхъ писателей*“. Здѣсь, подъ именемъ *Ермолафида,* онъ разумѣетъ, видимо, Карамзина и, выставляя его въ образецъ молодымъ авторамъ, осмѣиваетъ и слогъ, и языкъ, и воззрѣнія, и даже идеалы его.

Комедіи Крылова. Въ томъ же „С.-Петербургскомъ Меркуріи“ встрѣчаемъ мы лирическія стихотворенія Крылова и его довольно слабыя комедіи: „*Бѣшеная семья*“, „*Проказники*“ и „*Сочинитель въ Прихожей*“. Лирическія стихотворенія имѣютъ по крайней мѣрѣ то несомнѣнное достоинство, что представляютъ нѣкоторый біографическій интересъ: они свидѣтельствуютъ о довольно тягостномъ нравственномъ настроеніи Крылова за это время, и даже это указаніе, при скудости матеріаловъ для біографіи Крылова, оказывается

---

[1]) «Ермолафія»—то же, что чепуха, галиматья.

важнымъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ видимъ жалобы на судьбу, на неудачи, видимъ и недовольство собою. Тутъ, конечно, играли роль и журнальныя невзгоды, и проказы молодости... Главною же невзгодою, вѣроятно, было закрытіе типографіи *„Крылова съ товарищи“*, послѣдовавшее въ декабрѣ 1796 года, когда, по указу императора Павла I, упразднены были всѣ типографіи, за исключеніемъ казенныхъ и состоявшихъ въ вѣдѣніи присутственныхъ мѣстъ. Можетъ-быть, въ связи съ этимъ закрытіемъ типографіи находился и ничѣмъ необъяснимый отъѣздъ Крылова изъ С.-Петербурга въ провинцію. Здѣсь видимъ мы его въ семействѣ опальнаго князя С. О. Голицына, высланнаго Павломъ I изъ столицы на житье въ помѣстья. Крыловъ является въ домѣ князя, въ его помѣстьяхъ—Зубриловкѣ (Саратовской губ.) и Казацкомъ (Кіевской губ.) — въ довольно неопредѣленной роли, не то домашняго учителя, не то друга дома, принявшаго на себя обязанность увеселять княжескую семью. Онъ и молодыхъ княженъ учитъ, и домашніе концерты и спектакли устраиваетъ. По поводу одного изъ этихъ спектаклей и была написана Крыловымъ жестокая пародія на ложно-классическую трагедію, такъ-называемая *„шуто-трагедія Трумфъ“*, въ которой Иванъ Андреевичъ исполнялъ даже роль главнаго дѣйствующаго лица. Что же касается до преподавательской дѣятельности Крылова, то одинъ изъ его учениковъ свидѣтельствуетъ, что „и въ этомъ дѣлѣ онъ показалъ себя мастеромъ“ [1]).

Скитанія Крылова.

Опала князя С. О. Голицына продолжалась недолго: вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ Александра I, князь былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, а Крыловъ, по его непремѣнному желанію, опредѣленъ къ нему въ секретари. Но, два года спустя, онъ вдругъ бросаетъ службу и уѣзжаетъ изъ Риги. Куда? — неизвѣстно... И цѣлыхъ два года въ его біографіи остаются совершенно темными для его біографовъ. Существуетъ только такое преданіе — впрочемъ, не основанное ни на какихъ фактическихъ данныхъ — будто бы, незадолго до своего отъѣзда изъ Риги, Крыловъ выигралъ въ карты большую сумму денегъ (около 30.000 р.) и пустился странствовать по Россіи: увлекаемый несчастною страстью къ азартной игрѣ, онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку. Быть-можетъ, въ этой тяжкой школѣ и закалился окончательно этотъ

---

[1]) Этотъ ученикъ никто иной, какъ весьма извѣстный по своимъ воспоминаніямъ Ф. Ф. Вигель. «Уроки наши (говоритъ онъ) проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, и любилъ вопросы, и отвѣчалъ на нихъ такъ же толковито, такъ же легко, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ: онъ къ наставленіямъ своимъ примѣнивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ... Я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него понабрался...»

несокрушимо-сильный богатырь и довоспитался этотъ умъ глубокій, наблюдательный и своеобразный. Изъ своихъ темныхъ и никому невѣдомыхъ странствованій по Россіи онъ возвратился не ранѣе 1806 года—возвратился уже вполнѣ зрѣлымъ мужчиной и съ превосходными образцами басенъ въ рукахъ. Но этого Крылова-баснописца мы встрѣтимъ еще въ послѣдующемъ періодѣ, а теперь заключимъ галлерею писателей и журналистовъ Екатерининскаго времени еще однимъ литературнымъ дѣятелемъ, который до конца прошлаго столѣтія успѣлъ уже и прославиться, и совершить большую часть своей литературной карьеры.

И. И. Дмитріевъ, въ молодости.

И. И. Дмитріевъ.

Писатель этотъ былъ *Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ*. Онъ былъ землякъ Карамзина: родился въ 1760 г., въ Симбирской губерніи, въ селѣ Богородскомъ. Раннее дѣтство его протекло въ Казани, въ домѣ его богатаго дяди (со стороны матери) А. А. Бекетова, а потомъ въ помѣстьѣ отца и въ Москвѣ. Самъ И. И. Дмитріевъ оставилъ намъ послѣ себя весьма цѣнный біографическій матеріалъ, подъ названіемъ „Взглядъ на мою жизнь“. Это любопытнѣйшій памятникъ времени, рѣдкій по безпристрастію и искренности, съ которыми авторъ говоритъ о себѣ, почти какъ о постороннемъ лицѣ. Изъ этихъ записокъ автора о далекомъ прошломъ [1]), мы узнаемъ нѣсколько драгоцѣнныхъ бытовыхъ подробностей и, сверхъ того, получаемъ доступъ въ тотъ міръ отвлеченныхъ мечтаній, среди котораго жили въ то „доброе старое время“ многіе изъ передовыхъ представителей нашей интеллигенціи, весьма мало озабоченные дѣйствительностью, которая какъ-то сама собою, словно по щучьему велѣнью, складывалась около нихъ, благодаря неусыпнымъ заботамъ, связямъ и хлопотамъ маменекъ, на-

[1]) И. И. Дмитріевъ разсказываетъ, что эти записки писаны имъ «на 66 году жизни, когда ноги отказываются служить и глаза тоже; когда старыя связи порываются, новыя заводить трудно и непрочно, и приходится искать занятія въ самомъ себѣ, и доживать воспоминаніями».

пенекъ, дядюшекъ и тетушекъ, богатыхъ родственниковъ и знатныхъ покровителей...

Прежде всего, Дмитріевъ признается, что онъ, несмотря на полную обезпеченность, даже богатство того помѣщичьяго быта, среди котораго онъ жилъ, не получилъ никакого образованія,

И. И. Дмитріевъ, въ старости.

ни воспитанія. Ему то нанимали учителя, то отдавали его въ пансіонъ, то опять возвращали къ домашнему, очень безтолковому воспитанію, при чемъ занимался съ нимъ его отецъ, ничего не смыслившій въ мудреной техникѣ преподаванія. Образованіе складывалось изъ какихъ-то лоскутковъ и обрывочковъ, изъ постороннихъ вліяній и собственныхъ усилій, при случайныхъ благопріятныхъ условіяхъ, и при такомъ назидательномъ чтеніи, какъ „Похожденія Клевеланда" или „Приключенія Маркиза Г." Первымъ знакомствомъ съ русскою поэзіей Дмитріевъ былъ обязанъ своей матери, которая сама увлекалась произведеніями Ломоно-

сова и Сумарокова и любила ихъ декламировать маленькому сыну. Но, собственно говоря, къ чтенію русскихъ книгъ Дмитріевъ пристрастился только тогда, когда его отецъ, тѣснимый Пугачевщиною, переселился въ Москву. Тутъ у Дмитріева явился и разумный руководитель въ выборѣ русскихъ книгъ — личность въ своемъ родѣ типическая. То былъ крѣпостной дворовый одного богатаго заводчика, Дороѳей Серебряковъ, „обучавшійся, на иждивеніе господина своего, въ Славяно-греко-латинской Академіи латинской и русской словесности, а потомъ—у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искусству"... Какое удивительное сопоставленіе! И этотъ крѣпостной дворовый, болѣе образованный, нежели его молодые господа, былъ весь проникнутъ традиціями воспитавшей его школы, гдѣ ему выпало на долю быть ученикомъ извѣстнаго лирика В. П. Петрова, преподававшаго въ Академіи краснорѣчіе и поэзію. И Дороѳей благоговѣлъ предъ своимъ учителемъ. Часто приношивалъ онъ молодому Дмитріеву на листочкахъ оды и другіе случайные стихи своего бывшаго „учителя", и ужасно досадовалъ на барича, находившаго поэтическій языкъ Петрова тяжелымъ и неблагозвучнымъ. Это было отчасти понятно, потому что Дмитріевъ, въ это время, уже успѣлъ ознакомиться и съ московскимъ театромъ, и съ московскими писателями и поэтами, которые бывали въ домѣ его отца: съ Херасковымъ, В. Майковымъ и М. Н. Муравьевымъ, который тогда былъ еще въ скромномъ чинѣ каптенармуса лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, но уже успѣлъ издать въ свѣтъ „Собранія басенъ", „Похвальное слово Ломоносову" и стихотворный переводъ „Гражданской брани". Курсъ воспитанія и обученія И. И. Дмитріева, по его собственному признанію, закончился полковою школою, въ которой преподавались только элементарная математика, рисованье, священная исторія и географія на русскомъ языкѣ. Эта школа была закончена въ 1775 г., когда, по поводу разныхъ торжествъ, гвардія была направлена въ Москву, и Дмитріевъ, по ходатайству своего дяди П. А. Бекетова, былъ „черезъ чинъ" произведенъ въ фурьеры и отпущенъ въ годовой отпускъ къ родителямъ.

Поэтическія упражненія. Расположенія къ поэтическимъ упражненіямъ Дмитріевъ чувствовалъ уже давно, но въ 1777 году это расположеніе обратилось въ положительную страсть. О проявленіяхъ этой страсти Дмитріевъ разсказываетъ удивительно наивно. „Не видѣвъ еще ни одной книги о правилахъ стихосложенія, не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, о ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмами—это и были стихи мои" [1]).

[1]) Первымъ печатнымъ опытомъ Дмитріева была стихотворная надпись къ портрету Кантемира, помѣщ. въ «Ученыхъ Вѣдомостяхъ» Новикова (изд. въ СПБ. съ янв. по іюнь 1777 г.).

Позднѣе, одинъ изъ сослуживцевъ разъяснилъ ему правила стихотворства, какъ умѣлъ, и посовѣтовалъ взять въ образецъ Хераскова и Сумарокова. Съ его легкой руки, Дмитріевъ настолько освоился съ техникой стиха, что сталъ много писать и переводить стихами, впрочемъ тщательно скрывая свои упражненія отъ всѣхъ друзей своихъ и даже отъ брата. Но разумно относиться къ своему стихотворству Дмитріевъ сталъ только послѣ того, какъ въ концѣ 70-хъ годовъ сошелся съ Карамзинымъ, который былъ на пять лѣтъ моложе его, и съ Козлятевымъ, который былъ значительно старше Дмитріева. Козлятевъ былъ человѣкъ высоко-образованный и охотно занялся просвѣщеніемъ своего полуобразованнаго и наивнаго друга. Онъ ознакомилъ Дмитріева съ древними классиками во французскихъ переводахъ, и съ современной французской литературой, и даже съ общею теоріею словесности, указавъ ему на Квинтиліана, Буало и Баттё. Онъ далъ Дмитріеву понятіе и о критикѣ, и поражалъ робкаго юношу своими строгими сужденіями о литературныхъ знаменитостяхъ. Лѣтомъ 1788 г. гвардія выступила въ походъ въ Финляндію, и будущій поэтъ (тогда уже произведенный въ офицеры) запасся въ изобиліи новыми впечатлѣніями сѣверной природы, представлявшейся ему „Оссіановскою"... Въ какой степени этотъ юный воинъ, пришедшій проливать кровь враговъ, былъ тогда еще не прихотливъ на эти впечатлѣнія,—объ этомъ можно судить по его же словамъ:

„Сердце, еще не развращенное," — говоритъ онъ, — „повсюду найдетъ для себя кроткія наслажденія... Гдѣ они рѣдки, тамъ болѣе дорожатъ ими. И какъ я былъ обрадованъ, увидя однажды голубой цвѣточекъ между голыхъ и огромныхъ камней! Съ какимъ удовольствіемъ проваживалъ я поздніе вечера и первые часы утра въ низменной хижинѣ подъ соломенной кровлей"...

По возвращеніи изъ этого поэтическаго похода въ Петербургъ, Дмитріевъ былъ введенъ въ обширный литературно-художественный кружокъ Державина и тутъ передъ нимъ, по его собственному выраженію, „какъ бы открылся путь къ Парнасу". Тутъ уже вскорѣ первые удачные опыты его стихотворства явились на страницахъ „Московскаго Журнала" въ 1791 г. Особенно понравились публикѣ — пѣснь Дмитріева „Голубокъ" и сказка „Модная жена". Объ этомъ успѣхѣ своемъ онъ сообщаетъ намъ, что „Любители музыки сдѣлали на его пѣсню нѣсколько голосовъ: она полюбилась прекрасному полу: а сказка — поэтамъ и молодежи". При этомъ онъ замѣчаетъ, однакоже, что „ничье одобреніе столько не льстило его самолюбію, какъ одинъ привѣтливый взглядъ Карамзина или Козлятева". Должно предполагать, что именно по совѣту Карамзина Дмитріевъ перевелъ въ томъ же

Первыя произведенія.

1791 году нѣсколько басенъ изъ Флоріана и Лафонтена, а вскорѣ послѣ того и положительно оставилъ „громкое риторическое одописаніе“, сосредоточивъ всю свою дѣятельность „на мелкой сентиментальной лирикѣ и на переводѣ басенъ“.

По отношенію къ этой дѣятельности особенно любопытнымъ кажется намъ тотъ отрывокъ записокъ И. И. Дмитріева, въ которомъ онъ описываетъ намъ „лучшій свой піитическій годъ“... Странно сказать, что такимъ годомъ былъ одинъ изъ самыхъ сумрачныхъ и непривлекательныхъ годовъ въ концѣ царствованія Екатерины, когда реакція сказывалась во всемъ и заставляла задумываться даже весьма мирныхъ и безпритязательныхъ дѣятелей литературы и науки...

1794 годъ. „Семьсотъ девяносто четвертый годъ былъ моимъ лучшимъ піитическимъ годомъ“ — говоритъ И. И. Дмитріевъ. „Я провелъ его посреди моего семейства, въ приволжскомъ городкѣ Сызрани или въ странствованіи по Низовому краю. Здоровъ, независимъ, обезпеченъ во всѣхъ моихъ неприхотливыхъ нуждахъ, я не скучалъ отсутствіемъ шумныхъ забавъ и докучливыхъ, холодныхъ посѣщеній“... „Въ ясное утро, съ первыми лучами солнца, я переѣзжалъ въ Сызрани р. Крымзу, прямо противъ монастыря, и, взобравшись на высокій берегъ, хаживалъ туда и сюда безъ всякой цѣли, но вездѣ наслаждался живописными видами, голубымъ небомъ, кроткимъ сіяніемъ солнца, внѣшнимъ и внутреннимъ спокойствіемъ“... „Вездѣ давалъ я волю своимъ мечтамъ, начиная мою прогулку всегда съ готовою въ головѣ работою. Потомъ спускался на Воложку или къ заливу Волги. Тамъ выбиралъ изъ любого садка лучшихъ стерлядей и привозилъ ихъ въ ведрѣ къ семейному обѣду. Потомъ клалъ на бумагу стихи, придуманные въ моей прогулкѣ“... „Здѣсь же, въ Сызрани, въ роскошную пору весны, въ тонкомъ сумракѣ тихаго вечера, мелькнули предо мною безмолвные призраки Ермака и двухъ шамановъ“... [1]) „Не могу я теперь вспомнить безъ удовольствія тѣхъ дней“, — восклицаетъ далѣе И. И. Дмитріевъ, — „которые провелъ я въ пловучемъ домѣ — особенно же каждое утро. Время было прекрасное: начало лѣта. По восходѣ солнца выходилъ я изъ тѣсной каюты на палубу съ Аріостомъ въ рукахъ (т. е. съ французскимъ переводомъ „Неистоваго Роланда“): за мною выносили серебряный приборъ для кофе — я самъ варилъ его. Судно наше тянулось плавно или неслось быстро на парусахъ въ полной безопасности отъ мелей и бури. Съ наступленіемъ вечера я спускался въ каюту и ожидалъ вдохновенія Музы. Въ этомъ-то уголкѣ написаны: „Ода къ Волгѣ“ и „Искатель Фортуны“.

[1]) Извѣстному стихотворенію Дмитріева „Ермакъ“ придана форма разговора между двумя шаманами. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ о завоеваніи Сибири.

11

Воробей и Зяблица

Умолкъ Соловушка! конечно бѣдный боленъ,
или подружкой недоволенъ,
А можетъ и нещастливъ въ ней!
Мнѣ боленъ онъ! сказалъ печально Воробей;
„Онъ боленъ? Зяблица по словамъ его пристала:
Какъ мало въ сердцѣ ты читалъ!
Я лучше отгадала:
Любилъ онъ такъ и пѣлъ; сталъ щастливъ, замолчалъ.

Автографъ И. И. Дмитріева. Изъ коллекціи Императорской Публичной библіотеки.

Какъ немного нужно было, чтобы вдохновить музу сентиментальнаго поэта—можно видѣть изъ его же словъ:

„Никогда не забуду меланхолическаго, но какого-то пріятнаго впечатлѣнія, испытаннаго мною однажды въ положеніи путника. Съ наступленіемъ вечера въѣзжаю я въ околицу большого селенія и нагоняю толпу поселянъ обоего пола, возвращающуюся съ полевой работы. Долго слѣдовали они за мной и оглушали меня своими пѣснями. Достигаю до конца селенія и вижу поселянина, въ глубокой старости, сидящаго на завалинкѣ послѣдней хижины и держащаго младенца. Вѣроятно, это былъ внукъ его. Старикъ глядѣлъ спокойно; послѣдніе лучи солнца падали на обнаженное темя его. Путешествіе, младенецъ, въ противоположность со старцемъ, поющая молодость, закатъ солнца—все это представило мнѣ яркую картину жизни во всѣхъ возрастахъ—и конецъ ея".

Придавая такое важное значеніе даже и подобнымъ впечатлѣніямъ, Дмитріевъ, конечно, указываетъ на путешествіе, какъ на источникъ вдохновенія для поэтовъ. „Одна недѣля пути",—говоритъ онъ—„можетъ обогащать его запасомъ идей и картинъ, по крайней мѣрѣ, на полгода. Всегда подъ открытымъ небомъ, свидѣтель великолѣпнаго восхожденія солнца, вечернихъ сценъ, озлащенныхъ послѣдними его лучами; безмолвной, величественной ночи, усѣянной звѣздами или освѣщенной полною и кроткою луною—онъ вдыхаетъ въ себя большое благоговѣніе къ Непостижимому. Будучи одинокъ, никѣмъ не развлеченъ, наблюдатель и нравственнаго, и физическаго міра, онъ входитъ самъ въ себя и съ большею живостью принимаетъ всякое впечатлѣніе. Самое надъ нимъ пространство, недосягаемое и безпредѣльное, возвышаетъ въ немъ душу и расширяетъ сферу его воображенія".

Эти отрывки изъ „записокъ" Дмитріева особенно дороги намъ потому, что мы можемъ по нимъ прослѣдить весь процессъ его „стихотворныхъ занятій"; мы почти можемъ подмѣтить, какъ онъ, отдѣляя поэзію отъ жизни, на основаніи взглядовъ сентиментальной школы, „запасается впечатлѣніями", всегда измѣняя и преувеличивая значеніе происходящихъ около него явленій, и тщательно изыскивая около себя элементы жизни и природы, достойные поэтическаго творчества.

Въ результатѣ „благопріятнаго піитическаго года" Дмитріевымъ были написаны тѣ стихотворенія, которыя болѣе всего способствовали его прославленію: „*Гласъ Патріота*" (на взятіе Варшавы), „*Чужой толкъ*", „*Ермакъ*", сказки: „*Воздушныя башни*" и „*Причудница*" — и „*Посланіе къ Державину*". Вскорѣ послѣ того, когда другъ его, Карамзинъ, по прекращеніи „Московскаго Журнала" задумалъ собрать всѣ напечатанныя въ немъ свои произ-

веденія въ одинъ сборникъ, подъ заглавіемъ: „Мои бездѣлки"— Дмитріевъ послѣдовалъ этому примѣру и также издалъ въ свѣтъ сборникъ своихъ стихотвореній, подъ общимъ названіемъ: „*И мои безделки*".

Затѣмъ, удачно выступивъ на поприщѣ служебной дѣятельности, Дмитріевъ быстро пошелъ впередъ и достигъ впослѣдствіи высшихъ государственныхъ должностей. Само собою разумѣется, что ему при этомъ было уже не до поэзіи, и онъ могъ посвящать ей лишь весьма рѣдкіе досуги.

Поэзія И. И. Дмитріева.

Въ сущности, сдѣлано было немногое; но то, что сдѣлано, было сдѣлано тщательно и отчетливо. Самъ И. И. Дмитріевъ совершенно искренно говоритъ о своемъ первомъ періодѣ стихотворства, какъ о такомъ времени, когда онъ заботился „только о томъ, чтобы стихи его были менѣе шероховаты, чѣмъ у многихъ". „Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи. Но въ то время у насъ едва ли не также думали, не только читатели (И. И. Дмитріевъ хочетъ сказать: публика), но и самые первостепенные стихотворцы" [1]). И въ этихъ немногихъ искреннихъ словахъ почтенный и чрезвычайно добродушный поэтъ произноситъ совершенно вѣрный и безпристрастный приговоръ всему предшествующему (и своему современному) періоду русской поэзіи. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ, огромное большинство нашихъ поэтовъ (за весьма малыми исключеніями) въ поэзіи видѣли только внѣшнюю форму для выраженія какихъ-то мыслей и побужденій высшаго порядка, которыя не могли, будто бы, находить себѣ выраженія на языкѣ обыкновенныхъ смертныхъ. Для этого нуженъ былъ „языкъ боговъ"—та поэтическая форма выраженія, которая, въ сущности, составляла безобразнѣйшую смѣсь какой-то славянщины съ выраженіями „высокаго штиля", изуродованными произвольною перестановкою удареній и невозможными, обезсмысливающими краткими формами словъ, несвойственными русскому полногласію. Въ этомъ именно отношеніи, Дмитріевъ, послѣдуя примѣру своего друга Карамзина, принесъ несомнѣнную пользу русской поэзіи. Насколько Карамзинъ потрудился надъ разработкою литературнаго языка русской прозы, настолько же Дмитріевъ обратилъ вниманіе на заботливую выработку русскаго стиха и легкаго поэтическаго выраженія, которыя до него не отличались большимъ совершенствомъ. Вотъ почему оба имени — Карамзинъ и

[1]) О своей собственной поэтической дѣятельности И. И. Дмитріевъ отзывается болѣе чѣмъ скромно и сдержанно. Говоря о томъ, что онъ былъ неусидчивъ въ творчествѣ, онъ приходитъ къ такому заключенію: «Отъ того и примѣчается, даже самимъ мною, въ стихахъ моихъ скудость въ идеяхъ, болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Отъ того же и въ лучшихъ моихъ стихотвореніяхъ нѣтъ обширной основы».

Дмитріевъ—такъ часто соединяются въ нашей исторіи словесности и, несмотря на все различіе ихъ значенія, связаны въ нашемъ сознаніи неразрывными узами. И странно сказать, но, въ отношеніи къ потомству, Дмитріеву даже болѣе посчастливилось, чѣмъ Карамзину: за исключеніемъ немногихъ чисто-риторическихъ произведеній, все, написанное И. И. Дмитріевымъ, не утратило и до сихъ поръ своего относительнаго литературнаго достоинства; многія басни его пріобрѣли даже значеніе классическое. А между тѣмъ, не только стихи, но и беллетристическая проза Карамзина, которая такъ восхищала современное поколѣніе, давно забыты всѣми и имѣютъ для насъ только историко-литературное значеніе. Вся литературная дѣятельность его юности померкла и стерлась въ прахъ передъ величіемъ того труда, которому онъ посвятилъ жизнь и которымъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу.

Виньетка Екатерининскихъ временъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Научное и просвѣтительное движеніе при Екатеринѣ.—Широкіе просвѣтительные проекты; планы новыхъ университетовъ: русскіе и иноземные.—Университетъ Московскій.—Дѣятельность Академіи Наукъ.—Е. Р. Дашкова.—Учрежденіе Россійской Академіи.—Первые годы существованія Россійской Академіи.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію то глубокое сочувствіе и уваженіе, которое Екатерина питала къ наукѣ во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ. Это сочувствіе и уваженіе не были въ ней такими же отвлеченными побужденіями, какъ во многихъ меценатахъ, для которыхъ наука представляла не болѣе, какъ пріятный поводъ для собственнаго возвеличенья. Нѣтъ, Екатерина сочувствовала наукѣ вполнѣ искренно, сочувствовала дѣятельно, готовая всѣми силами содѣйствовать ея возрастанію и развитію, ея широкому распространенію въ обществѣ. Она сама любила науку, сама охотно посвящала ей свои досуги и съ большимъ вниманіемъ слѣдила за поступательнымъ движеніемъ наукъ въ Европѣ. Поддерживая тѣ ученыя учрежденія, которыя существовали въ Россіи еще при ея предшественницѣ, она и сама порывалась сдѣлать многое на пользу просвѣщенія Россіи; но эти порывы ея, по отношенію къ высшимъ ученымъ учрежденіямъ, не осуществились на дѣлѣ по множеству причинъ, въ числѣ которыхъ главную роль игралъ не только хроническій недостатокъ финансовъ, истощаемыхъ постоянными войнами, но и постоянное отвлеченіе вниманія государыни массою другихъ заботъ, требовавшихъ ея наблюде-

О. П. Козодавлевъ.

нія и участія. Въ сущности, къ ранѣе существовавшимъ ученымъ учрежденіямъ прибавилось еще только одно: „Россійская Академія“: но зато дѣятельность всѣхъ остальныхъ значительно расширилась не только приливомъ свѣжихъ силъ изъ-за границы, но и приростомъ собственныхъ силъ, воспитавшихся уже при лучшихъ условіяхъ, нежели предшествовавшее имъ поколѣніе ученыхъ. Впрочемъ, даже и тѣ широкіе планы и проекты, которые не пришлось осуществить, принесли, отчасти, свою долю пользы будущему просвѣщенію Россіи: изъ нихъ именно и выяснилось, что Россіи необходимъ русскій университетъ, тѣсно связанный съ русскою почвою, ея бытовыми условіями и потребностями, а не образцовое въ теоретическомъ смыслѣ высшее учебное заведеніе, составленное по послѣднему слову новѣйшей философской системы. Въ этомъ прежде всѣхъ убѣдилась и сама Екатерина, когда въ 1775 г. обратилась къ своему знаменитому другу Дидро съ просьбой составить планъ будущихъ университетовъ для Россіи. Дидро поспѣшилъ исполнить желаніе государыни и составилъ нѣчто весьма нескладное и притомъ несвязанное ни съ какою почвою, ни съ какими бытовыми и національными условіями жизни. Въ составъ общаго плана, въ видѣ отдѣльныхъ частей, входили планы: начальнаго училища, средняго учебнаго заведенія, въ родѣ гимназіи, особаго переходнаго къ университету курса и университета. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого плана, отмѣтимъ только, что Дидро былъ положительно противъ допущенія религіи въ кругъ предметовъ преподаванія и изученія ея въ среднемъ учебномъ заведеніи допускалъ „только изъ снисхожденія къ Императрицѣ“; затѣмъ всему преподаванію въ младшихъ классахъ средняго учебнаго заведенія (до VI класса) приданъ былъ исключительно-реальный характеръ, т. е. изучались исключительно математическія и естественныя науки, а русскій и славянскій языки допускались въ кругъ изученія уже только въ VII классѣ. Такой планъ преподаванія и подготовки къ университету, конечно, не могъ понравиться Екатеринѣ, и она оставила его подъ спудомъ. Въ 80-хъ годахъ, когда опять возродилось желаніе широко распространить по Россіи высшее, университетское образованіе и явилось предположеніе объ открытіи новыхъ университетовъ во Псковѣ, Черниговѣ, Пензѣ и даже въ Херсонѣ — предложенъ былъ новый проектъ университетовъ и университетскаго устава, который и былъ составленъ въ 1787 г. однимъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, О. П. Козодавлевымъ, который былъ однимъ изъ членовъ Коммиссіи народныхъ училищъ. Планъ Козодавлева ничуть не походилъ на планъ Дидро, хотя и былъ широко задуманъ и основанъ на весьма гуманныхъ началахъ; составитель его

Планы университетовъ.

именно о томъ только и заботился, чтобы изъ иноземнаго заимствовать исключительно пригодное для Россіи. Затѣмъ, Козодавлевъ настаивалъ на необходимости „вести преподаваніе наукъ въ россійскихъ университетахъ на языкѣ народномъ, такъ какъ языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія". Проектъ—въ сущности прекрасный и прекрасно-составленный — не былъ утвержденъ и университеты не были открыты. Можетъ-быть, Екатеринѣ не понравилось одно изъ положеній плана, по которому университетъ признавался открытымъ для всѣхъ сословій и даже „несвободные люди" становились свободными подъ сѣнью науки.

Московскій университетъ. Московскій университетъ, съ восшествіемъ Екатерины на престолъ, вступилъ во второе десятилѣтіе своего существованія. Онъ, видимо, болѣе и болѣе прививался къ той почвѣ, на которой былъ учрежденъ по мысли своего геніальнаго основателя. Древній центръ русской жизни, лишенный многихъ преимуществъ своего былого положенія, оцѣнилъ по достоинству дарованную ему милость и полюбилъ свой университетъ, который, мало-помалу, сталъ сродняться съ Москвою. Самымъ естественнымъ указаніемъ того роста и развитія, котораго въ короткое время достигъ Московскій университетъ, можетъ служить именно то обстоятельство, что уже съ первыхъ же лѣтъ существованія его, между преподавателями университета и воспитанниками его устанавливается тѣсная и живая связь. Коллегія профессорская начинаетъ, мало-по-малу, пополняться ученою молодежью, воспитавшеюся въ его же стѣнахъ, болѣе и болѣе стѣсняя кругъ преподавателей-иноземцевъ. Но, сверхъ того, замѣчается еще и такой утѣшительный фактъ: многіе изъ преподавателей-иноземцевъ въ такой степени освоиваются въ Москвѣ съ русской жизнью, такъ привязываются къ мѣсту своей службы и къ своей русской аудиторіи, что становятся вполнѣ солидарными не только съ университетомъ, но и съ Москвою, и съ Россіей.

Считаемъ не излишнимъ сообщить здѣсь важнѣйшіе факты изъ исторіи университета въ царствованіе Екатерины. Со вступленіемъ Екатерины на престолъ, кураторство И. И. Шувалова окончилось и на мѣсто его вступилъ въ кураторы Адодуровъ (нѣкогда обучавшій Екатерину русскому языку [1]). Пользуясь выгодами своего выдающагося положенія, онъ сразу выступилъ съ проектомъ новаго устава и штатовъ университета, которые до того времени были ужъ черезчуръ скромными и ограниченными. Самый университетъ и его двѣ гимназіи—дворянская и разночинная—

[1]) Въ царствованіе Елисаветы—Адодуровъ даже пострадалъ за свое усердіе и преданность интересамъ молодого Двора. Онъ былъ сосланъ, но Екатериною возвращенъ, осыпанъ наградами и милостями и пользовался постоянно ея расположеніемъ.

ютились въ небольшомъ и тѣсномъ зданіи у Воскресенскихъ воротъ, гдѣ потомъ помѣстились Губернскія Присутственныя мѣста (а нынѣ возвышается громадное зданіе Городской Думы). Въ кураторство Адодурова, Екатерина, со свойственною ей прозорливостью, обратила вниманіе на одинъ весьма важный недостатокъ университетскаго преподаванія, которое, по исконному обычаю, происходило на латинскомъ языкѣ. Обычай этотъ, совершенно несвойственный Россіи, былъ заимствованъ нашими школами съ Запада и, какъ въ Академіи, такъ и въ Московскомъ университетѣ, поддерживался преобладаніемъ иноземцевъ въ средѣ преподавателей. Хотя многіе изъ иноземцевъ-преподавателей Московскаго университета—такіе, какъ Ѳ. Г. Баузе, І. Ѳ. Буле, І. М. Шаденъ и въ особенности Н. Г. Шварцъ—оказали и университету, и даже русскому просвѣщенію, весьма серьезныя и почтенныя услуги, однакоже, большинство иноземныхъ преподавателей стояло далеко ниже уровня этихъ почтенныхъ дѣятелей, и весьма естественно было желаніе Екатерины поскорѣе увидѣть на ихъ мѣстѣ дѣятелей изъ природныхъ русскихъ и замѣнить латинское преподаваніе русскимъ. И вотъ уже въ одномъ изъ писемъ Хераскова къ Адодурову (за 1767 годъ) находимъ слѣдующее указаніе:

Преподаваніе на русскомъ языкѣ

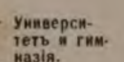
„Ея Императорское Величество указать соизволила, что въ Университетѣ пристойнѣе-бы читать лекціи на Русскомъ языкѣ, а особливо юриспруденцію, что де неоднократно повторя, соизволила Всевысочайше повелѣть, дабы о томъ стараться".

Желаніе императрицы не особенно трудно было исполнить, такъ какъ около этого времени многіе изъ воспитанниковъ Московскаго университета уже оканчивали полный курсъ ученія за границей: Третьяковъ и Десницкій—въ Глазговскомъ университетѣ (въ Шотландіи); Аѳонинъ и Карамышевъ—въ Упсальскомъ, подъ руководствомъ знаменитаго ботаника Линнея; Зыбелинъ и Веніаминовъ—въ Германскихъ университетахъ. Будущіе преподаватели чистой математики—Лобановъ, Аничковъ и Ѳеодоровъ—готовились къ каѳедрѣ въ Россіи. Всѣ они, къ концу 1767 года, уже успѣли сдать экзамены въ Россіи [1]) и вступить преподавателями въ стѣны воспитавшаго ихъ университета, и вслѣдъ за тѣмъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ началѣ 1768 года, было напечатано знаменательное объявленіе, имѣющее важное историческое значеніе: „съ сего года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, для лучшаго распространенія въ Россіи наукъ, начались лекціи во всѣхъ трехъ факультетахъ природными Рос-

---

[1]) Весьма любопытно то, что на экзаменахъ юристовъ-профессоровъ, Третьякова и Десницкаго, посланъ былъ присутствовать оберъ-секретарь 3-го Департамента Сената.

сійскими учеными на Россійскомъ языкѣ [1]). Любители наукъ могутъ въ тѣ дни и часы слушать, которые онымъ въ лекціонномъ каталогѣ назначены".


Университетъ и гимназія.

Нововведеніе было важнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ будущаго развитія и улучшенія университетскаго преподаванія, которое, впрочемъ, было еще весьма далеко отъ совершенства. Еще гораздо хуже преподаванія были установившіеся въ университетѣ и въ гимназіяхъ порядки. Воспитанниковъ въ гимназіяхъ и слушателей въ университетѣ было достаточно, но коли-

Зданіе бывшаго Благороднаго пансіона въ Москвѣ, на Тверской.

чество ихъ безпрестанно колебалось вслѣдствіе различныхъ условій современной общественной жизни. Очень многіе изъ гимназистовъ и студентовъ не кончали курса (изъ 300 человѣкъ иногда до конца курса доходили только двое): однихъ брали послѣ родители; другихъ призывало начальство на дѣйствительную службу, такъ какъ даже дворянъ—особенно знатныхъ и богатыхъ—записывали на службу еще въ колыбели и первые чины они получали еще на школьной скамьѣ; третьихъ, по крайней нуждѣ въ грамотныхъ и образованныхъ чиновникахъ, еще до окончанія курса прямо сажали на мѣста съ хорошимъ содержаніемъ. И начальство университетское горько жаловалось на эти невзгоды, которыя отнимали у него много способныхъ и видныхъ дѣятелей. Въ конференцію университета поступаютъ также съ разныхъ сторонъ

[1]) Терминологія допускалась попрежнему на латинскомъ языкѣ.

жалобы на жестокое обращеніе гимназическаго начальства съ воспитанниками, которыхъ преподаватели бьютъ линейками (ферулами) по головѣ. Конференція возстаетъ противъ этого обычая и поголовно полагаетъ его замѣнить другимъ наказаніемъ: *облеченіемъ воспитанниковъ въ крестьянское платье*. Кураторъ Адодуровъ заботится—и весьма успѣшно—объ увеличеніи доходовъ университета при помощи принадлежащей ему (единственной въ Москвѣ) типографіи, и эта типографія проявляетъ довольно оживленную дѣятельность, причемъ заботливость куратора проявляется и въ томъ, что книги въ университетской типографіи печатаются съ выборомъ, съ прямымъ расчетомъ на успѣхъ, т. е. такія, которыхъ сбыть заранѣе можно было считать обезпеченнымъ. Кромѣ журналовъ и газетъ, въ университетской типографіи печатаются: „Басни и Эпистолы", Хераскова; „Жизнь Сиѳа, Царя Египетскаго", въ переводѣ Фонвизина; „Краткое понятіе о наукахъ для употребленія малолѣтнихъ дѣтей" (на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ русскимъ переводомъ); Сказки „Тысяча и одна ночь" [1]), въ переводѣ Богдановича: „Исторія Татищева"; „4291 древнихъ Россійскихъ пословицъ" и т. д.

Послѣ Адодурова кураторомъ былъ Мелиссино, который особенно заботился объ улучшеніи преподаванія въ университетѣ иностранныхъ языковъ и любилъ вносить большую торжественность во всѣ проявленія жизни университета: собранія конференціи, акты, диспуты и т. п. При немъ открыто было, въ тѣсной связи съ университетомъ, „*Вольное Россійское Собраніе*", первое въ Москвѣ ученое общество, о которомъ намъ еще придется говорить далѣе съ бо̀льшею подробностью.

Благородный пансіонъ.

Гораздо болѣе плодотворнымъ во всѣхъ отношеніяхъ явилось кураторство Хераскова (съ 1778 г.). При немъ и по его мысли было открыто при университетѣ новое и весьма полезное учрежденіе — „*Вольный Благородный Пансіонъ*" — приготовительное заведеніе, въ которомъ ощущалась такая сильная потребность, что въ немъ, тотчасъ послѣ открытія (1779 г.), явилось уже 50 человѣкъ воспитанниковъ [2]). Университетское начальство задавалось, при учрежденіи Пансіона, тремя цѣлями: 1) научить дѣтей или

[1]) Самъ переводчикъ былъ, повидимому, не вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ своего перевода, и потому говоритъ въ предисловіи къ сборнику:

«Кому нескученъ Бова Королевичъ, тому и оныя почи не наскучать. Но, какъ и сказки могутъ къ читанію произвесть привычку, то и оныя повѣсти, какъ забаву, такъ и нѣкоторую пользу въ себѣ заключаютъ». Оказалось, однакоже, что этотъ сборникъ арабскихъ сказокъ такъ понравился публикѣ, что уже въ слѣдующемъ году вызвалъ два подражанія, подъ заглавіемъ: «Тысяча и одинъ часъ» и «Тысяча и одна четверть часа».

[2]) Императрица Екатерина пожертвовала для помѣщенія Пансіона домъ межевой конторы по Тверской улицѣ; а вскорѣ послѣ того, для быстро возросшаго университета, купила и домъ Барятинскаго на Моховой и выдала 125.000 на постройку.

просвѣтить ихъ разумъ полезными знаніями; 2) вкоренить въ сердца ихъ благонравіе; 3) сохранить ихъ здоровье.

За учрежденіемъ Благороднаго Пансіона послѣдовалъ уже извѣстный намъ и весьма важный контрактъ съ Новиковымъ, по которому университетская типографія была ему сдана въ аренду на десять лѣтъ; а затѣмъ, 13 ноября 1779 года, профессоромъ Шварцемъ была открыта при университетѣ „Педагогическая Семинарія", около которой, года три спустя, образовалось и сложилось Дружеское Общество, при матеріальной помощи со стороны И. А. Татищева, князя А. А. Черкасскаго, князя К. Н. Трубецкого и полковника В. В. Чулкова, къ которымъ позднѣе примкнули и другіе богатые доброжелатели. Въ самый годъ открытія Дружескаго Общества (1782 г.) въ университетѣ уже воспитывалось на его иждивеніи 20 человѣкъ студентовъ, и профессоръ Шварцъ, который былъ душою Дружескаго Общества, уже спѣшилъ образовать изъ нихъ особое „Собраніе университетскихъ питомцевъ", нѣчто въ родѣ переводческой Семинаріи, которая, дѣйствуя подъ его руководствомъ, должна была способствовать усиленію издательской дѣятельности Новикова [1]).

Во время кураторства Хераскова совершилось два важныхъ явленія въ жизни университета: 24 апрѣля 1780 года университетъ торжественно отпраздновалъ первое двадцатипятилѣтіе своего существованія, а вскорѣ послѣ того къ тремъ его факультетамъ (философскому, юридическому и математическому) присоединенъ былъ и четвертый, медицинскій. Поэтъ Костровъ—самъ воспитанникъ университета—привѣтствовалъ его праздникъ громкою одою, въ которой восклицалъ:

Первое двадцатипятилѣтіе.

«Се двадесять пять лѣтъ свершилось
Какъ онъ воздвигнутъ въ градѣ семъ,
И какъ пространное открылось
Любезнымъ Музамъ мѣсто въ немъ.
О, сладкое воспоминанье,
И мыслямъ лестное мечтанье,
Когда представлю оный день
Въ который, во струяхъ Кастальскихъ,
Притекшихъ къ намъ изъ мѣстъ Өессальскихъ,
Москвы прообразилась тѣнь.»

Въ 1791 году университетъ получилъ право возводить въ доктора медицины, а въ 1799 году и воспользовался имъ, выдавъ первый докторскій дипломъ.

---

[1]) О дѣятельности этого «Собранія университетскихъ питомцевъ» мы уже говорили выше; замѣтимъ здѣсь, что и въ средѣ питомцевъ Вольнаго Благороднаго Пансіона образовалось (около 1787 г.) нѣчто подобное такому же литературному кружку, который также заявилъ о своемъ существованіи, издавъ въ свѣтъ сборникъ своихъ сочиненій и переводовъ, подъ заглавіемъ: «Распускающійся цвѣтокъ».

Изъ остальныхъ явленій жизни университетской отмѣтимъ учрежденіе при немъ, въ 1789 году, новаго „Общества Любителей Учености", которое кураторъ Мелиссино открылъ торжественною рѣчью. Программа новаго Общества отличалась странною темнотою и неопредѣленностью. Въ газетномъ объявленіи объ открытіи его, цѣль Общества опредѣлялась такъ: „Споспѣшествовать распространенію въ Россіи такихъ особенно наукъ, которыя способствовать могутъ: 1) къ просвѣщенію разума въ соотечественникахъ, 2) къ исправленію сердца, 3) къ образованію хорошаго вкуса и 4) къ доставленію каждому вѣрнѣйшихъ способовъ къ счастью". Можетъ быть эта неопредѣленность программы и способствовала тому, что Общество просуществовало недолго и не заявило о себѣ никакими полезными трудами.

Первый уставъ. Любопытнымъ памятникомъ жизни Московскаго университета въ концѣ XVIII вѣка остается для насъ сохранившійся отъ того времени Уставъ, который всѣ студенты „подпискою" обязывались исполнять. Этотъ памятникъ вполнѣ заслуживаетъ нѣсколько болѣе подробнаго упоминанія, такъ какъ онъ живо рисуетъ намъ не только нравы и обычаи современнаго университета, но и знакомитъ насъ съ тѣмъ кругомъ свѣдѣній, который былъ необходимъ для поступленія въ число студентовъ. Изъ этого „Устава" узнаемъ, что доступъ къ университетскимъ лекціямъ можно было получить при трехъ условіяхъ: 1) знаніи курса свободныхъ наукъ и возможности по-латыни свободно и вразумительно изъясняться словомъ и письмомъ; 2) достовѣрное свидѣтельство въ правѣ на законную свободу и исключеніи изъ подушнаго оклада; 3) свидѣтельство о благонравіи. Все это слѣдовало доказать въ открытомъ засѣданіи конференціи при директорѣ университета. Вступивъ въ университетъ, студентъ обязывался сначала окончить курсъ словесныхъ наукъ, который состоялъ „особливо въ знаніи латинскаго, греческаго и Россійскаго языка (присовокупляя къ онымъ нѣмецкій или французскій), исторіи, географіи, древностей, миѳологіи, чистой математики, физики и логики". По окончаніи курса словесныхъ наукъ, студентъ долженъ былъ пробыть три года на избранномъ факультетѣ и не могъ перейти изъ него на другой, не окончивъ въ немъ полнаго курса наукъ [1]. „Уставъ", за подписью директора университета, выдавался студенту, который подъ нимъ подписывалъ свое обѣщаніе: „какъ христіанинъ и честный человѣкъ, во всемъ поступать по силѣ даннаго ему Устава".

Историкъ университета, заканчивая изложеніе этого періода его исторіи, сообщаетъ свѣдѣнія и о тѣхъ увеселеніяхъ, кото-

[1] Исключеніе допускалось только для особенно даровитыхъ, и то съ дозволенія профессоровъ.

рымъ студенты предавались въ свободное отъ занятій время; главное мѣсто въ этихъ увеселеніяхъ занимали театральныя представленія, и въ нихъ не послѣднее мѣсто занимали пьесы главнаго любимца публики, Фонвизина, также бывшаго воспитанника университета [1]).

Характернымъ явленіемъ жизни XVIII вѣка была и та неравномѣрность въ возрастаніи числа учениковъ гимназій и студентовъ университета, которое замѣчается въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины: между тѣмъ какъ число гимназистовъ въ университетскихъ гимназіяхъ, къ концу 80-хъ годовъ, уже заходитъ далеко за 1.000 человѣкъ, число студентовъ едва достигаетъ и десятой доли этого числа; и къ концу столѣтія это отношеніе между тою и другою цифрою сохраняется неизмѣнно. По ней можно судить о томъ, что потребность въ среднемъ образованіи была уже развита довольно сильно, а потребность въ высшемъ образованіи развивалась туго и медленно [2]).

Ознакомившись съ внутреннею жизнью московскаго университета, мы должны взглянуть теперь на то, что, въ теченіе царствованія Екатерины, происходило въ Академіи Наукъ, гдѣ императрица вручила главное завѣдываніе ученою коллегіей княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ въ Европѣ и несомнѣнно замѣчательнѣйшей женщинѣ Екатерининскаго времени. **Академія Наукъ.**

Княгиня Е. Р. Дашкова (род. въ 1743 г., ум. 1810 г.) была дочь генералъ-аншефа, графа Р. Л. Воронцова, воспитывалась въ домѣ своего дяди, канцлера графа М. Л. Воронцова, и получила, по тому времени, блестящее свѣтское образованіе, т. е., вмѣстѣ съ дочерью канцлера, обучалась у лучшихъ преподавателей языкамъ, наукамъ и искусствамъ. Но это легковѣсное, внѣшнее образованіе не могло удовлетворить жаждѣ знанія, которую гордая и самолюбивая молодая дѣвушка ощущала въ себѣ отъ ранней юности. Эта жажда знанія почти равнялась въ ней съ другою страстью — къ политикѣ, о которой она говоритъ въ своихъ „Запискахъ", что „интересовалась ею съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ". Вѣроятно, на развитіе этой страсти вліяла та обстановка, среди которой она выростала въ домѣ дяди, постоянно вращаясь между дипломатами, русскими и иностранными, среди вѣстей и новостей **Е. Р. Дашкова.**

[1]) Кстати замѣтимъ, что въ средѣ учениковъ университетской гимназіи нравы и въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія не отличались утонченностью, судя потому, что они любили сходиться на Неглинной и Никольской, въ промежуточные часы между утренними и вечерними занятіями, и здѣсь учиняли жестокія кулачныя побоища съ учениками семинаріи и академіи духовной.

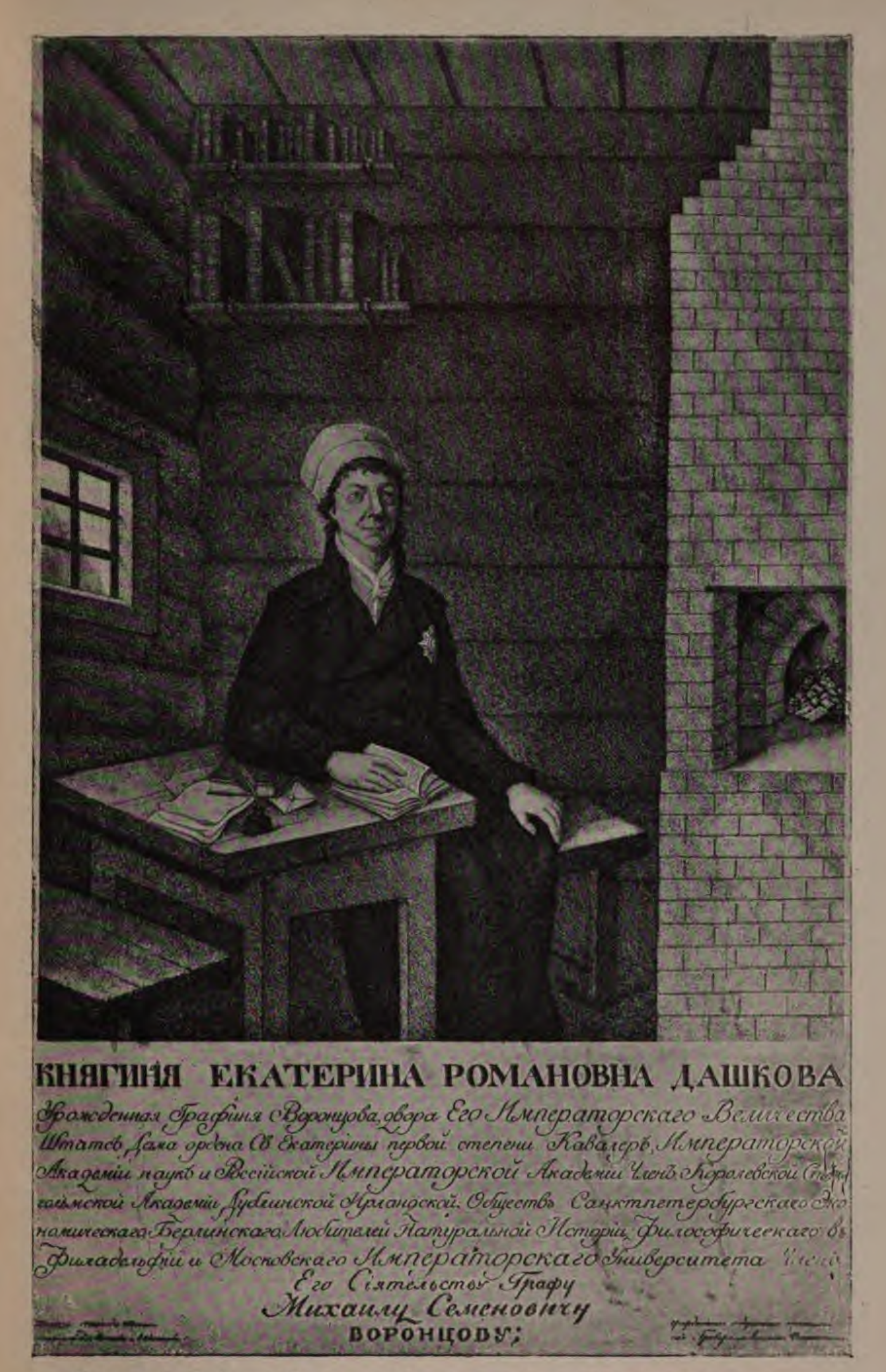
[2]) Въ 1786 г., въ подспорье университетскимъ гимназіямъ, открылось въ Москвѣ первое, по новому плану созданное, «Главное народное училище», впослѣдствіи оно и обратилось въ первую Московскую губернскую гимназію.

политической жизни внутренней и внѣшней. Связи канцлера при Дворѣ Елисаветы въ значительной степени способствовали тому, что его юная племянница рано проникла ко Двору и, такъ какъ канцлеръ принадлежалъ къ партіи Екатерины, то и Дашкова сблизилась съ нею еще въ то время, когда она была великою княгинею и находилась въ очень затруднительномъ положеніи среди различныхъ придворныхъ партій. Въ этомъ именно положеніи Екатерина Романовна—женщина, одаренная проницательнымъ умомъ и силою воли, и близко знакомая съ міромъ дворскихъ интригъ,—могла оказать серьезныя услуги Екатеринѣ, и, дѣйствительно, оказала ихъ при томъ переворотѣ, который закончился вступленіемъ Екатерины на престолъ. Но, щедро награжденная Екатериною за вѣрную службу и „къ отечеству отличныя заслуги", Екатерина Романовна увидѣла себя совсѣмъ не въ той роли, на которую она мѣтила. Екатерина, отлично понявъ характеръ гордой и тщеславной пособницы своей, благоразумно и осторожно отдалила ее отъ себя, тщательно оберегая независимость своихъ мнѣній и поступковъ. Это привело къ охлажденію между двумя, нѣкогда очень близкими женщинами, и Дашкова вскорѣ окончательно удалилась отъ Двора.

Годы странствованій.

Тогда-то и начался для Дашковой долгій періодъ странствованій по Европѣ, во время которыхъ она могла въ самыхъ широкихъ размѣрахъ удовлетворить другой своей страсти, которая была въ ней не менѣе сильна, чѣмъ страсть къ политической интригѣ. Мы разумѣемъ страсть къ литературѣ и наукѣ, которая была присуща княгини Дашковой отъ ранней юности. Чтенію предавалась она всегда съ величайшимъ наслажденіемъ и ничто не могло ее такъ порадовать, какъ пріобрѣтеніе хорошей, цѣнной книги. Изъ книгъ и почерпнула она свое обширное, превосходное образованіе и свои замѣчательныя научныя свѣдѣнія. Книгъ она вездѣ искала, всюду ихъ доставала и добивалась пріобрѣсти. И. И. Шуваловъ, изъ любезности предложившій Екатеринѣ Романовнѣ снабжать ее всѣми новинками, получаемыми изъ Франціи,—не зналъ, какъ и удовлетворить эту ненасытную жажду чтенія. Въ „Запискахъ" своихъ она разсказываетъ намъ, что уже въ первый годъ, по выходѣ замужъ за князя Дашкова, она обладала библіотекой въ 900 томовъ и на пополненіе ея тратила всѣ свои карманныя деньги [1]). „Бейль, Монтескье, Буало и Вольтеръ были всегда моими любимыми писателями",—восклицаетъ Дашкова въ своихъ „Запискахъ", и этимъ какъ бы указываетъ

[1]) Эти занятія науками и усиленное чтеніе княгини очень не нравились ея роднѣ, и ея дядя, канцлеръ, даже писалъ о ней брату, въ 1762 году: «она, сколько мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ сустахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ свое время проводитъ».



Портретъ Е. Р. Дашковой, въ старости, во время ея ссылки на житье въ деревню.

намъ на то, что она раздѣляла вначалѣ литературные вкусы Екатерины. Но долгое пребываніе за границей, гдѣ она провела нѣсколько лѣтъ въ постоянномъ общеніи съ учеными и литературными знаменитостями (Дидро, Вольтеръ, Робертсонъ и Адамъ Смитъ) и въ нѣсколько-педантическихъ и вычурныхъ заботахъ о воспитаніи сына [1]), значительно измѣнило ея вкусы и взгляды. Ближе присматриваясь къ западно-европейской жизни, она стала гораздо осторожнѣе относиться къ увлеченіямъ ея идеалами, и все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ недовѣріемъ смотрѣть на попытки ихъ перенесенія на русскую почву. Она сознавала, какъ неудачны были многія изъ подобныхъ попытокъ Екатерины, и, недовольная настоящимъ положеніемъ Россіи, переносила это недовольство отчасти даже и на долю дѣлъ и замысловъ Великаго Преобразователя Россіи. И къ его реформамъ она относилась съ суровой критикой. А отъ подобныхъ воззрѣній былъ уже только одинъ шагъ до возможности искать идеалы въ до-петровской старинѣ, когда „русскіе еще не стыдились быть русскими“, и недостатки ихъ проистекали отъ того, что они были невоспитаны, а не отъ того, чтобы они „были воспитаны дурно“. Другими словами, Дашкова стала какъ разъ на ту сторону, къ которой въ русскомъ обществѣ принадлежали многіе изъ лучшихъ его представителей: Фонвизинъ, Новиковъ, Щербатовъ, Болтинъ — на сторону интеллигентной оппозиціи, которая съ начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, уже не стѣсняясь, высказывала свои взгляды. Когда она, послѣ чуть не 20-тилѣтняго промежутка времени, вернулась ко Двору, Екатерина, со свойственной ей находчивостью и умѣніемъ создавать должности по людямъ, назначила Дашкову директоромъ Академіи Наукъ, на мѣсто Домашнева (въ 1783 г.).

Е. Р. Дашкова, директоръ Академіи Наукъ.

24-го января послѣдовалъ именной указъ Сенату о томъ, что „дирекція надъ С.-Петербургскою Академіею Наукъ поручается статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой“ — и этотъ новый, энергичный директоръ Академіи [2]) немедля вступилъ въ свою новую должность такъ ревностно и такъ дѣловито, что высшее въ Россіи ученое учрежденіе разомъ оживилось и чуть не удвоило свою дѣятельность. Съ чисто-женскою тонкостью чутья Дашкова угадала многое и указала несомнѣнно новые пути для примѣненія академическихъ научныхъ силъ. Такъ, напримѣръ, желая усилить просвѣтительное значеніе Академіи Наукъ въ русскомъ обществѣ, она предложила академикамъ открыть при Академіи публичные курсы наукъ въ теченіе 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ

---

[1]) Она-таки добилась того, что онъ получилъ въ эдинбургскомъ университетѣ дипломъ на доктора правъ, богословія и медицины.

[2]) Недаромъ Державинъ называлъ ее «мужикъ-баба», подразумѣвая ея мужественный и твердый характеръ.

этихъ публичныхъ курсахъ Котельниковъ читалъ алгебру, геометрію и механику; Озерецковскій—естественную исторію; Соколовъ и Захаровъ—химію; Севергинъ—минералогію; Кононовъ и Гурьевъ—физику. Курсы вызвали огромное сочувствіе въ публикѣ и посѣщались такимъ количествомъ слушателей, что академическое зало едва могло вмѣщать ихъ. Затѣмъ княгиня Дашкова обратилась къ издательской дѣятельности Академіи, усилила ее новыми учеными органами и новыми литературными предпріятіями, въ видѣ уже извѣстнаго намъ „Собесѣдника любителей россійскаго слова“ и „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій“ — и первое изъ этихъ предпріятій имѣло громадный успѣхъ [1]). Съ удивительнымъ умѣньемъ и настойчивостью Дашкова входила во всѣ мелочи, во всѣ подробности обширнаго и многосложнаго хозяйственнаго механизма Академіи и одновременно успѣвала не только заботиться о внѣшней, казовой дѣятельности ученаго учрежденія, но и о сокращеніи непроизводительныхъ расходовъ, и объ уплатѣ долговъ, и объ увеличеніи доходовъ Академіи. Въ короткое время она успѣла измѣнить къ лучшему порядки и систему преподаванія въ акаде-

Домашневъ. Директоръ Академіи Наукъ (до Дашковой).

[1]) Чрезвычайно любопытно, что Дашкова, повидимому, возлагала на «Собесѣдникъ» надежды совершенно особаго рода. Она предполагала, что при содѣйствіи «Собесѣдника» «русскій языкъ очистится, значеніе словъ опредѣлится и установится; разовьется любовь къ старинѣ и народности; откинутся несвойственные намъ чужеземные обычаи и нечувствительно умножится число читающихъ, въ ряду которыхъ появятся даже женщины». Существенною задачею журнала, по словамъ Дашковой, должно было явиться то, «чтобы россійское слово вычищалось и процвѣтало».

мической гимназіи, озаботиться объ отправленіи за границу наиболѣе талантливыхъ изъ числа академическихъ студентовъ (по ея личному выбору) и энергически поддержать выполненіе обширнаго плана академическихъ путешествій съ цѣлью изученія Россіи. Съ другой стороны, она обратила серьезное вниманіе на издавна уже существовавшій при Академіи институтъ переводчиковъ и, упорядочивъ его дѣятельность, учредила при Академіи особый „Переводческій департаментъ", на обязанности котораго лежалъ переводъ классическихъ произведеній иностранныхъ литературъ. Въ то же время, Дашкова, какъ нельзя болѣе кстати, озаботилась сведеніемъ въ одинъ обширный многотомный сборникъ всѣхъ театральныхъ пьесъ русскаго сценическаго репертуара, изъ которыхъ однѣ были печатаны въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а другія существовали только въ рукописи. Всѣ онѣ были собраны въ отдѣльные томы, выходившіе въ свѣтъ періодически, и составили (нынѣ весьма рѣдкое и цѣнное) изданіе подъ общимъ заглавіемъ „*Россійскій Ѳеатръ или полное собраніе всѣхъ театральныхъ россійскихъ сочиненій*".

Академія Россійская.

Но всей этой дѣятельности какъ бы еще казалось недостаточно для неугомонной и неутомимой руководительницы высшаго русскаго ученаго учрежденія: она вошла съ докладомъ къ императрицѣ о необходимости основать при Академіи Наукъ особую „Россійскую Академію", которая бы задалась, какъ исключительною цѣлью дѣятельности, „очищеніемъ и обогащеніемъ русскаго языка, а также прочнымъ установленіемъ правилъ словоупотребленія, витійства и стихотворства". Для удовлетворенія этой потребности предполагалось составить: словарь, грамматику, риторику и піитику [1]). Екатерина вполнѣ одобрила эту новую ученую затѣю Дашковой и вскорѣ послѣ того назначила ее „предсѣдателемъ" вновь основанной Россійской Академіи.

Создавая это новое ученое учрежденіе нѣсколько по образцу Французской Академіи, Дашкова задумала привлечь къ участію въ его дѣятельности не только присяжныхъ ученыхъ, не только прославленныхъ писателей и академиковъ, но и высшихъ представителей духовенства и многихъ лицъ высшаго петербургскаго и московскаго общества, хотя бы чѣмъ-либо заявившихъ свое сочувствіе къ наукѣ, литературѣ, или къ интересамъ просвѣщенія.

---

[1]) Для поощренія другихъ къ дѣятельности собственнымъ трудолюбіемъ, Е. Р. Дашкова приняла на себя обработку трехъ буквъ (ц, ш, щ) для словаря Россійской Академіи. Сверхъ того, она писала довольно много ученыхъ статей и разсужденій, которыя помѣщала въ «Опытахъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія» и въ «Другѣ Просвѣщенія»; писала и комедіи для Эрмитажнаго театра, и мелкія стихотворенія. Но всѣ эти произведенія Дашковой не имѣютъ значенія въ сравненіи съ ея дѣятельностью, какъ руководительницы ученаго учрежденія и покровительницы наукъ и просвѣщенія въ Россіи.

Дашкова занимала свое высокое положеніе въ русскомъ ученомъ мірѣ въ теченіе одиннадцати лѣтъ и своею полезною дѣятельностью заслужила почетную извѣстность между современниками и уваженіе въ потомствѣ. Въ 1795 году, вслѣдствіе извѣстнаго эпизода съ „Вадимомъ“, княгиня Дашкова, оскорбленная несправедливымъ гнѣвомъ Екатерины, покинула службу при Академіи и жила вдали отъ Двора. Но тотчасъ по вступленіи на престолъ Павла I—Е. Р. Дашкову постигла опала, за ея участіе въ давно-забытомъ переворотѣ 1763 года: ей приказано было жить безвыѣздно въ ея деревнѣ. Впослѣдствіи, возвращенная Александромъ I изъ этой ссылки, она поселилась въ Москвѣ, и здѣсь въ деревенскомъ уединеніи и въ московскомъ своемъ домѣ, она написала „Записки о своей жизни“, не слишкомъ искреннія и правдивыя, но все же любопытныя по многимъ подробностямъ о современныхъ лицахъ и событіяхъ и по многимъ очень вѣрнымъ характеристикамъ современниковъ [1]).

Путешествія академиковъ.

Въ заключеніе того, что выше было сказано о научной дѣятельности Академіи въ управленіе ея Е. Р. Дашковой, скажемъ нѣсколько подробнѣе о путешествіяхъ академиковъ по Россіи. Положено было, чтобы ученые, отправленные Академіею Наукъ, прежде всего осмотрѣли и описали все достопримѣчательное въ наиболѣе отдаленныхъ губерніяхъ: Астраханской, Оренбургской и Казанской и въ мѣстностяхъ, лежащихъ по обѣ стороны Волги. Въ эти экспедиціи отправлены были: Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Гильденштедтъ и Фалькъ. Мало-по-малу, программа, предлагаемая Академіею ея членамъ, участвующимъ въ подобныхъ путешествіяхъ, все расширялась и расширялась, становилась все болѣе и болѣе разнообразною и тѣмъ самымъ придавала все бо́льшій и бо́льшій интересъ и значеніе трудамъ путешествовавшихъ по Россіи академиковъ. Сначала Академія направляла ихъ на изслѣдованіе Россіи только со стороны наукъ естественныхъ, но потомъ уже, при снаряженіи ученыхъ экспедицій, стала вмѣнять въ обязанность ученымъ, чтобы они всюду старались въ точности изслѣдовать: свойства почвы и воды въ различныхъ мѣстностяхъ; состояніе земледѣлія, скотоводства, пчеловодства, шелководства; рыбные и звѣровые промыслы; эпидемическія болѣзни у скота и людей, и средства, употребляемыя для ихъ излѣченія; искусства, ремёсла и другія отрасли промышленности; наконецъ — все, касающееся нравовъ, обычаевъ, древностей, язы-

[1]) Записки эти были написаны сначала по-англійски, такъ какъ Дашкова писала ихъ для своей компаньонки, миссъ Вильмотъ, съ которою подружилась во время пребыванія за границею. Въ англійскомъ оригиналѣ записки были сначала напечатаны въ Лондонѣ, и въ 1859 году тамъ же напечатаны въ русскомъ переводѣ, причемъ долгое время относились къ числу книгъ строго запрещенныхъ. Только въ 1874 г. эти записки сдѣлались общимъ достояніемъ послѣ напечатанія новаго перевода въ «Русской Старинѣ».

ковъ, преданій,—все заслуживающее примѣчанія въ естественныхъ условіяхъ страны и въ бытѣ народномъ.

Путешествіе Лепехина.

Однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ образцовъ такого академическаго путешествія служатъ намъ „дневныя записки", веденныя Лепехинымъ [1]) во время путешествія, которое продолжалось около шести лѣтъ [2]). Лепехинъ былъ отправленъ Академіею Наукъ въ такъ-называемую *Оренбургскую экспедицію*, но это названіе, въ сущности, нимало не опредѣляетъ ни объема, ни предѣловъ путешествія, которое захватывало несравненно болѣе обширное пространство, между Бѣлымъ и Каспійскимъ морями, между Ураломъ и Волгою, отъ границъ Сибири и до Бѣлоруссіи, отъ Астрахани до Архангельска. Всюду исходя въ описаніи своего путешествія отъ наблюденій натуралиста, Лепехинъ, однакоже, постоянно имѣетъ въ виду изученіе Россіи подробное и многостороннее. Живость наблюденія и внимательность путешественника ко всему, что онъ встрѣчаетъ на пути, способны поразить насъ: сообщенія любопытнѣйшихъ археологическихъ свѣдѣній чередуются на страницахъ его труда съ описаніемъ быта инородцевъ, замѣтки о повѣрьяхъ и преданіяхъ — съ описаніемъ промысловъ и заводовъ; наблюденія надъ хитростями и уловками звѣрей, съ сообщеніемъ историческихъ преданій или народныхъ примѣтъ и повѣрій. При этомъ Лепехинъ обнаруживаетъ замѣчательный тактъ и широту воззрѣній человѣка образованнаго, которому „не чуждо ничто человѣческое". При изложеніи историческихъ свидѣтельствъ онъ указываетъ на несходство извѣстій болѣе древнихъ съ позднѣйшими; при описаніи волжскихъ судовъ, сравниваетъ ихъ съ рейнскими; при упоминаніи о нашихъ ремеслахъ и художествахъ, изумляется ихъ несовершенству по сравненію съ европейскими; при пересмотрѣ рукописей какой-нибудь библіотеки, вѣрно угадываетъ цѣну и достоинство наиболѣе важныхъ памятниковъ письменности. Но главное достоинство, главная заслуга Лепехина, какъ автора многотомнаго труда, — одного изъ первыхъ, посвященныхъ описанію Россіи,—заключается въ томъ, что этотъ трудъ представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ для знакомства съ народною терминологіею и потому вно-

---

[1]) Считаемъ не излишнимъ сообщить здѣсь вкратцѣ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ русскомъ дѣятелѣ. Иванъ Ивановичъ Лепехинъ родился въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ 1737 г.; указомъ Правительствующаго Сената опредѣленъ въ 1751 году «изъ недорослей» въ академическую гимназію; пройдя курсъ этой гимназіи и академическаго университета, въ 1762 г. отправленъ былъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ; обучался въ Страсбургскомъ университетѣ и здѣсь въ 1767 г. получилъ степень доктора медицины. Въ томъ же году возвратился въ Россію, произведенъ въ адъюнкты и отправленъ въ 1768 г. въ Оренбургскую экспедицію. Дальнѣйшая его дѣятельность по Академіи намъ извѣстна. Скончался въ 1802 году.

[2]) Три тома вышли при жизни автора; четвертый вышелъ по смерти Лепехина и былъ изданъ спутникомъ его, Озерецковскимъ (впослѣдствіи академикомъ).

сить въ нашъ литературно-научный языкъ массу новыхъ словъ, выраженій и оборотовъ. Какъ бы извиняясь въ этомъ передъ читателемъ, Лепехинъ говоритъ, что онъ описываетъ животныхъ „природными словами", и его подробныя описанія блещутъ красками и новизною языка, и поразительною свободою въ подборѣ словъ и терминовъ... Видно, что авторъ, изучая Россію, придавалъ наибольшее значеніе изученію народнаго языка и достигъ въ этомъ отношеніи поразительныхъ результатовъ. Недаромъ, впослѣдствіи, будучи избранъ въ члены Россійской Академіи, онъ явился однимъ изъ полезнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ составленіи Академическаго словаря.

Первые ученые кружки и общества явились въ Петербургѣ, во второй четверти XVIII вѣка, при Академіи Наукъ, а въ Москвѣ—при университетѣ. Цѣль этихъ кружковъ весьма естественно была чисто практическая: исправленіе и улучшеніе важнѣйшаго и наиболѣе всѣхъ необходимаго орудія мысли—общаго литературнаго языка, который тогда, при наплывѣ массы иностранныхъ словъ, понятій и новыхъ идей, представлялъ каждому автору и переводчику весьма значительныя, а часто и совершенно неодолимыя затрудненія. Затрудненія эти были тѣмъ болѣе прискорбны, что наиболѣе талантливые изъ литературныхъ дѣятелей нашихъ сознавали богатство, силу и выразительность родного языка, и, въ то же время, не видѣли ни малѣйшей возможности ими вполнѣ воспользоваться. Припомнимъ, что уже Тредіаковскій, при открытіи Академическаго Россійскаго Собранія, указывалъ на необходимость составленія „грамматики доброй", словаря и руководствъ по теоріи прозы и поэзіи. Но средства кружка академическаго оказались недостаточными, выполненіе правильно намѣченныхъ задачъ было ему не по силамъ, и вслѣдствіе этого энергія его вскорѣ ослабѣла и дѣятельность прекратилась. Но идея подобнаго кружка возродилась вновь, четверть вѣка спустя, при другой ученой коллегіи—при Московскомъ университетѣ. Ученыя общества.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1771 г. (іюнь) напечатано „Объявленіе любителямъ Россійскаго языка", въ которомъ говорится, что университетъ вознамѣрился для исправленія и обогащенія Россійскаго языка чрезъ изданіе полезныхъ и особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ „Вольное Россійское Собраніе".

Программа будущей дѣятельности „Вольнаго Россійскаго Собранія" была предъявлена живая и любопытная, хотя и нѣсколько расплывчатая и широкая, а именно: 1) изученіе Россіи съ ея народами и климатами, 2) обзоръ рукописныхъ и книж-

ныхъ сокровищъ въ общественныхъ и частныхъ хранилищахъ, 3) обзоръ судебныхъ архивовъ, какъ сокровищницы для изученія исторіи Русскаго законодательства. Но главными цѣлями „Собраній“ указаны: „исправленіе и совершеніе (т. е. совершенствованіе) Россійскаго языка и сочиненіе правильнаго Россійскаго Словаря по азбукѣ“.

Учредители новаго ученаго кружка постарались привлечь къ участію въ своихъ трудахъ лучшій цвѣтъ современной русской интеллигенціи, избирая членовъ и въ средѣ московскихъ, и въ средѣ петербургскихъ ученыхъ. Кромѣ обязательнаго приглашенія знатныхъ особъ изъ мѣстныхъ властей и аристократіи, кромѣ профессоровъ университета, членами Вольнаго Россійскаго Собранія были избраны: Дашковъ, Веревкинъ, Миллеръ, протоіерей Алексѣевъ, Рычковъ, Нартовъ, Новиковъ, Рубенъ, Навроцкій, Бакмейстеръ, Демидовъ П. Г., Потемкинъ Г. А., историкъ Щербатовъ, Потемкинъ П. С., Плещеевъ, Домашневъ, Херасковъ, Майковъ В. И., Фонвизинъ Д. И., Сумароковъ, Муравьевъ М. Н. и многіе другіе.

Труды „Собранія“ были разнообразны и несомнѣнно полезны. Оно разсмотрѣло и издало „Церковный Словарь“ протоіерея Алексѣева (1773 г.), а три года спустя—и дополненіе къ нему; собирало съ разныхъ концовъ Россіи рѣдкія и малоупотребительныя слова; печатало географическій словарь и разсылало его для провѣрки въ провинціи — губернаторамъ и архіереямъ; составляло азбучный Словарь Россійскій общими трудами членовъ; наконецъ, съ 1774 по 1778 г., Собраніе издало четыре тома „Опыта Трудовъ“ своихъ, вмѣщающіе въ себѣ любопытныя историческія статьи, рѣчи профессоровъ, переводы съ французскаго и англійскаго, прозаическіе и стихотворные опыты М. Н. Муравьева... Но дѣятельность этого ученаго общества (какъ и многихъ другихъ русскихъ обществъ въ послѣдующую эпоху) проявилась плодовито и сильно только на первыхъ порахъ; послѣ изданія въ свѣтъ первыхъ четырехъ томовъ „Опытовъ“, наступилъ большой промежутокъ времени, въ который общество не проявило никакой дѣятельности. Затѣмъ, уже между 1780—1783 гг. изданы были слѣдующіе V и VI томы „Опытовъ“ и продолженіе „Церковнаго Словаря“ Алексѣева. Но засѣданія становились все болѣе и болѣе рѣдкими, все менѣе и менѣе возбуждали къ себѣ сочувствія и интереса въ обществѣ—и, наконецъ, послѣ шестнадцатилѣтняго существованія, „Вольное Россійское Собраніе“ перестало проявлять какіе бы то ни было признаки жизни. Современники указывали причину тому въ быстромъ возвышеніи „Дружескаго Общества“, которое будто бы отвлекало капиталы и силы къ инымъ цѣлямъ, и въ возникновеніи новаго ученаго об-

щества при Академіи Наукъ, которое дѣйствительно поспѣшило избрать лучшія силы „Вольнаго Россійскаго Собранія“ въ число своихъ членовъ.

Это новое ученое общество была знаменитая въ свое время „Россійская Академія“, учрежденная, съ соизволенія Екатерины, по мысли княгини Е. Р. Дашковой, при Академіи Наукъ. Не повторяя того, что уже намъ извѣстно о дѣятельности этой первой изъ русскихъ ученыхъ женщинъ и писательницъ, мы замѣтимъ только, что мысль объ особой „Россійской Академіи“, какъ одномъ изъ главныхъ органовъ Академіи Наукъ, не была оригинальнымъ измышленіемъ Дашковой. Образцомъ подобнаго учрежденія должна была служить Французская Академія (на что, впрочемъ, Дашкова и ссылается въ своемъ докладѣ Екатеринѣ): да притомъ-же мысль о подобномъ ученомъ учрежденіи, которое должно было посвятить всѣ свои силы на изученіе отечественнаго языка, давно уже была излюбленнымъ по-

Протоіерей Алексѣевъ.

мысломъ и вожделѣніемъ огромнаго большинства русскихъ ученыхъ еще отъ временъ Тредіаковскаго и Ломоносова. Она находила себѣ выраженіе и въ быломъ Россійскомъ Собраніи при Академіи Наукъ, и въ „Вольномъ Россійскомъ Собраніи“ при Московскомъ университетѣ. Будучи одним изъ дѣятельныхъ членовъ послѣдняго, Дашкова должна была близко присмотрѣться къ такимъ задачамъ, которыя оно полагало въ основу своей дѣятельности, и, внося тѣ же задачи въ кругъ дѣятельности Россійской Академіи, сумѣла лучше ихъ обставить силами и лучше привести въ исполненіе. Дѣйствительно, читая уставъ Россійской Академіи, невольно припоминаешь многое изъ программы, первоначально предъявленной „Вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ“. Въ уставѣ Россійской Академіи сказано, что она должна имѣть предметомъ своимъ очищеніе и обогащеніе русскаго языка, установленіе употребленія словъ,

свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этого предмета должно составить русскую грамматику, русскій словарь, риторику и правила стихотворства. Академикъ Озерецковскій, непремѣнный секретарь Академіи, постоянный и непремѣнный сотрудникъ Дашковой, еще точнѣе и ближе опредѣляетъ значеніе и цѣль Россійской Академіи, говоря, что „ей предлежало возвеличить россійское слово, собрать оное въ единый составъ, показать его пространство, обиліе и красоту, постановить ему непремѣнныя правила, явить краткость и знаменательность его изреченій и изыскать глубочайшую ихъ древность", Екатеринѣ очень понравилась мысль объ учрежденіи Россійской Академіи; ея пытливому уму казались заманчивыми и тѣ задачи, за разработку которыхъ новому ученому обществу предстояло приняться, и она поспѣшила исполнить ходатайство Дашковой. Докладъ о Россійской Академіи былъ представленъ въ августѣ 1783 г., а 30 сентября того же года послѣдовалъ уже указъ объ учрежденіи „Россійской Академіи".

На первое время, по уставу, въ Академію Россійскую можно было принять только 60 членовъ; а для того, чтобы это ученое учрежденіе могло начать свою дѣятельность, надо было тотчасъ же выбрать не менѣе 35 членовъ [1]). Всѣ эти члены, по необходимости, должны были подлежать единоличному выбору Дашковой, и всѣ дѣлаютъ честь ея проницательности и умѣнью различать людей: все это цвѣтъ интеллигенціи и самые избранные представители русской науки и литературы [2]). Но главнымъ ядромъ въ составѣ Россійской Академіи были, несомнѣнно, академики. Историкъ этого учрежденія, академикъ Сухомлиновъ, говоритъ, что „они принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ и трудахъ новаго учрежденія, предлагали и матеріалъ, и ихъ оцѣнку, и объясненія, и обогатили русскую литературу нѣсколькими образцовыми для того времени переводами замѣчательныхъ произведеній древней и новой литературы..." И несмотря на то, „что по роду своихъ занятій, эти члены Россійской Академіи принадлежали къ натуралистамъ и математикамъ [3])—судьба русскаго языка и словесности привлекала сочувствіе этихъ ученыхъ, вносившихъ цѣнные вклады въ общій трудъ Россійской Академіи".

[1]) Между 1787 и 1794 гг. всѣхъ членовъ было 60; обыкновенно же число ихъ колебалось между 56—59. Въ теченіе всего перваго періода существованія Академіи Россійской (1783—1796) общее число членовъ восходило до 78. Изъ нихъ 24 умерли за это время.

[2]) Въ этомъ именно смыслѣ они заслуживаютъ здѣсь поименнаго перечисленія.

[3]) Въ составъ Россійской Академіи вошли слѣдующіе дѣйствительные члены Академіи: Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, Котельниковъ, Протасовъ, Н. И. Соколовъ, Иноходцевъ, Севергинъ, Захаровъ и Кононовъ. М. И. Сухомлиновъ замѣчаетъ: «самыми усердными посѣтителями собраній Россійской Академіи были члены Академіи Наукъ.»

Такимъ главнымъ общимъ трудомъ былъ весьма цѣнный, по тому времени, „Словарь Россійской Академіи по чину словопроизводному“, изданный между 1789 и 1796 гг., въ шести объемистыхъ томахъ. Къ составленію этого Словаря члены Россійской Академіи приступили почти тотчасъ вслѣдъ за открытіемъ, и принялись за него серьезно, толково. Сначала составленъ былъ планъ, который долго и внимательно обсуждался съ разныхъ сторонъ, и, между прочимъ, вызвалъ весьма любопытный споръ и обмѣнъ мнѣній между такими знатоками русскаго языка, какъ Фонвизинъ и Болтинъ. Затѣмъ, для болѣе удобнаго выполненія плана, принято было не только строгое распредѣленіе труда между членами, но и установленъ тройной контроль всѣхъ членовъ надъ каждымъ словомъ, вносимымъ въ словарь. Каждое такое слово разсматривалось сначала въ отдѣлѣ „Словопроизводномъ“, опредѣлявшемъ корни и происхожденіе словъ, потомъ поступало въ отдѣлъ „Объяснительный“, занимавшійся объясненіемъ смысла и значенія словъ; а слова изъ области наукъ, художествъ, промысловъ и ремеслъ поступали въ отдѣлъ „Техническій“, принявшій на себя подборъ названій и терминовъ. Такимъ образомъ, этотъ словарь явился, для своего времени, послѣднимъ словомъ науки, и былъ принятъ публикою чрезвычайно благосклонно [1], потому что удовлетворялъ одной изъ насущнѣйшихъ потребностей современнаго русскаго общества. „Къ чести Академіи и трудившихся,—говоритъ академикъ Лепехинъ,—послужитъ и то, что сей трудъ совершенъ въ десять лѣтъ, когда другія подобныя сословія на таковой же трудъ употребляли почти вчетверо болѣе времени...“

Гербъ Е. Р. Дашковой

[1]) Несмотря на довольно высокую цѣну, онъ раскупался отлично, и, къ тому времени, когда вышелъ VI томъ, все изданіе было почти распродано.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Разработка историческаго матеріала въ Екатерининское время.—Труды Екатерины и другихъ ея современниковъ по общей обработкѣ Русской Исторіи.—Дѣятельность Мюллера, Новикова и Голикова.—Историческіе труды Щербатова и Болтина.—Мемуары и записки современниковъ въ вѣкъ Екатерины.

Намъ уже неоднократно приходилось указывать выше на тотъ сильно возбужденный интересъ къ изученію нашего историческаго прошлаго, который составляетъ одну изъ рѣзко-замѣтныхъ отличительныхъ чертъ Екатерининскаго времени. Великая государыня была глубоко проникнута убѣжденіемъ, что ради пользы и преуспѣянія народа, ради подъема его умственныхъ и нравственныхъ силъ, слѣдуетъ, прежде всего, пробудить въ немъ національную гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Въ этихъ именно видахъ она и обратилась къ занятіямъ Русскою Исторіей, и другихъ побуждала ею заниматься, и поощряла разработку сырого историческаго матеріала, и интересовалась всякою новою находкою, всякимъ новымъ открытіемъ въ этой области. Мало того, согласно съ господствующимъ направленіемъ и духомъ своего времени, она старалась воспользоваться историческими матеріалами для назиданія и поученія, съ одной стороны; для возвеличенія и оправданія русскаго прошлаго отъ всякихъ нареканій—съ другой стороны. Назиданіе и нравоученіе извлекала она для пользы возрастающаго учащагося поколѣнія; о возвеличеніи и оправданіи нашей отечественной старины она заботилась для того, чтобы заставить молчать тѣхъ западныхъ недоброжелателей и крикуновъ, которые особенно охотно укоряли Россію ея варварствомъ, невѣжествомъ, отсталостью, и, не зная Русской Исторіи, не придавали никакого значенія нашему прошлому.

Историческіе труды Екатерины. Кажется, первымъ побужденіемъ къ занятіямъ Русской Исторіей было то опроверженіе, которое Екатерина, еще будучи великой княгиней, написала на книгу аббата Шаппъ д'Отроша [1]), который, побывавъ въ Россіи и Сибири на самое короткое время и не успѣвъ ни во что вникнуть зрѣло и разумно, изобразилъ въ своихъ „Запискахъ" и нравы, и обычаи, и весь бытъ народный и государственный въ самомъ невѣрномъ и извращенномъ видѣ. Екатерина, возмущенная неправдою, написала рѣзкое опроверженіе на книгу легкомысленнаго аббата, подъ заглавіемъ: *„Антидотъ или разсмотрѣніе дурной книги, превосходно отпечатанной,*

---

[1]) Аббатъ Шаппъ д'Отрошъ, членъ Парижской Академіи, присоединился въ 1761 г. къ нашей академической экспедиціи, направлявшейся въ Сибирь для наблюденія за прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ. Ему были при этомъ оказаны возможныя услуги. Это не помѣшало ему, по возвращеніи домой, издать записки о путешествіи въ Сибирь, весьма не лестныя для Россіи и русскихъ.

подъ названіемъ: „Путешествіе въ Сибирь“ [1]). Основною мыслью всѣхъ ея опроверженій является такое положеніе: *„Россія не хуже другихъ странъ“* и *„Русскіе не хуже другихъ народовъ“*. Вѣроятно позднѣе ей захотѣлось подробнѣе развить ту же мысль и дать ей болѣе широкую, историческую основу, потому что она принялась прямо за изложеніе фактической Русской Исторіи, подъ общимъ заглавіемъ: *„Записки касательно Русской Исторіи“*. Она составила эти „Записки“ на основаніи выписокъ изъ лѣтописей, которыя, по ея порученію, подготовляли ей два профессора Московскаго университета: *Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ* (р. 1730, † 1791 г.) и *Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ* (р. 1746, † 1815 г.). „Записки эти доведены Екатериною до 1276 г. и представляютъ собою простой пересказъ событій, съ нѣкоторыми прикрасами и смягченіями [2]). Отчасти это выражается и въ томъ весьма любопытномъ взглядѣ на исторію, который Екатерина высказываетъ въ началѣ своей книги: „Собиратель сихъ Записокъ касательно Русской Исторіи не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухою [3]): онъ вѣкъ свой тщился выполнить долгъ благороднаго сердца. Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ похвалы, непохвальное—безъ опороченія; добраго же умалять доброту или порочнаго умножать дурноту и тѣмъ подобиться неискусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю—не есть дѣло его“.

И въ этихъ „Запискахъ“ Екатерина задается тою же мыслью о приравненіи русскаго народа къ народамъ европейскимъ, какъ въ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ; она вполнѣ справедливо говоритъ, что изъ сравненія событій „безпристрастный писатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ одинаковыя имѣетъ страсти, желанія, намѣренія, и къ достиженію употребляетъ нерѣдко одинаковые способы“... Съ этою цѣлью, очевидно, всюду прибавлены къ изложенію событій сравнительныя таблицы, въ которыхъ показаны современные русскимъ государямъ европейскіе государи [4]).

---

[1]) «Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé—Voyage en Sibérie».

[2]) «Записки» эти были первоначально напечатаны въ «Собесѣдникѣ любителей Россійскаго Слова», а затѣмъ отдѣльно (СПБ., 1787—95 г.; въ 6 томахъ) переизданы вновь въ 1801 году. Смягченія и прикрасы входили, видимо, въ планъ Екатерины, такъ какъ на замѣчанія (касавшіяся этихъ сторонъ), сдѣланныя современнымъ ученымъ, она, признавая его замѣчанія справедливыми, отвѣчала: «что написано, то написано; по крайней мѣрѣ, ни нація, ни государство въ моихъ запискахъ не унижены».

[3]) Прямой намекъ на то, что Россія—второе отечество Екатерины, и что этотъ историческій трудъ ея есть даръ признательности.

[4]) Рядомъ съ трудомъ Екатерины видимъ еще два неполныхъ историческихъ труда или, лучше сказать, два опыта изложенія историческаго матеріала. Одинъ изъ нихъ—«Опытъ повѣствованія о Россіи» И. П. Елагина, доведенный только до кончины Дмитрія Донского (изд. 1789 г.); другой—«Исторія Россійская» О. А. Эмина (одинъ первый періодъ, заканчивающійся 1213 г.). Оба эти «опыта» не удовлетворяютъ никакимъ научнымъ требованіямъ и должны быть названы вполнѣ неудавшимися попытками.

Екатерина и Г. Ф. Мюллеръ.

По поводу этой исторіи, какъ и по поводу многихъ другихъ вопросовъ историческихъ, которыми Екатерина интересовалась, она часто обращалась къ извѣстному уже намъ ученому академику и исторіографу Г. Ф. Мюллеру, этому неутомимому труженику на пользу русской исторіи и географіи. Въ бумагахъ и письмахъ Мюллера сохранились извѣстія о бесѣдахъ по ученымъ вопросамъ съ императрицею, которая иногда задерживала его у себя по нѣсколько часовъ. Екатерина доставила этому неутомимому ученому такое положеніе, въ которомъ онъ могъ наиболѣе принести пользы, поставила его начальникомъ богатѣйшаго въ Россіи Московскаго Архива иностранной коллегіи и постоянно обезпечивала его со стороны матеріальной, то при жизни пріобрѣтая его библіотеку и собраніе рукописей въ собственность архива (за 20.000 р.), то выдавая ему деньги на покупку дома, то щедро награждая его чинами и орденами за его долгую, самоотверженную, полувѣковую службу наукѣ и Россіи. При этомъ милостивомъ отношеніи къ знаменитому ученому Екатерина особенно цѣнила въ немъ то безкорыстіе, съ какимъ онъ дѣлился своими научными сокровищами съ каждымъ, кто въ нихъ нуждался; часто она и сама его къ этому побуждала. Такъ способствовалъ онъ пополненію матеріалами богатаго и широко задуманнаго Н. И. Новиковымъ изданія древнихъ памятниковъ, подъ общимъ названіемъ „Древней Россійской Вивліоѳики", въ которую вошли и лѣтописи, и акты, и договоры, и цѣльныя литературныя произведенія [1]).

И. И. Голиковъ.

И. И. Голиковъ.

Такъ же точно дѣлился онъ рукописными сокровищами и съ „Трудами Вольнаго Россійскаго Собранія" (существовавшаго при Московскомъ университетѣ съ 1771 г.), и потомъ съ *И. И. Голиковымъ* (род. 1735 ум., 1801 г.), посвятившимъ всю жизнь свою прославленію Петра Великаго. Этотъ Голиковъ былъ человѣкъ замѣчательный: богатый курскій купецъ, отъ ранняго дѣтства

[1]) «Древняя Россійская Вивліоѳика» издана была въ СПБ. въ 1773—1775 г., въ 10 частяхъ. Второе изданіе вышло въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1788—91 г. уже въ 20 частяхъ.

увлекавшійся дѣлами Петра Великаго; когда же ему случилось попасть подъ судъ и освободиться отъ суда, благодаря манифесту, изданному по случаю открытія памятника Петру Великому, Голиковъ увидалъ въ этомъ фактѣ какое-то особое указаніе судьбы, и рѣшился посвятить всю остальную жизнь труду по собиранію матеріаловъ для біографіи Петра Великаго. Много лѣтъ трудился онъ надъ выполненіемъ своей задачи, собирая матерьялы отовсюду, пользуясь для этого и устными преданіями. Работа его была тѣмъ

А. И. Мусинъ-Пушкинъ.

болѣе трудна, что доступъ въ архивы былъ для него закрытъ. Въ 1788 г. онъ издалъ въ свѣтъ „*Дѣянія Петра Великаго, мудраго Преобразователя Россіи*" (М. 1788—90 г.) въ 12 объемистыхъ томахъ. Екатерина, благоговѣвшая предъ памятью Петра, обратила вниманіе на изданіе Голикова и приказала открыть ему архивы, при чемъ Мюллеръ былъ ему очень полезенъ своими указаніями. Работа въ архивахъ доставила возможность Голикову издать еще 18 томовъ „Дополненій къ Дѣяніямъ" (М. 1790—1798 г.). И надо отдать справедливость самоотверженному и добросовѣстному

собирателю: матеріалъ собранъ и накопленъ имъ громадный; но, къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ не освѣщенъ никакой критикой и весь изложенъ въ томъ исключительно-панегирическомъ тонѣ, который мѣшаетъ въ немъ надлежащимъ образомъ разобраться.

Собираніе и изданіе памятниковъ.

Рядомъ съ этими собирателями историческаго матеріала—болѣе любителями историческаго изученія, нежели спеціальными учеными—видимъ и высоко-просвѣщенную личность *графа А. И. Мусина-Пушкина* (р. 1744, ум. 1818 г.), который относился къ исторіи съ разумнымъ пониманіемъ значенія ея памятниковъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ посвятилъ небольшія, но съ большимъ знаніемъ и умѣньемъ написанныя изслѣдованія [1]). Въ его прекрасной и драгоцѣнной библіотекѣ хранился отысканный имъ (единственный доселѣ) списокъ „Слово о Полку Игоревѣ“, съ котораго онъ снялъ копію и поднесъ Екатеринѣ [2]), зная тотъ живой интересъ, который она постоянно питала къ изученію русской старины. По его же предложенію, Екатерина велѣла собрать списки лѣтописей изъ монастырскихъ библіотекъ. Надъ критическою обработкою текста этихъ лѣтописей первый трудился академикъ *Августъ Людвигъ Шлецеръ* (р. 1735 ум., 1809 г.), который, въ короткое время пребыванія въ Россіи, по примѣру Мюллера, выучился основательно по-русски и основательно изучилъ нашу первоначальную лѣтопись, сравнивая различные ея списки. Въ то же время, другой академикъ-нѣмецъ, *Іоаннъ-Готлибъ Штриттеръ* (р. 1740, ум. 1801 г.)—управлявшій архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ послѣ Мюллера,—трудился надъ собираніемъ извѣстій о славянахъ и сосѣднихъ съ ними народахъ, разсѣянныхъ по Византійскимъ хроникамъ, и составилъ полезный сборникъ въ этомъ направленіи. Тотъ же академикъ пытался-было написать еще и полную „Россійскую Исторію“ (онъ довелъ ее до 1462 г.), но изъ этой попытки вышла только очень сухая и скучная компиляція, замѣчательная лишь тѣмъ, что она дала поводъ Екатеринѣ къ весьма любопытнымъ и остроумнымъ примѣчаніямъ.

Историки. Кн. Щербатовъ.

Гораздо болѣе плодотворными и важными явились историческіе труды двухъ другихъ современниковъ Екатерины: князя Щербатова и Болтина. Они оба могутъ служить прекрасными образцами того уровня научной образованности, который уже былъ достигнутъ передовыми русскими людьми въ концѣ XVIII вѣка. *Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ* (р. 1733, ум. 1790 г.) былъ человѣкомъ независимымъ по состоянію и положенію въ свѣтѣ и

---

[1]) «Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Т[illegible] канскаго Княжества». СПБ. 1794. «Холопій городокъ». СПБ. 1777. Сверхъ то[illegible] изданы: «Духовная Мономаха», 1793; «Слово о Полку Игоревѣ», М. 1800.

[2]) Этотъ списокъ былъ отысканъ академикомъ П. П. Пекарскимъ въ императрицы Екатерины и изданъ въ свѣтъ отдѣльною брошюрою. СПБ. 1872.

уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ проявилъ чрезвычайную охоту къ изученію нашего историческаго прошлаго, и не жалѣлъ ни времени, ни силъ на собираніе историческаго матеріала. И ему также въ его занятіяхъ отечественною исторіей Екатерина пришла на помощь съ обычною своею готовностью и великодушнымъ вниманіемъ: въ 1768 году она поручила ему заняться разборомъ кабинетнаго архива Петра Великаго и въ то же время открыла ему входъ во всѣ государственные архивы, ради собиранія матеріала для будущей исторіи Россіи. Первый томъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ 1770 г. подъ заглавіемъ: „*Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ, сочинена княземъ Михайломъ Щербатовымъ*. Томъ I. СПБ.“. Впослѣдствіи онъ издалъ еще пять объемистыхъ томовъ того же сочиненія, и все же довелъ его только до воцаренія Дома Романовыхъ. Трудъ этотъ оказался, однакоже, весьма далекимъ отъ того, чего бы можно было отъ него ожидать. Правда, авторъ очень добросовѣстно пользовался историческими матеріалами, извлеченными изъ архивовъ; многіе изъ актовъ, приводимыхъ имъ, даже только у него и сохранились (потому что самые архивы и библіотека потомъ погибли въ московскомъ пожарѣ 1812 года); но, при всей своей добросовѣстности, онъ очень неумѣло пользуется сырыми матеріалами. Щербатовъ старается все изложить въ послѣдовательности и связи, все, по возможности, выяснить и обосновать на разумныхъ причинахъ и началахъ; ...ется даже провести параллель между исторіей Русскою и ...но-европейскихъ народовъ, съ которою онъ былъ знакомъ ...но основательно... Но у него, при его несомнѣнной обра...ости и весьма недурной научной подготовкѣ, не хватаетъ

Князь М. М. Щербатовъ.

собирателю: матеріалъ собранъ и накопленъ имъ громадный; но, къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ не освѣщенъ никакой критикой и весь изложенъ въ томъ исключительно-панегирическомъ тонѣ, который мѣшаетъ въ немъ надлежащимъ образомъ разобраться.

Собираніе и изданіе памятниковъ. Рядомъ съ этими собирателями историческаго матеріала—болѣе любителями историческаго изученія, нежели спеціальными учеными—видимъ и высоко-просвѣщенную личность *графа А. И. Мусина-Пушкина* (р. 1744, ум. 1818 г.), который относился къ исторіи съ разумнымъ пониманіемъ значенія ея памятниковъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ посвятилъ небольшія, но съ большимъ знаніемъ и умѣньемъ написанныя изслѣдованія [1]). Въ его прекрасной и драгоцѣнной библіотекѣ хранился отысканный имъ (единственный доселѣ) списокъ „Слово о Полку Игоревѣ“, съ котораго онъ снялъ копію и поднесъ Екатеринѣ [2]), зная тотъ живой интересъ, который она постоянно питала къ изученію русской старины. По его же предложенію, Екатерина велѣла собрать списки лѣтописей изъ монастырскихъ библіотекъ. Надъ критическою обработкою текста этихъ лѣтописей первый трудился академикъ *Августъ Людвигъ Шлецеръ* (р. 1735 ум., 1809 г.), который, въ короткое время пребыванія въ Россіи, по примѣру Мюллера, выучился основательно по-русски и основательно изучилъ нашу первоначальную лѣтопись, сравнивая различные ея списки. Въ то же время, другой академикъ-нѣмецъ, *Іоганнъ-Готлибъ Штриттеръ* (р. 1740, ум. 1801 г.)—управлявшій архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ послѣ Мюллера,—трудился надъ собираніемъ извѣстій о славянахъ и сосѣднихъ съ ними народахъ, разсѣянныхъ по Византійскимъ хроникамъ, и составилъ полезный сборникъ въ этомъ направленіи. Тотъ же академикъ пытался-было написать еще и полную „Россійскую Исторію“ (онъ довелъ ее до 1462 г.), но изъ этой попытки вышла только очень сухая и скучная компиляція, замѣчательная лишь тѣмъ, что она дала поводъ Екатеринѣ къ весьма любопытнымъ и остроумнымъ примѣчаніямъ.

Историки. Кн. Щербатовъ. Гораздо болѣе плодотворными и важными явились историческіе труды двухъ другихъ современниковъ Екатерины: князя Щербатова и Болтина. Они оба могутъ служить прекрасными образцами того уровня научной образованности, который уже былъ достигнутъ передовыми русскими людьми въ концѣ XVIII вѣка. *Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ* (р. 1733, ум. 1790 г.) былъ человѣкомъ независимымъ по состоянію и положенію въ свѣтѣ и

---

[1]) «Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго Княжества». СПБ. 1794. «Холопій городокъ». СПБ. 1777. Сверхъ того, имъ изданы: «Духовная Мономаха», 1793; «Слово о Полку Игоревѣ», М. 1800.

[2]) Этотъ списокъ былъ отысканъ академикомъ П. П. Пекарскимъ въ бумагахъ императрицы Екатерины и изданъ въ свѣтъ отдѣльною брошюрою. СПБ. 1872.

уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ проявилъ чрезвычайную охоту къ изученію нашего историческаго прошлаго, и не жалѣлъ ни времени, ни силъ на собираніе историческаго матеріала. И ему также въ его занятіяхъ отечественною исторіей Екатерина пришла на помощь съ обычною своею готовностью и великодушнымъ вниманіемъ: въ 1768 году она поручила ему заняться разборомъ кабинетнаго архива Петра Великаго и въ то же время открыла ему входъ во всѣ государственные архивы, ради собиранія матеріала для будущей исторіи Россіи. Первый томъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ 1770 г. подъ заглавіемъ: *„Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ, сочинена княземъ Михайломъ Щербатовымъ.* Томъ I. СПБ.". Впослѣдствіи онъ издалъ еще пять объемистыхъ томовъ того же сочиненія, и все же довелъ его только до воцаренія Дома Романовыхъ. Трудъ этотъ оказался, однакоже, весьма далекимъ отъ того, чего бы можно было отъ него ожидать. Правда, авторъ очень добросовѣстно пользовался историческими матеріалами, извлеченными изъ архивовъ; многіе изъ актовъ, приводимыхъ имъ, даже только у него и сохранились (потому что самые архивы и библіотека потомъ погибли въ московскомъ пожарѣ 1812 года); но, при всей своей добросовѣстности, онъ очень неумѣло пользуется сырыми матеріалами. Щербатовъ старается все изложить въ послѣдовательности и связи, все, по возможности, выяснить и обосновать на разумныхъ причинахъ и началахъ;

Князь М. М. Щербатовъ.

скѣ VI: тамъ, на стр. 269, подъ ... ть между исторіей Русскою и
... Князь М. М. Щербатовъ ... съ которою онъ былъ знакомъ
... го, при его несомнѣнной обра-
... учной подготовкѣ, не хватаетъ

собирателю: матеріалъ собранъ и накопленъ имъ громадный; но, къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ не освѣщенъ никакой критикой и весь изложенъ въ томъ исключительно-панегирическомъ тонѣ, который мѣшаетъ въ немъ надлежащимъ образомъ разобраться.

Собираніе и изданіе памятниковъ. Рядомъ съ этими собирателями историческаго матеріала—болѣе любителями историческаго изученія, нежели спеціальными учеными—видимъ и высоко-просвѣщенную личность *графа А. И. Мусина-Пушкина* (р. 1744, ум. 1818 г.), который относился къ исторіи съ разумнымъ пониманіемъ значенія ея памятниковъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ посвятилъ небольшія, но съ большимъ знаніемъ и умѣньемъ написанныя изслѣдованія [1]). Въ его прекрасной и драгоцѣнной библіотекѣ хранился отысканный имъ (единственный доселѣ) списокъ „Слово о Полку Игоревѣ", съ котораго онъ снялъ копію и поднесъ Екатеринѣ [2]), зная тотъ живой интересъ, который она постоянно питала къ изученію русской старины. По его же предложенію, Екатерина велѣла собрать списки лѣтописей изъ монастырскихъ библіотекъ. Надъ критическою обработкою текста этихъ лѣтописей первый трудился академикъ *Августъ Людвигъ Шлецеръ* (р. 1735 ум., 1809 г.), который, въ короткое время пребыванія въ Россіи, по примѣру Мюллера, выучился основательно по-русски и основательно изучилъ нашу первоначальную лѣтопись, сравнивая различные ея списки. Въ то же время, другой академикъ-нѣмецъ, *Іоганнъ-Готлибъ Штриттеръ* (р. 1740, ум. 1801 г.)—управлявшій архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ послѣ Мюллера,—трудился надъ собираніемъ извѣстій о славянахъ и сосѣднихъ съ ними народахъ, разсѣянныхъ по Византійскимъ хроникамъ, и составилъ полезный сборникъ въ этомъ направленіи. Тотъ же академикъ пытался-было написать еще и полную „Россійскую Исторію" (онъ довелъ ее до 1462 г.), но изъ этой попытки вышла только очень сухая и скучная компиляція, замѣчательная лишь тѣмъ, что она дала поводъ Екатеринѣ къ весьма любопытнымъ и остроумнымъ примѣчаніямъ.

Историки. Кн. Щербатовъ. Гораздо болѣе плодотворными и важными явились историческіе труды двухъ другихъ современниковъ Екатерины: князя Щербатова и Болтина. Они оба могутъ служить прекрасными образцами того уровня научной образованности, который уже былъ достигнутъ передовыми русскими людьми въ концѣ XVIII вѣка. *Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ* (р. 1733, ум. 1790 г.) былъ человѣкомъ независимымъ по состоянію и положенію въ свѣтѣ и

---

[1]) «Историческое изслѣдованіе о мѣс [redacted]
канскаго Княжества». СПБ. 1794. «Холопі [redacted]
изданы: «Духовная Мономаха», 1793; «Слово [redacted]

[2]) Этотъ списокъ былъ отысканъ ака
императрицы Екатерины и изданъ въ свѣтъ ...

уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ проявилъ чрезвычайную охоту къ изученію нашего историческаго прошлаго, и не жалѣлъ ни времени, ни силъ на собираніе историческаго матеріала. И ему также въ его занятіяхъ отечественною исторіей Екатерина пришла на помощь съ обычною своею готовностью и великодушнымъ вниманіемъ: въ 1768 году она поручила ему заняться разборомъ кабинетнаго архива Петра Великаго и въ то же время открыла ему входъ во всѣ государственные архивы, ради собиранія матеріала для будущей исторіи Россіи. Первый томъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ 1770 г. подъ заглавіемъ: „*Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ, сочинена княземъ Михайломъ Щербатовымъ*. Томъ I. СПБ.“. Впослѣдствіи онъ издалъ еще пять объемистыхъ томовъ того же сочиненія, и все же довелъ его только до воцаренія Дома Романовыхъ. Трудъ этотъ оказался, однакоже, весьма далекимъ отъ того, чего бы можно было отъ него ожидать. Правда, авторъ очень добросовѣстно пользовался историческими матеріалами, извлеченными изъ архивовъ; многіе изъ актовъ, приводимыхъ имъ, даже только у него и сохранились (потому что самые архивы и библіотека потомъ погибли въ московскомъ пожарѣ 1812 года); но, при всей своей добросовѣстности, онъ очень неумѣло пользуется сырыми матеріалами. Щербатовъ старается все изложить въ послѣдовательности и связи, все, по возможности, выяснить и обосновать на разумныхъ причинахъ и началахъ; старается даже провести параллель между исторіей Русскою и западно-европейскихъ народовъ, съ которою онъ былъ знакомъ довольно основательно... Но у него, при его несомнѣнной образованности и весьма недурной научной подготовкѣ, не хватаетъ

Князь М. М. Щербатовъ.

таланта и тонкой, прозорливой наблюдательности настоящаго историка, вслѣдствіе чего онъ часто запутывается въ мелочахъ и приходитъ къ чрезвычайно курьезнымъ выводамъ. Болѣе всего онъ заботится о прагматизмѣ, т. е. о связности и послѣдовательности въ изложеніи событій, полагая въ этомъ главное достоинство историческаго повѣствованія, и, вслѣдствіе этого, иногда ищетъ связи тамъ, гдѣ ея, на самомъ дѣлѣ, не существуетъ и самую причину событій, по извѣстнымъ даннымъ, опредѣлить невозможно; а, съ другой стороны, совершенно упускаетъ изъ вида остальныя, не менѣе важныя стороны историческаго изложенія. Къ тому же, стараясь, во всѣхъ смыслахъ, отличиться отъ тѣхъ своихъ предшественниковъ на историческомъ поприщѣ, которые обращали свой разсказъ въ сплошной панегирикъ русскому народу и русскому прошлому, и заботились только о гладкости и цвѣтистости своего разсказа—князь Щербатовъ, въ противоположность имъ, очень мало прилагаетъ заботы къ своему слогу и языку, и, вслѣдствіе этого, его исторія написана тяжело, вяло, неясно, какимъ-то шероховатымъ слогомъ. Притомъ, многимъ изъ современниковъ Щербатова, привыкнувшимъ къ красивому и плавному изложенію историческаго матеріала, въ которомъ факты, собственно говоря, служили только канвою для краснорѣчія и назидательныхъ выводовъ—исторія Щербатова, простая и серьезная по изложенію, не могла нравиться: они не находили въ ней того, чего искали и что привыкли видѣть въ историческихъ сочиненіяхъ [1]).

Трудъ князя Щербатова былъ, однакоже, явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и зауряднымъ. Людей серьезныхъ и мыслящихъ онъ долженъ былъ вызвать на обсужденіе различныхъ задачъ и вопросовъ нашей исторической жизни, и между ними оказался одинъ, болѣе другихъ смѣлый и убѣжденный критикъ, которому историческое сочиненіе Щербатова послужило канвою для весьма объемистаго критическаго разслѣдованія по Русской Исторіи, какъ съ точки зрѣнія общихъ взглядовъ на наше историческое прошлое, такъ и со стороны частныхъ историческихъ подробностей и отдѣльныхъ бытовыхъ чертъ. Этотъ первый критикъ въ области Русской Исторіи былъ никто иной, какъ извѣстный И. Н. Болтинъ.

[1]) Гораздо важнѣе и замѣчательнѣе «Россійской Исторіи» Щербатова были другія два сочиненія того же автора: «*О поврежденіи нравовъ въ Россіи*» и «*Письма къ вельможамъ, правителямъ государства*». Въ этихъ обоихъ сочиненіяхъ авторъ является очень строгимъ судьею своего времени и рисуетъ намъ картину царствованія Екатерины въ очень мрачныхъ краскахъ. Мы не касаемся, однакоже, ни того, ни другого изъ этихъ сочиненій, какъ потому, что они имѣютъ слишкомъ спеціальный характеръ, такъ еще болѣе потому, что, оставаясь въ рукописи, они никогда не могли имѣть значенія для современнаго общества.

Критикъ Щербатова.

Иванъ Никитичъ Болтинъ (род. 1735 г., ум. 1792 г.) происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, который, подобно многимъ другимъ русскимъ дворянскимъ родамъ, велъ свое начало отъ выходцевъ изъ Золотой Орды. Значительную часть лучшаго времени своей жизни онъ провелъ въ военной службѣ, а потомъ въ деревнѣ, и вообще имѣлъ полную возможность близко и коротко изучить простого русскаго человѣка—русскій народъ. Присматриваясь близко къ народу, вникая въ его характеръ, нравы, обычаи и воззрѣнія, Болтинъ, невольно и незамѣтно для самого себя, сталъ вникать въ изученіе его прошлаго, и, подъ вліяніемъ извѣстнаго знатока и собирателя русскихъ древностей А. И. Мусина-Пушкина, увлекся изученіемъ Русской исторіи въ ея первоисточникахъ. Пользуясь богатымъ рукописнымъ собраніемъ Мусина-Пушкина и побуждаемый имъ, Болтинъ издалъ „Русскую Правду" по древнему списку, снабдивъ ее примѣчаніями; участвовалъ до нѣкоторой степени и въ обработкѣ памятниковъ, изданныхъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и, мало-по-малу, пріобрѣлъ извѣстность знатока русской исторіи. Извѣстность эта такъ была распространена, что сама императрица Екатерина обращалась къ Болтину въ затруднительныхъ случаяхъ за истолкованіемъ того, что ей было непонятно въ нашихъ древнихъ памятникахъ письменности и просила его указаній при обработкѣ историческихъ сюжетовъ для сцены.

Иванъ Никитичъ Болтинъ.

Исторія Леклерка.

Но, собственно говоря, Болтину удалось выказать свои историческія знанія только тогда, когда въ свѣтъ вышла книга Леклерка по Русской исторіи, преисполненная всякими небылицами о Россіи и русскомъ народѣ. Авторъ ея, медикъ *Леклеркъ*, пріѣхалъ въ Россію изъ Франціи еще при Елисаветѣ, служилъ по многимъ вѣдомствамъ (въ томъ числѣ и при Дворѣ, лейбъ-меди-

комъ наслѣдника-цесаревича), но блестящей карьеры не составилъ и уѣхалъ изъ Россіи недовольный. Вернувшись во Францію и зная, какъ тамъ всѣ интересуются Россіей, онъ рѣшился написать о Россіи объемистую книгу, въ видахъ чисто-спекулятивныхъ. Но такъ какъ онъ не обладалъ никакимъ знаніемъ нашего отечества, то книга его вышла пустою и ничтожною компиляціей, въ которую онъ заносилъ все, что придетъ ему въ голову, нахватывая матерьялъ отовсюду и придавая такое же значеніе нелѣпому анекдоту, какъ и достовѣрнѣйшему документу. Своей книгѣ, которая расползлась на шесть томовъ, Леклеркъ не усомнился дать весьма заманчивое заглавіе: *„Физическая, нравственная, гражданская и политическая исторіи Россіи въ древнѣйшую и въ новѣйшую эпоху“*. Матерьялъ въ книгѣ Леклерка распредѣленъ такимъ образомъ, что первые три тома содержатъ исторію древнѣйшей, а послѣдніе три тома— исторію новѣйшей эпохи. Все сочиненіе Леклерка, въ полномъ своемъ составѣ, вышло въ свѣтъ въ 1783—1785 гг., и, весьма естественно, должно было произвести въ Россіи очень непріятное впечатлѣніе. Многіе возмущались клеветами и ложью, автора, его вымыслами и грубыми ошибками, его преднамѣренными искаженіями фактовъ историческихъ и огульнымъ осужденіемъ русскаго народа. Существуетъ такое преданіе, будто бы именно Потемкинъ, — который былъ съ Болтинымъ знакомъ и уважалъ его знанія—побудилъ его написать серьезный разборъ книги Леклерка. Но это преданіе мало согласуется съ дѣйствительностью. Самъ Иванъ Никитичъ Болтинъ былъ человѣкомъ настолько самостоятельнымъ, что менѣе всего былъ способенъ подчиняться чьимъ бы то ни было внушеніямъ въ своихъ дѣйствіяхъ; притомъ онъ былъ въ такой степени кореннымъ русскимъ человѣкомъ и такъ преданъ своему отечеству и своему народу, что и безъ всякихъ стороннихъ указаній не въ силахъ былъ оставить лживую и невѣжественную книгу о Россіи безъ отвѣта. И преданіе о Потемкинѣ можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ всѣ были очень довольны суровою отповѣдью Болтина на книгу Леклерка, и, зная о пріязни Потемкина къ Болтину, приписали трудъ Болтина вліянію Потемкина, какъ вообще иногда приписываютъ вліянію высшихъ представителей власти блестящія идеи и труды ихъ подчиненныхъ.

Критика Болтина. *„Примѣчанія къ исторіи древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Болтинымъ“* вышли въ свѣтъ въ 1788 г. и составили два объемистыхъ тома, написанныхъ живо, умно и прекрасно изложенныхъ. Возражая лживому и легкомысленному иноземцу, Болтинъ не могъ оставить въ покоѣ и того русскаго историка — на котораго Леклеркъ ссылался во многихъ мѣстахъ

своей книги — князя Щербатова. Щербатовъ вступился за свой историческій трудъ и сталъ защищать его положенія, критикуемыя Болтинымъ; свой отвѣтъ онъ озаглавилъ „*Письмо къ пріятелю*". Болтинъ не оставилъ „Письмо" безъ отвѣта и тутъ же очень строго отнесся ко многимъ недостаткамъ сочиненія Щербатова. Ему, однакоже, эта критика большого труда показалась недостаточною, и онъ посвятилъ ей еще цѣлыхъ два тома „Критическихъ примѣчаній", которыя дѣлаютъ честь его критической прозорливости и его глубокому пониманію исторической истины. Эту истину цѣнитъ онъ выше всего и правильно поставленной фактической сторонѣ исторіи придаетъ несравненно большее значеніе, нежели всѣмъ возможнымъ и даже самымъ остроумнымъ историческимъ гипотезамъ. Нашъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ высоко цѣнилъ критическій трудъ Болтина и его глубокое пониманіе характерныхъ особенностей русской исторіи, „непохожей ни на какія другія"; цѣнилъ въ Болтинѣ разумное и твердое умѣнье защитить отъ нападокъ иноземца всѣ тѣ стороны русской народной жизни и исторіи, которыя заслуживаютъ уваженія и одобренія и ускользаютъ отъ наблюденія иноземцевъ, благодаря тому, что наблюденія эти бываютъ чаще всего поверхностными, а знаніе русской жизни весьма ограниченнымъ. Взглядъ на прошлое у Болтина отличается замѣчательною правдивостью и правильностью; онъ умѣетъ безпристрастно отличить въ этомъ прошломъ хорошее отъ дурного, и безпристрастно относится даже къ такому трудному историческому моменту, какъ эпоха преобразованій Петра. Онъ признаетъ ея полезныя стороны и вредъ видитъ не въ самой реформѣ, а въ „поспѣшности и торопливости, съ которою она вводилась", въ томъ рабскомъ преклоненіи передъ мнимыми преимуществами европейскаго Запада, которымъ русскіе люди заразились со времени Петровской реформы. Порицая преувеличенія и крайности рабскаго подражанія иностранцамъ, Болтинъ, въ то же время, ничуть не враждебно относится къ Европѣ и европеизму, и смѣло говоритъ иноземцамъ, кричащимъ о варварствѣ русскихъ, „мы не обзываемъ васъ варварами. Не давайте же и намъ несвойственнаго намъ имени и не отрицайте той очевидной истины, что мы и вы—и русскій народъ, и его западные братья,—одинаково способны къ умственному и политическому развитію; и вы, и мы — европейцы по крови и по духу". Чрезвычайно любопытно, что, признавая это наше единство съ Европою, Болтинъ, въ то же время, остается вполнѣ русскимъ человѣкомъ во всѣхъ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Подобно другому историку предшествующей эпохи, онъ очень твердъ и въ своихъ убѣжденіяхъ политическихъ: не допускаетъ никакихъ мечтаній о вольности и открыто высказываетъ, что

единственная форма правленія, пригодная для Россіи, есть самодержавіе. Съ Татищевымъ сходится Болтинъ и въ своихъ нѣсколько раціоналистическихъ воззрѣніяхъ на духовенство и обрядовую сторону религіи.

Воззрѣніе Болтина на русскую жизнь.

Съ тонкостью и прозорливостью настоящаго историческаго критика, Болтинъ уже многое угадываетъ въ тѣхъ историческихъ условіяхъ жизни и развитія народнаго характера, которыя послѣдующими историками полагаются въ основу ихъ трудовъ. Такъ, напр., Болтинъ—первый изъ нашихъ историковъ—придаетъ серьезное значеніе климату, какъ важнѣйшему изъ бытовыхъ условій. Ставя быть народный и самое теченіе исторической жизни въ строго опредѣленныя рамки извѣстныхъ условій, присущихъ одному народу въ отличіе отъ другихъ, Болтинъ не вѣритъ въ возможность перенесенія бытовыхъ формъ жизни отъ одного народа къ другому или, по крайней мѣрѣ, требуетъ для этого предварительной и весьма продолжительной подготовки. Рѣзкія, быстрыя, поспѣшныя реформы глубоко его возмущаютъ: онъ считаетъ ихъ вредными и нежелательными; но при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду тотъ „случайный“, тотъ „роковой“ элементъ, который иногда устраняетъ всякія человѣческія умствованія и подчиняетъ дѣйствія людей закону неизбѣжной исторической необходимости. Съ этой именно стороны его требованія о постепенности и послѣдовательности въ нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ первѣйшей важности являются не болѣе, какъ безполезнымъ умствованіемъ, непримѣнимымъ къ дѣйствительности. Таковы, напр., разсужденія Болтина объ освобожденіи крестьянъ, въ которомъ Болтинъ также требуетъ благоразумной постепенности и переходовъ отъ одного фазиса въ развитіи свободы къ другому.

„При дачѣ рабамъ свободы — говоритъ онъ, — все благоразуміе въ томъ должно состоять, чтобы не прежде оную имъ даровать, какъ науча ихъ познавать ея цѣну, и какъ надлежитъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія, сдѣланъ имъ будетъ вредъ, зло или гибель... Бывшему долгое время въ темнотѣ, не вдругъ показать должно большой свѣтъ, а понемногу, въ противномъ случаѣ глаза его повредятся и не будутъ въ состояніи вѣчно наслаждаться зрѣніемъ вожделѣнныя свѣтлости“... Впрочемъ, этотъ жгучій вопросъ, какъ извѣстно, до такой степени пугалъ многихъ, даже и весьма гуманныхъ людей (напр.: княгиню Дашкову, Лопухина и др.) въ XVIII в., что даже и въ XIX в., наканунѣ осуществленія великой реформы, совершившейся въ царствованіе Александра II, теорія „постепенности“ въ освобожденіи крестьянъ еще находила себѣ сторонниковъ.

Уважая ученыя заслуги Болтина и цѣня его критическія замѣчанія, Екатерина задумала дать ему работу, которая была ему и по силамъ, и по вкусу: она поручила ему составленіе обширнаго и разносторонняго описанія губерній и приведенія въ порядокъ огромнаго историко-географическаго матерьяла, который около этого времени уже собранъ былъ разными лицами. Болтинъ, страстно преданный изученію своего отечества, ревностно принялся за трудъ, порученный ему государыней: но смерть помѣшала ему привести его къ желанному концу. Съ драгоцѣннымъ матерьяломъ, надъ которымъ Болтинъ работалъ, приключилось великое бѣдствіе: императрица Екатерина пріобрѣла его отъ наслѣдниковъ Болтина и, въ видѣ ста большихъ связокъ, передала на храненіе въ обширную библіотеку А. И. Мусина-Пушкина, съ которымъ Болтинъ былъ связанъ при жизни тѣсною дружбою и сотрудничествомъ по изданію древнихъ памятниковъ. И вмѣстѣ съ драгоцѣнною библіотекою Мусина-Пушкина, въ московскомъ пожарѣ 1812 г., погибли и эти болтинскіе матерьялы... Порученіе Екатерины.

Живая, пестрая, богатая громкими событіями и крупными личностями эпоха Екатерины должна была, конечно, во многихъ возбудить желаніе передать потомству впечатлѣнія той дѣйствительности, среди которой протекала жизнь поколѣнія, видавшаго блескъ и славу многознаменательной эпохи. Сохранившіеся намъ мемуары второй половины XVIII в. удивительно разнообразны и по значенію, и по содержанію, и по характеру изложенія. Авторами этихъ мемуаровъ выступаютъ и люди, весьма близко стоявшіе къ государынѣ и ея Двору, и поэты, и простые, безхитростные, безпристрастные наблюдатели того, что происходило въ столичной и провинціальной жизни, и наконецъ—сама Екатерина. И вотъ, памятникомъ дѣятельности всѣхъ этихъ лицъ является рядъ любопытнѣйшихъ записокъ и мемуаровъ, изъ которыхъ однимъ придана вполнѣ законченная, почти литературная форма, другимъ—форма отрывочнаго и безсвязнаго дневника, третьимъ—видъ безпорядочныхъ, то слишкомъ сжатыхъ, то не въ мѣру пространныхъ воспоминаній, четвертымъ — характеръ правдиваго, плавнаго, эпически-спокойнаго разсказа о пережитомъ, видѣнномъ и слышанномъ въ теченіе долгой жизни, богатой встрѣчами, впечатлѣніями и житейскимъ опытомъ. Передъ нами, какъ въ живой и подвижной панорамѣ, вѣкъ Екатерины проходитъ въ ея собственныхъ запискахъ, въ запискахъ Дашковой, Державина, Лопухина, Храповицкаго, Грибовскаго, Порошина, Болотова и Добрынина. Записки и мемуары.

О Екатеринѣ, вообще любившей много писать и многое заносить на память, сохранилось такое преданіе, что она каждый Записки Екатерины.

день, въ теченіе своей жизни, записывала на небольшомъ листочкѣ свои впечатлѣнія и воспоминанія. Къ сожалѣнію, эти драгоцѣнныя *Записки* безслѣдно исчезли для потомства за исключеніемъ очень небольшой части, которая сохранилась въ видѣ уже обработаннаго цѣлаго, въ которомъ Екатерина разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ и воспитаніи, и о періодѣ своей жизни въ Россіи до замужества, и въ замужествѣ во время царствованія императрицы Елисаветы. Эти драгоцѣнные мемуары, собственно говоря, не принадлежатъ къ области русской словесности, такъ какъ онѣ не были писаны по-русски и на русскій языкъ переведены лишь въ недавнее время (лѣтъ тридцать назадъ) съ рукописи, которая, вѣроятно, была не вполнѣ исправною копіею съ уничтоженнаго оригинала.

А. В. Храповицкій.

Записки Е. Р Дашковой.

О „*Запискахъ*“ княгини Е. Р. Дашковой мы, мелькомъ, уже упоминали выше. Записки эти писаны были въ старости, по воспоминаніямъ, и притомъ съ опредѣленною цѣлью—указать на свое значеніе и важную роль въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ и оправдать свой способъ дѣйствій. Такая опредѣленная цѣль, сама по себѣ, уже отнимаетъ у „Записокъ“ ту непосредственность, ту живость и свѣжесть впечатлѣній переживаемой минуты, которыя и составляютъ, собственно говоря, всю прелесть этого рода литературы. При такомъ характерѣ, „Записки“ Е. Р. Дашковой, весьма любопытныя для ея личной характеристики и для ея личной исторіи, не всегда могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для ознакомленія съ той эпохой, которая положена въ основу ихъ.

Записки Державина.

Совершенною противоположностью имъ должны служить „Записки“ Державина, писанныя поэтомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда онъ уже вышелъ въ отставку, и, по обычаю многихъ старцевъ, проживишихъ бурную и разнообразную жизнь, любилъ обращаться въ воспоминаніяхъ къ отдаленному прошлому и представлять себя—еще молодымъ, дѣятельнымъ и подвижнымъ. „Записки“ эти, по отношенію къ слогу, къ общему способу изложенія событій и характеристикѣ личностей—представляютъ собою замѣчательный хаосъ. Все въ нихъ недосказано, все несоразмѣрно, все отзывается тою суетливой торопливостью, которая

составляла одну изъ самыхъ непріятныхъ сторонъ личности Державина, какъ общественнаго дѣятеля; многое перепутано; есть событія и встрѣчи съ людьми, разсказанныя слишкомъ подробно; есть пропуски, непополнимые и ничѣмъ не объяснимые. Но все, что разсказано—разсказано съ полною искренностью и съ живѣйшимъ желаніемъ высказать сущую правду, что не мѣшаетъ автору быть очень пристрастнымъ въ характеристикѣ людей, ему непріятныхъ. Зато ужъ нигдѣ, на всемъ пространствѣ этихъ довольно объемистыхъ „Записокъ", нѣтъ ни малѣйшей попытки себя прикрасить или выставить въ какомъ-нибудь особенно выгодномъ освѣщеніи; напротивъ того, Державинъ нигдѣ не щадитъ себя, и часто съ величайшею наивностью выставляетъ себя въ томъ неловкомъ или смѣшномъ положеніи, въ которое онъ самъ себя ставилъ своею неосторожною поспѣшностью, излишнею довѣрчивостью или черезчуръ легкомысленнымъ отношеніемъ къ условіямъ современной придворной жизни. Такимъ образомъ, личность автора какъ бы выдѣляется изъ рамки описываемыхъ имъ событій и, какъ живая, представляется намъ со всѣми своими достоинствами, недостатками и слабостями. Особенно любопытны тѣ страницы „Записокъ", въ которыхъ Державинъ разсказываетъ о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ Екатериной и даетъ очень живую и рельефную характеристику этой замѣчательной государыни, удивительно терпѣливо сносившей его безтактныя выходки и докучную настойчивость въ дѣлахъ. Не менѣе искренно и живо переданы Державинымъ и событія той эпохи, когда юный Александръ вступилъ на престолъ послѣ мрачнаго и тягостнаго періода предшествовавшаго царствованія, окруженный молодыми и свѣжими дѣятелями, и Державинъ очутился между ними старымъ, отсталымъ, неподатливымъ на ту ломку и тѣ реформы, которыя готовило новое царствованіе.

А. М. Грибовскій.

Записки Храповицкаго и Грибовскаго.

Въ историческомъ отношеніи и притомъ съ чисто-фактической стороны важны „записки", составленныя двумя личными секретарями Екатерины,—*А. В. Храповицкимъ* и *А. М. Грибовскимъ*. Они оба были поставлены въ такія условія, при которыхъ, въ значительной степени, могли быть свидѣтелями и наблюдателями всего, что происходило въ непосредственной близости къ государынѣ, въ ея домашней обстановкѣ. Оба наблюдали и записывали; но спѣшно, урывками, съ опасеніемъ того, что ихъ наблюденія будутъ замѣчены и навлекутъ на нихъ непріятную отвѣтственность, лишатъ ихъ милостей государыни — и этотъ характеръ поспѣшности, мимолетности придалъ любопытнымъ запискамъ обоихъ секретарей характеръ дневниковъ, очень сухихъ и скучныхъ съ перваго взгляда, въ которыхъ все только намѣчено, только вскользь, полунамекомъ упомянуто, только занесено въ видѣ слуха—и все драгоцѣнно для историка. *Александръ Васильевичъ Храповицкій* (род. 1749 г., ум. 1801 г.) былъ секретаремъ Екатерины въ періодъ 1782 — 1793 г. и, какъ человѣкъ талантливый и живой, пользовался особеннымъ вниманіемъ императрицы—даже редактировалъ ея переписку и ея сочиненія. Онъ и самъ занимался литературой и поддерживалъ оживленныя сношенія съ современными писателями. *Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій* (род. 1766 г., ум. 1833 г.) занималъ при Екатеринѣ болѣе оффиціальное положеніе: былъ ея секретаремъ менѣе продолжительное время и никогда не пользовался ея довѣріемъ въ такой степени, какъ Храповицкій, почему и записки его гораздо менѣе любопытны и важны, чѣмъ дневникъ Храповицкаго.

Записки Порошина.

Весьма привлекательною представляется намъ личность еще одного придворнаго мемуариста той же эпохи—*Семена Андреевича Порошина* (род. 1741 г., ум. 1769 г.). Окончивъ курсъ ученія въ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, Порошинъ былъ назначенъ воспитателемъ къ великому князю Павлу Петровичу и преподавалъ ему математику. Живой и молодой воспитатель — человѣкъ вполнѣ русскій и горячо преданный отечеству—задался мыслію, что ему слѣдуетъ развить ту же преданность къ отечеству и въ своемъ воспитанникѣ. Отчасти изъ желанія отмѣчать все любопытное, что ему приходилось видѣть, отчасти изъ желанія самого себя провѣрять, Порошинъ велъ каждодневную запись всему, что видѣлъ и слышалъ при Дворѣ. Эти, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ писанныя „Записки" Порошина полны любопытнѣйшихъ данныхъ, какъ для характеристики его юнаго воспитанника—цесаревича, такъ и для опредѣленія въ высшей степени добросовѣстнаго отношенія Порошина къ тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ почиталъ задачею всей своей жизни. Особенно интересны тѣ мѣста „Записокъ" Порошина, въ которыхъ онъ разсказываетъ, какъ

ему иногда приходилось отстаивать передъ великимъ княземъ честь и достоинство прославленныхъ своими трудами общественныхъ дѣятелей, русскихъ литераторовъ и ученыхъ. Въ этомъ отношеніи весьма характернымъ является слѣдующій отрывокъ изъ „Записокъ“ Порошина, гдѣ онъ разсказываетъ объ одномъ изъ отзывовъ великаго князя Павла Петровича, касающихся Ломоносова [1]). „Пришло мнѣ не знаю какъ-то въ голову, — разсказываетъ Порошинъ, —изъ Ломоносова похвальнаго слова государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, то мѣсто, гдѣ написано: „Ты едина истинная наслѣдница, ты дщерь моего просвѣтителя“ (слова сіи говоритъ прибѣгнувшая Россія къ государынѣ). И какъ я это выговорилъ, то его высочество, смѣючись, изволилъ сказать: „это, конечно ужъ, изъ сочиненія дурака Ломоносова?“ Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однакоже, я говорилъ ему на то: „желательно, милостивый государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, неприлично такимъ образомъ о такомъ россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ. Вы—великій князь россійскій; надобно вамъ быть и покровителемъ музъ россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся россіянъ будетъ одобреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается?“ Само-собою разумѣется, что подобная искренность и прямота не могла нравиться въ придворныхъ сферахъ, и очень скоро пріобрѣла Порошину много враговъ. Подозрительность, съ которою Екатерина относилась вообще ко всѣмъ лицамъ, близко стоявшимъ къ цесаревичу, была возбуждена еще болѣе, когда она узнала, что его молодой воспитатель ведетъ какія-то „Записки“. Послѣ двухлѣтняго пребыванія при Дворѣ (1764—1765 гг.), онъ былъ удаленъ безъ объясненія причинъ, переведенъ въ военную службу, и умеръ во время первой Турецкой войны.

Иными характеромъ отличаются „Записки“ *Ивана Владиміровича Лопухина* (род. 1756 г., ум. 1816 г.), друга и постояннаго сотрудника Новикова и одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Дружескаго Общества, для процвѣтанія котораго Лопухинъ не щадилъ никакихъ матеріальныхъ пожертвованій. **Записки Лопухина.**

Вступивъ въ жизнь почти самоучкой и при самыхъ ограниченныхъ знаніяхъ [2]), Лопухинъ употребилъ многіе годы на осно-

---

[1]) Противъ Ломоносова великій князь Павелъ Петровичъ былъ предубѣжденъ лицами, принадлежавшими, въ царствованіе Елисаветы, къ той партіи, которая держала сторону такъ-называемаго «молодого» Двора, т. е. наслѣдника цесаревича Петра Феодоровича и Екатерины.

[2]) Онъ самъ говорилъ о себѣ въ своихъ «Запискахъ»: «русской грамотѣ училъ меня домашній слуга...»

вательное самообразованіе и, при высокихъ качествахъ своей души, сумѣлъ воспитать въ себѣ въ высшей степени гуманнаго человѣка и гражданина. Подобно многимъ другимъ своимъ современникамъ, онъ въ юности увлекался идеями энциклопедистовъ и ихъ ученіемъ, но, подъ вліяніемъ различныхъ условій, перешелъ отъ этого матеріальнаго направленія къ отвлеченно-мистическому, сошелся съ Новиковымъ и масонами, и самъ обратился въ ревностнаго масона по убѣжденію. Ему захотѣлось доказать это на дѣлѣ, и онъ прекрасно воспользовался тѣмъ поприщемъ, которое ему открылось въ масонствѣ. Дѣла благотворительности, служеніе правдѣ и цѣлямъ человѣколюбія — вотъ чему посвятилъ себя Лопухинъ въ теченіе всей остальной своей жизни и не измѣнялъ этому назначенію своему ни въ какихъ общественныхъ положеніяхъ[1]). „Записки" Лопухина въ высшей степени важны для ознакомленія съ исторіею развитія у насъ масонства, въ той первоначальной формѣ, которую оно приняло на русской почвѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, и онъ самъ является идеальнымъ олицетвореніемъ того высоко-нравственнаго типа, который русскіе масоны стремились провести въ жизнь, пренебрегая всѣми угнетеніями и преслѣдованіями, какимъ ихъ подвергали. О масонахъ, членахъ Новиковскаго кружка, самъ Лопухинъ съ величайшимъ уваженіемъ говоритъ, что „они упражнялись въ позна-

С. А. Порошинъ.

[1]) Въ 1782 г. онъ былъ совѣтникомъ Московской уголовной палаты, а потомъ ея предсѣдателемъ; въ 1785 г. былъ преданъ суду, какъ сотрудникъ Новикова, но избѣжалъ ссылки смѣлою прямотою объясненій дѣятельности Дружескаго Общества. Въ царствованіе Павла I и Александра I былъ статсъ-секретаремъ и сенаторомъ, причемъ былъ неоднократно посылаемъ для ревизованія губерній.

ніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ, содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, — по правиламъ науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ". Въ масонствѣ Лопухинъ игралъ видную, выдающуюся роль, какъ великій мастеръ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ и какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій, которыя почитались краеугольнымъ камнемъ масонства [1]).

И. В. Лопухинъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, русская словесность XVIII вѣка обладаетъ еще одними, поистинѣ драгоцѣнными мемуарами, которыми мы, русскіе, можемъ гордиться, какъ памятникомъ рѣдкимъ, почти единственнымъ въ своемъ родѣ. Этотъ памятникъ— *„Записки" Андрея Тимоѳеевича Болотова* (род. 1738 г., ум. 1833 г.) Въ этихъ „Запискахъ" съ изумительною полнотою и подробностью, въ цѣльной и связной картинѣ, передъ нами проходитъ вся русская жизнь прошлаго вѣка, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ и притомъ въ разсказѣ человѣка умнаго, живого, образованнаго, много видѣвшаго и много знающаго, который прожилъ свою жизнь не даромъ. Не излишнимъ считаемъ сообщить здѣсь нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Записки Болотова.

А. Т. Болотовъ родился въ Тульской губерніи, въ родовомъ сельцѣ Дворяниновѣ (Алексинскаго уѣзда). Родители были мѣстные дворяне и притомъ изъ очень небогатыхъ. Оставшись сиротою на 14-мъ году, Болотовъ, записанный съ десяти лѣтъ на службу каптенармусомъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ, вступаетъ на службу и уже начинаетъ пролагать себѣ дорогу вполнѣ самостоятельно. Девятнадцатилѣтнимъ юношей-офицеромъ онъ принимаетъ участіе въ кровавыхъ битвахъ семилѣтней войны, служитъ въ канцеляріи русскаго губернатора, управляю-

[1]) «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ новыхъ правилъ, сочиненное Россіяниномъ» М. 1780 и 1787 гг.—«Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ», «Духовный рыцарь или ищущій премудрости» М. 1791 г. — «Нѣкоторыя черты о внутреннемъ уставѣ, о единомъ пути истины и разныхъ путяхъ заблужденія и гибели» 1798 г.

Двѣ странички изъ «Записокъ» Болотова.
Автографъ Андрея Тимоѳеевича. Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

щаго восточными провинціями Пруссіи; но, не чувствуя ни малѣйшаго влеченія къ военной службѣ, онъ одинъ изъ первыхъ спѣшитъ воспользоваться грамотою о вольности дворянства (18 февр. 1862 г.). Его влечетъ въ деревню, къ мирнымъ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ, литературою и искусствами, къ которымъ вкусъ развитъ у него съ самой ранней юности. И вотъ онъ покидаетъ довольно видное положеніе на службѣ, какъ разъ накануне извѣстнаго переворота 1763 г., женится и поселяется въ своемъ родовомъ селѣ, и отчасти здѣсь, а отчасти и въ городѣ Богородицкѣ [1]) — проводитъ около 70 лѣтъ, мирно трудясь по хозяйству и посвящая свои досуги литературѣ и наукѣ. Какъ человѣкъ замѣчательно-живой и любознательный, онъ не переставалъ изъ своего „прекраснаго далека“ слѣдить за общимъ ходомъ русской государственной жизни и въ то же время заносилъ въ свои „Записки“ все то, что совершалось вокругъ него въ жизни провинціальной и въ городской средѣ. Поддерживая постоянныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ, усердно сотрудничая въ современныхъ журналахъ (главнымъ образомъ въ Новиковскихъ изданіяхъ), онъ, въ то же время, внимательно, добросовѣстно и умно наблюдалъ все, что происходило кругомъ его, и далъ намъ въ своихъ „Запискахъ“ рядъ такихъ бытовыхъ картинъ и типовъ, которые съ разныхъ сторонъ знакомятъ насъ съ XVIII вѣкомъ,

А. Т. Болотовъ.

Портретъ А. Т. Болотова, имъ самимъ рисованный и приложенный къ «Запискамъ».

[1]) Въ Богородицкѣ жилъ онъ въ качествѣ управляющаго имѣніями Бобринскаго.

во всѣхъ подробностяхъ и во всей обстановкѣ его оригинальнаго быта. „Записки“ эти Болотовъ сталъ писать съ 1789 г., слѣдовательно принялся за нихъ уже на 51-мъ году жизни, и съ поразительнымъ терпѣніемъ и постоянствомъ продолжалъ ихъ писать въ теченіе 30 лѣтъ (онъ умеръ на 96 г.). Среднимъ числомъ онъ писалъ въ годъ по небольшому томику въ 400 страничекъ, писанныхъ замѣчательно-мелкимъ и четкимъ почеркомъ, и всего написалъ 29 такихъ томиковъ, которые одинъ изъ издателей Болотова справедливо относитъ къ числу „главнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи русскаго общества въ XVIII столѣтіи“ [1]).

Прекрасная рукопись „Записокъ“, которымъ авторъ придалъ названіе „***Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ***“ — сначала и до конца не только переписана его рукою, но еще имъ же и иллюстрирована отъ руки небольшими виньетками, заставками, заглавными буквами и т. п. Мало того, въ началѣ „Записокъ“ А. Т. Болотовъ приложилъ даже картинку, изображающую его рабочій кабинетъ и его самого за работой.

Въ теченіе этой долгой и дѣятельной жизни, А. Т. Болотовъ входилъ въ сношенія со множествомъ людей, принадлежавшихъ къ различнымъ сословіямъ и слоямъ общества, отъ государственныхъ сановниковъ до русскихъ купцовъ, сельскихъ поповъ и крестьянъ. Онъ служилъ и въ военной службѣ, и прекрасно зналъ и понималъ русскаго солдата; знакомъ былъ и съ свѣтской жизнью столицы, и съ бытомъ заскорузлыхъ помѣщиковъ захолустныхъ уголковъ провинціи. И всѣ свои встрѣчи, столкновенія и приключенія онъ передалъ въ живомъ, плавномъ и занимательномъ разсказѣ, главнымъ украшеніемъ котораго является удивительная искренность и простодушіе. Читая „Записки“ Болотова, мы совершенно переносимся въ прошлый вѣкъ и какъ бы бесѣдуемъ съ однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ его представителей. Самый поводъ, побудившій его приняться за „Записки“, рисуетъ намъ въ немъ человѣка просвѣщеннаго и глубоко проникнутаго сознаніемъ важнаго значенія той исторической преемственности, которая связываетъ чередующіяся поколѣнія въ ихъ исторической послѣдовательности. „Не тщеславіе и не иныя какія намѣренія побудили меня написать сію исторію моей жизни“, говоритъ онъ, и самъ сознается, что въ жизни его „нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ, достопамятныхъ и важныхъ происшествій“... Побудило его то, что онъ досадовалъ постоянно на нерадѣніе своихъ предковъ, которые „не оставили по себѣ ни малѣйшихъ письменныхъ извѣстій“ и лишили потомковъ возможности знать,

---

[1]) М. М. Семевскій, въ предисловіи къ III-му изданію «Записокъ» Болотова.

„какъ они жили и что съ ними въ жизни ихъ случалось и происходило"... Не желая и самъ навлечь на себя подобные же укоры въ потомствѣ, А. Т. Болотовъ „разсудилъ употребить нѣкоторые праздные и отъ прочихъ дѣлъ остающіеся часы на описаніе всего того, что случалось съ нимъ въ жизни"...

Записки Добрынина.

Важнымъ дополненіемъ, въ смыслѣ бытовомъ, къ той картинѣ нравовъ XVIII в., которую мы находимъ въ „Запискахъ" Болотова, служитъ „*Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина,* имъ самимъ написанная". Авторъ этого повѣствованія—сынъ священника, былъ сначала пѣвчимъ, потомъ келейникомъ и секретаремъ Сѣвскихъ архіереевъ, а затѣмъ чиновникомъ въ Бѣлоруссіи, въ эпоху возвращенія этого края подъ власть русскаго правительства. Превосходно и во всѣхъ подробностяхъ знакомый съ бытомъ нашего духовенства, онъ рисуетъ его намъ во всей подробности и притомъ такъ художественно, съ такимъ юморомъ, что ему могли бы позавидовать многіе изъ нашихъ лучшихъ писателей. Записки его обнимаютъ тоже большое пространство времени, почти полвѣка, но онѣ писаны не съ такимъ неослабнымъ рвеніемъ и поразительною точностію, какъ записки Болотова. Добрынинъ раздѣляетъ ихъ на три части: первая обнимаетъ время отъ рожденія автора (въ 1752 г.) до 1777 г.; вторая—заканчивается 1810 годомъ и третья — доведена почти до 1827 года. Но болѣе всего любопытною и важною является именно первая часть, написанная Добрынинымъ въ 1787 году (т. е. въ періодъ полнаго расцвѣта его силъ, энергіи и дарованія) и рисующая намъ живую и полную драгоцѣнныхъ подробностей картину быта русскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ, во всѣхъ слояхъ его, отъ скромнаго причетника до архіерея. Авторъ говоритъ въ своемъ „Предувѣдомленіи": „намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы писать сущую правду... Писать небылицы или выдумки было бы то же самое, что обманывать самого себя..." И дѣйствительно, каждая страница его „Истиннаго повѣствованія" дышитъ правдивостью и живо передаетъ дѣйствительность, хотя ко многимъ разсказамъ и описаніямъ Добрынина можно смѣло примѣнить извѣстный стихъ Грибоѣдова: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ".

Любопытно то, что эти оба талантливые мемуаристы, равно усердные и добросовѣстные въ своемъ наблюденіи, были почти одинаково долговѣчны и потому самому служатъ какъ бы живымъ звеномъ, связующимъ два вѣка—„вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій" — тѣни отходящаго въ даль блестящаго и громкаго славою прошлаго, и свѣтъ наступающей новой эры труда и славныхъ подвиговъ въ области мысли и просвѣщенія.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Духовная литература въ связи съ состояніемъ духовнаго образованія въ царствованіе Екатерины. Важнѣйшіе труды въ области духовной литературы, переводные и оригинальные. Участіе духовныхъ писателей въ литературѣ свѣтской. Духовное краснорѣчіе и его важнѣйшіе представители.

Великій Преобразователь Россіи, приступая къ своему историческому подвигу, прекрасно понималъ значеніе Церкви въ Государствѣ и старался найти въ ея высшихъ представителяхъ помощниковъ себѣ и истолкователей своимъ идеямъ, своимъ замысламъ и начинаніямъ. И онъ былъ настолько счастливъ, что дѣйствительно нашелъ себѣ твердую, надежную опору и усерднаго защитника своимъ преобразованіямъ въ одномъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ пастырей своего времени—въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, который до конца дней, до послѣдняго издыханія, не переставалъ служить вѣрную службу и Петру, и его великому дѣлу... Четверть вѣка спустя, Екатерина, вносившая такъ много новаго въ русскую жизнь, глубоко проникнутая уваженіемъ къ своему Великому Предшественнику, пыталась также привлечь на свою сторону образованнѣйшую часть духовенства и ревностно заботилась о томъ, чтобы всѣ ея начинанія могли найти себѣ сочувственные отзывы и отголоски съ церковной каѳедры. И ея царствованіе также было украшено цѣлымъ рядомъ умныхъ, просвѣщенныхъ и талантливыхъ пастырей Церкви и проповѣдниковъ, которые трудами и проповѣдями своими умѣли пріобрѣсти себѣ всеобщее уваженіе не только въ Россіи, но и во всей Европѣ.

Уровень образованія духовенства.

Общій уровень образованія духовенства значительно повысился въ Екатерининское время не только путемъ расширенія курса въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но и тѣмъ, что многіе изъ преподавателей въ духовныхъ академіяхъ получили возможность побывать за границей и въ тамошнихъ университетахъ приготовились къ экзамену на ученую степень. Притомъ, къ чести высшихъ представителей духовенства надо сказать, что они, не сочувствуя новѣйшимъ философскимъ теоріямъ энциклопедистовъ и вооружаясь всѣми силами противъ атеизма, который распространялся въ высшихъ слояхъ русскаго общества, въ то же время, относились чрезвычайно благодушно ко всѣмъ тѣмъ нововведеніямъ и правительственнымъ мѣропріятіямъ, которыя должны были послужить на пользу обществу и на благо народу. Во всѣхъ лучшихъ начинаніяхъ Екатерины лучшіе представители духовенства ея времени шли съ нею рука объ руку и, не изъ желанія ей льстить или угождать, а изъ совершенно искренняго сочувствія къ ея дѣйствіямъ, брали на себя роль истолко-

вателей ея державной воли и ея благихъ намѣреній. Зная это и высоко цѣня такое расположеніе духовенства, Екатерина обращалась къ его помощи во всякихъ затруднительныхъ случахъ и нерѣдко передавала на разсмотрѣніе высшимъ его представителямъ важные государственные вопросы, новыя законоположенія и уставы. Отмѣтимъ еще одну важную и новую черту времени: ученые представители духовенства въ Екатерининское время весьма охотно являются дѣятельными членами свѣтскихъ ученыхъ обществъ и посвящаютъ свои труды не только вопросамъ духовнымъ и нравственно-религіознымъ, но и другимъ — литературнымъ и общественнымъ. Однимъ словомъ, мы смѣло можемъ сказать, что духовенство Екатерининскаго времени идетъ во всемъ наравнѣ съ вѣкомъ, вполнѣ сочувствуя просвѣтительнымъ и либеральнымъ стремленіямъ государыни, и, въ то же время, не отказывается отъ своего высокаго назначенія руководителей въ вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ.

Посылка семинаристовъ за границу.

Императрицѣ Екатеринѣ было очень хорошо извѣстно, что духовныя училища приносили громадную пользу просвѣщенію Россіи и что въ нихъ воспитались многіе изъ лучшихъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей ея времени; поэтому, уже въ самомъ началѣ царствованія, она высказала желаніе поднять уровень ученія въ духовныхъ школахъ и расширить въ нихъ кругъ преподаваемыхъ наукъ. Съ этою цѣлью, въ 1765 г. она повелѣла Св. Синоду избрать изъ учениковъ семинарій десять человѣкъ наиболѣе способныхъ, для отправленія въ Англію, Германію и Голландію. Тамъ, при Оксфордскомъ, Гёттингенскомъ и Лейденскомъ университетахъ они должны были: „обучаться греческому, еврейскому и французскому языкамъ, моральной философіи, исторіи, наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ“ и слушать лекціи по богословію и проповѣди мѣстныхъ проповѣдниковъ, ходить на диспуты и всякія ученыя собранія. При этихъ молодыхъ людяхъ должны были находиться два инспектора, которымъ поручалось не только слѣдить за ихъ занятіями, но и „остерегать студентовъ отъ всякихъ противныхъ нашей Церкви догматовъ“. Студенты, посланные за границу, занимались тамъ съ замѣчательнымъ усердіемъ, вернулись въ Россію съ большимъ запасомъ свѣдѣній и здѣсь были подвергнуты экзамену изо всѣхъ предметовъ въ особой духовной комиссіи, въ которой членами состояли: *Гавріилъ*, епископъ Тверской, *Иннокентій*—епископъ Псковскій и іеромонахъ *Платонъ* (Левшинъ)—впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Успѣхи и знанія молодыхъ людей, подвергавшихся экзамену въ этой комиссіи, оказались въ такой степени значительными, что комиссія, представляя императрицѣ отчетъ объ испытаніяхъ студентовъ, въ то же время во-

шла съ докладомъ о необходимости учрежденія въ Москвѣ особаго богословскаго факультета. Комиссія ссылалась въ своемъ докладѣ на примѣръ европейскихъ университетовъ, указывала на то, что, при учрежденіи Московскаго университета, богословскій факультетъ не могъ быть открытъ по недостатку въ основательно-подготовленныхъ преподавателяхъ изъ природныхъ русскихъ, а теперь, когда имѣются такъ хорошо подготовленные молодые ученые, которые могутъ занять каѳедры въ будущемъ богословскомъ факультетѣ, всѣ препятствія къ открытію его оказываются устраненными. Комиссія указывала даже мѣсто, въ которомъ, по ея мнѣнію, приличнѣе всего было бы учредить богословскій факультетъ: на Спасскій монастырь въ Москвѣ, гдѣ академія была заведена еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Докладъ комиссіи понравился Екатеринѣ, и она поручила ей подробнѣе разработать этотъ проектъ. Порученіе было исполнено: въ 1777 году императрицѣ, черезъ Св. Синодъ, были поданы уставъ и штаты будущаго богословскаго факультета... Но онъ открытъ не былъ и не осуществился, вѣроятно, по той же причинѣ, по которой и другіе планы открытія высшихъ учебныхъ заведеній не были осуществлены, т. е. по недостатку финансовъ.

Научные труды духовныхъ лицъ.

Проектъ учрежденія богословскаго факультета не былъ приведенъ въ исполненіе, но онъ несомнѣнно свидѣтельствовалъ о томъ, что потребность въ высшемъ богословскомъ образованіи была весьма ощутительна въ высшихъ слояхъ нашего духовенства и что оно нисколько не прочь было послѣдовать въ этомъ отношеніи образцу западно-европейскому. Точно также и въ другихъ отношеніяхъ духовенство не отстранялось ни отъ чего живого и полезнаго, и весьма охотно посвящало свои досуги не только свѣтской наукѣ, но даже и свѣтской литературѣ. Припомнимъ хотя бы ту помощь, которую епископы и другіе представители чернаго и бѣлаго духовенства оказывали постоянно ученымъ учрежденіямъ нашимъ (Академіи Наукъ и ученымъ обществамъ), отвѣчая на ихъ запросы, собирая и доставляя требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія и выполняя различныя ученыя порученія. Затѣмъ укажемъ на весьма видное участіе, которое члены изъ духовнаго сословія принимали постоянно въ занятіяхъ прочихъ ученыхъ обществъ (Вольнаго Россійскаго Собранія, Россійской Академіи и пр.) [1]). Наконецъ упомянемъ и о томъ, что, напримѣръ, нижегородскій архіепископъ *Дамаскинъ* (въ мірѣ Д. С. Рудневъ) занимался изданіемъ въ свѣтъ сочиненій Ломоносова; архіепископъ Амвросій Серебрянниковъ пользовался заслуженною извѣстностію, какъ переводчикъ „Потеряннаго рая“ Мильтона;

[1]) Въ числѣ членовъ Россійской Академіи, при учрежденіи ея, было 19 членовъ изъ духовенства: 2 изъ чернаго и 8 изъ бѣлаго.

архіепископъ Аполлосъ переводилъ стихотворенія иностранныхъ поэтовъ, писалъ аллегорическія повѣсти назидательнаго характера и составлялъ по иностраннымъ источникамъ книги педагогическаго содержанія, подъ заглавіемъ: „*Общій способъ ученія, для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный*“ [1]; епископъ Бѣлорусскій, Георгій Конисскій, написалъ „*Исторію Малой Россіи*“ и „*Историческое извѣстіе о Бѣлорусской епархіи*“ и т. д. [2]).

Еще гораздо значительнѣе было то, что сдѣлано было пастырями Церкви въ области учебныхъ и ученыхъ руководствъ и общихъ сочиненій по богословію. Не приводя здѣсь заглавія книгъ, важныхъ лишь при спеціальномъ изученіи духовной литературы, мы упомянемъ только, что авторами ихъ были такіе выдающіеся по своей учености пастыри, какъ митрополитъ московскій Платонъ и митрополиты петербургскіе: Гавріилъ и Амвросій (Подобѣдовъ); что въ числѣ этого рода сочиненій была книга епископа смоленскаго Парѳенія (Сопковскаго) „*О должностяхъ* (т. е. объ обязанностяхъ) *приходскихъ священниковъ*“, выдержавшая нѣсколько изданій и переведенная на англійскій языкъ, какъ классическое сочиненіе; были и прекрасныя сочиненія *Св. Тихона Воронежскаго* („*Объ истинномъ христіанствѣ*“, „*Сокровище духовное, отъ міра собираемое*“ и др.), изъ которыхъ Сѵнодъ, въ 1789 году, повелѣлъ составить извлеченіе для всенароднаго чтенія по всѣмъ церквамъ [3]) Имперіи.

Переходя отъ этого общаго обзора учено-литературной дѣятельности духовенства въ вѣкъ Екатерины къ обзору духовнаго **Духовное краснорѣчіе.** краснорѣчія той же эпохи, мы здѣсь должны указать также на весьма значительный успѣхъ въ смыслѣ упрощенія проповѣди и сближенія ея съ жизнью общественною и народною во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Трескучій риторизмъ громкихъ фразъ, запутанныя фигуры, вычурно-славянскія выраженія, сравненія и уподобленія, доведенныя до смѣшныхъ крайностей, преувеличенія неестественныя и напыщенныя — все это отпадаетъ и замѣняется болѣе простымъ языкомъ и стилемъ, и болѣе естественною постановкою вопросовъ въ рѣчи, произносимой съ церковной каѳедры. Знаменитѣйшій изъ проповѣдниковъ Екатерининскаго вѣка, московскій митрополитъ Платонъ, прекрасно оха-

---

[1]) Образцомъ при этой работѣ ему служила книга маркиза Карачіоли, переведенная на русскій языкъ Ѳ. Полунинымъ (въ 1769 г.) подъ заглавіемъ: «*Истинный менторъ или воспитаніе дворянства*». Аполлосъ расширилъ педагогическую задачу во всей книгѣ.

[2]) Изъ духовныхъ лицъ, занимавшихся около этого времени переводами съ классическихъ и иностранныхъ языковъ, здѣсь стóитъ упомянуть: епископа *Моисея Гумилевскаго*, который переводилъ *Одиссею Гомера;* священника *Сидоровскаго*—переводчика сочиненій *Платона, Павсанія* и *Лукіана;* іеромонаха Іакова Блонницкаго, составившаго словари: греко-славянскій и славяно-греко-латинскій.

[3]) Подъ заглавіемъ „*Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ*“.

рактеризовалъ это новое направленіе современной проповѣди въ предисловіи къ изданію своихъ проповѣдей, гдѣ онъ говоритъ: „Признаюсь, что о витійственномъ и напыщенномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый, словами играющій и надменный [1]) слогъ, можетъ-быть, для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная Истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ, разсуждая, что слово Божіе подобно есть сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почитать, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренной. Притомъ, церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ".

Дамаскинъ (Рудневъ).

Но этой „простоты и общедоступности" въ церковной проповѣди не легко было достигнуть, когда образцами проповѣдей служили, попрежнему, значительно уже устарѣвшія произведенія ораторскаго искусства Ѳеофана Прокоповича, Стефана Яворскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго или переведенныя еще при Елисаветѣ поученія Ильи Миніата — греческаго проповѣдника конца XVII вѣка. Въ виду этого, и притомъ въ особенности дорожа живымъ проповѣднымъ словомъ, Екатерина, въ 1772 году, выразила Синоду желаніе, чтобы высшее духовенство озаботилось составленіемъ такого сборника поученій на всѣ воскресные и празднич-

[1]) Надменный—здѣсь въ смыслѣ надутый, неестественный.

ные дни въ теченіе года, изъ котораго священники могли бы прямо почерпать готовый матерьялъ для своихъ проповѣдей. Та же духовная комиссія, которой Екатерина поручала разсмотрѣніе „Наказа“ и рѣшеніе другихъ важныхъ вопросовъ, принялась за составленіе указаннаго сборника съ большою осторожностью, съ глубокимъ пониманіемъ благой цѣли, руководившей Екатериною, и съ весьма положительнымъ знаніемъ всего, что было лучшаго по церковной проповѣди въ современной западно-европейской литературѣ. Въ основу сборника положены были лучшія изъ поученій Іоанна Златоуста, митрополитовъ Платона и Гавріила, архіепископа Гедеона Криновскаго и Иліи Миніата; но въ число 104 поученій, вошедшихъ въ составъ сборника, внесена была нѣкоторая доля и изъ поученій французскихъ и нѣмецкихъ проповѣдниковъ — Массильона, Бурдалу, Моссгейма и Гослера. Въ концѣ сборника приложены образцы поученій на различные частные случаи, которые могли встрѣтиться въ практикѣ проповѣдника; напримѣръ, освященіе храма, различныя требы духовныя, различныя зловредныя для человѣка явленія природы и т. д. Въ заключеніе всего, къ сборнику былъ приложенъ, въ качествѣ догматическаго напоминанія, краткій катихизмъ. Исполнивъ эту трудную задачу, духовная комиссія пошла и далѣе по тому же пути — она составила еще другой сборникъ, подъ заглавіемъ *„Книга краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ Божіихъ“*, предназначенная ею уже не для церковнаго, а для домашняго чтенія, и не въ образецъ, не въ руководство проповѣдникамъ, а въ помощь каждому, кто бы пожелалъ имѣть болѣе ясное представленіе объ обязанностяхъ человѣка, христіанина и гражданина. Издавая въ свѣтъ подобный общедо-

Тихонъ (Соколовъ), епископъ Воронежскій.

ступный сборникъ, Сунодъ исполнялъ одну изъ завѣтныхъ мыслей Великаго Преобразователя Россіи, при немъ оставшуюся безъ исполненія [1]).

Лица, руководившія этими полезными изданіями, сами принадлежали къ числу отличнѣйшихъ проповѣдниковъ Екатерининскаго времени, въ особенности митрополиты: *Гавріилъ*—петербургскій и *Платонъ*—московскій. За ними стоятъ другіе, менѣе ихъ прославленные, но все же весьма талантливые проповѣдники: *Анастасій Братановскій, Георгій Конисскій* и *св. Тихонъ*, епископъ воронежскій.

Митрополитъ Гавріилъ.

Гавріилъ Петровъ (род. 1757 г., ум. 1801 г.) получилъ воспитаніе, подобно множеству другихъ духовныхъ лицъ, въ московской Академіи и, отличенный начальствомъ за свои блестящія способности, прошелъ довольно быстро обычныя духовныя степени до архіепископскаго сана. Онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ представителей Русской Церкви во времена Екатерины, которая это знала и цѣнила, и даже наглядно выказала свое уваженіе къ нему, посвятивъ ему свой переводъ Мармонтелева „Велизарія". Какъ человѣкъ, основательно знакомый съ новѣйшими философскими теоріями, вліявшими въ значительной степени и на перемѣну юридическихъ воззрѣній, митрополитъ Гавріилъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ комиссіи по составленію новаго Уложенія и однимъ изъ наиболѣе справедливыхъ и безпристрастныхъ критиковъ „Наказа". И самый характеръ его проповѣдей постоянно носилъ на себѣ отпечатокъ глубокой учености и пристрастія къ философскимъ выводамъ; эти стороны проповѣди Гавріиловой были уже отмѣчены и современной критикой. Болѣе всего прославился Гавріилъ двумя своими проповѣдями, имѣвшими несомнѣнно историческое значеніе. Первое изъ этихъ словъ сказано было въ день восшествія императрицы Екатерины на престолъ на тэму: *„нѣсть бо власть аще не отъ Бога"*—и Гавріилъ въ этомъ словѣ, съ очень прозрачными намеками на современныя событія, доказывалъ, что Промыслъ Божій вездѣ съ особенною силою и очевидностью проявляется именно въ избраніи владыкъ земныхъ, правящихъ царствомъ. Второе слово, также съ явными намеками на современность, было сказано на текстъ: *„злыхъ злѣ погубитъ и виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ"*. Чуткій ко всѣмъ новымъ общественнымъ

---

[1]) Объ этомъ заявлено въ предисловіи къ «Книгѣ краткихъ поученій» (М. 1781 г.) и къ этому добавлено, что Сунодъ, уже издавшій сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни, издастъ теперь новый сборникъ въ дополненіе къ тому, чтобы всѣ православные «и въ прочіе дни поучаемы были», причемъ «посвящаетъ пользѣ общей книгу сію». Въ составъ этой, вполнѣ популярной, книги вошли поученія, заимствованныя только изъ св. Отцовъ Церкви.

вѣяніямъ, Гавріилъ внимательно слѣдилъ за преобладавшими въ обществѣ стремленіями и вожделѣніями и любилъ въ своихъ проповѣдяхъ разрабатывать тѣ именно вопросы, которые въ данную минуту занимали большинство его просвѣщенныхъ современниковъ. Выше мы уже упоминали о томъ дѣятельномъ участіи, которое этотъ почтенный и ученый пастырь принималъ въ трудахъ Россійской Академіи, внося и свою лепту въ общій трудъ всѣхъ ея членовъ надъ составленіемъ академическаго словаря, въ которомъ почти каждый изъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей того вѣка оставилъ свой слѣдъ.

Всѣ современники отдавали митрополиту Гавріилу должную дань уваженія, соразмѣрную его трудамъ и заслугамъ, его знаніямъ и способностямъ; но былъ другой современникъ его въ томъ же славномъ вѣкѣ, который привлекалъ къ себѣ всѣ сердца, передъ которымъ всѣ благоговѣли, котораго слушали съ замираніемъ сердца, съ умиленіемъ и восторгомъ. То былъ проповѣдникъ, одаренный необычайнымъ даромъ краснорѣчія и въ то же время обладавшій изумительно свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ, при большой силѣ воли и замѣчательной самостоятельности характера. Онъ принадлежалъ къ такимъ выдающимся дѣятелямъ вѣка, къ такимъ знаменитостямъ, которыя составляютъ не простое украшеніе извѣстнаго, громкаго своею славою, царствованія, но одну изъ основъ этой славы, неотъемлемую и незыблемую. И дѣйствительно, вѣкъ Екатерины такъ же трудно было бы себѣ представить безъ именъ Державина, Фонвизина и Новикова, какъ и безъ имени знаменитаго проповѣдника и пастыря церкви, московскаго митрополита *Платона*.

Платонъ Левшинъ (род. 1737 г., ум. 1812 г.), въ мірѣ Петръ Георгіевичъ, происходилъ изъ подмосковнаго села Чашниковъ, гдѣ его отецъ былъ священникомъ. Воспитаніе свое онъ получилъ, наравнѣ со всѣми духовными дѣятелями того времени, въ московской Духовной Академіи, гдѣ, по вступленіи въ богословскій классъ (1757 г.), былъ уже назначенъ и учителемъ, и катехизаторомъ. Уже и въ это время блестящій юноша, отличавшійся отъ всѣхъ своихъ сверстниковъ умомъ и талантомъ, и страстнымъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію разнообразныхъ научныхъ свѣдѣній, обратилъ на себя вниманіе И. И. Шувалова, который хотѣлъ его отправить за границу вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ профессорской каѳедрѣ; но извѣстный проповѣдникъ того времени, *Гедеонъ Криновскій* (онъ былъ тогда архимандритомъ Троице-Сергіевской лавры), весьма полюбившій замѣчательнаго юношу и постоянно оказывавшій ему покровительство — не допустилъ его до поѣздки за границу и воспрепятствовалъ его переходу на исклю-

Митрополитъ Платонъ.

Вашего императорскаго величества
вѣрноподданный
Александръ Шишковъ

De L'Isle
Le 18 Septembre
1744

Варлаам Ясинский
Митрополит Киевский

М. Милонов

Vôtre treshumble et tresobeis
sant serviteur
Michel Prince de Schcherbatow

всепокорнѣйший слуга
Михайла Херасковъ

Автографы подписей: А. С. Шишкова, академика Делиля, Варлаама Ясинскаго, митрополита кіевскаго, М. Милонова, князя М. М. Щербатова и Михаила Хераскова.

ПЛАТОНЪ МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ РОДИЛСЯ 1737 г

чительно-ученую карьеру. Предугадывая въ юношѣ будущаго проповѣдника, Гедеонъ перевелъ его учителемъ въ лаврскую семинарію, и здѣсь, на 22-мъ году, онъ постригся въ монахи. Будучи возведенъ, нѣсколько времени спустя, въ префекты и ректоры Троицкой семинаріи, а потомъ и въ намѣстники Троице-Сергіевой лавры, юный Платонъ не терялъ здѣсь времени даромъ, и, пользуясь сокровищами богатѣйшей лаврской библіотеки, продолжалъ съ наслажденіемъ трудиться надъ изученіемъ классиковъ и твореній отцовъ Церкви; въ числѣ первыхъ любимымъ его авторомъ былъ Цицеронъ, въ числѣ послѣднихъ—Златоустъ, котораго Платонъ изучалъ со страстью, увлекаясь дивною силою его необычайно ясныхъ и краткихъ въ изложеніи бесѣдъ и поученій. По всѣмъ вѣроятіямъ, именно на изученіи Златоуста и развился его прекрасный природный ораторскій даръ, первымъ опытомъ котораго была привѣтственная рѣчь, обращенная къ императрицѣ Екатеринѣ, во время посѣщенія ею лавры въ 1762 году. Рѣчь молодого проповѣдника очень понравилась государынѣ, къ которой онъ обращался, какъ къ „матери отечества"... Еще болѣе поразила ее своимъ блескомъ вторая рѣчь Платона „*О пользѣ благочестія*", сказанная имъ въ слѣдующемъ 1763 г., по поводу вторичнаго посѣщенія лавры императрицею. Указывая въ этой прекрасной проповѣди на пользу душевную, приносимую благочестіемъ всѣмъ сословіямъ и состояніямъ людей, ораторъ съ особенною силою и яркостью выставилъ пользу благочестія въ положеніи правителей, поставленныхъ во главѣ государства... „Наипаче — восклицалъ онъ, — благочестіе и страхъ Божій превосходную силу и премногую пользу имѣетъ въ многотрудномъ и великомъ государственномъ правленіи, гдѣ надобно сто очей къ усмотрѣнію всякаго дѣла обстоятельствъ, сто ушей къ выслушанію всякой просьбы — гдѣ тысяща неудобορѣшимыхъ узловъ, тьмы едва преодолѣемыхъ трудностей... Какъ же все сіе рѣшить? Кто всѣ оные труды безъ отягченія снести можетъ, безъ особенной Божіей помощи и ежели Онъ Самъ невидимо не подкрѣпляетъ и не умудряетъ?"... Эта проповѣдь такъ глубоко запала въ душу Екатерины, что она приказала отпечатать ее особымъ оттискомъ и старалась распространять ее между своими приближенными, а Платона пожелала приблизить къ себѣ, чтобы чаще слышать его дивныя рѣчи... Въ виду этого, она назначила Платона наставникомъ по Закону Божію при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, и придворнымъ проповѣдникомъ. Здѣсь, въ непосредственной близости ко Двору, умный и высоко-талантливый проповѣдникъ провелъ десять лѣтъ (съ 1763 по 1773 г.) и сумѣлъ пріобрѣсти такое нравственное вліяніе и значеніе, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ. Это, въ значительной степени,

происходило оттого, что Платонъ, какъ человѣкъ высоко-образованный и одаренный умомъ свѣтлымъ и проницательнымъ, обладалъ необычайнымъ умѣньемъ въ выборѣ тэмъ для своихъ проповѣдей. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми выдающимися явленіями современной жизни, за всѣми новыми направленіями въ наукѣ и литературѣ, и, касаясь животрепещущихъ вопросовъ общественности, съ большимъ тактомъ и положительностью давалъ на нихъ простѣйшіе отвѣты; если же онъ выступалъ въ своихъ проповѣдяхъ противъ общественныхъ язвъ и пороковъ, то громилъ и каралъ ихъ смѣло, твердо и неуклонно... При этомъ онъ тщательно избѣгалъ панегириковъ и ни въ одной изъ проповѣдей не старался угодить своимъ слушателямъ или польстить ихъ слабостямъ. Современныя свидѣтельства передаютъ намъ то поразительное впечатлѣніе, которое проповѣди Платона производили на всѣхъ. Сама Екатерина, какъ сообщаетъ намъ въ своихъ „Запискахъ" Порошинъ, говаривала о Платонѣ: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобы мы плакали—и мы плачемъ; хочетъ, чтобы мы смѣялись—и мы смѣемся".

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ при Дворѣ, Платонъ выучился французскому языку, ознакомился съ сочиненіями энциклопедистовъ и смѣло вступилъ въ борьбу съ безвѣріемъ, которое дѣлало быстрые успѣхи въ обществѣ Екатерининскаго времени. Особенно памятнымъ среди современниковъ осталось слово, сказанное Платономъ 21 апрѣля 1772 г., въ день рожденія императрицы, на тэму: „*о согласіи Церкви и общества, закона Божія и закона гражданскаго—христіанина и гражданина*"... „Церковь и общество—доказываетъ онъ въ этомъ „Словѣ"—столь между собою суть соединены, что одно отъ другого раздѣляется не существомъ, но отношеніемъ. Общество гражданское есть собраніе людей едиными законами и единымъ образомъ правленія соединенное; но то же самое общество — поелику соединено и почтеніемъ единаго образа богопочитанія, и едиными и тѣми же связано священными обрядами — есть Церковь. Гражданинъ есть членъ того общества; но тотъ же гражданинъ—поелику есть вѣрнымъ богопочтенія хранителемъ—есть и именуется христіаниномъ. Одно безъ другого быть не можетъ: не можетъ быть общество, не утвержденное на основаніи богопочтенія; не можетъ быть гражданинъ, чтобъ не былъ вмѣстѣ вѣрнымъ хранителемъ дражайшаго залога благочестія... Не могутъ и общественныя дѣла имѣть своей силы и дѣйствія, не будучи подкрѣпляемы тѣмъ закономъ, который обязываетъ совѣсть и подвергаетъ во всѣхъ дѣлахъ отчетъ дать не человѣку токмо, но и Богу, испытующему сердцà"... Сочиненія Платона.

Особенно сильными и вразумительными являются доводы Платона противъ невѣрія и разныхъ сомнѣній, высказанныхъ

энциклопедистами относительно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ догматовъ и таинствъ. Доводы эти онъ совмѣстилъ въ „*Словѣ въ день Благовѣщенія*", въ которомъ онъ доказываетъ, что вѣра и должна быть выше нашего пониманія, и должна заключать въ себѣ таинства, недоступныя нашему слабому разумѣнію. Онъ начинаетъ свои разсужденія въ этомъ „Словѣ" съ обычнаго довода всѣхъ невѣрующихъ: „*Я-де не понимаю.* Подлинно такъ: если бы вѣра ума твоего сосудцемъ была измѣряема — величество ея было бы унижено. Она... составляетъ превосходнѣйшее дѣйствіе самыя премудрости Божія. Почему не только не удивительно, что ты ее совершенно не понимаешь, но еще тѣмъ болѣе она почтенна и священна... *Я-де не понимаю.* Но по крайней мѣрѣ понимаешь, что ни къ чему худому она не руководствуетъ; по крайней мѣрѣ, все вѣры ученіе внушаетъ тебѣ любовь къ Богу, къ ближнему и—хранитъ честность нравовъ. И нынѣ празднуемое воплощеніе Сына Божія есть непостижимо; но, по крайней мѣрѣ, то понятно, что доказываетъ оно любовь Божію къ намъ—что толико снисходитъ Онъ къ человѣческому роду, что толико печется о спасеніи нашемъ".

Анастасій Братановскій.

Противуполагая новѣйшее и поверхностное образованіе истинному просвѣщенію и воспитанію, и выясненію всѣхъ внутреннихъ душевныхъ качествъ, митрополитъ Платонъ, въ одной изъ своихъ проповѣдей, говоритъ:

„Предки наши, можетъ-быть, не были учены, но были просвѣщенны. Можетъ-быть, не знали они измѣреній земли, теченія звѣздъ, выкладокъ математическихъ и прочаго подобнаго, но знали въ чемъ состоитъ благочестіе, какая есть жизнь богоугодная, что есть добродѣтель и честность и что есть порокъ и постыдность".

Всѣ подобныя проповѣди Платона—противъ безвѣрія и противъ излишнихъ философскихъ умствованій въ дѣлѣ вѣры—были до такой степени своевременными и производили на всѣхъ такое сильное впечатлѣніе, что ихъ охотно стали переводить на иностранные языки, и слава Платона, какъ сильнаго, энергичнаго и талантливаго проповѣдника, широко разнеслась по всей Европѣ [1]).

Какимъ значеніемъ пользовался Платонъ въ глазахъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, можно было видѣть изъ того, что когда императоръ австрійскій, Іосифъ II, инкогнито пріѣхавшій въ Россію, посѣтилъ Москву, то онъ, прежде всего, добился возможности познакомиться съ митрополитомъ Платономъ и нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ научныхъ и философскихъ вопросахъ. Когда онъ вернулся изъ Москвы въ Петербургъ, Екатерина обратилась къ нему съ вопросомъ: что нашелъ онъ достопримѣчательнаго въ Москвѣ? — „Я тамъ видѣлъ Платона“,—отвѣчалъ императоръ.

Гедеонъ Криновскій.

Съ 1782 г. Платонъ безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ удаленіи отъ Двора и забвеніи. Его постоянно независимые взгляды и самостоятельный образъ дѣйствій вызвали охлажденіе къ нему Екатерины и поставили его въ положеніе опальнаго. Но это положеніе нисколько не измѣнило его постояннаго образа дѣйствій, и выше мы уже видѣли, какъ благородно и прекрасно поступилъ онъ съ Новиковымъ, когда ему повелѣно было разсмотрѣть новиковскія изданія и дать о нихъ отзывъ. Послѣдніе годы своей жизни Платонъ посвятилъ труду въ выс-

[1]) «Краткая Богословія», изданная Платономъ еще въ 1765 г., не только по всей Россіи распространилась, какъ отличный учебникъ, но была переведена на языки латинскій, греческій, армянскій, грузинскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій и французскій. Англійскіе богословы внесли даже это руководство почти цѣликомъ въ курсы студентовъ Кэмбриджскаго и Оксфордскаго университетовъ.

шей степени полезному—онъ написалъ: „*Краткую россійскую церковную исторію*"—первый и весьма замѣчательный опытъ изложенія исторіи русской церкви, долгое время служившій руководствомъ по преподаванію этого предмета. Историкъ нашъ С. М. Соловьевъ, критически разобравшій всѣхъ нашихъ историковъ прошлаго вѣка, отъ Манкіева и до Платона, оцѣниваетъ этотъ трудъ знаменитаго проповѣдника по достоинству, ставя его выше многихъ другихъ и, въ то же время, изумляется необычайной скромности автора. Платонъ скончался 11 ноября 1812 г., въ своемъ любимомъ Спасо-Виѳанскомъ монастырѣ, построенномъ, по его указаніямъ, не вдалекѣ отъ лавры.

Рядомъ съ Платономъ не можетъ быть поставленъ ни одинъ проповѣдникъ его времени; но изъ числа многихъ заслуживаютъ упоминанія трое: *Георгій Конисскій*, *Анастасій Братановскій* и *св. Тихонъ Воронежскій*.

Георгій Конисскій.

Первый изъ нихъ, *Георгій Конисскій* (род. 1717, ум. 1795 г.) происходилъ изъ нѣжинскихъ дворянъ, а воспитаніе получилъ въ Кіевской академіи, которая и наложила на него тотъ особый, своеобразный отпечатокъ, какимъ отличались всѣ наши юго-западные проповѣдники. Среди своихъ современниковъ онъ прославился многими изъ своихъ рѣчей и проповѣдей, которыя теперь кажутся намъ то чрезвычайно напыщенными и натянутыми [1]), то, напротивъ, проникнутыми притязаніемъ говорить слишкомъ просто, поддѣлываясь подъ народный говоръ и прилаживаясь къ какому-то искусственно-придуманному низкому уровню понятій. Не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что,—будучи съ 1755 г. епископомъ могилевскимъ, а съ 1775 г. архіепископомъ Бѣлорусскимъ,—Георгій Конисскій оказалъ важную историческую услугу Россіи, поднявъ вопросъ о польскихъ диссидентахъ, и въ яркихъ, потрясающихъ чертахъ обнаружилъ, въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, то невыразимо-бѣдственное, приниженное и обезличенное положеніе, въ которомъ находилась несчастная Бѣлоруссія подъ гнетомъ польско-іезуитской пропаганды. Въ этомъ смыслѣ знаменитымъ является его „*Слово въ день рожденія Императрицы*", въ которомъ онъ рисуетъ яркими красками всѣ притѣсненія, какія приходилось православнымъ въ Бѣлоруссіи терпѣть отъ католиковъ.

Другимъ весьма извѣстнымъ въ Екатерининское время ду-

[1]) Такою именно представляется намъ знаменитая въ свое время рѣчь Георгія Конисскаго, сказанная въ Мстиславлѣ, по поводу прибытія Екатерины, и начинавшаяся извѣстнымъ возгласомъ: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ... и т. д. Это сравненіе Екатерины съ солнцемъ напоминаетъ очень старые пріемы кіевской проповѣднической школы.

Анастасій Братановскій.

ховнымъ ораторомъ былъ преемникъ Георгія Конисскаго по могилевской каѳедрѣ *Анастасій Романенко-Братановскій* (род. 1761 г., ум. 1806 г.) Онъ былъ уроженецъ г. Полтавы и воспитаніе получилъ въ Переяславской семинаріи. Онъ шелъ обычнымъ путемъ учительства, но обратилъ на себя вниманіе митрополита Гавріила своими проповѣдями, былъ вызванъ въ Петербургъ, и здѣсь, часто проповѣдуя при Дворѣ, очень понравился своимъ проповѣдническимъ искусствомъ и умѣньемъ говорить просто и горячо. Притомъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, наступило время сильнѣйшаго разочарованія въ философіи энциклопедистовъ, ужасы революціи всѣхъ пугали и тревожили, и энергическія порицанія вольнодумства, составлявшія главную основу проповѣдей и рѣчей Анастасія, пришлись какъ нельзя болѣе кстати. Въ 1797 г. Анастасій былъ возведенъ въ санъ епископа Могилевскаго, на мѣсто Георгія Конисскаго, а незадолго до смерти былъ переведенъ въ Астрахань, гдѣ и скончался. Современники особенно восхищались въ его проповѣдяхъ двумя надгробными похвальными словами, которыя были имъ сказаны при погребеніи двухъ знаменитыхъ вельможъ Екатерининскаго времени:—И. И. Бецкаго и И. И. Шувалова.

Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются проповѣди третьяго изъ упомянутыхъ нами проповѣдниковъ—*св. Тихона*, епископа Воронежскаго. Св. Тихонъ (въ мірѣ Тимоѳей Соколовъ) былъ сынъ бѣднаго причетника и происходилъ изъ валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи (род. 1724, ум. 1783 г.). Обычнымъ и долгимъ путемъ иноческаго подвижничества на сороковомъ году возраста онъ возведенъ былъ въ санъ епископа Воронежскаго, и, пріѣхавъ въ свою епархію, изумленъ былъ чрезвычайнымъ множествомъ остатковъ языческой старины въ обычаяхъ, предразсудкахъ и повѣрьяхъ мѣстнаго населенія. Св. Тихонъ — кроткій инокъ и ревнитель чистоты въ вѣрованьяхъ и обрядовой сторонѣ православной Церкви—усердно принялся за искорененіе игрищъ, празднествъ и обычаевъ языческаго характера въ народѣ—училъ, проповѣдывалъ, увѣщевалъ и все вниманіе свое обратилъ на такое устройство Воронежской семинаріи, которое бы давало возможность будущимъ пастырямъ Церкви разумно и твердо искоренять въ паствѣ все, несогласное съ основными воззрѣніями православія. Чрезвычайно простыя проповѣди и поученія св. Тихона, и по общему характеру своему, и по всѣмъ подробностямъ изложенія, нимало не походили на риторически-правильныя, обдуманно и съ извѣстнымъ расчетомъ построенныя ораторскія произведенія; они скорѣе напоминаютъ намъ наивныя и безпритязательныя поученія нашихъ первыхъ проповѣдниковъ XI—XII в., которые обращались къ паствѣ, едва только отвратившейся отъ язычества и

его обрядовъ. Въ проповѣдяхъ св. Тихона слышится намъ голосъ простеца, искренно скорбящаго при видѣ заблужденій порученной его попеченію паствы, къ которой онъ—самъ происходя изъ среды народа—проникнутъ нелицепріятною и вполнѣ искреннею христіанскою любовью.

И этотъ простой, кроткій и смиренный инокъ, на дальней окраинѣ русскаго царства борющійся съ остатками язычества, неуклонно слѣдующій своею скромною стезею пастыря и проповѣдника—этотъ инокъ представляется намъ страннымъ анахронизмомъ среди блестящаго, шумнаго и роскошнаго вѣка Екатерины, гремящаго славою побѣдъ русскаго оружія, гордаго успѣхами ума и просвѣщенія, избалованнаго „бряцаніемъ лиръ" и громкими хвалебными гимнами Сѣверной Семирамидѣ.

Виньетка Екатерининскаго времени.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Новыя вѣянія въ изученіи языка и новыя эстетическія теоріи въ изученіи словесности.—Зачатки сравнительнаго изученія языковъ.—Первыя попытки введенія въ литературу памятниковъ народнаго творчества.—Своеобразныя воззрѣнія на значеніе народной поэзіи.—Первые шаги въ области народной литературы.—Труды по библіографіи и исторіи словесности.

Литература и наука XVIII столѣтія тѣмъ именно и отличались отъ литературы и науки истекшаго вѣка, что болѣе занимались рѣшеніемъ вопросовъ общихъ, нежели частностями; болѣе вращались въ области идей, нежели въ области фактовъ. Такіе общіе вопросы, рѣшеніемъ которыхъ иногда занимались лучшіе и просвѣщеннѣйшіе умы во всѣхъ странахъ Европы, являлись отчасти слѣдствіемъ той энциклопедической разносторонности образованія, которую вносила въ жизнь современная школа; отчасти же и прямымъ послѣдствіемъ того, что въ основу образованія всюду полагалась философія, которую почитали необходимѣйшею изъ наукъ и въ которой искали „начала всѣхъ началъ". Выше уже видѣли мы, какъ, одно время, во всѣхъ литературахъ преобладала разработка вопросовъ религіозныхъ и религіозно-нравственныхъ, подъ вліяніемъ философскихъ воззрѣній энциклопедистовъ съ одной стороны и мистиковъ—съ другой стороны. Затѣмъ наступила очередь такой же общей разработки вопроса о пользѣ наукъ и просвѣщенія, вызванная парадоксальнымъ разсужденіемъ Руссо на тэму, заданную Дижонской академіей. Точно такъ же, во всѣхъ европейскихъ литературахъ, преобладало, въ теченіе нѣкотораго времени, введенное въ моду тѣмъ же Руссо, идиллическое и ложное воззрѣніе на бытъ дикаго человѣка, какъ на золотой вѣкъ невинности и простоты отношеній, выразившійся въ поэзіи пастушескими идилліями (пасторалями), а въ искусствѣ—модными идеализаціями пастушескаго быта. Отчасти подъ впечатлѣніемъ этой идеализаціи дикаго состоянія, которой въ значительной степени способствовали и сообщаемыя Библіей свѣдѣнія о первобытномъ состояніи человѣчества и бытѣ патріарховъ—въ европейской наукѣ возникъ вопросъ о языкѣ, на которомъ говорили первые представители рода человѣческаго. Этотъ вопросъ—въ сущности своей болѣе занимательный, нежели научный (и научнымъ путемъ неразрѣшимый),—послужилъ, однакоже, одною изъ первыхъ основъ новѣйшаго сравнительнаго языкознанія, науки, въ основу которой и русская наука внесла свою лепту.

Любознательная и чуткая ко всѣмъ новымъ явленіямъ и вѣяніямъ въ области науки и просвѣщенія, Екатерина, еще будучи великой княжной, заинтересовалась этимъ вопросомъ о первобытномъ языкѣ человѣчества, отъ котораго, конечно, былъ уже **Труды Екатерины по языку.**

только одинъ шагъ до сравненія языковъ между собою и до отысканія между ними, если не внутренняго соотношенія, то хотя бы внѣшняго сходства. Въ 1784 году вниманіе Екатерины было особенно привлечено трудами француза-филолога, Куръ-де-Жабелэна, который пытался доказать, что всѣ языки легко могуть быть выведены изъ одного общаго корня, и вотъ она „предпріяла по собственному своему начертанію собрать словарь *всѣхъ извѣстныхъ языковъ*". Тогда же она извѣщала одного изъ своихъ постоянныхъ корреспондентовъ, что „составила списокъ отъ 200—300 коренныхъ русскихъ словъ и дала ихъ перевесть на столько языковъ, сколько могла отыскать (число ихъ и теперь уже переходитъ за вторую сотню)". Императрица трудилась надъ этимъ оригинальнымъ словаремъ весьма усердно (каждый день удѣляла ему извѣстное количество времени) и её, видимо, занимала при этомъ мысль, что въ „ея одномъ пашпространнѣйшемъ владѣніи... говорятъ болѣе, нежели шестьюдесятью языками, изъ коихъ многіе, наипаче въ Кавказѣ и Сибири, ученымъ понынѣ еще вовсе неизвѣстны". Словарь предполагалось издать въ двухъ отдѣлахъ: первый отдѣлъ долженъ былъ заключать языки европейскіе, азіатскіе и островокъ Южнаго Океана; второй—языки африканскіе и американскіе. Въ помощь себѣ, при редактированіи и изданіи въ свѣтъ собраннаго словарнаго матеріала, Екатерина призвала академика Палласа; и хотя княгиня Дашкова исподтишка и посмѣивалась надъ этой новой затѣей своей державной соперницы по наукѣ, однакоже, словарь, между 1787 и 1789 гг., вышелъ въ свѣтъ [1]) и обратилъ на себя вниманіе европейской науки. Онъ былъ озаглавленъ такъ: „*Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы*". Второе отдѣленіе словаря (въ четырехъ частяхъ, въ С.-Петербургѣ, 1790—1791 г.), надъ которымъ ни Екатерина, ни Палласъ (нѣсколько охлажденные критикой) не захотѣли трудиться, было издано подъ редакціей Янковича-де-Миріево, столь извѣстнаго своими трудами по главному правленію училищъ.

Труды Академіи Россійской.

Одновременно съ этимъ любопытнымъ трудомъ, значительно расширившимъ предѣлы области языкознанія, указавшимъ ему новые пути въ будущемъ, шли уже извѣстные намъ труды „*Вольнаго Россійскаго Собранія*", а затѣмъ и „*Россійской Академіи*", также направленные къ изученію законовъ русскаго языка и общаго строя русской рѣчи, прозаической и стихотворной. Отчасти это изученіе было вызвано постоянно возраставшимъ интересомъ къ изученію Россіи и всего русскаго, который составляетъ одну

[1]) Вышло въ свѣтъ, собственно говоря, только первое отдѣленіе труда, въ двухъ частяхъ: I ч. въ 1787 и II—въ 1789 г. Заглавіе и предисловіе, подписанное Палласомъ, припечатаны тутъ же и въ латинскомъ переводѣ.

изъ наиболѣе характерныхъ особенностей Екатерининскаго вѣка; но еще болѣе побуждала къ такому ревностному изученію языка быстро возраставшая потребность въ расширеніи литературнаго кругозора и въ улучшеніи литературнаго языка, который, для выраженія новыхъ идей, нуждался не только въ новыхъ словахъ и терминахъ, но и вообще въ улучшеніи всего механизма фразы. Недаромъ Россійская Академія, приступая къ осуществленію своей программы, въ число своихъ задачъ вводила, между прочимъ, и будущіе труды по риторикѣ и піитикѣ; вводила, ясно сознавая, что теоріи ложно-классическія отживали свой вѣкъ и въ современной литературѣ нарождались новыя потребности, новые вкусы и новыя воззрѣнія на самую сущность творчества и на его выраженіе во внѣшнихъ формахъ. Баттё и Буало уже уступали мѣсто нѣмецкимъ теоретикамъ Мейнерсу и Зульцеру, которые уже не придавали слишкомъ большого значенія классическимъ образцамъ родовъ и видовъ поэзіи и проводили въ жизнь новыя эстетическія воззрѣнія, основанныя на принципѣ: *изящно только то, что нравственно;* вполнѣ художественнымъ можетъ быть признано только такое произведеніе, которое въ одинаковой степени сильно и благотворно дѣйствуетъ и на умъ, и на сердце. Мало того, новая эстетическая теорія, отдавая явное предпочтеніе *сердцу* передъ всѣми остальными сторонами человѣка, утверждала даже, что „главнымъ назначеніемъ изящныхъ искусствъ слѣдуетъ признать именно развитіе въ человѣкѣ такого высокаго нравственнаго чувства, которое бы вселяло въ сердце любовь къ добру и ненависть къ злу". И наша литература, которая, съ конца 70-хъ годовъ, отчасти подъ вліяніемъ мистицизма, стала уклоняться въ сторону направленія назидательнаго и нравственно-поучительнаго (которое послужило легчайшимъ переходомъ къ сентиментализму) въ значительной степени удовлетворяла идеаламъ новѣйшей эстетической теоріи. И вотъ, именно въ средѣ той интеллигенціи, которая такъ усердно работала въ этомъ новомъ направленіи, и въ журналахъ, и въ научныхъ статьяхъ, и въ обширной переводной литературѣ конца XVIII вѣка, выработался мало-по-малу и новый языкъ, болѣе пригодный для передачи оттѣнковъ мысли и чувства, который многими ставился въ заслугу Карамзину, а въ сущности обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ той средѣ, которая и самого Карамзина воспитала и выдвинула на литературное поприще [1]). При этой незамѣтной, но постоянной и не-

[1]) Академикъ Тихонравовъ держится этого мнѣнія и приводитъ въ подтвержденіе свидѣтельство современника, И. О. Тимковскаго, который говоритъ: «Стоитъ составить по годамъ раціональный каталогъ всѣхъ изданныхъ Компаніею (Новиковскою-Типографическою) трудовъ, сочиненій, переводовъ, эфемеридъ, чтобы убѣдиться, какое обдуманное движеніе дано литературѣ, слогу и слову. Это настоящая эпоха преобразованія языка, невѣдущими относимая на одно лицо Карамзина».

ослабной работѣ лучшихъ литературныхъ силъ надъ языкомъ литературныхъ произведеній, всѣхъ тружениковъ на поприщѣ россійской словесности продолжали, видимо. занимать и различные вопросы по теоріи словесности, потому что наиболѣе талантливые и наиболѣе образованные изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей посвящаютъ свое время и силы на перенесеніе къ намъ иностранныхъ произведеній по теоріи слога и на самостоятельныя изслѣдованія и труды въ этой области. Такъ, княгиня Дашкова переводитъ „*Опытъ объ эпической поэзіи*" Вольтера; одновременно съ этимъ переводомъ является и другой, также съ французскаго, „*Опытъ о похвальныхъ словахъ*" Томаса: около того же времени Державинъ, въ своемъ литературномъ кружкѣ, приступаетъ къ своему „*Разсужденію о лирической поэзіи или объ одѣ*", Княжнинъ трудится надъ руководствомъ „*Реторики*", а два ученыхъ архіепископа—*Амвросій Серебряковъ* и *Аполлонъ Байбаковъ*—издаютъ въ свѣтъ свои руководства по ораторскому искусству и по піитикѣ.

Элементы народности. Литературному языку конца XVIII вѣка еще не хватало одного важнаго элемента—живого элемента народности. Недостатокъ въ этомъ элементѣ очень многими уже сознавался и чувствовался; многихъ непріятно поражала искусственность нашего литературнаго языка, въ которомъ было уже очень много словъ, ловко придуманныхъ и буквально переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ, но не было ничего общаго, тѣсно связующаго книжную рѣчь съ тѣмъ разговорнымъ языкомъ, которымъ мы всѣ привыкли выражать свои мысли. Разговоръ—проявленіе жизни и живыхъ отношеній къ окружающимъ—почему-то еще считался низшею формою выраженія мысли въ словѣ, и литературная рѣчь, по современнымъ воззрѣніямъ, не должна была имѣть съ нимъ ничего общаго. Привычка къ употребленію латинской рѣчи въ наукѣ и напыщенной, высокомѣрной, уснащенной церковно-славянскими реченіями въ литературномъ изложеніи—всѣхъ спутывала и сбивала съ настоящаго пути; а надъ безыскусственною рѣчью народною еще тяготѣло названіе *подлой*, т. е. рѣчи *подлыхъ* людей—низшаго, неграмотнаго слоя народнаго, къ которому съ высокомѣріемъ относились болѣе образованные слои общества... Но языкъ народный—языкъ тѣхъ пѣсенъ и сказокъ, которыя каждый русскій человѣкъ слышитъ въ дѣтствѣ и который западаетъ ему невольно въ душу—мало-по-малу, и почти незамѣтно, „какъ ключъ воды живой", пробился изъ-подъ наноснаго слоя славянщины и иноземщины, изъ-подъ тяжкаго гнета „трехъ штилей", и проложилъ себѣ дорогу въ литературу.

Изданія пѣсенъ и сказокъ. Пѣсни и сказки народныя, впервые, явились въ нашей печатной литературѣ только уже въ началѣ второй половины XVIII вѣка. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти произведенія народ-

наго творчества не собирались, не записывались разными любителями, не вносились бы въ тѣ рукописные сборники, которые и въ XVII, и въ XVIII вѣкахъ составлялись грамотными людьми для собственной забавы и замѣняли любителямъ чтенія печатную книгу въ то время, когда она была еще рѣдкой и дорогой диковинкой. Судя по тѣмъ немногимъ изъ этихъ сборниковъ, которые уцѣлѣли до нашего времени, въ нихъ былъ, вѣроятно, внесенъ большой запасъ пѣсенъ и сказокъ, но имъ все же не скоро было суждено попасть въ печать, потому что литературный предразсудокъ не придавалъ никакого значенія этимъ произведеніямъ народной фантазіи и считалъ ихъ недостойными печатанія.

М. Д. Чулковъ. Первый смѣльчакъ, рѣшившійся внести народныя пѣсни въ нашу печатную литературу былъ *М. Д. Чулковъ* [1]), уже извѣстный намъ по своей журнальной дѣятельности и, повидимому, большой любитель русской старины и народности. Въ 1770 году онъ началъ, а въ 1774 году окончилъ изданіе сборника въ четырехъ частяхъ, подъ заглавіемъ: *„Собраніе разныхъ пѣсенъ“*. Въ этомъ изданіи, рядомъ съ пѣснями и романсами русскихъ стихотворцевъ, помѣщено много пѣсенъ народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; есть нѣсколько историческихъ пѣсенъ и былинъ—но ихъ немного. Этотъ матеріалъ, повидимому, извлеченъ изъ старинныхъ рукописныхъ сборниковъ и, вѣроятно, подправленъ издателемъ, который, какъ и всѣ его современники, считалъ подобныя поправки вполнѣ законными при изданіи въ свѣтъ произведеній народнаго творчества [2]). Сборникъ Чулкова понравился, и дожилъ вскорѣ до второго изданія.

Въ 1780 году тотъ же издатель началъ издавать *„Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣсти о славныхъ богатыряхъ“*, и выпустилъ въ свѣтъ десять частей этого сборника. Сказки, очевидно, сочинены Чулковымъ на основаніи бывшаго въ его рукахъ сборника былинъ, который—по его собственному свидѣтельству—погибъ въ какомъ-то пожарѣ.

М. Поповъ. Близкій къ Чулкову человѣкъ и, повидимому, такой же, какъ онъ самъ, любитель народной поэзіи, *Михаилъ Поповъ* (ум. 1790 г.), былъ его помощникомъ при изданіи сборниковъ и самъ

[1]) *Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ* (ум. 1793 г.), воспитывался въ Московскомъ университетѣ, а затѣмъ служилъ въ Сенатѣ; въ періодъ наибольшаго расцвѣта журналистики, въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, онъ издавалъ журналы: «Парнасскій Щепетильникъ» и «И то и сё». Кромѣ помянутаго сборника пѣсенъ и сборника сказокъ о богатыряхъ, онъ издалъ еще въ 1782 г. «Словарь русскихъ суевѣрій», который затѣмъ вышелъ вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Абевега русскихъ суевѣрій». Всѣ эти изданія Чулкова составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

[2]) Какое значеніе придавалъ Чулковъ этимъ народнымъ пѣснямъ, видно изъ его предисловія къ I т., гдѣ говорится о сборникѣ, что «каждая часть его будетъ состоять изъ пѣсенъ разнаго сложенія, какъ и сіи первыя; въ томъ числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, и словомъ—*всякаго званія*».

кое-что издавалъ въ томъ же родѣ. Въ одномъ изъ составленныхъ имъ сборниковъ, изданномъ послѣ его смерти („*Россійская Эрата или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ*, С.-Петербургъ, 1792), этотъ сотрудникъ Чулкова, по поводу помѣщенныхъ въ сборникѣ народныхъ пѣсенъ, съ полною откровенностью говоритъ: „со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: по учиненіи онымъ изъ преогромныя стаи очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо разногласіе и мѣру въ стихахъ, но и переставлялъ оные въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать черезъ то главнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало. Между тѣмъ, внесены мною и такія пѣсни, которыя оставилъ и совсѣмъ безъ поправки, потому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ они вниманія; ибо древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсенъ".

И въ этомъ наивномъ объясненіи слѣдуетъ видѣть не одинъ только его личный взглядъ, а твердо-установившееся воззрѣніе всѣхъ его современниковъ, которые въ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ видѣли не болѣе, какъ бредни и забавныя выдумки, а языкъ ихъ, въ которомъ мы признаемъ столько своеобразной красоты, считали грубымъ и неизбѣжно-подлежащимъ выправкѣ и переработкѣ. Такъ смотрѣли на это дѣло выдающіеся поэты и писатели того времени: Державинъ, создававшій свои оперы на основаніи сюжетовъ, заимствованныхъ изъ былиннаго эпоса; Богдановичъ, передѣлывавшій русскія пословицы, и Екатерина, вносившая народный элементъ въ свои пьесы только ради того, чтобы сдѣлать ихъ забавными... Такъ смотрѣли даже ученые историки, осмысленно и глубоко ознакомившіеся съ документальными источниками исторіи и не придававшіе никакого значенія былинамъ и историческимъ пѣснямъ. Былины объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владиміра—по мнѣнію Болтина—„пѣсни подлыя, безъ всякаго складу и ладу. Подлинно, таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка; но *не народа, а черни*—людей безграмотныхъ и, можетъ-быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормятся, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни, подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ, ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого жъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя ***стихами***, а сочинены подобными же авторами: слѣдовательно, вкусовъ и нравовъ народа изображать не могутъ" [1]). Но какъ бы

[1]) Историкъ нашъ С. М. Соловьевъ, какъ на странную непослѣдовательность со стороны Болтина, указываетъ на обвиненіе Леклерка въ томъ, за что надо было бы его благодарить—именно за лестный отзывъ его о нашихъ былинахъ.

то ни было и каковы бы ни были взгляды на достоинство и значеніе произведеній народной поэзіи, нельзя не отмѣтить тотъ фактъ, что со второй половины XVIII вѣка къ нимъ проявляется вкусъ, ими начинають цѣнить, сначала какъ курьезами и диковинками, потомъ и какъ оригинальными проявленіями наивной народной фантазіи; къ нимъ, правда, еще долго относятся нѣсколько свысока, но все же начинають разыскивать ихъ въ рукописи и даже собирать на мѣстѣ изъ устъ народа. Такъ мы знаемъ, что еще въ 60-хъ годахъ, извѣстный благотворитель Московскаго университета, богачъ и чудакъ, *Прокофій Акинфовичъ Демидовъ*, любившій похвастаться русскими чертами своего домашняго быта, приказалъ для себя собрать въ Сибири обширный сборникъ былинъ, впослѣдствіи изданный въ свѣтъ (въ началѣ XIX вѣка). Такъ, въ 1790 году, напечатано было въ С.-Петербургѣ весьма замѣчательное „*Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ*". Тутъ находимъ пѣсни протяжныя и скорыя, плясовыя, свадебныя, хороводныя, святочныя и малороссійскія. Въ предисловіи, которое приписывается извѣстному намъ Н. А. Львову, высказывается уже правильное пониманіе значенія народной поэзіи и народной музыки. Въ первой половинѣ царствованія Екатерины, какъ мы уже видѣли выше, народное направленіе проникаетъ и въ литературу, и проявляется не только на публичной, но даже и на Эрмитажной сценѣ въ видѣ народныхъ оперъ, въ родѣ „*Анюты*" Михаила Попова, „*Мельника*" Аблесимова или „*Гостинаго Двора*" Михаила Матинскаго [1]). Современныя свидѣтельства и живучесть этихъ произведеній на сценѣ ясно указываютъ намъ на то, что они нравились публикѣ и пользовались весьма значительнымъ успѣхомъ. Явившись не только на сценѣ, но и въ печати съ полными правами на вниманіе читателя средней руки, народный языкъ незамѣтно сталъ прокладывать себѣ дорогу и въ литературу, по мѣрѣ того, какъ произведенія народной поэзіи болѣе и болѣе привлекали къ себѣ вниманія. Мало-по-малу, эти произведенія стали заноситься, какъ необходимая составная часть и въ книги, разсчитанныя на этого средняго читателя и принадлежавшія къ той области литературы, которую Новиковъ совершенно правильно называлъ „мѣщанскою", а мы въ настоящее время, въ болѣе обширномъ смыслѣ называемъ „народною". Чрезвычайно любопытнымъ въ этомъ смыслѣ явленіемъ представляется намъ учебное руководство по русскому

Первые сборники пѣсенъ.

---

[1]) *М. Матинскій* былъ крѣпостнымъ человѣкомъ графа Ягужинскаго; онъ получилъ на средства своего помѣщика основательное образованіе въ Россіи, а потомъ доучивался въ Италіи. Его біографія неизвѣстна; извѣстно только, что онъ много писалъ и переводилъ; сочинялъ комедіи и оперы, и, вѣроятно, былъ человѣкомъ очень даровитымъ, потому что къ своимъ операмъ самъ писалъ и текстъ, и музыку.

Книги Н. Г. Курганова.

языку, которое *Н. Г. Кургановъ* [1]) издаетъ въ 1769 году подъ весьма замысловатымъ общимъ заглавіемъ: „*Россійская универсальная грамматика или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей*". Среди „полезно-забавныхъ" вещей, авторъ этого руководства счелъ пригоднымъ или нужнымъ—внести и нѣсколько народныхъ пѣсенъ. Въ „Универсальной грамматикѣ" народныя русскія пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ „разныхъ стиходѣйствъ" — среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ кантъ и „кіево-калѣкскихъ стиховъ". Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) „Краткія замысловатыя повѣсти" (въ родѣ польскихъ шуточныхъ), 2) „Древнія апоѳегмы" [2]), 3) „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ". Замѣчательно, что и пословицы, и пѣсни въ этомъ изданіи Курганова напечатаны безъ тѣхъ подправокъ и передѣлокъ, которымъ онѣ подвергались въ другихъ сборникахъ (напримѣръ, въ изданіи Богдановича или Михайлы Попова). Впослѣдствіи это изданіе Курганова было значительно расширено въ объемѣ и, подъ именемъ „*Письмовника*", заняло почетное мѣсто въ нашей „мѣщанской" литературѣ. По замѣчанію академика Тихонравова „этимъ книга Курганова обязана, конечно, и тому, что приняла въ свой составъ „апоѳегмы" и забавныя повѣсти, пользовавшіяся большимъ распространеніемъ съ XVII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ, въ нее внесеннымъ".

Академикъ Яковъ Штелинъ.

Такимъ образомъ, языкъ народный и произведенія народной

[1]) *Николай Гавриловичъ Кургановъ* (род. 1726 г., ум. 1796 г.), былъ преподавателемъ математики и навигаціи въ морскомъ корпусѣ; имъ составлены были и руководства по предметамъ его преподаванія.

[2]) Перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 г.

Н. А. Львовъ.

фантазіи, начинали болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе и становиться предметомъ наблюденія и изученія. Въ концѣ столѣтія, въ то время, когда Россійская Академія уже трудилась надъ составленіемъ своего этимологическаго словаря, между учеными

членами ея уже поднятъ былъ вопросъ о внесеніи въ него областныхъ словъ и народныхъ терминовъ изъ области ремеслъ и промысловъ, и рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ.

Въ заключеніе обзора этого, столь плодотворнаго періода исторіи русской словесности, неизлишнимъ почитаемъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, что въ теченіе его было сдѣлано по самой Исторіи Русской Словесности, и въ какой степени она была изучена, какъ самостоятельный предметъ научнаго вѣдѣнія.

Библіографія и Словесность.

Исторіи литературы, въ этомъ смыслѣ, у насъ еще не существовало; личность писателя, въ теченіе долгаго времени, не отдѣлялась отъ его произведенія, и потому исторія книгъ явилась значительно ранѣе какой-бы-то ни было исторіи литературы. Въ началѣ этой исторіи русскихъ книгъ, какъ намъ уже извѣстно, является *Сильвестръ Медвѣдевъ*, составившій *„Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“*,—тотъ библіографическій списокъ извѣстныхъ ему книгъ, который доставилъ ему лестный титулъ „отца русской библіографіи“. Затѣмъ идутъ любознательные и трудолюбивые нѣмцы, которыхъ труды не принадлежатъ къ русской словесности, какъ написанные по-латыни и по-нѣмецки, но которые нельзя не вспомнить здѣсь съ признательностью. Первымъ изъ этихъ нѣмцевъ былъ академикъ *Іоаннъ-Петръ Коль* (ум. 1778 г.), вызванный въ Россію при самомъ учрежденіи Академіи Наукъ и пробывшій въ Петербургѣ не долѣе двухъ лѣтъ (1725—1727): однакоже, онъ успѣлъ заинтересоваться молодою страною и пробуждающимся народомъ, пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ и русской старинѣ и, по возвращеніи въ Германію, напечаталъ въ 1729 г. *„Введеніе въ исторію и литературу славянъ“*, на латинскомъ языкѣ. Послѣ Коля краткій обзоръ новѣйшей русской литературы былъ составленъ академикомъ *Штелинымъ*, и затѣмъ, за границей, въ одномъ Лейпцигскомъ журналѣ [1]), напечатано было, на нѣмецкомъ языкѣ *„Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“* уже извѣстнаго намъ Дмитревскаго. Семидесятые годы прошлаго столѣтія были почему-то особенно благопріятны русской исторіи литературы. Одинъ изъ мало-извѣстныхъ, но весьма ученыхъ и образованныхъ библіографовъ прошлаго вѣка, *Дмитрій Семеновичъ Рудневъ,* въ монашествѣ *Дамаскинъ* [2]) (род. 1735 г., ум.

---

[1]) Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste, 1778. Затѣмъ, та же статья перепечатана въ Ливорно, 1771 и 1774 гг., на французскомъ языкѣ.

[2]) Д. С. Рудневъ воспитывался въ Московской славяно-латинской академіи и былъ потомъ учителемъ исторіи и греческаго языка въ Крутицкой семинаріи. Въ 60-хъ годахъ нѣсколько молодыхъ людей отправлены были за границу для окончанія образованія и, при нихъ, инспекторомъ, поѣхалъ (по собственному желанію) Рудневъ. Тамъ провелъ онъ шесть лѣтъ въ Геттингенскомъ университетѣ (1776—1782). По возвращеніи въ Россію былъ назначенъ профессоромъ въ Славяно-латинскую академію, а по принятіи монашества—и ректоромъ ея. Впослѣдствіи былъ епископомъ Сѣвскимъ и Нижегородскимъ и однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ Россійской Академіи.

1796 г.), около 1772 года, составилъ обширный трудъ по русской библіографіи, подъ заглавіемъ: „*Библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена*“. Въ трудѣ этомъ заключается обзоръ русскихъ книгъ, начиная отъ изданій Скорины, 1518 г., до 80-хъ годовъ XVIII вѣка. Въ началѣ „Библіотеки“ помѣстилъ авторъ „*Краткое описаніе россійской ученой исторіи*“, въ сущности, очеркъ „*Исторіи просвѣщенія въ Россіи*“, насколько оно выразилось въ рукописной и печатной литературѣ нашей. Трудъ Дамаскина, къ сожалѣнію, остался ненапечатаннымъ и потому не могъ послужить на пользу дальнѣйшимъ изслѣдователямъ въ той же области. Ближайшіе изслѣдователи, почти одновременно съ Дамаскинымъ трудившіеся надъ исторіей, явились, поэтому, ближайшими продолжителями Дмитревскаго.

Въ 1772 году, одновременно, хотя и независимо одинъ отъ другого, выступили на поприще русской исторіи литературы два замѣчательныхъ и весьма полезныхъ дѣятеля: одинъ, основательный ученый, иноземецъ, привязавшійся къ Россіи и ея изученію; другой, коренной русскій дѣятель, страстно преданный дѣлу русскаго просвѣщенія и народнаго образованія. Первый изъ нихъ, *Бакмейстеръ* (1730—1806 г.), предпринялъ въ 1772 году изданіе „*Русской библіотеки для познанія современнаго состоянія литературы въ Россіи*“ [1]); второй, хорошо извѣстный намъ *Николай Ивановичъ Новиковъ*, издалъ въ свѣтъ „*Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ*“, вышедшій почти одновременно съ первымъ выпускомъ „*Русской библіотеки*“ Бакмейстера. **Бакмейстеръ и Новиковъ.**

Выше мы уже упоминали о книгѣ Новикова, но мелькомъ, въ ряду другихъ его трудовъ; здѣсь же мы должны и о ней поговорить подробнѣе, какъ о первомъ опытѣ послѣдовательнаго и пространнаго обзора русскаго историко-литературнаго матеріала.

Авторъ „Опыта“ уже въ самомъ заглавіи своей книги указываетъ на ея источники: она составлена „по разнымъ печатнымъ книгамъ, по сообщеннымъ извѣстіямъ и по словеснымъ преданіямъ“. Цѣль своей книги Новиковъ весьма скромно и весьма искренно поясняетъ въ предисловіи къ „Опыту“...

„Не тщеславіе получить названіе сочинителя, но желаніе оказать услугу моему отечеству къ сочиненію сей книги меня побудило. Польза, отъ таковыхъ книгъ происходящая, всякому просвѣщенному читателю извѣстна; не можетъ также быть невидимо и то, что всѣ европейскіе народы прилагали стараніе о сохраненіи памяти своихъ писателей, а безъ того погибли бы имена всѣхъ, въ писаніяхъ прославившихся мужей. Одна Россія по сіе время

---

[1]) Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. 1772—1778 гг. Вышло 11 томовъ.

не имѣла такой книги, и, можетъ-быть, сіе самое было погибелью многихъ нашихъ писателей, о которыхъ никакого нынѣ не имѣется свѣдѣнія..."

Любопытна и самая цифра писателей, совмѣщенныхъ въ Словарѣ Новикова въ азбучномъ порядкѣ: здѣсь сообщены болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія и краткія упоминанія о 317 русскихъ писателяхъ. Особенно подробны статьи, посвященныя жизни и сочиненіямъ Ѳеофана Прокоповича, Волкова (перваго русскаго актера), Ломоносова, Кантемира, архіепископа Амвросія (убитаго въ Москвѣ въ 1771 году, во время чумы) и Тредіаковскаго. Академикъ Сухомлиновъ, въ отдѣльной и прекрасной статьѣ представившій разборъ „Словаря" Новикова съ различныхъ сторонъ, даетъ о немъ слѣдующій, вполнѣ безпристрастный отзывъ.

„Разсматривая словарь Новикова, помимо всѣхъ увлеченій современной ему литературной непріязни, легко замѣтить его недостатки. Въ немъ есть значительные пробѣлы, неизбѣжные, впрочемъ, для всякаго перваго опыта; о нѣкоторыхъ писателяхъ говорится въ самыхъ общихъ чертахъ и не называются ихъ сочиненія; въ иныхъ показаніяхъ, какъ о жизни, такъ и о сочиненіяхъ авторовъ, недостаетъ точности и необходимыхъ хронологическихъ данныхъ. Въ словарѣ не упоминается иногда и о такихъ авторахъ, сочиненія которыхъ выдержали нѣсколько изданій [1]); случается, что и самое имя автора передано невѣрно [2])... Но все это предвидѣлъ и сознавалъ самъ авторъ, назвавъ свой трудъ не болѣе какъ „*опытомъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ*". А не слѣдуетъ забывать, что въ то время „труды собирателя даже печатныхъ матеріаловъ усложнялись плохимъ состояніемъ книжной торговли. Не было не только каталоговъ, но и книжныхъ лавокъ: книги продавались или при типографіяхъ, въ которыхъ печатались, или у переплетчиковъ"... [3]) Вотъ почему, несмотря на все указанное выше, „современные намъ критики и библіографы признаютъ историческій словарь Новикова замѣчательнѣйшимъ явленіемъ при тогдашнемъ недостаткѣ матеріаловъ для разработки, и видятъ въ этомъ трудѣ неоспоримое доказательство того, какъ усердно занимался Новиковъ изученіемъ русской литературы".

Академикъ Сухомлиновъ указываетъ далѣе и на тѣ источники, которыми Новиковъ пользовался—печатныя и письменныя, и живыя изустныя свидѣтельства современниковъ. Изъ печатныхъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, опущенъ Волчковъ, извѣстный своими переводами, изъ которыхъ нѣкоторые выдерживали по два и по три изданія.

[2]) Такъ, напр., Софроній *Лихудъ* названъ Софроніемъ Лухутьевымъ.

[3]) О самомъ «Словарѣ» Новикова, по выходѣ его въ свѣтъ, было объявлено, что онъ продается у переплетчика Миллера.

онъ пользовался всѣмъ, что тогда наша ученая литература представляла лучшаго; напр., періодическими изданіями Академіи Наукъ, „Русскою историческою библіотекою", исторіею Щербатова и т. п. Но бо́льшую часть свѣдѣній приходилось почерпать изъ „словесныхъ преданій" и „сообщеній", какъ изъ первоисточника. Такъ довольно подробное жизнеописаніе Эмина составлено по изустному разсказу самого Эмина. Многія критическія замѣчанія о русскихъ писателяхъ и преимущественно о стихотворцахъ сообщены Новикову Сумароковымъ; большая часть статей объ историкахъ—Г. Ф. Миллеромъ, а о духовныхъ писателяхъ—Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, трудившимся (по словамъ Новикова) „въ разбираніи достопамятностей по россійской исторіи, подъ смотрѣніемъ Миллера". Вся статья объ архіепископѣ Амвросіи заимствована цѣликомъ изъ воспоминаній Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, который былъ племянникомъ архіепископа и невольнымъ свидѣтелемъ его гибели отъ руки убійцъ. Наконецъ, несомнѣннымъ и весьма немаловажнымъ источникомъ „Словаря" послужила и вышеупомянутая нами статья Дмитревскаго о русскихъ писателяхъ, помѣщенная въ Лейпцигскомъ журналѣ. О ней Новиковъ прямо говоритъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ составленію своего труда.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій.

„Въ 1766 году, нѣкто—россійскій путешественникъ—сообщилъ въ Лейпцигскій журналъ извѣстіе о нѣкоторыхъ россійскихъ писателяхъ, которое въ ономъ журналѣ на нѣмецкомъ языкѣ напечатано и принято съ великимъ удовольствіемъ. Но сіе

извѣстіе весьма кратко, а притомъ индѣ не весьма справедливо, а въ другихъ мѣстахъ пристрастно написано. *Сіе самое было мнѣ главнымъ поощреніемъ къ составленію сія книги.* Не въ порицаніе неизвѣстному писателю, сообщившему въ Лейпцигскій журналъ описаніе нашихъ авторовъ, упомянулъ я здѣсь о его извѣстіи, но только для того, чтобы показать сколь трудно въ первый разъ издавать такого рода сочиненія".

Эту трудность Новиковъ испыталъ на себѣ самомъ, но не побоялся ея и преодолѣлъ по мѣрѣ силъ и возможности, почерпая свѣдѣнія отовсюду, пользуясь всѣми, доступными въ то время матеріалами. Онъ и достигъ вполнѣ своей скромной цѣли: сохранилъ отъ забвенія многія имена русскихъ писателей, и несмотря на всѣ недостатки, недосмотры и неточности своего „Опыта" (надъ которыми такъ злобно и желчно трунили черезчуръ кичливые авторы, недовольные его отзывами о себѣ), добился того, что свѣдѣнія о многихъ труженикахъ пера, сообщаемыя имъ, явились въ своемъ родѣ единственными, и цѣликомъ перешли въ подобные же труды послѣдующаго поколѣнія ученыхъ изслѣдователей исторіи русской литературы.

Медаль въ память П. А. Демидова.

Періодъ третій.

Отъ Карамзина до Пушкина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общая характеристика наступающаго новаго періода.—Положеніе литературы и журналистики въ царствованіе Павла I.—Общій взрывъ восторга, привѣтствующій вступленіе Александра на престолъ.—Его первые шаги на пользу литературы и просвѣщенія.—Новое время и новые дѣятели.

Яркій и благотворный свѣтъ солнца бываетъ намъ особенно милъ и дорогъ послѣ непрогляднаго мрака тревожной и бурной ночи, въ теченіе которой намъ казалось уже, что мы навсегда простились съ дневнымъ свѣтомъ, что мы уже никогда болѣе не увидимъ его лучей, никогда не насладимся ихъ тепломъ... Подъ гнетомъ такихъ именно сомнѣній и тревожныхъ думъ прожиты были русскимъ обществомъ немногіе годы кратковременнаго царствованія Павла I, и впечатлѣніе, вызванное во всѣхъ слояхъ русскаго общества вступленіемъ на престолъ любимаго внука Екатерины, могло сравниться только съ тѣми первыми днями царствованія Елисаветы, когда всѣ, при встрѣчѣ, обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга съ началомъ новой эры, и съ невольнымъ трепетомъ оглядывались на недавнее прошлое, полное мрака, тревогъ и опасеній, всѣхъ лишавшее покоя и возможности мирно заниматься своимъ дѣломъ, мирно устраивать свою жизнь въ своемъ уголкѣ.

Дѣйствительно, положеніе литературы и журналистики въ царствованіе Павла было весьма тягостнымъ. Одинъ изъ самыхъ разумныхъ и умѣренныхъ писателей конца XVIII вѣка—Карамзинъ, въ письмѣ къ пріятелю своему, пишетъ въ совершенномъ отчаяніи: „если бы экономическія обстоятельства не заставили меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на алтарь Музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами"...

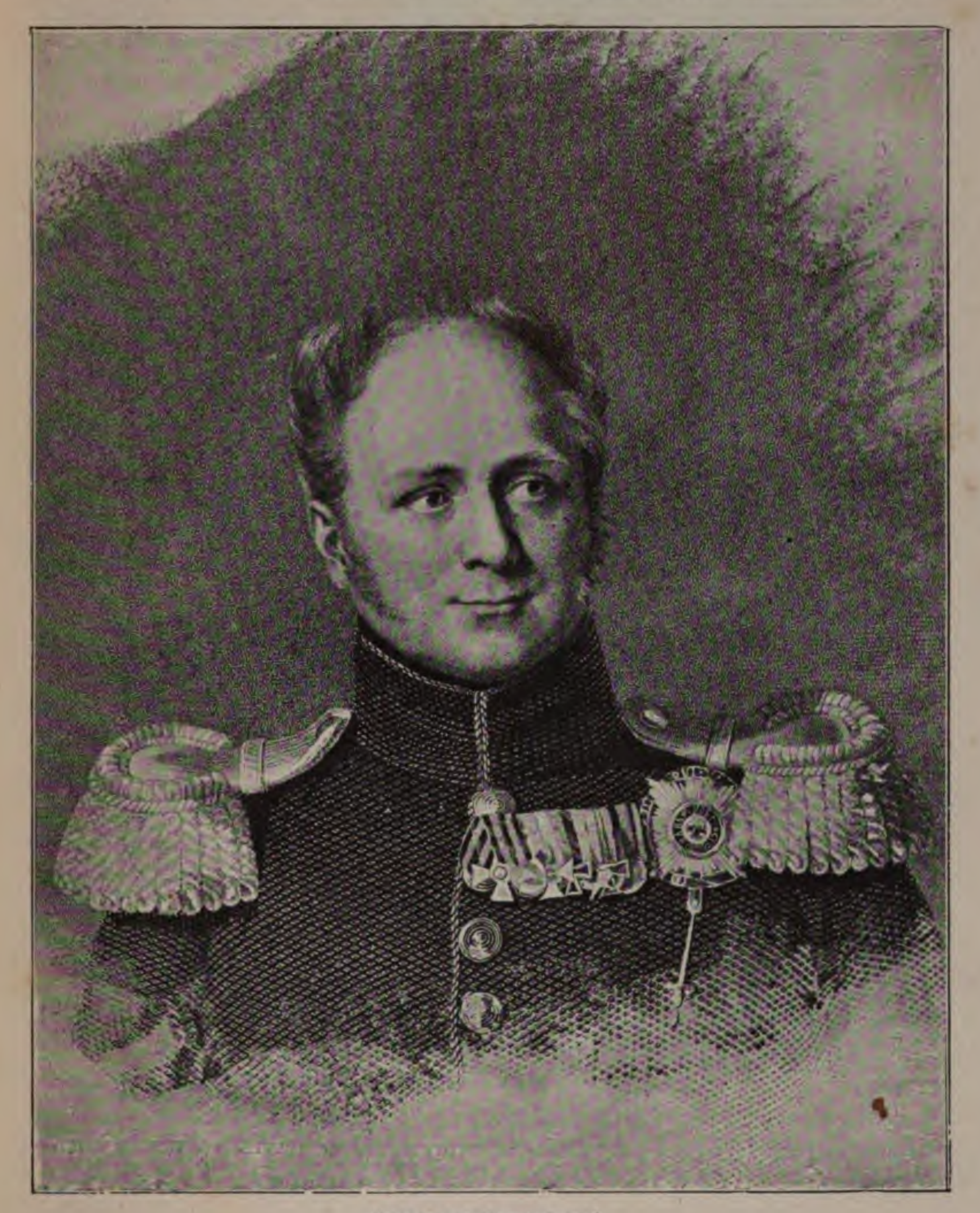
Писать и переводить было мудрено, когда запрещалось все сплошь: рѣчь Демосѳена и Цицерона—за то, что авторы ихъ были республиканцы, а „Посланіе къ женщинамъ" (Карамзина) за то, что цензору „въ безгрѣшномъ почудилось грѣшное". И въ то время, когда одинъ изъ панегиристовъ Павла съ паѳосомъ восклицалъ въ своей торжественной рѣчи: „сколь счастливою почитать себя должна Россія потому, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія"—„благоразумныя ограниченія" выражались въ закрытіи всѣхъ типографій, кромѣ казенныхъ, и въ запрещеніи какого бы то ни было ввоза изъ-за границы, не только книгъ, но даже и музыкальныхъ нотъ.

Новое царствованіе. И вотъ, когда послѣ всего этого, юный Александръ I вступилъ на престолъ, и въ манифестѣ 12 марта 1801 года всѣ прочли много-знаменательныя и такъ много обѣщавшія слова: „воспріемля престолъ, воспріемлемъ и обязанность — управлять Богомъ намъ врученный народъ *по законамъ и по сердцу* августѣйшей бабки нашей, императрицы Екатерины Великой" — взрывъ восторга охватилъ всѣ сердца... Поэты, по выраженію маститаго старца Державина, „отрясая прахъ со своихъ лиръ", выразили этотъ восторгъ въ гармоническихъ и вполнѣ искреннихъ стихахъ, которыми привѣтствовали вступленіе на престолъ новаго Монарха. Державинъ и Херасковъ, Карамзинъ и Мерзляковъ, каждый посвоему, воспѣвали это важное историческое событіе... И Карамзинъ, въ своей одѣ, почти дословно повторилъ завѣтныя обѣщанія манифеста:

... Какъ Ангелъ Божій ты сіяешь
И благостью, и красотой,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой
Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
    Наукой счастливъ человѣкъ!
    И блескомъ твоего правленья
    Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.

И какъ бы въ подтвержденіе и оправданіе надеждъ, выраженныхъ поэтами, черезъ нѣсколько дней по вступленіи Але-

ксандра на престолъ, былъ обнародованъ указъ, въ которомъ именно говорилось: „желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ:



Императоръ Александръ I.

запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи — распечатать, дозволяя, какъ привозъ иностранныхъ книгъ, жур-

наловъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатанье оныхъ внутри государства".

По свидѣтельству одного современника, послѣ этого указа всѣ вздохнули свободно: многіе литераторы, уже не первый годъ проживавшіе въ далекой деревенской глуши, стали съѣзжаться въ столицы. Салоны сразу ожили и наполнились шума и движенія. Всѣ спѣшили участвовать въ общей радости; всѣ спѣшили другъ съ другомъ подѣлиться впечатлѣніями пережитаго страха и застоя—и насладиться наступившимъ просвѣтомъ, послѣ долго тяготѣвшихъ надъ всею русскою жизнью бурь и невзгодъ, приводившихъ къ бездѣйствію и апатіи. Все общество словно встрепенулось и снова стало проявлять признаки жизни; снова ощутило всю прелесть той драгоцѣнной свободы печати, которая давала возможность всѣмъ открыто и прямо высказывать свои мысли и мнѣнія о насущнѣйшихъ потребностяхъ русской жизни...

Графъ Завадовскій—первый министръ народнаго просвѣщенія.

А такихъ насущныхъ потребностей накопилось чрезвычайно много. Послѣ предшествующаго царствованія, все подчинявшаго преобладанію внѣшней формы надъ внутреннимъ содержаніемъ, всюду царила неурядица, запустѣніе, злоупотребленія и недочеты всякаго рода; всюду, на виду у всѣхъ, пробивались наружу вопіющія нужды народныя и общественныя, которыя трудно было прикрыть вынужденнымъ молчаніемъ... И вдругъ явилась возможность говорить и печатать...

Карамзинъ совершенно искренно могъ написать въ письмѣ къ брату (отъ 20 авг. 1801 г.):

„...Государь расположенъ ко всякому добру и мы при немъ отдохнули. Главное то, что можемъ жить спокойно..."

Общество, съ восторгомъ слѣдившее за первыми шагами юнаго императора, было восхищено тѣмъ, что эти первые шаги были направлены на пользу русскаго просвѣщенія. Онъ, видимо,

помнилъ, что державная бабка его придавала важное нравственное значеніе народному образованію, что въ самомъ „Наказѣ“ своемъ она почитаетъ „развитіе просвѣщенія и усовершенствованіе воспитанія надежнымъ средствомъ сдѣлать всѣхъ людей лучшими и предупредить преступленія“. Помнилъ и дополнилъ эту истину совершенно вѣрною мыслью о томъ, что просвѣщеніе слѣдуетъ считать и весьма „естественнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія“.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.

Министерство Просвѣщенія.

И вотъ, по волѣ Александра, на мѣсто скромной комиссіи училищъ, образованной при Екатеринѣ и существовавшей уже съ 1782 года, является цѣлое *министерство народнаго просвѣщенія*, учрежденное въ 1802 г., вмѣстѣ съ другими семью министерствами [1]), и врученное въ управленіе графу Завадовскому.

При этомъ учрежденіи новаго вѣдомства, на мѣсто прежде существовавшаго, въ основу его дѣятельности были положены болѣе

[1]) Военныхъ сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и коммерціи.

широкія задачи; между тѣмъ, какъ „Комиссія“ заботилась только о заведеніи училищъ, объ изданіи руководствъ, о приготовленіи учителей и о „содержаніи единообразія въ книгахъ и учебномъ способѣ“, вѣдѣнію новаго министерства народнаго просвѣщенія были поручены: главное управленіе училищъ, Академія Наукъ, Россійская Академія, университеты и всѣ другія училища, типографіи, цензура, изданіе періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, музеи и всякія учрежденія для распространенія наукъ. Самое лицо, поставленное во главѣ новаго министерства, получило названіе „министра народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ“ [1]).

Главное правленіе училищъ.

Теперь на комиссію училищъ, которая вошла, въ обновленномъ составѣ, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и была переименована въ *Главное правленіе училищъ*, возложено было высшее управленіе всѣми учебными заведеніями въ Имперіи, которую предстояло раздѣлить на *учебные округи*. Но главною заботою комиссіи должно было быть учрежденіе *университетовъ*, какъ центральныхъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ округахъ и какъ главныхъ разсадниковъ просвѣщенія.

Не слѣдуетъ забывать, что собственно русскій университетъ, въ то время, въ Россіи былъ одинъ — *московскій*. Сверхъ этого, во владѣніяхъ Россійскаго Императора, было еще два университета: *виленскій*—унаслѣдованный послѣ раздѣла Польши отъ польской эдукаціонной комиссіи, чуждый намъ и по языку, и по обычаямъ, и по исключительно-католическому характеру преподаванія; и *дерптскій*—основанный съ разрѣшенія императора Павла, съ чисто-нѣмецкой закваской, съ исключительно-аристократической остзейской основой и также съ преподаваніемъ на чуждомъ для насъ нѣмецкомъ языкѣ. Вопросъ о томъ, гдѣ именно учредить новые университеты, обсуждался съ разныхъ сторонъ и весьма подробно въ преобразованной комиссіи училищъ, въ составъ которой вошли такіе просвѣщенные дѣятели, какъ *графъ Завадовскій* (министръ народнаго просвѣщенія), *М. Н. Муравьевъ* (товарищъ министра), Чарторижскій и Потоцкій, Клингеръ, Янковичъ-де-Маріево и академики: Озерецковскій и Фусъ.

Учебные округа.

Озерецковскій предложилъ раздѣлить Россію, въ учебномъ смыслѣ, на шесть полосъ или округовъ и, сверхъ существующихъ въ Москвѣ и Дерптѣ, открыть еще четыре: въ Харьковѣ, Воронежѣ, Казани и Устюгѣ Великомъ. Фусъ помѣчалъ для университетовъ города: С.-Петербургъ, Москву, Харьковъ, Казань, Вильно и Дерптъ. Янковичъ-де-Маріево нѣсколько уклонился отъ этого плана, пред-

---

[1]) Новое вѣдомство названо *министерствомъ народнаго просвѣщенія*, по предложенію И. И. Мартынова (извѣстнаго переводчика классиковъ), который доказывалъ, что назначеніе вѣдомства—*заботиться о просвѣщеніи въ цѣломъ государствѣ*.

лагая, къ существующимъ уже тремъ университетамъ, прибавить еще три: въ С.-Петербургѣ, Казани и Кіевѣ. На сторону Фуса сталъ Чарторижскій, выступившій съ блестящимъ планомъ училищъ для Россійской Имперіи, составленнымъ на французскомъ языкѣ. Въ этомъ планѣ онъ предлагалъ учредить школы *приходскія, уѣздныя, губернскія* и подчинить ихъ зависимости отъ университетовъ, для которыхъ избралъ города: Москву, Петербургъ, Казань, Дерптъ, Вильну и Харьковъ. Эти города и были окончательно избраны, и члены комиссіи принялись за пересмотръ старыхъ университетскихъ уставовъ и выработку новыхъ; работали весьма усердно и дѣло повели быстро: 24-го января 1803 г. были утверждены предварительныя правила народнаго просвѣщенія; 18-го мая того же года—уставъ виленскаго университета; 12-го сентября—уставъ дерптскаго университета, и 5-го ноября 1804 года уставы университетовъ московскаго, харьковскаго и казанскаго.

Проэкты новыхъ учрежденій.

Въ общемъ, въ „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія“ планъ народнаго образованія сложился такъ: „для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія, опредѣляется четыре рода училищъ, а именно: 1) приходскія—при каждомъ приходѣ, 2) уѣздныя—въ каждомъ уѣздномъ городѣ, 3) губернскія (или гимназіи)—въ каждомъ губернскомъ городѣ. Въ каждомъ округѣ учреждается по университету, т. е. кромѣ существующихъ трехъ, еще по одному въ С.-Петербургѣ, въ Казани и въ Харьковѣ, „въ уваженіе патріотическаго приношенія отъ дворянствъ и гражданствъ сей губерніи“... въ дальнѣйшемъ будущемъ, „по мѣрѣ изысканія къ тому средствъ“, предполагалось открыть университеты въ Кіевѣ, Тобольскѣ, Устюгѣ Великомъ и т. д. Въ сущности же, изъ ново-намѣченныхъ университетовъ, оказалось возможно открыть немедленно только харьковскій; казанскій открылся окончательно не ранѣе 1814 года; въ С.-Петербургѣ же, вмѣсто университета, открыто только одно отдѣленіе его (подъ названіемъ „педагогическаго института“) для приготовленія юношей къ учительской должности; а самый университетъ открылся не ранѣе 1819 года, и уже при иныхъ, гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Университетамъ дана широкая автономія, весьма существенныя права, свой судъ, на приговоръ котораго апелляція могла быть подаваема только въ Сенатъ. Мало того, университетъ могъ имѣть свою типографію и свою книжную лавку, и все печатаемое по опредѣленію университетскаго Совѣта не подлежитъ никакой цензурѣ [1]).

[1]) Той же льготой пользовались и книги, выписываемыя въ округа изъ-за границы.

Факультеты и каѳедры.

Ученое университетское сословіе распадалось (по уставу 1804 года) на четыре факультета: факультетъ *нравственныхъ и политическихъ* наукъ, факультетъ *физическихъ и математическихъ* наукъ, факультетъ *медицинскихъ наукъ* и факультетъ *наукъ словесныхъ*. Раздѣленіе предметовъ преподаванія или каѳедръ для всѣхъ факультетовъ сохранено такое же, какъ и въ московскомъ университетѣ, и только въ двухъ университетахъ—харьковскомъ и казанскомъ—

Казанскій университетъ.

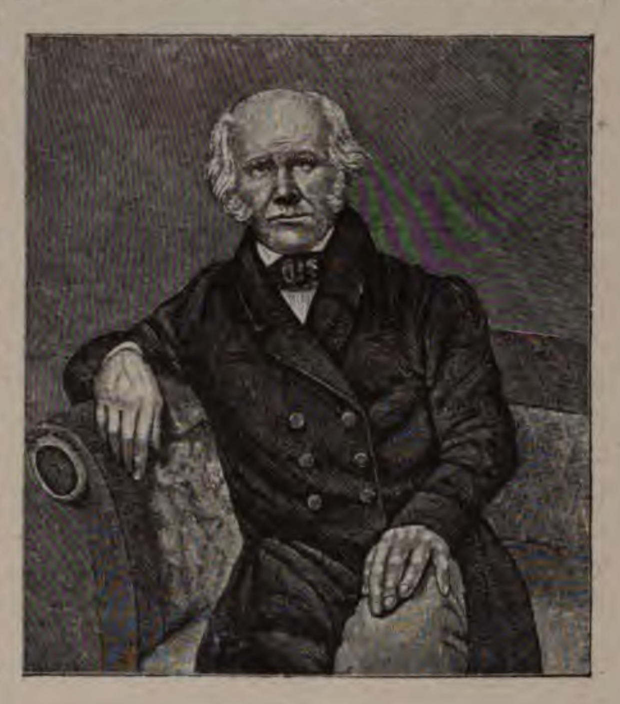
добавлено по лишней каѳедрѣ: въ казанскомъ—каѳедра *астрономіи*, а въ харьковскомъ—каѳедра *военныхъ наукъ* [1]).

Пожертвованія на университеты.

Университеты затѣвались на широкой основѣ, съ большими правами и значеніемъ, и при чрезвычайно гуманныхъ воззрѣніяхъ на учащееся юношество, при громадномъ сочувствіи со стороны общества. Какъ только проникъ въ общество слухъ объ учрежденіи новыхъ университетовъ, такъ тотчасъ же явились щедрыя

[1]) Внесеніе въ университетъ этой странной каѳедры было вызвано чрезвычайно воинственнымъ настроеніемъ мѣстнаго общества. Многіе изъ дворянъ харьковской губерніи, внося значительныя суммы на учрежденіе университета, были увѣрены, что эти деньги пойдутъ на учрежденіе военнаго училища, изъ котораго ихъ дѣти будутъ выходить офицерами. Въ этихъ же видахъ одинъ изъ профессоровъ харьковскаго университета, при открытіи его, говорилъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что «изученіе наукъ не должно отвлекать отъ военной службы», что оно даже «придаетъ ей новую цѣну, возвышая и облагораживая, какъ цѣль веденія войны, такъ и слѣдствія одержанныхъ побѣдъ».

пожертвованія на пользу просвѣщенія: Демидовъ, о пожертвованіяхъ котораго намъ уже приходилось упоминать при изложеніи исторіи московскаго университета, пожертвовалъ въ 1803 году на новые университеты до милліона рублей и имѣніе въ полмилліона; сверхъ того, библіотеку и нѣсколько кабинетовъ для лицея его имени въ Ярославлѣ и для новыхъ университетовъ. Другой богачъ, Шереметевъ, въ томъ же году, пожертвовалъ до 2½ милліоновъ деньгами и недвижимымъ имуществомъ на различныя нужды просвѣщенія. Дворянство харьковской губерніи, по почину В. Н. Каразина, также пожертвовало 400,000 рублей на учрежденіе мѣстнаго харьковскаго университета.


В. Н. Каразинъ.

Обширная и сложная дѣятельность лица, избраннаго въ министры народнаго просвѣщенія, конечно, потребовала цѣлаго кружка лицъ, которыя бы вмѣстѣ съ нимъ дѣлили его труды и облегчали ему несеніе его обязанностей. На первыхъ порахъ выборъ юнаго государя палъ, съ одной стороны, на лица, прославившіяся своею просвѣтительною дѣятельностью въ царствованіе Екатерины; а съ другой—на ближайшихъ друзей его юности, составлявшихъ около него тѣсный кружокъ въ первые годы царствованія.

Графъ Завадовскій.

Во главѣ министерства поставленъ былъ графъ *Петръ Васильевичъ Завадовскій* (род. 1738 г., ум. 1812 г.), одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей XVIII вѣка въ Россіи, любимецъ Екатерины—одинъ изъ немногихъ вельможъ ея Двора, превосходно знавшій Россію. Этотъ *первый министръ народнаго просвѣщенія*, человѣкъ блестящихъ способностей и отличнаго образованія, былъ сыномъ казака и уроженцемъ черниговской губерніи. Воспитаніе получалъ сначала въ домѣ дѣда своего, малороссійскаго подкоморія, который отдалъ его, для продолженія образованія, въ іезуитское училище въ Оршѣ; оттуда Завадовскій перешелъ въ кіевскую духовную академію, гдѣ и закончилъ свое образованіе,

получивъ прекрасную классическую подготовку и вынеся изъ этой школы любовь къ римскимъ классикамъ, которые до конца жизни составляли его любимое чтеніе въ часы досуга. Поступивъ на службу въ малороссійскую коллегію, онъ быстро овладѣлъ дѣловымъ умѣньемъ, и когда фельдмаршалъ Румянцевъ-Задунайскій вступилъ въ управленіе Малороссіей, онъ приблизилъ къ себѣ Завадовскаго, какъ одного изъ лучшихъ дѣльцовъ. Черезъ Румянцева Завадовскій сталъ извѣстенъ Екатеринѣ, которая призвала его ко Двору и, убѣдившись въ его блестящихъ способностяхъ къ государственной дѣятельности, возвела его на высшія ступени общественнаго положенія: Завадовскій пожалованъ былъ сенаторомъ, главнымъ директоромъ банковъ и, наконецъ, графомъ Римской имперіи. Ему, какъ надежнѣйшему изъ дѣльцовъ, окружавшихъ императрицу, поручаемо было составленіе важнѣйшихъ государственныхъ актовъ: имъ составлено знаменитое учрежденіе о губерніяхъ, уставы банковъ и многіе другіе. И все, что выходило изъ-подъ пера Завадовскаго, цѣнилось всѣми его современниками особенно потому, что было не простымъ (весьма обычнымъ у насъ) заимствованіемъ изъ иностранныхъ источниковъ, а результатомъ дѣйствительнаго знанія Россіи и вѣрнаго пониманія ея потребностей, силъ и средствъ. Академикъ М. И. Сухомлиновъ характеризуетъ этого именитаго сановника, какъ министра народнаго просвѣщенія Россіи. Памятникомъ заслугъ его въ дѣлѣ народнаго образованія служитъ послѣдовательный рядъ зрѣло обдуманныхъ и благотворныхъ для народной жизни дѣйствій училищной комиссіи—„главнаго правленія училищъ".

М. Н. Муравьевъ. Рядомъ съ умнымъ, образованнымъ и дѣловитымъ графомъ Завадовскимъ, уже и при Екатеринѣ стоявшимъ во главѣ училищной комиссіи (съ самаго ея основанія—1782 г.), видимъ избраннаго Александромъ товарища министра ***Михаила Никитича Муравьева***, перваго попечителя Московскаго университета, бывшаго наставника государева „въ русскомъ языкѣ, словесности и нравственности" „... Воспитывая, вмѣстѣ съ Лагарпомъ, великаго князя Александра, будущаго Императора,—говоритъ академикъ Сухомлиновъ,—Муравьевъ постоянно твердилъ своему питомцу о свободѣ и просвѣщеніи, какъ главныхъ основаніяхъ, на которыхъ зиждется благосостояніе народовъ". И позднѣе, въ теченіе всей своей жизни и дѣятельности, „Муравьевъ высказывалъ достойное писателя и ученаго убѣжденіе, что свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности" [1]).

[1]) «Этою свободою—говоритъ М. И. Сухомлиновъ,—объясняетъ онъ умственное превосходство протестантской Германіи въ сравненіи съ католической, несмотря на единство народности».

Отличительною чертою характера и дѣятельности М. Н. Муравьева, при чрезвычайномъ благодушіи, было полное отсутствіе всякой исключительности, „вредной преимущественно въ тѣхъ лицахъ, отъ которыхъ зависитъ направленіе учебной дѣятельности". Самъ будучи страстнымъ классикомъ, всею душою преданнымъ древнему міру, онъ, въ то же время, нимало не стремился кому бы то ни было навязывать классицизмъ, какъ основу всѣхъ человѣческихъ знаній, и охотно признавалъ важное значеніе математики, естественныхъ наукъ и наукъ историческихъ, какъ одинаково важныхъ элементовъ общаго образованія.

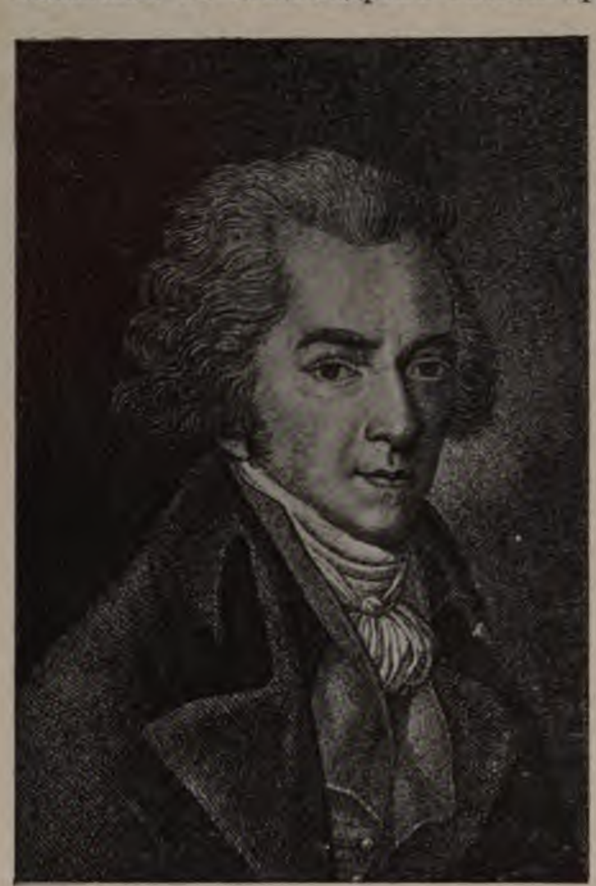
Короткое время попечительства Муравьева въ Москвѣ (1803—1807 гг.) ознаменовалось преобразованіемъ университета и образцовымъ устройствомъ округа, приглашеніемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ профессоровъ изъ-за границы и открытіемъ при университетѣ ученыхъ обществъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло „*Общество исторіи и древностей россійскихъ*", оказавшее весьма полезное вліяніе на разработку отечественной исторіи. Проникнутый уваженіемъ къ наукѣ, Муравьевъ, и при вызовѣ иностранцевъ на каѳедры русскаго университета, имѣлъ въ виду, при помощи ихъ, образовать новое поколѣніе русскихъ ученыхъ. Въ тѣхъ же видахъ, онъ съ удивительнымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами русскихъ профессоровъ или готовившихся къ профессурѣ молодыхъ людей, бесѣдовалъ и переписывался съ ними, стараясь всѣми силами содѣйствовать ихъ ученымъ работамъ, предпріятіямъ и путешествіямъ съ ученою цѣлью. Далѣе увидимъ мы, въ какой степени важны были услуги, оказанныя М. Н. Муравьевымъ великому труду Карамзина, и всѣ знакомые съ его дѣятельностью совершенно справедливо говорили, что имя этого почтеннаго и полезнаго дѣятеля должно сохраниться незабвеннымъ въ лѣтописяхъ русскихъ университетовъ.

Около этихъ двухъ столповъ, избранныхъ Александромъ изъ среды дѣятелей прошлаго вѣка, группировалась молодежь [1]): люди новаго поколѣнія, друзья юнаго государя—Строгановъ, Новосильцевъ и Чарторижскій. Назначеніе этихъ лицъ въ члены главнаго правленія училищъ показываетъ, какъ близки были Александру интересы народнаго просвѣщенія.

---

[1]) Строгановъ, Новосильцевъ, Кочубей и Чарторижскій—составляли избранный кружокъ Александра, когда еще онъ былъ великимъ княземъ. Члены кружка могли высказывать свои мысли съ полной откровенностью. Въ засѣданіяхъ этого кружка, образовавшаго «тайный» комитетъ, говорили обо всемъ, начиная отъ политическихъ и административныхъ тайнъ и до вопросовъ литературныхъ. Въ этомъ комитетѣ, между прочимъ, принято было рѣшеніе издать на русскомъ языкѣ нѣсколько иностранныхъ сочиненій по политической экономіи, которая тогда всѣмъ кружила головы: Стюарта—«Изысканіе по политической экономіи», Кондорсэ—«Библіотека общественнаго дѣятеля» и Верри—«Политическая экономія».

Изъ этихъ трехъ лицъ наибольшимъ значеніемъ пользовался князь *Адамъ Чарторижскій* (род. 1770, ум. 1861 г.), знатный польскій магнатъ, попавшій въ Россію заложникомъ и назначенный состоять въ свитѣ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ. Связанный съ Александромъ тѣсною дружбою, князь А. Чарторижскій, по воцареніи его, былъ имъ возведенъ одновременно въ товарищи министра иностранныхъ дѣлъ и въ попечители виленскаго округа, къ которому, кромѣ Западнаго края, принадлежала значительная доля Малороссіи. Не касаясь исторической роли князя А. Чарторижскаго въ общей исторіи царствованія Александра, замѣтимъ только, что въ главномъ правленіи училищъ онъ, какъ человѣкъ умный и европейски - образованный, былъ полезенъ при обсужденіи многихъ общихъ вопросовъ; но зато, какъ попечитель виленскаго округа, оказалъ весьма плохую услугу Россіи ополячиваньемъ русскихъ людей, которое вводилъ очень тонко и послѣдовательно.



Графъ А. К. Разумовскій, второй министръ народнаго просвѣщенія.

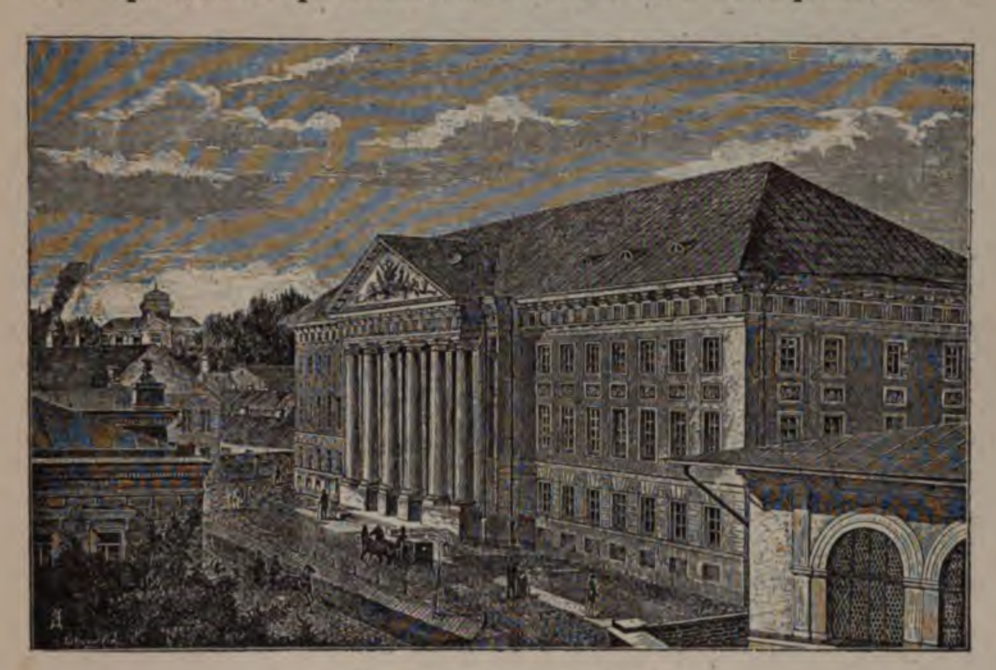
Графъ С. Потоцкій.

Совсѣмъ не таковъ былъ другой польскій магнатъ, графъ *Северинъ-Потоцкій*, также членъ главнаго правленія училищъ и попечитель харьковскаго учебнаго округа. Это былъ человѣкъ, для котораго служеніе наукамъ и просвѣщенію было прямымъ призваніемъ, и этому призванію онъ отдавался всецѣло, забывая о различіи религій и національностей, о сословныхъ преимуществахъ и всякихъ иныхъ разсчетахъ. Полякъ по рожденію и воспитанію, онъ, въ то же время, постоянно заботился о замѣщеніи каѳедры природными русскими людьми. Искренняя заботливость Потоцкаго объ университетѣ и всѣхъ его нуждахъ была

такъ настойчива и непрерывна, что его можно было бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе „первымъ уставомъ русскихъ университетовъ".

Изъ остальныхъ пяти [1]) членовъ главнаго правленія училищъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ академиковъ (Румовскаго и Озерецковскаго) обращалъ на себя вниманіе, по своему усердію къ дѣлу и обширнымъ свѣдѣніямъ, *Иванъ Ивановичъ Мартыновъ*, извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ. Онъ былъ ревностнымъ

И. И. Мартыновъ.



Дерптскій университетъ (по старой гравюрѣ).

сотрудникомъ министра и, по выраженію самого Завадовскаго, „отличался пространнымъ и неусыпнымъ трудомъ". Ему принадлежитъ главная доля труда при составленіи уставовъ всѣхъ новыхъ учебныхъ заведеній.

Таковъ былъ составъ министерства народнаго просвѣщенія въ самомъ началѣ его, на зарѣ новаго царствованія; таковы были дѣятели, которымъ было поручено быть во главѣ вѣдомства, принявшаго на себя заботы о просвѣщеніи русскаго народа, въ самомъ обширномъ и полномъ смыслѣ. Составъ этихъ дѣятелей, конечно, видоизмѣнялся, сообразно съ перемѣною главы министерства, что̀ стояло уже въ непосредственной связи съ перемѣною воззрѣній на просвѣщеніе въ высшихъ сферахъ, а также и съ возникавшими въ обществѣ новыми вѣяніями. Такъ какъ Александръ, въ теченіе своего долгаго и славнаго царствованія, не оставался постоянно сторонникомъ однихъ и тѣхъ же взгля-

---

[1]) Янковичъ де-Маріево, Мартыновъ, Румовскій, Озерецковскій и Фусъ.

довъ. а подъ конецъ царствованія даже и очень круто перешелъ къ такимъ воззрѣніямъ, которыя ничего не имѣли общаго со взглядами и убѣжденіями его юности. то исторія его личнаго развитія выразилась вполнѣ ясно въ его отношеніяхъ къ просвѣщенію Россіи и въ самомъ выборѣ министровъ народнаго просвѣщенія. Поэтому необходимо, хотя въ самомъ краткомъ и бѣгломъ очеркѣ, ознакомиться съ личностью всѣхъ министровъ народнаго просвѣщенія Александрова царствованія, послѣдовавшихъ за графомъ Завадовскимъ.

Графъ Разумовскій.

Ближайшимъ преемникомъ его былъ графъ *А. К. Разумовскій.* Это былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала, нежели Завадовскій. Воспитанный за границею, окруженный съ дѣтства чрезвычайною роскошью, онъ плохо зналъ Россію, любилъ спокойную жизнь и кабинетныя занятія своею любимою специальностью—ботаникой. Не имѣя ни малѣйшаго призванія къ служебной дѣятельности, онъ принялъ на себя сначала обязанности попечителя московскаго округа, а потомъ и министра народнаго просвѣщенія, во исполненіе воли государя; несъ на себѣ эти высокія обязанности добросовѣстно, выполняя ихъ по мѣрѣ силъ и умѣнья, и очень былъ радъ, когда явилась возможность ихъ покинуть и удалиться въ роскошное уединеніе — подмосковную *Горенки.* Его дѣятельность, какъ министра, была не болѣе, какъ продолженіемъ дѣятельности Завадовскаго. При немъ также возникали новыя ученыя общества; явилось и много новыхъ училищъ въ разныхъ концахъ Россіи,—явилось и то высшее учебное заведеніе, на долю котораго выпала великая честь—воспитать геніальнаго Пушкина.

Открытіе этого высшаго учебнаго заведенія—Царскосельскаго лицея — многими справедливо ставится въ заслугу Разумовскому. Ему пришлось при этомъ случаѣ выказать значительную настойчивость и самостоятельность, такъ какъ условія общественной жизни и самые взгляды императора Александра на просвѣщеніе успѣли нѣсколько измѣниться въ теченіе перваго десятилѣтія его царствованія. Онъ разстался съ молодымъ кружкомъ своихъ друзей и не по-прежнему горячо вѣрилъ въ значеніе просвѣщенія для народа. Въ высшемъ кругу петербургскаго общества начинали преобладать мистическія воззрѣнія и находились люди, которые рѣшались утверждать, что заботы о распространеніи наукъ и просвѣщенія—не болѣе, какъ суета, и притомъ опасная въ будущемъ для развитія нравственныхъ качествъ народа. А между тѣмъ, пользуясь подобными воззрѣніями, господствовавшими въ высшемъ кругу, іезуиты, допущенные Екатериною въ Россію, дѣлали свое дѣло и забирали въ свои руки воспитаніе юношества, въ особенности принадлежавшаго къ высшей знати, и

при этомъ весьма искусно распространяли католическую пропаганду, въ особенности среди дамъ высшаго круга. Что же касается проекта открытія лицея, то и къ этому проекту, и къ самому плану преподаванія въ немъ наукъ, въ высшемъ кругу столицы относились тѣмъ съ большею строгостью и критикой, что цѣлью учрежденія его предполагалось подготовленіе избраннаго юношества, „преимущественно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной". Любопытнѣйшимъ памятникомъ этой эпохи (лицей открытъ былъ 19 окт. 1811 г.) является отзывъ о планѣ преподаванія въ лицеѣ, данный лицомъ, которое пользовалось въ то время большимъ вліяніемъ и значеніемъ при русскомъ Дворѣ [1]). Лицо это, прежде всего, вооружилось противъ преподаванія естественныхъ наукъ и политическихъ наукъ даже въ томъ объемѣ, въ какомъ оно было указано въ программѣ лицея, доказывая, что „Библіи совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная". Въ томъ же отзывѣ, то же лицо, отвергая пользу изученія правъ, утверждало, что „въ первой" юности надо знать только три вещи, касательно общественнаго устройства: первое—что Богъ сотворилъ человѣка для общества, второе—что для общества необходимо правительство, третье—что каждый обязанъ повиноваться властямъ и быть готовымъ запечатлѣть смертью вѣрность и преданность своему государю". Несмотря, однакоже, на подобныя возраженія, высказываемыя со всѣхъ сторонъ, Разумовскій поставилъ на своемъ и не измѣнилъ программы лицея [2]).

После министерства Разумовскаго наступило министерство князя *Александра Николаевича Голицына* — въ эпоху полнаго преобладанія мистическихъ мечтаній, когда Александръ окончательно предался устроенію судебъ Европы и совершенно охладѣлъ къ просвѣщенію Россіи. По мысли новаго министра, самая основная идея министерства подверглась коренному измѣненію: дѣла его были соединены въ одно управленіе съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій и самое наименованіе министерства замѣнено было другимъ. Оно стало называться: „министерствомъ духовныхъ дѣлъ **Князь А. Н. Голицынъ.**

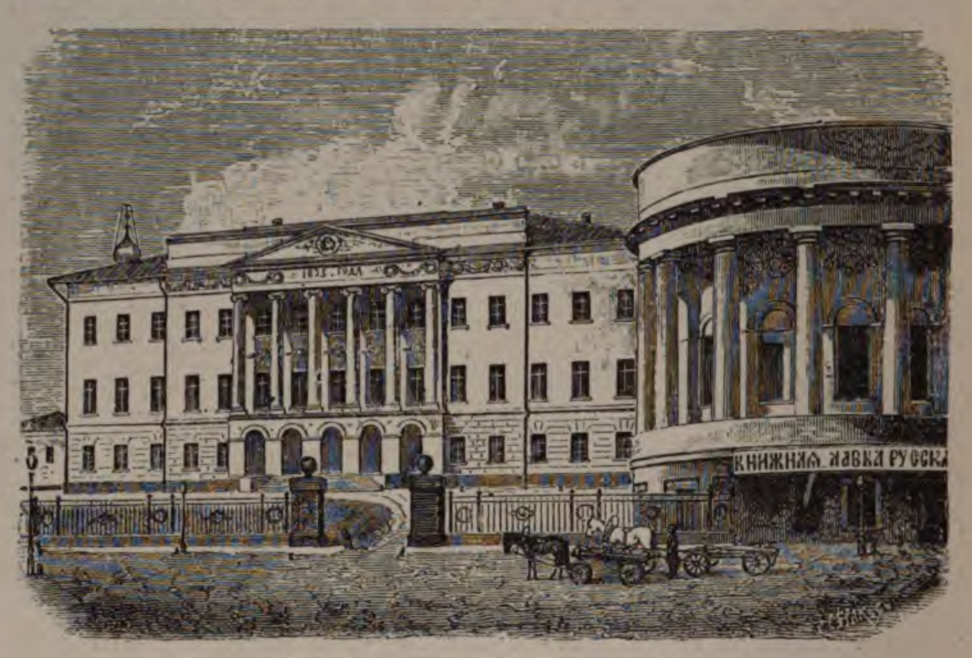
[1]) Лицо это—графъ Ксавье де-Метръ, сардинскій посланникъ при русскомъ Дворѣ, горячій приверженецъ папы и католичества. Какъ писатель, онъ пользовался большою извѣстностью въ литературномъ мірѣ, а какъ эмигрантъ — большимъ сочувствіемъ общества въ эпоху наступавшей рѣшительной борьбы съ Наполеономъ. Графъ А. К. Разумовскій, въ виду всего этого, препроводилъ къ нему на обсужденіе планъ учреждаемаго Лицея.

[2]) Въ уставѣ Лицея, въ числѣ предметовъ окончательнаго курса остались: «систематическое изложеніе и связь всѣхъ наукъ физическихъ, разныя теоріи о происхожденіи земли, знатнѣйшихъ физическихъ эпохахъ ея и пр.»; а также: «философское понятіе о правахъ и обязанностяхъ и о раздѣленіи ихъ, по разнымъ отношеніямъ, на право естественное, публичное, гражданское и проч.».

и народнаго просвѣщенія“ — что уже ясно указывало на то, что просвѣщенію придавалось лишь второстепенное значеніе.

Не слѣдуетъ забывать, что то была эпоха знаменитаго „Священнаго союза“ и всевозможныхъ попытокъ примѣненія основныхъ его началъ къ народному воспитанію во всѣхъ европейскихъ странахъ.

Въ послѣдніе годы управленія министерствомъ графа Разумовскаго, дѣятельность главнаго правленія училищъ значительно ослабѣла; засѣданія, изъ еженедѣльныхъ, стали уже ежемѣсяч-



Московскій университетъ (старое зданіе).

ными и отчасти утратили свой коллегіальный характеръ, такъ какъ посѣщались уже не всѣми членами, а только тѣми, для которыхъ веденіе дѣлъ правленія было офиціальною обязанностью. „Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Голицына по министерству — говоритъ академикъ Сухомлиновъ, — было возобновленіе засѣданій главнаго правленія училищъ въ его полномъ составѣ. Дѣятельность, прерванная на время, обнаружилась снова; но, къ сожалѣнію, она направлена была, въ сущности, не столько къ созиданію, сколько къ разрушенію“...

Наступленіе реакціи.

Въ составѣ главнаго правленія училищъ, вмѣсто прежнихъ свѣтлыхъ личностей, проникнутыхъ высокимъ значеніемъ своего призванія, явились люди, далекіе отъ всего, что̀ могло способствовать распространенію просвѣщенія, и чуждые Россіи—въ родѣ графа Лаваля, капитана французской службы, или графа Стурдзы и барона Фитингофа, родного брата и страстнаго приверженца идей знаменитой баронессы Криднеръ; или, наконецъ, такихъ дѣя-

телей, какъ Магницкій и Руничъ, которые пріобрѣли въ исторіи русскаго просвѣщенія громкую, но позорную извѣстность.

Мистическія увлеченія главы министерства и его ближайшихъ пособниковъ довели дѣло до такихъ печальныхъ крайно-

Князь А. Н. Голицынъ, министръ народнаго просвѣщенія.

стей, что управленіе министерства народнаго просвѣщенія пришлось ввѣрить новому лицу. Выборъ государя остановился на человѣкѣ честномъ и высоконравственномъ, но одностороннемъ и отсталомъ по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ—на адмиралѣ

Шишковъ. Крайне недовольный дѣйствіями своего предшественника, Шишковъ приступилъ къ полному преобразованію учебной части, къ составленію новыхъ уставовъ и т. п. Пошла ломка во всѣхъ частяхъ зданія, еще такъ недавно воздвигнутаго... Глава министерства задавался, главнымъ образомъ, тѣмъ, „что всѣ науки должны быть очищены отъ постороннихъ и вредныхъ умствованій, излишнее множество и разнообразіе предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, и занятія науками должны быть соединены съ нравственнымъ воспитаніемъ“. При этомъ Шишковъ настойчиво требовалъ, чтобы всюду въ учебныхъ заведеніяхъ вводился „языкъ славянскій“ и преподавалась „классическая россійская словесность“... Главное же и преимущественное вниманіе Шишкова обращено было на цензуру... Подъ его управленіемъ министерство народнаго просвѣщенія дожило до новаго царствованія...

Настоящій очеркъ исторіи русскаго просвѣщенія въ Александровское царствованіе былъ необходимъ въ началѣ описываемаго нами періода, такъ какъ исторія просвѣщенія постоянно и тѣсно связана съ исторіею словесности. При дальнѣйшемъ изложеніи этой исторіи намъ неоднократно придется упоминать имена вышеуказанныхъ нами дѣятелей и, можетъ-быть, даже болѣе подробно касаться отдѣльныхъ фактовъ, лишь вскользь упомянутыхъ въ этой главѣ. Не слѣдуетъ забывать, что министры народнаго просвѣщенія, въ рукахъ которыхъ находилась цензура, благодаря только одному этому факту, на долгое время получили важное значеніе въ исторіи развитія нашей литературы и журналистики.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Карамзинъ во второмъ періодѣ своей журнальной и литературной дѣятельности.— Перемѣна во взглядахъ и настроеніи. — Исторія, какъ задача жизни. — Труды и невзгоды. — Первое знакомство съ Александромъ. — «Записка о старой и новой Россіи».— Хлопоты объ изданіи Исторіи.—Всесильный вельможа.— Значеніе «Исторіи государства Россійскаго».—Значеніе личности Карамзина.

Эпохи въ Исторіи каждой литературы опредѣляются обыкновенно или историческими событіями, оказавшими сильное вліяніе на преуспѣяніе литературы, или отдѣльными, выдающимися личностями литературныхъ дѣятелей. Эти личности сами служатъ яркимъ выраженіемъ завѣтныхъ идей, взглядовъ и убѣжденій своего врéмени, а потому и кладутъ свою печать на извѣстный періодъ.

Царствованіе императора Александра I, полное всякими громкими и славными именами, гремящее военными подвигами и пресыщенное побѣдными лаврами, не знаетъ на мирномъ поприщѣ литературнаго труда ни одного имени славнѣе имени Карамзина, которое наполняетъ собою всю первую четверть XIX вѣка и затѣмъ всѣми послѣдующими поколѣніями русскихъ ученыхъ и литераторовъ, вплоть до нашего времени, произносится съ почтительною признательностью. Дѣйствительно, это имя замѣчательное. Имя талантливаго, живого и настойчиваго труженика, который, испытавъ всѣ виды и формы литературнаго труда, литературнаго воплощенія мысли въ словѣ, отъ торжественно-настроенной оды до нѣжнаго романса, и отъ сентиментальной повѣсти до серьезной критической статьи, достигнувъ громкой славы перваго изъ современныхъ писателей и журналистовъ — вдругъ рѣшился все это бросить, ото всего отречься и посвятить себя въ цвѣтѣ лѣтъ тяжкому подвигу, который и при его усидчивости могъ быть совершенъ не менѣе, какъ въ четверть вѣка. Нельзя не признать этого подвига чрезвычайнымъ, безпримѣрнымъ — потому что ему не легко подыскать подобный же и въ самой исторіи западныхъ литературъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что Карамзинъ взялся за свой историческій трудъ не по увлеченію, а вполнѣ обдуманно и съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что настало время — дать Россіи Исторію „непостыдную“, т. е. такую, которая была бы достойна величія и значенія народа и государства Россійскаго. Не слѣдуетъ забывать и того, что онъ для этого труда промѣнялъ вполнѣ обезпеченное (въ матерьяльномъ отношеніи) положеніе журналиста и писателя на болѣе чѣмъ скромное положеніе ученаго труженика, отказался отъ свѣта и отдался полному уединенію, чтобы всецѣло посвятить себя выполненію задачи, которую онъ на себя сознательно и добровольно возложилъ. Въ то самое

время, когда одинъ изъ университетовъ предлагалъ ему каѳедру и почетное, покойное положеніе профессора, онъ всему предпочелъ келью ученаго отшельника, въ которую удалился отъ суеты міра, весь предавшись одному высокому чувству долга, который онъ исполнялъ передъ Россіей, передъ потомствомъ и передъ судомъ Исторіи... Чрезвычайно любопытенъ и поучителенъ тотъ нравственный процессъ, путемъ котораго Карамзинъ дошелъ до рѣшимости посвятить себя созданію „Исторіи Государства Россійскаго"; еще болѣе поучителенъ и важенъ тотъ тяжкій путь пытливаго, внимательнаго и кропотливаго труда, которымъ славный исторіографъ нашъ слѣдовалъ, создавая свое высокохудожественное повѣствованіе о далекомъ прошломъ нашего отечества. Но всего изумительнѣе именно то, что писатель, всецѣло предавшійся на столь долгое время разработкѣ сырого историческаго матерьяла, не обратился въ сухого педанта, въ односторонняго поклонника мелочныхъ фактовъ, а остался живымъ писателемъ, нечуждымъ „ничего человѣческаго", и художникомъ, способнымъ изумить насъ величіемъ создаваемыхъ имъ образовъ.

Зрѣлые годы Карамзина. Въ одной изъ предыдущихъ главъ нашего труда мы разстались съ Карамзинымъ, еще юношей—нѣжнымъ, чувствительнымъ до сентиментальности, увлекающимся и горячимъ... Онъ писалъ тогда съ равнымъ жаромъ стихи и прозу, весь отдаваясь своему молодому увлеченію литературною и журнальною дѣятельностью, которая давала ему полную возможность постоянно излагать свои мысли, свои завѣтныя убѣжденія передъ обширною аудиторіею, которую онъ увлекалъ обаяніемъ своей свѣжести и молодости и гармоническою прелестью своего языка, потому что онъ владѣлъ имъ искуснѣе и лучше, чѣмъ кто бы то ни было изъ современныхъ ему писателей...

Мы покинули Карамзина въ тотъ періодъ реакціи Екатерининскаго царствованія, который могъ возбуждать въ авторахъ только опасенія, могъ побуждать ихъ къ молчанію и осторожности, а никакъ не поощрять ихъ къ развитію дѣятельности, къ новымъ трудамъ и попыткамъ... Мимоходомъ упомянули мы и о тѣхъ невзгодахъ, какія постигли юнаго писателя и его произведенія въ кратковременное царствованіе Павла I. Теперь, переходя къ послѣдующему періоду въ развитіи литературной дѣятельности Карамзина, въ новомъ вѣкѣ и новомъ царствованіи, мы должны признаться, что встрѣчаемъ Карамзина въ этотъ періодъ уже не тѣмъ юношей, какимъ онъ намъ представлялся въ лицѣ издателя „Московскаго Журнала", въ первыхъ повѣстяхъ своихъ и въ особенности въ „Письмахъ русскаго путешественника". Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этого второго періода дѣятельности Карамзина, оглянемся нѣсколько назадъ, чтобы уяснить себѣ пере-

мѣну въ его настроеніи, которая сначала привела его къ изданію „Вѣстника Европы“, а впослѣдствіи побудила приняться за его громадный исторический трудъ.

Переписка Карамзина съ друзьями и братомъ и записная книжка его указываютъ намъ на то, что еще въ началѣ 90-хъ годовъ, заканчивая изданіе „Московскаго Журнала“, Карамзинъ уже мечталъ о переходѣ отъ литературныхъ и журнальныхъ трудовъ къ чисто-научнымъ... „Буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей“. И въ записной книжкѣ за 1797 г. (іюнь) также есть замѣтка, прямо указывающая на намѣреніе посвятить себя исключительно занятіямъ историческимъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что онъ посвящаетъ большую часть времени на чтеніе древнихъ авторовъ, на знакомство съ классическими трудами Гиббона, Юма и Робертсона, и, наконецъ, сосредоточивается исключительно на занятіяхъ исторіею отечественною. Въ маѣ 1800 г. онъ пишетъ Дмитріеву: „я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію; сплю и вижу Никона съ Несторомъ“... **Мысли о будущемъ.**

Но мечты оставались мечтами, а дѣйствительность—дѣйствительностью. Въ 1801 году (въ апрѣлѣ) Карамзинъ женился на Елисаветѣ Ивановнѣ Протасовой, дѣвушкѣ небогатой, но искренно и давно уже имъ любимой. Пришлось, слѣдовательно, хлопотать объ увеличеніи своихъ матерьяльныхъ средствъ, и Карамзинъ рѣшился вновь приняться за журнальную дѣятельность, отъ которой, по примѣру „Московскаго Вѣстника“, могъ ожидать успѣха, тѣмъ болѣе, что и время, повидимому, было весьма благопріятное для подобныхъ предпріятій. И вотъ, съ января 1802 года, Карамзинъ начинаетъ издавать новый журналъ — „*Вѣстникъ Европы*“, о которомъ объявляетъ, что онъ „будетъ, сообразно съ его титуломъ, содержать въ себѣ главныя европейскія новости въ литературѣ и въ политикѣ—все, что покажется намъ любопытнымъ, хорошо написаннымъ, и что выходитъ во Франціи, Англіи и Германіи“. **Вѣстникъ Европы.**

Въ томъ „Письмѣ къ издателю“, которое помѣщено на первыхъ страницахъ первой книжки журнала и должно служить ему какъ бы введеніемъ, Карамзинъ сначала бросаетъ взглядъ на общее политическое положеніе Европы, благопріятствующее развитію литературы, а затѣмъ указываетъ на положеніе литературы во всѣхъ странахъ. Онъ начинаетъ „издавать журналъ для Россіи въ такое время, когда сердца наши, подъ кроткимъ и благодѣтельнымъ правленіемъ юнаго монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучивъ безпорядками и кровопролитіемъ, заключаетъ миръ, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ твердъ и **Программа журнала.**

продолжителенъ: когда науки и художества въ быстрыхъ успѣхахъ своихъ обѣщають себѣ еще болѣе успѣховъ; когда таланты, въ свободной тишинѣ и на досугѣ, могутъ заниматься всѣми полезными и милыми для души предметами: когда литература, по настоящему расположенію умовъ, болѣе нежели когда-нибудь, должна имѣть вліяніе на нравы и счастіе..."

За этимъ слѣдуетъ картина общаго процвѣтанія литературы во всѣхъ странахъ Европы: Карамзинъ заканчиваетъ ее словами: „если вкусъ къ литературѣ можетъ быть названъ модою, то она теперь общая и главная въ Европѣ. Чтобы увѣриться въ этой истинѣ надобно только счесть типографіи и книжныя лавки въ Европѣ. Отечество наше не будетъ исключеніемъ. Спроси у московскихъ книгопродавцевъ — и ты узнаешь, что съ нѣкотораго времени торговля ихъ безпрестанно возрастаетъ, и что хорошее сочиненіе кажется имъ теперь золотомъ... Доказательство, что и въ Россіи охота къ чтенію распространяется, и что люди узнали эту новую потребность души, прежде неизвѣстную... А въ Россіи литература можетъ быть еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ: чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе; изящное тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце и тѣмъ болѣе плодовъ приноситъ. Сколь благородно, сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій; развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями, и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей"...

Успѣхъ журнала. Надежды, возлагаемыя Карамзинымъ на успѣхъ журнала, сбылись вполнѣ. Журналъ, въ которомъ Карамзинъ былъ и редакторомъ, и сотрудникомъ, и переводчикомъ, и критикомъ, конечно, стоилъ ему большого труда, но зато и доставлялъ ему 6,000 руб. дохода [1]). Такой успѣхъ увлекаетъ даже Карамзина къ нѣкоторымъ мечтаніямъ объ устройствѣ своего будущаго, въ которомъ ему все яснѣе и яснѣе представляется его будущій историческій трудъ. Въ половинѣ 1803 года, т. е. въ половинѣ второго года изданія „Вѣстника Европы", Карамзинъ пишетъ брату своему: „Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды; а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій—за Русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству недурной монументъ"... Мечтаніямъ этимъ суждено было сбыться, и къ труду своему Карамзинъ перешелъ ранѣе, чѣмъ ожидалъ, и инымъ путемъ... Но прежде, нежели мы перейдемъ къ изложенію обстоятельствъ,

[1]) Слѣдовательно, имѣлъ громадную, по тому времени, цифру подписчиковъ — около 1,000 человѣкъ.

окончательно опредѣлившихъ направленіе дѣятельности Карамзина, намъ придется сказать нѣсколько словъ о его новомъ журналѣ.

„Вѣстникъ Европы", по общему составу и характеру своихъ статей, нисколько не походилъ на „Московскій Журналъ"; насколько тотъ былъ преимущественно литературнымъ журналомъ, настолько же этотъ носилъ на себѣ отпечатокъ журнала политическаго и литературнаго и, въ общемъ, болѣе подходилъ къ нынѣшнему типу „толстыхъ" журналовъ. Изъ поэтовъ участвовали въ немъ только двое маститыхъ и прославленныхъ: Херасковъ и Державинъ; сотрудниковъ со сколько-нибудь извѣстными именами было также очень немного; но зато Карамзинъ являлся во всѣхъ видахъ и по нѣсколько разъ въ каждой книжкѣ журнала, то подписывая свои статьи, то печатая ихъ анонимными, то выставляя подъ ними вымышленные иниціалы [1]). Сверхъ множества мелкихъ статей, замѣтокъ, сообщеній и отзывовъ, принадлежащихъ перу Карамзина, тамъ помѣщено было нѣсколько замѣчательныхъ разсужденій Карамзина, напримѣръ: *„О любви къ отечеству и народной гордости"*, *„О счастливѣйшемъ времени жизни"*, *„Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ"* и т. д. Сверхъ этихъ чисто-литературныхъ и философскихъ статей, мы видимъ въ „Вѣстникѣ Европы" и цѣлый рядъ статей историческаго содержанія, въ видѣ сжатыхъ, прекрасно-изложенныхъ и любопытныхъ очерковъ, напримѣръ: *„Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ"*, *„О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ"*, *„О тайной канцеляріи"*, *„О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича"*. Одинъ изъ біографовъ Карамзина очень мѣтко назвалъ эти статьи и очерки „пробами пера" передъ началомъ большого историческаго труда. Кромѣ этихъ историческихъ статей, въ „Вѣстникѣ Европы" была напечатана и еще одна историческая повѣсть Карамзина: *„Марѳа Посадница"*, которая по слогу своему, въ значительной степени, подходитъ къ изложенію Карамзина въ „Исторіи".

Характеръ новаго журнала.

Если мы ближе всмотримся во все то, что на страницахъ „Вѣстника Европы" принадлежитъ Карамзину, то увидимъ весьма значительную разницу и въ общемъ направленіи, и въ воззрѣніяхъ автора на русскую жизнь и дѣйствительность, сравнительно съ тѣмъ, что, десять лѣтъ тому назадъ, онъ высказывалъ въ первомъ своемъ журналѣ. По многимъ вопросамъ его новыя мнѣнія являются почти противорѣчіями прежде высказаннымъ взглядамъ, которыми онъ когда-то увлекался, которыми дорожилъ... Видно, что десять лѣтъ прожиты Карамзинымъ не даромъ, что онъ успѣлъ за это время многое передумать и перечувствовать и что въ особенности его занятія исторіею пошли ему въ-прокъ. Передъ нами уже не прежній юноша, способный заноситься за

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Pleaſures are ever in our hands or eyes.

Pope.

Часть I.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.
1791 года.

Титульный листъ къ «Московскому журналу», изд. Карамзинымъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи у *Люби, Гарія и Попова.*

Титульный листъ журнала «Вѣстникъ Европы», издаваемаго Карамзинымъ.

облака въ своихъ мечтахъ о благѣ человѣчества, о всемірномъ гражданствѣ и правахъ народа: передъ нами зрѣлый, вполнѣ сложившійся мыслитель и писатель со строго опредѣленными воззрѣніями на всѣ насущные вопросы жизни... Каковы эти воззрѣнія: правильны или неправильны, вѣрны или невѣрны, могутъ ли возбуждать къ себѣ наше сочувствіе—или нѣтъ?.. Этихъ вопросовъ мы не будемъ касаться, и можемъ съ полною увѣренностью сказать только то, что они были въ Карамзинѣ совершенно искренними, и что онъ прожилъ съ ними неразлучно всю остальную половину своей жизни.

Поворотъ въ убѣжденіяхъ.

Поворотъ отъ прежнихъ, юношескихъ и довольно-таки расплывчатыхъ, убѣжденій совершился въ Карамзинѣ незадолго до вступленія или вскорѣ по вступленіи Александра I на престолъ, потому что еще въ записной книжкѣ Карамзина за 1798 годъ мы видимъ набросокъ будущаго похвальнаго слова Петру Великому, въ которомъ онъ еще смотритъ на его преобразованія точно такъ же, какъ смотрѣлъ прежде, когда издавалъ „Московскій журналъ". Припомнимъ, что тогда онъ относился сочувственно ко всему „чисто-человѣческому", смѣялся надъ „славяномудріемъ" и, восхищаясь реформой Петра говорилъ, что „все народное—ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло—стать людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы и выгоды человѣка, то—мое, ибо я человѣкъ..."

Поворотъ въ убѣжденіяхъ (вѣроятно, вслѣдствіе усиленныхъ занятій историческихъ) слышится уже только въ томъ „*Историческомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ*", которое было написано въ 1802 году; въ немъ онъ, впервые, обращается къ прошлому за идеалами для будущаго, впервые возвышаетъ свой голосъ, касаясь вопросовъ обще-государственныхъ, какъ бы въ назиданіе и предостереженіе юному Монарху, такъ горячо принявшемуся за преобразованія. Затѣмъ, въ „Вѣстникѣ Европы" Карамзинъ уже всюду выдѣляетъ „Россію и россіянъ" изъ общей массы человѣчества, всюду старается придать особое значеніе и важность всему „русскому", и говоритъ вполнѣ опредѣленно о „народной гордости", тѣсно связанной съ любовью къ отечеству... Съ любовью же относится онъ къ старинѣ и съ опасеніемъ смотритъ на черезчуръ быстрыя преобразованія (по образцу Петровскихъ) въ государственномъ строѣ, и говоритъ: „время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его. Мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ вокругъ себя..."

Крестьянскій вопросъ.

На томъ же основаніи „осторожности и постепенности" въ государственной политикѣ, Карамзинъ является въ „Вѣстникѣ

Европы“ и прямымъ противникомъ какой бы то ни было перемѣны въ положеніи крестьянъ. Положеніе ихъ можетъ измѣниться со временемъ, когда они будутъ достаточно просвѣщены, чтобы умѣть пользоваться благами свободы. При такомъ взглядѣ на „блàга свободы“, отодвигающемъ освобожденіе крестьянъ въ далекую глубь грядущихъ вѣковъ, Карамзинъ старается изобразить бытъ современнаго ему крестьянина въ довольно мягкихъ чертахъ, имѣя преимущественно въ виду помѣщиковъ добрыхъ и хорошихъ, тѣмъ болѣе, что „просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленія господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная...“ „Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдственныхъ случаяхъ натуры: вотъ его обязанности. За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его право“. При этомъ Карамзинъ заключаетъ, что „отъ старанія помѣщиковъ хлѣбопашество съ нѣкотораго времени во всѣхъ губерніяхъ приходитъ въ лучшее состояніе“, и дѣлаетъ такой выводъ: хлѣбопашество и общее благосостояніе крестьянъ значительно ухудшилось бы, если бы крестьяне были выпущены на волю съ землею и посажены на оброкъ, „по совѣту иностранныхъ филантроповъ“. Для „истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ“ Карамзинъ желаетъ имъ „единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средства просвѣщенія, которое одно, одно дѣлаетъ хорошее возможнымъ.“ И опять настойчиво возвращается къ такому положенію, которое ему представляется совершенно правильнымъ: „главное право русскаго дворянина — быть помѣщикомъ: главная должность его—быть добрымъ помѣщикомъ. Кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству, какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху, какъ вѣрный подданный“. Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ, мы легко можемъ убѣдиться въ томъ, что, хотя Карамзинъ и отсталъ отъ своихъ юношескихъ мечтаній по программѣ Руссо и энциклопедистовъ, однакоже, не отказался отъ утопій, въ которыя вѣритъ съ завиднымъ чистосердечіемъ. Одною изъ такихъ любимѣйшихъ утопій его является тѣсная связь между просвѣщеніемъ и нравственностью, и онъ съ особенною настойчивостью доказываетъ ея существованіе, ратуя противъ извѣстнаго положенія Руссо, утверждающаго, будто „науки портятъ нравы, и просвѣщенный XVIII вѣкъ служитъ тому доказательствомъ...“ Опровергая это положеніе доводами исторіи, Карамзинъ въ своей статьѣ — „*Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи*“—обращается и къ той предержащей власти, отъ которой зависитъ распространеніе просвѣщенія въ Россіи, и восклицаетъ:

Мнѣніе о просвѣщеніи.

„Просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія, и когда вы, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны, чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ...“

Казалось бы, что Карамзинъ, судя по замѣчательнымъ словамъ этого отрывка, прямо стоитъ за равенство правъ всѣхъ сословій на просвѣщеніе; но тутъ же рядомъ встрѣчаемъ въ одной изъ статей [1]) „чувствительный анекдотъ“, который спутываетъ наше представленіе о его воззрѣніяхъ на просвѣщеніе, и мы невольно приводимъ себѣ на память извѣстный выводъ одного изъ толкователей Карамзина, который говоритъ: „просвѣщеніе, ведущее къ доброй нравственности, и добрая нравственность, невозможная безъ просвѣщенія—таковъ идеалъ государственнаго развитія и благоустройства“, по мнѣнію Карамзина.

Семейное горе — утрата любимой жены — постигнувшее его среди его блестящей журнальной карьеры, сильно поколебало его энергію и погрузило его въ тяжкую меланхолію; спѣшная и порывистая дѣятельность журналиста показалась ему непосильною: его болѣе, чѣмъ когда-либо, поманило къ уединенію и работѣ надъ большимъ трудомъ, который долженъ былъ составить цѣль всей его жизни. И хотя онъ былъ еще очень далекъ отъ возможности посвятить ему все свое время, махнувъ рукой на матеріальную сторону жизни—однакоже, онъ рѣшился, не затрудняясь этимъ, добыть себѣ средства для осуществленія своего завѣтнаго замысла. Съ этою цѣлью, 28 сентября 1803 года, послѣ бесѣды съ другомъ своимъ И. И. Дмитріевымъ, поддержавшимъ Карамзина въ его намѣреніи—Карамзинъ написалъ письмо къ извѣстному уже намъ воспитателю Александра, М. Н. Муравьеву, постоянно изъявлявшему расположеніе къ его литературной дѣятельности. Письмо написано твердо и съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства:

---

[1]) Въ статьѣ «О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи». Въ ней читаемъ, между прочимъ: «За нѣсколько дней до открытія училища я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены, которая оставила во мнѣ пріятныя впечатлѣнія. Является женщина въ бѣдномъ крестьянскомъ платьѣ, съ двумя мальчиками, также бѣдно одѣтыми; бросается въ ноги къ Губернатору и, подавая ему бумагу, говоритъ: «Вотъ грамота на дворянство моего мужа, который умеръ въ горести и нищетѣ; вотъ дѣти мои — вотъ все, что имѣю. Государь милостивъ: у васъ доброе сердце; сжальтесь надъ моими сиротами. Я умру спокойно, когда они будутъ приняты въ училище». Мальчики въ ту же минуту стали на колѣни, и съ умиленіемъ смотрѣли на Губернатора, который между тѣмъ плакалъ отъ чувствительности—посадилъ мать на стулъ, обнималъ дѣтей ея... и велѣлъ принести для нихъ два ученическіе мундира... Благородныя дѣти (которыя до открытія училища жили у Губернатора), окружили своихъ новыхъ товарищей и смотрѣли на нихъ дико; но услышавъ, что они, *подобно имъ*, *дворяне* и несчастливы своею бѣдностью, бросились цѣловать ихъ и непремѣнно хотѣли раздѣлить съ ними все, что имѣли...» и т. д.

Приступъ къ «Исторіи».

„Будучи весьма небогатъ — такъ пишетъ Карамзинъ Муравьеву—я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы,— однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая, съ нѣкотораго времени, занимаетъ всю мою душу. Теперь слабые глаза мои не позволяютъ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ „Вѣстника". Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы,—но еще не имѣю способовъ жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6,000 рублей дохода. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ, то нельзя ли, при случаѣ, доложить Императору о моемъ намѣреніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія..." При этомъ, въ видѣ помощи отъ правительства, онъ проситъ только того, чтобы его назначили исторіографомъ и обезпечили бы хотя бы профессорскимъ жалованьемъ. „Смѣю думать, — продолжаетъ Карамзинъ: — что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною для таланта" [1]).

Мѣсяцъ спустя, 31 октября 1803 года, состоялся Высочайшій указъ Кабинету и въ немъ значилось между прочимъ: „Такъ какъ извѣстный писатель, Московскаго Университета почетный членъ, Николай Карамзинъ изъявилъ Намъ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной Исторіи отечества нашего, Мы, желая ободрить его въ столь похвальномъ предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ Исторіографа, по двѣ тысячи ежегоднаго пенсіона изъ Кабинета Нашего".

Карамзинъ исторіографъ.

Такимъ образомъ, литературная и журнальная дѣятельность Карамзина закончилась съ послѣднею книжкою „Вѣстника Европы" за 1803 годъ [2]). Въ началѣ 1804 г. Карамзинъ женился на Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской, сводной сестрѣ извѣстнаго нашего поэта. Весь отдавшись выполненію своей громадной задачи, Ка-

[1]) Предложеніе занять каѳедру Русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ было сдѣлано Карамзину въ 1802 году. Позднѣе то же предлагалъ ему Харьковскій университетъ.

[2]) За все остальное время жизни, Карамзинъ только дважды принимался за перо, какъ поэтъ: въ 1806 г. онъ написалъ «Пѣснь воиновъ» (по поводу указа о милиціи) и въ 1814 г. оду: «Освобожденіе Европы и слава Александра I».

Милостивый Государь!

Принявъ съ благоговѣніемъ Знакъ Монаршей Милости, спѣшу изъявить вамъ, какъ ея Исполнителю, сердечную мою признательность Милостивый Государь! я чувствую цѣну того, что вамъ угодно было сдѣлать для меня. Естьли подлинно имѣю какой нибудь талантъ, то отнынѣ еще съ бо́льшею ревностію посвящу его нашему любезному Отечеству, котораго слава неразлучна со славою Монарха. Исторія Россіи будетъ предметомъ усердныхъ трудовъ моихъ. Сколь щастливымъ почту себя, естьли Судьба дозволитъ мнѣ описать, послѣ вѣка Екатерины Великой, и то всеобщее радостное чувство, съ которымъ Россіяне увидѣли на тронѣ Александра, и всѣ ихъ надежды, и щастливое исполненіе сихъ надеждъ!

Съ вѣчною благодарностію и съ истиннымъ высок. почитаніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь!
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
8. Апрѣля, 1801.

Автографъ Н. М. Карамзина. Письмо къ М. Н. Муравьеву. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

рамзинъ почти удалился отъ міра: зимы проводилъ онъ въ Москвѣ, почти никуда не выѣзжая, а лѣтомъ жилъ въ подмосковной тестя своего — знаменитомъ селѣ Остафьевѣ (близъ Подольска). Но зато переписка его съ немногими избранными и близкими друзьями и съ М. Н. Муравьевымъ (1803—1807), принимавшими живѣйшее участіе въ его работѣ, даетъ намъ весьма полное и вполнѣ опредѣленное понятіе о ходѣ ученой работы Карамзина. Въ особенности два лица, бывшія неизмѣнными и усердными помощниками исторіографа въ его великомъ трудѣ,

Домъ въ с. Остафьевѣ (нынѣ принадлежащемъ графу С. Д. Шереметеву), гдѣ Карамзинъ писалъ свою Исторію.

заслуживаютъ истинной признательности потомства; то были: товарищъ министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьевъ, и сынъ извѣстнаго уже намъ И. П. Тургенева (члена Новиковскаго Кружка), *Александръ Ивановичъ Тургеневъ*. Первый изъ нихъ, прежде всего, испросилъ у государя дозволеніе Карамзину пользоваться рукописями монастырскихъ библіотекъ, Московскаго архива иностранной коллегіи и другихъ архивовъ, сверхъ того, добывалъ для Карамзина книги, которыхъ нельзя было найти въ Москвѣ, сближалъ его съ лицами, которыя могли ему содѣйствовать въ трудѣ, и вообще облегчалъ ему трудъ всѣми зависѣвшими отъ

него способами. А. И. Тургеневъ, съ другой стороны, облегчалъ Карамзину сношеніе съ лицами, занимавшимися русской исторіей въ Россіи и за границей; черезъ него сносился Карамзинъ съ академиками *Кругомъ* и *Лербергомъ*, черезъ него получалъ свѣдѣнія о рукописныхъ документахъ и актахъ, важныхъ для Русской исто-

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ.

ріи, хранившихся въ европейскихъ библіотекахъ, черезъ него узнавалъ о новыхъ историческихъ сочиненіяхъ, выходившихъ за границей. Памятникомъ этихъ сношеній осталась весьма любопытная ученая переписка Карамзина съ А. И. Тургеневымъ (1806—1825 гг.).

Далѣе, въ теченіе этой же главы, мы познакомимъ читателей съ ходомъ трудной и сложной работы Карамзина надъ Исторіей Россіи и сущностью его труда, по возможности указавъ на его достоинства и недостатки и на его отношеніе къ предшествую-

М. М. Сперанскій.

щимъ трудамъ. Въ настоящее же время, мы, по необходимости, должны обратиться къ нѣкоторымъ біографическимъ подробностямъ, характеризующимъ личность Карамзина, какъ человѣка и писателя.

Недовольство настоящимъ.

Трудъ, съ которымъ, при первомъ приступѣ къ работѣ, Карамзинъ надѣялся справиться въ пять-шесть лѣтъ, оказался необъятно-громаднымъ, не легко поддающимся даже и его трудолюбію и таланту. Трудъ овладѣлъ имъ, занялъ все его время и вниманіе, сосредоточилъ на себѣ всѣ его умственныя и нравственныя силы, и, незамѣтно для него самого, оказалъ на него подавляющее вліяніе. По мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ изученіе прошлаго, вглядывался въ туманную даль вѣковъ, сближался съ дѣятелями давно-минувшихъ вѣковъ и съ тѣми условіями, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать—это прошлое невольно вынуждало его съ опасеніемъ оглядываться на совершавшуюся передъ его глазами дѣйствительность. А дѣйствительность эта способна была остановить на себѣ вниманіе серьезнаго мыслителя. Съ первыхъ лѣтъ воцаренія Александра, цѣлый рядъ быстрыхъ, почти непрерывно одна за другою слѣдовавшихъ реформъ; потомъ почти такой же непрерывный рядъ войнъ, вызванныхъ вмѣшательствомъ Россіи въ политику намъ чуждую, въ борьбу нѣмецкихъ государствъ съ грознымъ геніемъ, захватившимъ въ свои руки гегемонію надъ всей Европой. И вновь рядъ реформъ, вызванныхъ безпримѣрно-быстрымъ возвышеніемъ новаго любимца государева — Сперанскаго. А рядомъ съ этими реформами, внѣшняя политика, которою многіе изъ патріотовъ—послѣ Тильзитскаго мира—могли и должны были быть недовольны; а такъ какъ эта политика находила себѣ сильную поддержку въ Сперанскомъ, горячемъ поклонникѣ Наполеона (какъ законодателя и администратора), то недовольство патріотовъ обратилось и противъ Сперанскаго. Кружокъ наиболѣе образованныхъ москвичей, во главѣ котораго стоялъ столь извѣстный впослѣдствіи графъ Ѳ. В. Растопчинъ и Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, нашелъ себѣ сочувствіе въ Карамзинѣ, который, горячо привѣтствуя первые шаги Александра по отношенію къ просвѣщенію Россіи, не могъ такъ же относится къ дальнѣйшимъ событіямъ его царствованія. Карамзинъ уже вступилъ въ это время въ возрастъ полной мужской зрѣлости; притомъ онъ помнилъ конецъ царствованія Екатерины, помнилъ сумракъ, наступившій послѣ того, и и невольно пугался слишкомъ быстрыхъ преобразованій Александра. Ему хотѣлось высказать свое недовольство, подать свой голосъ гражданина... Но какъ? Гдѣ? И какъ добиться того, чтобы голосъ его былъ услышанъ Александромъ? Его доброму намѣренію и гражданской рѣшимости помогло знакомство съ великой княгиней *Екатериной Павловной* (въ замужествѣ принцессой Ольденбургской), которая также принадлежала къ кружку лицъ, критически относившихся къ дѣятельности Александра и не расположенныхъ къ Сперанскому. Великая княгиня, женщина умная и

любознательная, часто приглашала Карамзина въ Тверь, гдѣ занималъ служебное положеніе ея супругъ, вела съ Карамзинымъ переписку, и нерѣдко весьма откровенно бесѣдовала съ нимъ о новыхъ реформахъ и учрежденіяхъ, замышляемыхъ въ Петербургѣ. Отчасти по ея желанію, Карамзинымъ была написана и его извѣстная „*Записка о древней и новой Россіи*“, основная мысль которой была изложена Карамзинымъ въ одной изъ его бесѣдъ съ великой княгиней (въ декабрѣ 1811 г.). Карамзинъ и ранѣе этого времени былъ, именно въ Твери, представленъ великой княгинею Александру, который уже зналъ его, по сочиненіямъ; здѣсь же великая княгиня доставила ему случай прочесть государю нѣкоторыя главы изъ его историческаго труда; и здѣсь же, при одномъ изъ проѣздовъ Александра, великая княгиня, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, вручила державному брату Карамзинскую „Записку о древней и новой Россіи...“

Говорять, что вначалѣ государю не понравился рѣзкій и слишкомъ откровенный тонъ „Записки“; но суровая критика дѣятельности Сперанскаго (къ которому, въ глубинѣ души, Александръ начиналъ уже охладѣвать) пришлась кстати: „Записку“ Карамзина государь счелъ за выраженіе мнѣнія огромнаго большинства, и, послѣ прочтенія ея, сталъ сдержаннѣе относиться къ Сперанскому, а къ Карамзину сталъ благоволить и при каждомъ удобномъ случаѣ выказывать ему свое расположеніе [1]). «Записка» Карамзина.

Въ „Запискѣ“ Карамзинъ выказываетъ себя ярымъ, настойчивымъ консерваторомъ. Онъ положительно возстаетъ противъ всякихъ реформъ, несогласныхъ съ духомъ народа, и, не обинуясь, называетъ ихъ насиліемъ. „Духъ народный, — говоритъ онъ:—составляетъ нравственное могущество государства, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ. Онъ есть ничто иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Любовь къ отечеству питается народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Государство можетъ заимствовать отъ другого разныя полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе...“ Такимъ именно насиліемъ, съ этой точки зрѣнія, пришлось признать и реформы Петра Великаго, въ противоположность взгляду, нѣкогда высказанному на тотъ же вопросъ Карамзинымъ.

[1]) Благодаря «Запискѣ» скромное положеніе Карамзина, какъ ученаго и исторіографа, чуть не измѣнилось на весьма вліятельное и видное положеніе государственнаго дѣятеля. Говорятъ, что Александръ предполагалъ назначить Карамзина статсъ-секретаремъ при своей особѣ на время войны съ Наполеономъ, и только по особымъ обстоятельствамъ выборъ его палъ на Шишкова.

юношей въ „Письмахъ Русскаго Путешественника"... „Мы стали гражданами міра, — восклицаетъ Карамзинъ: — но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи..." И затѣмъ (забывая многое и многое) Карамзинъ указываетъ Александру на время Екатерины, какъ „на счастливѣйшее для гражданина Россійскаго"... Переходя къ строгой и несовсѣмъ безпристрастной критикѣ реформъ, произведенныхъ Сперанскимъ, Карамзинъ доходитъ даже до такой крайности, что утверждаетъ, будто бы хорошее гражданское устройство зависитъ не отъ учрежденій, не отъ формы правленія, а исключительно отъ личности правителей, т. е. все сводитъ на свою излюбленную тэму чувства и прекрасныхъ качествъ души.

Погромъ 1812 г. Вскорѣ послѣ того, событія историческія пошли быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Произошелъ никѣмъ не предвидѣнный разрывъ Александра со Сперанскимъ и наступила во многихъ отношеніяхъ памятная и знаменательная эпоха 1812 года, которая и въ жизни Карамзина отозвалась чувствительными потерями и лишеніями. Отъ нашествія французовъ ему пришлось пострадать матеріально, наравнѣ съ другими (подмосковная его жены была разорена и тѣмъ нанесенъ ущербъ его состоянію); его великолѣпная библіотека, которую онъ, по собственному выраженію, собиралъ „цѣлую четверть вѣка"—сгорѣла въ московскомъ пожарѣ. Уцѣлѣли только рукописи, да полный экземпляръ „Исторіи" Карамзина въ двухъ спискахъ, которые, по счастію, хранились въ Остафьевѣ. Послѣдніе мѣсяцы 1812 и первую половину 1813 года Карамзинъ провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Ярославлѣ, куда онъ съ семействомъ укрылся отъ московскаго разоренія. Только уже лѣтомъ 1813 г. онъ вернулся въ Москву, и здѣсь, и въ своей разоренной подмосковной оканчивалъ исторію древняго періода Россіи, до начала XVI вѣка. Къ началу 1816 г. были уже готовы восемь томовъ его „Исторіи", и онъ рѣшился ихъ напечатать прежде окончанія своего огромнаго труда. Къ этому вынуждало его и весьма понятное въ авторѣ такого труда желаніе ознакомить публику съ „Исторіей" и расчеты матеріальные: дѣти требовали воспитанія, а его самого тревожила и будущность семьи, и будущность труда, и накопившіеся долги, вызванные московскимъ погромомъ.

Поѣздка въ Петербургъ. Въ Петербургъ необходимо было ѣхать, чтобы представить свой трудъ государю и печатать его подъ Высочайшимъ покровительствомъ. Въ Петербургъ призывала его милостивыми письмами и вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, предлагая ему готовое помѣщеніе въ Павловскѣ, Царскомъ Селѣ или Гатчинѣ. Высокая покровительница наукъ и литературы, собиравшая около себя постоянный кружокъ лучшихъ русскихъ писателей, особенно желала приблизить къ себѣ Карамзина, чтобы побудить его по-

скорѣе перейти къ описанію „новѣйшаго времени, превосходящаго всѣ прошедшія чудесными происшествіями“. Но, несмотря на всѣ эти знаки благоволенія и вниманія со стороны вдовствующей императрицы и со стороны великой княгини Екатерины Павловны, Карамзинъ, собираясь (въ январѣ 1816 г.) въ Петербургъ, тревожился и опасался за участь своего труда. Недаромъ онъ писалъ въ это время своимъ пріятелямъ: „могу я въ Петербургъ съѣздить и воротиться ни съ чѣмъ... Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа—графъ Аракчеевъ...“

Дворецъ въ Твери, гдѣ Карамзинъ читалъ свою Исторію императору Александру I.

2-го февраля 1816 года Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою восемь томовъ своей „Исторіи“. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ написалъ къ ней предисловіе и посвятительное письмо. Въ Петербургѣ онъ разсчитывалъ пробыть недолго, увѣренный въ томъ, что будетъ вскорѣ принятъ государемъ... Но, вмѣсто того, вынужденъ былъ остаться въ сѣверной столицѣ слишкомъ семь недѣль, и вынесъ изъ этого пребыванія такія тягостныя впечатлѣнія, что впослѣдствіи любилъ называть это пребываніе въ Петербургѣ „петербургской пятидесятницей“... Любопытнымъ и поучительнымъ памятникомъ остались намъ письма Карамзина къ супругѣ его, въ которыхъ онъ описываетъ свою „пятидесятницу“ почти подневно. Тягостною стороною этого пребыванія въ Петербургѣ было для Карамзина именно то рѣзкое противорѣчіе между ласковымъ, привѣтливымъ пріемомъ при Дворѣ императрицъ—Маріи Θеодоровны и Елисаветы Алексѣевны **Столичныя невзгоды.**

и холоднымъ, сухимъ, почти суровымъ невниманіемъ, которое Карамзинъ встрѣтилъ при Дворѣ самого государя. Оказалось, что доступъ къ Александру могъ быть открытъ только всесильнымъ графомъ Аракчеевымъ, и къ нему-то направляли исторіографа всѣ его доброжелатели и вообще люди, близко знакомые съ современнымъ теченіемъ дѣлъ. Карамзинъ возмущался этимъ неизбѣжнымъ условіемъ и не хотѣлъ дѣлать визита къ могущественному любимцу, отзываясь тѣмъ, что онъ *„съ графомъ незнакомъ“* и *„къ незнакомымъ людямъ не ѣздитъ на поклонъ“*. И женѣ своей онъ пишетъ также, намекая на это обстоятельство: „не хочу презирать себя...“ „не сдѣлаю ничего непристойнаго“. А между тѣмъ молчаніе государя и какъ бы забвеніе, въ которомъ онъ оставлялъ Карамзина, начинало сильно тревожить исторіографа. „Что будетъ далѣе, не знаю,—пишетъ онъ женѣ:—но знаю, что 10 марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ...“ Но послѣ этого прошло еще двѣ недѣли и государь не назначалъ Карамзину аудіенціи... А подъ рукою разные кліенты графа Аракчеева намекали Карамзину, что безъ воли графа онъ не будетъ принятъ государемъ, не будутъ ему выданы и столь необходимыя ему средства на печатаніе „Исторіи“... И Карамзинъ все еще старался сохранить свое достоинство, все еще бодрился; въ письмахъ къ женѣ находимъ такія мѣста: „могу ли я, имѣя извѣстный тебѣ характеръ, ѣхать къ незнакомому мнѣ фавориту? Это было бы нахально и глупо съ моей стороны“. Или въ другомъ: „видишь, что мужъ твой Гуронъ—не поѣхалъ къ графу Аракчееву и не воспользовался его благорасположеніемъ“. Еще 2-го марта онъ пишетъ въ Москву: „если не удостоютъ меня лицезрѣнія, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу не противная гордость; продадимъ деревню и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ“.

Милости государя. Но настало и 10-е марта—день, назначенный для отъѣзда,—а объ аудіенціи ни слуху, ни духу. Пришлось покориться неизбѣжной необходимости: Карамзинъ отвезъ карточку графу Аракчееву и на третій день былъ отъ него удостоенъ приглашеніемъ. Тяжело читать въ послѣдующихъ письмахъ Карамзина, какъ онъ старается извинить и оправдать свой шагъ и даже пишетъ женѣ, что онъ нашелъ въ Аракчеевѣ „человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами...“ Но, какъ бы то ни было, а декорація тотчасъ же перемѣнилась. На другой же день, послѣ пріема у графа Аракчеева, Карамзинъ получилъ приглашеніе отъ государя, былъ тотчасъ принятъ, обласканъ, осыпанъ милостями... Всѣ его желанія были исполнены; „все принято,—пишетъ онъ женѣ:—даже какъ нельзя лучше: на печатаніе 60.000 р. и чинъ

Вдовствующая императрица Марія Феодоровна, супруга Павла I.

мнѣ принадлежащій по закону; печатать здѣсь, въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ" и т. д. Сверхъ того, Карамзинъ сообщаетъ: „Государь пожаловалъ мнѣ еще Анненскую ленту черезъ плечо и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ". Вполнѣ достовѣрный свидѣтель поясняетъ намъ смыслъ этихъ послѣднихъ словъ Карамзина: государь, награждая его, замѣтилъ съ особенною выразительностью, что жалуетъ ленту „не за Исторію, а за Записку".

«Исторія» напечатана. Въ томъ же году Карамзинъ переселился съ семьею изъ Москвы въ Петербургъ и принялся за печатаніе „Исторіи", которое длилось почти два года. Только уже въ 1818 году онъ могъ поднести государю полный экземпляръ „Исторіи Государства Россійскаго". Успѣхъ книги былъ необычайный: менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ распроданы были 3000 экземпляровъ и потребовалось новое изданіе, которое книгопродавецъ Слёнинъ купилъ у Карамзина за 50.000 р. Печатаніе этого второго изданія опять удержало Карамзина въ Петербургѣ, противъ всякаго его желанія, такъ какъ всѣ помыслы и всѣ привязанности влекли его въ Москву. „Москва у меня въ сердцѣ,—пишетъ онъ Малиновскому:—кажется, что мнѣ лучше провести остатокъ жизни тамъ же, гдѣ я провелъ молодость, въ любви семейственной и дружеской... Чувствую, что я не созданъ для здѣшней жизни и что мнѣ оставалось бы доживать свой вѣкъ въ уединеніи, съ вами, моими друзьями московскими".

Между тѣмъ Карамзина необычайно ласкали при Дворѣ; всѣ наперерывъ старались выказать къ нему пріязнь и вниманіе. На лѣто ему былъ отведенъ особый домикъ въ такъ-называемой Китайской деревнѣ, въ Царскосельскомъ паркѣ, и почти ежедневно ему приходилось встрѣчаться съ государемъ въ большой аллеѣ Царскосельскаго сада и въ этомъ „зеленомъ кабинетѣ" (по выраженію государя) Александръ иногда проводилъ цѣлые часы въ откровенной бесѣдѣ съ исторіографомъ. Безкорыстіе [1]) Карамзина, который ничего для себя не искалъ и не просилъ, внушало къ нему довѣріе со стороны государя и давало ему право быть искреннимъ въ выраженіи своихъ мнѣній [2]); онъ пользовался

[1]) Карамзину, въ послѣдніе годы жизни, неоднократно былъ предлагаемъ постъ министра народнаго просвѣщенія, но онъ каждый разъ отъ него отказывался.

[2]) Мнѣнія высказывались откровенно и прямо, но, по собственному признанію Карамзина, нимало не вліяли на рѣшенія государя. «Я не безмолвствовалъ, — говоритъ онъ: — о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затмѣнія (при министрѣ Шишковѣ), о необходимости уменьшить войско, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные». Въ 1819 г., когда Александръ склонился къ мысли о возстановленіи Польши «во всей ея цѣлости», Карамзинъ *со слезами* умолялъ его этого не дѣлать и подалъ ему записку, которую назвалъ «Мнѣніемъ Русскаго Гражданина».

44

Сердечно благодарю
Василій Назарьевичъ, за
леніе мнѣ двухъ рукопи
и за милое, сочувствіе
Вашего всегдашняго добро
нія. Рукописи немедлен
нихъ а не нашелъ ничего
где прошло лѣтъ 15, по
читаніе Вашей рѣчи сд
нибудь неудовольствіе. Я
самъ прислалъ ее
Вѣстника. / Мнѣ должно
Министръ обѣ изданія
торые одобряется тоже
Государю, т. е. Зам
Воронцевыхъ. Я
въ этомъ въ Новой
саніе Архитектуры
же планъ принятъ и
Архитектора

Письмо Н. М. Карамзина к
Оригиналъ находится въ собраніи ав

своею близостью къ Александру только для того, чтобы ходатайствовать о другихъ. Эти знаменательныя отношенія между государемъ и подданнымъ держали Карамзина какъ бы въ обязательномъ приближеніи ко Двору, хотя онъ и постоянно мечталъ объ удаленіи на остатокъ дней своихъ въ свое московское уединеніе. Государь былъ постоянно самъ цензоромъ его „Исторіи" при печатаніи послѣднихъ томовъ; онъ читалъ „Исторію" и въ дорогѣ, при переѣздахъ по Россіи, и за границей, куда вслѣдъ за нимъ были отправляемы листы ея; первыя главы XII тома были читаны государемъ въ Таганрогѣ, незадолго до смерти, которая тяжело потрясла Карамзина, также изнемогавшаго подъ бременемъ нравственнаго утомленія и разныхъ недуговъ. Заканчивая XII томъ, онъ какъ бы предчувствовалъ уже приближеніе и своего конца, потому что писалъ къ неизмѣнному другу своему, И. И. Дмитріеву: „Списываю вторую главу Шуйскаго: еще главы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, но съ движеніемъ руки навстрѣчу потомству, ласковому или спѣсивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить съ нѣкоторою полнотою духа, правотою сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь удара. Но, да будетъ воля Божія".

Карамзинъ угадалъ: онъ „не доплылъ до берега и захлебнулся съ перомъ въ рукѣ"... На половинѣ V главы XII тома, при описаніи внутренняго состоянія Россіи послѣ убіенія Годунова, рука исторіографа еще начертала слова: „Тихвинъ, Ладога сдалися генералу Делагарди на условіяхъ новогородскихъ; *Орѣшекъ не сдавался*..." И затѣмъ онъ почилъ отъ трудовъ:—эти слова были его послѣдними словами, написанными на страницахъ Исторіи...

Послѣдніе годы жизни.

Для полноты нашего разсказа о послѣднихъ годахъ жизни Карамзина, добавимъ, что онъ умиралъ, успокоенный относительно будущаго своей семьи. Милостивый рескриптъ императора Николая I [1]), чрезвычайно внимательнаго и признательнаго по отношенію къ Карамзину, сопровождался указомъ, по которому исторіографу и его семьѣ приказано было производить ежегодную пенсію въ 50.000 р. Вотъ что должно было служить угасающему

[1]) Этотъ рескриптъ, самъ по себѣ, представляетъ въ такой степени важный историческій документъ, что мы считаемъ своимъ долгомъ привести его здѣсь цѣликомъ:

«Николай Михайловичъ.

Разстроенное здоровье Ваше принуждаетъ Васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для Васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъявить Вамъ мое искреннее желаніе, чтобы Вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ (продолженіе на стр. 362)

Карамзину утѣшеніемъ и одобреніемъ. Императоръ Николай простеръ свою заботливость о немъ до такой степени, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни далъ ему помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ и приказалъ приготовить военный корабль, который долженъ былъ везти больного исторіографа въ Италію, куда его посылали врачи, ради исцѣленія его недуга. Но всѣ эти заботы и вниманіе уже не могли возстановить угасавшія силы Карамзина: онъ не дожилъ до дня, назначеннаго для отъѣзда за границу, и скончался 22 мая 1826 года.

„Чтобы чувствовать всю сладость жизни — писалъ онъ И. И. Дмитріеву незадолто до кончины—надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ Отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятивъ здѣсь способности ума авторству“.

Могила Карамзина находится на кладбищѣ Александро-Невской лавры; вдохновенный поэтъ, преклоняясь передъ памятью Карамзина, какъ писателя и гражданина, воспѣлъ эту могилу съ нѣкоторымъ, впрочемъ весьма понятнымъ, поэтическимъ гиперболизмомъ:

«Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы,
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будетъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя—Карамзинъ».

Въ 1845 году, въ Симбирскѣ — на родинѣ Карамзина—ему былъ воздвигнутъ памятникъ, довольно неудачный по замыслу и довольно жалкій по исполненію.

Предшественники Карамзина.

Ознакомивъ читателей съ исторіей Карамзинскаго труда—и любопытной, и назидательной—мы должны, въ настоящее время, перейти къ общему обзору самаго труда и указать на отношеніе его „Исторіи“ къ предшествующимъ историческимъ трудамъ, съ которыми мы уже нѣсколько знакомы.

Мы уже видѣли выше, что̀ предшествовало Карамзину въ области серьезнаго изученія Русской Исторіи: труды Татищева, Байера, Мюллера, Щербатова и Болтина, отчасти Стриттера и Шлецера.

Вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя Самого, и за Россію изъявляю Вамъ признательность, которую Вы заслуживаете и своею жизнію, какъ гражданинъ, и своими трудами, какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ Вамъ: «Русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, Вами написанная, достойна Русскаго народа». Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ найдете Вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было Вамъ полезно и чтобы оно возстановило Ваши силы для довершенія главнаго дѣла Вашей жизни.

Николай.»

Каждый изъ нихъ нѣчто сдѣлалъ и внесъ свою посильную лепту въ изученіе историческаго матеріала—одинъ болѣе, другой менѣе—а Татищевъ и Щербатовъ пытались даже создать нѣчто въ родѣ плавнаго историческаго разсказа на основаніи имъ извѣстнаго и имъ доступнаго матеріала. Трудъ Татищева представляетъ собою не болѣе, какъ сводную лѣтопись, доведенную авторомъ до смерти царя Θеодора Іоанновича; примѣчанія къ ней не имѣютъ научнаго значенія: они скорѣе любопытны, нежели важны, по указаніямъ автора на нравы и обычаи XVII и XVIII вѣковъ, о которыхъ воспоминанія уцѣлѣли въ его памяти. Трудъ князя Щербатова является первымъ опытомъ связнаго, прагматическаго изложенія фактовъ Русской Исторіи, доведенной до временъ царя Михаила Θеодоровича. Изъ предыдущаго, мы уже знаемъ, какимъ отсутствіемъ критики и какимъ произволомъ въ объясненіи событій страдаетъ трудъ князя Щербатова.

Трудъ Карамзина.

Историческій трудъ Карамзина ничего не имѣетъ общаго съ этими предшествующими трудами, ни по замыслу, ни по той подготовкѣ, съ которою приступилъ къ нему авторъ. Одинъ изъ біографовъ Карамзина замѣчаетъ, что, отдаваясь занятіямъ „Исторіею", Карамзинъ относился къ этому дѣлу какъ литераторъ и художникъ: „онъ хотѣлъ, прежде всего, сочинить занимательную книгу для чтенія; онъ хотѣлъ развернуть пріятную, поразительную картину передъ взорами своихъ читателей; распространить въ обществѣ, въ народѣ историческія свѣдѣнія, доступныя прежде только для немногихъ. Учености у него не было въ виду. Онъ надѣялся управиться при одномъ здравомъ смыслѣ, живости воображенія, при талантѣ краснорѣчія"... „О дѣлѣ исторіи, особенно въ отношеніи къ приготовительнымъ историческимъ работамъ, Карамзинъ имѣлъ понятія очень поверхностныя; классическаго образованія онъ не получилъ и даже собственно ученой подготовки у него не было". Но когда онъ сошелся лицомъ къ лицу со своей необъятно-громадной задачей, тогда онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ первоначальнаго чисто-литературнаго отношенія къ ней, и прежде всего занялся многостороннею, критическою, чисто-ученою разработкою историческаго матеріала. Громадною заслугою Карамзина, какъ историка, является именно то, что онъ подавилъ въ себѣ художника и съ изумительною добросовѣстностью принялся за утомительную работу кропотливаго ученаго, которую и выполнилъ блистательно, пренебрегая затратою силъ, не щадя никакихъ трудовъ для разысканія истины. Прежде чѣмъ написать одну главу своей „Исторіи", онъ долженъ былъ перебрать горы матеріала, который, въ довершеніе всего, ему же приходилось критически провѣрить, подвергнуть всевозможнымъ сличеніямъ, уяснить себѣ въ хронологическомъ

и другихъ отношеніяхъ. Одновременно ему приходилось быть и палеографомъ, и филологомъ, и археологомъ, и географомъ, потому что русская историческая наука вовсе не была разработана въ частностяхъ, а тексты памятниковъ, изданные въ свѣтъ, были обезображены множествомъ ошибокъ, пропусковъ и всякой путаницей. Прежде, чѣмъ пользоваться однимъ изъ этихъ памятниковъ, приходилось прибѣгать къ его рукописному оригиналу, сличать главный списокъ съ варіантами и т. д. Путемъ этой тяжкой, долгой и чрезвычайно-мелочной работы создались тѣ монументальныя „Примѣчанія“ къ „Исторіи“ Карамзина, которыя такъ его пугали [1]), и которыя, въ сущности, составляютъ его величайшую заслугу. А въ какой степени ему приходилось для этой работы „вооружаться терпѣніемъ“, видно изъ того, что послѣ 6 лѣтъ усидчивой работы, въ сентябрѣ 1809 г., онъ писалъ Дмитріеву: „въ нынѣшній годъ почти совсѣмъ не подвинулся впередъ—описалъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донского“. Громадныя „Примѣчанія“ эти даютъ намъ полное понятіе обо всемъ кругѣ памятниковъ, которые были доступны Карамзину и, сверхъ того, имѣютъ еще и особую цѣну: нѣкоторые изъ памятниковъ, которыми Карамзинъ пользовался, погибли безслѣдно, вслѣдствіе чего самыя „Примѣчанія“ его пріобрѣли значеніе первоисточника.

„Исторія Государства Россійскаго“, въ настоящее время пережившая уже по меньшей мѣрѣ три поколѣнія ученыхъ критиковъ, давно уже разработана и разсмотрѣна ими во всѣхъ подробностяхъ и оцѣнена со всѣхъ сторонъ. Она всѣхъ поразила громадностью положеннаго на нее труда и цѣльностью впечатлѣнія, которое она производитъ на всѣхъ своими высокими литературными достоинствами. Но далеко не всѣхъ „Исторія“ Карамзина удовлетворила, какъ исторія Россіи... „Появленіе этой книги, — такъ разсказываетъ Пушкинъ въ своихъ „Запискахъ“,— надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ: Древняя Россія, которая была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили, хотя многіе толки были такого свойства, что могли бы отучить отъ охоты къ славѣ“...

Многіе были справедливо недовольны предвзятостью того

---

[1]) «Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ — пишетъ Карамзинъ— устрашаетъ меня самого. Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, очищены критикою, то намъ оставалось бы единственно только ссылаться; но когда большая ихъ часть въ рукописяхъ, въ темнотѣ, когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено—надобно вооружиться терпѣніемъ.»

натянутаго догматизма, который былъ положенъ въ основу плана всего труда. „Русь основалась единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась единодержавіемъ“, вотъ основная идея, подъ которую пріурочены всѣ факты [1]). Потому и самой исторіи дано названіе „Исторіи Государства Россійскаго“, потому и „государство“ приходится Карамзину находить въ древней Руси не только при Ярославѣ Мудромъ и Владимірѣ Равноапостольномъ, но даже и при Рюрикѣ. Другимъ укоромъ, и тоже весьма основательнымъ, было то, что Карамзинъ, произнося свой судъ надъ историческими личностями, постоянно имѣлъ въ виду только одни ихъ нравственныя качества, и, равняя ихъ въ этомъ отношеніи со своими современниками, примѣняя къ нимъ требованія своего времени, требовалъ отъ нихъ, прежде всего, чувства, даже нѣжной чувствительности. Въ этомъ случаѣ, онъ прямо заплатилъ дань той сентиментальной школѣ, къ которой въ юности принадлежалъ, какъ писатель. Притомъ, понятіе о нравственности не есть понятіе строго-опредѣленное; идеалы нравственности, въ разные вѣка и у разныхъ народовъ, бываютъ не только различными, но даже и прямо противоположными, а потому и сужденіе объ историческихъ личностяхъ, на пространствѣ отъ IX по XVII вѣка, основанное на одномъ, произвольно избранномъ идеалѣ, должно было привести автора къ выводамъ совершенно неправильнымъ, невѣрнымъ и крайне-одностороннимъ. Многія историческія личности, благодаря такому воззрѣнію Карамзина, совершенно утратили всякій живой колоритъ и явились какими-то отвлеченными олицетвореніями извѣстныхъ качествъ; а другія предстали потомству чудовищами, напоминающими злодѣевъ нашей ложно-классической трагедіи.

Гораздо выше историческаго значенія труда Карамзина является его литературное значеніе. По общему отзыву всѣхъ критиковъ, приступавшихъ къ разбору „Исторіи Государства Россійскаго“ съ различныхъ сторонъ, Карамзинъ признается великимъ художникомъ и мастеромъ въ возсозданіи нашего прошлаго. Его „Исторія“—это рядъ превосходно-написанныхъ картинъ, которыя всѣмъ доступны и всѣмъ понятны, которыя невольно приманиваютъ къ себѣ читателя, увлекаютъ его и приковывая къ себѣ его вниманіе,—незамѣтно вводятъ его въ глубь вѣковъ. Даже и теперь, когда языкъ Карамзина является для насъ уже нѣсколько обветшалымъ, искусственнымъ и высокопарнымъ, его „Исторія“ производитъ на насъ (особенно въ молодости) сильное, обаятельное впечатлѣніе; но въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, въ средѣ ближайшихъ современниковъ Карамзина, она поражала

[1]) Эта формула, собственно говоря, находится въ «Запискѣ о древней и новой Россіи»—но вся «Исторія Государства Россійскаго» есть ничто иное, какъ развитіе ея.

своими красотами и вызывала безусловное преклоненіе передъ геніемъ историка-художника. Даже такой сильный умъ, какъ Пушкинъ, поддался этому общему настроенію, и, вдохновленный художественно-созданными образами Карамзина, принялъ ихъ въ основу своего творчества, не дерзнувъ примѣнить къ нимъ никакой критики.

Н. М. Карамзинъ, въ то время, когда онъ кончалъ свой историческій трудъ.

Языкъ и слогъ «Исторіи».

Въ значительной степени обаянію „Исторіи Государства Россійскаго“ способствовалъ языкъ, которымъ Карамзинъ изложилъ свой трудъ—языкъ, доведенный уже до весьма значительной степени совершенства. Насколько въ прежнихъ сочиненіяхъ Карамзина онъ отличался тѣмъ, что его современники называли *пріятностью*, т. е. легкостью, мягкостью въ оборотахъ и выраженіяхъ, благозвучіемъ въ послѣдовательномъ теченіи и развитіи фразы; настолько же въ „Исторіи“ онъ является строгимъ, мужественнымъ и величавымъ. Иностранныя слова, столь неуклюже усво-

енныя русской рѣчи въ современной прозѣ, совершенно отвергнуты Карамзинымъ въ языкѣ его „Исторіи“; многія изъ нихъ весьма искусно замѣнены соотвѣтствующими русскими словами. Сверхъ того, въ современный русскій языкъ внесено много старинныхъ реченій и словъ, много оборотовъ и сильныхъ выраженій, заимствованныхъ прямо изъ живого знакомства съ языкомъ лѣтописей, грамотъ и актовъ. Все это вставлено въ рѣчь, примѣнено и прилажено къ общему характеру слога такъ искусно, что ничуть не нарушаетъ общей гармоніи языка и не рѣжетъ слуха, подобно тѣмъ славянизмамъ, которыми старая литературная школа старалась украсить строй высокаго штиля. Каждая фраза закончена и отдѣлана тщательно—словно отчеканена; каждый періодъ представляетъ собою отдѣльное цѣлое, построенное совершенно правильно, съ соблюденіемъ повышенія и пониженія не только въ сопоставленіи частей періода, но, кажется, даже въ самомъ сопоставленіи словъ и звуковъ. Эта правильность въ постройкѣ періодовъ, подъ конецъ, даже утомляетъ читателя и дѣйствуетъ на него нѣсколько удручающимъ образомъ, особенно благодаря часто-повторяющимся дактилическимъ окончаніямъ періодовъ и однообразной постановкѣ прилагательныхъ позади существительныхъ, вовсе несвойственной русскому языку. Современнаго намъ читателя, избалованнаго простотою литературной рѣчи (даже и въ историческомъ изложеніи), которая ввелась во всеобщее употребленіе въ послѣдніе полвѣка, поражаетъ именно эта искусственная настроенность Карамзинской прозы въ

Памятникъ Карамзину, на родинѣ его, въ Симбирскѣ.

его „Исторіи“, эти частые ея переходы къ ораторскому паѳосу, этотъ постоянный риторизмъ и гиперболизмъ всѣхъ отзывовъ о лицахъ и всѣхъ характеристикъ... Но, несмотря на всѣ эти недостатки, въ которыхъ можно видѣть не болѣе, какъ дань современнымъ воззрѣніямъ на значеніе Исторіи и современнымъ понятіямъ о слогѣ исторической прозы, „Исторія Государства Россійскаго“ остается памятникомъ замѣчательнымъ и, можетъ-быть, единственнымъ въ своемъ родѣ. Для созданія этого памятника крупный, добросовѣстный и проницательный ученый соединился съ сильнымъ энергическимъ художникомъ, и подъ ихъ обоюднымъ вліяніемъ, при ихъ обоюдномъ содѣйствіи, создалось разомъ полное, цѣльное, рельефное представленіе о нашемъ историческомъ прошломъ, не совсѣмъ вѣрное и не совсѣмъ ясное въ подробностяхъ, но поражающее насъ величіемъ и обширностью открывающейся передъ нами картины... Пушкинъ былъ правъ, сказавъ, что Карамзинъ „открылъ древнюю Россію, какъ Колумбъ Америку“. Карамзинъ, дѣйствительно, первый изъ русскихъ историковъ, который не только облегчилъ всѣмъ доступъ къ нашей родной старинѣ, но еще и увлекъ къ ея изслѣдованію, заставилъ не только полюбить ее, но и научилъ относиться къ ней разумно и осторожно.

Карамзину, какъ наиболѣе крупному и выдающемуся литературному дѣятелю эпохи конца XVIII и начала XIX вѣка, приписывалась многими какая-то особая реформа въ языкѣ литературномъ, и отъ него вело начало нашей новѣйшей прозы. Надо однакоже замѣтить, что Карамзинъ, ни по образованію, ни по природной склонности, не былъ филологомъ, не занимался языкомъ теоретически и никогда не задавался никакими общими вопросами по языку и слогу. Для насъ представляется даже весьма сомнительнымъ предположеніе, будто бы Карамзинъ могъ дѣйствительно задумываться надъ строемъ фразы, надъ выборомъ той или другой ея конструкціи, надъ сознательнымъ внесеніемъ въ литературный языкъ того или другого запаса словъ. Все это дѣлалось непроизвольно, вырабатывалось путемъ практическаго употребленія и окончательно усваивалось литературной рѣчью, проходя черезъ строгую провѣрку высокоразвитаго Карамзинскаго изящнаго вкуса и такта. Выше мы уже упоминали о томъ мнѣніи, которое высказалъ академикъ Тихонравовъ о такъ-называемой Карамзинской реформѣ нашего литературнаго языка; опираясь на мнѣніе И. Ѳ. Тимковскаго (современника Карамзина), Тихонравовъ говоритъ: „въ школѣ Новикова начался новый литературный языкъ, созданіе котораго относятъ обыкновенно къ одному Карамзину, тогда какъ самъ онъ воспитывался въ школѣ переводчиковъ Новикова...“ Основываясь на этомъ, почтенный ака-

„Истор:

Василий п
по бегъ всяких
которые наложи
Заслуживающий о Дим
Византиец и и
въ талант
Был великодушный
племянник
иначе пустил
Ифигения,

Аналектах Куприяна
14 и стр.
77

оказали мужество [illegible] сыновъ.
[illegible] взятие Казани
[illegible] бережно къ [illegible]
о [illegible] берегахъ отъ [illegible]
наши Казанские Татары,
[illegible]
[illegible]
Е Дмитрий [illegible] Донской [illegible] за-
сядали [illegible] государей [illegible] и Казани [illegible]
печальной России [illegible]
[illegible] но
Магмедъ-Аминъ [illegible] и [illegible]
[illegible], или [illegible]
предковъ, или [illegible]
подданства, где ныне Великий Князь
будетъ [illegible]
[illegible]
родина [illegible]
[illegible]
Государь [illegible] онъ писалъ
къ Государю весьма почтительно,
[illegible] и движения
[illegible] Василий, [illegible]
освобождение нашего посла, Михаила
Пушкина, [illegible]
[illegible] Ра-
хвалился съ нимъ Россиянами:
[illegible]
[illegible] и [illegible] России:
[illegible] Магмедъ-Аминъ [illegible]

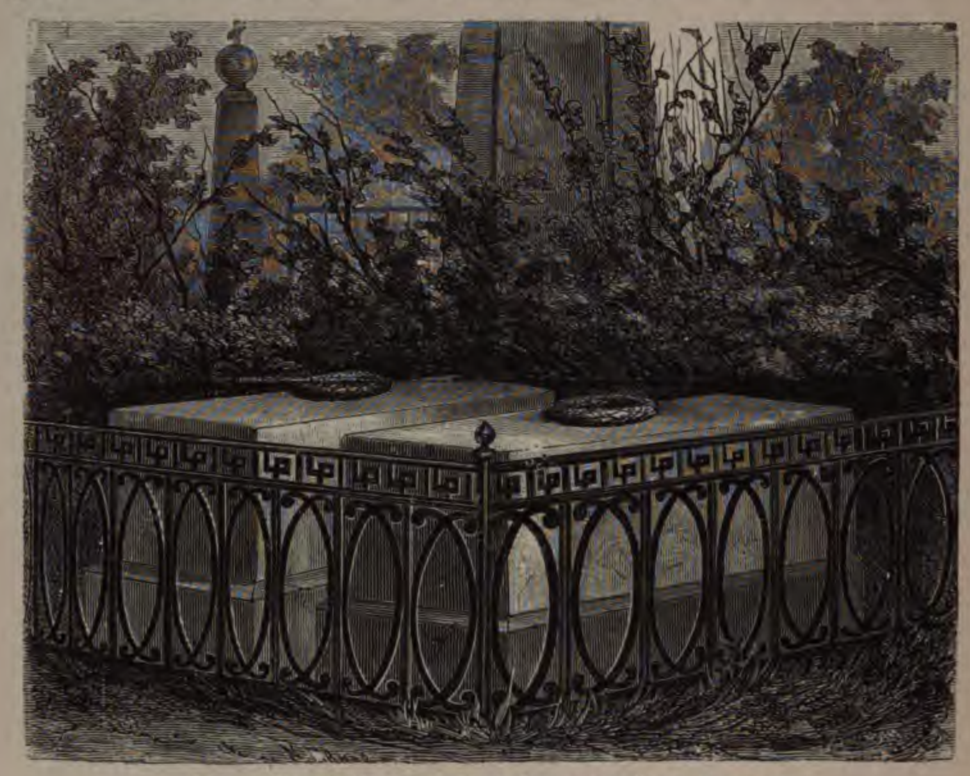
демикъ доказываетъ, что даже и языкъ „Писемъ Русскаго Путешественника" былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ близкихъ отношеній Карамзина къ тому кружку, который группировался вокругъ Новикова и его сотрудниковъ и проявлялъ свою дѣятельность въ массѣ издаваемаго Новиковымъ оригинальнаго и переводнаго матеріала.

Барельефы на памятникѣ въ Симбирскѣ. Карамзинъ, читающій Исторію Александру I.

Но скромная работа безыменныхъ сотрудниковъ Новикова, упорная и постоянная въ теченіе многихъ лѣтъ, могла не обратить на себя вниманія и должна была бы пройти незамѣченною, пока изъ этой литературной лабораторіи не выработался и не вышелъ на свѣтъ Божій такой крупный дѣятель, какъ Карамзинъ. Всѣ пришли въ восторгъ отъ первыхъ его произведеній — отъ „Писемъ Русскаго Путешественника", отъ повѣстей и очерковъ; всѣ восхищались его легкой, гармонической прозой, его простымъ, незамысловатымъ стихомъ—и всѣ изумлялись *его* языку, который, по сравненію съ классиками поэзіи и прозы, представлялся чѣмъ-то удивительно понятнымъ, доступнымъ и привлекательнымъ. „Онъ пишетъ почти такъ, какъ мы говоримъ", отзывались всѣ о молодомъ авторѣ, хотя и понимали, что

Другой барельефъ, тамъ же: Карамзинъ на смертномъ одрѣ.

языкъ молодого автора очень далекъ отъ разговорнаго и очень много заключаетъ въ себѣ искусственнаго и манернаго. Никому, конечно, и въ голову не приходило, что языкъ Карамзина не ему исключительно принадлежитъ—не родился во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера,—что этотъ языкъ постепенно выработался въ извѣстномъ литературномъ кружкѣ, въ теченіе по-



Могила Карамзина на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

слѣдняго двадцатилѣтія, и что Карамзинъ, одинъ изъ членовъ этого кружка, только сумѣлъ дать блистательное примѣненіе этому языку въ талантливыхъ своихъ произведеніяхъ, которыя всѣмъ нравились и всѣмъ кружили голову. Но Карамзинъ, въ особенности, долженъ былъ представиться творцомъ своего литературнаго языка именно тогда, когда его окружила масса поклонниковъ и подражателей, которые, не отличаясь особеннымъ талантомъ, подражали такъ усердно, что иногда доводили нѣкоторыя крайности и неловкости Карамзинскаго способа выраженія до полнаго абсурда. Карамзинъ былъ далеко выше ихъ и казался всѣмъ главою, руководителемъ этой меньшой братіи, прославлявшей его и слѣпо подражавшей ему, не обладая его талантомъ. Такое значеніе Карамзина еще болѣе утвердилось, еще болѣе возвысилось, послѣ его добровольнаго удаленія отъ литературы и „постриженія" въ историки [1]); а послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ

[1]) Это мѣткое выраженіе принадлежитъ князю П. А. Вяземскому.

восьми томовъ „Исторіи“ значеніе Карамзина, какъ законодателя и творца новѣйшаго русскаго литературнаго языка, стало уже непреложнымъ закономъ и неопровержимой истиной.

По поводу именно этого значенія, еще съ самаго выступленія Карамзина на литературное поприще, у него явились противники, съ крайнимъ недоброжелательствомъ и страстною враждебностью нападавшіе на него лично, и какъ на автора, и какъ на руководителя школы молодыхъ писателей, будто бы искажавшихъ русскій литературный языкъ. Нападавшіе были ярыми приверженцами старой литературной школы, поклонниками русскаго классицизма, въ лицѣ такихъ писателей, какъ Ломоносовъ и Сумароковъ, поклонниками отживавшей свой вѣкъ „теоріи о трехъ штиляхъ“ и церковно-славянской основы, будто бы придававшей красоту и благородство русскому книжному и литературному языку. Споръ завязался между этими сторонниками старины и приверженцами Карамзина надолго—упорный и ожесточенный; самъ Карамзинъ съ большимъ достоинствомъ и выдержкой оставался въ сторонѣ отъ этой полемики, но впослѣдствіи, избранный въ члены Россійской Академіи (послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи“), высказалъ много правдивыхъ и вѣрныхъ мыслей по поводу долго длившагося спора въ своей рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Академіи (5 декабря 1818 г.).

Виньетка Александровскаго времени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Различныя литературныя направленія и вѣянія въ русской литературѣ начала XIX вѣка.—Карамзинисты и Шишковисты.—Преслѣдованіе французовъ и патріоты.—Патріотическая литература.—Либералисты и мистики.

„Старое старѣется, а молодое растетъ"—вѣчная непреложная истина, одинаково примѣнимая ко всѣмъ вѣкамъ и ко всѣмъ поколѣніямъ. Начало девятнадцатаго вѣка и начало Александроваго царствованія, какъ разъ совпали съ такимъ періодомъ нашей литературы, въ который новое, молодое поколѣніе писателей побѣдоносно прокладывало себѣ дорогу, а старое отступало передъ нимъ, упорно отстаивая свои права на славу и уваженіе въ потомствѣ и брюзгливо осуждая и порицая то, что казалось ему черезчуръ смѣлымъ новшествомъ или слишкомъ большимъ неуваженіемъ къ традиціямъ прошлаго. И все то, что могло хотя сколько-нибудь причислить себя къ области литературы, считало своимъ долгомъ непремѣнно стать подъ знамена той или другой, молодой или старой партіи, группируясь съ одной стороны около Карамзина и Дмитріева, а съ другой—около Шишкова и Державина. Само собой разумѣется, что на той и на другой сторонѣ, одинаково, были люди разныхъ возрастовъ: и молодые писатели на сторонѣ старой школы, и весьма пожилые—на сторонѣ молодой. Такъ мы видимъ, напр., князя Шаликова (человѣка весьма пожилого) однимъ изъ самыхъ страстныхъ поклонниковъ Карамзинскаго сентиментализма, и князя Горчакова (очень молодого писателя) на сторонѣ Шишкова и его воззрѣній. Однакоже значительное большинство наиболѣе талантливыхъ дѣятелей нашей литературы конца XVIII и начала XIX вѣка стояло на сторонѣ литературныхъ воззрѣній и слога Карамзина. Здѣсь видимъ мы Дашкова, П. Макарова, Каменева, Подшивалова, Беницкаго, Измайловыхъ (В. и А.), Каченовскаго, В. Панаева, Милонова, Воейкова, Озерова, Жуковскаго, Батюшкова и кн. Вяземскаго. Среди этого поколѣнія писателей новой школы развился и выросъ впослѣдствіи геніальнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ — А. Пушкинъ [1]). Одинъ изъ весьма умныхъ и образованныхъ журналистовъ начала нынѣшняго вѣка наглядно выяснилъ намъ причины литературнаго успѣха Карамзина и его вліянія на современниковъ:

„Обстоятельства эпохи, въ которую явился Карамзинъ, — говоритъ журналистъ, по поводу выхода въ свѣтъ перваго изданія сочиненій Карамзина:—довели общество въ Петербургѣ и Москвѣ до утонченія идей, искусствъ и образа жизни. Недоставало только

[1]) Къ тому же кружку принадлежалъ и дядя Пушкина, Василій Львовичъ Пушкинъ, извѣстный въ своемъ кружкѣ острякъ и стихотворецъ.

языка, ближайшаго къ тону разговора и общества, къ новымъ понятіямъ вѣка къ новой вѣжливости нравовъ, котораго легкая пріятность могла бы побѣдить въ свѣтскихъ людяхъ (а особливо въ женщинахъ) непростительное предубѣжденіе противъ языка русскаго, который, наконецъ, могъ бы усвоить себѣ достоинства лучшихъ языковъ въ Европѣ, Карамзинъ далъ языку новое направленіе и сблизилъ его съ другими чистѣйшими языками европейскими". (В. Измайловъ, въ журналѣ „Патріотъ", 1804 г.).

Новая и старая школа. Приверженность къ новой школѣ, олицетворенной Карамзинымъ, и къ старой, съ Шишковымъ во главѣ, надолго разъединила русскихъ писателей на два враждебныхъ и противоположныхъ лагеря, которые препирались въ литературѣ и журналистикѣ подъ знаменами своихъ вождей и даже носили названія ***Карамзинистовъ*** и ***Шишковистовъ***. Эта борьба, длившаяся почти до 20-хъ годовъ XIX столѣтія и закончившаяся торжествомъ Карамзинистовъ [1]), имѣла и свои опорные пункты: Шишковисты собирались въ своемъ центрѣ, въ „*Бесѣдѣ любителей россійскаго слова*", съ Державинымъ и Шишковымъ во главѣ, и примыкали къ „Россійской Академіи", многіе члены которой были въ то же время и членами „Бесѣды"; Карамзинисты, напротивъ, избѣгали всѣхъ старыхъ, насиженныхъ центровъ и образовали свой новый оригинальный центръ — вольный литературный кружокъ „*Арзамасъ*", шумливый, насмѣшливый и веселый, наперекоръ серьезной и утомительно-скучной „Бесѣдѣ". Самъ Карамзинъ, при первомъ появленіи въ Петербургѣ, восторженно принятый своими молодыми приверженцами и поклонниками, писалъ женѣ въ Москву о членахъ Арзамаса: „здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы и жить, и умереть. Вотъ истинная русская Академія! Жаль только, что они не въ Москвѣ или въ Арзамасѣ".

Литературныя направленія. Но было бы, конечно, ошибочно думать, что всѣ литературные интересы за первое двадцатилѣтіе нынѣшняго вѣка ограничивались только борьбою за начала, введенныя Карамзинымъ въ нашу словесность, и подражаніемъ тому сентиментальному направленію, котораго онъ придерживался такъ долго и упорно. Напротивъ того, сентиментализмъ, вызвавшій массу безталанныхъ и неуклюжихъ подражаній „Бѣдной Лизѣ" Карамзина и его „Письмамъ Русскаго Путешественника" [2]), уже во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка сталъ болѣе и болѣе вырождаться въ этихъ самыхъ

[1]) Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы подробнѣе изложимъ различные фазисы этой борьбы заслуживающей вниманія.

[2]) Таковы были: «*Путешествіе въ Полуденную Россію*» В. Измайлова (род. 1773, ум. 1830 г.), совершенное авторомъ въ 1800–1802 гг. и даже изложенное, подобно Карамзинскому, въ формѣ писемъ; два «*Путешествія*» князя Шаликова (р. 1768, ум. 1852 г.) въ Малороссію въ тѣ же года; впечатлительность автора этихъ «Путешествій» поражаетъ своею безцвѣтностью и ограниченностью. Еще болѣе явилось подражаній (см. слѣд. стр. 374)

подражаніяхъ, обращаться въ слова и фразы безъ содержанія и значенія, и, мало-по-малу, „сентиментальная литература стала, наконецъ, причудливой, комической игрой въ чувствованія и ощущенія,—столько же легкимъ, сколько и пустымъ провожденіемъ времени, которое слѣдовало бы употребить на что-нибудь другое,—и потому не могла долѣе существовать". Хотя поздпѣй-

Адмиралъ Шишковъ, президентъ Академіи.

шіе послѣдователи этого, давно уже отжившаго направленія, еще вызывали сатирическія выходки и въ 20-хъ годахъ, но это были уже только единичные, запоздалые сторонники нѣкогда общаго

«Бѣдной Лизѣ», какъ въ видѣ отдѣльныхъ произведеній, такъ и въ видѣ журнальной беллетристики: *«Бѣдная Маша»* А. Измайлова (1801 г.), *«Обольщенная Генріеттъ»* Ив. Свѣчинскаго (1801 г.), *«Несчастная Маргарита, истинная россійская повѣсть»* (1803 г.), *«Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ»*, *«Исторія бѣдной Марьи»*, *«Инна»* — Каменева, и, наконецъ, *«Марьина Роща»* (1809 г.) Жуковскаго, въ которой, при сентиментальномъ направленіи, обнаруживается и романтическое настроеніе. Мы упоминаемъ здѣсь, конечно, только то, что было выдающагося въ общей массѣ подражаній Карамзину.

настроенія, мало-по-малу отошедшаго въ область минувшаго. На мѣсто сентиментализма уже во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка выступилъ романтизмъ, съ сущностью котораго мы ознакомимся далѣе, который господствовалъ въ нашей литературѣ очень долго, почти до конца сороковыхъ годовъ. Но и помимо всего этого, текущая литература Карамзинскаго періода, какъ живое отраженіе совершавшейся въ обществѣ жизни, служила отголоскомъ и для всѣхъ тѣхъ духовныхъ стремленій и общественныхъ вѣяній, которыя проявлялись въ русскомъ обществѣ за первое двадцатилѣтіе XIX вѣка. Нельзя не припомнить, прежде всего, той огромной роли, которую играла за этотъ періодъ внѣшняя политика въ нашей общественной и государственной жизни. Безпрерывныя войны съ Наполеономъ, то въ союзѣ съ Австріей, то въ союзѣ съ Пруссіей, возбудили въ нашемъ обществѣ сильнѣйшее патріотическое настроеніе и противодѣйствіе глубоко укоренившемуся у насъ преклоненію предъ всѣмъ иноземнымъ, преимущественно французскимъ. Явились въ литературѣ дѣятели, спеціально посвящавшіе себя патріотической проповѣди, восхваленію всего русскаго и отрицанію достоинствъ во всемъ, что шло къ намъ изъ Европы. Это патріотическое направленіе, проявившееся въ русской литературѣ и журналистикѣ (и отчасти поддержанное партіею шишковистовъ), вслѣдствіе внѣшняго побужденія, въ виду борьбы съ Наполеономъ, при всѣхъ своихъ странностяхъ и преувеличеніяхъ, было естественнымъ отраженіемъ чувства народной гордости, болѣе и болѣе возбуждаемаго разными фазисами этой борьбы, требовавшей напряженія всѣхъ народныхъ силъ.

Борьба съ иноземщиной.

Въ весьма значительной степени вызывалось оно и тѣми результатами, къ которымъ въ общественной и семейной жизни приводило излишнее преклоненіе передъ иноземщиной. Въ особенности справедливы были тѣ укоры, насмѣшки и нападки, которыми шишковисты и патріоты, въ одинаковой степени, осыпали русское общество за воспитаніе дѣтей во французскихъ пансіонахъ; и не только за это, но и за пристрастіе къ французскому языку, благодаря которому онъ дѣлался почти исключительнымъ языкомъ семьи, и человѣкъ, не владѣвшій французскимъ языкомъ, при всей своей образованности и даже учености, представлялся невоспитаннымъ невѣждою. Такое одностороннее направленіе воспитанія было въ высшей степени вреднымъ, потому что за воспитаніе русскихъ дѣтей (особенно въ богатыхъ и знатныхъ семьяхъ) принимались всякаго рода иностранцы, не только весьма сомнительнаго образованія, но еще болѣе сомнительной нравственности. Но дѣло воспитанія русскаго юношества пошло еще значительно хуже, когда за него взялись (съ начала XIX вѣка) гг. іезуиты, вновь допущенные въ Россію. Эти зловредные дѣятели, устроивъ

въ Петербургѣ образцовое (по внѣшности и способу преподаванія) учебное заведеніе, совершенно обезличивали своихъ питомцевъ и такъ искусно проводили свою религіозную пропаганду, что многіе изъ русскихъ юношей, побывавшіе въ рукахъ іезуитовъ-воспитателей, заучивали наизусть католическую обѣдню и не понимали ни слова въ православномъ богослуженіи [1]. Впослѣдствіи министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, удалось лишь цѣлымъ рядомъ весьма разумно направленныхъ мѣръ исторгнуть воспитаніе изъ рукъ иностранцевъ; эти мѣры были изложены въ запискѣ о частныхъ пансіонахъ, поданной государю въ 1811 г. [2]; но самый серьезный ударъ въ томъ же направленіи былъ нанесенъ тѣмъ же министромъ, когда по его настоянію былъ открытъ Царскосельскій Лицей.

Патріотическое направленіе.

Въ періодъ войнъ съ Наполеономъ патріотическая литература обогатилась цѣлымъ рядомъ произведеній, изъ которыхъ иныя только осмѣивали страсть къ подражанію французамъ и пристрастіе къ французскому языку, какъ комедія Крылова „Урокъ дочкамъ“ (1807 г.); другія, подобно баснѣ того же автора „Крестьянинъ и змѣя“, предостерегали отъ пагубныхъ послѣдствій дурного воспитанія, получаемаго подъ руководствомъ менторовъ-іезуитовъ; третьи, наконецъ, просто были разсчитаны и направлены такъ, чтобы поднять духъ народный и поддержать его на извѣстной высотѣ, въ виду грядущихъ золъ и бѣдствій. Патріотическая литература, весьма естественно, подымала свой голосъ въ періодъ борьбы съ Наполеономъ: и старые, и молодые поэты выступали со своими болѣе или менѣе громкими воззваніями къ обществу. И Державинъ, тогда уже на склонѣ лѣтъ, выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько громкихъ одъ, изъ которыхъ одна—„*Атаману и войску Донскому*“ (1807 г.) можетъ быть отнесена къ его лучшимъ произведеніямъ; и давно уже смолкнувшій Карамзинъ далъ волю своему вдохновенію въ „Пѣснѣ воиновъ“ (1806 г.), и молодой Жуковскій разразился призывомъ къ брани и мщенію въ своей „Пѣснѣ барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“ (1806 г.). Писатели драматическіе не отстали отъ лириковъ и вызвали бурю восторговъ, слезъ и рукоплесканій тѣми пьесами, которыя поставлены были ими на сцену. Такъ встрѣчена была публикой извѣстная трагедія Озерова „*Дмитрій Донской*“ (1807 г.), разыгранная за нѣсколько дней до Прейсишъ-Эйлауской битвы; такъ же точно при-

---

[1]) Эти злоупотребленія обратили, однакоже, на себя вниманіе власти, и іезуиты, уличенные въ пропагандѣ, были сначала (1815) высланы изъ столицы, а позже имъ было вообще запрещено пребываніе въ Россіи (1820).

[2]) Мѣры, предложенныя Разумовскимъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) право на открытіе пансіона не столько должна давать ученость лица, сколько увѣренность въ его доброй нравственности; 2) всѣ содержатели пансіоновъ должны знать русскій языкъ; 3) науки въ пансіонахъ должны быть преподаваемы на языкѣ отечественномъ и т. д.

нята была и трагедія Крюковскаго „Пожарскій" (1807 г.), въ которой громко и внятно говорили русскому сердцу наивныя обращенія къ отечеству и его неувядаемой славѣ:

«О, русская земля. Отечество драгое.
Узримъ ли время мы опять твое златое?
Заставишь ли врага, какъ прежде, трепетать?
Коварный замыселъ успѣешь ли попрать?
И водворишь ли вновь въ сердцахъ доброты рѣдки,
Что завѣщали намъ въ залогъ почтенны предки?»

Въ этихъ трагедіяхъ дѣйствовали по сценѣ татары и поляки, свирѣпствовалъ Мамай, со своими мурзами, присылавшій къ Димитрію „дерзостныхъ" пословъ, — а зрителямъ въ лицѣ Димитрія представлялся ихъ юный государь, а въ Мамаѣ — лютый врагъ Россіи и Европы, ненасытный Наполеонъ; въ Мамаевыхъ мурзахъ — его маршалы; въ дерзостномъ послѣ — высокомѣрные французскіе посланники и дипломаты. Долгая борьба воспитала ненависть, которую не могли изгнать изъ народнаго сознанія короткіе промежутки перемирій, по общему предъявленію только отодвигавшихъ большую, кровавую, окончательную борьбу. Даже и прославленный на всю Европу тильзитскій миръ не могъ никого разувѣрить въ близости грядущей, почти уже наступающей бури... Патріотическая литература, съ подмостокъ сцены, перебралась на страницы журнала, а со страницъ журнала распространилась и размножилась въ видѣ уличныхъ листковъ и лубочныхъ изданій. Это новое примѣненіе патріотическаго направленія нашло себѣ и новыхъ дѣятелей, какъ бы спеціально подготовленныхъ, предназначенныхъ къ своей должности. Исторія Русской Словесности не можетъ ихъ обойти молчаніемъ и не припомнить ярко-мелькнувшихъ въ ней именъ С. Н. Глинки и графа Ѳ. В. Растопчина.

С. Н. Глинка.

С. Н. Глинка былъ, въ полномъ смыслѣ слова, человѣкомъ рожденнымъ для такого именно періода, какъ эпоха, пережитая Рос- С. Н. Глинка.

сіею между 1805 и 1813 гг. Хотя онъ не вышелъ изъ среды народа, но онъ душою былъ ему преданъ, онъ въ него вѣрилъ и готовъ былъ во всякое время ломать за него копья и сложить за него голову. Глубоко проникнутый убѣжденіемъ въ томъ, что борьба Россіи съ Наполеономъ неизбѣжна, онъ горячо вѣрилъ въ то, что Россія должна выйти изъ этой борьбы побѣдительницей, и почиталъ священной своею обязанностью—готовить ее къ этой борьбѣ, всѣми силами и средствами поднимая духъ народный и развивая въ русскомъ человѣкѣ сознаніе своей личной силы и общенародной мощи... Какъ человѣкъ, С. Н. Глинка отличался изумительною честностью и такимъ наивнымъ добродушіемъ, о которомъ трудно дать понятіе въ настоящее время. Литературнымъ талантомъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ не обладалъ, но зато въ высшей степени обладалъ способностью воодушевляться и воодушевлять другихъ, потому что всегда говорилъ и писалъ онъ чисто отъ сердца, глубоко вѣря въ каждое свое слово, вѣря въ то, что „для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души". Писалъ Глинка очень много въ теченіе своей жизни, но изъ всего, что̀ онъ писалъ, въ памяти потомства сохранится только то, что онъ создалъ такой журналъ, какъ „Русскій Вѣстникъ", который въ періодъ времени отъ 1808 по 1813 годъ въ значительной степени способствовалъ подъему народнаго духа, а въ бѣдственное время Отечественной войны былъ и знаменемъ, и утѣшеніемъ для разоренной и пострадавшей Москвы. Журналъ этотъ былъ въ своемъ родѣ литературнымъ самородкомъ. Въ тотъ періодъ, когда въ образованномъ русскомъ обществѣ все и всѣ преклонялись передъ иноземщиной, Глинка выступилъ со своимъ журналомъ, въ которомъ все иноземное порицалось и отрицалось, а все русское выставлялось на первый планъ, выхваливалось и превозносилось... Аргументація Глинки, при сравненіи русскаго съ иноземнымъ, была самая курьезная, иногда оригинальная, иногда совершенно-произвольная; но въ общемъ онъ достигалъ своей цѣли: льстилъ народному самолюбію и возвышалъ въ обществѣ русскій духъ, сильно униженный нашими неудачными войнами съ Наполеономъ и даже самымъ миромъ и союзомъ съ этимъ неугомоннымъ воителемъ, которые ничего не прибавляли къ славѣ Россіи и нимало не способствовали развитію народной гордости. Тонъ политическихъ сужденій Глинки въ „Русскомъ Вѣстникѣ" былъ до такой степени смѣлымъ и даже рѣзкимъ, что французскій посланникъ обратилъ на него вниманіе и протестовалъ. Но правительство, видимо, понимало то значеніе, которое органъ Глинки пріобрѣлъ за это время: Глинку, служившаго при театрѣ, для вида, уволили отъ службы, сдѣлали даже довольно мягкій выговоръ цензору журнала; но не коснулись „Русскаго

Вѣстника", въ которомъ Глинка велъ борьбу не на животъ, а на смерть съ „галломаніей" или съ французолюбіемъ, которое овладѣло всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ, внѣдрилось въ его нравы и обычаи, обратилось въ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ воспитанія...

Само собою разумѣется, что патріотическое направленіе Глинки, какъ это очень часто бываетъ, было совершенно исключительнымъ и потому годнымъ только для опредѣленной данной минуты. Онъ не тяготился и не стѣснялся никакими преувеличеніями, никакими несообразностями въ сравненіяхъ, и при сравненіи настоящаго съ идеализированнымъ прошлымъ древней Руси—переступалъ всякую мѣру возможности и даже логическаго смысла... Но Россія переживала эпоху такой напряженной, тяжкой борьбы, что нуждалась даже и въ нѣкоторомъ искусственномъ подъемѣ своихъ нравственныхъ силъ. Рядомъ съ Глинкой и его „Русскимъ Вѣстникомъ", всѣмъ нравился и на всѣхъ благопріятно дѣйствовалъ даже и такой площадной и (если такъ можно выразиться) лубочный патріотизмъ, какъ патріотизмъ афишъ Ростопчина и Теребеневскихъ карикатуръ на Наполеона и французовъ въ 1812 году. Эти карикатуры [1]) и даже самыя Ростопчинскія афиши стояли, по складу и духу своему, въ тѣснѣйшей связи съ „Русскимъ Вѣстникомъ" Глинки.

Новыя вѣянія.

Ярое и крайнее въ своемъ проявленіи патріотическое настроеніе, конечно, не могло быть долговѣчнымъ. Оно прошло вмѣстѣ съ тѣмъ напряженіемъ, которое вызвано было чрезвычайными событіями во время Отечественной войны. Вмѣстѣ съ военною грозою и ея разореніями миновало время и той литературы, которая вопила и взывала къ ненависти и мщенію; а долгое пребываніе русскихъ войскъ за границею сблизило нашу молодежь съ европейскою жизнью, съ ея порядками и условіями, съ ея общественнымъ устройствомъ и съ тѣми идеалами, къ которымъ западно-европейское общество стремилось. Завоеватели явились на родину не врагами, а сторонниками европеизма, въ лучшихъ его проявленіяхъ, и съ очень многимъ изъ того, что встрѣтили на родинѣ, не могли или не хотѣли примириться. Недовольство русскими порядками, русскимъ общественнымъ устройствомъ и вообще русскою общественною жизнью проявилось очень рѣзко не только въ образованнѣйшихъ кружкахъ русскаго общества, но и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. И еще разъ все

[1]) Карикатуры эти выходили въ Петербургѣ въ началѣ 1812 года; большая часть ихъ была нарисована молодымъ и талантливымъ скульпторомъ Иваномъ Ивановичемъ Теребеневымъ (ум. 1815 г.); подобныя же картинки рисованы были двумя другими нашими художниками: Иваномъ Алексѣевичемъ Ивановымъ (ум. 1848 г.), иллюстраторомъ произведеній Хемницера и Крылова, и Алексѣемъ Гавриловичемъ Венеціановымъ, извѣстнымъ русскимъ живописцемъ.

РУСКОЙ ВѢСТНИКЪ,

НА 1808 ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Часть Первая.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.

1808.

Титульный листъ журнала «Русскій Вѣстникъ», изд. С. Н. Глинкою.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ИСТОРИЧЕСКІЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero
Juvenal. IV.

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи Іосифа Іоаннесова.
1812.

Титульный листъ журнала «Сынъ Отечества», изд. Н. И. Гречемъ.

русское образованное общество раздѣлилось на двѣ партіи, рѣзко-противоположныя: консерваторовъ, или охранителей, упорно стоявшихъ за сохраненіе старыхъ порядковъ и за крайне-осторожную постепенность въ введеніи новыхъ преобразованій,—и либералистовъ, бредившихъ пересажденіемъ на русскую почву всего, что̀ такъ понравилось имъ въ западно-европейскомъ общественномъ строѣ. И то, и другое направленіе выразилось въ литературѣ и журналистикѣ, и, что̀ всего болѣе заслуживаетъ вниманія, преимущественно въ журналистикѣ офиціальной [1]), такъ какъ, собственно говоря, либеральныя волны шли, главнымъ образомъ, сверху—отъ лицъ, стоявшихъ во главѣ государственнаго управленія. Въ офиціальныхъ органахъ указывалась польза и высокое значеніе печатнаго слова, и говорилось, что „помощью его всего удобнѣе руководствовать общее (т. е. общественное) мнѣніе", и даже доказывалось, что „чѣмъ оно свободнѣе, тѣмъ лучше можетъ правительство видѣть направленіе общаго мнѣнія и тѣмъ надежнѣе можетъ оно дѣйствовать". Въ томъ же духѣ писали и въ журналахъ, которые, сосредоточивая свое главное вниманіе на вопросахъ политическихъ и политико-экономическихъ, позволяли себѣ весьма свободно касаться и вопроса о лучшемъ устройствѣ крестьянскаго сословія, о которомъ правительство не переставало думать, и даже побуждало литературу разсуждать. Такого рода статьи помѣщались въ „*Духъ Журналовъ*" (1815—1821 гг.), который издавался Яценковымъ и представлялъ собою извлеченія всего, наиболѣе дѣльнаго изъ всѣхъ журналовъ. Отъ этого журнала не отставалъ и „*Сынъ Отечества*", основанный въ 1812 году Н. И. Гречемъ и явившійся на смѣну „Русскаго Вѣстника" Глинки, утратившаго всякое значеніе послѣ окончанія Отечественной войны. Въ одномъ изъ современныхъ журналовъ („*Сѣверномъ Наблюдателѣ*" П. Корсакова) открыто толковалось о „законной свободѣ", которая противополагалась „вольности", и указывалось на то, что „одно изъ отличій свободно-мыслящаго правительства есть позволеніе изъяснить ему вслухъ свои мысли о такихъ предметахъ, въ которыхъ всѣ сословія государства принимаютъ участіе".

Либерализмъ Александра I. Самъ императоръ Александръ, въ своей рѣчи, при открытіи польскаго сейма (15 марта 1818 г.), заявилъ, что „законно-свободныя постановленія служатъ непрестаннымъ предметомъ его помышленій" и что „законы должны ограждать священнѣйшія блага: безопасность личную, собственность и свободу мнѣній". По поводу

---

[1]) Къ этой области слѣдуетъ отнести періодическія изданія министерства внутреннихъ дѣлъ: «С.-Петербургскій Журналъ» (1804—1809 гг.) и «Сѣверную Почту» (1809—1820 гг.) — эти первые опыты проявленія правительственной гласности. Они знакомили публику съ дѣятельностью министерствъ, истолковывали правительственныя мѣропріятія и т. п.

этой рѣчи, профессоръ Царскосельскаго лицея Куницынъ, въ статьѣ, помѣщенной въ „Сынѣ Отечества“, „о конституціи“— прямо уже разсуждалъ о выгодахъ и преимуществахъ представительнаго правленія, и самъ президентъ Академіи Наукъ и попечитель петербургскаго учебнаго округа, графъ С. С. Уваровъ, въ рѣчи, обращенной къ воспитанникамъ Педагогическаго института, говорилъ о политической свободѣ, какъ „о послѣднемъ и прекраснѣйшемъ дарѣ Божіемъ“... Такіе, болѣе чѣмъ ясные, намеки на близко-наступающія, новыя и весьма важныя преобразованія въ государственномъ строѣ, конечно, побудили многихъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ заговорить о немъ громко и смѣло. Разработкою этого важнаго общественнаго вопроса занялся и Н. И. Тургеневъ въ своей книгѣ: „*Опытъ теоріи налоговъ*“ (1818 г.), и журнальная литература, помѣщавшая на страницахъ своихъ статьи „объ упадкѣ рабства и крѣпостного состоянія въ Европѣ и ея колоніяхъ“ (переведенныя изъ „Курса политической экономіи“ Шторха, напечатаннаго на счетъ государя). Въ лучшей части образованнаго русскаго общества усиливалось то настроеніе „чаяній“ и „упованій“, которое еще въ недавнее время такъ сильно преобладало у насъ, въ періодъ 1860-хъ годовъ. Одинъ изъ современныхъ журналистовъ даже съ нѣкоторымъ восторгомъ говорилъ, что „сами Государи содѣйствуютъ развитію нынѣшняго духа времени“, и побуждалъ всѣхъ, подъ руководствомъ такихъ вождей, „предаться благотворному стремленію, и, въ сладостной надеждѣ, ожидать еще счастливѣйшихъ временъ“...

И вдругъ, среди всѣхъ этихъ надеждъ и упованій на грядущія „счастливѣйшія времена“, явилась „*Исторія Государства Россійскаго*“, вышедшая въ свѣтъ въ 1818 году—и внесла грустныя разочарованія въ среду молодого поколѣнія. Суровый историкъ, извлекшій изъ опыта вѣковъ только одно твердое, основное убѣжденіе — въ незыблемости существующаго государственнаго строя—обрѣзалъ крылья у надежды и доказывалъ ясно всю суетность упованій. Онъ не полагалъ никакой разницы между „свободою“ и „вольностью“, не вѣрилъ въ значеніе „учрежденій“ и признавалъ въ самой свободѣ только „миръ совѣсти и довѣренность къ Провидѣнію“. Во многихъ молодыхъ кружкахъ трудъ Карамзина возбудилъ негодованіе; многіе изъ передовыхъ людей выступили противъ него съ суровою критикою; поэты осыпали его эпиграммами... Создались пародіи на слогъ „Исторіи“ Карамзина и способъ его изложенія... Даже сатирики и серьезные общественные дѣятели, сочувствовавшіе новымъ либеральнымъ идеямъ, охладѣли къ Карамзину и отвернулись отъ него. Однакоже, нельзя отрицать, что трудъ Карамзина и сближеніе его съ Але-

ксандромъ, до нѣкоторой степени, способствовали охлажденію въ императорѣ его либеральныхъ стремленій и усиленію того мистико-религіознаго настроенія, къ которому онъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ чувствовалъ сильное расположеніе.

Мистическое направленіе. Ничѣмъ инымъ, какъ именно этимъ расположеніемъ, нельзя объяснить того, что съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія Александра I, масоны, такъ жестоко пострадавшіе въ царствованіе Екатерины и не подававшіе признаковъ жизни при Павлѣ I, вновь подняли голову и вернулись къ своей прежней дѣятельности. Руководимые представителями первоначальнаго масонства, еще бывшими въ живыхъ [1]), новые масоны (Лабзинъ, Невзоровъ и др.) спѣшили основывать новыя ложи и съ жаромъ предались издательской дѣятельности, отчасти также поощряемой самимъ правительствомъ.

Мы видѣли, что уже во второй половинѣ прошлаго вѣка, въ кругу нашихъ масоновъ, переводились и издавались нѣкоторыя сочиненія, знакомившія русскихъ мистиковъ съ сущностью мистическаго ученія и предназначенныя способствовать тому „моральному перерожденію, которое дѣлаетъ человѣка образомъ и подобіемъ Божіимъ". Въ числѣ этихъ переводовъ мы видимъ творенія Діонисія Ареопагита, книгу Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ", „Таинство креста" — Бема, и книгу С. Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ". Въ періодъ времени между 1814 и 1825 гг. эта переводная мистико-масонская литература дополнена еще новыми трудами послѣдующихъ писателей, развивавшихъ идеи мистицизма: Таулера, Эккартсгаузена, Ю. Стиллинга и другихъ [2]). Кромѣ переводныхъ сочиненій, явились еще и журналы мистическаго направленія: „*Сіонскій Вѣстникъ*" (первоначально издававшійся въ 1806 г. и возобновленный въ 1817 г.), издаваемый Лабзинымъ; „Другъ юношества", издаваемый Невзоровымъ, при ревностномъ содѣйствіи уже извѣстнаго намъ Лопухина. Даже и при С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1821 г. издавался журналъ „*Христіанское Чтеніе*", въ первые годы проникнутый мистическимъ направленіемъ.

Увлеченіе мистицизмомъ было сильно распространено въ высшемъ обществѣ. Міровыя событія, въ которыхъ Россіи и ея царю пришлось играть такую выдающуюся роль, представлялись всѣмъ

[1]) Новиковъ, Лопухинъ, Тургеневъ, Поздѣевъ, Ключаревъ—были еще живы...

[2]) Таулерова книга „*Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя*" издана въ русскомъ переводѣ по повелѣнію Александра (1823 г.). Переводъ «Христіанской философіи» Дю-Туа (1815—1817 гг.) посвященъ императору Александру. Благодаря такому покровительству, свыше оказываемому мистическимъ ученіямъ, ими увлекалась и аристократія, и многіе изъ высшихъ сановниковъ. Такъ напр. извѣстно, что и Сперанскій, и А. Н. Голицынъ (министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія) были ярыми мистиками.

окруженными ореоломъ таинственности и какихъ-то высшихъ, никому непостижимыхъ вліяній. Извѣстно, что и самъ императоръ Александръ, увлекаясь идеями мистицизма, смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе Провидѣнія, предназначенное именно исполнять его велѣнія, и посвящая большую часть своего времени дѣламъ европейской политики, иногда даже забывая о нуждахъ и пользѣ Россіи, дѣйствовалъ такъ въ убѣжденіи, что онъ избранъ свыше для своей дѣятельности, направляемой не его волею, а Промысломъ Божіимъ.

Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника».

Сильный ударъ распространенію мистическихъ ученій былъ нанесенъ уничтоженіемъ масонскихъ ложъ, которымъ либералисты старались придать характеръ тайныхъ политическихъ обществъ. Благодаря такому направленію, которое стало болѣе и болѣе ясно выказываться въ русскомъ масонствѣ въ началѣ 20-хъ годовъ XIX вѣка, а также и благодаря различнымъ событіямъ, вызваннымъ на Западѣ существованіемъ подобныхъ же тайныхъ обществъ, масонскія ложи были закрыты въ Россіи (указомъ 1822 г.) и навсегда воспрещены [1]).

Подъ этими-то литературными вліяніями и вѣяніями развивалась и выростала въ первое двадцатилѣтіе XIX вѣка наша русская литература,—появились и воспитались такіе поэты и писатели наши, какъ Жуковскій, Батюшковъ и Грибоѣдовъ; выросталъ и выступилъ, наконецъ, на литературное поприще Пушкинъ. И если у каждаго вѣка, у каждаго періода въ развитіи литературы есть свои особенности, свои отличительныя черты, наглядно-обозначающія поступательное движеніе общества

[1]) Даже въ формулу обычной служебной присяги внесено отрицаніе масонства и клятвенное обязательство—не принадлежать ни къ одной масонской ложѣ.

по пути прогресса и просвѣщенія, то у обозрѣваемаго нами періода такою отличительною чертою можетъ и должно служить появленіе *общественной гласности*, признанія за журналистикой и прессой значенія ея органовъ—признаніе *общественнаго мнѣнія*, печатно выражаемаго, за одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общественной жизни, способствующій правильному ея теченію и естественному росту и развитію. Это явленіе было вполнѣ новымъ продуктомъ быстро-развивавшейся русской общественной жизни и еще быстрѣе возраставшаго въ Европѣ значенія Россіи, которое, въ силу историческихъ причинъ, болѣе и болѣе связывало Россію съ Европою. Ничего подобнаго не представлялъ ни одинъ изъ пройденныхъ нами періодовъ Исторіи Русской Словесности, и въ этомъ новомъ явленіи уже лежалъ зародышъ того самостоятельнаго и оригинальнаго развитія, на путь котораго Русская литература должна была вступить въ XIX вѣкѣ.

Виньетка Александровскаго времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Успѣхи театра и сценическаго искусства въ Россіи въ началѣ XIX вѣка.—Различныя направленія русской драмы и новыя явленія въ драматической литературѣ.—Классицизмъ и романтизмъ.—Озеровъ и его трагедіи.—Произведенія другихъ, современныхъ ему драматурговъ на русской сценѣ, оригинальныя и переводныя.

Мы покинули исторію нашей русской сцены въ тотъ періодъ конца царствованія Екатерины, когда, послѣ многихъ и довольно удачныхъ попытокъ внесенія народнаго элемента въ русскую драматическую литературу, послѣ комедій Княжнина и Фонвизина и шутливыхъ пьесъ Аблессимова и Крылова, появились тѣ переводныя произведенія „мѣщанской драмы“, которыя начинали отвлекать вниманіе публики отъ классической трагедіи. Мы видѣли выше и тѣ оригинальныя драматическія произведенія, которыя были вызваны русскими „злобами дня“ и являлись смѣлыми воссозданіями русской дѣйствительности среди множества подражаній иностраннымъ образцамъ и передѣлокъ иностранныхъ сюжетовъ на русскіе нравы. Въ дополненіе къ извѣстному уже намъ, мы должны, однакоже, отмѣтить одинъ несомнѣнный фактъ: по мѣрѣ того, какъ ложно-классическая трагедія отживала свой вѣкъ на русской сценѣ и произведенія русскихъ авторовъ начинали освобождаться отъ стѣснительныхъ условій этого литературнаго рода, — самая игра актеровъ становилась болѣе свободною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сценическое искусство вообще значительно развивалось и совершенствовалось. Въ связи съ этимъ, конечно, наступилъ тотъ расцвѣтъ русскаго сценическаго искусства, который ознаменовался появленіемъ на столичныхъ сценахъ цѣлаго ряда высоко-талантливыхъ русскихъ актеровъ, служившихъ украшеніемъ русскаго театра въ теченіе всей первой четверти XIX вѣка. Дѣйствительно, тутъ видимъ мы на сценѣ петербургскаго театра Яковлева и Семенову, Каратыгина и Колосову; на московскомъ театрѣ Померанцева, Шушерина, Плавильщикова, Сандунова и Сандунову, а нѣсколько позднѣе—знаменитаго трагика Мочалова и единственнаго въ своемъ родѣ комика Щепкина [1]). Эти талантливые сценическіе дѣятели находили себѣ постоянную и весьма обильную практику для таланта въ быстро возраставшей у насъ драматической русской литературѣ и въ сильно развившемся вкусѣ общества къ театру. Именно въ это время и устанавливалась между обществомъ и сценою та живая связь, которая, впослѣдствіи, не порывалась (въ Петербургѣ) до конца 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, а въ Москвѣ существуетъ отчасти и до-нынѣ... Общество столичное, постоянно и

[1]) Любопытно припомнить, что въ этотъ славный періодъ нашей сцены еще живъ былъ одинъ изъ свидѣтелей ея основанія при Елисаветѣ—актеръ Дмитревскій.

непрерывно слѣдуя путемъ прогресса, болѣе и болѣе внося въ жизнь утонченные обычаи и нравы просвѣщеннаго европеизма, начинало отставать отъ грубыхъ забавъ и потѣхъ „добраго стараго времени" и все болѣе и болѣе привязывалось къ посѣщенію театровъ, увлекалось драматическими произведеніями и всею душою участвовало въ игрѣ актеровъ. Театръ пересталъ быть забавою, времяпровожденіемъ, къ которому надо было привлекать общество (иногда даже усиленными штрафами) [1]. Нѣтъ, театръ для многихъ сталъ цѣлью жизни, центромъ всѣхъ ихъ стремленій и интересовъ, серьезнымъ дѣломъ! Литераторы и сановники, аристократы и мелкіе чиновники, старики и молодые—одинаково увлекались театромъ, проводили въ немъ большую часть вечеровъ, входили во всѣ мелочи и подробности театральныхъ интригъ, составляли партіи и горячо отстаивали своихъ избранныхъ любимцевъ въ средѣ актеровъ. Театръ и драматическая литература, мало-по-малу, сдѣлались однимъ изъ наиболѣе преобладавшихъ интересовъ въ тѣхъ литературныхъ салонахъ, которые служили сборнымъ мѣстомъ для современныхъ писателей, журналистовъ и художниковъ. Такимъ салономъ въ Петербургѣ являлся въ особенности домъ *А. Н. Оленина*, президента Академіи Художествъ, отличнаго знатока и просвѣщеннаго критика художе-

Князь А. А. Шаховской.

[1] Такая мѣра практиковалась во времена Елисаветы.

ственныхъ произведенiй. Въ этомъ салонѣ, впервые, Озеровъ читалъ своего „Эдипа“ и вызывалъ восторги и слезы въ кругу своихъ слушателей. Другимъ такимъ салономъ, въ которомъ, однакоже, собирались, главнымъ образомъ, любители театра и актеры — былъ салонъ князя *А. А. Шаховскою*, постоянно посѣщаемый Гнѣдичемъ, Лобановымъ, И. А. Крыловымъ, Катенинымъ, Хмельницкимъ, Жандромъ и Грибоѣдовымъ. Подобнымъ же центромъ въ Москвѣ былъ домъ директора театра, *Кокошкина*, который, при своей оффиціальной должности, былъ въ то же время и авторомъ драматическихъ произведенiй, и актеромъ-любителемъ, охотно участвовавшимъ въ благородныхъ спектакляхъ. Рядомъ съ общераспространённой въ столицахъ любовью къ сценѣ публичной являлось и большое пристрастіе въ обществѣ къ театру домашнему. Изъ столицъ эта привязанность и привычка къ сценѣ переходили и въ провинцію, въ которой, въ главныхъ центрахъ, строились всюду театры, собирались около частныхъ антрепренеровъ труппы, иногда блиставшія замѣчательными талантами, а въ имѣніяхъ богатыхъ баръ устраивались особые театры, на которыхъ подвизались труппы, составленныя помѣщиками-любителями изъ ихъ же крѣпостныхъ. Чувствовался еще въ значительной степени недостатокъ школы, недостатокъ въ сценической подготовкѣ, основанной на опредѣленныхъ правилахъ, и еще болѣе — недостатокъ образованности въ актерахъ; но этотъ недостатокъ всѣми силами старались восполнить директора столичныхъ театровъ и сами авторы, писавшіе для сцены, усиленно разрабатывая роли съ актерами, сглаживая грубость ихъ дикціи, умѣряя

Н. И. Хмѣльницкій.

крайности декламаціи, истолковывая и отмѣчая значеніе отдѣльныхъ выраженій и возгласовъ [1]). Этимъ, конечно, еще болѣе скрѣплялась связь автора со сценою, и связь актера съ произведеніемъ автора.

Измѣненіе вкусовъ публики.

Въ литературныхъ вкусахъ публики, по отношенію къ сценѣ,

К. Семенова, извѣстная трагическая актриса Александровскаго времени.

произошли въ этомъ періодѣ весьма существенныя измѣненія. Ложно-классическая трагедія отжила окончательно свой вѣкъ: ея герои не возбуждали болѣе къ себѣ сочувствія. Трагическій репертуаръ Сумарокова и Княжнина былъ совсѣмъ забытъ и удаленъ со сцены. Трагедія ложно-классическая, переводная, удерживается еще на сценѣ только въ новыхъ переводахъ и передѣлкахъ, пи-

[1]) Въ ту пору высоко цѣнилась въ авторахъ способность внятно и съ чувствомъ читать свои произведенія или отрывки изъ чужихъ произведеній. Декламированіе монологовъ и даже цѣлыхъ сценъ изъ драматическихъ произведеній было въ модѣ на вечерахъ во всѣхъ салонахъ. Юноша, выступившій на литературное поприще, могъ лучше всего зарекомендовать себя мастерской декламаціей.

санныхъ болѣе легкимъ и удобопонятнымъ языкомъ, болѣе гладкимъ стихомъ [1]). Корнель, Расинъ и Вольтеръ, хотя и утрачивали уже свое значеніе и преобладаніе на нашей сценѣ, однакоже еще предпочитались драматургамъ нѣмецкимъ и англійскимъ: Шекспиръ (за исключеніемъ „Лира" и „Гамлета") былъ

Колосова, извѣстная актриса того-же времени.

почти неизвѣстенъ, а Шиллеръ только еще начиналъ обращать на себя вниманіе нашихъ переводчиковъ [2]). Трагедія оригинальная, въ произведеніяхъ Озерова, привлекаетъ къ себѣ новостью того сентиментальнаго оттѣнка, который онъ придаетъ характерамъ своихъ героевъ, и отчасти—связи сюжетовъ его трагедіи съ

---

[1]) Въ этотъ періодъ являются переводы: «Меропы»—Марина, «Ифигеніи въ Авлидѣ» и «Федры»—Лобанова, «Танкреда»—Гнѣдича, «Эсѳири», «Гоѳоліи» и «Сида»—Катенина; «Заира» и «Гораціи» переведены были сообща нѣсколькими писателями, какъ бенефисныя пьесы для новыхъ постановокъ.

[2]) Переведены были только его прозаическія пьесы «Фіеско», «Коварство и любовь» и «Разбойники» (явившіяся на сценѣ не ранѣе 1814 г.).

тѣмъ періодомъ патріотическаго возбужденія, о которомъ мы уже говорили выше [1]).

Русская драма и мелодрама.

Трагедія должна была уступить мѣсто именно тому драматическому роду, появленіе котораго на русской сценѣ Сумароковъ встрѣтилъ съ такимъ неудержимымъ гнѣвомъ и бранью. „Слез-

А. С. Яковлевъ, знаменитый русскій актеръ.

ная комедія“ или, проще сказать, *драма*, заимствованная изъ обыденной бытовой обстановки, съ ея сюжетами, почерпнутыми изъ современной общественной жизни, съ ея героями, взятыми изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, съ ея будничными печалями и радостями—быстро вытѣснила обветшалую трагедію съ ходульными героями, съ отвлеченной, чуждой для всѣхъ то миѳологической, то архаической дѣйствительностью, съ напыщенными рѣчами и условными положеніями. Какъ ни пытались сторонники классицизма поддержать ея права̀ на уваженіе публики, какъ ни старались выставить выдающіяся достоинства и важныя

[1]) Благодаря этому возбужденію, огромнымъ успѣхомъ на сценѣ пользовались и произведенія весьма посредственныхъ авторовъ, въ родѣ трагедіи Крюковскаго «Пожарскій».

преимущества классическихъ произведеній, — ихъ красная пора миновала невозвратно, и наступилъ вѣкъ полнаго, преобладающаго успѣха *драмы* и даже *мелодрамы*, съ ея рѣзкими переходами, вычурными эффектами и сенсаціонными положеніями [1]). Къ тому же, на смѣну излюбленнымъ на русской сценѣ авторамъ

В. А. Озеровъ. Молодой типъ.

французской новѣйшей драмы, въ Германіи явился плодовитѣйшій драматургъ Коцебу, драмы котораго, въ послѣдніе годы XVIII вѣка, проникли въ Россію, понравились и сразу вошли въ моду. Пьесы Коцебу: „*Ненависть къ людямъ и раскаяніе*", „*Сынъ любви*", „*Гусситы подъ Наумбургомъ*" (1807 г.),—заполонили нашу сцену и сразу пріобрѣли всѣ симпатіи. Напрасно возставали противъ этого огульнаго увлеченія сторонники драматическихъ русскихъ пьесъ, напрасно давали произведеніямъ Коцебу презрительное названіе „коцебятины", намекая тѣмъ самымъ на нѣкото-

[1]) *Мелодрамы*—т. е. музыкальныя драмы, названы такъ потому, что въ нихъ обыкновенно музыкою сопровождались наиболѣе трогательныя мѣста и наиболѣе разительныя сценическія положенія дѣйствующихъ лицъ.

рую шаблонность въ творчествѣ нѣмецкаго драматурга — Коцебу все же преобладалъ многіе годы надъ всѣмъ остальнымъ репертуаромъ и даже вызвалъ на русской почвѣ нѣсколько подражателей, которые, въ свою очередь, добивались своими пьесами временнаго успѣха и извѣстности [1]). Пьесы Коцебу въ переводѣ ли, въ передѣлкахъ ли на русскіе нравы—сохраняли за собою то несомнѣнное достоинство, что были общедоступны по содержанію, и, не отличаясь глубиною основной идеи, нравились всѣмъ своею близостью къ жизни, сходствомъ положеній, въ которыя авторъ ставилъ своихъ героевъ съ различными условіями и случайностями современности. Притомъ же всѣ характеры, всѣ чувства, всѣ междулюдскія отношенія были тутъ рѣзко выставлены и такъ подчеркнуты, что развязка уже становилась ясною для всѣхъ съ перваго дѣйствія и ожидалась съ понятнымъ и напряженнымъ нетерпѣніемъ. За пьесами Коцебу, первое мѣсто на русской сценѣ, въ первой четверти XIX вѣка, занимала мелодрама, по преимуществу заимствованная изъ французскихъ пьесъ. Первыми мелодрамами, наиболѣе удачными на русской сценѣ были пьесы: „*Убійца и сирота*“ (1819 г.), „*Обріева собака*“, „*Христофоръ Колумбъ*“ и „*Тридцать лѣтъ или жизнь игрока*“—и до сихъ поръ еще не покидающая нашей провинціальной сцены.

Писатели для сцены. Рядомъ съ псевдо-классической трагедіей на задній планъ отступила за это время и старая комедія: не только Сумароковъ, но и болѣе близкіе къ этому періоду—Фонвизинъ и Княжнинъ—были почти забыты; даже и Капнистова „Ябеда“ рѣдко стала появляться на сценѣ... На смѣну этимъ авторамъ явились новые дѣятели, менѣе разборчивые, но болѣе плодовитые въ своемъ творчествѣ и болѣе способные угадывать прихоти вкуса современной имъ публики: то были—князь *А. А. Шаховской*, *Хмѣльницкій*, *Загоскинъ*, *Кокошкинъ* и ихъ многочисленные подражатели... Въ ихъ кружкѣ воспитался и знаменитый авторъ „Горя отъ ума“ Грибоѣдовъ. Временно большимъ успѣхомъ пользовались и комедіи И. А. Крылова („*Урокъ дочкамъ*“ и „*Модная лавка*“—обѣ въ 1807 г.), и комедія графа Ростопчина „*Вѣсть или убитый живой*“—явившаяся въ періодъ наибольшаго развитія ненависти къ французамъ и къ галломаніи. Одновременно съ новой и болѣе легкой комедіей на нашей сценѣ окончательно утвердился и ***водевиль***, выродившійся изъ тѣхъ комическихъ оперъ, которыми была довольно богата наша сценическая литература XVIII вѣка. Такъ, въ 1812 году, князь Шаховской поставилъ на сцену водевиль

[1]) Такими подражателями Коцебу явились: *И. Ильинъ*, написавшій «*Лизу или торжество благодарности*» и «*Великодушіе или рекрутскій наборъ*»; *В. Федоровъ* — «*Лизу или слѣдствіе гордости и обольщенія*»; *Ѳ. Ивановъ* — «*Семейство Старичковыхъ*» и т. д. Всѣ эти пьесы были поставлены на сцену въ періодъ времени 1801—1808 гг.

„Казакъ-стихотворецъ“, имѣвшій громадный успѣхъ на сценѣ, и съ его легкой руки водевили пріобрѣли себѣ видное мѣсто въ нашемъ репертуарѣ.

Титульный листъ къ трагедіи Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ».

Переходя отъ этого общаго обзора нашей драматической литературы, за первую четверть XIX вѣка, къ разсмотрѣнію дѣятельности отдѣльныхъ писателей для сцены, мы вынуждены бу-

демъ долѣе всего остановиться на дѣятельности Озерова, который представляетъ собою весьма замѣчательный типъ писателя начала XIX вѣка. Одаренный несомнѣннымъ талантомъ, душою преданный своему творчеству, проникнутый сознаніемъ авторскаго достоинства и вѣрою въ высокое назначеніе писателя, онъ былъ далекъ отъ всякаго житейскаго практицизма, и потому именно явился однимъ изъ первыхъ типовъ русскаго литературнаго неудачника—и такъ грустно закончилъ свою карьеру. Въ смыслѣ историко-литературномъ, его дѣятельность имѣетъ для насъ весьма существенное и важное значеніе, какъ наглядный переходъ отъ увлеченія ложно-классическими идеалами къ идеаламъ романтической школы, такъ какъ онъ олицетворилъ и тѣ и другіе въ своихъ твореніяхъ. Не лишены интереса и многія біографическія подробности изъ жизни Озерова—этого автора произведеній, вызвавшихъ неописуемые восторги, доставившихъ ему громкую славу и такъ быстро сошедшихъ со сцены, такъ быстро забытыхъ молвою...

В. А. Озеровъ.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ (род. 1789 г., ум. 1816 г.) былъ уроженцемъ Тверской губ., гдѣ въ Зубцовскомъ уѣздѣ его отцу принадлежало село Казанское. Дѣтство его, повидимому, не принадлежало къ счастливымъ, такъ какъ онъ рано лишился матери, послѣ чего отецъ его вступилъ во второй бракъ. Воспитаніе онъ получилъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ, какъ мы видѣли, воспитывались уже и до Озерова многіе изъ русскихъ писателей. По выпускѣ изъ корпуса, Озеровъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ турецкой войнѣ (онъ былъ при взятіи Бендеръ Потемкинымъ въ 1789 году); а затѣмъ служилъ сначала адъютантомъ при графѣ Ангальтѣ, директорѣ Шляхетскаго корпуса, а потомъ довольно долгое время оставался на службѣ въ лѣсномъ департаментѣ, причемъ по обязанности своей, объѣзжая лѣса Сибирской и Казанской губерній, успѣлъ своею неподкупною честностью доставить казнѣ весьма значительныя выгоды, за что и былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора.

На литературное поприще Озеровъ выступилъ въ 1794 году, напечатавъ ироиду „Элоиза къ Абелярду" (вольный переводъ изъ Колярдо); къ тексту ироиды онъ приложилъ и краткую исторію этихъ прославленныхъ поэзіею любовниковъ-страдальцевъ. За ироидою слѣдовало нѣсколько стихотвореній, крупныхъ и мелкихъ (оды, посланія и басни), не представлявшихъ собою ничего замѣчательнаго и не отличавшихся никакими выдающимися достоинствами, кромѣ гладкости стиха [1]). Въ 1798 году Озеровъ

[1]) Подобно многимъ нашимъ писателямъ Озеровъ писалъ стихи и французскіе: такъ на смерть графа Ангальта имъ было написано французское стихотвореніе, свидѣтельствующее объ его отличномъ знаніи французскаго языка.

поставилъ на сцену свою первую и далеко не самую удачную трагедію „Ярополкъ и Олегъ“, въ которой подражалъ трагедіямъ Су-

Современная иллюстрація къ трагедіи Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ» (послѣдняя сцена).

марокова и Княжнина. Но шесть лѣтъ спустя, въ 1804 году, Озеровъ поставилъ на сцену весьма замѣчательную, по тому времени, трагедію: „*Эдипъ въ Аѳинахъ*“, въ которой выступилъ уже на но-

вую дорогу и привлекъ къ себѣ общее вниманіе и общія симпатіи внесеннымъ въ трагедію элементомъ чувства, который онъ, подъ вліяніемъ моднаго въ то время сентиментализма, внесъ въ развитіе своихъ драматическихъ характеровъ и положеній. Маститый поэтъ Державинъ, которому авторъ посвятилъ свою трагедію, и В. Капнистъ привѣтствовали успѣхъ Озерова посланіями, и въ нихъ одинаково поощряли его идти далѣе „славною стезею“ и презирать „зоиловъ злоязычныхъ“ [1]).

„Эдипъ“ Озерова.

Сюжетъ трагедіи Озерова заимствованъ изъ весьма извѣстнаго и мрачнаго классическаго преданія о ѳивскомъ царѣ Лайѣ и сынѣ его Эдипѣ — этомъ преступникѣ, которому, по роковому предопредѣленію судьбы, суждено было, по невѣдѣнію, убить своего отца и жениться на своей матери. Преслѣдуемый угрызеніями совѣсти и безмѣрно-пораженный ужасомъ своихъ невольныхъ преступленій, Эдипъ (по греческому преданію) наказываетъ себя самъ: выкалываетъ себѣ глаза и, покинувъ престолъ, въ одеждѣ нищаго, скитается по бѣлу-свѣту, сопровождаемый и поддерживаемый двумя самоотверженно-преданными ему дочерьми — Антигоной и Исменой. Его всюду по пятамъ преслѣдуютъ мстительныя Евмениды (фуріи) — и весь родъ его погибаетъ по опредѣленію мстительнаго рока, неумолимаго къ несчастному. Это преданіе превосходно было обработано греческимъ трагикомъ Софокломъ въ видѣ трилогіи, т. е. трехъ трагедій, тѣсно-связанныхъ между собою. Эти трагедіи: „Эдипъ-царь“, „Эдипъ въ Колоннѣ“ и „Антигона“. Собственно говоря, трагедія Озерова заимствуютъ свое содержаніе изъ второй и. отчасти, изъ третьей трагедіи Софокла, въ томъ видѣ, какъ онѣ были уже до Озерова передѣланы французскимъ драматургомъ Дюсисомъ. Греческаго языка Озеровъ не зналъ и потому, увлекаясь дивною греческою легендою, передалъ въ своей трагедіи важнѣйшія черты ея, насколько могъ ихъ уловить во французской передѣлкѣ. Многіе критики (и современной Озерову, и послѣдующей эпохи), позабывая объ условіяхъ русской общественной жизни и о русскихъ литературныхъ нравахъ начала XIX вѣка, ставили Озерову въ укоръ именно то, что онъ не держался буквы подлинника, не справлялся съ оригиналомъ, а прямо перенесъ на сцену „Эдипа“, въ передѣлкѣ Дюсиса, мѣстами давая точный переводъ его, а мѣстами передѣлывая его, сообразно съ условіями русской сцены [2]). Но,

[1]) Намекъ этотъ указываетъ на то, что трагедія Озерова, уклонившагося отъ старыхъ образцовъ ложно-классической школы, встрѣчена была многими съ порицаніемъ. Въ числѣ наиболѣе энергичныхъ порицателей, какъ мы увидимъ далѣе, былъ князь А. А. Шаховской.

[2]) Озеровъ ввелъ въ свою трагедію Креона, который являлся на сценѣ и у Софокла, между тѣмъ какъ Дюсисъ исключилъ Креона изъ дѣйствій своей трагедіи. У Дюсиса Эдипъ умираетъ, пораженный громомъ; у Озерова онъ остается въ живыхъ, а умираетъ Креонъ, изображенный человѣкомъ порочнымъ и злѣйшимъ врагомъ Эдипа.

вмѣсто укоровъ, критикамъ сюжета слѣдовало бы задаться вопросомъ: могли-ли Дюсисъ и Озеровъ поступить иначе? Могли ли они, — и по существовавшимъ въ ихъ время теоретическимъ

Титульный листъ къ трагедіи Озерова «Фингалъ».

воззрѣніямъ, и по личному почину, — удовольствоваться перенесеніемъ Софоклова подлинника на сцену? Конечно, нѣтъ. Съ ихъ стороны весьма естественно было желаніе передать сущность Софокловой трагедіи лишь настолько, насколько она могла быть усвоена современной публикой. Съ другой стороны, и Дюсисъ, и Озеровъ, сами увлекаясь идеалами сентиментализма—

этого общаго и моднаго въ то время литературнаго направленія— невольно придали героямъ греческой трагедіи тотъ колоритъ,

Современныя иллюстраціи къ трагедіямъ Озерова. Сцена изъ трагедіи «Фингалъ».

который не согласовался съ суровымъ и мрачнымъ характеромъ Софоклова „Эдипа". По всѣмъ вѣроятіямъ, и Дюсисъ, и Озеровъ даже не въ состояніи были вполнѣ проникнуться основной

идеей трагедіи Софокла и его идеалами; они на все въ этой трагедіи смотрѣли со своей точки зрѣнія—съ точки зрѣнія христіанской морали. У Софокла Эдипъ является преступникомъ противъ воли и страдальцемъ безъ вины — жертвою страшнаго Рока, властвующаго даже надъ богами; у Дюсиса и Озерова Эдипъ является дѣйствительнымъ преступникомъ, давно уже раскаявшимся и страданіями своими искупающимъ свои тяжкія преступленія. Само собою разумѣется, что, согласно съ такимъ перерожденіемъ главнаго героя трагедіи, Эдипа, и вся пьеса Софокла должна была подвергнуться существеннымъ видоизмѣненіямъ. И надо отдать справедливость Дюсису, а затѣмъ и Озерову, что эти видоизмѣненія были ими введены въ трагедію разумно, съ извѣстнымъ тактомъ и вкусомъ. Не излишнимъ считаемъ привести здѣсь вкратцѣ содержаніе озеровскаго „Эдипа въ Аѳинахъ“ и дать нѣкоторые отрывки изъ этой трагедіи, которая въ свое время считалась образцовой и приводила въ восторгъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Въ трагедіи Озерова все первое дѣйствіе посвящено изложенію тѣхъ условій, въ которыя поставлена завязка трагедіи. Дѣйствіе начинается съ того, что на полѣ, передъ Аѳинами, аѳинскій царь Тезей, окруженный своимъ народомъ, принимаетъ ѳиванскаго посла Креона, предлагающаго Тезею вступить въ союзъ съ однимъ изъ сыновей Эдипа, Этеокломъ, противъ котораго воюетъ его родной братъ, осадившій Ѳивы. По этому поводу Креонъ и передаетъ Тезею всю исторію Эдипа, его преступленій и несчастій. Тезей отказывается отъ союза, жалѣя своихъ подданныхъ, и на предостереженіе Креона отвѣчаетъ:

«... Мой мечъ союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ,
Гдѣ на законахъ власть царей установленна:
Сразить то общество не можетъ и вселенна».

Эдипъ выходитъ на сцену только уже во второмъ дѣйствіи. Судьба приводитъ его къ храму Евменидъ, гдѣ, по волѣ боговъ, онъ долженъ найти себѣ успокоеніе, послѣ всѣхъ вынесенныхъ имъ страданій. Выходитъ онъ, опираясь на руку своей дочери Антигоны, — этого идеала самоотверженной преданности долгу. Его выходъ на сцену сопровождался знаменитымъ монологомъ, обращеннымъ къ дочери:

«Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца.
Печаль и бѣдствіе всѣхъ силъ меня лишили...» и т. д.

Описавъ весь ужасъ своей слѣпоты и своего несчастнаго положенія, изгнанникъ заключаетъ свой монологъ порывомъ отеческой нѣжности къ Антигонѣ, которой говоритъ:

«Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы».

Антигона отвѣчаетъ ему на это также монологомъ, вызывавшимъ слезы у зрителей:

«Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той,
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей: вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ.
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ...» и т. д.

Но Эдипу не суждено найти успокоеніе въ Аѳинахъ: граждане не соглашаются его принять и требуютъ, чтобы онъ немедленно удалился. Тогда Антигона бросается къ Тезею, умоляетъ его принять ея отца, и тотъ даетъ имъ пріютъ. Однакоже бѣдствія начинаютъ угрожать Эдипу съ другой стороны—со стороны Креона. Тотъ, узнавъ, что, по опредѣленію судьбы, счастье выпадетъ на долю той страны, гдѣ Эдипъ будетъ преданъ землѣ,—задумываетъ силою овладѣть несчастнымъ старцемъ и увлечь его въ Ѳивы [1]). Сначала онъ хочетъ уговорить его ласкою и льстивыми рѣчами; но когда тотъ не поддается на нихъ, Креонъ прибѣгаетъ къ силѣ: его воины хватаютъ Эдипа и увлекаютъ его вслѣдъ за собою, покинувъ Антигону въ одиночествѣ. На ея отчаянные вопли является Тезей, посылаетъ воиновъ въ погоню за Креономъ и возвращаетъ Эдипа.

Во время всей этой тревоги, въ отсутствіе Эдипа, къ Антигонѣ является ея братъ Полиникъ и умоляетъ ее, чтобы она его примирила съ отцомъ, такъ какъ судьба рѣшила, что побѣдителемъ въ борьбѣ за Ѳивы останется тотъ изъ братьевъ, на сторону котораго перейдетъ самъ Эдипъ. Эдипъ, по просьбѣ Антигоны, допускаетъ къ себѣ Полиника, но не прощаетъ его и не принимаетъ его сторону въ усобицѣ между братьями. Онъ укоряетъ его въ монологѣ, который въ свое время считался поэтическимъ совершенствомъ.

«Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь...
...Какъ смѣешь ты на мнѣ остановить свой взоръ.
Зри ноги ты мои, скитаньемъ изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны,

[1]) Креонъ, похитивъ Эдипа, думаетъ Антигону предоставить въ жертву Евменидамъ, сыновей Эдипа (Этеокла и Полиника) погубить въ раздорахъ и междоусобіяхъ, и послѣ того захватить верховную власть въ Ѳивахъ въ свои руки.

Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ.
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить—
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить:
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны», и т. д.

Между тѣмъ, какъ раздраженный отецъ, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, прогоняетъ отъ себя сына, различныя бѣдствія посѣщаютъ народъ аѳинскій, который приходитъ къ мысли, что боги караютъ его за то, что ихъ царь Тезей пріютилъ у себя Эдипа, гонимаго судьбою. Народъ требуетъ у Тезея, чтобы для умилостивленія боговъ въ жертву была принесена Антигона. Это безчеловѣчное требованіе поражаетъ Эдипа ужасомъ, но Антигона совершенно спокойно покоряется судьбѣ своей и молитъ аѳинянъ только о томъ, чтобы они покоили ея отца. Этотъ прощальный монологъ Антигоны вызывалъ рыданья въ театрѣ, въ особенности тѣмъ заключительнымъ переходомъ, гдѣ обреченная на жертву Антигона говоритъ:

«Такъ, жители Аѳинъ, я заклинаю васъ,
Предъ жертвенникомъ симъ въ торжественный сей часъ,
Передъ лицомъ богинь, теперь во храмѣ сущихъ,
Предъ сонмомъ всѣхъ боговъ, меня у гроба ждущихъ,
Чтобы хранили вы родителя покой,
Блюли его главу, гнетомую тоской», и т. д.

Однакоже, обрядъ жертвоприношенія еще не свершенъ, когда въ храмъ вступаетъ Полиникъ и великодушно предлагаетъ себя въ жертву, въ замѣну Антигоны. Эдипъ не принимаетъ его жертвы и вступаетъ въ борьбу великодушія съ дочерью и сыномъ. Простивъ Полиника, онъ самъ желаетъ быть искупительною жертвою... Между тѣмъ, какъ эта чувствительная сцена происходитъ передъ глазами глубоко-тронутыхъ зрителей, въ храмъ является Тезей, ведя за собою плѣннаго Креона. Мудрый царь указываетъ на него, какъ на виновника всѣхъ бѣдствій, раздоровъ и междоусобій — какъ на виновника всѣхъ несчастій въ семьѣ Эдипа. Всѣ соглашаются съ этимъ приговоромъ и само небо подтверждаетъ его: громъ поражаетъ Креона, который падаетъ мертвымъ къ подножію жертвенника.

Такимъ образомъ, коварство и порокъ наказаны, а добродѣтель торжествуетъ, ради удовлетворенія нравственнаго чувства зрителей.

Развязка пьесы слабо и не вполнѣ послѣдовательно истекаетъ изъ ея содержанія: конецъ является даже полною неожиданностью.

Характеръ Креона—этого вычурнаго злодѣя—очень напоминаетъ неестественныхъ изверговъ псевдо-классической трагедіи... Но, несмотря на всѣ эти недочеты и недостатки, трагедія Озерова, при появленіи своемъ на сцену, поразила всѣхъ своими красотами, изяществомъ формъ и блескомъ своего поэтическаго стиха, полнаго гармоніи, огня и силы чувствъ. Трагедія надолго стала любимѣйшею пьесою публики; образованные люди заучивали изъ нея наизусть цѣлые монологи и произносили ихъ въ обществѣ, на вечерахъ и собраніяхъ. Автора носили на рукахъ, прославляли на всѣ лады, сбирали подписки для того, чтобы выбить въ честь его медаль и ею увѣковѣчить память автора „Эдипа".

„Фингалъ" Озерова.

Понятно, что этотъ успѣхъ увлекъ Озерова къ дальнѣйшей дѣятельности на томъ же самомъ поприщѣ. И вотъ, въ слѣдующемъ же году, на сценѣ является новая его трагедія „*Фингалъ*"; содержаніе ея было заимствовано изъ Оссіановскихъ поэмъ, которыя около этого времени распространились по всей Европѣ въ передѣлкѣ Макъ-Ферсона и еще въ концѣ XVIII вѣка ввели въ моду во всѣхъ литературахъ мрачный, *оссіановскій* колоритъ поэтическихъ произведеній. Это пристрастіе къ Оссіану, которое было первымъ шагомъ на переходѣ отъ сентиментализма къ романтизму, нашло себѣ весьма полное выраженіе въ новой трагедіи Озерова. Въ этомъ именно смыслѣ „Фингалъ" составляетъ эпоху въ русской литературѣ, и даетъ право указывать на Озерова, какъ на родоначальника русскаго романтизма, который встрѣтилъ въ Жуковскомъ талантливаго продолжателя, окончательно утвердившаго романтизмъ на русской почвѣ своими литературными произведеніями. Содержаніе „Фингала" очень просто и немногосложно.

Властитель Морвены, беззавѣтно-храбрый витязь Фингалъ, побѣждаетъ локлинскаго князя Старна и убиваетъ его сына Тоскара. Старнъ взятъ въ плѣнъ и выпущенъ на свободу только по окончаніи войны. Онъ пылаетъ въ душѣ ненавистью къ Фингалу и желаніемъ отомстить ему за свое униженіе и за смерть сына. Совсѣмъ иныя чувства питаетъ къ Фингалу дочь Старна, нѣжная Моина: она страстно любитъ героя, который отвѣчаетъ ей взаимностью и предлагаетъ ей руку и сердце. Старнъ вынужденъ согласиться на бракъ, но думаетъ воспользоваться брачнымъ торжествомъ, чтобы погубить Фингала. Бракъ долженъ быть совершенъ, по желанію Старна, въ храмѣ древнихъ языческихъ боговъ и ему должна предшествовать торжественная тризна на могильномъ холмѣ Тоскара. Во время этой тризны, коварный Старнъ уговариваетъ Фингала отдать свой мечъ и боевой рогъ въ награду побѣдителю на воинскихъ играхъ. Фингалъ исполняетъ его желаніе и остается безоружнымъ. Тогда на него, по

знаку Старна, устремляются воины локлинскіе, чтобы убить его. Но Фингалъ успѣваетъ сорвать мечъ съ могилы Тоскара, начинаетъ отбиваться и наводитъ ужасъ на своихъ убійцъ. Напрасно самъ Старнъ, съ рогомъ впереди, съ мечомъ въ рукахъ старается ободрить своихъ воиновъ... Въ довершеніе всего, Моина, съ воинами Фингала, является ему на помощь. Тогда Старнъ, въ бѣшенствѣ, закалываетъ Моину и самъ закалывается. Приведенный въ отчаяніе смертью Моины, Фингалъ также хочетъ лишить себя жизни, но бардъ Морвенскій останавливаетъ его, напоминая о лежащихъ на немъ обязанностяхъ и о томъ, что его жизнь нужна для блага его подданныхъ.

И здѣсь, какъ въ Эдипѣ, современниковъ поражало сопоставленіе мрачнаго и злобнаго характера Старна и личности бурнаго, беззавѣтно-храбраго Фингала съ нѣжнымъ поэтическимъ, женственно-мягкимъ характеромъ Моины. Одинъ изъ современныхъ (и притомъ образованнѣйшихъ) критиковъ, разбирая „Фингала", говоритъ:

„Трагедія „Фингалъ" — торжество сѣверной поэзіи и торжество русскаго языка, богатаго живописью, смѣлостью и звучностью. Рѣчи Моины—утренній голосъ весны, пробуждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; сѣтованія мрачнаго Старна—унылый голосъ осени, бесѣдующей съ ночною бурею... Въ „Фингалѣ" ничто не забыто, ни трагикомъ, ни поэтомъ: тотъ и другой взяли съ Оссіана полную дань..."

По своему историко-литературному значенію, какъ мы уже замѣтили выше, эта трагедія представляетъ собою явленіе весьма немаловажное и заслуживаетъ бóльшаго вниманія, нежели два послѣдующія произведенія того же автора. Но современники смотрѣли на литературную дѣятельность Озерова иначе: имъ представлялось, что Озеровъ достигъ верха своей славы, поставивъ на сцену трагедію „*Дмитрій Донской*". Трагедія эта является, несомнѣнно, наиболѣе слабымъ изъ четырехъ драматическихъ произведеній Озерова; но громкій успѣхъ ея обусловливался его косвенною связью съ современнымъ политическимъ положеніемъ Россіи. „Дмитрій Донской" поставленъ былъ на сцену въ 1807 году, въ самый разгаръ борьбы Россіи съ Наполеономъ и, слѣдовательно, въ періодъ наибольшаго расцвѣта той патріотической литературы, о которой мы упоминали выше. Но большою ошибкою со стороны автора было именно то, что онъ, поддаваясь своему романтическому настроенію, измѣнилъ характеръ историческаго героя, изобразивъ намъ Дмитрія Донского неженатымъ и безумно влюбленнымъ въ Ксенію, княжну нижегородскую. Вслѣдствіе этого, по справедливому замѣчанію современнаго критика, Дмитрій, въ трагедіи Озерова, „напоминаетъ намъ не великаго князя москов-

„Дмитрій Донской".

скаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ". Эта неудачная романтическая вставка въ трагедію, которая должна была

Современныя иллюстраціи къ трагедіямъ Озерова. Сцена изъ трагедіи «Дмитрій Донской».

напоминать объ одномъ изъ величайшихъ русскихъ подвиговъ, повела автора ко многимъ несообразностямъ и даже къ уменьшенію достоинства Дмитрія, какъ главнаго героя дѣйствія. Ксенія,

княжна нижегородская, предназначенная отцомъ своимъ въ невѣсты князю тверскому, является въ воинскій станъ для того, чтобы вступить съ нимъ въ бракъ. Но она влюблена въ Дмитрія, а Дмитрій въ нее, и потому она противится волѣ отца, а Дмитрій не хочетъ ее уступить князю тверскому. Это вызываетъ междоусобіе въ средѣ князей, которые возстаютъ противъ Дмитрія и не хотятъ воевать противъ наступающаго грознаго Мамая. Наконецъ, Ксенія, подавая примѣръ самоотверженія Дмитрію, жертвуетъ собою и соглашается выйти замужъ за князя тверского. Дмитрій, приведенный въ отчаяніе этимъ поступкомъ Ксеніи, не рѣшается стать во главѣ своего войска въ день Куликовской битвы и главное начальство предоставляетъ князю Бренскому, своему наперснику; самъ онъ, какъ простой воинъ, сражается въ воинскихъ рядахъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи все заканчивается къ общему благополучію. Мамай побѣжденъ; раненый Дмитрій отысканъ на полѣ битвы — и всѣ воздаютъ ему честь побѣды, а князь тверской примиряется съ нимъ и уступаетъ ему руку Ксеніи. Такимъ образомъ выходитъ, что главный герой трагедіи не блистаетъ никакою твердостью характера и, въ этомъ отношеніи, уступаетъ пальму первенства многимъ изъ дѣйствующихъ лицъ: и Ксеніи, и Бренскому, и даже сопернику своему, князю тверскому... Но всѣ эти несообразности, отмѣченныя критикою, не останавливали на себѣ вниманіе современниковъ, настроенныхъ въ пользу автора тою высокою патріотическою тэмою, которая была имъ избрана въ основу его трагедіи. „Озеровъ,—по замѣчанію его біографа князя П. А. Вяземскаго,—въ трагедіи „Дмитрій Донской", напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи... и возвратилъ трагедіи истинное ея достоинство: питать гордость народную священными воспоминаніями и вызывать изъ древности подвиги великихъ героевъ, служащихъ образцами для потомства". И дѣйствительно, та чуткая патріотическая настроенность, которая господствовала въ обществѣ въ этотъ періодъ борьбы съ всесвѣтнымъ завоевателемъ, Наполеономъ, придавала особенное, великое значеніе трагедіи, вспоминавшей о патріотическомъ подвигѣ Дмитрія Донского, въ которомъ всѣ олицетворяли Александра, точно такъ же, какъ въ Мамаѣ видѣли Наполеона. И каждый монологъ, каждая отдѣльная фраза отдѣльной роли представлялись зрителямъ намекомъ на современныя политическія событія и отношенія или пророчествомъ по отношенію къ будущему. Театръ стоналъ отъ рукоплесканій и изступленныхъ криковъ восторга, когда Дмитрій, въ отвѣтъ на совѣты князя Бѣлозерскаго, говорилъ:

«Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ—миръ принять безчестный.
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.

Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно,
Но въ наши дни и честь, и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ...»

Или когда, на совѣты того же князя Бѣлозерскаго, который уговаривалъ Дмитрія — поберечь себя въ битвѣ, тотъ отвѣчаетъ:

«Мой долгъ: въ день мира—судъ, и мужество—въ день брани.
Могу ли ратнику сказать: иди впередъ,
Коль духу мой примѣръ ему не придаетъ?
И если Богъ судилъ въ своемъ благомъ совѣтѣ,
Для счастья Россіянъ мнѣ дни продлить во цвѣтѣ,
Чего страшитеся? Средь вражескихъ полковъ,
Пріосѣнитъ меня, какъ щитъ, его покровъ.
Идите же, друзья, и войскамъ объявите,
Что къ утру бой рѣшенъ...»

Такое же, истинно-потрясающее впечатлѣніе долженъ былъ производить его монологъ передъ началомъ Куликовской битвы:

«Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою...»

или монологъ боярина, объявляющаго объ окончательной побѣдѣ надъ Мамаемъ, начинавшійся знаменитой фразой:

«Рука Всевышняго отечество спасла...» [1])

Чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ, которое нельзя здѣсь не отмѣтить, оказывается въ этой трагедіи Озерова характеръ Ксеніи, отстаивающей свои права женщины на свободный выборъ себѣ супруга и вообще на свободу дѣйствій. Это чуть ли не первый протестъ, высказанный русскимъ авторомъ въ пользу женщинъ, да еще со сцены. При этомъ авторъ влагаетъ въ уста Ксеніи прямую ссылку на то, что приниженное и безправное положеніе женщины ведетъ свое начало отъ ненавистной татарщины и не имѣетъ ничего общаго съ древне-русскими понятіями объ отношеніи половъ:

«Подъ игомъ у татаръ мы заняли ихъ нравы,
И пола нашего межъ насъ ничтожны правы».

Неслыханный успѣхъ „Дмитрія Донского“ былъ, къ сожалѣнію, послѣднимъ успѣхомъ талантливаго автора. Судя по современнымъ намекамъ, какія-то довольно темныя интриги и клеветы „зоиловъ строгихъ, богатыхъ знатностью, талантами убогихъ“, значительно повредили около этого времени Озерову, какъ въ его служебной, такъ и въ литературной дѣятельности. Мно-

[1]) Впослѣдствіи эта фраза избрана была другимъ писателемъ, Кукольникомъ, въ заглавіе его патріотической драмы, явившейся на сценѣ въ 1834 г.

гія, весьма существенныя заслуги его, „вслѣдствіе интригъ и клеветы", не были оцѣнены по достоинству, и Озеровъ, по природѣ своей проникнутый благородною гордостью, обидѣлся и вышелъ

Современныя иллюстраціи къ трагедіямъ Озерова. Сцена изъ трагедіи «Поликсена».

въ отставку. Тогда онъ вынужденъ былъ поселиться въ своемъ родовомъ Казанскомъ имѣніи, селѣ Красный Яръ (Чистопольскаго уѣзда), единственной его личной собственности, такъ какъ имѣніе это досталось ему отъ матери. Здѣсь, въ глубокомъ уединеніи, „за студеною рѣкою Камою", какъ онъ самъ выражался въ письмахъ къ своему пріятелю А. Н. Оленину, онъ провелъ около семи лѣтъ. Письма его за это время проникнуты твердостью и

бодростью духа; онъ увѣряетъ своего друга, что „свою безпечную и свободную жизнь не промѣняетъ ни на сенаторское, ни на министерское мѣсто“, хотя жить ему приходилось въ „настоящей“ хижинѣ, потому что домъ его, не отдѣланный, „стоитъ безъ печей и безъ окончинъ“. Но онъ, повидимому, возлагалъ большія надежды на новую свою трагедію „*Поликсену*“ (онъ окончилъ ее въ октябрѣ 1808 г.), которую считалъ лучшею изъ своихъ трагедій. Однакоже, этой трагедіи суждено было послужить источникомъ новыхъ огорченій и оскорбленій для автора.

„Поликсена“. 14 мая 1809 г., послѣ многихъ хлопотъ со стороны друзей Озерова, „Поликсена“ была, наконецъ, поставлена на петербургской сценѣ. Трагедію играли дважды и Оленинъ писалъ Озерову, что публикѣ особенно понравился третій актъ его трагедіи. Очень любопытно то письмо, которымъ Озеровъ отвѣчалъ Оленину на это извѣщеніе:

„Если третье дѣйствіе нѣсколько поразило слушателей,— пишетъ Озеровъ, — то обязаны они симъ удовольствіемъ Еврипиду, у котораго я занялъ почти весь разговоръ Гекубы съ Улиссомъ: доказательство, что языкъ природнаго чувства есть языкъ всѣхъ народовъ. Стонъ и моленья Гекубы извлекали слезы изъ глазъ аѳинянъ и всѣхъ грековъ, и они же, черезъ двѣ тысячи и болѣе лѣтъ поразили зрителей въ Петербургѣ, гдѣ, съ небольшимъ за сто лѣтъ, молчаливо протекали межъ болотъ невскія струи, изображая въ водахъ своихъ печальныя ели, вѣковыя сосны и тощія березы. О, безсмертный Еврипидъ!.. Но болѣе еще безсмертенъ Петръ Великій, истинный отецъ отечества, который просвѣщеніемъ своихъ подданныхъ открылъ имъ новый источникъ наслажденій: наслажденій сердца и ума“.

Но „Поликсена“, послѣ второго представленія, была дирекціею снята со сцены, какъ говорятъ, по проискамъ партіи мелкихъ писакъ для сцены, съ княземъ А. А. Шаховскимъ во главѣ, и дирекція театра весьма безцеремонно, почти грубо, отказалась отъ исполненія условій, заключенныхъ съ авторомъ [1]). Эта прямая несправедливость такъ огорчила Озерова, что онъ отказался отъ новаго изданія въ свѣтъ „Дмитрія Донского“ и „Поликсены“, которыя предлагалъ ему извѣстный въ то время книгопродавецъ Заикинъ.

Планы новыхъ трагедій. Видно, что неудача съ „Поликсеной“ побудила Озерова еще болѣе замкнуться въ своемъ уединеніи, еще болѣе постараться забыть о своей литературной дѣятельности и всѣхъ огорченіяхъ,

[1]) Условія заключались въ томъ, что дирекція обязывалась выплатить Озерову послѣ второго представленія трагедіи 3,000 р., послѣ чего пьеса переходить въ собственность дирекціи. Пьеса была играна дважды и снята со сцены; автору же не было заплачено ни копейки.

принесенныхъ ему литературною извѣстностью. Однакоже, онъ не могъ еще отречься вполнѣ отъ своего назначенія: мы знаемъ, что онъ, въ послѣдніе годы жизни въ деревнѣ, началъ-было писать еще одну трагедію—„Медею". Говорятъ, что, въ припадкѣ меланхоліи, онъ сжегъ начало этой трагедіи, вмѣстѣ съ началомъ и планами двухъ другихъ („Вельгаръ, варягъ-мученикъ при Владимірѣ" и „Осада Дамаса"). Сверхъ того, въ письмахъ къ Оленину, Озеровъ много и довольно подробно говоритъ о своемъ намѣреніи избрать сюжетъ одной изъ своихъ будущихъ трагедій изъ нашей исторіи XVIII вѣка, и притомъ изъ самаго мрачнаго ея періода—изъ временъ Бироновщины:

„Я весьма расположенъ,—пишетъ онъ,—приняться за сочиненіе новой трагедіи, взятой изъ нашей исторіи, изъ царствованія императрицы Анны Іоанновны. Можетъ-быть, я вамъ уже говорилъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, о смерти Волынскаго, пострадавшаго отъ Бирона за правду и защиту русскаго народа [1]); за сіе сочиненіе желалъ бы я приняться, но не имѣю источниковъ, изъ которыхъ бы занялъ нужныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла... Я чувствую самъ, что такая трагедія никогда не можетъ быть играна на нашемъ театрѣ, но примусь ее писать для моихъ пріятелей".

Печальный конецъ.

Но этому плану не суждено было исполниться. Озеровъ все болѣе и болѣе впадалъ въ меланхолію... Дурное положеніе матеріальное при сильно-уязвленномъ самолюбіи окончательно разстроили его и вообще не крѣпкое здоровье нравственными страданіями... Мало-по-малу онъ впалъ въ совершенное разслабленіе нравственное, которое вскорѣ перешло въ тихое умопомѣшательство, такъ что старикъ-отецъ вынужденъ былъ перевезти несчастнаго сына изъ его казанской вотчины въ свою тверскую (село Казанское, Зубцовскаго уѣзда), гдѣ онъ, два года спустя, скончался и былъ погребенъ (1816 г.). Къ печальному концу его жизни какъ нельзя болѣе оказываются примѣнимы тѣ строки, которыми онъ самъ закончилъ свою любимую трагедію „Поликсену", гдѣ старецъ Несторъ, царь Пилоса, восклицаетъ:

«Среди тщеты надежды, среди страстей борьбы,
Мы бродимъ по землѣ игралищемъ судьбы.
Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится,
Счастливѣе сто кратъ, кто къ жизни не родится» [2]).

Въ значеніи нашего обзора литературной дѣятельности Озерова, мы должны, прежде всего, заявить, что не можемъ согла-

[1]) Очевидно, что Озеровъ, недостаточно знавшій о Волынскомъ, идеализировалъ его характеръ.

[2]) Любопытно, что эти слова были выпускаемы во время представленія этой трагедіи на сценѣ.

ситься съ господствующимъ у насъ мнѣніемъ, будто бы Озеровъ не обладалъ никакимъ самостоятельнымъ поэтическимъ даромъ, былъ слѣпымъ подражателемъ Дюсиса и успѣхомъ своимъ былъ, главнымъ образомъ, обязанъ гладкости стиха и чистотѣ языка своихъ трагедій. Такой взглядъ на Озерова, какъ драматическаго писателя, ведетъ свое начало отъ Пушкина, который его не любилъ, и вообще былъ критикомъ довольно пристрастнымъ. Успѣхъ Озерова, какъ намъ кажется, болѣе всего основывался на томъ, что онъ внесъ въ безжизненную до него, правильно построенную на подражаніи псевдо-классическимъ образцамъ, русскую трагедію—новый элементъ сентиментализма, которымъ, очевидно, увлекался самъ, вмѣстѣ со всѣмъ современнымъ ему молодымъ поколѣніемъ. Благодаря этому именно увлеченію, ему такъ удавались въ его трагедіяхъ женскіе характеры, вызывавшіе понятный намъ восторгъ и восхищеніе современниковъ: его Антигона, Моина и Ксенія много способствовали даже и развитію драматическаго искусства на нашей сценѣ, потому что представляли собою живые типы, достойные серьезнаго изученія и вдохновлявшіе актеровъ къ игрѣ. Притомъ, Озеровъ первый изъ нашихъ драматическихъ авторовъ рѣшился допустить въ своихъ трагедіяхъ даже и прямыя нарушенія [1]) прочно установившихся традицій псевдо-классической теоріи. Въ виду всего этого, наименьшею оцѣнкою достоинствъ Озерова должно, конечно, быть слѣдующее заключеніе о немъ: Озеровъ сдѣлалъ для нашей драмы то же, что Карамзинъ для легкой, беллетристической прозы, а Дмитріевъ—для лирики; но едва ли онъ не выше ихъ стоитъ, какъ писатель, по высокимъ достоинствамъ своего языка, и звучнаго, гармоническаго выраженія мысли въ стихѣ. Во всякомъ случаѣ, Озерова нельзя не признать талантливѣйшимъ изъ послѣдователей Карамзина. Литературныя заслуги Озерова были, впрочемъ, вполнѣ справедливо оцѣнены его біографомъ, княземъ П. А. Вяземскимъ:

Критика объ Озеровѣ.

„Излишнимъ кажется доказывать,—пишетъ Вяземскій,—что ни Княжнинъ, ни Сумароковъ не были его образцами; и смѣшно напоминать, что произведенія, послѣдовавшія за его трагедіями, не имѣютъ никакого съ ними сходства... Трагедіи Озерова занимаютъ между ними среду, и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ отступленіе отъ правилъ, исполненныя жизни и носящія свой образъ. Онѣ уже нѣсколько принадлежатъ къ новѣйшему драматическому роду, такъ-называемому ро-

---

[1]) Такъ, въ «Эдипѣ», главное дѣйствующее лицо—самъ Эдипъ—является у Озерова только во 2-мъ дѣйствіи; такъ его «Фингалъ» заключаетъ въ себѣ только три дѣйствія, вмѣсто пяти, и т. д.

мантическому, который принятъ нѣмцами отъ испанцевъ и англичанъ".

Въ этомъ именно смыслѣ Озеровъ занимаетъ въ исторіи нашей драмы весьма видное и притомъ вполнѣ самостоятельное положеніе, которое не можетъ быть отнято у него никакими указаніями на его промахи и погрѣшности.

Около Озерова мы видимъ цѣлую плеяду гораздо менѣе талантливыхъ, но замѣчательно плодовитыхъ писателей, которые страстно преданы театру, усердно работаютъ для сцены въ теченіе всей своей жизни и тѣмъ самымъ лично способствуютъ подъему сценическаго искусства и развитію среди публики вкуса къ театру и къ драматической литературѣ вообще. Кромѣ того, нельзя не отмѣтить и еще одного важнаго явленія, вызваннаго именно тѣмъ значеніемъ, которое театръ начинаетъ получать въ русской общественной жизни—являются первыя попытки драматической критики, не въ видѣ придирчивыхъ и бранчивыхъ осужденій и порицаній, бездоказательныхъ и сплошныхъ, а въ видѣ оцѣнки достоинствъ и недостатковъ пьесы, по сравненію ея съ классическими образцами, съ указаніями теоріи и съ примѣненіями теоріи у того или другого изъ современныхъ иностранныхъ писателей для сцены.

Видное мѣсто въ числѣ драматическихъ писателей, принадлежавшихъ къ первой четверти XIX вѣка, занимаетъ несомнѣнно князь *Александръ Александровичъ Шаховской* (1779—1846 гг.), современникъ Озерова, и въ то же время его соперникъ по театру, относившійся къ нему враждебно и несправедливо. Этотъ неистощимо-плодовитый писатель, поставившій на сцену около 80 пьесъ, уже потому имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи нашей драматической литературы, что былъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка главнымъ поставщикомъ пьесъ для сценическаго репертуара, ревниво оберегавшимъ доступъ на сцену отъ всякихъ стороннихъ попытокъ вторженія, внѣ извѣстнаго, близкаго къ нему и дружнаго съ нимъ кружка. Преданный всею душою сценѣ и ея интересамъ, князь А. А. Шаховской долгое время служилъ при театральной дирекціи въ весьма дѣятельной роли завѣдующаго репертуарной частью [1], но и покинувъ службу, не могъ разстаться со сценою: только и работалъ для нея и проводилъ всю жизнь въ кружкѣ актеровъ и писателей для сцены, руководя одними и давая наставленія другимъ. По общему характеру и направленію своей дѣятельности, князь Шаховской напоминаетъ намъ типы многихъ современныхъ намъ писателей

А. А. Шаховской.

[1]) Обязанность завѣдующаго репертуарною частью и тогда, какъ и теперь, заключалась въ постановкѣ пьесъ на сценѣ; ему же поручались для обученія молодые, вступающіе на сцену актеры и актрисы.

для сцены, и не хуже ихъ умѣлъ пользоваться всѣми сценическими эффектами и блестящей обстановкой для возвышенія достоинства своихъ пьесъ, не отличавшихся ни глубиною содержанія, ни особенною талантливостью изложенія. Сверхъ того, онъ былъ не прочь отъ возможности воспользоваться случаемъ осмѣянія на сценѣ того или другого изъ современныхъ ему направленій въ литературѣ и даже выставить на общее осмѣяніе извѣстный типъ писателей, который почему-либо имѣлъ несчастіе ему не нравиться или просто не принадлежалъ къ одному съ нимъ литературному лагерю[1]). Несомнѣнною заслугою Шаховского было то, что онъ первый задумалъ издавать (въ 1858 г.) журналъ „*Драматическій Вѣстникъ*", исключительно посвященный интересамъ сцены и драматической литературѣ. Главною цѣлью этого органа было „изысканіе въ древнихъ сочиненіяхъ всего, касающагося художества, и тѣмъ содѣйствовать отвращенію дурного вкуса, который, господствуя въ новыхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, развращающихъ и умъ, и сердце, угрожаетъ заразить и нашу словесность". Въ виду этого, въ „Драматическомъ Вѣстникѣ" помѣщалось много статей чисто-теоретическихъ (преимущественно переводныхъ) и критическихъ, главнымъ образомъ осуждающихъ новѣйшее направленіе такъ называемыхъ „мѣщанскихъ драмъ" и, въ частности, драмы Коцебу.

М. Н. Загоскинъ.

Въ теченіе своей долгой литературной карьеры, Шаховской, впрочемъ, много разъ переходилъ отъ одного направленія къ другому. Сначала, строгій классикъ, сторонникъ Россійской академіи и шишковской „Бесѣды" и поклонникъ французскихъ ложноклассическихъ образцовъ... Затѣмъ, около 1820 г., онъ измѣнилъ

---

[1]) Такъ, въ комедіи «Новый Стернъ» имъ было осмѣяно сентиментальное направленіе вообще и въ частности «Письма русскаго путешественника» Карамзина; въ комедіи «Липецкія воды»—Жуковскій и его баллады.

классикамъ и увлекся романтическимъ направленіемъ, которое внесъ въ драму, безъ малѣйшаго затрудненія заимствуя сюжеты для своихъ произведеній изъ Оссіана и Шекспира, изъ Вальтеръ-Скотта и даже изъ юношескихъ поэмъ Пушкина [1]). Отъ романтической драмы и трагедіи былъ уже только одинъ шагъ до перехода въ томъ же направленіи на русскую почву; и вотъ изъ-подъ пера Шаховского стали являться, одна за другою, драмы, заимствованныя то изъ модныхъ современныхъ романовъ („Рославлевъ“ и „Юрій Милославскій“ — Загоскина), то изъ исторіи Карамзина („Соколъ князя Ярослава Тверского“ и „Смольняне“), то изъ быта волжскихъ разбойниковъ („Двумужница“), то изъ прошлаго русской сцены и русской литературы („Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ“ и „Ломоносовъ или рекрутъ-стихотворецъ“) и т. д. Все это, съ начала и до конца, были произведенія весьма посредственныя, спѣшно написанныя, безъ особыхъ притязаній на высокія литературныя достоинства; но все это нравилось публикѣ, держалось довольно долго на сценѣ и давало возможность актерамъ проявлять свои таланты со многихъ и весьма разнообразныхъ сторонъ. Самъ Шаховской, въ этомъ послѣднемъ поворотѣ своей литературной дѣятельности на почву русской романтической драмы, видѣлъ не болѣе какъ „опыты“, которыми онъ хотѣлъ открыть дорогу людямъ, имѣющимъ болѣе его дарованія—иначе сказать: хотѣлъ отвлечь отъ подражанія иностраннымъ образцамъ и создать нѣчто въ родѣ самостоятельной народной драмы. Въ своихъ „опытахъ“ онъ уже примѣнилъ на сценической практикѣ такіе пріемы, которые много придавали красы довольно безсодержательнымъ сюжетамъ его драмъ: такъ, въ драмѣ „Двумужница“ были очень ловко введены старинныя святочныя игры и пѣсни, а въ оперѣ-водевилѣ „Казакъ-стихотворецъ“—малороссійскія пѣсни, положенныя на музыку,—и этотъ народный элементъ очень нравился публикѣ [2]).

Мы уже упоминали выше о необычайной плодовитости Шаховского и приблизительно опредѣляли цифру его произведеній; къ этому не мѣшаетъ добавить, что онъ писалъ во всѣхъ родахъ произведеній, имѣющихъ доступъ на сцену: и драмы, и трагедіи, и комедіи, и водевили, и оперы, и балеты... Но главнымъ, излюбленнымъ его родомъ произведеній была комедія, которая ему

---

[1]) Для примѣра приводимъ слѣдующія произведенія Шаховского: драмы—«Иваной или возвращеніе Ричарда Львиное Сердце»—заимствованная изъ В.-Скотта; «Таинственный Карло или долина чернаго камня»—драма въ стихахъ В.-Скотта; «Буря»—волшебно-романтическое зрѣлище — изъ Шекспира; «Алеппскій горбунъ» — водевиль изъ арабскихъ сказокъ; «Финнъ»—трагедія, заимствованная изъ «Руслана и Людмилы».

[2]) Многія изъ пѣсенъ, введенныхъ Шаховскимъ въ эти полународныя драмы, были имъ сочинены; но, положенныя на музыку, распѣвались въ обществѣ, получили большое распространеніе и вошли въ разные пѣсенники, наравнѣ съ народными.

болѣе всего удавалась, особенно если онъ почерпалъ ея сюжеты изъ хорошо ему знакомаго быта помѣщиковъ средней руки... Полагаемъ, однакожъ, что онъ не столько принесъ пользы нашей сценической литературѣ всѣми своими произведеніями, сколько примѣромъ своего неутомимаго усердія къ сценѣ, своими шумными успѣхами, своею постоянною и разнообразною дѣятельностью, направленною къ обогащенію русской сцены. И самый домъ Шаховского былъ уже цѣлою школою для того кружка писателей и актеровъ, который постоянно собирался около князя-писателя. Къ этому кружку принадлежали всѣ, наиболѣе выдающіеся писатели для сцены, современники Шаховского (директоръ московскаго театра Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, М. Н. Загоскинъ, Н. И. Хмѣльницкій и П. А. Катенинъ). Въ этомъ кружкѣ выросъ, окрѣпъ и развился замѣчательнѣйшій нашъ драматургъ первой четверти XIX вѣка — Грибоѣдовъ, которому мы посвятимъ одну изъ послѣдующихъ главъ нашей книги. Но о другихъ писателяхъ, упомянутыхъ нами въ кружкѣ Шаховского, намъ придется сказать всего по нѣсколько словъ.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. *Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ* (род. 1773 г.), по службѣ своей при театрѣ и по страсти къ сценѣ, увлеченъ былъ и къ авторству: — сначала онъ переводилъ Мольерова „Мизантропа“, а потомъ и самъ написалъ нѣсколько оригинальныхъ комедій. Съ 1823 г. онъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ директоромъ московскаго театра и принесъ значительную пользу московской сценѣ умѣлымъ выборомъ актеровъ и тщательною постановкою пьесъ на сценѣ, которую онъ зналъ превосходно, будучи и самъ талантливымъ актеромъ. Достаточно будетъ здѣсь припомнить, что знаменитый комикъ нашъ, Щепкинъ, былъ вызванъ Кокошкинымъ изъ провинціи, а трагикъ Мочаловъ воспиталъ и развилъ свой дивный сценическій даръ подъ руководствомъ Кокошкина.

М. Н. Загоскинъ. Въ непосредственной связи съ Кокошкинымъ и Шаховскимъ началъ писать для сцены и *Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ* (род. 1789 г., ум. 1852 г.), извѣстный романистъ и авторъ „Юрія Милославскаго“. Для сцены онъ написалъ рядъ комедій [1]), въ которыхъ онъ ничуть не задавался большими нравственными задачами и серьезными вопросами, а больше заботился о томъ, чтобы развлечь и повеселить публику. Этой цѣли онъ достигалъ вполнѣ, потому что пьесы его отличались чрезвычайною простотою и немногосложностью содержанія и самою неподдѣльною, искреннею, игривою веселостью.

Н. И. Хмѣльницкій. По размѣрамъ литературнаго таланта и направленія своихъ комедій очень близко подходитъ къ Загоскину *Николай Ивановичъ*

[1]) «Комедія противъ комедіи», «Господинъ Богатоновъ», «Вечеринка ученыхъ», «Добрый малый», «Утѣха холостымъ или наслѣдники», «Благородный театръ».

Хмѣльницкій (род. 1789 г., ум. 1846 г.), потомокъ извѣстнаго гетмана [1]). Будучи человѣкомъ весьма образованнымъ и отличнымъ знатокомъ французской драматической литературы, Хмѣльницкій, прежде всего, пріобрѣлъ себѣ почетное литературное имя переводомъ двухъ комедій Мольера „Тартюфъ" и „Школа женщинъ"; а затѣмъ поставилъ на сцену цѣлый рядъ подражаній и передѣлокъ съ французскаго, а также и оригинальныхъ комедій, которыя очень нравились публикѣ и долго держались на сценѣ, благодаря своей тщательно-законченной формѣ, изяществу изложенія и гладкости стиха. Публикѣ нравились въ числѣ его пьесъ: „*Воздушные замки*", „*Семь пятницъ на недѣлѣ*" и „*Суженаго конемъ не объѣдешь*". Современники особенно хвалили водевили Хмѣльницкаго.

Рядомъ съ этими усердными работниками для сцены видимъ и еще одного писателя—*Павла Александровича Катенина* (1792—1853 г.), который является болѣе замѣчательнымъ какъ критикъ, нежели какъ писатель для сцены. Въ кружкѣ Шаховского онъ слылъ большимъ авторитетомъ въ дѣлѣ сценическаго искусства; но, какъ убѣжденный классикъ, признававшій только французскихъ трагиковъ эпохи Людовика XIV, онъ чуть не разссорился съ Шаховскимъ, когда тотъ перешелъ въ своихъ драмахъ къ романтическому направленію. Собственная его литературная дѣятельность выразилась только переводомъ одного дѣйствія „*Горацієвъ*" и „*Сида*" изъ Корнеля [2]) и переводомъ „*Эсөири*" Расина, въ подражаніе которому онъ написалъ и оригинальную трагедію „Андромаху". Все это сухо, вяло и скучно и не свидѣтельствуетъ о талантѣ Катенина, какъ переводчика и какъ писателя. Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія его критическіе опыты, которые онъ помѣщалъ въ „*Литературной Газетѣ*" Дельвига (въ 1830 г.) подъ общимъ названіемъ: „*Размышленія и разборы*". Какъ убѣжденный (можно сказать даже предубѣжденный) классикъ, онъ судилъ въ этихъ статьяхъ обо всемъ съ точки зрѣнія классическихъ образцовъ и отрицалъ всякое значеніе Шекспира, въ отвѣтъ на восторженную оцѣнку его извѣстнымъ нѣмецкимъ критикомъ Августомъ Шлегелемъ. **П. А. Катенинъ.**

---

[1]) Біографія его заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Отецъ его, Иванъ Парфентьевичъ Хмѣльницкій, былъ человѣкъ весьма образованный, учился за границей и былъ докторъ Кенигсбергскаго университета. Сынъ получилъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ извѣстнаго писателя Эмина, а потомъ закончилъ образованіе въ Горномъ корпусѣ. Въ 1812 г. видимъ его въ ополченіи и адъютантомъ при Кутузовѣ, позднѣе - правителемъ канцеляріи у Милорадовича и наконецъ смоленскимъ и архангельскимъ губернаторомъ.

[2]) Это не помѣшало Пушкину внести въ своего «Евгенія Онѣгина» знаменитый стихъ: «Катенинъ воскресилъ (на сценѣ) Корнеля геній величавый...» Стихъ этотъ можно объяснить только тѣмъ, что Пушкинъ былъ друженъ съ Катенинымъ, а друзей своихъ онъ любилъ баловать своими похвалами не по заслугамъ.

Въ этомъ-то кружкѣ и воспитался и развился литературно одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ писателей нашихъ—Грибоѣдовъ. Кружокъ Шаховского, въ который онъ попалъ очень юнымъ, вскорѣ по окончаніи отечественной войны, увлекъ его къ дѣятельности литературной, къ работѣ для сцены, которую онъ такъ же полюбилъ, какъ и кружокъ актеровъ. Въ дружбѣ съ Катенинымъ и Хмѣльницкимъ, и съ болѣе молодыми, второстепенными писателями для сцены (Жандромъ и Корсаковымъ) онъ создалъ первые свои сценическіе опыты—сдѣлалъ первые шаги на драматическомъ поприщѣ. Эти опыты, явившіеся на сценѣ между 1815 и 1818 гг., были еще настолько слабы и несамостоятельны, что въ нихъ нельзя было предвидѣть будущаго творца знаменитой комедіи, которая впослѣдствіи составила славу Грибоѣдова. Но эти первые опыты увлекли юнаго автора, а жизненный опытъ, знаніе свѣта, умъ и талантъ помогли довершить остальное.

Заглавная виньетка къ сочиненіямъ Озерова.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отживающее прошлое въ литературныхъ формахъ лирики и эпоса у нашихъ писателей первой четверти XIX вѣка.—Нѣкоторыя новыя явленія въ лирикѣ, на почвѣ народности.—Нелединскій-Мелецкій и Мерзляковъ.—Назидательный элементъ въ сатирѣ и баснѣ.—Важнѣйшіе представители этихъ родовъ поэзіи отъ И. И. Дмитріева до Измайлова и князя Вяземскаго.

Въ 1807 году скончался М. М. Херасковъ, наиболѣе видный представитель стараго русскаго эпоса; въ іюлѣ 1815 года „рѣка временъ въ своемъ стремленьи" унесла и знаменитаго русскаго лирика Державина, пѣвца Екатерины... Въ лицѣ этихъ представителей давно минувшаго вѣка отживали свой вѣкъ и тѣ литературныя формы, разработкѣ которыхъ они такъ настойчиво и такъ усердно посвящали всѣ досуги своей долгой жизни и свою многолѣтнюю литературную карьеру. То, что нимало никому не казалось страннымъ въ вѣкъ Екатерины, что казалось тогда примѣнимо и къ событіямъ, и къ людямъ, и къ общему характеру эпохи, вдругъ оказалось страннымъ и совсѣмъ неприложимымъ къ эпохѣ Александра, хотя и не менѣе славной и не менѣе богатой замѣчательными событіями, громкими побѣдами и крупными, выдающимися личностями. Оды стали рѣдкостью, почти диковинкой: онѣ уступили мѣсто другимъ, менѣе торжественнымъ родамъ лирики. И поэма эпическая, требующая усиленной и долгой работы и напряженнаго вдохновенія, тоже теряетъ свое обаяніе: за нее берутся неохотно, для нея не находятъ достойныхъ предметовъ воспѣванія. Но эти литературныя формы не сразу уступаютъ мѣсто другимъ формамъ, къ которымъ склоняется общій вкусъ, которыя становятся модными, излюбленными формами современнаго творчества... Литераторы стараго закала, для которыхъ не только произведенія Державина, но даже произведенія Ломоносова еще представлялись послѣднимъ словомъ поэтическаго вдохновенія, конечно, старались подражать этимъ образцамъ и возрождать ихъ въ своихъ произведеніяхъ; даже и литераторы новой школы, на которыхъ такъ яростно нападали литературные старовѣры, съ Шишковымъ во главѣ, тоже изрѣдка платили дань минувшему, посвящая свое вдохновеніе отжившей торжественной лирикѣ. Такъ Карамзинъ привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Александра торжественною одой и позднѣе—такою же одой—его торжество надъ Наполеономъ. Къ такой же одѣ побудило И. И. Дмитріева взятіе Варшавы русскими войсками [1]... Такою же торжественною, хвалебною одою явилось въ 1812 году и извѣстное произведеніе Жуковскаго: „*Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*", хотя, впрочемъ,

[1]) Ода носитъ заглавіе: «Гласъ патріота на взятіе Варшавы».

въ этомъ стихотвореніи его нѣсколько повышенный тонъ и патетическая настроенность оправдывались чрезвычайностью тѣхъ событій, среди которыхъ оно было написано [1]).

Отголоскомъ минувшаго были и тѣ духовно-нравственныя стихотворенія, тѣ подражанія псалмамъ и переложенія псалмовъ, которыя ведутъ свое начало отъ лирики Ломоносова и Державина и стоятъ съ ней въ тѣсной связи. Этого рода произведеніями лирика первой четверти XIX вѣка довольно богата. Одною изъ такихъ пьесъ является извѣстный гимнъ Дмитріева („Размышленіе по случаю грома“): „Гремитъ... благоговѣй сынъ персти“. По тону и общей построенности онъ напоминаетъ извѣстную оду Ломоносова, выставляющую на видъ ничтожество человѣка по сравненію съ всемогуществомъ Божіимъ.

А. Ѳ. Мерзляковъ. Особенно славился своими духовными одами извѣстный профессоръ краснорѣчія и поэзіи при московскомъ университетѣ— *Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ* (род. 1778 г., ум. 1830 г.), ученый теоретикъ по вопросамъ словесности, критикъ, ораторъ и поэтъ. Его оды—„*На разрушеніе Вавилона*“, избранныя изъ пророка Исаіи, „*Пѣснь Моисеева, по прехожденіи Чермнаго моря*“, „*Пѣснь Моисея передъ кончиной*“, „*Гласъ Божій въ громѣ*“, „*Гимнъ Непостижимому*“ — считались образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями и, въ виду своихъ высокихъ поэтическихъ достоинствъ, приравнивались даже къ произведеніямъ Ломоносова. Въ особенности двѣ первыя изъ упомянутыхъ выше одъ заучивались наизусть и помѣщались непремѣнно во всѣхъ сборникахъ образцовыхъ произведеній русской словесности почти въ теченіе полувѣка.

Н. М. Шатровъ. Гораздо менѣе удачными были подражанія псалмамъ и духовныя пѣсни *Николая Михайловича Шатрова* (род. 1765 г., ум. 1841 г.) одного изъ самыхъ рьяныхъ и закорепѣлыхъ сторонниковъ Шишкова и его „славенщизны“. Онъ исключительно обращалъ свой поэтическій даръ на эти духовныя пѣснопѣнія и подновлялъ ихъ исключительно тѣмъ, что содержаніе нѣкоторыхъ изъ числа ихъ старался приноровить къ современнымъ событіямъ борьбы, которую Россія вела съ Наполеономъ.

Ѳ. Н. Глинка. Не менѣе Шатрова выказалъ усердіе къ тому же роду лирики и *Ѳедоръ Николаевичъ Глинка* (род. 1788 г., ум. 1856 г.)—родной братъ уже извѣстнаго намъ журналиста-патріота, Сергѣя Николаевича. Онъ долгое время почти исключительно направлялъ свое поэтическое вдохновеніе на всякаго рода переложенія изъ Библіи, которыя помѣщалъ въ современныхъ журналахъ и сборникахъ, а затѣмъ собралъ въ довольно объемистый сборникъ подъ заглавіемъ: „*Опыты священной поэзіи*“ (1826 г.).

[1]) Послѣ того, какъ Москва была отдана французамъ, незадолго до сраженія при Тарутинѣ, когда патріотическое настроеніе было всеобщимъ.

Многія изъ стихотвореній Ѳ. Н. Глинки, помѣщенныя въ этихъ „Опытахъ", считались въ то время образцовыми [1]), но его переложенія псалмовъ ставились ниже переложеній и Мерзлякова, и Шатрова, такъ какъ отличались излишнимъ многословіемъ и потому казались болѣе слабыми.

Надо, однакоже, замѣтить, что съ нашей лирикой начала XIX столѣтія произошло нѣчто весьма странное и своеобразное. Выше видѣли мы, что еще въ концѣ XVIII вѣка русская старина и народность уже начали привлекать къ себѣ вниманіе русскаго общества и мало-по-малу оказывать даже нѣкоторое вліяніе на литературу. Сентиментальное направленіе даже воспользовалось главною формою народной поэзіи — *пѣснею* — и главные представители сентиментализма (Карамзинъ и Дмитріевъ) даже создали нѣчто среднее между романсомъ и пѣснею, какую-то искусственную форму, которая, однакоже, очень нравилась и пришлась по вкусу современному обществу. Было такое время, когда чуть ли не въ каждомъ домѣ распѣвались чувствительные романсы— *„Конченъ, конченъ дальній путь"* (Карамзина) или *„Стонетъ сизый голубочекъ"* (Дмитріева); а за ними наступилъ чередъ ихъ ближайшаго подражателя и поклонника, *Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго* (род. 1751 г., ум. 1829 г.), который всѣхъ приводилъ въ восторгъ своими нѣжными пѣсенками и романсами. Но всѣ эти мелкія лирическія произведенія были еще очень далеки отъ настоящихъ, художественныхъ подражаній народному творчеству; они болѣе тяготѣли къ легкой и модной въ то время французской сентиментальной лирикѣ, какъ она проявлялась въ произведеніяхъ

А. Ѳ. Мерзляковъ.

[1]) Напримѣръ: «Исканіе Бога», «Земная грусть», «Гласъ къ Господу», «Горе и благодать» и нѣкоторыя другія. Ѳ. Н. Глинка не оставлялъ этого рода поэзію до конца своей весьма продолжительной жизни.

Дорà, Шольё и другихъ. Первыя сносныя подражанія народной поэзіи—по странной игрѣ случайностей и противорѣчій—вышли изъ-подъ пера Мезлякова—самаго строгаго классика, отрицавшаго все, кромѣ французскихъ ложно-классическихъ образцовъ, неприязненно относившагося къ сентиментализму и уже прямо враждебно къ романтизму, начинавшему все болѣе и болѣе отвоевывать себѣ почвы. Это объясняется тѣмъ, что Мерзляковъ былъ сынъ небогатаго пермскаго купца, и слѣдовательно происходилъ изъ общественнаго слоя, близко стоявшаго къ народу [1]). Долгіе годы ученія и вступленіе на литературное поприще подъ руководствомъ Хераскова, при полнѣйшемъ преобладаніи ложно-классическихъ началъ, наложили свою печать на Мерзлякова и сроднили его съ причудливою теоріею. Но живая струя народности пробила эту наносную почву и выбилась изъ-подъ нея ключомъ истиннаго вдохновенія, нестѣсняемаго никакими теоріями: авторъ религіозныхъ пѣснопѣній и величавыхъ патріотическихъ одъ, не признававшій тѣхъ произведеній, которыя не подходили подъ правила теоріи, находилъ и время, и возможность писать нѣжныя пѣсни и романсы, сложенные по образцу произведеній народнаго творчества. Онъ, повидимому, и самъ себѣ не отдавалъ

Князь И. М. Долгоруковъ.

[1]) Онъ родился въ г. Далматовѣ (Пермской губ.) и воспитывался въ домѣ своего дяди въ Перми. Здѣсь обратилъ на него вниманіе директоръ пермской гимназіи И. И. Панаевъ, и записалъ его въ народное училище. На 14-мъ году Мерзляковъ написалъ «оду на заключеніе мира со шведами»—и эта ода была препровождена къ императрицѣ Екатеринѣ, которая приказала оду напечатать, а юношѣ доставила средства продолжать образованіе въ московскомъ университетѣ. Здѣсь онъ воспользовался покровительствомъ Хераскова, прослушалъ полный курсъ россійской, греческой и латинской словесности и, успѣшно окончивъ курсъ, съ 1804 г. былъ самъ уже профессоромъ краснорѣчія и словесности при томъ же университетѣ и должность эту сохранилъ до конца жизни.

отчета въ томъ, что, поступая такимъ образомъ, сходитъ съ пути строгаго классицизма и прямо вступаетъ въ область романтики. Онъ самъ сообщаетъ намъ о своихъ пѣсняхъ, что онѣ сложены имъ „во время мечтаній о той сладостной жизни или не-жизни, о которой жалѣетъ, и въ которой не можетъ себѣ дать отчета, какъ во снѣ“... Въ этихъ произведеніяхъ Мерзлякова чуется правдивое пониманіе духа народной поэзіи и несомнѣнно искреннее, неподдѣльное чувство. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ и романсовъ его отзываются желаніемъ искусственно украсить выраженіе чувства всякими внѣшними прикрасами (напримѣръ, въ извѣстной пѣснѣ: „*Среди долины ровныя*“); но въ большей части ихъ слышатся намъ чисто-русскіе звуки, и простота выраженія мысли какъ разъ подходитъ къ пѣсенному складу [1]). Повидимому, Мерзляковъ, при всѣхъ своихъ теоретическихъ заблужденіяхъ, обладалъ вообще чутьемъ къ народной поэзіи, и,—что весьма замѣчательно по тому времени—высоко цѣнилъ русскія народныя пѣсни; такъ, въ одной изъ своихъ рѣчей [2]), онъ даже побуждаетъ къ ихъ собиранію и сохраненію, выражаясь объ этихъ памятникахъ: „О, какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ!“—восклицаетъ онъ. „Собирая древности чужія, не хотимъ заняться памятниками, которые оставили знаменитые предки наши... Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть. Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились такъ-называемаго первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются, и, наконецъ, совсѣмъ уступятъ мѣсто блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели не увидимъ ничего болѣе подобнаго несравненной пѣсни Игорю!“

Мысли, высказанныя здѣсь, нельзя не назвать въ высшей степени замѣчательными, въ особенности, если мы припомнимъ, какъ большинство нашихъ писателей и ученыхъ еще незадолго передъ тѣмъ относилось къ произведеніямъ народной поэзіи.

Какъ въ лирикѣ начала XIX вѣка сказывались еще традиціи прошлаго вѣка и навыки эпохи, въ которую псевдо-классицизмъ былъ преобладающимъ направленіемъ; такъ — еще болѣе отголосковъ этой эпохи можно было найти въ эпическихъ произведеніяхъ первой четверти XIX вѣка. Эпосъ почему-то представлялся еще такимъ литературнымъ родомъ, которому слѣдо- **Попытки эпическія**

---

[1]) Многія изъ нихъ, напр. «Чернобровый, черноглазый молодецъ удалый», или «Ахъ, что жъ ты, голубчикъ, невесело сидишь», или «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить»—получили такое обширное распространеніе, что впослѣдствіи перешли и въ народъ.

[2]) Изъ рѣчи «О духѣ и отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы и на благосостояніе народовъ» — произнесена была на актѣ университета 30 іюня 1808 года.

вало отдавать предпочтеніе передъ всѣми другими родами поэзіи, потому что онъ, будто бы, требовалъ особенной настроенности, особой высшей степени вдохновенія. И вотъ, въ началѣ XIX вѣка видимъ нѣсколько подражателей Ломоносову и Хераскову, котораго авторитетъ еще былъ незыблемъ. Подражатели эти и принадлежали, по литературнымъ убѣжденіямъ своимъ, къ тому кружку Шишкова, который былъ очень склоненъ уважать и проводить въ жизнь старыя литературныя традиціи... Любопытно, что одна и та же тэма, соблазнившая уже Ломоносова, была избрана, почти одновременно, двумя поэтами начала XIX вѣка: и имъ тоже жизнь и дѣятельность Петра Великаго представлялись достойными эпической поэмы. И вотъ, князь *Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ* (род. 1783 г., ум. 1837 г.) пишетъ „лирическое пѣснопѣніе въ 8-ми пѣсняхъ“ подъ заглавіемъ: „*Петръ Великій*“ (1810 г.), а два года спустя, въ 1812 году, выходитъ въ свѣтъ эпическая поэма *Грузинцева* [1]): „*Петріада*“, въ 10 пѣсняхъ. И та и другая,—поэмы напыщенныя, высокопарныя, безжизненныя и скучныя—никому не могли нравиться и были жестоко осмѣяны при своемъ появленіи въ свѣтъ [2]).

Особенно богатъ былъ эпическими поэмами тѣхъ же авторовъ тотъ періодъ, въ который такъ пышно расцвѣла у насъ патріотическая литература, т. е. періодъ борьбы съ Наполеономъ. Такъ, въ 1807 году князь С. А. Ширинскій-Шихматовъ написалъ новую лирическую поэму въ 3-хъ пѣсняхъ: „*Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенная Россія*“; а Грузинцевъ воспѣлъ торжество Россіи надъ Наполеономъ въ поэмѣ: „*Спасенная и побѣдоносная Россія въ девятомъ-на-десять вѣкѣ*“ (1813 г.). Само собою разумѣется, что и въ поэмѣ Ширинскаго-Шихматова, и въ другой, подобной же, поэмѣ Александра Волкова—„*Освобожденная Москва*“ (изд. 1820 г.),—лица и событія XVII вѣка прямо пріурочивались къ фактамъ борьбы Россіи съ Наполеономъ и только это еще придавало нѣкоторый литературный интересъ подобнымъ поэмамъ — сухимъ, трескучимъ и бездарнымъ произведеніямъ отживающаго искусственнаго эпоса. Любопытно, что авторъ послѣдней поэмы сдѣлалъ даже какъ бы нѣкоторую попытку къ освѣженію и видоизмѣненію обычныхъ пріемовъ этого литературнаго рода; онъ исключилъ оттуда весь миѳологиче-

---

[1]) Грузинцевъ былъ болѣе извѣстенъ своими драматическими произведеніями.

[2]) Батюшковъ направилъ противъ одной изъ этихъ поэмъ очень злую, но и очень вѣрную эпиграмму, которою вполнѣ ясно опредѣлилъ ея значеніе въ нашей литературѣ:

«Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой—
Петръ Длинный, Петръ Большой—но только Петръ Великій
Ее не называй!»

скій элементъ, а боговъ языческаго Олимпа замѣнилъ дуалистическимъ началомъ христіанскихъ воззрѣній, олицетворяя все доброе въ видѣ Верховнаго Промысла, а все противное ему—въ видѣ нечистой силы. Но никакіе пріемы, конечно, не могли послужить на пользу бездарности, которою—увы!—страдали поголовно всѣ авторы эпопей начала XIX вѣка [1]), тщетно пытавшіеся вынести на своихъ плечахъ псевдо-классическую эпопею...

Повѣсти. Беницкій.

Гораздо болѣе посчастливилось другому виду эпоса — *повѣсти*, которая, со времени первыхъ успѣховъ Карамзина, начинаетъ болѣе и болѣе пріобрѣтать значенія и становится мало-по-малу любимѣйшимъ чтеніемъ русскаго общества—неизбѣжною составною частью каждой книжки журнала. Среди массы всякаго переводнаго и подражательнаго запаса всевозможныхъ беллетристическихъ произведеній начинаютъ появляться и весьма любопытныя попытки оригинальнаго наблюденія и описанія настоящей жизни и дѣйствительности. Между тѣмъ, какъ въ журналистикѣ перваго десятилѣтія XIX вѣка мимолетнымъ метеоромъ мелькнули „восточныя повѣсти“ и „параллели“ талантливаго *Александра Петровича Беницкаго* (род. 1781 г., ум.

В. Нарѣжный.

[1]) Для полноты картины, нельзя не припомнить здѣсь и еще одного весьма туманнаго поэта-мистика, *Семена Сергѣевича Боброва* (1760—1810), который тоже былъ ученикомъ и подражателемъ Хераскова. Онъ написалъ двѣ поэмы: «*Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ*» и еще: «*Древняя ночь вселенной или странствованіе Слѣпца*»—мистико-аллегорическая поэма. Эти произведенія возбуждали неудержимый смѣхъ въ лагерѣ молодыхъ карамзинистовъ, и поэтъ, создавшій ихъ, подъ вымышленнымъ именемъ «Бебриса», сталъ цѣлью цѣлаго ряда эпиграммъ:

«Нѣтъ спора, что Бебрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ-бо его никто не разумѣлъ.»

Такъ, вполнѣ справедливо выразился о немъ князь И. А. Вяземскій. Но и не онъ только, а и многіе изъ арзамасцевъ не пощадили «Бебриса» въ своихъ эпиграммахъ.

1809 г.) [1]), нѣсколько позже, на поприще литературы выступаетъ писатель совсѣмъ иного характера и пошиба — *Василій Нарѣжный* (род. 1780 г., ум. 1825 г.), одинъ изъ несомнѣнныхъ представителей и первыхъ піонеровъ того направленія, которое нашло себѣ впослѣдствіи такого геніальнаго выразителя въ Гоголѣ.

В. Нарѣжный. В. Нарѣжный выступилъ первоначально съ весьма объемистымъ романомъ, носившимъ на себѣ, несмотря на заимствованную основу, всѣ признаки оригинальнаго наблюденія и оригинальныхъ воззрѣній на русскую жизнь. Произведеніе его носило заглавіе: „*Россійскій Жильблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова*“; но Лесажу принадлежала здѣсь только внѣшняя форма — изложеніе нескончаемыхъ и запутанныхъ приключеній героя романа — а въ эту форму было вложено содержаніе, всецѣло принадлежавшее русской дѣйствительности. Изложеніе неуклюже, соотношеніе между частями не соблюдено, многое вымышлено очень некстати и невпопадъ, самыя приключенія „Россійскаго Жильблаза“ напоминаютъ въ значительной степени наивную повѣсть о „Похожденіяхъ Ивана Гостинаго сына“, напечатанную еще въ XVIII вѣкѣ; но нѣкоторыя мѣста уже весьма

А. Е. Измайловъ.

---

[1]) Повѣсти Беницкаго были: «Ибрагимъ или великодушный» (1807 г.), «Бедуинъ» (1807 г.) и «На другой день»; параллели его: «Умный и дуракъ», «Женщина и дама». Всѣ онѣ написаны умно и изложены настолько легко и хорошо, что ихъ можно еще и теперь читать не безъ удовольствія. Мѣстомъ дѣйствія ихъ избранъ далекій Востокъ, кажется, только для того, чтобы свободнѣе высказать свой взглядъ на нѣкоторыя неустройства и непорядки современной русской дѣйствительности. Въ 1809 году, незадолго до кончины, Беницкій издавалъ съ А. Е. Измайловымъ журналъ «*Цвѣтникъ*», гдѣ помѣщалъ рецензіи на разныя сочиненія, переводы съ нѣмецкаго и французскаго языка и кое-какія стихотворенія.

правдиво, вѣрно и рѣзко обрисовываютъ намъ неказистую русскую дѣйствительность, съ ея грязью, непорядками, неустройствами, нравственною распущенностью, безправіемъ и т. п. сторонами ея внутренняго строя. Картины, набрасываемыя Нарѣжнымъ, мѣстами такъ реальны и такъ вѣрны дѣйствительности при всемъ своемъ безобразіи, что нравственное чувство черезчуръ щепетильнаго сторонника Карамзинскаго сентиментализма должно было несомнѣнно страдать и даже довольно снисходительная цензура первой половины царствованія Александра Благословеннаго нашла многія мѣста въ романѣ Нарѣжнаго „предосудительными и соблазнительными“ [1]).

Послѣ „Россійскаго Жильблаза“ Нарѣжнымъ были написаны еще три романа: „*Аристіонъ или перевоспитаніе*“ (1822 г.), „*Бурсакъ*“ (1824 г.) и „*Два Ивана или страсть къ тяжбамъ*“ (1825 г.). Литературныя достоинства всѣхъ этихъ произведеній, въ смыслѣ общаго строя и соотвѣтствія частей, какъ и въ смыслѣ изложенія,— очень посредственны, и всѣ они недалеко ушли отъ перваго романа Нарѣжнаго. Но вѣрность его взгляда на жизнь, добросовѣстность его наблюдательности, правдивость въ изложеніи явленій житейской обыденщины — совершенно противоположныя фантастическимъ картинамъ и подмалевкамъ сентиментальной школы— составляютъ несомнѣнное и неотъемлемое достоинство безпритязательнаго романиста. Въ этомъ смыслѣ очень важною провѣркою наблюдательности Нарѣжнаго служитъ именно то, что онъ касался такихъ сторонъ русской жизни, которыя позднѣе обращали на себя вниманіе другихъ, болѣе талантливыхъ наблюдателей; но эти наблюдатели какъ будто шли уже по намѣченному слѣду и, строго говоря, только ярче выразили подмѣченное Нарѣжнымъ, но, въ сущности, не могли прибавить много новыхъ чертъ къ его наблюденію.

Такъ, въ „Аристіонѣ“ имъ выведенъ замѣчательно вѣрный дѣйствительности типъ помѣщика-скареда, напоминающій Гоголевскаго „Плюшкина“ многими чертами и подробностями своего стиля; такъ, въ „Бурсакѣ“ находимъ картину быта и жизни въ бурсѣ, набросанную съ такою смѣлостью и правдивостью, которыя должны были поражать современниковъ, способныхъ оцѣнить эту весьма почтенную въ авторѣ способность къ реализму; такъ, наконецъ, и для третьяго романа „Два Ивана“—прототипъ будущей „Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“ — въ основу его авторъ избираетъ вѣрно подмѣченную и историческимъ путемъ развивавшуюся характерную черту малороссовъ—страсть къ сутяжеству и судебнымъ процессамъ.

[1]) Вслѣдствіе этого изъ шести частей романа были напечатаны только три первыя; остальныя остались въ рукописи.

Одновременно съ повѣстью, которая начинала, какъ мы видимъ, сближаться съ русскою дѣйствительностью и изъ нея почерпать свои сюжеты, въ то же время процвѣталъ и еще одинъ видъ эпоса: *басня и сказка*. И тутъ опять мы встрѣчаемся съ чрезвычайно рѣзкою противоположностью, ясно указывающею на одновременное существованіе и борьбу двухъ противоположныхъ направленій. Мы видимъ, что одинъ и тотъ же родъ эпическихъ произведеній разрабатывается двумя писателями двухъ разныхъ поколѣній — но, конечно, разрабатывается и тѣмъ, и другимъ на совершенно иной ладъ. Стихотворныя сказки Дмитріева, переведенныя и передѣланныя на русскій ладъ изъ Лафонтена, Флоріана и Вольтера, считались въ этотъ періодъ такимъ же литературнымъ совершенствомъ, какъ „Бѣдная Лиза", или какъ „Наталья, боярская дочь"—Карамзина.

Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего, или почти ничего самостоятельнаго, — есть только гладкій стихъ и извѣстная ловкость, извѣстное умѣнье въ изложеніи, подходящемъ подъ ихъ легкое содержаніе. То же видимъ и въ басняхъ Дмитріева, прекрасно переведенныхъ и переложенныхъ съ французскихъ оригиналовъ Лафонтена, Флоріана и другихъ французскихъ баснописцевъ. Современники восхищались ими, заучивали ихъ наизусть, вводили въ кругъ классснаго чтенія и изученія, и слава Дмитріева, какъ баснописца, получила такое распространеніе, что когда его геніальный соперникъ, И. А. Крыловъ, задумалъ выступить на то же литературное поприще, онъ счелъ долгомъ своимъ первоначально „повергнуть на усмотрѣніе" Дмитріева свои первые опыты, и только получивъ его одобреніе, рѣшился продолжать разработку басенныхъ сюжетовъ.

А. Е. Измайловъ. И что же? Въ тотъ же самый періодъ, мы видимъ другого баснописца и сказочника: *Александра Ефимовича Измайлова* (род. 1779 г., ум. 1831 г.), человѣка совершенно особаго склада, изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ подходящаго развѣ только къ Нарѣжному; но реализмъ его еще грубѣе и осязательнѣе, а кругъ наблюденій еще тѣснѣе, еще уже, еще ниже по уровню наблюдаемыхъ имъ общественныхъ типовъ. Трактиръ, харчевня, нижніе чины полиціи, до квартальнаго включительно, при исполненіи ихъ обязанностей по уличному благоустройству, пьяные буяны и спившіеся подьячіе; бѣднота и грязь и мелкій людъ съ его пьянымъ весельемъ и дешевыми кутежами — вотъ тотъ міръ, въ которомъ постоянно роется и вращается неприхотливая муза Измайлова, вотъ откуда она почерпаетъ свои образы и нравоученія, свое смѣшное и серьезное! По самому складу своего ума и таланта, Измайловъ никакъ и не могъ выбиться изъ этого заколдованнаго круга, не могъ выйти за его предѣлы и даже во всѣ

свои заимствованія и передѣлки съ иностранныхъ образцовъ постоянно вносилъ этотъ свой специфическій колоритъ. Что это за колоритъ—всего легче видѣть изъ весьма извѣстной были Измайлова („*Пьяница*"), въ которой его литературная манера отражается во всѣхъ подробностяхъ.

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.

Далѣе разсказывается въ баснѣ, что этотъ Пьянюшкинъ, случайно получивъ сотню рублей, зашелъ съ деньгами въ трактиръ и упился тамъ до-нельзя...

Къ несчастію еще, въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что? –и самъ того не зналъ.
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался...

Въ результатѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, онъ очутился подъ вечеръ въ рукахъ полиціи -- въ рукахъ „двухъ воиновъ осанки важной, съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной..."

И послѣ всей этой непривлекательной картины авторъ вдругъ мѣняетъ тонъ, и, хотя въ шутливой формѣ, но все же приходитъ къ очень ѣдкому по своей ироніи выводу:

«Однако, надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ».

И такъ далѣе, тѣ же тэмы безхитростныхъ и неглубокихъ, но вѣрныхъ дѣйствительности и яркихъ наблюденій во множествѣ басенъ Измайлова видоизмѣняются и повторяются на разные лады, вращаясь въ томъ же кругѣ, а иногда, какъ будто кстати, заходя и въ область личныхъ впечатлѣній, ощущеній и воспоминаній автора. Но на всемъ этомъ лежитъ печать несомнѣннаго таланта — своеобразнаго, не прельщающаго, не подкупающаго въ свою пользу ни красотою образовъ, ни граціею изложенія—но въ грубости своей оригинальнаго и невольно-приковывающаго вниманіе...

Въ этомъ убѣждаетъ насъ и несомнѣнный успѣхъ басенъ Измайлова въ публикѣ: въ теченіе незначительнаго періода времени (между 1814 и 1826 гг.) онѣ выдержали пять изданій. Принимая это во вниманіе, мы не можемъ согласиться съ выводомъ нашего историка Русской Словесности, который отрицаетъ „всякую оригинальность вымысла" въ басняхъ Измайлова [1]) и въ до-

[1]) А. Д. Галаховъ въ своей Исторіи Русской Словесности, стр. 327, изд. 2-е, говоритъ: «Оригинальнаго вымысла въ басняхъ Измайлова почти нѣтъ вовсе. Онъ не имѣлъ для этого способности, въ чемъ и сознавался передъ публикой» и т. д.

казательство ссылается на его собственные отзывы о себѣ самомъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго восклицанія:

«Бѣда и стыдъ съ моимъ нетворческимъ умомъ!
Я въ вымыслахъ совсѣмъ удачи не имѣю...»

Подобныя тирады скорѣе могутъ послужить доказательствомъ скромности Измайлова, нежели выраженіемъ его взгляда на себя, какъ на подражателя только. Если даже „вымыселъ“ (въ смыслѣ фактической основы басни) и заимствуется Измайловымъ изъ Эзопа, Лафонтена и другихъ баснописцевъ, то онъ умѣетъ дать этому заимствованному вымыслу такую своеобразную оправу, которая обращаетъ его басню въ нѣчто вполнѣ оригинальное. Въ этой оригинальности, въ этомъ исключительно-народномъ (даже простонародномъ) элементѣ басенъ Измайлова—объясненіе ихъ успѣха.

А. Ѳ. Воейковъ.

Въ заключеніе того, что было выше высказано нами объ эпической и лирической поэзіи въ литературѣ начала XIX вѣка, намъ остается еще сказать о *сатирѣ* въ этотъ же самый періодъ—сатирѣ то осуждающей, порицающей и осмѣивающей, то назидающей и поучающей; любопытно, что въ то же время она пытается согласовать идеалъ съ дѣйствительностью.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что этому роду поэзіи у насъ посчастливилось болѣе остальныхъ видовъ лирики, можетъ-быть, потому, что русскій человѣкъ — сатирикъ по самой природѣ своей — любитъ посмѣяться не только надъ другими, но и надъ самимъ собой.

Въ исторіи нашей сатиры этого періода, на первомъ планѣ стоитъ весьма замѣчательное произведеніе И. И. Дмитріева — его

сатира „*Чужой толкъ*", направленная противъ „одописанія и одописцевъ", которые всѣмъ пріѣлись со своими докучными, безсодержательными и избитыми піитическими вдохновеніями. Эта сатира составляетъ — если можно такъ выразиться — памятникъ минувшей эпохи стихотворческихъ упражненій по опредѣленному шаблону. Сатирикъ, очень умно и тонко осмѣивая этихъ одописцевъ, разоблачая ихъ воззрѣнія на поэтическое творчество, ихъ пріемы, ихъ понятія о поэзіи, тѣмъ самымъ указываетъ намъ, что пора этой гремящей и „втуне брящающей" поэзіи миновала невозвратно, что въ обществѣ уже пробудилось сознаніе истиннаго достоинства поэзіи, явилось такое естественное и правильное пониманіе задачъ литературы вообще и поэзіи въ частности, которое давало большинству образованныхъ людей возможность отличать надутый паѳосъ отъ настоящаго вдохновенія.

И. И. Дмитріевъ, въ началѣ своей чрезвычайно-остроумной сатиры, задается вопросомъ: почему, несмотря на усердное писаніе одъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, полувѣка, мы, „однакожъ, ни себѣ, ни имъ похвалъ не слышимъ?" И почему же, несмотря на все наше рвеніе въ подражаніи всякимъ иноземнымъ сатирикамъ, мы все же не можемъ сравниться съ ними въ литературной извѣстности? Задавшись этими вопросами, какъ темою для своей сатиры, онъ начинаетъ перебирать всѣхъ одописцевъ „по ремеслу", распредѣляетъ ихъ на разряды, талантливо и бойко очерчиваетъ отношеніе каждаго изъ нихъ къ его поэтическому призванію, намѣчаетъ тотъ шаблонъ, по которому пишутся оды вообще, перечисляетъ избитые пріемы одописанія и указываетъ на неудачи этихъ доморощенныхъ поэтовъ, пишущихъ безъ основной мысли, безъ вдохновенія — какъ на естественное слѣдствіе всякаго подобнаго сочинительства. Онъ заключаетъ свою тонкую и вполнѣ справедливую сатиру добрымъ совѣтомъ—оставить подобныя упражненія и замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь инымъ; но одописцы съ нимъ не соглашаются, не высказываютъ желанія покинуть свое излюбленное занятіе и единодушно приходятъ къ иному рѣшенію — вступить въ послѣднюю борьбу съ новымъ направленіемъ нашей поэзіи.

И. М. Долгоруковъ.

Рядомъ съ Дмитріевымъ стоятъ и еще три сатирика, которые, хотя и въ разной степени, и по разнымъ направленіямъ, но все же не безъ таланта и не безъ успѣха разрабатывали сатиру, осмысленно и трезво относившуюся къ явленіямъ современной русской жизни, общественной и литературной. Первымъ изъ этихъ

[1]) Эта сатира представляетъ собою одно изъ лучшихъ произведеній И. И. Дмитріева; но онъ самъ почему-то считалъ «*Чужой толкъ*» ниже многаго другого, имъ написаннаго, а потому хотѣлъ даже исключить его изъ послѣдняго изданія стихотвореній, печатавшагося при жизни его.

сатириковъ былъ князь *Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ* (род. 1764 г., ум. 1823 г.), убѣжденный поклонникъ природы и откровенный почитатель ея законовъ, и потому самому ненавистникъ всякаго жеманства, всякаго ложнаго стыда, всякой свѣтской лжи и фальши въ чувствахъ, въ ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ. Порицаніе всего этого и составляло главную, существеннѣйшую сторону его сатиры. На русскую дѣйствительность онъ смотрѣлъ прямо и чрезвычайно просто, а потому и къ сентиментализму, пытавшемуся разукрасить дѣйствительность и преувеличить значеніе чувствительности, относился непріязненно, почти враждебно. Съ другой стороны, онъ часто и охотно уносился мыслью къ старинѣ и не скрывалъ къ ней нѣкотораго пристрастія именно на томъ основаніи, что „люди въ старину были проще и прямѣе, нежели въ новѣйшее время". Эти-то стороны сближали его болѣе съ партіею Шишкова, хотя онъ не вступался въ ея борьбу съ карамзинистами и вообще держался въ сторонѣ отъ всякихъ партій. Его сатира—шутливая, веселая и остроумная, прекрасно характеризуетъ его, какъ писателя спокойнаго, правдиво и серьезно относящагося къ задачамъ жизни, и какъ человѣка вполнѣ русскаго и умомъ, и сердцемъ. Недаромъ онъ и сборникъ своихъ стихотвореній издалъ въ свѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: „*Бытіе моего сердца*". Многія изъ его сатиръ, напр., „*Черты свободнаго писателя*", „*Приказъ швейцару*", „*Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ*"—и теперь еще не утратили своего значенія и читаются не безъ удовольствія. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ его пьесахъ дидактическаго характера, въ родѣ „Завѣщанія", „Размышленія о смерти" и въ особенности—„Взглядъ старца на заходящее солнце".

Д. Горчаковъ. Инымъ характеромъ отличались сатиры князя *Дмитрія Петровича Горчакова* (род. 1758 г., ум. 1824 г.)—рѣзкія, желчныя, злобныя, выискивающія только тѣневыя, только темныя стороны въ нравахъ современнаго общества, безпощадно бичующія всякое зло въ видѣ казнокрадства, злоупотребленія властью, корыстнаго пользованія монополіями, безстыднаго обмана и страсти къ наживѣ, охватившей всѣ слои общества. Обиліе общественныхъ золъ и язвъ онъ объясняетъ довольно односторонне: недостатками воспитанія, подражаніемъ иностранцамъ и общераспространеннымъ желаніемъ „брести боярамъ вслѣдъ"... При этомъ онъ тоже, подобно многимъ другимъ своимъ современникамъ, пытается искать золотого вѣка въ отдаленномъ прошломъ, восхваляетъ доблести отцовъ и любитъ вспоминать ихъ славные подвиги [1]). Понятно,

[1]) Онъ началъ свою литературную карьеру съ комическихъ оперъ, основою которыхъ избиралъ арабскія и русскія сказки: его «*Калифъ на часъ*», «*Счастливая тоня*» (1876) и «Баба-Яга» (1788)—пользовались большимъ успѣхомъ на сценѣ.

что при такомъ направленіи онъ неизбѣжно долженъ былъ держаться партіи Шишкова: былъ его другомъ и почитателемъ, и ревностнымъ членомъ „*Бесѣды любителей россійскаго слова*". Замѣтимъ, впрочемъ, что очень немногія изъ его сатиръ напечатаны; лучшія и наиболѣе рѣдкія изъ нихъ напечатаны не были и сохранились въ рукописи.

А. Н. Нахимовъ.

Около этихъ двухъ сатириковъ слѣдуетъ, конечно, поставить *Антона Николаевича Нахимова* (род. 1782 г., ум. 1815 г.), который смѣло можетъ съ ними тягаться въ силѣ дарованія и въ остроуміи, хотя его сатира и держится вдалекѣ отъ общихъ тэмъ и вращается постоянно около однихъ и тѣхъ же вопросовъ, которые, по особеннымъ условіямъ его жизни и развитія, представлялись ему существенно важными и заслуживающими бичеванія сатиры. Не слѣдуетъ забывать, что Нахимовъ былъ уроженцемъ Малороссіи и выросъ въ странѣ нескончаемыхъ процессовъ, сутяжества и крючкотворства: вотъ, почему онъ съ такою яростью нападаетъ на судей и подьячихъ, и такъ искренно радуется правительственнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ взяточничества и противъ всякихъ иныхъ язвъ правосудія. Сверхъ этой главной тэмы, другою излюбленною тэмою нахимовской сатиры являются ненавистные ему французы, французоманія и въ особенности тѣ русскіе, которые, будучи воспитаны на французскій ладъ, окончательно утратили всякую любовь къ родинѣ и ко всему родному. Противъ такихъ людей онъ также не щадилъ стрѣлъ своей ѣдкой, придирчивой и неумолимо-строгой сатиры, какъ и противъ „крапивнаго сѣмени", разорявшаго всю Малороссію своими измышленіями и неправильнымъ толкованіемъ законовъ и указовъ. Но его сатира приходилась по вкусу современникамъ и находила себѣ читателей въ среднемъ классѣ; тому служитъ доказательствомъ долго не уменьшавшійся спросъ на сочиненія Нахимова, которыя и послѣ смерти автора (до 1852 г.) выдержали семь изданій. Многія изъ его произведеній, въ особенности мелкія, заучивались наизусть и получили въ извѣстномъ кругу значительное распространеніе, хотя нѣсколько аляповатая форма и грубоватый способъ выраженія въ произведеніяхъ Нахимова не давали имъ возможности проникнуть въ кружки болѣе утонченно-образованные. Изъ числа наиболѣе извѣстныхъ произведеній Нахимова слѣдуетъ упомянуть, конечно, о его „*Элегіи-сатирѣ*", написанной въ 1809 г. по поводу изданія въ свѣтъ знаменитаго указа объ экзаменахъ на гражданскіе чины, вносившаго свѣтъ въ темное царство мелкаго чиновничества и въ низшія инстанціи судейскаго сословія. Указъ требовалъ, чтобы экзамену на чинъ подвергались не только тѣ, которые впредь будутъ поступать на службу, но даже и тѣ, которые на ней уже давно

состояли. Этотъ указъ, слѣдовательно, преграждалъ для многихъ дальнѣйшую службу и не допускалъ ихъ ни къ какимъ высшимъ судейскимъ должностямъ. И вотъ, по поводу его, Нахимовъ написалъ свое стихотвореніе, въ которомъ очень зло и колко осмѣивалъ озадаченныхъ указомъ подьячихъ...

Восплачь, канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ, возрыдай и вся приказна тварь.
Ланиты съ горести чернилами натрите,
И въ перси перьями другъ-друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ падетъ подьячихъ родъ:
Увы, насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! Должны вы слушать курсы:
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ, если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И, съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
«Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои»—воскликнулъ, «внуки»,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ
Расправился или переломился крюкъ?
О, солнце! Не лишай ты филиновъ затменья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья»
Но что? гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю!
О чинъ асессорскій, толико вожделѣнный,
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть-можетъ, навсегда прости, любезный чинъ!
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка.
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ...

Эта сатира весьма наглядно знакомитъ насъ съ общимъ характеромъ неприхотливой музы Нахимова, а въ пользу его личности, какъ человѣка и писателя, говоритъ, конечно, тотъ фактъ, что онъ, — уже будучи на службѣ въ то время, когда учрежденъ былъ харьковскій университетъ—тотчасъ же поступилъ въ число его студентовъ и окончилъ въ немъ курсъ кандидатомъ.

М. В. Милоновъ. Гораздо менѣе Нахимова заслуживаютъ вниманія другіе сатирики, группирующіеся около тѣхъ, которые были нами упомянуты выше; а именно: *М. В. Милоновъ*, *С. Н. Маринъ* и *А. Ѳ. Воейковъ*. Первый изъ нихъ *Михаилъ Васильевичъ Милоновъ* (род. 1792 г., ум. 1821 г.) пріобрѣлъ извѣстность своими сатирами, на-

Почтеннѣйшій Николай Ивановичь.

Меня ужасно поразило сегодняшнее свиданіе съ А. И. Тургеневымъ; онъ разорвалъ представленіе мое объ опредѣленіи въ службу по самому невыгодному отзыву, который [illegible] Здѣшній, тогда какъ я съ недѣлю или [illegible] съ дѣлаю справки Италіянскими [illegible]. Въ [illegible] [illegible] Милость мою въ этомъ отзывѣ [illegible], что сердцу моему, [illegible] предрѣвали, весьма тяжело [illegible] [illegible] о вашихъ. Вашъ усерднѣйшій почитатель и усерднѣйшій слуга

М. Милоновъ

Четвергъ

La faim mit au tombeau Malfilâtre ignoré!

Автографъ М. В. Милонова.
(Письмо къ Н. И. Тургеневу).
Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

писанными въ подражаніе Ювеналу и Персію („*Къ Рубеллію*", *отрывокъ изъ Луцилiевой сатиры противъ его вѣка*) или прямыми подражаніями Буалô („Къ Луказію", „Къ моему разсудку", „На женитьбу въ большомъ свѣтѣ"). Въ нихъ онъ очень грозно и свысока громитъ различные общественные пороки, возстаетъ противъ какихъ-то порочныхъ временщиковъ (въ лицѣ которыхъ современники хотѣли непремѣнно видѣть всѣмъ ненавистнаго Аракчеева), сѣтуетъ на общее равнодушіе къ поэзіи и поэтамъ и вообще высказываетъ недовольство современнымъ общественнымъ строемъ. Это весьма неопредѣленное недовольство, очень похожее на брюзжанье, эти туманные намеки на личности, которые было не трудно примѣнить къ кому угодно, а также и довольно колкія осмѣянія плохихъ писакъ, стоявшихъ на сторонѣ „*Бесѣды*" Шишкова — вотъ что доставило довольно быстро нѣкоторую извѣстность молодому поэту и внушило ему выгодное мнѣніе о самомъ себѣ. Къ сожалѣнію, онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ молодыхъ талантовъ, которые, обладая нѣкоторыми литературными задатками, въ то же время не обладаютъ никакою силою воли, сдерживающей ихъ порывистую натуру, и, вслѣдствіе этого, погибъ очень рано отъ невоздержнаго образа жизни.

А. Ѳ. Воейковъ. *Александръ Ѳеодоровичъ Воейковъ* (род. 1778 г., ум. 1839 г.) принадлежалъ къ писателямъ иного рода. Желчно и злобно-настроенный противъ всего и противъ всѣхъ, постоянно проникнутый недоброжелательствомъ и завистью ко всему, что хоть въ какомъ-нибудь смыслѣ могло быть ему нелюбо, непріятно или непріязненно, а въ особенности противъ всѣхъ, кто занималъ въ литературѣ положеніе выше его и пользовался общимъ уваженіемъ,— онъ никого не щадилъ въ своихъ осмѣяніяхъ. Вслѣдствіе этого, сатира Воейкова, очень зло и мѣтко схватывающая смѣшныя или непривлекательныя стороны во всѣхъ окружающихъ, представляется постоянно мелочною и задорною и является скорѣе мастерскою карикатурою, нежели сатирою, скорѣе грубою насмѣшкою и издѣвательствомъ, нежели осмѣяніемъ, котораго вполнѣ заслуживаютъ дѣйствительные пороки. Но, по общей страсти къ злословію, отъ которой во всѣ времена не избавлены были литературные кружки, стихотворное злословіе Воейкова очень многимъ нравилось: каждому литератору было забавно или любопытно видѣть, какъ онъ въ смѣшномъ или позорномъ видѣ изображалъ его противниковъ—и только этимъ нехорошимъ чувствомъ можно объяснить успѣхъ, какимъ пользовались въ литературной средѣ два важнѣйшія произведенія Воейкова: „*Домъ сумасшедшихъ*" и „*Парнасскій адресъ-календарь*" [1]). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ

[1]) «Домъ сумасшедшихъ»—произведеніе, любопытное въ томъ отношеніи, что оно изъ первоначальной основы, написанной въ 1814 г., развивалось различными добавленіями въ теченіе 24 лѣтъ... Въ полномъ своемъ видѣ оно было напечатано уже только въ 1874 г.

произведеніи мы видимъ рядъ эпиграммъ, направленныхъ противъ различныхъ дѣятелей литературы, и рядъ характеристикъ, посвященныхъ тѣмъ же дѣятелямъ. Эти эпиграммы и характеристики далеко не безпристрастны: весьма лестныя по отношенію къ однимъ писателямъ и журналистамъ, пріятнымъ Воейкову или состоявшимъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ — онѣ, напротивъ того, достигаютъ высшей степени грубости и даже цинизма тамъ, гдѣ эти эпиграммы и характеристики касаются личностей, непріятныхъ Воейкову или хотя бы только принадлежащихъ къ противоположному лагерю. Но не мѣшаетъ замѣтить, что сатирическая дѣятельность Воейкова, хотя и нравилась многимъ и представлялась забавною, однакоже никого не привлекала къ злобному сатирику, который во всю жизнь свою не пользовался ничьимъ сочувствіемъ и во всѣхъ возбуждалъ къ себѣ нѣкоторое опасеніе, вызываемое многими, крайне непріятными чертами его личнаго характера. Единственнымъ сатирическимъ произведеніемъ Воейкова, способнымъ вызвать нѣкоторое сочувствіе въ читателѣ, является его посланіе къ Сперанскому (отчасти подражательное), въ которомъ онъ высказываетъ сочувствіе къ государственному дѣятелю, личнымъ трудомъ проложившему себѣ дорогу къ почестямъ, и осмѣиваетъ чванство людей ничтожныхъ, унаслѣдовавшихъ свою знатность отъ предковъ, но не обладающихъ никакими личными достоинствами.

Рядъ сатириковъ Александровскаго царствованія заканчивается весьма талантливымъ представителемъ этого рода литературы, княземъ П. А. Вяземскимъ. О его дѣятельности мы поговоримъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ нашего труда, въ связи съ дѣятельностью противъ того кружка, къ которому онъ принадлежалъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

В. А. Жуковскій.—Необходимыя біографическія подробности.—Дѣтство и воспитаніе.—Годы ученья. — Различныя вліянія на его развитіе въ ранней юности. — Поэзія и журналистика.—Знакомство съ иностранными литературами. —Элегическое настроеніе и его основа въ жизни поэта.—Переходъ на сторону романтизма. — Жуковскій, какъ переводчикъ и критикъ.—Проза жизни и служебная дѣятельность.— Пребываніе за границей и послѣдніе годы литературной дѣятельности.

Выше мы указывали на Дмитріева и Озерова, какъ на ближайшихъ послѣдователей того новаго направленія, которое внесено было въ нашу литературу Карамзинымъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи то же направленіе вызвало къ литературной дѣятельности болѣе талантливыхъ и болѣе оригинальныхъ представителей въ лицѣ Жуковскаго и Батюшкова, поэтическія произведенія которыхъ послужили какъ бы связующимъ звеномъ между сентиментальнымъ и романтическимъ направленіемъ. Оба они принадлежатъ именно къ той переходной эпохѣ, которая въ-концѣ-концовъ доставила преобладаніе въ нашей литературѣ романтизму въ лицѣ величайшаго изъ нашихъ поэтовъ—Пушкина. Подъ старость самъ Жуковскій, повидимому, склоненъ былъ думать, что онъ былъ „на Руси родителемъ нѣмецкаго романтизма и поэтическимъ дядькой чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“ [1]); такъ думалъ и не онъ одинъ: такъ думали многіе. Но въ сущности это мнѣніе не выдерживаетъ серьезной критики. Косвеннымъ образомъ, почти случайно, Жуковскій только способствовалъ внесенію романтизма въ нашу словесность и первымъ опытамъ своимъ на этомъ пути придалъ такую привлекательную форму, которая многихъ увлекла по тому же направленію; позднѣе романтизмъ (уже совершенно независимо отъ Жуковскаго) пустилъ корни въ нашей литературѣ и установился въ ней прочно. Однакоже Жуковскому новое направленіе было обязано очень немногимъ: все, что было самостоятельнаго, непереводнаго въ произведеніяхъ Жуковскаго, то не выходило изъ области подражаній или поэтамъ отжившей риторической школы, или произведеніямъ поэтовъ сентиментальной школы. И уже тогда только, когда Жуковскій выбился изъ этого заколдованнаго круга подражаній, онъ посвятилъ свою дѣятельность исключительно переводамъ произведеній романтической нѣмецкой и англійской школы. Пытался онъ много разъ создать нѣчто самостоятельное въ области русской романтики, но это ему положительно не удавалось. Позднѣе онъ сталъ обращать особенное вниманіе на эпическія произведенія Востока (въ нѣмецкихъ переводахъ и обработкахъ); и, нако-

[1]) Письмо къ Стурдзѣ (10 марта 1849 г.).

нецъ, закончилъ свою литературную карьеру высоко-художественнымъ переводомъ Гомеровой „Одиссеи“.

Бросая этотъ общій взглядъ на литературную дѣятельность Жуковскаго, мы должны прійти къ тому убѣжденію, что заслуга его заключается вовсе не въ томъ, что онъ внесъ къ намъ романтизмъ и доставилъ ему преобладаніе надъ господствовавшимъ дотолѣ сентиментализмомъ; а въ томъ, что онъ ознакомилъ русскую литературу съ цѣлою массою новыхъ литературныхъ образцовъ въ своихъ превосходныхъ переводахъ и тѣмъ самымъ расширилъ область нашей критики. Вглядываясь въ богатую и плодотворную дѣятельность знаменитаго поэта, не слѣдуетъ забывать удивительно искренняго признанія самого Жуковскаго, который говоритъ о своемъ поэтическомъ талантѣ, въ одномъ изъ писемъ:

...„У меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей тогда, когда ихъ надобно импровизировать въ возраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей; мой умъ какъ огниво, которымъ надобно ударить объ кремень, чтобы изъ него выскочила искра: это вообще характеръ моего авторскаго творчества; у меня почти все чужое или по поводу чужого—и все, однако, мое“.

И едва ли кто-нибудь иной изъ русскихъ авторовъ умѣлъ такъ вѣрно и такъ безпристрастно оцѣнить характеръ и значеніе своей авторской дѣятельности, какъ Жуковскій въ этихъ немногихъ строкахъ своего письма.

В. А. Жуковскій. Происхожденіе и дѣтство.

Василій Андреевичъ Жуковскій (род. 1783 г., ум. 1852 г.) былъ побочнымъ сыномъ богатаго помѣщика Тульской губерніи, Аѳанасія Ивановича Бунина, одного изъ тѣхъ старинныхъ русскихъ баръ, которыхъ мы знаемъ уже только по преданію. Матерью Жуковскаго была плѣнная турчанка Сальха, впослѣдствіи крещеная и принявшая православіе [1]). Ближайшій сосѣдъ и пріятель Бунина, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, Андрей Григорьевичъ Жуковскій, постоянно пребывавшій въ домѣ Буниныхъ, въ качествѣ приживальщика, былъ крестнымъ отцомъ будущаго поэта: онъ далъ ему и отчество, и фамилію. Воспріемницею Василія Андреевича была родная дочь Бунина, которая вмѣстѣ съ добрымъ сосѣдомъ крестила усыновленнаго имъ младенца. Добрая супруга Аѳанасія Ивановича Бунина, Марья Григорьевна, приняла маленькаго Жуковскаго въ свою семью (въ память о сынѣ, умершемъ въ молодыхъ лѣтахъ) и дозволила ему воспитываться въ своемъ домѣ, наравнѣ съ родными дѣтьми; но все же онъ долженъ былъ чувствовать себя случайнымъ гостемъ въ этомъ богатомъ домѣ съ его обширною дворнею (въ число которой всту-

[1]) Крестьяне Бунина, отправляясь, съ разрѣшенія своего барина, въ Турцію, вслѣдъ за русскимъ войскомъ, въ качествѣ маркитантовъ, спрашивали у барина при прощаніи: «что ему привезти въ гостинецъ?» — «Привезите мнѣ молоденькую турчаночку», — шутя отвѣтилъ имъ старый баринъ. Они буквально исполнили его желаніе.

пила и его мать), съ его шутами и приживалками [1]). Біографъ и другъ Жуковскаго, близко знакомый съ условіями, среди которыхъ протекло дѣтство поэта, прямо говоритъ, что „отношеніе Жуковскаго къ семейству Буниныхъ тяжело ложилось на его душу... Родная его мать, какъ она ни была любима своею госпожею, все же должна была стоя выслушивать приказанія господъ и не могла почитать себя равноправною съ прочими членами семейства"... Съ другой стороны, не трудно себѣ представить, что полнаго уравненія Жуковскаго съ дѣтьми Бунина не было и быть не могло, и его біографъ разсказываетъ, что во время пребыванія семьи Буниныхъ (по зимамъ) въ Тулѣ, маленькій Жуковскій даже и жилъ отдѣльно отъ семьи Буниныхъ, вмѣстѣ со своимъ крестнымъ отцомъ, „на чердакѣ флигеля". Всѣ эти мелочныя біографическія подробности припоминаются нами здѣсь только потому, что семейное положеніе поэта въ дѣтствѣ наложило особую печать на весь первый періодъ его поэтической дѣятельности, и

М. Г. Бунина.

онъ самъ говоритъ о себѣ съ горечью, что не успѣлъ быть сыномъ своей матери: „въ то время, когда я началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства — она меня оставила"...

Годы ученія.

Бунинъ (ум. въ 1791 г.) надѣлилъ и Василія Андреевича, и его мать, Елисавету Дементьевну (такъ названа была Сальха при крещеніи) нѣкоторымъ достаткомъ, завѣщавъ, чтобы юношѣ, по достиженіи имъ извѣстнаго возраста, дано было воспитаніе, приличное дворянину. Его крестная мать, вышедшая замужъ за Юшкова, свято исполнила завѣтъ отца и приложила много старанія на обученіе и воспитаніе юнаго Жуковскаго, который росъ съ ея дочерьми: выписывала для него гувернеровъ изъ Москвы, отдала его потомъ въ прославленный пансіонъ Христіана Филипповича Роде въ Тулѣ, и, наконецъ, даже въ тульское главное народное училище (по размѣру курса соотвѣтствовавшее позднѣйшимъ гимназіямъ). Но

[1]) Самъ В. А. Жуковскій припоминалъ, что въ домѣ Буниныхъ жилъ какой-то шутъ Варлашка.

мальчикъ былъ изнѣженъ, избалованъ домашнимъ воспитаніемъ, и потому нигдѣ не уживался, да и ученье шло ему не впрокъ. Въ главномъ народномъ училищѣ въ Тулѣ, старшимъ преподавателемъ былъ нѣкто Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, довольно извѣстный въ свое время писатель-педагогъ, помѣщавшій много статей въ современныхъ журналахъ подъ курьезнымъ псевдонимомъ „Философа горы Алаунской". Какъ ни старался онъ отвлечь Жуковскаго отъ весьма привлекавшей его домашней жизни, полной забавъ и развлеченій въ кругу его подругъ (дочерей Юшковой), тотъ оказывался до такой степени невнимательнымъ и не-

Сельцо Мишенское (Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.)—родина Жуковскаго.

брежнымъ къ ученію, что „Философъ горы Алаунской", потерявъ терпѣніе, нашелъ себя вынужденнымъ „исключить" Жуковскаго изъ училища, въ примѣръ его товарищамъ. Послѣ этого, Жуковскій продолжалъ учиться дома, т. е. въ семьѣ своей крестной матери Юшковой, окруженный двѣнадцатью сверстницами-дѣвочками; само собою разумѣется, что ученье было далеко не серьезное... Однакожъ, въ домашнемъ быту Юшковой было много такихъ элементовъ, которые должны были рано воздѣйствовать на воспріимчиваго юношу и возбудить въ немъ живѣйшій интересъ къ литературѣ. Домъ Юшковой служилъ центромъ, и въ немъ около хозяйки дома—женщины прекрасно образованной и знавшей толкъ въ музыкѣ—собирались лучшіе представители мѣстнаго общества; а въ ихъ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ литературные и музыкальные интересы преобладали надъ всѣми остальными. Все, что являлось въ русской литературѣ и журналистикѣ новаго, тотчасъ же

становилось извѣстно въ кружкѣ Юшковой, прочитывалось, являлось предметомъ обсужденій и споровъ. Концерты чередовались здѣсь съ литературными вечерами; мало того, даже мѣстный театръ состоялъ въ полной и непосредственной зависимости отъ кружка Юшковой. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что 12-ти-лѣтнему Жуковскому, подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ условій, вздумалось также писать для сцены — и вотъ, плодами его первыхъ литературныхъ попытокъ, явились двѣ драмы: *„Камиллъ или освобожденный Римъ“* и *„Павелъ и Виргинія“*.

Пребываніе въ Благор. Пансіонѣ. Наконецъ, уже на 14-мъ году возраста Жуковскій былъ отвезенъ въ Москву и тамъ опредѣленъ въ Вольный Благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ. Академикъ Тихонравовъ вполнѣ справедливо указываетъ [1]) на то важное значеніе, которое, въ біографическомъ смыслѣ, имѣло для Жуковскаго время его ученія въ университетскомъ пансіонѣ; поэтому и мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ годахъ жизни юнаго Жуковскаго, такъ какъ въ нихъ, несомнѣнно, слѣдуетъ искать основу развитія нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ сторонъ его поэтическаго таланта.

Мы уже видѣли выше, что при учрежденіи въ Москвѣ университета, рядомъ съ нимъ и ему въ помощь и подспорье учреждены были двѣ гимназіи: дворянская и разночинская. Впослѣдствіи, въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка, для удобства родителей, учрежденъ былъ при дворянской гимназіи пансіонъ, въ родѣ всѣхъ нынѣшнихъ интернатовъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но это еще не было то заведеніе, которое впослѣдствіи стало извѣстно подъ названіемъ „Вольнаго Благороднаго пансіона“ и оставило довольно замѣтный слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія; это заведеніе слагалось, какъ оказывается, весьма постепенно. Въ первое время воспитанники университетскаго „вольнаго“ пансіона были вмѣстѣ и учениками дворянской гимназіи университета, т. е. занимали въ послѣдней такое же положеніе, какъ и пансіонеры теперешнихъ гимназій: отъ программы преподаванія, отъ учебнаго плана до самихъ преподавателей. Съ теченіемъ времени число воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона возросло значительно, и классы гимназіи стали для нихъ тѣсны. Чувствовалась необходимость выдѣлить пансіонеровъ изъ классовъ гимназіи, дать имъ особыхъ преподавателей, словомъ: создать новое учебное заведеніе, вполнѣ независимое отъ университетской гимназіи. Въ 1790 г. пансіонъ перемѣщенъ былъ на Тверскую, въ бывшій домъ межевой канцеляріи, пожалованный университету императрицею. Въ слѣдующемъ же году ин-

[1]) Въ рецензіи на книгу П. Загарина (псевдонимъ): «В. А. Жуковскій и его произведенія. 1783—1883 г.» М. Изданіе Л. Поливанова.

спекторомъ пансіона назначенъ былъ Прокоповичъ-Антонскій, и при немъ-то пансіонъ получилъ совершенно самостоятельное существованіе: не только независимый отъ университетской гимназіи учебный планъ, но даже прямо противоположный; и соотвѣтственно этому—особыя правила, особые порядки, особые учебники. Антонскій выдвинулъ въ новомъ училищѣ на первый планъ исторію, а за нею—на второмъ планѣ—поставилъ знанія физическія и математическія; преподаваніе древнихъ языковъ было отмѣнено, и такъ какъ пансіонъ не былъ „классическою школою", то воспитанникамъ его былъ закрытъ доступъ въ университетъ. Пансіонъ приготовлялъ своихъ воспитанниковъ не къ университету, а къ военной и гражданской службѣ [1]) и представлялъ собою въ концѣ XVIII вѣка нѣчто подобное „камеральному факультету" нашихъ университетовъ въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Давали всего понемногу: преподавали исторію, естественныя и юридическія науки, ничего не предлагая изучить основательно. Однимъ словомъ, пансіонъ представлялъ уже одну изъ попытокъ устройства такого рода заведеній, которыя могли бы готовить дворянъ къ службѣ, помимо университета; въ 1814 году подобная попытка осуществилась въ видѣ Царскосельскаго лицея. Ученіе въ Благородномъ пансіонѣ, несмотря на блестящую обстановку и разнообразіе преподаваемыхъ предметовъ, шло вяло и слабо, свѣдѣнія изъ пройденнаго курса выносились поверхностныя; но зато нельзя отрицать, что прилагались заботы о воспитаніи юношества, о внушеніи ему нравственныхъ правилъ, пригодныхъ для жизни.

Въ одномъ изъ тѣхъ наставленій, которыя Антонскій давалъ обыкновенно на публичномъ актѣ лучшимъ по благонравію и прилежанію воспитанникамъ пансіона, онъ говорилъ (въ 1798 году), обращаясь къ Жуковскому:

„Вечернія молитвы давайте читать лучшимъ изъ старшаго возраста. Избранныя мѣста изъ Священнаго Писанія и изъ другихъ хорошихъ нравственныхъ книгъ, каковы: „*Утреннія и вечернія размышленія на каждый день года*" и „*Книга премудрости и добродѣтели*" и проч., читайте сами, или поручайте чтеніе сіе отличнѣйшимъ большимъ питомцамъ. Все сіе послужитъ къ величайшей вашей пользѣ, къ назиданію вашего сердца".

Академикъ Тихонравовъ, приводя эти слова изъ „Наставленія" Антонскаго, замѣчаетъ, что Жуковскій, слѣдовательно, уже на школьной скамьѣ обязанъ былъ читать и слушать мистическія толкованія извѣстнаго протестантскаго проповѣдника и слагателя

[1]) Въ объявленіи о Благородномъ пансіонѣ за 1802 годъ сказано: «подробное начертаніе ученія и расписанія классовъ показываетъ, что преподаются здѣсь всѣ необходимо нужныя, какъ для военной, такъ и для гражданской службы, науки, языки и искусства; пріобщены къ тому многія другія средства, споспѣшествующія просвѣщенію».

духовныхъ пѣсенъ, Штурма, одного изъ послѣдователей Клопштока. „Такимъ образомъ, первое знакомство поэта въ школѣ съ религіозными истинами и христіанскою моралью совершилось подъ вліяніемъ этого протестантскаго проповѣдника... и религіозный мистицизмъ коснулся Жуковскаго уже въ школѣ“ [1]).

Другая книга, упомянутая въ „наставленіи“ Антонскаго — „*Книга премудрости и добродѣтели или состояніе человѣческой жизни — индѣйское нравоученіе*“, была переведена В. Подшиваловымъ съ нѣмецкаго перевода, а не съ англійскаго оригинала. Авторъ книги

Домъ Жуковскаго въ Бѣлевѣ.

(Додслей) выдавалъ свой сборникъ нравственныхъ правилъ за переводъ какой-то древней индійской рукописи. Многіе изъ этихъ правилъ были болѣе, чѣмъ курьезны... [2]).

Переходя къ выводамъ объ ученіи Жуковскаго, о томъ запасѣ свѣдѣній, который онъ могъ вынести изъ школы, Тихонравовъ приходитъ къ тому заключенію, что (по документамъ Благороднаго пансіона) Жуковскій преуспѣвалъ на школьной скамьѣ только „въ литературѣ и рисованіи“. Классическимъ языкамъ онъ не учился, а изъ новѣйшихъ зналъ только французскій (еще съ дѣтства). Что же касается до нѣмецкихъ классиковъ, то онъ сталъ ихъ читать въ подлинникѣ не ранѣе, какъ въ 1809 году. Самъ Жуковскій, впослѣдствіи, съ досадою вспоминалъ о томъ

---

[1]) «Сочиненія Штурма — замѣчаетъ Тихонравовъ, — согрѣты благочестивымъ чувствомъ и богаты поэтическими страницами: они должны были оставить свой слѣдъ въ душѣ Жуковскаго».

[2]) Тихонравовъ приводитъ изъ нея слѣдующую выдержку. Въ главѣ «о господахъ и рабахъ» авторъ доказывалъ, что «рабство есть опредѣленіе Божіе и имѣетъ многія выгоды; оно устраняетъ отъ раба заботы и прискорбія жизни... Честь раба есть его вѣрность; отличныя добродѣтели его—покорность и послушаніе» и т. д.

времени, которое „погибло напрасно" за пансіонскимъ ученіемъ, такъ какъ онъ не вынесъ изъ него ничего положительнаго.

Гораздо важнѣе, нежели вліяніе школы, было нравственное вліяніе той среды, въ которую попалъ Жуковскій въ Москвѣ. Здѣсь пришлось ему расти и развиваться отчасти подъ вліяніемъ Карамзина; но еще гораздо болѣе (и это весьма любопытно) подъ вліяніемъ людей, которые воспитали самого Карамзина. Дѣйствительно самое сильное вліяніе было оказано на Жуковскаго (въ годы ученія въ Благородномъ пансіонѣ) семьею И. П. Турге- **Вліяніе среды.**

Училище имени Жуковскаго въ Бѣлевѣ.

нева, изъ двухъ сыновей котораго, одинъ (Александръ Ивановичъ) былъ товарищемъ Жуковскаго по пансіону, а другой (Андрей) уже студентомъ университета. Свѣтлая и прекрасная личность почтеннаго старца Ивана Петровича Тургенева, нѣкогда направившаго Карамзина на литературное поприще, освѣщала путь и Жуковскому въ его туманныхъ юношескихъ блужданіяхъ, а въ семьѣ Ивана Петровича, Жуковскій, дружный съ Андреемъ Тургеневымъ, былъ принятъ какъ родной и постоянно выносилъ отсюда самыя отрадныя впечатлѣнія. Біографъ и другъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ прямо указываетъ на то, что „первыми плодами умственнаго и нравственнаго образованія Жуковскаго въ кружкѣ И. П. Тургенева можно считать статьи и стихотворенія, напечатанныя имъ въ разныхъ мелкихъ журналахъ во время его пребыванія въ Благородномъ пансіонѣ".

Рядомъ съ Иваномъ Петровичемъ Тургеневымъ, въ призна-

тельныхъ воспоминаніяхъ Жуковскаго объ этой порѣ юности, постоянно являлся другой маститый и почтенный старецъ *Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ*, товарищъ Тургенева по приснопамятной Типографической компаніи. Къ нему съ величайшимъ довѣріемъ, въ самыя тяжкія минуты житейскихъ невзгодъ и разочарованій, обращается молодой Жуковскій, стараясь побороть возникающія въ душѣ его религіозныя сомнѣнія—и старецъ выручаетъ его изъ этой бѣды... Памятникомъ сношеній юноши съ этимъ почтеннымъ старцемъ явилось любопытное описаніе сада въ „Савинскомъ", имѣніи Лопухина (верстахъ въ 30 отъ Москвы).

„На ровномъ мѣстѣ, гдѣ было топкое болото—пишетъ Жуковскій—явились тѣнистыя рощи, пересѣкаемыя прекрасными дорожками и орошенныя чистою, прозрачною какъ кристаллъ, водою. Расположеніе сада прекрасно... Вы видите большое пространство воды; берегъ осѣненъ рощею, въ которой мелькаетъ *Руссова* хижина! На самой срединѣ озера *Юнговъ* островъ, съ пустынническою хижиною и нѣсколькими памятниками, между которыми замѣтите мраморную урну, посвященную *Фенелону*. На одной сторонѣ урны изображена г-жа Гюйонъ, другъ Фенелона, а на другой—Жанъ-Жакъ-Руссо, стоящій въ размышленіи передъ бюстомъ Камбрейскаго архіепископа... Островъ осѣненъ разными деревьями: елями, осинами, березами и другими; его положеніе чрезвычайно живописно: всего пріятнѣе быть на немъ во время ночи, подъ сіяніемъ полной луны; воды спокойны, а рощи, окружающія берегъ, отражаются въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Это мѣсто невольно склоняетъ васъ къ какому-то дивному, пріятному размышленію..."

Первые опыты поэтическіе. Приводя этотъ любопытный и характерный отрывокъ изъ письма Жуковскаго, академикъ Тихонравовъ приходитъ къ такому заключенію: „кружокъ Тургенева „не вдохновлялъ" юнаго поэта, а работалъ надъ созданіемъ въ немъ внутренняго человѣка"... „Подъ вліяніемъ этого кружка запали въ глубину души его тѣ нравственныя начала, тѣ живыя, дѣятельныя религіозныя вѣрованія, которыя такъ основательно выражаются въ первомъ періодѣ поэтической дѣятельности Жуковскаго..." Добавимъ къ этому, что Карамзинъ, такъ много обязанный И. П. Тургеневу, былъ однимъ изъ ближайшихъ къ его кружку литературныхъ дѣятелей, а черезъ Карамзина и его *alter ego*, Дмитріевъ. Къ тому же Карамзинъ (по первой женитьбѣ своей) былъ тѣсно связанъ съ семьею Протасовыхъ. И вотъ, принимая въ соображеніе всѣ эти нити первоначальныхъ связей и отношеній, среди которыхъ развивался и вступалъ въ жизнь юноша Жуковскій, мы почти можемъ осязать тѣ элементы, которые должны были получить преобладающее значеніе въ его поэтической дѣятельности: сенти-

ментализмъ, съ оттѣнкомъ затаенной, безотчетной грусти, навѣянной особыми условіями его жизни и общественнаго положенія и глубоко проникнутой религіозностью, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мистицизма, который впослѣдствіи долженъ былъ предрасположить Музу Жуковскаго и къ романтической загадочности, и къ задумчивой таинственности. Подробное и внимательное изученіе первыхъ шаговъ Жуковскаго на литературномъ поприщѣ, приводитъ насъ къ тому выводу, что хотя онъ началъ съ подражаній Ломоносову и Державину, но увлекся поэзіей только уже ознакомившись съ поэтическими произведеніями И. И. Дмитріева. По его собственному признанію, переведенное Дмитріевымъ изъ Гёте „*Размышленіе по случаю грома*" было „первымъ стихотвореніемъ, выученнымъ наизусть въ русскомъ классѣ", и этому произведенію подражалъ онъ въ первомъ своемъ стихотвореніи, написанномъ безъ соблюденія стопъ. Это стихотвореніе И. И. Дмитріева было напечатано въ томъ журналѣ, въ которомъ помѣщались лучшія произведенія „*Собранія университетскихъ питомцевъ*"—въ „*Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*" (изд. Сохацкаго и Подшивалова) [1]), — а этотъ журналъ, рекомендованный въ пансіонѣ для внѣ-класснаго чтенія, былъ постоянно въ рукахъ воспитанниковъ. Поэтому и неудивительно, если первые ихъ опыты въ словесности были подражаніями тому, что помѣщалось въ этомъ журналѣ, и если они вообще подчинялись въ этомъ опытѣ господствовавшему въ журналѣ направленію, а господствующимъ направленіемъ въ немъ было —направленіе перваго журнала и сборниковъ Карамзина... Сентиментализмъ „Писемъ Русскаго Путешественника", восхищеніе „величественною натурою", „уединенными часами сладостной меланхоліи, идиллическими картинами пастушескаго быта" — или таинственнымъ сумракомъ Оссіана, величавымъ молчаніемъ могилъ и т. п. Въ „Иппокренѣ" и въ журналѣ Сохацкаго и Подшивалова были помѣщены въ переводѣ „Размышленія надъ гробницами" Джемса Гервея и элегія Грея „*Сельское кладбище*" — въ видѣ двухъ разныхъ переводовъ и подражаній, принадлежавшихъ перу Павла Львова. Здѣсь же находили себѣ мѣсто и такія стихотворенія, какъ „*Достоинство смерти*" Анны Турчаниновой и другія подобныя произведенія, навѣянныя „священной меланхоліей..." Здѣсь же встрѣчались и первые, послѣ Карамзинскихъ, баллады въ стихахъ и въ прозѣ. Но самымъ важнымъ достоинствомъ вышеупомянутыхъ журналовъ была та масса переводовъ, которая вносилась ими изъ разныхъ иностранныхъ литературъ: главнымъ образомъ нѣмецкой и англійской, французской и даже голландской. Изъ французскихъ писателей болѣе всего заим-

[1]) Другимъ такимъ же журналомъ, составлявшимъ любимое чтеніе воспитанниковъ пансіона, былъ „*Иппокрена или утѣхи любословія*".

ствовали они у Бернарденъ-де-С.-Пьера и Флоріана; изъ англійскихъ видимъ въ этихъ журналахъ переводы изъ Шекспира, Попе, Томсона, Бёрнса, Мильтона, Стерна, Аддисона, Драйдена; изъ нѣмецкихъ: произведенія Якоби, Морица, Вейса, Гесснера, Геллерта, Козегартена, Клейста, Мейснера, Виланда и (очень немногое) изъ Гёте, Коцебу и Лессинга [1]).

Сообразно тому матеріалу, который вмѣщали въ себѣ эти журналы—„*Пріятное и полезное препровожденіе времени*“ и „*Ипокрена*“—столь близкіе воспитанникамъ Благороднаго пансіона, слагалась и вся литературная дѣятельность Жуковскаго, въ этомъ первомъ школьномъ періодѣ развитія его таланта. Въ этихъ журналахъ видимъ мы принадлежащія Жуковскому стихотворенія и статьи: „*Чувства при гробницѣ*“, — прозаическая статья (написанная на смерть крестной матери, Юшковой); стихотворенія: „*Майское утро*“, „*Къ юности*“, „*Миръ и война*“, „*Жизнь и ключъ*“ и нѣсколько другихъ опытовъ, подобныхъ же, помѣщены въ другихъ журналахъ, и между ними еще разъ „*Мысли при гробницѣ...*“ Переводъ элегіи Грея—„*Сельское кладбище*“ — напечатанный позднѣе въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина былъ вѣроятно начатъ, въ первоначальной редакціи, въ эту же пору, и по вѣрному замѣчанію Тихонравова былъ лишь „завершеніемъ цикла школьныхъ его стихотвореній и прозаическихъ статей“. Весьма осторожный въ выводахъ Тихонравовъ, принимая въ соображеніе всѣ условія развитія и нравственнаго роста Жуковскаго въ этотъ первый періодъ его литературной дѣятель-

В. А. Жуковскій. Молодой типъ.

[1]) Карамзинъ написалъ двѣ баллады: «*Раиса*» и «*Графъ Гваринасъ*»... Ближайшимъ послѣдователемъ его въ этомъ родѣ былъ казанскій поэтъ Каменевъ.

ности, приходитъ относительно юнаго поэта къ слѣдующему заключенію:

„Жуковскій—юноша мечтательный и очень податливый чужому вліянію—попадаетъ въ школу, которая даетъ ему очень по-

В. А. Жуковскій, въ обстановкѣ «балладника».

верхностное образованіе; бѣдный положительными знаніями, которыя могли бы колебать эту мечтательность, онъ попадаетъ въ кругъ старыхъ масоновъ, которые обращаютъ его къ вопросамъ внутренней жизни и указываютъ ему задачею жизни нравственное усовершенствованіе, ставятъ идеаломъ любовь къ человѣче-

ству"... „Московскіе журналы (которые Жуковскій обязательно читаетъ и въ которыхъ самъ участвуетъ) питаютъ и развиваютъ въ мечтательномъ юношѣ болѣзненную меланхолію..."

Дружеское Литературное общество.

Тоже направленіе поддерживается отчасти и „*Дружескимъ Литературнымъ Обществомъ*", возникшимъ въ началѣ 1801 года при Московскомъ университетѣ [1]). Уставъ общества въ высшей степени любопытенъ, какъ весьма яркое отраженіе настроенія, господствующаго въ современной молодежи. Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ этимъ настроеніемъ, приводимъ нѣкоторые отрывки изъ этого устава:

„Цѣль общества образовать въ себѣ безцѣнный способъ трогать и убѣждать словесностью;—да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій". Упражненія эти должны были состоять въ слѣдующемъ: „очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно. Для лучшаго успѣха въ такихъ упражненіяхъ надобно: 1) особенно заняться теоріею изящныхъ искусствъ: она покажетъ намъ масштабъ всего изящнаго и будетъ служить Аріадниною нитью въ лабиринтѣ *юродствующаго воображенія;* 2) разбирать критически переводы и сочиненія на нашемъ языкѣ; 3) можно иногда прочитывать какія-нибудь полезныя книги и о нихъ давать свой судъ; 4) наконецъ, трудиться надъ собственными своими произведеніями, обработывая ихъ со всевозможнымъ раченіемъ". Кромѣ этихъ упражненій общество имѣло еще цѣли благотворительныя: „помогать всѣмъ истинно-несчастнымъ..." Въ заключеніе изложенныхъ въ уставѣ „законовъ" общества, указывается, какой именно духъ долженъ оживлять всѣхъ членовъ общества и связывать ихъ между собою: „это духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого. Такъ! Никогда никто изъ насъ во всю жизнь не сдѣлаетъ другу своему такого великаго благодѣянія, какое имѣетъ онъ случай сдѣлать здѣсь, въ этомъ обществѣ. Геній умираетъ подъ кровлею бѣдной хижины, на лонѣ нищеты и бѣдности; врожденное чувство къ великому, къ изящному погасаетъ въ бурѣ страстей, въ юдоли скорби и печали; пламя патріотизма потухаетъ въ уединенномъ сердцѣ земного страдальца, и міръ не увидитъ восходящей зари великаго. Какія же великолѣпныя палаты, какія гордыя стѣны, какое золото возвращаетъ міру его честь, его украшеніе — великихъ? Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалкою въ рукѣ неулетающее божество, единымъ взглядомъ озаряю-

[1]) «Законы его», т. е. уставъ подписаны членами 12 января 1801 г. (въ годовщину основанія московскаго университета). Учредителями были преимущественно студенты московскаго университета; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ Мерзлякова.

щее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдствій и отчаянія — это дружество. Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу! Большая часть изъ насъ воспитывались въ одномъ мѣстѣ; съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга: сладостныя узы связали насъ почти всѣхъ издавна. Въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ-друга: гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная довѣренность? Если не всякій изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ къ изящному, если не всякій можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или сочиненіи [1]), то, по крайней мѣрѣ, мы не будемъ сомнѣваться въ добромъ сердцѣ сказывающаго намъ наши погрѣшности; его любовь говоритъ намъ: правда ли то, или нѣтъ—онъ желаетъ намъ добра" [2]).

Первое печатное произведеніе.

Прямой кодексъ сентиментализма съ примѣсью юношеской мечтательности! Среди этихъ молодыхъ затѣй и опытовъ поэтической и довольно разнообразной переводческой [3]) дѣятельности, Жуковскій кончилъ курсъ въ пансіонѣ, въ числѣ первыхъ учениковъ (съ занесеніемъ имени его на мраморную доску); сначала онъ поступилъ было на службу, но прослужилъ всего годъ и, въ апрѣлѣ 1802 года, захвативъ съ собою весь запасъ книгъ, пріобрѣтенныхъ въ Москвѣ, переселился на житье въ свое родное с. Мишенское. Здѣсь-то, проводя весну и лѣто въ кругу своихъ родныхъ и близкихъ, въ живописной мѣстности, покрытой холмами и роскошными лугами, поросшей дубовыми рощами и орошаемой журчащими ручьями, Жуковскій, наконецъ, закончилъ элегію Грея („*Сельское кладбище*"), вѣроятно, уже давно имъ начатую, и отправилъ ее къ Карамзину, для помѣщенія въ его новомъ журналѣ „*Вѣстникъ Европы*..." и, къ величайшему его удовольствію, она не только была напечатана Карамзинымъ, но и удостоена самаго лестнаго отзыва. Недаромъ, впослѣдствіи, Жуковскій любилъ называть „Сельское кладбище" своимъ первымъ „печатнымъ стихотвореніемъ" — вѣроятно, въ смыслѣ перваго, достойнаго печати и напечатаннаго въ большомъ, видномъ журналѣ.

Въ то же время Жуковскій не покидаетъ своей переводческой дѣятельности, и, главнымъ образомъ, переводитъ Флоріана, которымъ увлекается до того, что не довольствуется переводомъ

---

[1]) Засѣданія общества посвящались исключительно чтенію и разборамъ переводовъ и сочиненій.

[2]) Этотъ «святой союзъ любви», положенный въ основу «Общества» надолго остался живою связью между членами кружка, даже и въ дальнѣйшей ихъ жизненной карьерѣ.

[3]) Къ этому времени относится переводъ нѣкоторыхъ частей «Театра» Коцебу и его же романа „*Младшія дѣти моей прихоти*", которому Жуковскій неизвѣстно почему далъ другое названіе: „*Мальчикъ у ручья*". За переводъ четырехъ томовъ этого романа книгопродавецъ уплатилъ ему 75 р. асс.

ству"... „Московскіе журналы (которые Жуковскій обязательно читаетъ и въ которыхъ самъ участвуетъ) питаютъ и развиваютъ въ мечтательномъ юношѣ болѣзненную меланхолію..."

Дружеское Литературное общество.

Тоже направленіе поддерживается отчасти и „*Дружескимъ Литературнымъ Обществомъ*", возникшимъ въ началѣ 1801 года при Московскомъ университетѣ [1]). Уставъ общества въ высшей степени любопытенъ, какъ весьма яркое отраженіе настроенія, господствующаго въ современной молодежи. Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ этимъ настроеніемъ, приводимъ нѣкоторые отрывки изъ этого устава:

„Цѣль общества образовать въ себѣ безцѣнный способъ трогать и убѣждать словесностью;—да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій". Упражненія эти должны были состоять въ слѣдующемъ: „очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно. Для лучшаго успѣха въ такихъ упражненіяхъ надобно: 1) особенно заняться теоріею изящныхъ искусствъ: она покажетъ намъ масштабъ всего изящнаго и будетъ служить Аріадниною нитью въ лабиринтѣ *юродствующаго воображенія;* 2) разбирать критически переводы и сочиненія на нашемъ языкѣ; 3) можно иногда прочитывать какія-нибудь полезныя книги и о нихъ давать свой судъ; 4) наконецъ, трудиться надъ собственными своими произведеніями, обработывая ихъ со всевозможнымъ раченіемъ". Кромѣ этихъ упражненій общество имѣло еще цѣли благотворительныя: „помогать всѣмъ истинно-несчастнымъ..." Въ заключеніе изложенныхъ въ уставѣ „законовъ" общества, указывается, какой именно духъ долженъ оживлять всѣхъ членовъ общества и связывать ихъ между собою: „это духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого. Такъ! Никогда никто изъ насъ во всю жизнь не сдѣлаетъ другу своему такого великаго благодѣянія, какое имѣетъ онъ случай сдѣлать здѣсь, въ этомъ обществѣ. Геній умираетъ подъ кровлею бѣдной хижины, на лонѣ нищеты и бѣдности; врожденное чувство къ великому, къ изящному погасаетъ въ бурѣ страстей, въ юдоли скорби и печали; пламя патріотизма потухаетъ въ уединенномъ сердцѣ земного страдальца, и міръ не увидитъ восходящей зари великаго. Какія же великолѣпныя палаты, какія гордыя стѣны, какое золото возвращаетъ міру его честь, его украшеніе — великихъ? Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалкою въ рукѣ неулетающее божество, единымъ взглядомъ озаряю-

[1]) «Законы его», т. е. уставъ подписаны членами 12 января 1801 г. (въ годовщину основанія московскаго университета). Учредителями были преимущественно студенты московскаго университета; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ Мерзлякова.

щее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдствій и отчаянія — это дружество. Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу! Большая часть изъ насъ воспитывались въ одномъ мѣстѣ; съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга: сладостныя узы связали насъ почти всѣхъ издавна. Въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ-друга: гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная довѣренность? Если не всякій изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ къ изящному, если не всякій можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или сочиненіи [1]), то, по крайней мѣрѣ, мы не будемъ сомнѣваться въ добромъ сердцѣ сказывающаго намъ наши погрѣшности; его любовь говоритъ намъ: правда ли то, или нѣтъ—онъ желаетъ намъ добра" [2]).

Первое печатное произведеніе.

Прямой кодексъ сентиментализма съ примѣсью юношеской мечтательности! Среди этихъ молодыхъ затѣй и опытовъ поэтической и довольно разнообразной переводческой [3]) дѣятельности, Жуковскій кончилъ курсъ въ пансіонѣ, въ числѣ первыхъ учениковъ (съ занесеніемъ имени его на мраморную доску); сначала онъ поступилъ было на службу, но прослужилъ всего годъ и, въ апрѣлѣ 1802 года, захвативъ съ собою весь запасъ книгъ, пріобрѣтенныхъ въ Москвѣ, переселился на житье въ свое родное с. Мишенское. Здѣсь-то, проводя весну и лѣто въ кругу своихъ родныхъ и близкихъ, въ живописной мѣстности, покрытой холмами и роскошными лугами, поросшей дубовыми рощами и орошаемой журчащими ручьями, Жуковскій, наконецъ, закончилъ элегію Грея („*Сельское кладбище*"), вѣроятно, уже давно имъ начатую, и отправилъ ее къ Карамзину, для помѣщенія въ его новомъ журналѣ „*Вѣстникъ Европы*..." и, къ величайшему его удовольствію, она не только была напечатана Карамзинымъ, но и удостоена самаго лестнаго отзыва. Недаромъ, впослѣдствіи, Жуковскій любилъ называть „Сельское кладбище" своимъ первымъ „печатнымъ стихотвореніемъ" — вѣроятно, въ смыслѣ перваго, достойнаго печати и напечатаннаго въ большомъ, видномъ журналѣ.

Въ то же время Жуковскій не покидаетъ своей переводческой дѣятельности, и, главнымъ образомъ, переводитъ Флоріана, которымъ увлекается до того, что не довольствуется переводомъ

---

[1]) Засѣданія общества посвящались исключительно чтенію и разборамъ переводовъ и сочиненій.

[2]) Этотъ «святой союзъ любви», положенный въ основу «Общества» надолго остался живою связью между членами кружка, даже и въ дальнѣйшей ихъ жизненной карьерѣ.

[3]) Къ этому времени относится переводъ нѣкоторыхъ частей «Театра» Коцебу и его же романа „*Младшія дѣти моей прихоти*", которому Жуковскій неизвѣстно почему далъ другое названіе: „*Мальчикъ у ручья*". За переводъ четырехъ томовъ этого романа книгопродавецъ уплатилъ ему 75 р. асс.

ПѢВЕЦЪ
ВЪ СТАНѢ
РУСКИХЪ ВОИНОВЪ. (1)

Пѣвецъ.

На полѣ бранномъ тишина!
  Огни между шатрами!
Друзья! здѣсь свѣтитъ намъ луна,
  Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
  Дружнѣе руку въ руку!

«Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ». Титульный листъ отдѣльнаго изданія.

32

А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь вѣрныя любви*,
Тамъ сладкаго свиданья!

Воины.

Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь вѣрныя любви*,
Тамъ сладкаго свиданья!

«Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ». Окончаніе и заключительная виньетка.

его произведеній, но еще переводитъ и очень плохія его передѣлки чужихъ произведеній. Такъ, въ 1801 году онъ переводитъ сочиненіе Флоріана: „Вильгельмъ Телль или освобожденная Швейцарія“; въ дополненіе къ нему его же сицилійскую повѣсть „Розальба“, переполненную всякими ужасами и таинственностью; а нѣсколько позже, въ 1805 г., по заказу Платона Петровича Бекетова, имѣвшаго свою превосходную типографію, Жуковскій переводитъ и „Донъ-Кихота“ съ весьма плохой передѣлки Флоріана.

Вадимъ. Чрезвычайно любопытно то, что именно Флоріановскій „Вильгельмъ Телль“ внушилъ Жуковскому мысль его первой исторической повѣсти „*Вадима Новгородскаго*“ (напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1803 г.), посвященной памяти незадолго передъ тѣмъ умершаго Андрея Тургенева, друга и руководителя Жуковскаго. Повѣсть не была окончена въ томъ духѣ, въ которомъ Жуковскій ее началъ, т. е. въ духѣ понятій конца XVIII вѣка о Вадимѣ и Гостомыслѣ, какъ борцахъ за свободу и независимость Великаго Новгорода. Но образъ „Вадима еще разъ возникъ въ душѣ поэта, четырнадцать лѣтъ спустя, и на этотъ разъ воплотился, въ балладѣ „Вадимъ“, въ довольно банальнаго сказочнаго героя, освобождающаго 12 спящихъ дѣвъ...

Въ то самое время, когда Жуковскій занятъ былъ этими переводами, т. е. въ теченіе 1803—1805 гг., онъ сблизился съ Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ, уже покинувшимъ изданіе „Вѣстника Европы“ и принявшимся за свой историческій трудъ. Бывая временами въ Москвѣ, Жуковскій вращался постоянно въ кругу Карамзина, въ который входили постоянными завсегдатаями: И. И. Дмитріевъ, В. Л. Пушкинъ, А. И. Тургеневъ и Вяземскій. Вліяніе Карамзина и Карамзинской литературы отразилось на Жуковскомъ до такой степени сильно, что это вліяніе можно прослѣдить во всей литературной дѣятельности нашего поэта, до самыхъ двадцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка. Рядомъ съ Карамзинскимъ вліяніемъ, впрочемъ, проявилось и другое, тоже очень сильное: вліяніе графа Блудова, аристократа до мозга костей, воспитаннаго на псевдо-классическихъ французскихъ образцахъ и постоянно направлявшаго выборъ Жуковскаго, еще недостаточно знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой литературой, въ сторону французской литературы, французскихъ теорій и критическихъ воззрѣній.

Время между 1805—1808 гг. принадлежитъ едва ли не къ счастливѣйшей порѣ жизни Жуковскаго. Всѣ эти три года онъ провелъ вдали отъ столичной жизни, живя попеременно, то въ Мишенскомъ, то въ Бѣлевѣ. Тамъ поселилась и А. И. Протасова, съ двумя своими дочерьми (племянницами Жуковскаго),

образованіемъ которыхъ онъ очень тщательно занимался въ теченіе этого трехлѣтія. Въ Бѣлевѣ жила и мать Жуковскаго, и старушка Бунина, и, въ концѣ 1805 г., онъ даже писалъ своимъ друзьямъ:

„Я переселился въ Бѣлевъ, въ свой домъ (онъ построилъ его для матери); вся наша фамилія теперь живетъ у меня, слѣдовательно я не могу пожаловаться, чтобы вокругъ меня было пусто".

Отголоскомъ его спокойнаго и пріятнаго душевнаго настроенія являются и поэтическія произведенія этого періода, въ которыхъ онъ уклоняется отъ своихъ прежнихъ уныло-элегическихъ мотивовъ и благословляетъ свой уютный уголокъ—то, что онъ называетъ „своей хижиной":

«Друзья, любите сѣнь родительскаго крова.
Гдѣ-жъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?
Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать».

Подъ вліяніемъ этой тишины и спокойствія, поэтъ съ восторгомъ говоритъ и о поэзіи, все для него украшающей и услаждающей:

«О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелесть тихая, души очарованье,
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье—
Теряютъ ужасъ свой.
Въ тиши дубравы, надъ потокомъ,
Другъ Феба съ ясною душой,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ—
Поетъ, мечтаетъ... и блаженъ».

Журнальная дѣятельность.

Въ 1807 г. Жуковскій былъ ревностнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ „Вѣстника Европы"; а въ 1808 г., кажется, не безъ вліянія со стороны Карамзина, Жуковскій принялъ на себя завѣдываніе редакціею этого журнала, для чего и долженъ былъ переселиться въ Москву. Здѣсь, въ теченіе трехъ лѣтъ (1808—1810 гг.) онъ издавалъ „Вѣстникъ Европы", при помощи Каченовскаго, профессора московскаго университета. Каченовскій, впрочемъ, работалъ только надъ политическимъ отдѣломъ, а все остальное лежало на рукахъ Жуковскаго, который, по обычаю всѣхъ журналистовъ того времени [1]), пополнялъ произведеніями своего пера почти всѣ отдѣлы журнала. Въ статьѣ, кото-

[1]) Отъ этого обычая, какъ мы видѣли выше, не отступалъ и самъ Карамзинъ.

Обложка весьма рѣдкаго изданія нѣкоторыхъ переводовъ Жуковскаго, никогда не поступавшаго въ продажу. Полный экземпляръ ихъ хранится въ русскомъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

рою начинается „Вѣстникъ Европы“ на 1808 годъ, Жуковскій такъ опредѣлилъ значеніе и программу своего журнала:

„Существенная польза журнала состоитъ въ томъ, что онъ, скорѣе всякой другой книги, распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости—нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать, и читать съ цѣлью, съ выборомъ, для пользы“. Вначалѣ онъ думалъ было не вносить въ свой журналъ критическаго отдѣла; но затѣмъ онъ отвелъ ему въ своемъ органѣ видное мѣсто, и въ томъ, что онъ по этому поводу говоритъ въ пользу критики и ея значенія, слышится прямо отголосокъ программы „упражненій“ Дружескаго Литературнаго Общества. Но критика является еще здѣсь очень слабою, такъ какъ ея главною основою оказывается Лагарпъ и французскіе ложно-классическіе теоретики, или же теоретики-нѣмцы, воспитавшіеся на тѣхъ же отжившихъ свой вѣкъ правилахъ псевдоклассицизма. Дѣло въ томъ, что и при изданіи „Вѣстника Европы“ Жуковскій все еще не могъ выбиться изъ-подъ ферулы чужого вкуса, и усердно проводилъ въ своемъ журналѣ традиціи Карамзинскаго „Московскаго Журнала“; а Карамзинъ былъ сторонникомъ писателей и философовъ той старой берлинской школы, противъ которой такъ яростно воевали представители новой романтической школы съ Гёте и Шиллеромъ, Тикомъ и братьями Шлегелями во главѣ. И вотъ онъ наполняетъ свой журналъ переводами второстепенныхъ писателей старой школы—Энгелей, Гарве, Эбергардовъ, Меркелей и Коцебу—въ то время, когда эта старая школа въ Германіи уже сбита съ позиціи молодыми романтиками, и все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое значеніе... Онъ какъ бы не рѣшается отречься отъ этихъ бездарныхъ, ограниченныхъ и близорукихъ людей, и, кажется, только потому, что за нихъ стоитъ и имъ сочувствуетъ—Карамзинъ. И вотъ послѣ трудовъ Лессинга по теоріи изящныхъ искусствъ, послѣ его изысканій въ области драмы—послѣ „Лаокоона“ и „Гамбургской драматургіи“—Жуковскій, который, конечно, былъ, хотя по наслышкѣ, знакомъ съ этими капитальными сочиненіями, рѣшается почерпать основныя положенія для своей литературной критики изъ „Теоріи изящныхъ искусствъ“ Сульцера, утверждающаго, что „конечною цѣлью изящныхъ искусствъ служатъ моральныя чувствованія, благодаря которымъ человѣкъ получаетъ цѣну“; а главною обязанностью поэзіи должно быть „созерцаніе нравственной пользы“... Мало того, онъ не отрѣшается даже и отъ совершенно ложной теоріи Энгеля, утверждающаго, что драма можетъ быть только прозаическою—теорія, противъ которой такъ энергично возсталъ А. Шлегель. И изъ сопоставленія всѣхъ этихъ фактовъ, вмѣстѣ взятыхъ, нельзя

не прійти къ тому курьезному выводу, что Жуковскій, прославившійся въ нашей литературѣ тѣмъ, что онъ, главнымъ образомъ, пересадилъ романтизмъ на русскую почву—до конца своей журнальной дѣятельности оставался приверженцемъ старой берлинской литературной школы, слѣдовательно, противникомъ романтиковъ [1]), и въ особенности—Гёте. Кстати замѣтимъ, что теоретическія воззрѣнія Сульцера Жуковскій вносилъ и въ свои оригинальныя критическія статьи „*О сатирѣ и сатирахъ Кантемира*“, „*О баснѣ и басняхъ Крылова*“——и, много лѣтъ спустя, самъ призналъ эти воззрѣнія неправильными и значительно измѣнилъ ихъ въ полномъ собраніи своихъ сочиненій (особенно статьи о Крыловѣ). На сторону романтиковъ Жуковскій перешелъ значительно позднѣе, перешелъ, повидимому, совершенно произвольно и сознательно, можетъ-быть, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ тягостныхъ условій того періода жизни, который наступилъ для него въ 1810—1811 гг. Но внѣшнимъ образомъ, въ глазахъ публики, Жуковскій сопричисленъ былъ къ романтикамъ уже со времени появленія въ свѣтъ его баллады „*Людмила*“ (въ концѣ 1810 г.), передѣланной изъ баллады Бюргера „Ленора“ [2]).

Проэктъ поэмы. Покончивъ съ изданіемъ журнала, Жуковскій вернулся въ деревню и тамъ засѣлъ за работу серьезную, сосредоточенную и притомъ по строго-обдуманному и выработанному плану. Онъ работалъ надъ пополненіемъ пробѣловъ своего образованія, очень много читалъ, расширялъ свой кругъ изученія литературы и занимался особенно охотно науками историческими. Кажется, что эти занятія исторіей стояли также въ нѣкоторой зависимости отъ сношеній съ Карамзинымъ и его кружкомъ. Ближайшею же цѣлью этихъ занятій была задуманная Жуковскимъ поэма „*Владиміръ*“. Мысль объ этой поэмѣ, никогда и впослѣдствіи не написанной, повидимому, занимала его довольно долго, потому что даже еще и въ 1816 г. онъ одно время собирался ѣхать въ Кіевъ и Крымъ для ближайшаго ознакомленія съ самымъ мѣстомъ дѣйствія, избраннымъ для поэмы. Вѣроятно, позднѣе, Жуковскій убѣдился въ томъ, что подобная поэма должна (въ смыслѣ подготовки) представлять непреодолимыя для него трудности, а съ другой стороны—призналъ свой поэтическій даръ не достаточно сильнымъ для выполненія такого замысла, какъ обширная эпическая поэма.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Жуковскій не сходился съ ними и до конца жизни; такъ, напримѣръ, Жуковскій никогда не соглашался съ романтиками въ оцѣнкѣ и пониманіи Шекспира: Гамлетъ казался ему чудовищемъ, и онъ не постигалъ смысла «чудеснаго урода»; шутки Шекспира казались ему грубыми и оскорбительными для вкуса. Онъ всегда былъ убѣжденъ, что «тѣ, которые находятъ такъ много въ Гамлетѣ, доказываютъ тѣмъ скорѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели превосходство Гамлета».

[2]) Впослѣдствіи, въ самую лучшую пору своей поэтической дѣятельности, онъ вернулся къ этому же сюжету, и перевелъ «Ленору» очень близко къ подлиннику.

Если ограничиваться только показаніями самого Жуковскаго и вѣрить той хронологіи, которую онъ самъ помѣчалъ на своихъ произведеніяхъ, то можно подумать, что въ теченіе 1810—1811 гг. нашъ поэтъ написалъ очень немногое: нѣсколько переводовъ изъ Шиллера, Парни, Драйдена и другихъ иностранныхъ поэтовъ, а изъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній — два-три романса, посланіе къ Батюшкову и Тургеневу, да „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" (старинная повѣсть, состоящая изъ двухъ балладъ: 1) „Громобой" и 2) „Вадимъ"). Но внимательный и точный біографъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ, утверждаетъ, напротивъ, что 1811 годъ былъ однимъ изъ самымъ плодовитыхъ въ поэтической дѣятельности Василія Андреевича [1]). Поводомъ къ этой особенной плодовитости было то, что съ конца 1810 и до половины 1812 года Жуковскій жилъ тою идиллическою, мечтательною и горячею жизнью чувства, которая захватывала все его существо и всѣ помыслы его сосредоточивала на одномъ—на томъ, что̀ представлялось ему тогда цѣлью всей его жизни. Большую часть этого идиллическаго періода Жуковскій провелъ въ небольшомъ имѣньицѣ, которое (на капиталъ, завѣщанный ему Бунинымъ—на 10.000 р.) купилъ себѣ около села Муратова, принадлежавшаго Е. А. Протасовой (въ 30 верстахъ отъ Орла). Къ семьѣ Протасовыхъ теперь особенно привязывала его нѣжная, романическая любовь къ старшей изъ бывшихъ его учениць и племянницъ—къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. Эта любовь развивалась среди чрезвычайно привлекательной художественной обстановки, которая всему придавала свои особенныя краски и оттѣнки. По сосѣдству съ Муратовымъ жило семейство *Алексѣя Плещеева,* съ которымъ Жуковскаго сближала общая имъ обоимъ страсть къ изящнымъ искусствамъ. Плещеевъ былъ и музыкантъ, и композиторъ, и отличный актеръ, любившій щеголять своимъ декламаторскимъ искусствомъ. При его богатой усадьбѣ былъ и домашній театръ, и домашній оркестръ, управляемый нѣмцемъ-капельмейстеромъ.

На сценѣ домашняго Плещеевскаго театра очень часто являлись комедіи и оперетки, для которыхъ Плещеевъ самъ писалъ и текстъ, и музыку; самъ и игралъ роли въ нихъ на сценѣ, вмѣстѣ съ женой своей, также хорошей музыкантшей. Съ этою семьею у Жуковскаго установились совершенно особыя, музыкально-поэтическія, дружескія отношенія. Изъ Муратова въ Чернь и обратно, то и дѣло, скакали нарочные гонцы съ поэтическими посланіями отъ Жуковскаго къ Плещееву, на которыя Плещеевъ отвѣчалъ французскими стихами. Каждое новое стихотвореніе Жуковскаго тотчасъ же пересылалось къ Плещееву въ Чернь, а тотъ

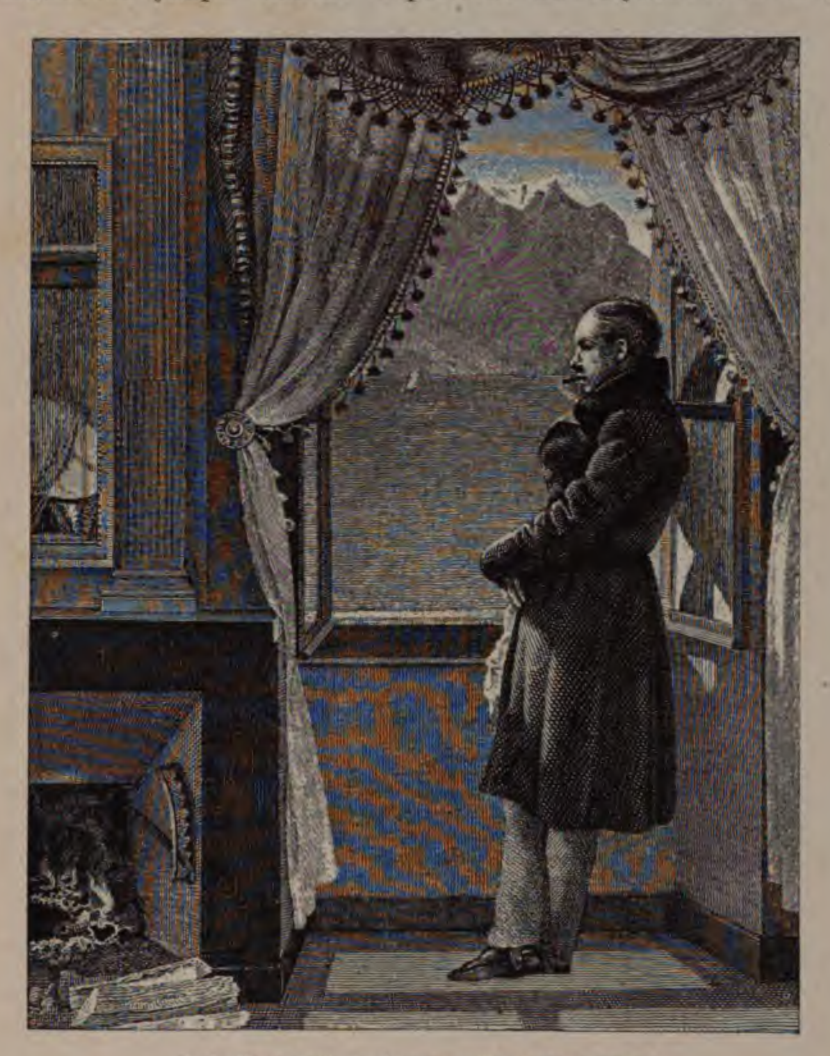
[1]) Онъ доказываетъ совершенно основательно, что къ 1811 г. относится большинство тѣхъ стихотвореній, которыя позже Жуковскій, въ собраніи своихъ сочиненій, ставилъ подъ 1813 годомъ.

къ нему подбиралъ или даже зàново присочинялъ музыку, и декламировали, и пѣли новую пѣснь молодого поэта, къ великому

Одна изъ иллюстрацій художника Майделя къ «Ундинѣ» Жуковскаго.

удовольствію той толпы гостей, которая постоянно наполняла залы обширнаго и радушнаго чернянскаго дома...

Среди этого шумнаго, нескончаемаго праздника, этого ряда эстетическихъ наслажденій и впечатлѣній, любовь Василія Андреевича дошла до того, что онъ, наконецъ, рѣшился просить руки Маріи Андреевны—и получилъ отказъ отъ строгой матери. Этотъ неожиданный ударъ тяжело отразился на Жуковскомъ и далъ



В. А. Жуковскій на берегахъ Женевскаго озера.
Гравюра, приложенная къ особому изданію его «Ундины».

обильную пищу его и безъ того уже сумрачной и унылой Музѣ, его сѣтованьямъ на судьбу, на одиночество и пустоту жизни.

Отечественная война.

Всѣ эти поэтическія изліянія закончились неожиданно громами Отечественной войны... Мы говоримъ неожиданно, хотя это, конечно, многимъ должно показаться страннымъ; но не слѣдуетъ забывать, что даже и послѣ открытія военныхъ дѣйствій, даже и въ концѣ іюля 1812 г. никто еще не предвидѣлъ, въ центральныхъ русскихъ губерніяхъ, той катастрофы, которая ожидала Москву, никто не вѣрилъ въ возможность занятія ея французами.

Прямымъ доказательствомъ господствовавшаго тогда спокойнаго, почти равнодушнаго настроенія умовъ должно служить то, что около этого времени происходило въ Муратовѣ и Черни, гдѣ друзья-сосѣди продолжали жить все тою же неизмѣнной художественно-поэтической жизнью, нимало не заботясь о тучахъ, собиравшихся на горизонтѣ. 3-го августа всѣ сосѣди собрались въ Чернь—праздновать день рожденія Плещеева. На домашней сценѣ давали оперу его сочиненія, и въ тотъ же вечеръ Жуковскій пѣлъ свой новый романсъ, положенный на музыку Плещеевымъ. Этотъ романсъ былъ „Пловецъ" (онъ тоже въ изданіи сочиненій Жуковскаго поставленъ подъ 1813 г.). Намеки романса не понравились Протасовой, которая увидѣла въ нихъ нарушеніе обѣщанія, даннаго Жуковскимъ, и на другой же день она вынудила его уѣхать изъ Муратова въ Москву, гдѣ онъ и поступилъ въ ряды ополченія.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

Во время весьма недолгаго пребыванія въ ополченіи Жуковскому не пришлось участвовать ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Но зато онъ обновилъ своимъ примѣромъ традиціи тѣхъ вѣковъ, когда поэтъ являлся въ воинскомъ станѣ для воспѣванія воинскихъ подвиговъ. Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, увлеченный общимъ ожиданіемъ побѣды надъ грознымъ врагомъ, Жуковскій написалъ свое восторженное стихотвореніе: *„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ"*. Въ этомъ громкомъ и торжественномъ пѣснопѣніи (состоящемъ изъ 672 стиховъ), посвященномъ воспоминаніямъ о русской славѣ, о павшихъ братьяхъ, о подвигахъ отдѣльныхъ вождей и героевъ, поэтъ взывалъ къ отмщенію за разрушенную и выжженную Москву. Стихотвореніе это было несравненно выше той, довольно безцвѣтной *„Пѣсни барда надъ гробомъ славянъ, побѣдителей"*, которую Жуковскій написалъ въ 1806 г. также подъ давленіемъ того враждебнаго настроенія, которое въ ту пору господствовало въ нашемъ обществѣ по отношенію къ французамъ; видно, что въ теченіе шести лѣтъ поэтическій даръ Жуковскаго значительно развился и что самое пониманіе народности окрѣпло и усилилось въ его сознаніи. И если одинъ изъ современниковъ (Вигель въ своихъ „Запискахъ") говоритъ, что Жуковскаго въ обществѣ „полюбили за пѣсню барда", то можно себѣ представить, какое сильное, потрясающее впечатлѣніе долженъ былъ произвести „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ", въ которомъ вѣрно было угадано общее настроеніе минуты, общая жажда мщенія за Москву и ея поруганныя святыни. Можно утверждать положительно, что это стихотвореніе гораздо болѣе прославило Жуковскаго, нежели вся предшествовавшая его поэтическая и литературная дѣятельность. Въ тысячахъ списковъ „Пѣвецъ" быстро разлетѣлся во всѣ концы Россіи. Сама императрица Марія Ѳео-

доровна пожелала имѣть списокъ стихотвореній и изъявила желаніе познакомиться съ поэтомъ.

Жуковскій недолго оставался при арміи послѣ того, какъ исполнилъ свой поэтическій долгъ: вскорѣ послѣ битвы подъ Краснымъ онъ заболѣлъ тифомъ, и только благодаря своему крѣпкому сложенію счастливо перенесъ эту тяжелую болѣзнь. Въ на-

Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Жуковскій въ Баденъ-Баденѣ.

чалѣ января 1813 г. онъ уже снова вернулся въ Муратово, въ недавно покинутый имъ кругъ родни и друзей.

Здѣсь, ободряемый друзьями, онъ рѣшился еще разъ просить руки Маріи Андреевны Протасовой, которая, со своей стороны, изъявила желаніе выйти за него замужъ... Но ея мать, Екатерина Аѳанасьевна, попрежнему осталась непреклонною, и, ссылаясь на близкое родство Жуковскаго съ ея дочерью, отказала ему наотрѣзъ. Тогда Жуковскій, въ совершенномъ отчаяніи, удалился изъ Муратова въ Долбино, имѣніе Кирѣевскихъ [1]), гдѣ и былъ принятъ съ распростертыми объятіями...

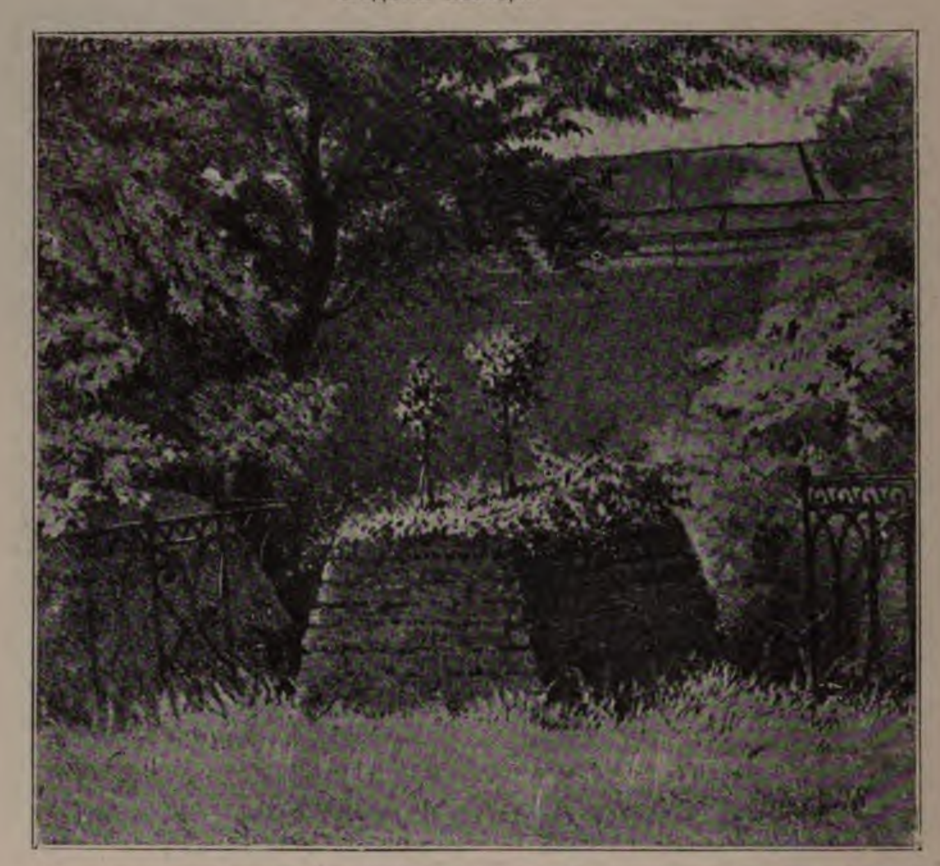
На этотъ разъ скорбная Муза поэта излила свое горе въ та-

---

[1]) Калужской губерніи, въ 7 верстахъ отъ Муратова.

кихъ звукахъ, которые слишкомъ ясно говорили о его тягостномъ душевномъ состояніи. Онъ былъ близокъ къ отчаянію:

«... съ обманутой душою
Я счастья ждалъ—мечтамъ конецъ,
Погибло все, умолкни лира...
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира!
Бѣдный пѣвецъ!



Могила Жуковскаго на кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ съ могилою Карамзина. (Въ первые дни послѣ погребенія).

Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой,
Желать всякъ часъ—и трепетать желанья...»

Однакоже это невыносимо-тягостное состояніе души мало-по-малу перешло въ болѣе сносное, и Жуковскій, нѣсколько оправившись отъ испытаннаго имъ тяжкаго удара, принялся тотчасъ же за свою обычную работу—принялся усиленно, съ удвоеннымъ усердіемъ, какъ бы желая подавить, заглушить свое сердечное горе... Именно это настроеніе, съ примѣсью нѣкотораго горькаго разочарованія, звучитъ въ его письмѣ, около этого времени написанномъ къ А. И. Тургеневу.

„Ахъ, братъ и другъ! Сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ недѣятельности душевной, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, мой другъ, эта самая дѣятельность служитъ мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что было прежде ей помѣхой. Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, зато она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время".

Гимны въ честь Александра.

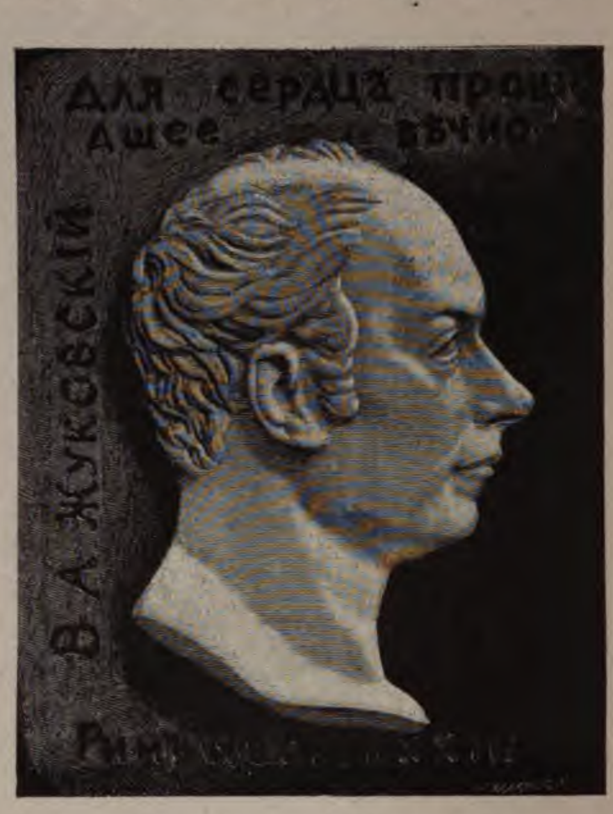
И другъ его, его товарищъ юности, трудовъ и увлеченій, не остался безучастнымъ къ скорбному поэту... Вмѣстѣ съ другими друзьями Жуковскаго онъ озаботился о судьбѣ этого взрослаго ребенка, который никогда не затруднялъ себя заботами о завтрашнемъ днѣ. Василій Андреевичъ самъ далъ ему поводъ и возможность о немъ хлопотать. Не слѣдуетъ забывать, что въ 1812—1815 гг. Россія жила совершенно особою жизнью, и всѣ умы, всѣ сердца привлечены были къ тѣмъ громкимъ, необычайнымъ событіямъ, которыя совершались у всѣхъ на глазахъ и способны были до крайней степени возвысить народную гордость... Военная слава, подвиги нашихъ войскъ, Александръ, во главѣ другихъ государей, избавляющій Европу отъ Наполеоновскаго ига— вотъ что̀ всѣмъ туманило и кружило головы. Весьма естественно, что и Жуковскій увлекся вслѣдъ за другими и смѣнилъ свои скорбныя пѣсни и сокрушенія громкими гимнами въ честь Александра I и его побѣдоноснаго воинства... Въ самомъ концѣ 1814 г., послѣ взятія Парижа, онъ написалъ свое громадное и восторженное „Посланіе Императору Александру I":

«Когда летящіе отвсюду слышны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: «Великій»,
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?..» [1])

Немного позже, въ декабрѣ 1814 года, Жуковскій написалъ и другое обширное патріотическое стихотвореніе — „*Пѣвецъ на Кремлѣ*". Нѣтъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ искренности тѣхъ чувствъ, которыя вдохновляли поэта и въ томъ, и въ другомъ произведеніи, хотя нельзя не признаться, что эти торжественные звуки не были свойственны Музѣ Жуковскаго, и выходили у него вялыми, неудачными, недостаточно величавыми. Они не текутъ свободно и плавно, не захватываютъ, не увлекаютъ вслѣдъ за поэтомъ; въ красивыхъ, тщательно отдѣланныхъ стихахъ нѣтъ того жара, который чувствуется иногда даже и въ довольно нескладныхъ одахъ Державина: чувствуется, на-

[1]) Это посланіе состоитъ изъ 500 стиховъ.

противъ того, напряженіе, усиліе; нѣтъ смѣлаго подъема и орлинаго полета, который видимъ въ очень многихъ произведеніяхъ пѣвца Екатерины. Но въ тотъ періодъ общаго, неудержимаго порыва народной гордости эти гимны Жуковскаго были всѣмъ дороги, производили на всѣхъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Императрица Марія Θеодоровна, получивъ черезъ А. И. Тургенева рукопись „Посланія", просила его прочесть это новое произведеніе Жуковскаго въ присутствіи всѣхъ членовъ своей Августѣйшей семьи и плакала слезами радости [1]). По желанію государыни „Посланіе" было роскошно напечатано на казенный счетъ (въ количествѣ 1,200 экз.), и вырученныя отъ его продажи деньги должны были поступить въ пользу автора, которому, сверхъ того, государыня пожаловала перстень. Когда при этихъ условіяхъ „Посланіе" попало въ провинцію, оно пріобрѣло тамъ положительно значеніе народнаго гимна: стихотвореніе Жуковскаго читали въ общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ семейныхъ домахъ, передъ увѣнчаннымъ лаврами бюстомъ государя, и когда доходили до стиха:



Горельефное изображеніе В. А. Жуковскаго, исполненное въ Римѣ, въ 1833 г.

«Прими-жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ»

—всѣ разомъ падали на колѣни.

Жуковскій при Дворѣ.

Весною, 1815 года, Жуковскій, исполняя давно уже выраженное императрицею Маріею Θеодоровною желаніе, былъ ей представленъ, и, хотя нимало о томъ не хлопоталъ [2]), былъ осенью вызванъ въ Петербургъ изъ Дерпта, гдѣ онъ свилъ-было

[1]) Превосходное, вполнѣ прочувствованное описаніе этого знаменитаго чтенія помѣщено въ письмѣ А. И. Тургенева къ Жуковскому отъ 1 января 1815 г.

[2]) За него хлопотали и о немъ горячо заботились его друзья — А. И. Тургеневъ, С. С. Уваровъ и Карамзинъ.

Вверяя себя благосклонности Вашей Свѣтлости, прошу Васъ благоволить обратить вниманіе Ваше на этотъ предметъ, для меня особенно важный, ибо имѣть простаго у себя, есть главная моя необходимость. Желая имѣть его, не думаю, чтобы я позволилъ себѣ сдѣлать излишняго.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашей Свѣтлости

Покорнѣйшимъ Слугою

1839. 19 декабря.

В. Жуковскій

Автографъ В. А. Жуковскаго.

Отрывокъ изъ письма къ гофмаршалу. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

себѣ гнѣздо около родныхъ [1]), и оставленъ былъ при Дворѣ лекторомъ при вдовствующей императрицѣ, которая въ Павловскѣ любила видѣть около себя кружокъ литераторовъ и ученыхъ. Тутъ нерѣдко, по вечерамъ, въ ея любимомъ Розовомъ Павильонѣ, около нея собирались всѣ знаменитости пера: Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Нелединскій, Гнѣдичъ, Шторхъ, Клингеръ, Аделунгъ... И Жуковскій занялъ между ними свое, весьма видное, почетное мѣсто.

До поздней осени Жуковскій пробылъ въ Петербургѣ и Павловскѣ; и нимало не позаботился о томъ, чтобы устроить себѣ какое-нибудь прочное положеніе при Дворѣ. Его опять потянуло въ Дерптъ, куда манилъ его и кружокъ близкихъ людей, и тотъ весьма ограниченный и скромный идеалъ бюргерской нѣмецкой жизни, который преобладалъ въ этомъ крошечномъ нѣмецкомъ центрѣ. Здѣсь, сойдясь съ кружкомъ нѣмецкихъ ученыхъ и освоившись съ нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой литературой (въ самомъ обширномъ смыслѣ слова), Жуковскій окончательно склонился на сторону нѣмецкой поэзіи и оставался ей вѣренъ до конца жизни [2]); здѣсь же онъ окончательно перешелъ на сторону романтизма, и мы видимъ, что въ 1817 году, собираясь выдать въ свѣтъ сборникъ образцовыхъ нѣмецкихъ писателей, Жуковскій избираетъ этихъ „образцовыхъ писателей" почти исключительно изъ среды самыхъ ярыхъ романтиковъ (Гёте, Шиллера, Тика, Новалиса, Т. П. Рихтера, братьевъ Шлегелей).

Душевное настроеніе Жуковскаго въ этотъ періодъ, какъ и его положеніе въ свѣтѣ, было какое-то странное, двойственное, неопредѣленное. Онъ жилъ въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою, въ нерѣшительности относительно выбора жизненнаго пути, въ ожиданіяхъ, которыя, какъ онъ самъ зналъ, не должны были сбыться [3]). Точно такъ же неопредѣленны и туманны были взгляды Жуковскаго на его собственное поэтическое призваніе. Онъ находился въ это время на верху своей славы, въ полномъ блескѣ, въ апогеѣ ея — и чувствовалъ полное безсиліе творческое, едва только задумывалъ приняться за что-нибудь крупное, оригинальное. Неспособный самъ себя обманывать и преувеличивать свое значеніе, онъ видѣлъ въ себѣ только талантливаго переводчика, въ то время, когда другіе ждали отъ него чего-то великаго, а на

---

[1]) Младшая дочь Протасовой вышла замужъ за А. Ѳ. Воейкова, который получилъ мѣсто профессора словесности при дерптскомъ университетѣ. Туда же переселилась и Е. А. Протасова, съ Маріею Андреевною, которая вскорѣ тамъ вышла замужъ.

[2]) Здѣсь были имъ переведены изъ Уланда: «Сонъ», «Пѣсня бѣдняка», «Счастіе во снѣ», «Гарольдъ», «Три пѣсни»; изъ Гебеля—«Овсяный кисель», «Красный карбункулъ», «Деревенскій сторожъ въ полночь».

[3]) Ожиданіе это закончилось тѣмъ, что Марія Андреевна Протасова, въ 1817 году вышла замужъ за профессора Мойера.

всю его минувшую литературную дѣятельность смотрѣли только какъ на приготовленіе къ будущему, на геніальныя пробы пера. Батюшковъ, напримѣръ, писалъ ему въ одномъ изъ писемъ:

„Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. Зачѣмъ не поэму?.. Чудакъ! Ты имѣешь все, чтобы сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ... У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки... и ты пишешь баллады. Оставь бездѣлки намъ; займись чѣмъ-нибудь достойнымъ твоего дарованія...“ [1]).

Розовый павильонъ въ Павловскѣ.

А между тѣмъ тотъ, кого Батюшковъ прочилъ въ великіе поэты, самъ еще не зналъ, что́ изъ себя сдѣлать, и пребывалъ въ полнѣйшемъ и самомъ безпечномъ невѣдѣніи насчетъ своего будущаго. Друзья побуждали его хлопотать объ устройствѣ его положенія, указывали ему на различные способы къ обезпеченію и къ пріобрѣтенію прочнаго положенія при Дворѣ; а онъ все отговаривался и медлилъ, и отвѣчалъ на ихъ заботы какими-то мечтаніями.

„Мнѣ весело думать,—пишетъ онъ А. И. Тургеневу (21 октября 1816 г.),—что ты обо мнѣ хлопочешь. Очень было бы хо-

[1]) Гораздо вѣрнѣе смотрѣлъ на Жуковскаго Дмитріевъ, который въ одномъ изъ писемъ, со свойственною ему тонкостью и осторожностью, говоритъ: «Кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ придворнаго... Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды? А между тѣмъ будемъ пока питаться «Овсянымъ киселемъ»; для меня и онъ по вкусу; но я лакомъ, и люблю разнообразіе».

рошо, когда бы то̀, что ты затѣялъ *и о чемъ я не имѣю понятія*, совсѣмъ обошлось безъ письма моего [1]). Неужели должно непремѣнно просить вниманія? Довольно того, чтобы его сто̀ить. Вниманіе Государя есть святое дѣло. Имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ поэтомъ, въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія. Этимъ она можетъ быть только для петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію, и дай Богъ въ теченіе жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли. Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней, значитъ—заслуживать одобреніе Государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлью есть счастіе; а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль—вотъ награда".

Въ этомъ письмѣ, представляющемъ рядъ неопредѣленныхъ мечтаній и прекрасныхъ мыслей въ отвѣтъ на положительные дѣловые запросы друзей—весь Жуковскій!

Царскія милости и служба.

И послѣ этого письма онъ попрежнему оставался жить въ Дерптѣ, гдѣ дописывалъ въ это время вторую половину своей повѣсти *„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ"* (2-я баллада: „Вадимъ") и приготовлялъ къ изданію полное собраніе своихъ сочиненій. Въ концѣ 1816 года, благодаря настояніямъ А. И. Тургенева и его усиленному ходатайству, черезъ князя А. Н. Голицына полное собраніе сочиненій Жуковскаго было поднесено государю — и поэту назначена была, по Высочайшей волѣ, пожизненная пенсія въ 4,000 рублей. И вотъ, почти помимо Жуковскаго, все устроилось само собою, и онъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, силъ и здоровья, оказался вполнѣ обезпеченнымъ и независимымъ человѣкомъ. Но эта чрезвычайная милость, по сознанію самого Жуковскаго, далеко превышала его литературныя заслуги и потому побудила его искать возможности доказать государю свою признательность службою... „Я теперь въ службѣ—пишетъ онъ друзьямъ своимъ,—и долженъ служить по совѣсти". И онъ дѣйствительно искалъ случая и надѣялся, что случай къ поступленію на̀ службу вскорѣ представится; при отъѣздѣ изъ Дерпта, въ началѣ 1817 года, онъ недаромъ говорилъ своимъ дерптскимъ друзьямъ: „романъ моей жизни оконченъ—теперь начинается исторія". Слова эти сбылись вполнѣ: романтикъ обратился вскорѣ въ педагога, съ удивительною добросовѣстностью выполнявшаго свой долгъ, и на выполненіе его посвятилъ почти двадцать пять лучшихъ лѣтъ жизни...

Слѣдующее, наступившее въ жизни Жуковскаго 25-ти-лѣтіе,

[1]) Т. е. безъ письма самого Жуковскаго къ государю.

проведенное на службѣ при Дворѣ,—въ весьма трудной и отвѣтственной должности воспитателя Высочайшихъ Особъ — болѣе принадлежитъ исторіи, нежели литературѣ [1]). Въ теченіе этого времени Жуковскимъ было очень немногое сдѣлано для литературы; бывали даже перерывы въ пять и въ семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ничего не писалъ и не печаталъ... Но и все то, что онъ за это время издавалъ въ свѣтъ, не шло далѣе подражаній и переводовъ. Такъ, въ первые годы службы при Дворѣ, когда онъ былъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (впослѣдствіи императрицѣ и супругѣ императора Николая I), онъ переводилъ для своей царственной ученицы стихотворенія лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ (Шиллера, Гёте, Гебеля, Кёрнера и др.) и печаталъ ихъ ежемѣсячно, рядомъ съ подлинниками, въ видѣ небольшихъ, изящныхъ книжекъ, подъ общимъ заглавіемъ: *„Для немногихъ“* („Für Wenige“), такъ какъ книжки эти не поступали въ продажу, а раздавались лишь *немногимъ приближеннымъ лицамъ* [2]). Затѣмъ явилась вторая пѣсня поэмы Томаса Мура *„Лалла Рукъ“*, драма Шиллера *„Орлеанская Дѣва“* (нѣсколько измѣненная Жуковскимъ) и поэма Байрона *„Шильонскій узникъ“*. Оба послѣднія произведенія вышли въ свѣтъ въ 1821 г. Между 1832—1836 гг. Жуковскій передѣлалъ прелестную повѣсть Ла-Моттъ-Фукэ *„Ундину“*, а затѣмъ, урывками, въ теченіе многихъ лѣтъ, перевелъ (съ нѣмецкаго перевода Рюккерта) индійскую поэму *„Наль и Дамаянти“*.

Переводы Жуковскаго.

Мало-по-малу, друзьямъ и почитателямъ Жуковскаго пришлось убѣдиться въ томъ, что поэтическое творчество Жуковскаго никогда не произведетъ ничего самостоятельнаго, самобытнаго и крупнаго, и что изъ-подъ его пера ничего нельзя ожидать, кромѣ очень хорошихъ переводовъ и болѣе или менѣе хорошихъ переработокъ съ готоваго поэтическаго матеріала, представляемаго иностранными литературами. Притомъ, критическій тактъ и изящный вкусъ Жуковскаго не всегда давали ему вѣрныя указанія; по справедливому замѣчанію Батюшкова, онъ иногда нападалъ на „дурное, жеманное и скучное“ и черезчуръ увлекался узенькими, ничтожными, ограниченными идеалами, которыми способна была задаваться поэзія, развивавшаяся въ небольшихъ нѣмецкихъ

---

[1]) Въ 1817 г. Жуковскій былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка великой княжнѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. При императорѣ Николаѣ I, въ первые же годы царствованія его, Жуковскому поручено было воспитаніе наслѣдника цесаревича (впослѣдствіи императора Александра II). Въ этомъ положеніи онъ оставался, удостоенный величайшимъ довѣріемъ императора Николая Павловича, до 1841 года, т. е. до бракосочетанія наслѣдника.

[2]) Въ настоящее время полный экземпляръ, т. е. всѣ шесть книжекъ (отъ I до VI №) «*Для Немногихъ*», составляетъ большую библіографическую рѣдкость.

центрахъ. Благодаря такому увлеченію, Жуковскій съ одной стороны переводилъ много такого, что положительно не заслуживало перевода, а съ другой—все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ нѣмецкими воззрѣніями, понятіями и нравами, и, по мѣрѣ того, все болѣе и болѣе отдалялся отъ русской, національной почвы. Вслѣдствіе этого, съ теченіемъ времени, къ коренному недостатку поэзіи Жуковскаго—къ его чрезвычайному однообразію въ выборѣ мотивовъ—прибавилась еще и полная безцвѣтность, полное отсутствіе какого бы то ни было своеобразнаго, народнаго колорита [1]).

Весь поглощенный возложенною на него обязанностью, которую Жуковскій исполнялъ съ добросовѣстностью Лагарпа, онъ писалъ друзьямъ своимъ, упрекавшимъ его въ забвеніи поэзіи: „у меня въ душѣ одна мысль; все остальное—только въ отношеніи къ этой, царствующей... Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи...“ Но въ сущности, несмотря на свое высокое положеніе, Жуковскій оставался все тѣмъ же безпечнымъ и беззаботнымъ поэтомъ, какъ это можно видѣть изъ его личной характеристики, набросанной имъ въ посланіи къ княгинѣ А. Ю. Оболенской (въ 1820 г.).

«...я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный!
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что̀ въ жизни сей прекрасно;
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить;
Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ сердца различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не впередъ идти, а рядомъ.»

Пребываніе за границей. Во время своей службы при Дворѣ, Жуковскій часто бывалъ за границей, живалъ тамъ по̀-долгу и успѣлъ завести дружескія связи въ Германіи, къ которой все больше и больше привязывался: его туда подъ старость манило и тянуло. По окончаніи своей службы, осыпанный милостями императора Николая I, обезпеченный на всю жизнь и безъ того уже обладавшій хорошимъ состояніемъ, Жуковскій уѣхалъ изъ Россіи за границу и

---

[1]) Это всего яснѣе выразилось въ его заимствованіяхъ изъ русской народной поэзіи, когда онъ, подражая Пушкину, вздумалъ коснуться русскаго сказочнаго міра.

Gemäßigten mäßiger Nahrung,
Begabten mit Offenbarung,
Die alle Begierden meidenden,
Sich von sich selber scheidenden,
Von Luft und Thau sich weidenden,
In Baumrinden sich kleidenden.
Doch die mit reizenden Augenbraunen,
Damajanti, gewahrt mit Staunen
In der Wüste den Himmelsgarten,
Geschmückt mit Blumen- und Pflanzenarten,
Mit Blüt' und Frucht an Laub und Aesten,
Bevölkert von der Thierwelt Gästen:
Antelopen, Gasellen,
Wandelnd am Rand der Quellen,
Affen auf Zweigen sich schaukelnd,
Und Papageyen gaukelnd:
Dazwischen, die das alles pflegten,
Sich die Einsiedler still bewegten.
Aufathmete, die Brust erquickend,
Die Königstochter dies erblickend.

Подклеенная страничка Рюккертова текста поэмы, съ котораго Василій Андреевичъ Жуковскій переводилъ „Наль и Дамаянти".

Черновой оригиналъ перевода поэмы „Наль и Дамаянти“ В. А. Жуковскаго.

Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

431. τὸν νῦν οἶκον
Davon jetzt Haushalt
G.r. A.r.
Итакъ Одиссея гр[illegible]
432. παῖδα τ' ἀποκτ[illegible]
den Sohn und tödtet d[illegible]
A.r. 2.pr.
Кирилл [illegible]
433. [illegible]

не возвращался болѣе въ отечество. Вскорѣ послѣ переселенія за границу, въ 1841 г., Жуковскій, несмотря на свой преклонный возрастъ (ему шелъ 58-й годъ), женился на дочери своего друга, живописца Рейтерна, которой не было и 20-ти. Такое неравенство лѣтъ, конечно, не могло привести къ полному счастью въ семьѣ, и безпристрастный біографъ и другъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ, рисуетъ намъ довольно непривлекательную картину семейной жизни нашего поэта. Подъ старость его желѣзное здоровье измѣнило ему: онъ сталъ часто болѣть; измѣнять ему стало и зрѣніе, что въ особенности его тревожило и мѣшало его литературнымъ занятіямъ. Полубольной и нервно-разстроенный, онъ долженъ былъ почти постоянно ухаживать за болѣзненною женою и трепетать за здоровье дѣтей, которыхъ страстно любилъ. При этомъ еще ему приходилось бороться съ кружкомъ піэтистовъ, которые жену его окружали и непрерывно направляли ея мысли къ религіозному экстазу. Нравственное и душевное состояніе Жуковскаго въ теченіе этихъ послѣднихъ одиннадцати лѣтъ его жизни было по временамъ невыносимо-тяжелымъ, какъ это можно видѣть изъ его писемъ къ друзьямъ, въ особенности за 1846—47 годы. Избалованный слишкомъ постояннымъ счастіемъ и спокойствіемъ, онъ съ трудомъ переносилъ тягости и бѣдствія жизни, неразлучныя съ семейнымъ очагомъ, и съ горечью вспоминалъ о своемъ прошломъ, въ которомъ такъ много времени могъ удѣлять мечтамъ и поэзіи, далекій отъ заботъ и суроваго опыта жизни:

Характеристика Жуковскаго.

„Моя жизнь пролетѣла на крыльяхъ легкой беззаботности, рука объ руку съ призракомъ поэзіи, которая насъ часто гибельнымъ образомъ обманываетъ насчетъ насъ самихъ, и часто мы ея свѣтлую радугу, привидѣніе ничтожное и быстро исчезающее, принимаемъ за твердый мостъ, ведущій съ земли на небо. Подъ старость я не разсорился съ поэзіей, но не въ ней правда: она только земная блестящая риза правды“... „Жизнь прежняя,—пишетъ Жуковскій далѣе въ томъ же письмѣ:—избаловала и испортила меня; и вотъ Промыслъ Божій опредѣлилъ мнѣ послать средство исправленія; онъ надѣлъ на эту безпечную жизнь, сохранившую до старости дѣтскую безпечность, вѣнецъ семейнаго счастія... Душа моя—до сихъ поръ лѣнивая сибаритка,—познакомилась съ тѣми тревогами, которыя составляютъ многочисленную свиту нашихъ любезнѣйшихъ земныхъ сокровищъ“...

Затѣмъ, переходя къ очень тягостнымъ воспоминаніямъ, поэтъ очень строго судитъ о себѣ самомъ и приходитъ къ совершенно правильному выводу о значеніи жизни, о главной сути ея. Вспоминая о концѣ 1846 года и началѣ 1847, онъ говоритъ:

„Это время (конецъ 1846 г. и начало 1847 г.) было самымъ

тяжкимъ во всей моей жизни, избалованной своимъ постояннымъ беззаботнымъ спокойствіемъ. Оно баловало меня съ колыбели, въ которой до старости лѣтъ я лежалъ веселымъ младенцемъ и посматривалъ на все, окружающее мою люльку, сквозь сонъ поэтическій. И вдругъ изъ этой люльки, отрезвившись, я всталъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ; и только тутъ догадался, что наша жизнь не поэтическій сонъ, а строгое, существенное испытаніе".

Послѣднія произведенія. По временамъ, однакоже, поэтъ и самъ впадалъ въ очень печальное нравственное разслабленіе, поддавался мистическому настроенію, и оно выражалось въ очень странныхъ поэтическихъ образахъ, въ сокрушеніяхъ о чрезмѣрной своей грѣховности, въ отрицаніи всего мірского, всего земного. Подъ вліяніемъ этого же настроенія, Жуковскій, въ послѣднемъ періодѣ своей жизни, относился весьма сочувственно къ мистическимъ увлеченіямъ Гоголя. Однакоже, пользуясь каждой спокойной минутой, Жуковскій успѣлъ, въ послѣдніе годы жизни, довести до конца два большіе труда: въ 1847 году напечатанъ былъ его замѣчательный переводъ *Одиссеи* Гомера [1]), а въ 1849—переводъ персидской поэмы „*Рустемъ и Зорабъ*" (эпизодъ изъ Шахъ-Намэ). За годъ до смерти онъ написалъ прелестное воспоминаніе о Царскомъ Селѣ, въ которомъ изобразилъ смерть стараго лебедя Екатерининскихъ временъ, можетъ-быть, предвидя и свой близкій конецъ...

«Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ,—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное, бывало,
Онъ съ земли рванулся, и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И, прекрасенъ, мертвый на хребтѣ лежалъ онъ.

[1]) Окончивъ Одиссею, Жуковскій принялся-было и за Иліаду; но успѣлъ перевести только одну пѣсню.

Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій...»

Болѣзнь не дала ему возможности присутствовать на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ его литературной дѣятельности, который былъ весьма торжественно отпразднованъ въ Петербургѣ, въ 1849 году, хотя его предполагалось праздновать (да и слѣдовало бы) уже въ 1847 году.

7 апрѣля 1852 года В. А. Жуковскій скончался въ Баденъ-Баденѣ, на 70 году отъ рожденія. Тѣло его перевезено было изъ-за границы въ Петербургъ и—по его волѣ, выраженной при жизни—погребено рядомъ съ могилой Карамзина на новомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Тридцать одинъ годъ спустя, въ 1883 году, по всей Россіи была торжественно отпразднована столѣтняя годовщина со дня рожденія Жуковскаго.

Въ заключеніе того, что было нами изложено о Жуковскомъ и его дѣятельности, необходимо набросать въ нѣсколькихъ словахъ общій очеркъ нравственнаго облика этого поэта и указать на важнѣйшіе результаты его многолѣтней и многообразной поэтической дѣятельности, по отношенію къ внутреннему содержанію и къ внѣшней формѣ нашей поэзіи.

Жуковскій, какъ человѣкъ. По общимъ отзывамъ современниковъ, по всему, что извѣстно о Жуковскомъ изъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, по общему характеру всего имъ написаннаго, отъ первыхъ юношескихъ стихотвореній и до послѣднихъ предсмертныхъ писемъ,—мы знаемъ, что это былъ человѣкъ необыкновенно-чистый душою, мягкосердечный и самоотверженно-преданный идеѣ добра, которой онъ служилъ всю жизнь, во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ. Глубоко хранилъ онъ въ сердцѣ наставленія воспитавшихъ его масоновъ, И. П. Тургенева и П. В. Лопухина, нѣкогда ему указывавшихъ на самосовершенствованіе нравственное, какъ на главную цѣль жизни. И онъ строго соблюдалъ этотъ завѣтъ во всю свою жизнь и постоянно слѣдилъ, и наблюдалъ за собою, болѣе всего опасаясь возможности быть собою недовольнымъ, нарушить внутренній миръ своей души... При этомъ онъ, по собственному своему признанію, весь свой вѣкъ оставался „дитею", т. е. отличался полнымъ незнаніемъ жизни и былъ идеалистомъ въ самомъ обширномъ и лучшемъ значеніи этого слова. Только въ послѣдніе годы жизни, испытавъ еще неизвѣданныя имъ „тягости бытія", онъ начинаетъ нѣсколько разочаровываться въ поэзіи и жаловаться на разладъ между идеалами, съ которыми онъ весь свой вѣкъ носился, и насущными потребностями практической жизни.

Жуковскій, какъ поэтъ. Поэтъ-идеалистъ чрезвычайно полно и опредѣленно выразился въ произведеніяхъ Жуковскаго и въ той нѣжной, задушевной формѣ *элегіи*, которая является у него преобладающимъ ро-

домъ его поэтическаго творчества. По этому поводу очень вѣрно замѣчаетъ извѣстный знатокъ нашей словесности А. Д. Галаховъ, что „поэтическія произведенія Жуковскаго обогатили нашу лирику новымъ плодотворнымъ содержаніемъ, которое составляетъ важный моментъ въ ея историческомъ развитіи; они впервые раскрыли передъ нами внутренній міръ человѣка, міръ его души, какъ предметъ наиболѣе достойный вдохновенныхъ пѣсенъ. Душевная исповѣдь служитъ господствующею ихъ тэмой, не возбуждавшею дотолѣ сочувственнаго вниманія писателей, которые притомъ и не были къ тому призваны ни характеромъ своихъ талантовъ, ни качествами своей природы. До чего бы ни касалась поэтическая дѣятельность Жуковскаго, въ какія бы формы ни облекались его представленія и чувства... душа постоянно занимаетъ у него первенствующее мѣсто. Создавая въ этомъ направленіи все, что выходило самостоятельнаго изъ-подъ его пера, онъ и для переводовъ, и для передѣлокъ своихъ, избиралъ только то, что̀ къ этому направленію подходило. Весьма постепенно, но совершенно послѣдовательно и правильно, отъ сентиментальнаго мечтанія онъ перешелъ къ романтизму и его идеальнымъ стремленіямъ въ область таинственнаго и неизвѣстнаго, и этимъ путемъ значительно расширилъ область нашего сближенія съ образцовыми произведеніями европейскихъ литературъ. И хотя выборъ образцовъ для перевода былъ у Жуковскаго нѣсколько однообразенъ, и предпочтеніе, отдаваемое имъ нѣмецкой литературѣ передъ всѣми другими, было иногда не совсѣмъ умѣстно и объяснимо, однакоже оно принесло свою долю пользы, какъ противовѣсъ, до излишества распространенному въ русской литературѣ, пристрастію къ французскимъ образцамъ и французскимъ теоріямъ“.

Стихъ Жуковскаго. Большимъ и весьма существеннымъ успѣхомъ въ нашей поэзіи, по отношенію къ ея внѣшней формѣ, былъ стихъ Жуковскаго, съ которымъ не можетъ сравниться—ни въ звучности, ни въ мягкости, ни въ разнообразіи размѣровъ—стихъ предшествовавшихъ ему поэтовъ: въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ его современниковъ, съ нимъ могъ тягаться развѣ только Батюшковъ, а превзошелъ его только геніальнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ—Пушкинъ. И насколько въ первомъ, болѣе молодомъ періодѣ дѣятельности Жуковскаго, стихъ является легкимъ, гибкимъ и гармоничнымъ, настолько же, въ послѣднія 10—12 лѣтъ жизни Жуковскаго, когда онъ, покинувъ лирику, перешелъ къ переводу крупныхъ эпическихъ произведеній, стихъ его сталъ спокойнымъ, ровнымъ и плавно текущимъ — вполнѣ подходящимъ къ тону и духу эпическаго изложенія. Притомъ еще, подъ старость, Жуковскій совсѣмъ разлюбилъ риему и не пользовался ею для украшенія своихъ произведеній, предпочитая стихи безъ риемъ.

Въ прозѣ Жуковскій, постепенно, также достигъ большого совершенства—большой красоты и простоты изложенія и выраженія мысли, и, въ этомъ отношеніи, сдѣлалъ значительный шагъ впередъ даже по отношенію къ своему учителю, Карамзину. Слогъ его проще, естественнѣе и не такъ однообразенъ, какъ слогъ Карамзина, въ которомъ часто повторяются однѣ и тѣ же формы и обороты рѣчи.

Если бы, въ заключеніе, мы захотѣли опредѣлить то мѣсто, которое Жуковскій долженъ занимать у насъ въ литературѣ эпохи, предшествующей Пушкину, то намъ пришлось бы, конечно, остановиться на томъ весьма скромномъ, но и весьма вѣрномъ отзывѣ, который онъ даетъ о себѣ самомъ въ одномъ изъ писемъ къ друзьямъ, гдѣ задался вопросомъ о будущности своего сына и говоритъ между прочимъ:

„Если ему суждено быть поэтомъ, то онъ, вѣроятно, засунетъ родителя своего за-поясъ и будетъ русскимъ самобытнымъ поэтомъ, а не переводчикомъ, впрочемъ, весьма замѣчательнымъ, какъ его родитель".

Иллюстрація къ сказкѣ Жуковскаго о царѣ Берендеѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Еще одинъ питомецъ Карамзинской школы.—Жуковскій и Батюшковъ—двѣ противоположности. — Біографическія подробности. — Нарождающійся типъ недовольныхъ. — Элегизмъ и классическая пластика. — Значеніе Батюшкова въ исторіи нашей поэзіи.

Къ числу весьма горячихъ сторонниковъ Карамзинской школы принадлежалъ еще одинъ поэтъ, и можно смѣло сказать, талантливѣйшій изъ русскихъ поэтовъ до Пушкина. Несмотря на то, что его литературная дѣятельность, по весьма неудачно сложившимся условіямъ его жизни, была весьма непродолжительна, и что онъ успѣлъ написать немногое,—однакоже въ этомъ немногомъ онъ выразился вполнѣ и, высказавъ себя поэтомъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ, сумѣлъ оставить по себѣ весьма замѣтный слѣдъ въ литературѣ. Въ тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ литературныхъ именъ, которыя представляютъ собою весь наличный составъ нашей литературы въ царствованіе Александра I, имя Батюшкова занимаетъ *свое* мѣсто и не можетъ быть ни опущено, ни забыто лѣтописателями нашей словесности. Почетная и вполнѣ заслуженная извѣстность Батюшкова ничего не теряетъ отъ близкаго сосѣдства съ такою громкою славою, какъ слава Жуковскаго, его ближайшаго предшественника, ни даже со славою столь близкаго преемника его, какъ Пушкинъ, который съ признательною скромностью всѣхъ истинно-великихъ людей говорилъ, что онъ многому научился отъ Батюшкова.

Дѣйствительно, въ поэзіи Батюшкова, и содержаніе, и внѣшняя форма вполнѣ самостоятельны: у него *все свое,* и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противоположность съ Жуковскимъ. Эту противоположность прекрасно выразилъ Гоголь въ своей извѣстной параллели, въ которой точнѣйшимъ образомъ опредѣлилъ существенныя свойства поэзіи Батюшкова, именно сравненіемъ съ поэзіею Жуковскаго:

„Въ то время,—говоритъ онъ:—когда Жуковскій отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и существенности, и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное, во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія“.

Въ силу этой внутренней противоположности типовъ Жуковскаго и Батюшкова, развились и противоположныя свойства ихъ

поэтической дѣятельности. Такъ, Жуковскій въ своей переводной и подражательной дѣятельности стремился постоянно къ такой обработкѣ нашего поэтическаго языка, которая давала бы ему возможность выразить тончайшіе оттѣнки его отвлеченной и туманной фантазіи; Батюшковъ, напротивъ того, обладая несомнѣнно болѣе сильнымъ поэтическимъ даромъ и лучшимъ знаніемъ языка, при выработкѣ поэтическаго выраженія обращалъ вниманіе только на полную его ясность и яркость въ передачѣ живого, въ передачѣ впечатлѣній, производимыхъ внѣшнею красотою и роскошною пластикою формъ. На томъ же основаніи, въ то время, когда Жуковскій отъ сентиментальнаго элегизма переходилъ все болѣе и болѣе къ романтизму, увлекавшему его въ область таинственнаго и сказочнаго, Батюшковъ, напротивъ того, съ полнымъ сознаніемъ предался изученію классическаго міра, и, первый изъ русскихъ поэтовъ, сумѣлъ достигнуть того соединенія красоты и силы въ поэтической формѣ, которое дало ему возможность пересадить на нашу почву наиболѣе характерныя изъ поэтическихъ произведеній классической литературы. Противоположность поэтическихъ типовъ, наблюдаемая нами при сравненіи произведеній Жуковскаго и Батюшкова, быть-можетъ, коренится, въ значительной степени, и въ самыхъ явленіяхъ жизни обоихъ поэтовъ, которая складывалась по какимъ-то совершенно особымъ начертаніямъ. Въ то время, когда Жуковскій отъ ранняго дѣтства и до зрѣлаго возраста, по собственному его выраженію, лежалъ „въ люлькѣ безпечнаго дѣтства и чувствовалъ себя „дитею въ тридцать слишкомъ лѣтъ“,—Батюшковъ, напротивъ того, вступилъ въ жизнь очень рано, вступилъ, никѣмъ не оберегаемый отъ ея тягостей и невзгодъ, испыталъ очень много грустныхъ и тяжелыхъ впечатлѣній въ лучшіе годы юности и болѣе половины жизни томился подъ гнетомъ тяжкаго недуга, который такъ рано отнялъ его у нашей литературы... Элегизмъ Батюшкова, который заплатилъ обильную дань этого рода поэзіи, былъ естественнымъ выраженіемъ ощущеній души, неудовлетворенной жизнью и уже смолоду успѣвшей наболѣть отъ тягостныхъ испытаній и разочарованій; онъ не похожъ на элегизмъ Жуковскаго, который часто, для выраженія самыхъ нѣжнѣйшихъ ощущеній души, вынужденъ бываетъ заимствовать чужіе звуки и образы, брать поэтическую лиру изъ рукъ другого поэта и играть на его струнахъ, пользуясь уже готовою ихъ настроенностью...

Происхожденіе и дѣтство Батюшкова.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ 1787 г. въ Вологдѣ (18 мая). Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и былъ сынъ помѣщика Новгородской, Вологодской и Ярославской губ., Николая Львовича Батюшкова, который служилъ, какъ и всѣ дворяне его времени, сначала въ военной, а потомъ

въ гражданской службѣ. Константинъ Николаевичъ былъ младшимъ сыномъ Николая Львовича, отъ перваго его брака, и почти не зналъ своей матери, которая послѣ его рожденія впала въ тя-

К. Н. Батюшковъ.

желый душевный недугъ и скончалась въ то время, когда ея сыну не было еще и восьми лѣтъ. Это обстоятельство, къ сожалѣнію, должно было оказать существенное вліяніе на нашего поэта въ далекомъ будущемъ.

Большую часть своего дѣтства Константинъ Николаевичъ провелъ въ родовомъ помѣстьѣ своего отца, живописномъ сельцѣ *Даниловскомъ* (близъ г. Устюжны, Новгородской губ.), пожалованномъ царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами предку поэта,

ОПЫТЫ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

К. Батюшкова.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

1817.

Титульный листъ къ изданію сочиненій К. Н. Батюшкова. Виньетка А. Н. Оленина.

Матвѣю Батюшкову, въ 1683 году „за службу его противъ турокъ и татаръ крымскихъ". Это сельцо, съ его стариннымъ барскимъ домомъ и тѣнистымъ садомъ, расположено на высотахъ, господствующихъ надъ обширною долиною. Съ высотъ, отъ дома и сада, открывается обширный и живописный видъ на далекій

кругозоръ—мѣстность открытую и густо населенную. Здѣсь-то и протекли дѣтскіе годы поэта. Отецъ поэта, Николай Львовичъ, принадлежалъ къ числу русскихъ дворянъ, образованныхъ на тотъ французскій ладъ, который былъ въ такой модѣ въ Екатерининское время: сочиненія Руссо и энциклопедистовъ были до конца жизни его любимымъ чтеніемъ. Черезъ двоюроднаго брата своего, уже извѣстнаго намъ М. Н. Муравьева, Николай Львовичъ былъ даже не чуждъ и литературныхъ кружковъ петербургскихъ и московскихъ. Но эти болѣе или менѣе благопріятныя условія домашней обстановки не имѣли никакого вліянія на духовный ростъ и развитіе способностей юнаго Батюшкова. Отъ отца онъ былъ постоянно очень далекъ (вѣроятно, вслѣдствіе вступленія Н. Л. Батюшкова во второй бракъ), и есть основаніе думать, что дѣтство его протекло довольно печально. Особенно счастливой случайностью для Батюшкова было именно то, что, когда настали для него годы ученья, отецъ отвезъ его въ Петербургъ и здѣсь сдалъ на попеченіе двоюродному брату своему М. Н. Муравьеву и его супругѣ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ, у которыхъ онъ нашелъ себѣ самый теплый и радушный родственный пріемъ. Можно сказать, что домъ этихъ добрыхъ и почтенныхъ людей замѣнилъ ему родительскій кровъ, почему К. Н. Батюшковъ и относился къ нимъ, въ теченіе всей своей жизни, съ самою искреннею, сыновнею нѣжностью. Вѣроятно, по выбору Муравьева, близко стоявшаго къ учебнымъ заведеніямъ столицы, Батюшковъ опредѣленъ былъ въ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ заведеній, въ пансіонъ Жакино, гдѣ особенное вниманіе было обращено на изученіе новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, и, вообще, воспитательныя условія были весьма разумны [1]). Пробывъ четыре года въ пансіонѣ Жакино, Батюшковъ, неизвѣстно почему, былъ переведенъ въ пансіонъ другого иностранца, Ив. Ант. Триполи, также служившаго при морскомъ кадетскомъ корпусѣ учителемъ. Результатомъ двухлѣтняго пребыванія въ этомъ послѣднемъ учебномъ заведеніи было довольно основательное знакомство съ языкомъ итальянскимъ, котораго онъ не забылъ и впослѣдствіи. Такимъ образомъ, окончивъ курсъ ученія на 16-мъ году, Батюшковъ вынесъ изъ него знаніе двухъ новѣйшихъ языковъ и знакомство съ ихъ литературами, въ особенности съ французскою литературою XVII и XVIII вѣка. Сверхъ того, изъ юношескихъ писемъ К. Н. Батюшкова мы узнаемъ, что воспитатели его, въ обоихъ пансіонахъ, не стѣсняли его въ чтеніи и что еще на школьной скамьѣ онъ познакомился съ сочиненіями Ломоносова и Сумарокова. Отсюда, вѣроятно, происходило и весьма рано развившееся въ юношѣ желаніе автор-

[1]) Платонъ Андреевичъ Жакино, родомъ эльзасецъ, служилъ преподавателемъ французскаго языка при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ.

ствовать: и первымъ литературнымъ трудомъ Батюшкова, на 14-мъ году отъ роду, былъ переводъ на французскій языкъ рѣчи, произнесенной митрополитомъ Платономъ „при короновапіи императора Александра I" [1]). Но самымъ важнымъ воспитательнымъ элементомъ въ юности К. Н. Батюшкова было, конечно, его пребываніе въ домѣ такого умнаго, образованнаго и высоко-нравственнаго человѣка, какъ М. Н. Муравьевъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Вліяніе Муравьева на Батюшкова выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ побудилъ будущаго поэта заняться изученіемъ латинскаго языка (который не преподавался ни въ пансіонѣ Жакино, ни въ пансіонѣ Триполи) и вообще пополненіемъ пробѣловъ своего образованія. Вскорѣ онъ овладѣлъ латинскимъ языкомъ настолько, что сталъ читать авторовъ, и изъ числа ихъ особенно полюбилъ Горація и Тибулла. Не менѣе важно было и вліяніе того кружка, который собирался постоянно подъ гостепріимнымъ кровомъ М. Н. Муравьева: здѣсь встрѣчалъ Батюшковъ очень часто Ивана Ивановича Мартынова— этого талантливаго и неутомимаго переводчика древнихъ классиковъ; здѣсь же познакомился онъ съ извѣстнымъ любителемъ литературы, искусствъ и древностей, Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, и черезъ него свелъ знакомство съ большею частью современныхъ петербургскихъ литераторовъ—Озеровымъ, Капнистомъ, Крыловымъ, Шаховскимъ и многими другими. Въ то же время, поступивъ на службу подъ начальство своего же дяди М. Н. Муравьева, Батюшковъ и здѣсь нашелъ между своими сослуживцами и пріятелями молодыхъ, начинающихъ писателей: Ивана Петровича Пнина, Дмитрія Ивановича Языкова, Николая Ивановича Гнѣдича; послѣдній вскорѣ сталъ самымъ близкимъ другомъ К. Н. Батюшкова.

Первыя произведенія К. Н. Батюшкова были печатаемы, начиная съ 1805 г., въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ"—журналѣ Мартынова и въ „Новостяхъ литературы", которыя издавалъ Побѣдоносцевъ; но, собственно говоря, писать сталъ онъ гораздо ранѣе, и первые стихоторные опыты молодого поэта относятся еще къ 1802 году. Къ числу ихъ, между прочимъ, принадлежитъ и элегія „Мечты", обнаруживающая въ авторѣ проблески очень крупнаго дарованія. Вотъ начало этой прелестной элегіи, по редакціи, которую ей придалъ поэтъ около 1817 года: Первыя произведенія.

«Подруга нѣжныхъ музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,
Гдѣ ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Гдѣ тотъ счастливый край, та мирная пустыня,

[1]) Рѣчь эта была тогда же напечатана и составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

Къ которымъ ты стремишь таинственный полетъ?
Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скалъ хребетъ,
Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ внимаешь?
Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуждаешь,
Когда на Западѣ зари мерцаетъ лучъ
И хладная луна выходитъ изъ-за тучъ?

Виньетка къ изданію сочиненій К. Н. Батюшкова 1817 г.

Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ,
Въ мѣста, гдѣ дышитъ все любви очарованьемъ,
Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
Студеной пѣною Воклюза орошенныхъ?
Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
Коснуся я струнамъ,
Тобой одушевленнымъ!»

Увлеченія патріотизмомъ.

Въ 1806 году К. М. Батюшковъ, подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ изъ его сверстниковъ, увлекся общимъ взрывомъ патріотическаго одушевленія и поступилъ въ ряды ополченія. 22 февраля 1807 года онъ былъ назначенъ сотеннымъ начальникомъ въ С.-Петербургскій милиціонный баталіонъ, и вскорѣ

послѣ того выступилъ въ походъ къ прусской границѣ, оповѣстивъ своего отца трогательнымъ письмомъ о своемъ рѣшеніи пожертвовать собою на защиту отечества.

Но жестокое разочарованіе ожидало юношу-поэта въ его благородныхъ стремленіяхъ. Ему пришлось быть участникомъ въ двухъ сраженіяхъ съ французами — подъ Гутштадтомъ и подъ

Виньетка къ изданію сочиненій К. Н. Батюшкова 1817 года.

Гейльсбергомъ. Въ послѣднемъ сраженіи, гдѣ главнѣйшая причина русской неудачи заключалась въ безпорядкѣ отдѣльныхъ распоряженій по снабженію войскъ—Батюшковъ былъ раненъ въ ногу на-вылетъ, и эта рана едва не стоила ему жизни, потому что и ему пришлось лежать среди того множества русскихъ раненыхъ, которыми „былъ покрытъ берегъ Нѣмана“. По достовѣрному современному свидѣтельству „эти несчастные долго валялись тамъ безъ призора на сыромъ пескѣ и подъ дождемъ“. Даже и тогда, когда помощь была подана имъ, положеніе поэта было ужасно: онъ „лежалъ на соломѣ, въ тѣсной лачугѣ, безъ хлѣба, безъ денегъ, въ жестокихъ мученіяхъ“—такъ сообщаетъ онъ самъ въ своихъ

болѣе чѣмъ скромныхъ воспоминаніяхъ. Его перевезли въ Ригу, гдѣ онъ нашелъ радушный пріемъ и прекрасный уходъ въ домѣ богатаго негоціанта М. Пребываніе Батюшкова въ этомъ домѣ связано съ важнымъ обстоятельствомъ его жизни: онъ горячо полюбилъ молодую дѣвушку, дочь своего хозяина, и она отвѣчала ему тѣмъ же. Эта любовь, къ сожалѣнію, не привела молодыхъ людей къ брачному союзу (вѣроятно вслѣдствіе несогласія Батюшкова-отца), но оставила глубокій слѣдъ въ душѣ поэта и отозвалась многими прекрасными строфами въ его поэзіи. Припомнимъ, напримѣръ, весьма извѣстное стихотвореніе Батюшкова—„*Выздоровленіе*".

«Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: «Парки часъ настанетъ».
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось...
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о, жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сотни милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь; она—твой даръ благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой:
Я отъ любви теперь увяну».

Батюшковъ въ Финляндіи.

Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ и побужденіямъ, Батюшковъ, и по выздоровленіи отъ раны, рѣшился продолжать военную службу. Переведенный въ гвардейскій Егерскій полкъ, онъ съ этимъ полкомъ принималъ участіе (въ 1808 и 1809 г.) въ войнѣ противъ Швеціи, и совершилъ славный зимній походъ на Аландскіе острова, по льдамъ Ботническаго залива. Скуку продолжительныхъ стоянокъ въ глухихъ городкахъ Финляндіи нашъ поэтъ умѣлъ прогонять по-своему: онъ углублялся въ чтеніе Тасса и Петрарки, сочиненія которыхъ, по настоятельной просьбѣ Батюшкова, были ему высланы Оленинымъ. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что мрачная и угрюмая природа Финляндіи, соотвѣтствовавшая преобладающему настроенію поэта, произвела на него довольно сильное впечатлѣніе, которое выразилось отчасти

въ „Отрывкѣ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи" и затѣмъ во многихъ позднѣйшихъ его произведеніяхъ.

По окончаніи финляндской кампаніи, Батюшковъ уѣхалъ въ отпускъ [1]) въ деревню—с. Хантоново (Череповскаго уѣзда, Новгородской губ.), доставшееся ему отъ матери. Но жизнь въ деревнѣ, занятія хозяйствомъ и уединеніе захолустной глуши, обставленное самой неказистой прозой жизни — были ему не по нутру. Отъ этой прозы онъ отвлекался чтеніемъ Горація и Тибулла, Вольтера и Парни, котораго особенно любилъ: переводилъ частями и отрывками „Освобожденный Іерусалимъ" Тасса и забавлялся, осмѣивая бездарныхъ писателей Шишковской школы въ шуточномъ стихотвореніи, которому далъ названіе: „*Видѣніе на берегахъ Леты*".

Новыя связи.

Зиму 1809 года Батюшковъ провелъ въ Москвѣ, куда его вызвала поселившаяся тамъ Е. Ѳ. Муравьева, покинувшая Петербургъ по кончинѣ мужа. Въ Москвѣ Батюшковъ встрѣтилъ своего закадычнаго друга и товарища по службѣ И. А. Петина, которому онъ посвятилъ такъ много горячихъ, глубоко-прочувствованныхъ строфъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Здѣсь же пріобрѣлъ онъ много новыхъ знакомствъ, преимущественно въ кружкѣ Карамзина, къ которому тяготѣлъ по своимъ литературнымъ воззрѣніямъ: тамъ познакомился онъ съ Михаиломъ Трофимовичемъ Каченовскимъ, В. Л. Пушкинымъ и вошелъ въ тѣсныя дружескія отношенія съ Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ. Во время пребыванія своего въ Москвѣ, онъ напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" свое стихотвореніе „*Воспоминанія*" (1807 года), а потомъ (въ теченіе 1809—1810 гг.)—цѣлый рядъ прелестныхъ, хотя и вольныхъ переводовъ и подражаній изъ Парни, Тибулла, Касти и Петрарки, которыми Батюшковъ сразу завоевалъ себѣ почетное и видное мѣсто въ современной нашей поэзіи, рядомъ съ Жуковскимъ. Слѣдующіе два года прошли въ переѣздахъ изъ деревни то въ Москву, то въ Петербургъ, и въ колебаніяхъ относительно выбора той или другой служебной карьеры, такъ какъ матерьяльныя средства Батюшкова были весьма ограниченны. Наконецъ, въ началѣ 1812 г., Батюшковъ нашелъ службу по себѣ: А. А. Оленинъ опредѣлилъ его помощникомъ хранителя рукописей въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ, въ числѣ сослуживцевъ своихъ, онъ встрѣтилъ И. А. Крылова, Гнѣдича и С. С. Уварова. Кромѣ того, во время этого своего пребыванія въ Петербургѣ, Батюшковъ познакомился съ И. И. Дмитріевымъ (тогда уже министромъ Юстиціи) и молодыми приверженцами Карамзинской школы: Д. Н. Блудовымъ и Д. В. Дашковымъ.

---

[1]) Вскорѣ послѣ того онъ вышелъ въ отставку.

Опять война.

Но наступившая гроза Отечественной войны еще разъ оторвала его отъ этой легкой и пріятной службы и выбила изъ обыденной колеи. Сначала, при наступленіи французовъ на Москву, Батюшковъ весь отдался заботамъ о Е. Ѳ. Муравьевой, которую перевезъ въ Нижній Новгородъ, и оставался при ней до начала 1813 года. Но, освободившись отъ этихъ заботъ, онъ опять-таки поддался патріотическому одушевленію, охватившему всю Россію

Виньетка къ изданію сочиненій К. Н. Батюшкова 1817 года.

въ это время — поступилъ въ военную службу и нагналъ дѣйствующую армію уже въ Дрезденѣ. Здѣсь онъ былъ зачисленъ въ штабъ извѣстнаго героя, генерала Н. Н. Раевскаго, и, въ теченіе 1813 и 1814 гг., неоднократно, вмѣстѣ съ нимъ, принималъ участіе въ бояхъ. Особенно тягостное и горестное впечатлѣніе вынесъ онъ изъ Лейпцигской битвы — этой „битвы народовъ",—въ которой палъ его ближайшій другъ, полковникъ Петинъ. Воспоминанію о немъ посвящена Батюшковымъ одна изъ лучшихъ его элегій—„*Тѣнь друга*".

Любопытно, однакоже, что и во время этой шумной и тре-

вожной военной жизни, въ которой Батюшковъ находилъ много своеобразной прелести—мы опять застаемъ Батюшкова за книгами, которымъ онъ посвящаетъ каждую минуту досуга. „Знаешь ли новую страсть мою — нѣмецкій языкъ? — такъ пишетъ онъ изъ Веймара сестрѣ своей въ Вологодскую губернію. — Я нынѣ, живучи въ Германіи, выучился говорить по-нѣмецки и читаю всѣ нѣмецкія книги. Не удивляйтесь тому: Веймаръ есть отчизна Гёте, сочинителя „Вертера", славнаго Шиллера и Виланда".

Вмѣстѣ съ побѣдоносною русскою арміею Батюшковъ вступилъ въ Парижъ и пробылъ тамъ довольно долго. Историческій моментъ, переживаемый въ ту пору Россіею, былъ однимъ изъ рѣдкихъ тріумфовъ, и потому неудивительно, что и Батюшковъ, вмѣстѣ со многими другими своими современниками, совсѣмъ потерялъ голову въ чаду патріотическаго одушевленія и восторга. Памятниками подобнаго настроенія остаются его стихотворенія: „Плѣнный" и „Переходъ черезъ Рейнъ". Одинъ изъ друзей Батюшкова, князь П. А. Вяземскій, сообщаетъ намъ весьма любопытную и знаменательную біографическую подробность, относящуюся также ко времени пребыванія Батюшкова въ Парижѣ. Въ Парижѣ онъ написалъ „прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ Императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны за освобожденіе Европы, онъ призванъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа"[1]). Къ сожалѣнію, это четверостишіе не сохранилось; а между тѣмъ оно давало полную возможность заглянуть въ тайникъ прекрасной души поэта и могло бы служить ключомъ въ разгадкѣ того недовольства, которое охватило Батюшкова, когда онъ, послѣ парижскаго тріумфа, переступилъ русскую границу и очутился среди современной, весьма неказистой, русской дѣйствительности[2]).

Батюшковъ въ Парижѣ.

Тягостно было — послѣ долгаго пребыванія въ Европѣ, во

На родинѣ.

---

[1]) Подъ «освобожденіемъ Россіи» здѣсь слѣдуетъ, конечно, разумѣть «освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости».

[2]) Это чувство выразилъ онъ въ стихотвореніи: «*Судьба Одиссея*»:

«Средь ужасовъ земли и ужаса морей,
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокій;
И чашу горести до капли выпилъ онъ;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давно желанныхъ скалъ;
Проснулся онъ: и что жъ? отчизны не позналъ».

время котораго русскіе люди невольно впитывали въ себя идеи и воззрѣнія Запада и привыкали къ строгой законности и къ уваженію личности — вернуться къ русскимъ порядкамъ, среди которыхъ отдѣльная личность не имѣла никакого значенія, законность никѣмъ не уважалась и рѣшителемъ общественныхъ судебъ являлся всемогущій Аракчеевъ. Это тягостное первое впечатлѣніе, произведенное Россіей, выразилось у Батюшкова томительною скукой, отъ которой онъ рѣшительно не зналъ, куда дѣваться. Описавъ свои странствованья по Европѣ въ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ, Батюшковъ добавляетъ:

...„Вотъ моя Одиссея! По-истинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Каждаго гонитъ какой-нибудь мститель-богъ... а меня—скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно, въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось мнѣ мучителемъ. Я вижу его безполезность для общества и для себя. Что въ немъ, мой милый другъ? И чѣмъ замѣню утраченное время?... Скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ? Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я не способенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ: я не Плутархъ, къ несчастью, и не имѣю довольно философіи, чтобы заняться бездѣлками“...

Невзгоды и волненія. Именно въ это время тяжелаго душевнаго настроенія, Батюшкову пришлось испытать ударъ, отъ котораго онъ долго не могъ оправиться: онъ полюбилъ молодую дѣвушку—и полюбилъ серьезно, глубоко — и не встрѣтилъ въ ней взаимности... Долго не могъ онъ забыть о ней—долго носилъ въ душѣ своей ея привлекательный образъ и посвятилъ ей много прекрасныхъ, глубоко-прочувствованныхъ и горячихъ строфъ. Къ ней относятся стихотворенія: „*Таврида*“, „*Разлука*“, „*Пробужденіе*“, еще „*Воспоминаніе*“ („Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ“) и прелестная пьеса „*Мой геній*“, начинающаяся строками:

«О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной».

Всѣ эти стихотворенія даже и въ настоящее время принадлежатъ еще къ лучшимъ перламъ русской поэзіи!

Такъ какъ отставку Батюшкову долго не давали, ему пришлось покинуть Петербургъ и удалиться въ Каменецъ-Подольскъ, къ мѣсту, гдѣ былъ расположенъ штабъ его полка. Здѣсь, среди разныхъ хлопотъ и непріятностей, онъ до такой степени проникся какою-то особенною мнительностью и недовѣріемъ къ самому себѣ

и своему таланту, что даже рѣшился добровольно отказаться отъ того счастья, которое такъ долго носилъ въ своемъ сердцѣ [1]). Онъ пишетъ по этому поводу Е. Ѳ. Муравьевой прекрасное письмо (отъ августа 1815 г.), въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается его чистая душа и благородный характеръ.

.....Важнѣйшее препятствіе — пишетъ Батюшковъ — въ томъ, что мнѣ всего дороже. Я не стою ея, не могу сдѣлать ее счастливою съ моимъ характеромъ и съ маленькимъ состояніемъ. Это такая истина, которую ни вы, ни что на свѣтѣ не побѣдитъ, конечно... Кто любитъ, тотъ гордъ. Что касается до службы, до выгодъ ея, то Богъ съ ними и съ ней. Для чего буду я теперь искать чиновъ и денегъ, которые меня не сдѣлаютъ счастливымъ? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить подъ одною кровлею въ нищетѣ, безъ надежды—нѣтъ, не соглашусь на это, и согласился бы, если бы я только на себѣ основалъ свои наслажденія. Жертвовать собою позволено; жертвовать другими — могутъ одни злыя сердца. Оставимъ это на произволъ судьбы. Жизнь—не вѣчность, къ счастію нашему, и терпѣнію есть конецъ".

Въ апрѣлѣ 1816 г. Батюшковъ получилъ, наконецъ, отставку и весь этотъ годъ, до конца, прожилъ въ Москвѣ очень скромно и уединенно, занимаясь литературой съ большимъ рвеніемъ. Къ этой уединенной и скромной жизни, главнымъ образомъ, его вынуждало весьма плохое состояніе его здоровья, которое уже начинало вызывать серьезныя опасенія. А между тѣмъ, именно въ это время, его поэтическій даръ достигъ полнаго развитія, и онъ создалъ здѣсь лучшія свои произведенія: къ 1816 и 1817 гг. относятся, между прочимъ, его прекрасныя стихотворенія „*Пѣснь Гаральда Смѣлаго*", „*Гезіодъ и Омиръ — соперники*" и „*Умирающій Тассъ*". Къ этимъ же годамъ относится и высоко-поэтическое посланіе „Къ другу", заключительныя строфы котораго живо рисуютъ намъ душевное состояніе, незадолго передъ тѣмъ пережитое поэтомъ: **Расцвѣтъ таланта.**

«Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ;
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой геній въ горести свѣтильникъ погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.
Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.

[1]) Повидимому, та дѣвушка, которая не отвѣчала ему взаимностью на любовь, нѣсколько времени спустя, одумалась, и собиралась за него выйти замужъ.

Ко гробу путь мой весь, какъ солнцемъ, озаренъ,
Ногой надежною ступаю
И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю».

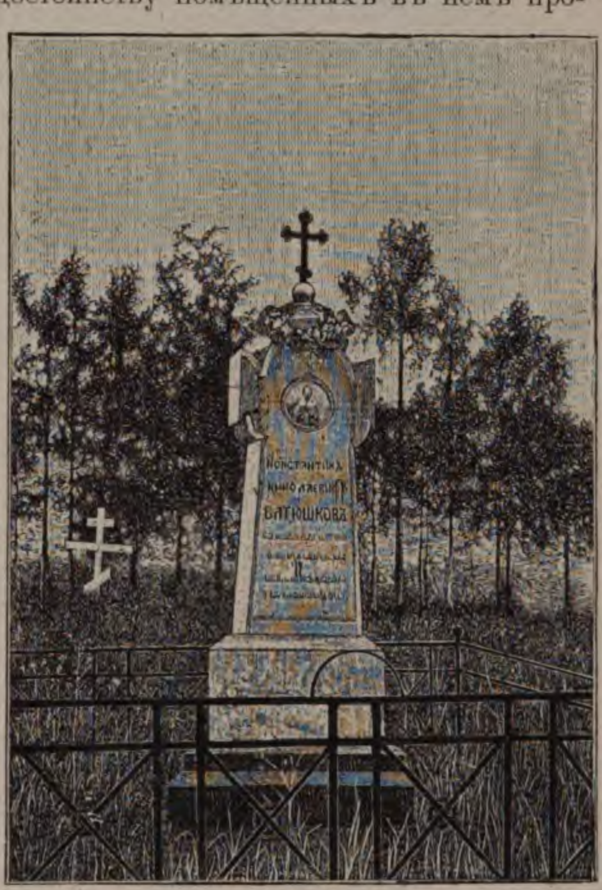
Въ его произведеніи „Умирающій Тассъ", исполненномъ искренняго чувства, его біографы также видятъ прямое отношеніе къ внутренней жизни самого поэта, который любилъ сравнивать свою незавидную долю съ печальными условіями жизни несчастнаго итальянскаго поэта, точно также преслѣдуемаго какимъ-то злымъ рокомъ... Въ душѣ Батюшкова тоже, около этого времени, должна была происходить тяжелая борьба между сознаніемъ его поэтическаго достоинства и ничтожествомъ его общественнаго положенія, такъ какъ онъ, не будучи ни крупнымъ чиновникомъ, ни богатымъ человѣкомъ, ни сановникомъ, въ ту пору не могъ имѣть никакого значенія въ обществѣ; а скромный санъ поэта, хотя бы и высоко-талантливаго, не давалъ ему никакихъ правъ, никакого голоса... Литературныя занятія были утѣхою, даже самообольщеніемъ, до нѣкоторой степени—украсою жизни, и только; но никакого существеннаго значенія они въ современномъ обществѣ не имѣли и имѣть не могли, тѣмъ болѣе, что въ то время никому еще и въ голову не приходила возможность смотрѣть на литературныя произведенія, какъ на цѣнность, а на дѣятельность литературную, какъ на статью дохода. И хотя, еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ деревню, Батюшковъ получилъ отъ своего пріятеля Гнѣдича предложеніе издать собраніе его стихотвореній, но и это изданіе не обѣщало ему принести никакихъ выгодъ [1]).

К. Н. Батюшковъ, въ старости.

[1]) Далѣе увидимъ мы, что и Пушкину первыя изданія его стихотвореній приносили сущіе пустяки.

Первое собраніе сочиненій.

Желая, однакоже, увидѣть свои сочиненія напечатанными, Батюшковъ, въ деревенскомъ уединеніи, занялся составленіемъ сборника ихъ, который вышелъ въ свѣтъ какъ разъ къ тому времени, когда самъ Батюшковъ вернулся изъ деревни въ Петербургъ, т. е. осенью 1817 г. Сборникъ былъ озаглавленъ такъ: „Опыты въ стихахъ и прозѣ Константина Батюшкова"—заглавіе слишкомъ скромное по достоинству помѣщенныхъ въ немъ произведеній, такъ какъ многія изъ нихъ были уже мастерскими и нимало не подходили подъ наименованіе „опытовъ". Но авторское самолюбіе Батюшкова было, конечно, удовлетворено, и его извѣстность въ обществѣ возросла значительно, хотя и нельзя не упомянуть, что уже всѣ современные поэты невольно и съ недоумѣніемъ обращали взоры на геніальнаго юношу-Пушкина, который быстро и смѣло шелъ по пути къ славѣ и, не достигнувъ еще двадцатилѣтняго возраста, уже готовъ былъ занять одно изъ первенствующихъ мѣстъ на нашемъ русскомъ Парнассѣ.



Могила Батюшкова на кладбищѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря, близъ Вологды.

Батюшковъ и арзамасцы.

Батюшковъ былъ однимъ изъ первыхъ, оцѣнившихъ Пушкина по достоинству, одинъ изъ первыхъ предсказывалъ ему блестящую и славную будущность. Съ Пушкинымъ же онъ сошелся въ томъ полушутливомъ, полусерьезномъ литературномъ кружкѣ, который носилъ курьезное названіе „*Арзамаса*" и вмѣщалъ въ себѣ всѣ молодыя и лучшія силы современной русской поэзіи и литературы [1]). Батюшковъ былъ введенъ въ этотъ кружокъ своими друзьями—Жуковскимъ, братьями Тургеневыми, Блудовымъ, Уваровымъ и Дашковымъ—которые всѣ уже давно были членами

[1]) Объ этомъ кружкѣ въ одной изъ послѣдующихъ главъ намъ еще придется говорить подробно.

Арзамаса и зимою 1817 г. всѣ оказались въ сборѣ, въ Петербургѣ. Батюшковъ, подъ вымышленнымъ прозвищемъ „*Ахилла*", былъ также зачисленъ въ члены Арзамаса еще съ 1815 г.; но только теперь могъ принять живое и дѣятельное участіе въ его шуткахъ и забавахъ. Это было тѣмъ болѣе кстати, что *арзамасцы* въ это время готовились отъ своихъ милыхъ шутокъ и шалостей перейти къ дѣятельности положительной и серьезной: вырабатывали планъ журнала. Батюшковъ, съ величайшимъ удовольствіемъ раздѣлявшій забавы и шутки арзамасцевъ, весьма горячо отозвался на ихъ благое намѣреніе и внесъ свою лепту въ будущій журналъ: къ статьѣ Уварова „*О греческой антологіи*", приготовленной для этого органа, Батюшковъ придалъ переводъ нѣсколькихъ антологическихъ пьесъ и, надо сказать правду, что эти нѣсколько пьесъ составляютъ едва ли не лучшіе перлы среди его произведеній — до такой степени вѣрно передаютъ онѣ духъ и обаяніе своихъ классическихъ оригиналовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ для образца.

III.

Взгляни, сей кипарисъ, какъ наша степь, безплоденъ,
Но свѣжъ и зеленъ онъ всегда.
Не можешь, гражданинъ, какъ пальма, дать плода?
Такъ буди съ кипарисомъ сходенъ:
Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ.

IV.

Когда въ страданіи дѣвица отойдетъ,
И трупъ синѣющій остынетъ,
Напрасно на него любовь и амбру льетъ
И облакомъ цвѣтовъ окинетъ:
Блѣдна, какъ лилія въ лазури васильковъ,
Какъ восковое изваянье.
Нѣтъ радости въ цвѣтахъ для вянущихъ перстовъ
И суетны благоуханья.

VI.

Ты хочешь меду, сынъ,—такъ жала не страшись!
Вѣнца побѣды—смѣло къ бою!
Ты перловъ жаждешь—такъ спустись,
На дно, гдѣ крокодилъ зіяетъ подъ водою.
Не бойся: Богъ рѣшитъ. Лишь смѣлымъ Онъ отецъ,
Лишь смѣлымъ перлы, медъ иль гибель... иль вѣнецъ.

Арзамасскій журналъ не состоялся; мысль объ изданіи его осталась однимъ добрымъ намѣреніемъ; но статья Уварова, съ стихотворными вставками Батюшкова, не пропала безслѣдно: она была издана въ 1820 году отдѣльной книжкой, причемъ подъ статьею выставлены были начальные слоги прозвищъ, подъ ко-

торыми Уваровъ и Батюшковъ были извѣстны въ *Арзамасѣ*. Зима 1817—1818 года была, собственно говоря, послѣднею зимою, которую поэту суждено было пріятно и весело провести среди людей ему дорогихъ и близкихъ. Въ послѣдній разъ пришлось и его друзьямъ, изъ литературнаго міра, видѣть поэта здоровымъ и способнымъ наслаждаться жизнью и поэзіей. Смерть отца отвлекла Батюшкова отъ столичной жизни и арзамасскихъ шалостей: ему пришлось ѣхать въ деревню, хлопотать объ устройствѣ дѣлъ своихъ, и этими продолжительными хлопотами онъ окончательно надломилъ свое и безъ того уже слабое здоровье. Онъ сталъ мраченъ; недовольство собою и всѣмъ, что̀ его окружало, стало его томить и мучить. Слѣдствіемъ этого страннаго и постояннаго направленія мысли явилось какое-то тревожное состояніе духа, при которомъ Батюшковъ чего-то искалъ и добивался — и самъ не могъ себѣ ни опредѣлить, ни уяснить цѣли своихъ стремленій. Всѣ помыслы его, однакоже, сосредоточились на заботахъ о поправленіи его сильно потрясеннаго здоровья. Съ этою цѣлью онъ рѣшился даже хлопотать, черезъ А. И. Тургенева, объ особаго рода службѣ при одной изъ нашихъ миссій въ Южной Европѣ, ожидая, что эта служба дастъ ему возможность поддержать свои слабѣющія силы пребываніемъ въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ. Но ему и тутъ казалось, что его хлопоты не достаточно скоро увѣнчаются успѣхомъ, и онъ не вытерпѣлъ: поспѣшилъ уѣхать на югъ Россіи, гдѣ собирался купаться и отъ купанья ожидалъ облегченія своего недуга. Онъ остался доволенъ впечатлѣніями своей поѣздки и пребываніемъ въ Одессѣ, которое возбудило и оживило въ немъ классическія воспоминанія. Но купанье никакой пользы ему не принесло; да онъ и не успѣлъ закончить его, такъ какъ на Югѣ Россіи къ нему пришло письмо отъ А. И. Тургенева, извѣщавшее о назначеніи на службу при нашей миссіи, пребывающей въ Неаполѣ.

Батюшковъ въ Италіи.

Въ ноябрѣ 1818 года, Батюшковъ, наконецъ, уѣхалъ въ Италію, но въ самомъ мрачномъ настроеніи:

„Я знаю Италію, не побывавъ въ ней,—пишетъ онъ А. И. Тургеневу незадолго до отъѣзда изъ Россіи.—Тамъ не найду я счастья: его нигдѣ нѣтъ. Увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ... Но первое условіе — жить; а здѣсь холодно и я умираю ежедневно. Вотъ почему желалъ Италіи и желаю. Умереть на батареѣ—прекрасно; но, въ 30 лѣтъ, умереть въ постели—ужасно..."

Несчастный поэтъ тогда еще не предвидѣлъ, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ нѣчто гораздо болѣе ужасное...

1821 годъ Батюшковъ провелъ отчасти въ Неаполѣ, отчасти въ Римѣ и на глазахъ у всѣхъ слабѣлъ и таялъ отъ какого-то

тяжкаго душевнаго недуга. Онъ совсѣмъ забросилъ поэзію — тосковалъ по родинѣ, по милымъ и близкимъ людямъ, тревожился неполученіемъ извѣстій... Уже въ апрѣлѣ 1821 года стали обнаруживаться весьма ясные признаки наступающаго умопомраченія. Никто, однакоже, не хотѣлъ вѣрить въ возможность этого ужаснаго исхода. Но врачи указывали на наслѣдственное предрасположеніе и на преобладаніе воображенія надъ всѣми остальными способностями поэта—какъ на поводы къ роковому исходу. Жуковскій, осенью 1821 года, часто видѣлся съ Батюшковымъ въ Дрезденѣ и не замѣтилъ уже овладѣвавшаго имъ недуга; онъ видѣлъ въ его удрученномъ состояніи духа не болѣе какъ хандру, и даже пытался его ободрить, возбудить къ дѣятельности... Онъ даже успѣлъ записать со словъ Батюшкова „Изреченіе Мельхиседека", — это послѣднее стихотвореніе, въ которомъ такъ ярко отразилось отчаянно-мрачное настроеніе, всецѣло овладѣвшее душою поэта [1]).

Тяжкій недугъ.

Изъ Дрездена Батюшковъ вернулся въ Петербургъ, уѣхалъ на зиму въ Крымъ и здѣсь уже его недугъ проявился во всей своей силѣ. Его съ трудомъ привезли обратно въ Петербургъ, и принялись лѣчить, не жалѣя ни заботъ, ни средствъ. Но всѣ усилія родныхъ и близкихъ людей не привели ни къ чему: дальнѣйшая жизнь Батюшкова обратилась въ одинъ нескончаемый скорбный листъ.

Одинъ изъ друзей его, князь П. А. Вяземскій, посѣтилъ его въ это послѣднее пребываніе въ Петербургѣ и засталъ въ довольно свѣтлую минуту. Желая сказать ему что-нибудь пріятное, онъ спросилъ между прочимъ: „не написалъ ли онъ чего новаго?"

— „Что писать мнѣ, и что говорить о стихахъ моихъ—съ горечью отвѣчалъ Батюшковъ.—Я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, что́ въ немъ было?"

Нѣсколько лѣтъ сряду Батюшкова возили по разнымъ курортамъ и лѣчебницамъ; но, наконецъ, выяснилось, что болѣзнь его неизлѣчима, и тогда его перевезли сначала въ Москву, а оттуда, въ 1833 г., въ Вологду, въ семью одного изъ его родственниковъ. Тамъ несчастный поэтъ прожилъ еще 22 года, и не приходилъ

[1]) Вотъ это стихотвореніе:

«Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва-ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ—исчезъ.»

Ещё Impromptu!

О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы противный нравъ,
Для дѣлъ — характеръ честный дѣдовъ;
О ты, который при дворѣ,
Въ часы успѣховъ или щастья,
Нашёлъ умы въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье;
О ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь;
Но ...

Старушина клонится: а дочь
Пышнѣе розы разцвѣтаетъ,
И стала... Грація точь въ точь:
Прелестный взоръ, глаза большія,
Румянецъ Флоры на щекахъ;
И кудри льняно-золотыя
На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвитъ — то пріятство!
Что ни надѣнетъ — все къ лицу!
Краса (увы!) ея богатство
И все приданое къ вѣнцу!
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!!!

Примѣчаніе: За этимъ, въ заключеніе, слѣдуетъ та приписка, которая приведена нами на стр. 497-й.

Вдова Попова урожденная Молчанова, подала прошеніе въ сословіи Призрѣнія Раз-
зоренныхъ непріятелемъ (прошу К. С. Н. Голицына. 27 Апрѣля. 1816.) сдѣлайте что
нибудь для нее — Вы поможете..

Замѣчательно Медема, и если можно, попроси Троцинскаго.

Москва
Октября 14.
1816

Не могу болѣе писать прозою. Обнимаю брата
К. Батюшковъ

Прилагаю при семъ о Поповой записку къ милости. Анна Львовна ..., что-
бы васъ расцѣловать. В. Л. живъ. Враги его разпустили было слухъ
о преждевременной его кончинѣ, и музы готовились оплакать своего Сторожа.
Но онъ явился подобно солнцу разсѣвающему черныя тучи — и теперь
обѣдаетъ въ клубѣ, на дрожкахъ. Все ахнули: живой мертвецъ кушаетъ
по старому и заплатилъ за обѣдъ 3 р. 70 коп., съ обыкновенною щедростью

Автографъ К. Н. Батюшкова. Приписка къ стихотворенію «Impromptu».
Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

уже въ себя. Онъ скончался 7 іюля 1855 года и погребенъ на кладбищѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря (въ 5 верстахъ отъ города).

Новѣйшій біографъ Батюшкова, покойный академикъ Л. Н. Майковъ, глубоко изучившій и факты жизни, и переписку, и творенія Батюшкова, даетъ въ своей книгѣ о немъ слѣдующую прекрасную характеристику его, какъ поэта, въ томъ среднемъ положеніи, которое онъ занимаетъ между Жуковскимъ и Пушкинымъ.

Значеніе Батюшкова.

„Батюшковъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Пушкина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Совершенство Пушкинскаго стиха (и по личному признанію Пушкина) было подготовлено мастерскимъ стихомъ Батюшкова. Скажемъ болѣе (не равняя дарованія обоихъ поэтовъ): нельзя не признать нѣкоторыхъ общихъ чертъ въ характерѣ ихъ творчества. И если справедливо замѣчаніе критики, что „русское слово, въ лицѣ Пушкина, нашло путь къ жизни и пріобрѣло способность выражать дѣйствительность въ ея внутреннихъ источникахъ“, если справедливо, что „до Пушкина поэзія была дѣломъ школы, а послѣ него стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаніемъ“, — то не слѣдуетъ же забывать, что до Пушкина Жуковскій и Батюшковъ выходили уже на тотъ путь, по которому такъ побѣдоносно прошелъ онъ. Оба они также стремились освободить нашу поэзію отъ вліянія школы, и оба не безъ успѣха. Вспомнимъ, что нѣкоторые мотивы поэзіи Жуковскаго—его романтическій идеализмъ—увлекали читателей довольно долго, даже и въ Пушкинскій періодъ. Но Жуковскій въ своемъ творчествѣ былъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ Батюшковъ: міросозерцаніе Жуковскаго, очень рано сложившееся, очень опредѣленное въ своемъ содержаніи, слишкомъ отзывалось своимъ происхожденіемъ съ чужой почвы. У Батюшкова нѣтъ такой цѣльности міросозданія: въ немъ, въ извѣстную пору, виденъ крутой поворотъ поэтической мысли; но самое это развитіе свидѣтельствуетъ о большой самобытности и большой силѣ его таланта. Батюшковъ, какъ позже Пушкинъ, стремился найти основу для своего творчества въ дѣйствительности, въ непосредственномъ кругѣ своихъ впечатлѣній. Свойство его таланта было исключительно лирическое, и въ этомъ заключается и слабость его, и сила: слабость—потому что лирическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности не исчерпывается возсозданіе жизни въ поэзіи; сила — потому что въ сферѣ лирики онъ сумѣлъ коснуться самыхъ глубокихъ, самыхъ чувствительныхъ струнъ сердца. Сила его таланта сказалась и въ его объективности: поэтъ, раскрывавшій намъ тайну своего разочарованія въ элегіяхъ 1815 г. и въ „Умирающемъ Тассѣ“, могъ въ то же время проникнуться свѣтлымъ міросозерцаніемъ древности и написать „Вакханку“ и подражанія греческой антологіи“.

Тотъ же біографъ вполнѣ спокойно и серьезно останавливается на разборѣ укоровъ, обращенныхъ къ Батюшкову въ „недостаткѣ народности“. Правда, его поэзія витаетъ и паритъ постоянно въ такихъ сферахъ, которыя ничего не имѣютъ общаго „съ русскою обыденною дѣйствительностью, съ русскою народною жизнью...“ „Зато непосредственное хранилище народности, русскій языкъ, является въ его рукахъ послушнымъ уже орудіемъ: искусство владѣть имъ никому изъ современниковъ, кромѣ Крылова, не было доступно въ такой мѣрѣ, какъ Батюшкову...“

Добавимъ отъ себя, что Батюшковъ, какъ поэтъ—представляется намъ, во всей исторіи нашей поэзіи до Пушкина, явленіемъ исключительнымъ. Изъ всего запаса оставленныхъ имъ произведеній нельзя указать ни одного, которое бы имѣло характеръ заказного, офиціальнаго или созданнаго подъ какимъ бы то ни было впечатлѣніемъ, неимѣющимъ ничего общаго съ поэтическимъ вдохновеніемъ. Патріотъ въ душѣ, тяжкою службою и самопожертвованіемъ своимъ доказавшій любовь къ отчизнѣ, онъ не посвятилъ ни одного своего стихотворенія патріотическимъ мотивамъ и банальнымъ возгласамъ о славѣ русскаго оружія; онъ не воспѣвалъ ни одного героя, и въ минуты величайшихъ увлеченій „бряцаніемъ оружія и русской славой“ нашелъ возможность вспомнить о тѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, которые на другомъ концѣ Европы, освобожденной Александромъ, томились въ тяжкой крѣпостной зависимости. Вообще говоря, въ поэзіи Батюшкова нѣтъ ни одной фальшивой нотки, ни одной напыщенной фразы, ни одного образа, который бы не былъ сознательно созданъ и прочувствованъ поэтомъ. Поэзія Батюшкова не богата пестротою и разнообразіемъ содержанія, не отличается глубиною мысли и часто скользитъ по поверхности, передавая только чисто-внѣшнія, хотя и живыя, и яркія впечатлѣнія; но поэзія Батюшкова искренна и правдива.

Гербъ Батюшковыхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Борьба въ области языка, вызванная литературною дѣятельностью Карамзина. — Ярый противникъ и критикъ его реформъ — А. С. Шишковъ. — Общая характеристика личности и сочиненій его. — Тѣсная связь его дѣятельности съ «Россійской Академіей» и «Бесѣдой». — Возраженія Карамзинистовъ Шишкову. — Академическая рѣчь Карамзина. — «Арзамасъ», какъ противоположность «Бесѣдѣ», и арзамасскія шалости.

Языкъ и слогъ. Языкъ, какъ живое, непрерывно-развивающееся созданіе творческой силы народнаго духа и сознанія, наравнѣ со словесностью устной и письменной, служитъ яркимъ отраженіемъ всѣхъ переходовъ и оттѣнковъ, всѣхъ новыхъ явленій въ области его духовной дѣятельности, всѣхъ эпохъ его литературнаго и художественнаго развитія. Вотъ почему литературный языкъ и даже слогъ одной эпохи, переживаемой народомъ, такъ рѣзко отличается отъ языка и слога другой—и служитъ яркимъ отраженіемъ новыхъ, нарождающихся потребностей умственной и духовной жизни, новыхъ людей и дѣятелей, проводящихъ въ жизнь новые взгляды и новыя идеи. Въ этомъ именно смыслѣ и съ этой именно стороны языкъ литературный является иногда знаменемъ извѣстныхъ литературныхъ партій и мнѣній, знаменемъ новой эпохи, отличительнымъ признакомъ быстраго и рѣзкаго перехода отъ одной стадіи развитія, уже отживающей свой вѣкъ, къ другой, только-что вступающей въ свои права. Въ этомъ именно смыслѣ исторія нашего литературнаго языка въ XVIII вѣкѣ представляется намъ весьма поучительною и чрезвычайно любопытною. Литературный языкъ Эпохи Преобразованій, переполненный наплывомъ всевозможныхъ иноземныхъ словъ и терминовъ, угловатый и грубый, уступаетъ мѣсто логически-построенной (но чуждой лучшимъ сторонамъ нашего языка) литературной рѣчи Ломоносовскаго періода, который неестественно подраздѣляетъ нашъ литературный способъ выраженія на „высокій, средній и низкій“ слогъ, усвоиваетъ нашей литературѣ тяжелую латино-нѣмецкую конструкцію фразы и наводняетъ ее заимствованіями изъ языка церковно-славянскаго. На нѣкоторый (впрочемъ, довольно краткій) періодъ времени „стиль Ломоносовскій“ является преобладающимъ въ нашей литературѣ—и въ прозѣ, и въ поэзіи; авторитетная личность ученаго академика кладетъ свою печать на всѣ литературныя произведенія начала второй половины XVIII вѣка... Но не проходитъ и сорока лѣтъ съ кончины Ломоносова, какъ русская жизнь настолько быстро начинаетъ идти впередъ, что народившійся новый авторитетъ, въ лицѣ писателя Карамзина, уже не обинуясь, высказываетъ порицаніе Ломоносовскому стилю и называетъ его „грубымъ и варварскимъ“... Само собою разумѣется, что, выска-

зывая это порицаніе слогу Ломоносовской эпохи, Карамзинъ, мысленно, противополагалъ ему слогъ своего, новѣйшаго періода литературы, выработанный преимущественно литературою и журналистикою послѣднихъ трехъ десятилѣтій XVIII вѣка. Карамзинъ, воспитавшійся подъ вліяніемъ лучшихъ представителей этой литературы и этой журналистики, быстро выдвинулся впередъ силою своего таланта и занялъ выдающееся, первенствующее положеніе въ нашей литературѣ. Его произведеніями зачитывались, восхищались, заучивали ихъ наизусть, ставили ихъ въ образецъ, старались всѣми силами подражать имъ; около него явилась масса поклонниковъ и почитателей, образовалась цѣлая школа второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей и поэтовъ, которые, болѣе или менѣе, неудачно пытались выражать свои мысли его языкомъ и слогомъ, и, по временамъ, доводили этотъ языкъ и слогъ до чрезвычайно-забавныхъ крайностей и любопытныхъ абсурдовъ. Весьма естественно, что именно эти подражатели и вызвали сторонниковъ старой литературной школы и стараго Ломоносовскаго слога къ порицанію литературныхъ новшествъ, которыя они огуломъ относили къ Карамзину, и приписывали его зловредному вліянію на нашу словесность.

А. С. Шишковъ.

Самымъ ярымъ противникомъ Карамзина и порицателемъ языка и слога его школы явился *Александръ Семеновичъ Шишковъ*, предсѣдатель Академіи Россійской и „Бесѣды любителей Россійскаго слова", а впослѣдствіи и министръ народнаго просвѣщенія. Воспитаніе онъ получилъ на старинный русскій ладъ, основанное преимущественно на чтеніи религіозныхъ и богослужебныхъ книгъ, писанныхъ на языкѣ церковно-славянскомъ. Къ этимъ книгамъ и къ этому языку онъ пристрастился всею душою и до конца жизни видѣлъ въ нихъ основу всѣхъ научныхъ и нравственно-религіозныхъ началъ воспитанія и образованія... Ни воспитаніе въ Морскомъ Корпусѣ, ни изученіе иностранныхъ языковъ и знакомство съ иностранными литературами не могли отвлечь Шишкова отъ его преклоненія передъ церковно-славянскимъ языкомъ, какъ главною сокровищницею красотъ нашего литературнаго языка и слога—и онъ воспиталъ свой вкусъ на сочиненіяхъ Ломоносова, Сумарокова, Державина и Хераскова. Получивъ нѣкоторую извѣстность въ литературныхъ кружкахъ своими переводами съ итальянскаго и нѣмецкаго языковъ, Шишковъ былъ избранъ въ 1797 г. въ члены Академіи Россійской и, со свойственной ему горячностью, принялся за „очищеніе русскаго языка", составлявшее одну изъ наиболѣе существенныхъ задачъ этого важнаго ученаго учрежденія. Плодомъ этихъ трудовъ явилось въ 1803 году извѣстное „*Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка*", въ которомъ авторъ высказалъ себя чрезвычайно

недальновиднымъ критикомъ, такъ какъ сумѣлъ связать вопросъ о литературномъ языкѣ и слогѣ съ вопросомъ о преобладаніи иноземнаго вліянія въ воспитаніи и образованіи русскаго юношества [1]). Вся книга Шишкова построена была весьма хитро и искусно для того, чтобы доказать громадныя преимущества языка и слога нашихъ старыхъ классическихъ писателей (Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и друг.) по сравненію съ „новѣйшею чепухою"... Но дѣло-то въ томъ собственно и заключалось, что сравненіе это произведено было совершенно произвольно и построено искусственно: изъ старыхъ писателей избраны были образцовыя мѣста, а изъ новѣйшей школы приняты были въ соображеніе не сочиненія самого Карамзина, неуязвимыя со стороны языка и слога, а произведенія его многочисленныхъ и бо́льшею частью бездарныхъ подражателей и поклонниковъ его сентиментализма. При такихъ неправильныхъ условіяхъ сравненія, преимущество, на первыхъ порахъ, дѣйствительно оказывалось на сторонѣ старыхъ писателей, у которыхъ нельзя было встрѣтить такихъ изумительныхъ неточностей и несообразностей слога и такихъ безсмысленныхъ заимствованій въ видѣ отдѣльныхъ иностранныхъ словъ, какія встрѣчаемъ въ языкѣ писателей конца XVIII в. и начала XIX вѣка. Они допускали выраженія: „жени" вмѣсто: геній, „дѣлать экзаменъ" въ смыслѣ: разсматривать, разбирать; или же выраженія: „природа искала намъ добронравствовать", вмѣсто: старалась благопріятствовать; „подпирать свое мнѣніе" въ смыслѣ: подкрѣплять его: „законъ ударяетъ на другіе предметы", вмѣсто: относится, обращаетъ вниманіе; „имена мелкія цѣны", вмѣсто: незначительныя, не имѣющія значенія; или еще: „натуральный комплиментъ", „прикосновенная чаша" и т. п.

Критика Шишкова.

Приводя всѣ эти вычурныя чудачества слога и языка, Шишковъ, справедливый въ своихъ нападкахъ на всѣ подобныя злоупотребленія роднымъ словомъ, выказываетъ себя удивительно слѣпымъ въ своихъ огульныхъ осужденіяхъ всякаго рода заимствованій изъ иностранныхъ языковъ: заимствованій вполнѣ естественныхъ, заслуживающихъ полнаго одобренія и поощренія. Любопытно, что при этомъ его нападки направляются главнымъ образомъ на такія слова и выраженія, которыя впослѣдствіи пріобрѣли себѣ полнѣйшее право гражданства въ русскомъ литературномъ языкѣ и сохраняются въ немъ до настоящаго времени

---

[1]) По странному стеченію совершенно случайныхъ обстоятельствъ, «Разсужденіе» Шишкова именно этою стороною своею обратило на себя особенное вниманіе и завоевало себѣ всѣ симпатіи среди общества, патріотически возбужденнаго и въ это время чрезвычайно чуткаго ко всѣмъ вопросамъ національнаго характера. Самъ императоръ Александръ одобрилъ книгу Шишкова, а Россійская Академія присудила за нее золотую академическую медаль.

неизмѣнными. Такъ, напримѣръ, Шишкова возмущали такія заимствованія изъ иностранныхъ языковъ, какъ: „эпоха, гармонія, эстетическій, катастрофа“ и т. д., и даже такія прекрасныя усвоенія, какъ „развитіе“, какъ „переворотъ“, или какъ „чувствительный“, „трогательный“, „утонченный“, „занимательный“ и т. п. Шишковъ предлагаетъ другой способъ пополненія языка новыми словами путемъ заимствованія изъ древняго, церковно-славянскаго запаса словъ; при этомъ онъ не вникаетъ именно въ ту сторону вопроса, что предлагаетъ вносить въ русскій литературный языкъ, еще нарастающій и развивающійся, слова изъ языка отжившаго и мертваго, слѣдовательно, менѣе всего способнаго удовлетворять постоянно возрастающимъ потребностямъ живого языка, непрерывно расширяющаго свой запасъ словъ внесеніемъ въ него новыхъ понятій, для которыхъ требуется подысканіе новыхъ названій. Такое странное непониманіе потребностей русскаго литературнаго языка побуждаетъ Шишкова къ тому, что онъ, рядомъ съ весьма естественными и хорошо подобранными заимствованіями изъ церковно-славянскаго (въ родѣ: баснословія, унынія, явленія, дѣйствія), предлагаетъ переводить „героизмъ“—„добледушіемъ“ и замѣнить новое тогда слово „развитіе“ словомъ „прозябеніе“; и рядомъ съ этимъ усердно отстаиваетъ необходимость внесенія никому непонятныхъ старыхъ и давно-забытыхъ словъ, въ родѣ: „лысто“, „непщевати“, „поне“ и „зане“ и т. д. „Разсужденіе“ Шишкова, само по себѣ, было, конечно, въ ту пору явленіемъ настолько крупнымъ, что оно не могло пройти незамѣченнымъ и должно было вызвать оживленную полемику, которая крылась уже давно въ непріязни, взаимно-проявляемой обѣими противоположными литературными партіями того времени. Эта непріязнь и полнѣйшее различіе въ воззрѣніяхъ на цѣли и средства литературной дѣятельности нашли себѣ выраженіе въ возникшемъ спорѣ между ***шишковистами*** и ***карамзинистами***—спорѣ упорномъ и продолжительномъ, длившемся много лѣтъ сряду. Споръ былъ во многихъ отношеніяхъ безплоднымъ, по крайнему недостатку научной подготовки въ обѣихъ споривших сторонахъ; но все же, въ концѣ концовъ, заставилъ прійти къ нѣкоторымъ выводамъ, вполнѣ осмысленнымъ и правильнымъ, по отношенію къ жизни, и постепенному росту литературнаго языка въ частности, и всякаго живого языка вообще.

Противники Шишкова.

Первыми въ защиту новѣйшаго языка и слога выступили: *Макаровъ*, издатель „*Московскаго Меркурія*“, и *М. Т. Каченовскій* (впослѣдствіи самъ издатель журнала и профессоръ Московскаго университета) въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“. Они оба отвѣчали Шишкову, и вполнѣ справедливо, что жизнь и непрерывное движеніе языка остановить невозможно, что пополненіе литера-

турнаго языка новыми словами—явленіе вполнѣ естественное, замѣченное еще издавна; что о современномъ состояніи языка слѣдуетъ судить не по бездарнымъ писателямъ, а по писателямъ образцовымъ и т. д.. Макаровъ въ особенности нападаетъ на Шишкова за то, что онъ хочетъ дать какое-то особенное, выдаю-

Д. В. Дашковъ.

щееся, привилегированное значеніе языку книжному; онъ отстаиваетъ ту мысль, что этотъ языкъ долженъ быть языкомъ общедоступнымъ, общепонятнымъ и, защищая высказанное Карамзинымъ мнѣніе, что слѣдуетъ „писать, какъ говорить", Макаровъ добавляетъ его мысль другимъ, естественнымъ и необходимымъ ея слѣдствіемъ: „надо и говорить, какъ пишешь". Подъ этимъ правиломъ онъ разумѣетъ то существенное различіе, которое мы замѣчаемъ между разговорною рѣчью человѣка образованнаго и

начитаннаго, и рѣчью человѣка неграмотнаго—различіе, вызываемое именно тѣмъ, что общій уровень образованія и развитія необходимо долженъ отражаться и на способѣ выраженія мыслей.

Возраженія Шишкова.

Шишковъ не остался въ долгу у своихъ критиковъ, и тотчасъ же отвѣчалъ имъ въ обѣщанномъ *„Прибавленіи“* къ своему *„Разсужденію“*. Каждой критикѣ своего труда онъ противопоставилъ свои примѣчанія и воззрѣнія. Въ этомъ новомъ трудѣ своемъ Шишковъ долженъ былъ вполнѣ ясно высказать свою затаенную мысль о томъ полномъ тождествѣ, которое онъ предполагалъ между языкомъ русскимъ и церковно-славянскимъ. Мало того, онъ высказалъ при этомъ совершенно ошибочную мысль о прямомъ происхожденіи русскаго языка отъ церковно-славянскаго, по отношенію къ которому русскій языкъ (по мнѣнію Шишкова) является не болѣе, какъ нарѣчіемъ. Помимо этихъ предположеній, не имѣющихъ никакой прочной научной основы, авторъ „Прибавленія“ рѣшается высказывать и такія крайнія убѣжденія, которыя даже и въ то время удивили многихъ, а въ настоящее—явились бы полнымъ абсурдомъ: по его мнѣнію, если бы изъ русскаго языка были извлечены всѣ вошедшіе въ него элементы и корни церковно-славянскаго языка, то „словесность наша оказалась бы не лучше камчадальской“. И высказавъ эти, далеко не мудрыя и несправедливыя положенія, Шишковъ, попрежнему, утверждалъ, что единственною сокровищницею для будущаго пополненія русскаго литературнаго языка можетъ и долженъ служить языкъ церковно-славянскій.

Смѣлость и отчасти то упорное усердіе, съ которымъ Шишковъ отстаивалъ свои мнѣнія и воззрѣнія, совершенно лишенныя всякой научной основы, привлекали къ нему многихъ сторонниковъ, въ особенности, благодаря тому, что эти мнѣнія и воззрѣнія высказывались почтеннымъ адмираломъ въ тотъ періодъ крайнихъ патріотическихъ увлеченій, о которомъ мы уже говорили выше. И *„Сѣверный Вѣстникъ“*, и *„Журналъ Россійской Словесности“*, издаваемые Брусиловымъ, стали вторить Шишкову, который нашелъ себѣ наиболѣе сочувственный отголосокъ въ трудахъ своихъ сотоварищей по Россійской Академіи, члены которой весьма охотно и усердно предались филологическимъ изысканіямъ и словопроизводству на шишковскій ладъ, то замѣняя иностранныя слова: „тротуаръ“ и „актеръ“—„топтальникомъ“ и „лицедѣемъ“, то выводя слова отъ такихъ корней, съ которыми они не имѣли и не могли имѣть ничего общаго.

Самъ Шишковъ до такой степени увлекся нѣкоторымъ, относительнымъ успѣхомъ своей проповѣди, что, забывая о своей ненависти ко всему иноземному вообще и къ французамъ въ особенности, рѣшился даже сослаться на авторитетъ Лагарпа, пере-

ведя нѣкоторыя статьи его въ подтвержденіе своихъ мнѣній, высказанныхъ въ „Разсужденіи“. Въ одной изъ этихъ статей Лагарпъ указываетъ на бѣдность французскаго языка по сравненію съ латинскимъ и этимъ объясняетъ необходимость заимствованій изъ латинскаго. Шишковъ видѣлъ въ этомъ подтвержденіе своихъ воззрѣній на заимствованія изъ церковно-славянскаго. Въ другой статьѣ, посвященной разбору украшеній, употребляемыхъ ораторами въ краснорѣчіи, Лагарпъ возстаетъ противъ авторовъ, которые, не обладая ни достаточными знаніями въ языкѣ, ни достаточнымъ умѣньемъ владѣть имъ, рѣшаются, однакоже, уклоняться отъ выработанныхъ правилъ и создавать нѣчто новое въ области литературы. Шишковъ, въ особомъ введеніи къ этой статьѣ, пользуется случаемъ, чтобы еще разъ возстать противъ неологизмовъ, вводимыхъ въ русскій литературный языкъ, порицаетъ языкъ переводчиковъ и авторовъ, вносящихъ къ намъ иноземныя слова, и предлагаетъ ихъ замѣнить измышленными имъ, изумительными по составу, словами, которыхъ нельзя читать безъ улыбки [1])

Д. В. Дашковъ. Но эти переводы Лагарповскихъ статей и въ особенности примѣчаніе къ нимъ Шишкова, послужили какъ бы поворотной точкой въ полемикѣ, завязавшейся между шишковистами и карамзинистами. Въ полемику эту вступился Д. В. Дашковъ и, въ „*Цвѣтникъ*“ (журналъ, издаваемый А. Измайловымъ и П. Никольскимъ), весьма обстоятельно разобралъ всѣ мнѣнія и доводы Шишкова. Указавъ на его преувеличенія и увлеченія, онъ особенно налегъ на опроверженіе положенія о мнимой тождественности языка церковно-славянскаго и русскаго, совершенно правильно противополагая ему отношеніе, существующее между языками латинскимъ и французскимъ. Но самымъ чувствительнымъ ударомъ, который Дашковъ нанесъ Шишкову, было указаніе ошибокъ самого Шишкова противъ русскаго языка; онъ открылъ у него имъ самимъ употребляемые галлицизмы и доказалъ, что новыя слова, измышленныя Шишковымъ и его сторонниками, ничуть не болѣе понятны и не болѣе свойственны русскому языку, нежели тѣ слова, которыя различными переводчиками и авторами были цѣликомъ заимствованы изъ иностранныхъ языковъ.

Критика Дашкова, талантливая и безпристрастная, повлекла за собою рядъ статей въ журналахъ (особенно въ томъ же „Цвѣтникѣ“), которые направили свои стрѣлы не противъ самого Шишкова, а противъ тѣхъ бездарныхъ писателей старой школы, которые около него группировались, т.-е. противъ Шихматовыхъ,

[1]) При этомъ случаѣ Шишковъ восхищается способностью русскаго языка къ сопоставленію сложныхъ словъ и преувеличиваетъ эту способность также до смѣшныхъ крайностей.

Бобровыхъ, Кутузовыхъ, Туманскихъ и т. д.—и указали въ ихъ произведеніяхъ такія чудовищныя нелѣпости, такія уклоненія отъ всякаго смысла и знанія языка, которыя разомъ выяснили все ничтожество ихъ значенія, какъ авторовъ.

Шишковъ не рѣшился прямо выступить противъ этой критической бури, но не захотѣлъ и отказаться отъ своихъ мнѣній и воззрѣній, которымъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Въ 1810 г. на годичномъ собраніи Россійской Академіи онъ читалъ торжественную рѣчь „о краснорѣчіи Св. Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка“. Въ этомъ своемъ разсужденіи, не отказываясь ни отъ одного изъ прежде высказанныхъ (и опровергнутыхъ Дашковымъ) мнѣній и воззрѣній, Шишковъ распространяется о превосходныхъ свойствахъ нашего языка и впадаетъ при этомъ въ такія странныя и даже дикія измышленія, которыя не только обличаютъ его наивное незнаніе, но даже и полную неспособность къ пріобрѣтенію знанія языка, потому что онъ хочетъ подчинить его строй своимъ собственнымъ, несуществующимъ въ языкѣ, законамъ [1]). Стремясь постоянно къ одной и той же цѣли — къ тому, чтобы доказать тождество русскаго и церковно-славянскаго языка, Шишковъ доходитъ, въ своемъ излишнемъ рвеніи, до того, что, наконецъ, теряетъ уже и всякое сознаніе основной идеи имъ же вызваннаго спора. То онъ твердитъ: „славянскій и русскій языкъ суть одно и то же“, то приходитъ къ выводу такого рода: „мы не иное что подъ славянскимъ языкомъ разумѣемъ, какъ тотъ языкъ, который выше разговорнаго и которому, слѣдовательно, не можемъ иначе научиться, какъ изъ чтенія книгъ; онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ“... И затѣмъ опять уже прямо противорѣчитъ себѣ, добавляя къ одному изъ своихъ разъясненій: „славянскій языкъ и высокій слогъ не одно и то же“.

На эту путаницу противорѣчій неумолимый критикъ Шишкова, Дашковъ, отвѣчалъ опять цѣлой книжкой, которую озаглавилъ весьма остроумно: „*О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критику*“. Онъ опровергъ всѣ филологическія заблужденія и ошибки Шишкова разумными и спокойными научными доводами. Шишковъ былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ; теоріи его не выдерживали никакой критики и послужили обильнымъ матерьяломъ для полемическихъ выходокъ со стороны молодой партіи журналистовъ и литераторовъ, которые не останавливались ни передъ какимъ осмѣяніемъ слабыхъ сторонъ и дикихъ крайностей Шишкова и всѣхъ шишковистовъ... Эпиграммы, каламбуры, комическія вставки

[1]) Въ подтвержденіе этого, достаточно припомнить такія словопроизводства Шишкова, какъ его утвержденія, будто—далеко, широко, глубоко, низко, высоко — произведены отъ сопоставленій словъ: даль око, близь око, низь око, высь око и т. д.

въ пьесы, игранныя на сценѣ, басни и притчи, писанныя языкомъ шишковистовъ — все это такъ и сыпалось на Шишкова и его сторонниковъ [1]). Но ярый защитникъ старины и „славянщины" прибѣгъ къ новымъ мѣрамъ и усиліямъ, чтобы поддержать то направленіе, которое ему хотѣлось провести въ литературу. Онъ учредилъ цѣлое общество—„*Бесѣду любителей русскаго слова*"—которое соединенными силами всѣхъ членовъ, призванныхъ къ участію въ немъ, должно было проводить идеи Шишкова въ литературѣ и журналистикѣ. Это мертворожденное общество сгруппировалось около маститаго „пѣвца Екатерина"—Г. Р. Державина—въ домѣ котораго происходило и самое открытіе общества (14 марта 1811 г.). Составъ общества былъ разнообразный, пестрый и странный; въ члены его попадали болѣе по отношеніямъ, нежели

Бесѣда.

Графъ А. С. Хвостовъ.

по сочувствію къ литературнымъ затѣямъ и планамъ Шишкова. Среди членовъ „Бесѣды" были и весьма бездарные представители литературы, не пользовавшіеся въ литературныхъ кружкахъ даже и третьестепеннымъ значеніемъ; попадались и люди вполнѣ равнодушные къ интересамъ и задачамъ „Бесѣды" и даже открыто подсмѣивавшіеся надъ ея странностями [2]); были даже и представители новаго направленія литературы, глубоко сочувствовавшіе карамзинскому литературному языку и слогу. Таковъ былъ, напримѣръ, И. И. Дмитріевъ—одинъ изъ попечителей „Бесѣды", и въ то же время наиболѣе талантливый и видный по-

[1]) Въ эпоху этой безпримѣрно-ожесточенной борьбы между карамзинистами и шишковистами, длившейся около восьми лѣтъ (1803—1811 гг.), явилось впервые названіе «славянофилъ», столь прославленное впослѣдствіи.

[2]) Къ числу такихъ членовъ «Бесѣды» несомнѣнно принадлежалъ И. А. Крыловъ, осмѣявшій этотъ кружокъ въ одной изъ своихъ басенъ.

слѣдователь Карамзина и карамзинскаго направленія въ нашей литературѣ. Общество дѣлилось на отдѣлы или „разряды", во главѣ которыхъ стояли — самъ Шишковъ, Державинъ, знаменитый своею поэтическою бездарностью графъ А. С. Хвостовъ и академикъ Захаровъ (переводчикъ, отличавшійся необычайно тяжелымъ слогомъ). Общество обладало даже собственнымъ органомъ, подъ названіемъ „*Чтеній въ бесѣдѣ любителей русскаго слова*"; органъ этотъ, въ которомъ помѣщалось все, читанное въ засѣда-

Императорская Публичная Библіотека (старое зданіе).

ніяхъ „Бесѣды", просуществовалъ нѣсколько лѣтъ (съ 1811 по 1815 г.) и покончилъ свое существованіе естественною смертью, потому что и эти книжки, какъ самыя засѣданія „Бесѣды", производили на всѣхъ впечатлѣніе тоскливой скуки, почти унынія... Въ этихъ книжкахъ „Чтеній" помѣщено было (въ концѣ 1811 г.) извѣстное разсужденіе Шишкова „о любви къ отечеству", вызванное ожиданіемъ грозы, надвигавшейся съ Запада на Россію. Въ своемъ разсужденіи Шишковъ, горячій патріотъ и глубоко-религіозный человѣкъ, говорилъ съ одушевленіемъ и паѳосомъ, который вполнѣ подходилъ къ наступавшему историческому моменту. Извѣстно, что императоръ Александръ, прочитавъ это „разсужденіе", рѣшился остановить на Шишковѣ свой выборъ и

далъ ему при себѣ мѣсто государственнаго секретаря. Въ этой должности, сближавшей подданнаго съ Монархомъ, Шишковъ и оставался при Александрѣ въ теченіе 1812 и 1813 гг. Изъ-подъ его пера вышли всѣ тѣ пламенные манифесты этого періода, которые такъ громко и внятно говорили русскому сердцу [1]).

Рѣчь Н. М. Карамзина.

Грозныя событія исторической дѣйствительности, вызванныя нашествіемъ Наполеона въ Россію, конечно, надолго пріостановили полемику, вызванную упорствомъ Шишкова и возгорѣвшуюся между представителями старой и новой литературной партіи. Отдаленнымъ отголоскомъ этой полемики была та прекрасная академическая рѣчь, которую произнесъ Карамзинъ (5 декабря 1818 г.) въ торжественномъ засѣданіи Академіи Россійской, когда былъ избранъ въ ея члены (послѣ изданія въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи Государства Россійскаго"). Въ этой рѣчи, ни единымъ словомъ не упоминая о минувшей борьбѣ и всѣхъ направленныхъ противъ него осужденіяхъ и порицаніяхъ, Карамзинъ высказываетъ, однакоже, свои воззрѣнія на жизненность и неизбѣжную постепенность развитія языка, и опредѣляетъ отношеніе къ нему Академіи и ея членовъ. Онъ указываетъ на то, что главною заботою Академіи должно быть пополненіе и исправленіе издаваемыхъ ею словарей и грамматикъ, и при этомъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что эти пополненія и исправленія вызываются „естественнымъ безпрестаннымъ движеніемъ живого слова къ дальнѣйшему совершенству,—движеніемъ, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ".

Не называя Шишкова по имени, и не только не вдаваясь въ критику его трудовъ, но даже не упоминая о нихъ ни единымъ словомъ, Карамзинъ, однакоже, энергично и сильно высказывается противъ его теорій и воззрѣній. Особенно настойчиво ратуетъ знаменитый русскій писатель противъ той искусственный фабрикаціи словъ, которую Шишковъ считаетъ вполнѣ возможною, и противъ того насильственнаго навязыванья русскому языку церковнославянскихъ словъ, которое Шишковъ считаетъ единственнымъ источникомъ для пополненія русской литературной рѣчи новыми словами:

„Непосредственное обогащеніе языка,—справедливо замѣчаетъ Карамзинъ,—зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей; а дарованія — единственно отъ судьбы и природы. Слова не изобрѣтаются академіями: они рождаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя,

[1]) До начала этой дѣятельности, Шишковъ успѣлъ издать въ 1811 г.—и все по тому же вопросу—два сочиненія: *„Разговоръ о словесности между двумя лицами Азъ и Буки»;* и въ 1812 г. *«Прибавленіе»* къ этому разговору.

мыслію одушевленныя слова, входять въ языкъ самовластно, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ... Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя".

Эти, въ высшей степени правильные, выводы Карамзина не подѣйствовали, однакоже, на Шишкова, который старался отстоять свою теорію неологизмовъ и, даже много лѣтъ спустя, будучи уже министромъ народнаго просвѣщенія, съ изумительнымъ упорствомъ твердилъ, что „языкъ славянскій и русскій— одинъ и тотъ же", и на этомъ основаніи отрицалъ даже необходимость перевода Св. Писанія на русскій языкъ [1]).

Рядомъ съ этою серьезною полемикою, до мелочей разрабатывавшею различные вопросы, касавшіеся значенія и отчасти даже происхожденія и состава литературнаго языка, въ періодъ времени, послѣдовавшій за громкими событіями Отечественной войны и войны за освобожденіе Европы, возникла другая, игривая и веселая литературная борьба, направленная противъ той же старой школы, противъ тѣхъ же представителей педантства и сторонниковъ рутины, которые пытались наложить оковы на „крылатое" слово и стѣснить его опредѣленными рамками. Борьба эта, руководимая ближайшими послѣдователями Карамзина, поддерживалась главнымъ образомъ представителями того молодого поколѣнія, которое вырастало и воспиталось подъ вліяніемъ первыхъ карамзинистовъ. Случайно возникшая, шутливая и живая, эта борьба привела къ нѣкоторымъ довольно серьезнымъ послѣдствіямъ и оставила замѣтный слѣдъ въ литературѣ. Кромѣ того, сама по себѣ, эта борьба и тотъ кружокъ, который ради нея сложился, были явленіями чрезвычайно любопытными въ смыслѣ бытовомъ и общественномъ—явленіями, которыя въ значительной степени характеризуютъ эпоху нашей литературной жизни въ періодъ между 1810—1820 гг. Мы говоримъ о томъ литературномъ кружкѣ, который носилъ курьезное названіе „*Арзамаса*" и къ которому въ указанный періодъ принадлежали лучшіе дѣятели нашей современной литературы и образованнѣйшіе представители высшаго общества, близко стоявшіе къ литературнымъ кружкамъ. **Арзамасъ.**

Какъ это ни странно кажется, но происхожденіе „Арзамаса"

---

[1]) Единственною и далеко немаловажною заслугою Шишкова, какъ ученаго и какъ министра народнаго просвѣщенія, было то, что онъ первый обратилъ вниманіе на славянскую науку и привлекъ славянскихъ ученыхъ къ сношеніямъ съ Россійскими академіями. По его предложенію, въ члены академіи были избраны чешскіе ученые—Добровскій и Ганка—и польскій ученый—Линде; онъ же вошелъ въ сношеніе съ Юнгманомъ и Вукомъ Караджичемъ — обмѣнивался съ ними изданіями Академіи, поддерживалъ переписку. У него была даже мысль учредить при русскомъ университетѣ каѳедры славянскихъ языковъ; но политическія обстоятельства этому помѣшали.

было несомнѣнно и тѣсно связано съ существованіемъ „Бесѣды“ — можно даже сказать, что „Арзамасъ“ былъ „Бесѣдою“ вызванъ къ жизни. Скучныя, однообразныя засѣданія „Бесѣды“, посвящаемыя иногда необыкновенно-бездарнымъ сообщеніямъ и чтеніямъ, возбуждавшимъ только зѣвоту; чиновничьи отношенія членовъ „Бесѣды“, раздѣленной на разряды, съ предсѣдателемъ во главѣ каждаго разряда, съ почетнымъ попечителемъ и т. п.— все это казалось дикимъ и страннымъ молодой литературной партіи, все это вызывало шутки и насмѣшки, поощряло къ эпиграммамъ и пародіямъ. Настроеніе было именно такое, что можно было ожидать всякаго рода столкновеній между партіями, уже много лѣтъ сряду наблюдавшими другъ друга. И вотъ, первый попавшійся поводъ, поданный однимъ изъ приверженцевъ старой школы, послужилъ сигналомъ къ „войнѣ на Парнассѣ“ и, при дальнѣйшемъ развитіи этой литературной распри, явилась среди молодой партіи идея — устроить, въ пику „Бесѣдѣ“, шутливое общество „Арзамасъ“, съ цѣлью осмѣянія всего бездарнаго, педантичнаго и отжившаго...

Одна изъ залъ Императорской Публичной Библіотеки.

Годомъ основанія „Арзамаса“ (или какъ его величали члены: „Арзамасскаго ученаго Общества“) считаютъ обыкновенно 1815 годъ, вѣроятно потому, что въ этотъ годъ всѣ члены его были налицо, всѣ на болѣе или менѣе долгое время успѣли побывать въ Петербургѣ и, такъ или иначе, принимали участіе въ его шутливой и веселой, критико-полемической дѣятельности. Можетъ-быть, этотъ годъ указывается еще и потому, что именно между 1815 — 1818 гг. душою общества былъ Жуковскій—въ то

время еще свободный отъ всякой службы, живой и веселый—умѣвшій и всѣмъ остальнымъ членамъ „Арзамаса“ передать свою живость и веселость, всѣхъ одушевить, растормошить и раззадорить... Но, собственно говоря, „Арзамасъ“, въ своей зачаточной формѣ, существовалъ и ранѣе 1815 года, какъ это можно видѣть изъ одного письма В. Д. Дашкова (отъ декабря 1813 г.) къ князю П. А. Вяземскому. Въ этомъ письмѣ, восхищаясь эпиграммою князя Вяземскаго на одного изъ членовъ „Бесѣды“—Кутузова (за-

Аукціонъ дублетовъ Императорской Публичной Библіотеки.

клятаго врага Карамзина), Дашковъ уже въ такомъ видѣ излагаетъ борьбу между карамзинистами и шишковистами, въ какомъ она велась тогда, когда „Арзамасъ“ организовался въ нѣчто сплоченное и цѣлое. Въ этомъ письмѣ упоминается, между прочимъ, уже и о бѣгствѣ нѣкоторыхъ „бесѣдчиковъ“ въ другой лагерь—лагерь молодой партіи—поклонниковъ Карамзина. „В. Л. Пушкина — пишетъ Дашковъ,—заставили торжественно отрещись отъ ереси, потомъ трижды дунуть и плюнуть“—и немного далѣе приводится отрывокъ сатирическаго стихотворенія, направленнаго противъ „Бесѣды“—отрывокъ, въ которомъ изображается волненіе, вызванное въ членахъ „Бесѣды“ нападками молодой партіи:

«Мятется сонмъ—но вдругъ трикратно
Прокашлявши, встаетъ Шишковъ;
Шишковъ, отъ чьихъ *рѣчей* зѣваютъ,
Кого читатели не знаютъ,
Но знаетъ бѣдный Глазуновъ.
Плохой онъ критикъ, *краснословъ* [1]),
Писалъ о здравомъ вкусѣ, слогѣ—
Но вкуса никогда не зналъ,
И правилъ языка въ «Прологѣ»,
Въ Минеяхъ-Четіяхъ искалъ.
Встаетъ—въ молчаніи глубокомъ
Благоговѣютъ всѣ предъ нимъ.
Вращая всюду мрачнымъ окомъ,
Въ церковномъ слогѣ и высокомъ,
Гласитъ къ сочленамъ онъ своимъ:
«Воспряньте, други, отъ покоя,
Насталъ-бо лютый распри часъ!
На толь, сію *Бесѣду* строя,
Въ едину кущу собралъ васъ?
На то-ль я трудъ подъялъ кровавый?
Искалъ отъ чтеній нашихъ славы,
Да юноши ничтожатъ насъ?..»

„Шутки въ сторону, — добавляетъ къ этому отрывку Дашковъ,—теперь не съ кѣмъ почти и сражаться. Раздоръ въ станѣ вражескомъ. Лазутчики доносятъ, что Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ Академіи, хочетъ соединить съ нею „Бесѣду", а Державину это очень непріятно"...

Но окончательнымъ поводомъ къ тому, чтобы молодой кружокъ бойцовъ сплотился въ общество, хотя и шутливое, но весьма опредѣленное въ стремленіяхъ и цѣляхъ своихъ — послужило слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ рьяныхъ „бесѣдчиковъ", задорный и шумливый князь А. А. Шаховской, нѣкогда осмѣявшій сентиментализмъ Карамзина въ своей комедіи „Новый Стернъ", рѣшился обратить свою тяжеловѣсную шутку и на самаго виднаго изъ представителей карамзинской партіи—Жуковскаго. Подъ именемъ „балладника Фіалкина" онъ вывелъ его на сцену въ своей комедіи „*Липецкія воды*" (представлена 23 сентября 1815 г.). По этому поводу Жуковскій, вскорѣ послѣ того, писалъ своимъ роднымъ изъ Петербурга: „Здѣсь есть авторъ—князь Шаховской. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ... Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣялся надо мною... Блудовъ отвѣчалъ ему на это презабавною сатирою. Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу;

[1]) *Краснословъ*—слово, изобрѣтенное Шишковымъ; въ своихъ примѣчаніяхъ къ статьямъ Лагарпа онъ предлагалъ замѣнить этимъ словомъ иноземное—*ораторъ*.

да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали?—Городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты, при шумѣ парнасской бури".

„Презабавная сатира Блудова" было его извѣстное „Видѣніе въ арзамасскомъ трактирѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей." Тутъ вся пародія изложена въ видѣ сновидѣнія или бреда какого-то проѣзжаго, который будто-бы остановился на пути, въ арзамасскомъ трактирѣ, гдѣ собиралось въ назначенные дни общество любителей литературы. Въ лицѣ этого „проѣзжаго" авторъ пародіи изобразилъ князя Шаховского, а рядомъ съ нимъ, очень бойкою кистью набросалъ остальныхъ завсегдатаевъ „Словесницы" (т. е. „Бесѣды") подъ вымышленными именами: Мѣшковъ (Шишковъ), Барабановъ (Карабановъ), двоихъ Хлыстовыхъ (А. С. Хвостова и Д. И. Хвостова). Арзамасъ, говорятъ, тутъ былъ недаромъ избранъ мѣстомъ дѣйствія пародіи: онъ тогда получилъ извѣстность потому, что незадолго передъ тѣмъ въ немъ была открыта школа живописи, по мысли академика Ступина, уроженца этого города. „Школа живописи — въ уѣздномъ городѣ Нижегородской губерніи!" —одна мысль объ этомъ

С. П. Жихаревъ.

уже вызывала у каждаго улыбку... Легко можетъ быть, впрочемъ, что „Арзамасъ" явился прозвищемъ нарождающагося литературнаго кружка и потому, что славился своими гусями, а гуси въ то доброе старое время доставляли писателямъ и поэтамъ перья—это единственное орудіе для закрѣпленія мимолетной мысли и крылатаго вдохновенія.

Какъ бы-то ни было, но только послѣ „Видѣнія въ арзамасскомъ трактирѣ", давно уже существовавшій дружескій кружокъ молодыхъ и совсѣмъ юныхъ карамзинистовъ, для которыхъ имя Карамзина было знаменемъ просвѣщенія и прогресса — обратился въ настоящее, заправское общество съ опредѣленными цѣлями и направленіемъ, съ своеобразными задачами и дѣятельностью, и получилъ среди членовъ своихъ и въ образованномъ обществѣ названіе „*Арзамасскаго ученаго Общества*" или просто „*Арзамаса*". Во всемъ противополагаясь „Бесѣдѣ", чопорной и проникнутой сознаніемъ собственнаго достоинства,—молодой, тѣсно-сплотив-

шійся и ополчившійся противъ нея кружокъ даже кичился своей оригинальной кличкой—даже ею старался досадить важнымъ педантамъ, воображавшимъ, что они кому-то приносятъ пользу своими снотворными засѣданіями и изданіемъ тощихъ книжекъ своихъ „Чтеній"...

Обычаи Азармаса. Тотъ же самый духъ веселаго задора и шутливой сатиры руководилъ членами „Арзамаса" и въ написаніи устава кружка, и въ установленіи всего церемоніала, которымъ сопровождалось вступленіе въ члены „Арзамаса" и различныя проявленія его дѣятельности. Чего тутъ только не было въ этомъ церемоніалѣ и во всѣхъ частностяхъ обрядовой обстановки „Арзамаса"! И пародіи на мистическіе обряды и всю торжественную обстановку масонскихъ ложъ, и вычурная символика, отзывавшаяся аттическою солью, и чисто-русскій юморъ—и все это въ пестрой, забавной смѣси, приправленное остроуміемъ и вымысломъ людей, представлявшихъ собою цвѣтъ и красу современнаго русскаго общества. Чтобы дать обо всемъ этомъ хотя нѣкоторое отдаленное понятіе, приводимъ разсказъ современника о томъ, какъ былъ принятъ въ члены „Арзамаса" дядя Пушкина, уже извѣстный намъ Василій Львовичъ Пушкинъ.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

„В. Л. Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ, положили его на диванъ и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ... Лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи. Потомъ, съ завязанными глазами, водили его съ лѣстницы на лѣстницу и провели въ комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ, гдѣ происходило

засѣданіе „Арзамаса". Кабинетъ (а въ немъ присутствовали въ то время всѣ члены „Арзамаса") былъ ярко освѣщенъ, а комната передъ нимъ оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою съ оранжевою, огненнаго цвѣта занавѣскою. Здѣсь, въ этой комнатѣ В. Л. Пушкину развязали глаза и ему представилось огромное, безобразное чучело, устроенное на вѣшалкѣ для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище представляетъ собою *дурной вкусъ* — подали ему лукъ и стрѣлы, и велѣли поразить чудовище. Потомъ ввели Пушкина за занавѣску и дали ему въ руки эмблему „Арзамаса"—мелкаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную, привѣтственную рѣчь". Послѣ того Пушкину, какъ и всѣмъ членамъ „Арзамаса" дано было арзамасское прозвище, обязательно выбранное изъ балладъ Жуковскаго. Это прозвище было—„*Вотъ*". Такимъ же образомъ К. Н. Батюшкову дано было прозвище „*Ахиллесъ*", Д. Н. Блудову—„*Кассандра*", Ф. Ф. Вигелю—„*Ивиковъ журавль*", А. Ф. Воейкову—„*Дымная печурка*", князю П. А. Вяземскому—„*Асмодей*", Д. В. Давыдову — „*Армянинъ*", Д. В. Дашкову—„*Чу*", С. П. Жихареву—„*Громобой*", Жуковскому—„*Свѣтлана*", Д. А. Кавелину—„*Пустынникъ*", М. Ѳ. Орлову—„*Рейнъ*", А. А. Плещееву—„*Черный вранъ*", П. И. Полетикѣ — „*Очарованный челнъ*", А. С. Пушкину — „*Сверчокъ*", Д. П. Сѣверину—„*Рѣзвый котъ*", А. И. Тургеневу—„*Эолова арфа*", Н. И. Тургеневу—„*Варвикъ*", С. С. Уварову—„*Старушка*".

Весьма ясное представленіе объ отношеніяхъ арзамасцевъ къ дѣятельности ихъ кружка даетъ намъ одно изъ писемъ Дашкова къ Вяземскому (отъ 26 ноября 1815 г.), изъ котораго мы и приводимъ здѣсь отрывокъ. Жалуясь на обиліе служебныхъ занятій, Дашковъ пишетъ:

„Я едва успѣваю бывать въ „Арзамасѣ"—въ этой милой отчизнѣ, гдѣ мы всегда объ васъ вспоминаемъ... Секретарь нашъ *Свѣтлана*, который какъ-будто нарочно сотворенъ для сего званія, вѣрно, увѣдомлялъ уже васъ, что въ самое первое собраніе вы избраны par acclamation сочленомъ нашимъ: слѣдовательно, я не нарушу ужасной присяги нашей [1]), говоря съ вами откровенно. Изъ великодушія и чистѣйшей любви къ ближнимъ (хотя ближніе сіи часто бываютъ черезчуръ тупы), мы положили, чтобы каждый вновопринимаемый членъ выбиралъ для первой рѣчи своей одного изъ живыхъ покойниковъ „Бесѣды" или академіи *заимообразно и на прокатъ* и говорилъ бы ему похвальную надгробную рѣчь. До сихъ поръ такихъ мертвецовъ отпѣто у насъ пять, и Свѣтлана превзошла сама себя, отпѣвая пѣтаго и

[1]) По уставу «Арзамаса», всѣ члены его клялись не передавать никому о томъ, что говорилось и происходило въ засѣданіяхъ.

перепѣтаго Хлыстова [1]). То-то была рѣчь! То-то протоколы! Очередный предсѣдатель у насъ всякую недѣлю новый, и, по именному указу, какъ въ академіи — отвѣчаетъ оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, въ которомъ *искусно мѣшаетъ похвалы ему съ похвалами усопшему* (выраженіе церемоніала). Опять новое торжество для Свѣтланы! Ей пришлось принимать *Громобоя*—Жихарева, который, бывши прежде сотрудникомъ „Бесѣды", долженъ былъ, по общему нашему постановленію, отпѣвать самъ себя... Поле было, конечно, богатое, но исполненіе превзошло ожиданія наши... Было чего послушать! Неоцѣненный секретарь нашъ не даромъ жилъ такъ долго съ Плещеевымъ, и удивительно, какъ навострился въ галиматьѣ. Любимое его выраженіе: „арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ". Судите о прочемъ. Пріѣзжайте скорѣе къ намъ хоть недѣли на двѣ. Выберите себѣ по сердцу покойника и похороните его съ миромъ въ стеклянномъ гробѣ нашемъ".

Не мѣшаетъ замѣтить въ заключеніе, что въ противоположность „Бесѣдѣ", гдѣ соблюдалась извѣстная дисциплина въ отношеніяхъ между членами ея, въ „Арзамасѣ" всѣ члены были равны и равноправны: всѣ одинаково имѣли право на общій титулъ „*ихъ превосходительствъ геніевъ „Арзамаса*". Протоколы, о которыхъ упоминаетъ Дашковъ въ вышеприведенномъ письмѣ, велись обязательно въ стихахъ секретаремъ общества Жуковскимъ и излагались гексаметрами... Нѣкоторые изъ нихъ сохранились намъ, какъ любопытный памятникъ эпохи...

Распаденіе Арзамаса. Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти, но дѣятели общественные, нѣкоторые даже въ большихъ чинахъ и въ важныхъ должностяхъ. „Никто не почиталъ предосудительнымъ въ то время шутить и быть веселымъ"—замѣчаетъ современникъ-очевидецъ арзамасскихъ шалостей [2]). Но этотъ современникъ умалчиваетъ о томъ, что праздникъ легкаго и шутливаго арзамасскаго веселья былъ очень непродолжителенъ. Въ средѣ самихъ арзамассцевъ явилась оппозиція. Одинъ изъ членовъ кружка, при самомъ вступленіи въ него, произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ порицаніе тому, что люди умные и образованные тратятъ время на пустяки и на ничтожную литературную полемику, между тѣмъ какъ ихъ отечество нуждается въ иномъ,

---

[1]) Въ уставѣ «Арзамаса», написанномъ Жуковскимъ и Блудовымъ, этотъ арзамасскій обычай излагался въ слѣдующей оригинальной формѣ: ...«такъ какъ геніи «Арзамаса» считались безсмертными, то и рѣшено было брать на прокатъ покойниковъ между халдеями «Бесѣды» и Академіи, дабы воздавать имъ, по дѣламъ ихъ, не дожидаясь потомства».

[2]) Самъ Карамзинъ, временно побывавшій въ Петербургѣ въ 1816 году, писалъ оттуда своей супругѣ: «здѣсь не знаю ничего умнѣе арзамасцевъ. Съ ними бы жить и умереть... Вотъ истинная Академія! Жаль только, что она не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ».

болѣе производительномъ примѣненіи ихъ дѣятельности... Къ этому члену (М. Ѳ. Орлову) присоединился другой арзамасецъ (Н. И. Тургеневъ): нѣчто чуждое, серьезное и важное проникло прямо изъ жизни и дѣйствительности въ сферу шутливой веселости, которою отличалась съ самаго начала дѣятельность „Арзамаса"... Но эта новая струя какъ-будто нарушила всѣ связи, все равновѣсіе отношеній маленькаго центра; въ немъ явилась рознь—стали высказываться совершенно противоположные взгляды на предстоящую дѣятельность кружка; одни предлагали предпринять изданіе журнала, который бы не былъ исключительно-литературнымъ, а касался бы и вопросовъ русской современности и общественной жизни. Другіе оспаривали это предложеніе и отвергали программу предполагаемаго журнала, который, дѣйствительно, нимало не соотвѣтствовалъ идеѣ кружка. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ остановились на какой-то программѣ, предложенной Блудовымъ, и даже стали исподволь собирать статьи для будущаго журнала: Блудовъ сообщилъ арзамасцамъ свою статью „о русскихъ пословицахъ", графъ Уваровъ и Батюшковъ доставили статью „о греческой антологіи"... [1]). Но ни журналъ не состоялся, ни самый кружокъ не могъ удержаться въ прежнемъ своемъ видѣ и составѣ. Правда, распаденію „Арзамаса" въ значительной степени способствовало то, что многіе изъ весьма вліятельныхъ его членовъ вынуждены были покинуть Петербургъ и разъѣхались по разнымъ мѣстамъ, на службу... Но можно утверждать положительно, что если бы даже этого и не случилось—дни „Арзамаса" все же были сочтены: онъ не могъ существовать долѣе въ своемъ прежнемъ видѣ—онъ долженъ былъ или переродиться, или уничтожиться... Періодъ увлеченій русскою славою, русскими успѣхами и значеніемъ въ Европѣ, мало-по-малу, проходилъ и не кружилъ болѣе головы передовымъ русскимъ людямъ; политика наша, въ эпоху конгрессовъ и Священнаго Союза, должна была дѣйствовать удручающимъ образомъ на каждаго истинно-русскаго человѣка; а русская дѣйствительность, въ которой болѣе чѣмъ когда-либо мощнымъ и всесильнымъ являлся графъ Аракчеевъ и министры, которыхъ онъ подбиралъ себѣ подъ масть—эта дѣйствительность менѣе всего способна была поощрять къ шуткѣ и веселости... „Арзамасъ" пересталъ существовать, но оставилъ нѣкоторый, довольно замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей литературы—оставилъ по себѣ память перваго тѣсно-сплотившагося кружка, который, прикрываясь шутливой внѣшностью, въ сущности, носилъ въ себѣ задатки серьезной и разумной критиче-

[1]) Она была напечатана впослѣдствіи, въ 1820 г., въ видѣ отдѣльной брошюры. Подъ предисловіемъ къ ней авторы выставили, въ сокращеніи, свои арзамасскія прозвища: *Ст.* (Старушка) и *А.* (Ахиллъ), т. е. Уваровъ и Батюшковъ.

ской оппозиціи. Онъ смѣло вооружался противъ остатковъ того схоластическаго застоя, который даже въ началѣ нынѣшняго вѣка пытался еще оковать русскую мысль, и навязавъ ей несвойственныя формы и пріемы, приковать ее къ отжившей старинѣ и педантическимъ мелочамъ. „Арзамасъ" оставилъ по себѣ добрую память кружка, въ которомъ свѣтъ, прогрессъ и свободное отъ всякихъ стѣсненій выраженіе мысли—составляли главную основу связи и отношеній между сочленами. Правда, онъ не выказалъ ни способностей, ни расположенія къ серьезной разработкѣ вопросовъ, предъявляемыхъ современною русскою жизнію; та обаятельная атмосфера шутки и веселья, въ которой проявлялась дѣятельность „арзамасцевъ" и происходила ихъ борьба съ „бесѣдчиками", менѣе всего была способна подготовить ихъ къ серьезной борьбѣ съ жизнью и дѣйствительностью... Но важно было уже и то, что „арзамасцы" это совершенно искренно сознали — и „Арзамасъ", вѣрный себѣ, не выродился и не измѣнился, а пересталъ существовать, оставивъ по себѣ добрую память и навсегда скрѣпивъ узами пріязни всѣхъ тѣхъ, которые нѣкогда имѣли счастіе принадлежать къ кружку „ихъ превосходительствъ геніевъ Арзамаса".

Виньетка по рисунку А. Н. Оленина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Классицизмъ въ русской литературѣ XVIII вѣка.—Искаженіе классическихъ идеаловъ и произведеній подъ вліяніемъ псевдоклассицизма.—Здравыя понятія о значеніи классицизма, впервые появляющіяся у насъ въ началѣ XIX вѣка. — М. Н. Муравьевъ.—Мерзляковъ.—И. М. Муравьевъ-Апостолъ.—Уваровъ и споръ о гексаметрахъ. — Гнѣдичъ и его переводъ «Иліады».

Почти одновременно съ нескончаемымъ споромъ о старомъ и новомъ русскомъ слогѣ, былъ поднятъ въ русской литературѣ и вопросъ о значеніи классицизма, какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ основательнаго образованія. По этому поводу не мѣшаетъ припомнить, что въ XVIII вѣкѣ наше знакомство съ классическими литературами ограничивалось весьма немногимъ, и, среди огромной массы переводной литературы, переводы произведеній древнихъ классиковъ занимали болѣе чѣмъ скромное мѣсто. Припоминаемъ имена Кострова, Екимова, Пахомова и священника Сидоровскаго, и этимъ ограниченнымъ рядомъ именъ почти исчерпывается перечисленіе тружениковъ, работавшихъ надъ пересажденіемъ классическихъ произведеній на русскую почву. Чрезвычайно любопытно, что, при этомъ, знаніе латыни (и надо сказать—весьма основательное) было у насъ распространено и въ духовномъ сословіи, и среди ученыхъ. Умѣнье говорить и письменно излагать свои мысли по-латыни вносилось въ жизнь еще со школьной скамейки; лекціи въ духовныхъ академіяхъ и въ академическомъ университетѣ читались на латинскомъ языкѣ; на томъ же языкѣ читались и произносились торжественныя актовыя рѣчи, привѣтствія начальству и писались стихотворенія, надписи къ иллюминаціямъ и всякаго рода девизы. И несмотря на эту распространенность латыни, римскіе классики были мало извѣстны, и близкимъ знакомствомъ съ ними могли похвалиться лишь весьма немногіе изъ образованнѣйшихъ людей XVIII вѣка, по преимуществу тѣ, которымъ удалось закончить свое образованіе за границею, особенно въ Италіи. Попытки перевода на русскій языкъ греческихъ и римскихъ классиковъ являются поздно и всѣ относятся къ концу второй половины XVIII вѣка; попытки довольно жалкія, не удовлетворяющія ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ критики. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такое равнодушіе и даже невниманіе къ классическимъ подлинникамъ было прямымъ слѣдствіемъ преобладанія псевдо-классицизма. Извѣстно, что французскій классицизмъ или французское подражаніе древнимъ образцамъ (преимущественно римскимъ) основывалось на совершенно-ложномъ пониманіи теоретическихъ правилъ піитики Аристотеля и даже на извращеніи самыхъ образцовъ. Какъ ложное истолко- **Классицизмъ въ Россіи.**

ваніе теоріи, такъ и извращеніе самыхъ образцовъ происходили, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ: отъ крайне ограниченнаго знанія быта древнихъ (многія стороны котораго еще вовсе не были изучены и потому оставались темными и непонятными) и отъ желанія примѣнить древніе образцы къ французскимъ изнѣженнымъ нравамъ и свѣтскимъ обычаямъ XVII вѣка. Такъ какъ французское вліяніе на европейскія литературы въ половинѣ XVII и до половины XVIII вв. было преобладающимъ, то и французскія подражанія классикамъ, въ свою очередь, служили для всѣхъ образцами и такъ всѣмъ нравились, такъ плѣняли большинство образованныхъ людей, что объ этихъ образцахъ сложилось даже чрезвычайно странное мнѣніе: ихъ стали почитать лучшими, нежели самые образцы, на нихъ стали смотрѣть, какъ на единственно-возможное истолкованіе или переложеніе произведеній классическаго міра, которыя будто бы, въ иномъ видѣ, не были бы ни доступны, ни пристойны въ современномъ общежитіи. Мало того, французскіе теоретики, съ Буало во главѣ (не далекіе въ изученіи древнихъ образцовъ), стали создавать теоретическія правила, въ которыхъ—истолковывая по-своему и піитику Аристотеля, и „Ars poëtica“ Горація—стали основывать эти правила, главнымъ образомъ, на образцахъ, заимствованныхъ у французскихъ классиковъ. Первые очнулись отъ этого чада нѣмцы, кропотливые и усердные въ изученіи древняго міра и такъ изумительно много сдѣлавшіе для этого изученія въ прошломъ столѣтіи. Они первые обратились къ изученію классическихъ образцовъ въ самыхъ подлинникахъ, первые стали ихъ переводить съ буквальною точностью, добросовѣстно изучая и истолковывая каждое слово, каждый намекъ, каждую черту быта; они первые поняли всю фальшь и односторонность французскаго подражанія классикамъ и заклеймили его названіемъ *псевдо-классицизма*.

Вліяніе псевдо-классицизма.

Не то было у насъ. Послѣ страшныхъ и памятныхъ всѣмъ временъ Бироновщины, мы отвернулись отъ нѣмцевъ и нѣмецкой науки и съ самаго начала царствованія Елизаветы дали полную волю своему пристрастію къ французамъ и всему французскому. Много разъ, при изложеніи исторіи русской словесности прошлаго вѣка, мы уже указывали до какихъ смѣшныхъ крайностей доходило у насъ преклоненіе передъ французскими модами и французскими нравами, прямымъ слѣдствіемъ котораго было и рабское преклоненіе передъ французскимъ псевдо-классицизмомъ и его теоріями. Мы видѣли, какъ необычайно сильно, упорно и продолжительно было это вліяніе и какую односторонность вносило оно въ нашу литературу. Чтобы избавиться отъ этой односторонности и излѣчить себя отъ заблужденій псевдо-классицизма надо было сознать необходимость изученія классическихъ литера-

туръ въ подлинникахъ—надо было ознакомиться и съ результатами изученія классическаго міра въ нѣмецкой наукѣ. Сближенію съ нѣмцами, съ ихъ наукой и литературой въ значительной степени способствовала та революціонная горячка, которая охватила Францію въ послѣдніе годы XVIII вѣка, и тѣ войны противъ Франціи, которыя пришлось вести Россіи противъ возбужденнаго революціею французскаго милитаризма. Передовые люди и лучшіе представители русской литературы начала нынѣшняго вѣка уже сознали необходимость сближенія съ нѣмецкой и англійской литературой, необходимость изученія ихъ классиковъ, необходимость заимствованій изъ богатой сокровищницы ихъ поэзіи и науки. Одновременно съ этимъ, во многихъ, наиболѣе образованныхъ, русскихъ людяхъ явилось стремленіе къ изученію древняго классическаго міра не по французскимъ передѣлкамъ, а по самымъ подлинникамъ.

Честь почина въ этомъ направленіи принадлежитъ одному изъ достойнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка—М. Н. Муравьеву, о которомъ намъ уже неоднократно приходилось упоминать. Онъ былъ усерднымъ проповѣдникомъ той пользы, которую должно было принести русской словесности и русскому образованію изученіе древнихъ писателей въ подлинникахъ; самъ трудился въ этомъ направленіи и поощрялъ всѣми силами тѣхъ, которые трудились на томъ-же поприщѣ. Такъ, напримѣръ, будучи товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и въ то же время попечителемъ Московскаго университета, М. Н. Муравьевъ побудилъ Мерзлякова заняться поэтическою передачею классическихъ произведеній и, вѣроятно, даже указалъ практическую цѣль для подобныхъ переводовъ, которыя должны были служить пособіемъ учащемуся „при истолкованіи ему правилъ піитики“. М. Н. Муравьевъ.

Въ 1804 году онъ напечаталъ первые опыты своихъ переводовъ — отдѣльныя сцены изъ трагедіи „Эврипидъ“ и первую оду Пиндара „Гіерону Сиракузскому“. Потомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ другихъ журналахъ стали появляться переводы Мерзлякова изъ другихъ классиковъ — „Эклоги“ Виргилія и Ѳеокрита въ 1807 г., „Наука стихотворства“ (Ars poëtica) Горація въ 1808 г. и т. д. Въ 1825—1826 гг. Мерзляковъ собралъ всѣ свои переводы въ двухъ частяхъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“. Здѣсь, къ переводу эклогъ Виргилія, Мерзляковъ напечаталъ предисловіе, въ которомъ говорилъ о происхожденіи и значеніи этого поэтическаго рода вообще; въ предисловіи къ первому тому приложилъ разсужденіе *„о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ“*. Эти предисловія не представляютъ Переводы классиковъ.

собою ничего самостоятельнаго и сильно отзываются вліяніемъ французскихъ теоретиковъ. Несомнѣнно французскимъ же вліяніемъ объясняется и весь характеръ перевода классическихъ образцовъ на русскій языкъ; объ этомъ переводѣ самъ Мерзляковъ говорилъ слѣдующее:

„Смѣло могу сказать, что почти всѣ представленные здѣсь отрывки весьма близко переложены, но—не переводы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, ибо я, переводя въ стихахъ, и не могъ, и не хотѣлъ этого сдѣлать. Даже предупреждаю знатоковъ греческаго подлинника, что я многое сокращалъ, что мнѣ казалось слишкомъ растянутымъ или не относительнымъ къ минутѣ дѣйствующей страсти; иное перестанавливалъ и соединилъ первый актъ съ пятымъ въ своемъ отрывкѣ, дабы составить изъ этого нѣчто цѣлое драматическое...“ Можно себѣ представить, какова можетъ быть близость переводовъ (или даже переложеній) къ подлиннику, при такихъ воззрѣніяхъ переводчика на способъ передачи образцовъ. Но на основаніи французской теоріи, Мерзляковъ былъ совершенно правъ, потому что французы не допускали возможности передавать классиковъ въ ихъ полной неприкосновенности—та живая дѣйствительность, изъ которой древніе почерпали свои образы и дѣйствіе своихъ трагедій, представлялась изнѣженнымъ французамъ грубою и непремѣнно требующею прикрасъ, измѣненій и приспособленій къ ихъ современнымъ потребностямъ, модамъ и вкусамъ. Кромѣ этихъ недостатковъ, такъ сказать, теоретическихъ, въ переложеніяхъ или переводахъ Мерзлякова были и другіе недостатки, происходившіе отъ присущихъ переводчику понятій о поэтическихъ произведеніяхъ вообще. Съ одной стороны, онъ мало заботился о передачѣ стиха-подлинника въ размѣрахъ, близкихъ къ классическому образцу; съ другой стороны, послѣдуя большинству своихъ современниковъ, Мерзляковъ не допускалъ никакой простоты въ свои переводы и настраивалъ свою лиру на слишкомъ высокій ладъ, пересыпая свой поэтическій языкъ множествомъ славянскихъ словъ и оборотовъ, въ духѣ времени.

Мерзляковъ и Мартыновъ.

Вѣроятно, эти недостатки переложеній Мерзлякова обратили на себя вниманіе многихъ и вызвали другую попытку пересажденія къ намъ классическихъ образцовъ, поощряемую тѣмъ же М. Н. Муравьевымъ. Нашелся другой, менѣе Мерзлякова талантливый, но зато необычайно усидчивый, переводчикъ, который задался мыслью—передать творенія древнихъ классиковъ прозою, по всѣмъ вѣроятіямъ предполагая, что при этомъ будетъ легче соблюсти близость къ подлиннику. Этотъ добросовѣстный и трудолюбивый почитатель классиковъ былъ *Иванъ Ивановичъ Мартыновъ* (ум. 1833 г.), служившій директоромъ департамента министерства

народнаго просвѣщенія. Старательный и добросовѣстный переводчикъ,—онъ посвятилъ переводу классиковъ многіе и многіе годы своей дѣятельности, и сдѣлалъ со своей стороны все возможное, чтобы свои переводы обставить наилучшимъ образомъ: комментаріи и объясненія его составлены чрезвычайно тщательно, по классикамъ и по новѣйшимъ изслѣдованіямъ; одна изъ пѣсенъ Иліады переведена, между прочимъ, и подстрочно, чтобы показать разницу въ оборотѣ русскомъ и греческомъ и ознакомить съ тѣми трудностями, которыя представляетъ буквальная передача греческой стихотворной строки на русскій языкъ. Въ результатѣ долгихъ и усиленныхъ трудовъ явился переводъ произведеній Гомера, Софокла, Пиндара, Анакреона [1]), Каллимаха, Эзопа, Геродота и Лонгина (изд. 1823—28 гг.) въ 26 томахъ. Само собою разумѣется, что подобный переводъ классиковъ не способенъ былъ дать даже и приблизительнаго понятія о лирикѣ, эпосѣ и драмѣ древнихъ грековъ; но онъ все же способствовалъ возбужденію интереса къ классикамъ и классическому міру и во многихъ пробудилъ охоту къ изученію ихъ.

Впрочемъ, пробужденіе интереса къ изученію классиковъ и классическаго міра отчасти было вызвано и совершенно особыми, случайными условіями русской жизни въ теченіе перваго двадцатилѣтія XIX вѣка. Продолжительныя и трудныя войны съ Наполеономъ, закончившіяся его грознымъ нашествіемъ на Россію, въ значительной степени способствовали пробужденію самосознанія русскаго человѣка и сильному, энергичному проявленію любви къ отечеству и тѣсно съ нею связанной народной гордости. Мы уже видѣли выше, что въ періодъ между 1807 и 1812 г. появилась у насъ цѣлая патріотическая литература и журналистика, не искусственнымъ образомъ созданныя, а народившіяся изъ прямыхъ потребностей жизни общества. Но и внѣ этой литературы, даже въ кружкахъ преимущественно зараженныхъ галломаніей, явилась ненависть ко всему французскому — къ самой націи, къ ея модамъ и свѣтскимъ обычаямъ, къ ея литературѣ, и въ особенности, къ воспитанію при помощи французовъ и на французскій ладъ. Важный вопросъ о дурномъ обычаѣ—воспитывать дѣтей при помощи иноземцевъ (преимущественно французовъ),—вопросъ, который много разъ и на разные лады разрабатывался еще въ XVIII вѣкѣ лучшими представителями нашей литературы и журналистики—теперь еще разъ всплылъ на первый планъ. Этимъ вопросомъ и вообще развѣнчиваніемъ французовъ весьма усердно и успѣшно занимался одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, одинъ изъ видныхъ представителей литературы и круп- И. М. Муравьевъ-Апостолъ.

[1]) Всѣ классики переданы прозой; для одного только Анакреона сдѣлано исключеніе: онъ переданъ бѣлыми стихами, кстати сказать, очень плохими.

ныхъ общественныхъ дѣятелей—*Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ* (род. 1765 г., ум. 1851 г.) [1]). Въ „Сынѣ Отечества" 1813—1815 г. онъ помѣстилъ цѣлый рядъ писемъ къ другу, изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, и въ нихъ (подъ живымъ впечатлѣніемъ всѣхъ бѣдствій нашествія французовъ и пожара Москвы) онъ занялся серьезнымъ разборомъ нашихъ увлеченій французскою литературою, французскими нравами и обычаями и воспитаніемъ дѣтей, при помощи французовъ-гувернеровъ, на французскій ладъ. Сужденія его, спокойныя, основательныя, опирающіяся на обширное образованіе, чуждыя всякаго пристрастія—выказываютъ въ немъ человѣка съ большимъ умомъ и твердою волею, неспособнаго подчиняться чьимъ бы то ни было вліяніямъ. Онъ очень искусно разбиваетъ сложившееся въ русскомъ обществѣ предубѣжденіе относительно первенства французской литературы и совѣтуетъ обратиться къ источникамъ ея заимствованій. Такъ, разбирая высокія достоинства Расина, онъ говоритъ прямо: „если отнять у него то, что принадлежитъ Гомеру, Софоклу, Эврипиду, Виргилію, Сенекѣ, то въ остаткѣ получится только прекрасный механизмъ стиха". Онъ справедливо доказываетъ, что исключительное предпочтеніе, отдаваемое нами французскимъ трагикамъ, основывается, главнымъ образомъ, на нашемъ невѣжествѣ, — потому что мы не знаемъ ни Шекспира, ни Шиллера, ни Альфьери. Примѣняя тотъ же сравнительный методъ къ эпосу, онъ доказываетъ, что и въ эпосѣ французы ушли не далеко, потому что превозносимая нами поэма Вольтера „Генріада" не можетъ быть ни съ какой стороны сравнена съ поэмами итальянцевъ—Данте, Аріоста или Тасса. Затѣмъ онъ указываетъ на заимствованія Мольера у испанцевъ и доказываетъ, что характеры Мольеровыхъ комедій только потому намъ и нравятся, что они Мольеромъ *офранцужены*, такъ какъ и мы тоже начинаемъ терять свой собственный обликъ, утрачиваемъ самостоятельность, подражая въ своемъ творчествѣ другимъ, „*какъ обезьяны*".

Новые языки. Чтобы избѣжать смѣшного пристрастія къ французамъ и

[1]) *И. М. Муравьевъ-Апостолъ* происходилъ изъ стариннаго и богатаго дворянскаго рода, служилъ по дипломатической части и былъ посланникомъ въ Испаніи. Онъ былъ классически образованъ, зналъ прекрасно древніе языки и многіе изъ новѣйшихъ европейскихъ. По своимъ убѣжденіямъ и по своимъ воззрѣніямъ на современную русскую литературу онъ сходился съ Шишковымъ, и, хотя не былъ и не могъ быть его послѣдователемъ, однакоже, болѣе сочувствовалъ ему и его дѣятельности, нежели его противникамъ. Для „*Чтеній въ Бесѣдѣ*" онъ перевелъ двѣ сатиры Горація (1-ую и 3-тью въ I книгѣ) и приложилъ къ нимъ объясненія. Сверхъ того, перевелъ съ англійскаго комедію Шеридана „*Школа злословія*" и съ греческаго «Облака» Аристофана (1821); писалъ и кое-что оригинальное для сцены. Онъ извѣстенъ еще своимъ „*Путешествіемъ по Тавридѣ*" (1823), которое выказываетъ въ немъ человѣка ученаго и отлично знакомаго съ классическими древностями. Въ бытность свою за границей онъ былъ въ сношеніяхъ съ Кантомъ и въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ съ Клопштокомъ.

слѣпого преклоненія передъ ихъ необычайною геніальностью, Муравьевъ-Апостолъ совѣтуетъ учиться не одному французскому, а и другимъ новѣйшимъ языкамъ. „Прочитай Дантэ на итальянскомъ, Сервантеса—на испанскомъ, Шекспира—на англійскомъ, Шиллера на нѣмецкомъ: тогда ты пріобрѣтешь нѣкоторое право произносить надъ ними приговоръ“, — т. е. тогда ты будешь въ состояніи сравнивать и опредѣлять относительное достоинство лучшихъ писателей у всѣхъ народовъ, не ограничиваясь одними французами. Но для того, чтобы окончательно поколебать галломанію, авторъ „*Писемъ*“ видитъ только одно средство — внести коренную реформу въ воспитаніе юношества: его готовить къ жизни и дѣятельности не такъ, какъ оно готовится.

Н. И. Гнѣдичъ.

„Учиться новѣйшимъ языкамъ не только можно, но даже и похвально—говоритъ авторъ „Писемъ“.—Но французскому языку оставаться у насъ классическимъ такъ, какъ онъ былъ до сихъ поръ, это значитъ тоже, что убавить наши природныя способности [1]), и доколѣ это продолжится, мы будемъ оставаться въ сущемъ младенчествѣ на поприщѣ ученія. Ни одна изъ новѣйшихъ литературъ не усовершенствовалась отъ подражанія новѣйшимъ: всѣ онѣ, безъ изъятія, почерпнули красоты свои въ единственномъ и неизсякаемомъ источникѣ всего изящнаго — у грековъ и римлянъ. Для того и намъ бы пора приняться за настоящее дѣло, и потому я смѣло скажу и всегда говорить буду, что пока мы не будемъ учиться, т. е. посвящать все время перваго возраста отъ 7 до 15 лѣтъ на изученіе греческаго или, по крайней мѣрѣ, ла-

[1]) Отстаивая необходимость самостоятельности, оригинальности въ воспитаніи каждой націи и различными доводами приводя къ сознанію несостоятельности нашего французскаго воспитанія, Муравьевъ-Апостолъ доходитъ даже до крайностей: «развѣ мы не въ правѣ!—восклицаетъ онъ:—гордиться нашимъ Державинымъ, котораго природа одарила геніемъ удивительнымъ, а случайность *предохранила* въ воспитаніи отъ робкаго, изнѣженнаго вкуса французовъ? Такъ я смѣло утверждаю, что Державинъ *много обязанъ незнанію французскаго языка:* опутанный цвѣтками, поддѣланными изъ атласа и тафты, не размахнулся бы никогда нашъ богатырь...»

тинскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, основательно, эстетически— до тѣхъ поръ мы, большая часть толпы, будемъ не говорить, а болтать; не писать, а марать бумагу".

Эти вполнѣ здравыя и самостоятельныя сужденія автора „Писемъ въ Нижній" возбудили негодованіе въ лагерѣ молодой партіи, которая преклонялась передъ авторитетомъ Карамзина и

Графъ С. С. Уваровъ.

благоговѣла передъ талантомъ Жуковскаго, отъ котораго ожидала въ будущемъ гораздо болѣе того, что онъ былъ способенъ дать. Муравьевъ-Апостолъ не только не отдалъ должной дани уваженія этимъ кумирамъ молодежи въ своихъ „Письмахъ", но даже удостоилъ упоминанія въ нихъ только одного Державина, какъ бы отвергая и отрицая всю остальную массу русскихъ поэтовъ и писателей. И, къ великому прискорбію молодой партіи, мнѣніе автора „Писемъ" не осталось одинокимъ. Къ нему присоединился и другой классикъ, рѣшившійся еще гораздо откровеннѣе и го-

раздо опредѣленнѣе высказать свои мысли и воззрѣнія на современную русскую литературу. Этотъ классикъ былъ никто иной, какъ *Николай Ивановичъ Гнѣдичъ* (род. 1784 г., ум. 1833 г.), человѣкъ страстно преданный изученію классической древности, съ любовью изучавшій греческихъ классиковъ и посвятившій добрую половину своей жизни на тщательный и возможно-близкій къ подлиннику переводъ „Иліады" Гомера. Какъ человѣкъ, принадлежавшій по взглядамъ и убѣжденіямъ къ партіи средней, болѣе склонявшейся на сторону „Бесѣды" и шишковистовъ (хотя и не всецѣло имъ преданный), Гнѣдичъ сочувственно отнесся къ идеямъ, выраженнымъ въ „Письмахъ" Муравьева-Апостола, и еще болѣе, еще подробнѣе развилъ ихъ и даже дерзнулъ указать на крупныя и существенныя (по его мнѣнію) недостатки современной русской словесности. Всѣ эти взгляды и мысли свои Гнѣдичъ выразилъ въ своемъ „*Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности*". Это разсужденіе было имъ читано 2 января 1814 года въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки по случаѣ ея открытія. Н. И. Гнѣдичъ.

Въ своемъ „Разсужденіи" Гнѣдичъ задается вопросомъ, почему именно — при множествѣ у насъ печатаемыхъ книгъ—мы все же страдаемъ большимъ недостаткомъ въ книгахъ хорошихъ, не только оригинальныхъ, но и переводныхъ — даже не отличаемся выборомъ книгъ для перевода? Гнѣдичъ объясняетъ это недостаткомъ ученія и прямымъ слѣдствіемъ этого недостатка—неразвитостью вкуса къ изящному. Помо́чь этому недостатку можно только однимъ путемъ: основательнымъ изученіемъ твореній древнихъ классиковъ, которые даже и законодателемъ вкуса, Гораціемъ, признаны были образцами прекраснаго. Въ этомъ основательномъ изученіи древнихъ классиковъ Гнѣдичъ видитъ спасеніе отъ развившейся у насъ подражательности французамъ, и предпочтенія французскаго языка своему родному. Важное значеніе въ этомъ же смыслѣ Гнѣдичъ придаетъ и хорошимъ переводамъ лучшихъ классическихъ произведеній. Обсуждая всѣ эти вопросы, Гнѣдичъ, въ томъ же разсужденіи, произноситъ одинаково-строгій приговоръ и Карамзинскому сентиментализму, и меланхолической музѣ Жуковскаго (не называя ни того, ни другого), признавая какъ то, такъ и другое направленіе словесности доказательствомъ дурного вкуса, временною модою — не болѣе.

То, что Гнѣдичъ проводилъ въ своемъ „Разсужденіи" теоретически,—онъ, на практикѣ, подтвердилъ своимъ тяжкимъ, усерднымъ и многолѣтнимъ трудомъ — надъ переводомъ „*Иліады*" Гомера, который составляетъ, поистинѣ, немаловажную заслугу въ исторіи нашей словесности.

Размѣръ перевода Гнѣдича. Гнѣдичъ принялся за переводъ „Иліады" около 1809 года. Эта поэма Гомера, еще задолго до Гнѣдича, привлекала къ себѣ вниманіе русскихъ переводчиковъ: уже въ 1776 году Екимовъ перевелъ ее прозой, а въ 1787 г. первыя шесть пѣсенъ Иліады были напечатаны въ стихотворномъ переложеніи Кострова, который замѣнилъ гексаметръ Гомера такъ-называемымъ александрійскимъ стихомъ, т. е. шестистопнымъ ямбомъ съ послѣдовательными риѳмами. Выборъ этого размѣра, вовсе не свойственнаго эпической поэзіи, былъ, конечно, сдѣланъ подъ вліяніемъ того значенія, которымъ онъ пользовался во французской поэзіи, отличающейся крайнимъ однообразіемъ своихъ стихотворныхъ размѣровъ. Но помимо этой внѣшней формы, переводъ „Иліады" Кострова пользовался въ кругу нашихъ писателей такою доброю славою, что въ началѣ своего труда Гнѣдичъ и не подумалъ приступить къ переводу первой пѣсни „Иліады", а прямо сталъ продолжать трудъ Кострова, начавъ съ 7-й пѣсни, которую, подъ общій ладъ съ первыми шестью пѣснями, сталъ также переводить александрійскимъ стихомъ. Такъ перевелъ онъ уже четыре съ половиною пѣсни, когда (въ 1811 году) было отыскано продолженіе перевода Кострова, а именно—седьмая, восьмая и половина девятой пѣсни. Какъ разъ около этого времени, когда уже и самъ Гнѣдичъ успѣлъ убѣдиться въ непригодности александрійскаго стиха для передачи гексаметрической стопы Гомера, ревностнымъ защитникомъ гексаметра выступилъ графъ *С. С. Уваровъ*—одинъ изъ классически-образованныхъ и просвѣщенныхъ представителей современной аристократіи. Въ открытомъ письмѣ къ Гнѣдичу (напечатанномъ въ „Вѣстникѣ Европы") графъ Уваровъ вступился за гексаметръ, какъ за существеннѣйшую и необходимѣйшую принадлежность эпическаго склада и у грековъ, и у римлянъ, и съ особеннымъ настояніемъ вооружился противъ александрійскаго стиха:

„Когда, вмѣсто плавнаго, величественнаго гексаметра,—говоритъ графъ Уваровъ: — я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риѳмою прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ..." Извиняя французовъ въ выборѣ александрійскаго стиха по крайней бѣдности языка, неспособнаго передать греческую метрическую строку, Уваровъ находитъ, что этотъ стихъ никакъ не слѣдуетъ употреблять намъ, „имѣющимъ изобильный, метрическою просодіей наполненный языкъ... Если нѣмцы, владѣя языкомъ весьма непокорнымъ, достигли до того, что имѣютъ хорошіе и вѣрные метрическіе переводы, зачѣмъ намъ, русскимъ, не имѣть, наконецъ, перевода Омира гексаметрами?"

Гнѣдичъ согласился съ мнѣніемъ Уварова, представилъ даже

образцы перевода Иліады гексаметромъ; но противъ нихъ обоихъ возсталъ извѣстный авторъ *Ябеды*, Капнистъ. Нимало не знакомый съ греческимъ языкомъ, онъ, въ данномъ случаѣ, возражалъ только какъ дилетантъ. Онъ доказывалъ (въ печатномъ письмѣ своемъ къ графу Уварову) невозможность и непримѣнимость гексаметра на русскомъ языкѣ именно потому, что онъ долженъ заканчиваться *спондеемъ*, а *спондея* у насъ почти нѣтъ, да и русскій

Домъ (бывшій) А. Н. Оленина на Фонтанкѣ.

слухъ къ нему непривыченъ. При этомъ Капнистъ дѣлаетъ странное предложеніе—переводить Иліаду размѣромъ народныхъ пѣсенъ.

Уваровъ о гекзаметрахъ.

Уваровъ, хорошо знакомый съ нѣмецкими трудами по классической древности и съ ихъ метрическими переводами классиковъ, возразилъ Капнисту, что, собственно говоря, не спондей, а дактиль составляетъ существенную основу гексаметра, и что гексаметръ у Гомера очень часто оканчивается хореемъ. При этомъ онъ указывалъ на примѣръ нѣмцевъ, которые тоже не въ состояніи были передать греческій гексаметръ во всей строгости, но все же не отказались отъ благого намѣренія передать строку Гомера размѣромъ *близкимъ* къ гексаметру. „Наконецъ,—добавлялъ онъ:—если доказано будетъ, что гексаметрами переводить намъ Омера не можно, то я бы скорѣе предпочелъ переводъ въ прозѣ. Омеръ въ русскомъ зипунѣ столько же мнѣ противенъ, какъ и

во французскомъ кафтанѣ. Переводить Иліаду русскимъ народнымъ размѣромъ еще хуже, чѣмъ переводить александрійскими стихами...".

И вотъ, въ результатѣ этого спора, Гнѣдичъ, увѣровавшій въ возможность создать русскій гексаметръ, рѣшился отбросить въ сторону тѣ четыре съ половиною пѣсни, которыя уже были имъ переведены въ видѣ продолженія къ переводу Кострова александрійскими стихами, и начать свой трудъ сначала, съ самой первой строки, въ которой безсмертный поэтъ, обращаясь къ Музѣ-вдохновительницѣ, восклицаетъ:

„Гнѣвъ мнѣ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына".

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе, возстававшіе противъ гексаметра, высказывали по отношенію къ этому стихотворному размѣру и непріязнь, и сомнѣніе только потому, что нѣкогда—еще почти въ самомъ началѣ новой русской словесности—гексаметръ былъ впервые употребленъ авторомъ Тилемахиды для его тяжеловѣснаго творенія. Надъ твореніемъ этимъ привыкли издѣваться и, совершенно несправедливо перенося порицаніе и насмѣшку съ творенія на автора и на избранный имъ размѣръ, не допускали возможности созданія правильнаго, плавно-текущаго гексаметра въ русской поэзіи [1]).

Переводъ Иліады.

И вотъ, Гнѣдичу пришлось принять на свои слабыя плечи тяжкій трудъ борьбы съ этимъ размѣромъ—борьбы, которая тѣмъ болѣе была ему не по силамъ, что поэтическое дарованіе его было далеко не изъ крупныхъ. Но замѣною дарованія у него явилась изумительная настойчивость въ трудѣ и глубокое преклоненіе передъ Гомеромъ, которое помогло ему преодолѣть всѣ трудности. Онъ задался мыслью и, если можно такъ выразиться, положилъ на себя зарокъ: передать Гомера ***какъ можно ближе*** и воспользоваться для этой передачи всѣми средствами нашего богатѣйшаго языка, съ одной стороны, чрезвычайно способнаго къ созданію сложныхъ „украшающихъ эпитетовъ", съ другой—допускающаго „свободное словорасположеніе". Въ предисловіи къ своему переводу Иліады, Гнѣдичъ весьма искренно передаетъ намъ ту тяжкую внутреннюю работу, которую онъ долженъ былъ производить надъ самимъ собою, чтобы остаться „вѣрнымъ Гомеру"... Эту работу онъ очень правильно называетъ „непрерывною борьбою переводчика съ собственнымъ духомъ, съ собственною

---

[1]) Гексаметры, созданные Тредіаковскимъ въ его Тилемахидѣ, были безобразны и неблагозвучны; но все то, что онъ о гексаметрѣ высказалъ, было совершенно правильно и справедливо, и его попытка усвоить русскому языку этотъ героическій размѣръ древнихъ грековъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Это—несомнѣнная заслуга. А. Х. Востоковъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія занимаясь вопросомъ о русскомъ стихосложеніи, между прочимъ указалъ и на русскіе гексаметры. Жуковскій и Дельвигъ шли уже по слѣдамъ Гнѣдича.

Въ припряжѣ завелъ онъ коня, знаменитаго бѣгомъ Педака,
Коего добылъ Пелидъ, разгромившій градъ Етіона.
Смертный съ конями безсмертными онъ быстротою равнялся.
Тою порой Ахиллесъ, обходя Мирмидоновъ по кущамъ,
Всѣхъ вооружалъ ихъ оружіемъ къ бою. Подобно какъ волки,
Хищные звѣри, у коихъ въ сердцахъ безпредѣльная дерзость,
~~Звѣри кровавые~~, въ сердцѣ ~~которыхъ безмѣрная дерзость~~,
Кои оленя рогатаго въ дебри нагорной повергнувъ,
и морды ихъ вѣсь обагровлены кровью.
Звѣрски терзаютъ; ~~у всѣхъ ихъ челюсти кровью багровѣе~~;
обагровлены кровью морды и пасти
Послѣ, (стаей, [redacted] у полой [redacted]), къ источнику черному [redacted] рыщутъ; [redacted];
Тамъ языками ихъ гибкими воду мутную ~~съ верху~~ подонка
Лочутъ, ~~убійства~~ обагрена ихъ кровь отрыгая; ~~[illegible]~~ въ персяхъ ихъ дерзкое
Сердце безстрашное бьется, и страшно ~~[redacted]~~: чрева ихъ раздуты.
Въ брань таковы Мирмидоновъ вожди и строители ратей
Вкругъ окрестъ ~~[illegible]~~ Патрокла, слуги изъ Эакида Героя
Бодрымъ пыломъ ~~Жадные боя~~; въ средѣ ихъ стоялъ Ахиллесъ браноносецъ,
Крикомъ ~~[illegible]~~ кругомъ возбуждая коней и мужей щитоносцевъ.

Часть переписанной страницы изъ перевода «Иліады», съ поправками Гнѣдича.—
Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

внутреннею силою, которыхъ свободу должно обуздывать на каждомъ шагу...“ Самую сущность своего матеріальнаго труда онъ объясняетъ такъ:

„Я былъ вѣренъ Гомеру, и, слѣдуя умному изреченію: *должно переводить нравы, такъ же какъ и языкъ*,—я ничего не опускалъ, ничего не измѣнялъ... Дѣлая выраженія греческія—русскими, должно было стараться, чтобы не сдѣлать русскою—мысли Гомеровой; но, что еще болѣе—не украшать подлинника. Очень легко украсить, а лучше сказать подкрасить стихъ Гомера краскою нашей палитры: и онъ покажется щеголеватѣе, пышнѣе, лучше для нашего вкуса; но несравненно труднѣе сохранить его Гомеровскимъ, какъ онъ есть, ни хуже, ни лучше. Вотъ обязанность переводчика и трудъ — кто его испыталъ — не легкій“.

Къ сожалѣнію, однакоже, Гнѣдичъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ той, не вполнѣ естественной, нѣсколько ходульной, высокой настроенности, съ какою онъ приступалъ къ выполненію своей задачи. Онъ не могъ и не умѣлъ отнестись вполнѣ просто къ изображенію быта въ Гомеровской поэмѣ, къ образамъ этихъ „царей-пастырей, которые на лирѣ воспѣваютъ дѣянія героевъ, и тотчасъ послѣ того сами жарятъ барановъ“. Это отсутствіе простоты отразилось, отчасти, и на языкѣ перевода, который въ слишкомъ большомъ изобиліи переполненъ славянскими словами и даже оборотами фразы. Можетъ-быть, впрочемъ, это происходило и не отъ одной личной настроенности переводчика, а до нѣкоторой степени и отъ того, что онъ не съумѣлъ отрѣшиться отъ стараго, предвзятаго воззрѣнія на эпосъ, какъ на такой поэтическій родъ, для котораго требуется особый подъемъ духа. Это отчасти отразилось и въ томъ посвященіи Иліады императору Николаю I, которое Гнѣдичъ предпосылалъ своему труду, изданному въ 1829 г.

„Проповѣдникъ истинъ, оправданныхъ тысячелѣтіями, безкорыстный защитникъ святости власти царственной и благодѣтельнаго единоначалія, пѣвецъ доблестей, составляющихъ славу героевъ и честь народовъ, творецъ Иліады не напрасно извлекаетъ хвалы изъ устъ Солоновъ, слезы изъ очей Александровъ, не напрасно похищаетъ уваженіе и отъ мужей Откровеніемъ озаренныхъ, Василіевъ Великихъ, Іоанновъ Златоустовъ: воспѣвая невинность и чистоту нравовъ, благоговѣніе къ Божеству, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старости, святость супружескихъ союзовъ, великодушную дружбу, охранительное мужество, мудрость въ дѣлѣ и словѣ, Гомеръ своими пѣснями съ простотою дѣтскою насадилъ для человѣчества благопріятнѣйшіе цвѣты добродѣтели, которые расцвѣли подъ лучами

всеобщаго свѣта. Всѣ образованные народы одинъ передъ другимъ ревновали украсить отечественную словесность твореніемъ Гомера".

Заслуги Гнѣдича.

Изъ высказаннаго выше не трудно видѣть, что Гнѣдичъ

Гнѣдичъ, Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ. Снимокъ съ современной картины.

сознавалъ значеніе и достоинство той услуги, которую онъ оказывалъ русской словесности. Дѣйствительно, двадцатилѣтній непрерывный трудъ его надъ „Иліадой" Гомера доставилъ намъ возможность основательно ознакомиться съ этимъ величайшимъ произведеніемъ классической древности и притомъ ознакомиться въ переводѣ достаточно близкомъ къ подлиннику, нѣсколько тяжеломъ и шероховатомъ по языку, однакоже передающемъ довольно вѣрно

и духъ, и бытъ той народной среды, въ которой нѣкогда создались Гомеровы пѣсни. Гнѣдичъ, посвятившій этому труду бо̀льшую и лучшую часть своей жизни, имѣлъ поэтому право разсчитывать на то, что трудъ его будетъ встрѣченъ съ заслуженнымъ уваженіемъ и вниманіемъ. Но пріемъ, оказанный его переводу „Иліады", былъ болѣе чѣмъ холоденъ. Очень немногіе истинно просвѣщенные люди оцѣнили его по достоинству; большинство осталось совершенно равнодушнымъ, и критика, примѣнимая къ двадцатилѣтнему труду переводчика, была ничтожна, мелочна и невѣжественна. Эту холодность публики Гнѣдичъ (жестоко сю обиженный) объяснялъ весьма справедливо отсутствіемъ подготовки къ пониманію древнихъ образцовъ, которому вовсе не способствовала школа. „У насъ нѣтъ еще никакихъ руководствъ къ понятіямъ справедливымъ о древности и слѣдственно къ чтенію древнихъ писателей съ удовольствіемъ и пользою", писалъ Гнѣдичъ, и былъ совершенно правъ въ своемъ предположеніи. Громадная заслуга его была оцѣнена уже только гораздо позже...

Въ дополненіе къ тому, что было выше изложено о Гнѣдичѣ, добавимъ, что онъ, проживъ бо̀льшую часть своей жизни съ древними греками, такъ освоился съ этимъ міромъ, что и въ остальной своей литературной дѣятельности не могъ отъ нихъ отрѣшиться: даже простой русскій бытъ рисовалъ себѣ постоянно, приравнивая его къ народному быту древнихъ. Такъ въ 1817 г. онъ написалъ лирическую поэму: „*Рожденіе Гомера*", а затѣмъ, подражая Θеокриту, создалъ весьма граціозную идиллію „*Рыбаки*", въ которой набросалъ очень заманчивую картину сѣверной (петербургской) природы и быта рыбаковъ, промышляющихъ на столичномъ взморьѣ. Наконецъ, въ 1825 г., не выходя изъ того же заколдованнаго круга греческой жизни и поэзіи, Гнѣдичъ, вдохновленный борьбою современныхъ грековъ противъ турецкаго владычества, перевелъ цѣлый сборникъ народныхъ греческихъ пѣсенъ, который и издалъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „*Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ*".

Въ теченіе всей своей жизни связанный тѣснѣйшею дружбою съ Крыловымъ, съ которымъ и служилъ вмѣстѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ и жилъ на одной лѣстницѣ, Гнѣдичъ и послѣ кончины оказался близкимъ сосѣдомъ знаменитаго баснописца: ихъ могилы стоятъ рядомъ на Александро-Невскомъ кладбищѣ. Друзья и почитатели покойнаго Гнѣдича воздвигли ему скромный памятникъ, начертавъ на немъ: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира"; и на другой сторонѣ памятника стихъ изъ Иліады:

«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися».

Постоянно-одинокій отъ самой ранней юности, Гнѣдичъ очень способенъ былъ привязываться къ тѣмъ, кто его ласкалъ и относился къ нему дружелюбно: такъ во всю жизнь онъ былъ преданнѣйшимъ другомъ семьи Олениныхъ, въ которой постоянно проводилъ вечера, вмѣстѣ съ Крыловымъ. Свое всегдашнее одиночество онъ очень характерно и наглядно изобразилъ въ слѣдующемъ предсмертномъ стихотвореніи:

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ,
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ,
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ.
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ.

Послѣ стаею цѣлой къ источнику черному рыщутъ;
Тамъ языками ихъ гибкими ~~черную~~ мутную воду ~~въ~~ потока
Лочутъ, рыгая кровь ~~поглощенную~~ умерщвленныхъ; въ персяхъ ихъ дерзкое
Сердце бестрепетное бьется, и страшно чрева ихъ раздуты:

Автографъ Гнѣдича. Четыре строки изъ его перевода Иліады.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Крыловъ въ царствованіе Императора Александра I.—Басня, какъ особый литературный родъ, которому онъ себя посвятилъ.—Отношенія басенъ къ современности и къ личности автора.—Басни Крылова, какъ выраженіе его воззрѣній на русскую жизнь и дѣйствительность.—Историческія басни.—Мораль Крыловскихъ басенъ.—Характеристика Крылова, какъ человѣка и писателя.

Крыловъ и Дмитріевъ. Въ концѣ 1805 года къ И. И. Дмитріеву, въ то время уже прославленному русскому писателю, а главнымъ образомъ баснописцу и переводчику Лафонтеновыхъ басенъ, явился человѣкъ уже пожилой и совершенно ему неизвѣстный, отрекомендовался и отдалъ на его судъ три басни, отчасти переведенныя, отчасти передѣланныя изъ Лафонтена. Басни эти были: „*Дубъ и трость*"; „*Разборчивая невѣста*" и „*Старикъ и трое молодыхъ*". Авторъ ихъ, Крыловъ, принесъ свои произведенія И. И. Дмитріеву на показъ и одобреніе—по обычаю времени—какъ младшій и малоизвѣстный писатель, старшему и уже знаменитому. Знаменитый писатель, которому, въ данномъ случаѣ, пришлось исполнить роль мецената, одобрилъ принесенныя ему басни и, при очень лестномъ письмѣ, переслалъ ихъ князю Шаликову, который и напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ „*Московскій Зритель*". Оказывая эту литературную любезность Крылову, Дмитріевъ, конечно, и не предполагалъ, что оказываетъ ее сопернику, который похититъ у него лавры перваго баснописца и титулъ „Россійскаго Лафонтена". Крыловъ былъ въ ту пору въ Москвѣ только проѣздомъ—кажется, послѣ тѣхъ двухлѣтнихъ темныхъ скитаній, которыя до сихъ поръ представляютъ его біографамъ обширное поле для догадокъ; затѣмъ онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ онъ осѣлъ навсегда—и гдѣ на этотъ разъ нашелъ свое счастье...

Комедіи и басни. Существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что первая попытка переводить Лафонтеновы басни была сдѣлана Крыловымъ еще въ 1781 году и будто бы многіе знатоки и тогда уже ободряли юношу похвалами и поощряли къ дальнѣйшей разработкѣ этого литературнаго рода. Но его увлекалъ театръ и журнальная сатира, въ которой онъ довольно успѣшно изощрялъ свое остроуміе. Почти четверть вѣка спустя, когда онъ явился къ И. И. Дмитріеву со своими тремя баснями и удостоился одобренія — когда онъ, повидимому, уже и самъ созналъ свои силы и рѣшился ихъ посвятить разработкѣ басни—театръ еще разъ отвлекъ его въ сторону отъ его настоящаго назначенія. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сблизился съ княземъ А. А. Шаховскимъ и въ теченіе одного 1807 года поставилъ на сцену три пьесы; комедіи: „*Модная лавка*" и „*Урокъ дочкамъ*" и волшебную оперу: „*Илья Муромецъ*". Всѣ три пьесы вызваны были общимъ патріотическимъ настроеніемъ со-

временной литературы, въ которой громко высказывалась ненависть къ французамъ и пристрастіе ко всему русскому и родному. Только уже въ 1808 году Крыловъ окончательно перестаетъ работать для сцены и останавливается исключительно на одномъ литературномъ родѣ: на баснѣ... Въ этомъ году 17 новыхъ басенъ Крылова являются въ „Драматическомъ Вѣстникѣ", журналѣ князя Шаховского. Въ томъ же году Крыловъ снова поступаетъ на службу (сначала при монетномъ дворѣ, а потомъ при Императорской Публичной Библіотекѣ). Вообще говоря, этотъ 1808 годъ былъ годомъ важнаго перелома въ жизни и литературной дѣятельности Крылова.

Успѣхи Крылова. Съ этого года счастье начинаетъ служить вѣрную службу Крылову и обращаетъ всю дальнѣйшую жизнь его въ рядъ успѣховъ, удачъ и наградъ, которые такъ и сыплются на него, безъ малѣйшаго старанія съ его стороны. Мало того: литературная слава, которая такъ туго и трудно достается другимъ, за которою многіе, вполнѣ достойные ея писатели гоняются всю жизнь—увѣнчала лаврами Крылова съ первыхъ его шаговъ въ этомъ второмъ періодѣ его литературной карьеры. Дѣйствительно поразительными и беспримѣрными въ своемъ родѣ являются для насъ, напримѣръ, такіе факты: съ 1808 года Крыловъ посвящаетъ себя баснѣ, а въ 1811 году, секретарь Россійской Академіи, препровождая къ нему дипломъ на званіе дѣйствительнаго ея члена, уже находитъ нужнымъ высказать, что „сочиненія его служатъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской... Въ 1811 и 1812 году Крыловъ печатаетъ нѣсколько басенъ, связанныхъ съ историческими событіями Отечественной войны; а уже въ февралѣ 1812 г., по Высочайшему указу, ему начинаютъ производить изъ Кабинета пенсіонъ по 1500 р. въ годъ [1]). Дальнѣйшая его литературная и весьма скромная служебная дѣятельность представляетъ собою нѣчто вродѣ тріумфальнаго шествія, особенно съ той минуты, когда нашъ баснописецъ попалъ въ кружокъ литераторовъ и ученыхъ, собиравшійся въ Павловскѣ, въ Розовомъ павильонѣ, около императрицы Маріи Θеодоровны.

Характеръ дѣятельности. Не мѣшаетъ, однакоже, замѣтить, что дѣятельность Крылова была далеко не изъ тѣхъ, которыя поражаютъ плодовитостью или усердіемъ автора. Онъ работалъ, какъ самый спокойный и лѣнивый художникъ: брался за перо рѣдко, писалъ сколько хотѣлъ и потомъ забрасывалъ и перо, и работу свою на неопредѣленное время.

---

[1]) Пенсіонъ этотъ производился при жалованьѣ и на службѣ; черезъ восемь лѣтъ (1820 г.) онъ былъ удвоенъ, а въ 1834 г. къ этимъ 3.000 р. прибавлена новая пенсія въ 3.000 р., изъ государственнаго казначейства. Въ 1841 г., по выходѣ Крылова въ отставку, повелѣно было, сверхъ 6.000 р., производить пенсію въ 5.700 р., такъ что онъ до конца жизни получалъ 11.700 р. одной пенсіи.

Случалось, что онъ на время поддавался порыву своей творческой силы и выказывалъ даже нѣкоторую плодовитость: такъ между 1806 и 1818 г. онъ написалъ 140 басенъ, т. е. почти двѣ трети всего написаннаго имъ запаса басенъ.

Но зато въ слѣдующее двадцатипятилѣтіе (1818—1843 гг.) изъ-подъ его пера вышли только 58 басенъ; и изъ нихъ опять-таки 39 басенъ были написаны въ два плодовитые года (1825 и 1830),

И. А. Крыловъ, по оригиналу Брюлоза.

а въ остальные 23 года—всего 19. Такая неравномѣрность творчества поражала многихъ, и ее старались объяснить различно.. Самъ онъ, на обращенный къ нему вопросъ одной дамы, почему онъ такъ мало пишетъ, отвѣчалъ довольно уклончиво.

„— Я предпочитаю,—сказалъ онъ — чтобы меня упрекали, для чего я не пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили: зачѣмъ я пишу...“

Въ этомъ отвѣтѣ какъ-будто слышится какая-то чрезвычайная гордость и необычайно-развитое авторское самолюбіе, которое

и дѣйствительно составляло одну изъ выдающихся черть въ характерѣ Крылова. Но онъ, видимо, не рѣшился указать откровеннѣе на ту основную причину, которая постоянно руководила его творчествомъ: на ту феноменальную лѣнь, неподвижность и

И. А. Крыловъ. По рисунку художника Тимма.

неповоротливость, которыя и у него, какъ у многихъ геніальныхъ русскихъ людей составляли типическую черту характера, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба даетъ имъ такое спокойное, счастливое и обезпеченное положеніе на свѣтѣ, какъ Крылову.

Что именно счастливое, исключительно - привилегированное положеніе Крылова оказывало на его творчество это вліяніе, въ этомъ мы убѣдимся сравненіемъ его дѣятельности въ періодъ, наступившій послѣ 1806 года, съ періодомъ предшествующимъ — съ годами его ранней и довольно бурной молодости. Если мы припомнимъ то, что мы уже передавали выше объ этомъ молодомъ Крыловѣ-журналистѣ и сатирикѣ, то мы почти не узнаемъ его въ томъ апатичномъ, равнодушномъ ко всему и невозмутимо-спокойномъ богатырѣ мысли, какимъ онъ является намъ по возвращеніи изъ своихъ невѣдомыхъ скитаній... Этотъ богатырь, который постоянно такъ умно и сосредоточенно молчитъ, такъ ревниво хранитъ въ себѣ какую-то громадную силу, которую почти боится выдать и выказать — это вовсе не тотъ Крыловъ, который, еще будучи двадцатилѣтнимъ юношей, удивлялъ опытныхъ литераторовъ остротою и живостью ума, плодовитостью пера, ѣдкостью своей занозистой сатиры, безпощадно-бичевавшей общество все по тѣмъ же его наболѣвшимъ язвамъ, которыя уже задолго до него были вскрыты его предшественниками на поприщѣ журнальной сатиры. Это не тотъ Крыловъ, который такъ легко освоивался съ домомъ своего покровителя и вельможи и былъ въ немъ душою жизни и веселья, кумиромъ молодежи, которая слушала его препода-

И. А. Крыловъ, по наброску Брюлова.

И. А. Крыловъ, по современному рисунку въ альбомѣ.

ваніе съ восторгомъ и „на всю жизнь набиралась ума“ около этого живого и умнаго преподавателя. Мы видимъ передъ собою сорокалѣтняго старика, который прошелъ черезъ какой-то страшный опытъ жизни, видывалъ всякаго рода „виды“, дошелъ до края, испытывая свои силы, и, можетъ-быть, подъ вліяніемъ этого испытанія ко всему охладѣлъ, кромѣ своего личнаго спокойствія. Отлично изучивъ людей, сознавая свои силы, онъ рѣшился ими пользоваться исподволь и понемногу, чтобы всѣ могли его силы цѣнить и ихъ опасаться; и затѣмъ на всю свою жизнь замкнулся въ такое эпикурейское величіе и спокойствіе, изъ котораго не могли его извлечь никакія бѣдствія, никакія страданія окружавшихъ его людей, никакіе подвиги ума или доблести его народа, никакія явленія въ жизни русскаго общества. Постоянно и ко всему одинаково равнодушный, невольно внушавшій всѣмъ уваженіе и даже нѣкоторое опасеніе—Крыловъ иногда изумлялъ ихъ силою и блескомъ своего оригинальнаго дарованья, своего обширнаго, чисто-русскаго ума; но никогда и никого онъ не привелъ въ восторгъ, не заставилъ забыться подъ впечатлѣніемъ порыва, который бы шелъ прямо изъ сердца и говорилъ бы сердцу каждаго языкомъ чувства, внятнымъ и дорогимъ среди вѣчнаго гула и рева житейскаго моря. Вотъ какимъ представляется намъ Кры-

И. А. Крыловъ. Иллюстрація къ баснѣ «Огородникъ», въ Сленинскомъ изданіи басенъ.

ловъ въ этомъ второмъ, зрѣломъ періодѣ своей литературной дѣятельности (послѣ 1806 г.)—Крыловъ-баснописецъ и прославленный русскій писатель... Такимъ оставался онъ и до конца жизни.

Нравственный обликъ нашего знаменитаго баснописца нашелъ себѣ полнѣйшее отраженіе во всей его литературной дѣятельности второй половины жизни. Нельзя упустить изъ виду того, что эта вторая половина жизни сложилась у Крылова удивительно своеобразно: отъ поступленія на службу помощникомъ библіотекаря по русскому отдѣленію въ Императорскую Публичную Библіотеку до самой смерти, сначала на казенной, а по выходѣ въ отставку на частной квартирѣ, Крыловъ велъ постоянно одну и ту же жизнь полной неподвижности и невозмутимаго покоя физическаго, къ которому его побуждала внутренняя потребность въ покоѣ, даже какъ бы въ усыпленіи нравственномъ. Этому покою вполнѣ соотвѣтствовало изумительное однообразіе жизни баснописца, въ которой, дѣйствительно, надъ всѣми умственными и нравственными потребностями преобладалъ „положенный часъ приливамъ и отливамъ“. Крыловъ выходилъ изъ дома только на службу или на обязательную прогулку, при-

Иллюстрація къ баснѣ «Василекъ», въ томъ же изданіи.

ловъ въ этомъ второмъ, зрѣломъ періодѣ своей литературной дѣятельности (послѣ 1806 г.)—Крыловъ-баснописецъ и прославленный русскій писатель... Такимъ оставался онъ и до конца жизни.

Нравственный обликъ нашего знаменитаго баснописца нашелъ себѣ полнѣйшее отраженіе во всей его литературной дѣятельности второй половины жизни. Нельзя упустить изъ виду того, что эта вторая половина жизни сложилась у Крылова удивительно своеобразно: отъ поступленія на службу помощникомъ библіотекаря по русскому отдѣленію въ Императорскую Публичную Библіотеку до самой смерти, сначала на казенной, а по выходѣ въ отставку на частной квартирѣ, Крыловъ велъ постоянно одну и ту же жизнь полной неподвижности и невозмутимаго покоя физическаго, къ которому его побуждала внутренняя потребность въ покоѣ, даже какъ бы въ усыпленіи нравственномъ. Этому покою вполнѣ соотвѣтствовало изумительное однообразіе жизни баснописца, въ которой, дѣйствительно, надъ всѣми умственными и нравственными потребностями преобладалъ „положенный часъ приливамъ и отливамъ". Крыловъ выходилъ изъ дома только на службу или на обязательную прогулку, при-

Иллюстрація къ баснѣ «Василекъ», въ томъ же изданіи.

„Исторія Русской С

Масикъ Диякъ прислалъ изъ
кТлъ) стихи онъ моево и
въ типографіи у Дрекслера
Вотъ они.

Государственно.

А. С. Шишковъ

18 .. 1812

Тылъ окол
Свое. Или
Подчидыи
Знаю Поче
лузк соиры
Дивлядъ с

ите. И хотите сочинитель Вы называть-
ся; а его ... , а от ещё ...
в на именем Парнасъ. Я не ~~[illegible]~~
ну Автору ... славы своей
мъ подозрения ... , показывая
показать, что я стиховъ самъ не писалъ
ение мое къ А: С: [illegible] стоялъ
но я [illegible] нечаянно неудовольствие [illegible]
менного [illegible] человека, отъ стиховъ не-
[illegible], въ конце похвала хуже брани.

И: Крыловъ

чемъ не утомлялъ себя ни тою, ни другою; внѣ этихъ двухъ выходовъ у него было еще только два такихъ же обязательныхъ выѣзда — на обѣдъ въ англійскій клубъ, гдѣ онъ былъ постояннымъ членомъ, и на вечеръ въ радушную семью Олениныхъ, гдѣ онъ былъ такимъ же постояннымъ завсегдатаемъ, какъ и Гнѣдичъ, и многіе другіе представители современной русской литературы. Лишь изрѣдка это обычное однообразіе нарушалось посѣщеніемъ засѣданій шишковской „Бесѣды“ или Россійской Академіи, да приглашеніемъ ко Двору вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны, причемъ Крыловъ всегда и вездѣ держалъ себя одинаково: умно и вдумчиво молчалъ, а на обращенныя къ нему рѣчи и вопросы отвѣчалъ коротко и сжато. И. С. Тургеневъ весьма тонко и художественно передаетъ намъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ то впечатлѣніе, которое оставилъ въ немъ Крыловъ, видѣнный имъ однажды „на вечерѣ у одного чиновнаго, но слабаго петербургскаго литератора. Онъ просидѣлъ тамъ часа три слишкомъ, неподвижно, между двумя окнами — и хоть бы слово промолвилъ... Онъ опирался обѣими руками на колѣни и даже не поворачивалъ своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двига-

Тургеневъ и Крыловъ.

Иллюстрація къ баснѣ «Безбожники». Въ Слёнинскомъ изданіи басенъ Крылова.

лись подъ нависшими бровями. Нельзя было понять: что онъ—слушаетъ ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто такъ сидитъ и „существуетъ“. Ни сонливости, ни вниманія въ этомъ обширномъ, прямо-русскомъ лицѣ — а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ или не хочетъ пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ...“

Значеніе Крылова.

Это удивительно живое и пластично-переданное впечатлѣніе можетъ служить почти комментаріемъ ко всей литературной дѣятельности Крылова въ ея второмъ періодѣ (послѣ 1806 г.). Въ началѣ, какъ мы видѣли изъ перечисленія его басенъ, онъ писалъ довольно часто, и басни его не всегда были выраженіемъ какой-нибудь отвлеченной идеи, принципа или вывода практической житейской мудрости; иногда онѣ служили отвѣтомъ на запросы русской общественной жизни; иногда даже откликомъ на историческія событія, за которыми съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдили всѣ русскіе люди. Но и во всѣхъ этихъ случаяхъ это былъ не живой голосъ души, отзывчивой на всѣ явленія современности, а спокойное и равнодушное сужденіе человѣка, который не позволяетъ себѣ выходить изъ совершенно безотвѣтственной роли сторонняго наблюдателя или, какъ говоритъ поэтъ: „дьяка, который спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ“. Но эти сужденія и отзывы, эти наблюденія и личныя мнѣнія, облеченныя авторомъ въ изящную и высоко-художественную форму коротенькой басни, окончательно разъясненной еще болѣе краткимъ нравоученіемъ — представлялись всѣмъ вполнѣ законченными произведеніями, принимались всѣми съ восторгомъ, а потомъ и съ благоговѣніемъ, и каждое изъ нихъ какъ бы вплетало новый листокъ въ лавровый вѣнецъ счастливаго избранника судьбы и литератора-баловня. И въ самомъ дѣлѣ: нельзя было не восхищаться этими прекрасными произведеніями геніальнаго баснописца: они были такъ объективны, такъ безобидны, и такъ остроумны, такъ затѣйливо и чудесно задуманы, такъ ловко изложены и такъ сильно выражены. Даже тотъ, на кого мѣтила та или другая басня, едва ли нашелъ бы поводъ оскорбиться ея намеками: до такой степени они были облечены въ туманъ иносказанія и во всякіе хитроумные обходы и постороннія прикрасы... И при всемъ томъ, въ каждой изъ этихъ басенъ было столько ума, столько тончайшей наблюдательности, столько знанія людей и пониманія ихъ основныхъ, природныхъ свойствъ, что даже и предубѣжденный противъ Крылова человѣкъ читалъ каждую его басню съ истиннымъ наслажденіемъ, заучивалъ ее наизусть, запоминалъ каждое ея словцо, каждое выраженіе, и даже не прочь былъ щегольнуть въ обществѣ заимствованнымъ изъ нея при-

словьемъ. И если нѣкоторыхъ, черезчуръ изысканныхъ любителей изящной литературы, отвращала отъ произведеній Крылова ихъ своеобразная форма, ихъ (иногда намѣренно) грубоватый тонъ и слишкомъ откровенный способъ выраженія, ихъ языкъ, переполненный чисто-русскими простонародными выраженіями, то именно эти-то стороны и привлекали къ Крылову большинство читающихъ русскихъ людей, потому что онъ болѣе, чѣмъ какой-либо иной писатель, былъ общедоступенъ, былъ всѣмъ понятенъ отъ малаго ребенка и до вполнѣ зрѣлаго, искушеннаго жизнью человѣка.

Но что же говорила всѣмъ эта общедоступная и общепонятная басня Крылова? Почему она всѣмъ имъ нравилась? Почему такъ приходилась по-нутру? Кого такъ удовлетворяли эти идеалы, эти воззрѣнія и мнѣнія, что слава Крылова возросла въ короткое время до громадныхъ размѣровъ и получила распространеніе по всей Россіи? **Мораль басенъ Крылова.**

Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, необходимо сказать два слова о той внѣшней формѣ, которую Крыловъ усвоилъ своимъ баснямъ. Объемомъ ихъ онъ не стѣснялся, и разсказъ объ извѣстномъ событіи или явленіи онъ излагалъ то совсѣмъ кратко, въ самыхъ общихъ чертахъ, то растягивалъ и расширялъ въ большую фабулу, украшенную всякими бытовыми подробностями и послѣдовательно-изложенными эпизодами. Очевидно, что въ изложеніи этой части басни Крыловъ не руководствовался никакими строго-обдуманными и строго-опредѣленными правилами, а отдавался вполнѣ на произволъ своего настроенія.

Не то видимъ въ его отношеніи къ такъ-называемой „морали“ или *нравоученію*,—выводу басни; онъ строго обдумывалъ ее, строго соразмѣрялъ съ объемомъ самой басни и иногда ставилъ ее въ началѣ какъ сентенцію, подтверждаемую баснею, а иногда—въ концѣ, какъ выводъ. По временамъ онъ достигалъ даже удивительнаго лаконизма, замѣняя мораль однимъ намекомъ—одною ссылкою на дѣйствительность.

«Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
— Ну, такъ и кажется, что—быть ему въ «раю».

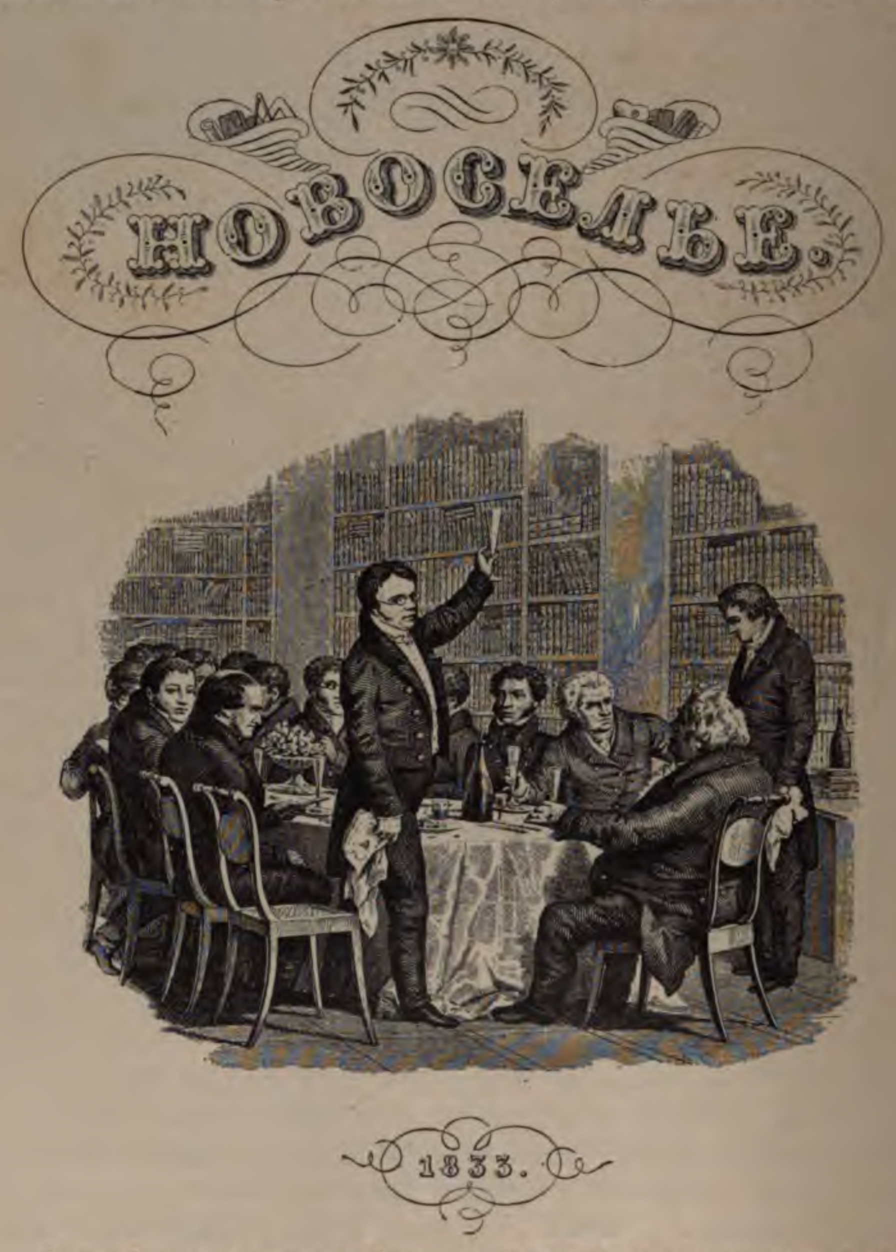
Или еще:

«Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?»

И этимъ все сказано!

Были и такіе наивные люди, которые осуждали вообще мораль басенъ Крылова: находили ее то неутѣшительною, то не достаточно-назидательною—какъ будто Крыловъ принялъ на себя обязательство составить сборникъ нравственныхъ разсказовъ и нравоучительныхъ притчей для юношества. Само собою разумѣется, что никакими подобными цѣлями Крыловъ никогда не

задавался и писалъ всегда только то, что ему въ извѣстную данную минуту хотѣлось написать подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ или высказать по извѣстному поводу. Изъ басенъ своихъ онъ выводилъ извѣстнаго рода выводы, а иногда, наоборотъ, строилъ всю свою басню на готовомъ житейскомъ правилѣ, но, при этомъ, онъ, кажется, менѣе всего заботился о томъ, чтобъ эта басенная мораль подчинялась какой-нибудь системѣ или общей, предвзятой идеѣ: онъ предоставлялъ себѣ полную свободу подводить къ своей баснѣ тотъ нравственный итогъ, который могъ быть изъ



Титульный листъ къ альманаху «Новоселье». И. А. Крыловъ на литературномъ обѣдѣ.

нея выведенъ, и нимало не тревожился о томъ, что̀ скажутъ современники или послѣдующее поколѣніе о его выводахъ. Онъ прямо, не обинуясь, задаетъ себѣ на разрѣшеніе и такіе вопросы, которые, казалось бы, и до него давно уже разрѣшены въ извѣстномъ опредѣленномъ смыслѣ:

„Полезно ль просвѣщеніе?“ — спрашиваетъ Крыловъ; и рѣшаетъ этотъ вопросъ не прямымъ утвержденіемъ, а условнымъ:

Кабинетъ И. А. Крылова.

«Полезно, слова нѣтъ о томъ,
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье.
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславье не навлечь имъ, вмѣсто славы».

Близкое къ этому и тоже условное рѣшеніе вопроса о просвѣщеніи видимъ и въ другой баснѣ:

«Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
По дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину,

И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою».

Таковъ его взглядъ на просвѣщеніе и науку, высказанный открыто и безъ стѣсненія, безъ оговорокъ; а вотъ и его взглядъ на свободу:

«Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана».

Таковъ его взглядъ на два величайшія блага, какими дано пользоваться человѣчеству!.. А какъ смотритъ онъ на зло, на бѣдствія общественныя, на пороки людскіе? Опять-таки, какъ сторонній наблюдатель — съ насмѣшкой, съ презрительной улыбкою, съ такимъ равнодушнымъ покачиваніемъ головы и пожатіемъ плечъ, съ какимъ люди привыкли относиться къ явленіямъ жизни обыденнымъ и неизбѣжнымъ: къ неблагодарности, къ клеветѣ, къ безучастію въ чужомъ горѣ и т. п. И если мы отдѣлимъ всѣ эти нравственные выводы басенъ Крылова отъ ихъ разсказа (отъ самаго изложенія басни), то получимъ довольно ясное представленіе о нравственномъ обликѣ нашего баснописца — этого умнѣйшаго знатока человѣческаго сердца и этого типическаго консерватора, не столько по убѣжденію въ томъ, что прогрессъ вреденъ или опасенъ, сколько по опасенію, что онъ можетъ и долженъ вывести насъ изъ состоянія пріятной лѣни и спокойнаго застоя. Въ этомъ отношеніи Крыловъ является намъ прямымъ и вполнѣ послѣдовательнымъ представителемъ той огромной массы русскаго народа, которой еще только слегка коснулось просвѣщеніе: она не избалована благами жизни, но считаетъ несчастіемъ уже и самую возможность утратить то, что имѣетъ и чѣмъ пользуется... „А будетъ-ли лучше? А что если хуже будетъ?.. Нѣтъ, уже лучше пусть хоть такъ останется!“ — и эта философія „здраваго смысла толпы“ проглядываетъ въ каждой строкѣ басенъ Крылова. Нигдѣ ни порицанія, ни живого отголоска возмущенной души, ни воззванія къ лучшимъ ея чувствамъ: одна только лукавая улыбочка, да благоразумное предостереженіе, въ родѣ знаменитаго: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не зѣвалъ...“

Критика о Крыловѣ. „Переходъ отъ многихъ отрицаній, выраженныхъ Крыловымъ, къ общему утвержденію, теменъ и затруднителенъ, — говоритъ г. Галаховъ въ общемъ выводѣ о басняхъ Крылова: — идеалъ даетъ себя знать всегда и повсюду, больше или меньше проникаетъ каждое поэтическое созданіе; его нельзя скрыть: онъ обнаруживается такъ или иначе — подборомъ ли предметовъ, ха-

рактеромъ ли нравоученій, или вспышкой лирической, причемъ самъ авторъ выдвинется изъ-за своей работы. Ничего подобнаго у Крылова нѣтъ. Большинство его басенъ какъ бы говоритъ за него: „моя хата съ краю, ничего не знаю". Тотъ ошибется, конечно, кто на слово повѣритъ этой пословицѣ. Напротивъ, Крыловъ *очень хорошо зналъ*; но отъ знанія дѣла до сочувствія къ дѣлу далеко; еще дальше до участія въ дѣлѣ, а самое большое разстояніе до инициативы въ немъ. Безстрастіе было отличительнымъ свойствомъ его духовной природы: въ покоѣ безстрастія заключался его идеалъ".

Почти то же говорилъ о Крыловѣ одинъ изъ современниковъ, близко его наблюдавшій [1]). „Природа надѣлила его всѣми талантами,—говоритъ современникъ.—Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня... Вездѣ умъ—нигдѣ не проглянетъ чувство. Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ; никогда не вспоминалъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный, какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ..."

Въ заключеніе того, что выше высказано нами о Крыловѣ, о его литературной дѣятельности и о соотношеніи этой дѣятельности съ его нравственною природою, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ его басенъ, о ихъ стихотворномъ складѣ и, наконецъ, о томъ изумительномъ языкѣ его басенъ, который представляетъ въ высшей степени поучительную и замѣчательную переходную ступень въ исторіи развитія нашего литературнаго языка. Съ самаго ранняго дѣтства поставленный судьбою близко къ народу, онъ и впослѣдствіи имѣлъ возможность близко наблюдать его бытъ, всматриваться во всѣ подробности и вслушиваться во всѣ оттѣнки его рѣчи, которые превосходно усваивалъ себѣ при помощи своей необычайной памяти и блестящихъ способностей. Поэтому даже и въ первыхъ, юношескихъ своихъ произведеніяхъ, онъ уже безъ всякой натяжки заставляетъ говорить „лицо изъ народа" чистымъ и правильнымъ народнымъ говоромъ. Близкое знакомство съ языкомъ народнымъ высказалось и въ его сатирическихъ журнальныхъ статьяхъ, которыя написаны очень живо, рѣзко и хлестко. Замѣчательно, что даже и въ эту пору онъ никогда не употреблялъ въ своей рѣчи иностранныхъ словъ, очень ловко ихъ избѣгая и искусно умѣя обойтись своимъ личнымъ запасомъ. Въ этомъ нельзя даже не

Языкъ Крылова.

---

[1]) Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

видѣть нѣкоторой предвзятой мысли, и дальнѣйшая дѣятельность Крылова, какъ постояннаго члена „Бесѣды любителей русскаго слова", оправдываетъ наше предположеніе. Видно, что уже въ раннюю пору своей литературной дѣятельности онъ былъ противникомъ новаго Карамзинскаго языка и слога [1]). Это еще яснѣе выразилось въ періодъ его дѣятельности, какъ баснописца, когда онъ успѣлъ уже выработать себѣ свой особый, въ высшей степени своеобразный языкъ, въ которомъ онъ чрезвычайно ловко сумѣлъ выдержать середину между старымъ и новымъ слогомъ, сумѣлъ внести въ литературную рѣчь массу новыхъ словъ изъ

Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ И. А. Крыловъ (на Вас. Остр., по І-й линіи).

языка народнаго, такихъ, которыя до него никто не рѣшался въ литературный языкъ ввести и которыя Крыловъ ему окончательно и навсегда усвоилъ. И все это онъ сумѣлъ выполнить чрезвычайно искусно — сумѣлъ слить разнородные составные элементы своей рѣчи воедино, безъ малѣйшаго насилія [2]). Но, пристально вглядываясь въ работу этого геніальнаго писателя надъ его ли-

[1]) Припомнимъ помѣщенную Крыловымъ похвальную рѣчь Ермолафиду, говоренную въ собраніи молодыхъ писателей. Извѣстно, кого разумѣлъ Крыловъ подъ этимъ вымышленнымъ названіемъ.

[2]) Онъ самъ осмѣялъ въ своей баснѣ «Парнасъ» насильственно составленныя слова «бесѣдчиковъ» и чиновъ Россійской Академіи, въ родѣ: «Красно-хитро-сплетенно слово» и др.

тературной рѣчью, мы можемъ почти осязать тѣ составныя части, изъ которыхъ онъ создавалъ свой языкъ, и различить въ немъ, въ видѣ наслоеній, старую основу литературнаго языка XVIII вѣка, новый наплывъ словъ, вступившихъ въ нашъ языкъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, элементъ народный, внесенный самимъ Крыловымъ, и наконецъ,—элементъ личный, имъ

Надгробные памятники Крылова и Гнѣдича на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

выработанный, видоизмѣненный, примѣненный къ дѣлу извѣстнымъ образомъ, освѣщенный и осмысленный чрезвычайно своеобразно. Съ этой именно стороны—со стороны своего пестраго и разнороднаго состава—языкъ Крылова заслуживаетъ особаго изслѣдованія и еще ждетъ спеціальной разработки [1]).

[1]) По личному педагогическому опыту, мы знаемъ, что Крыловъ не вполнѣ доступенъ не только дѣтскому, но даже и юношескому возрасту, со стороны особенностей своего языка. Для объясненія многихъ фразъ этого языка необходимо знакомство со словаремъ Россійской Академіи и спеціальной комментаріи.

Чрезвычайно оригиналенъ по своему складу и тотъ видъ вольнаго стиха съ произвольнымъ количествомъ слоговъ, который Крыловъ примѣняетъ къ своимъ баснямъ. Стихъ у него не всегда гладокъ, мѣстами грубоватъ для слуха; но онъ всегда и вездѣ поставленъ въ соотвѣтствіи съ простою разговорною рѣчью и придаетъ баснѣ характеръ разсказа, написаннаго мѣрнымъ складомъ.

Вліяніе псевдо-классическое. Басни Крылова, при всей своей однородности, сохранили, однакоже, на себѣ весьма опредѣленный характеръ произведеній человѣка, воспитавшагося и выросшаго подъ вліяніемъ традицій псевдо-классицизма. Огромное обиліе миѳологическихъ именъ, второстепеннаго, даже третьестепеннаго значенія, связь многихъ басенъ съ вѣрованьями классическаго міра или нравами и обычаями какого-то неопредѣленнаго Востока, который часто служилъ псевдо-классицизму замѣною иносказанія — все это такія приправы, безъ которыхъ баснописецъ, конечно, могъ бы обойтись, но которыя онъ вносилъ въ свои произведенія по навыку старой школы. Можетъ-быть, тѣмъ же вліяніемъ слѣдуетъ объяснить нѣкоторое безвкусіе въ постройкѣ самихъ басенъ, иногда некстати переполненныхъ эпизодическими вставками, иногда страдающихъ непослѣдовательностью вывода, неловкостью сравненій и излишествомъ украшеній. Но зато большинство басенъ, заимствованныхъ изъ живой среды народа, основанныхъ на характерныхъ чертахъ его быта, такія, какъ „*Крестьянинъ въ бѣдѣ*“, какъ „*Демьянова уха*“, какъ „*Три мужика*“, какъ „*Мельникъ*“ и т. д.— представляютъ собою совершеннѣйшія въ своемъ родѣ произведенія, высоко-художественныя, изобличающія въ авторѣ отличнаго знатока основныхъ чертъ характера русскаго народа и тонкаго ихъ наблюдателя.

Въ заключеніе этой главы позволимъ себѣ привести здѣсь одно изъ шуточныхъ, случайныхъ стихотвореній Крылова, которое прекрасно передаетъ намъ неистощимый юморъ этого вполнѣ русскаго человѣка, который ко всякому случаю умѣлъ подыскать свое умное и подходящее слово.

Крыловъ при Дворѣ. Въ 1836 году Крылову пришлось участвовать въ придворномъ маскарадѣ въ костюмѣ боярина-кравчаго. Праздникъ былъ устроенъ по англійскому образцу; тотъ, кому достался кусокъ пирога съ запеченнымъ въ него бобомъ, избирался царемъ праздника. Къ этому-то „царю-бобу“ Крыловъ и обратился со своимъ стихотворнымъ привѣтствіемъ;

«По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь дозволь;
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась, выслушать изволь.

Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я аппетита,
Чтобъ на̀-день разъ хоть пять ты кушалъ бы до-сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ,—
Вотъ жить здороваго манера.
Съ ней къ го̀ду—за то̀ я, кравчій твой, берусь—
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ! Не бери ты съ тѣхъ царей примѣра,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ, и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой работой пополамъ;
И бѣднымъ кравчимъ, намъ,
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло!
Нѣтъ! не того бы мнѣ хотѣлось:
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло» [1]).

Крыловъ, какъ жилъ спокойно всю вторую половину своей жизни, такъ же спокойно и окончилъ ее, окруженный почетнымъ уваженіемъ, и не только обезпеченный, но почти богатый [2]). Въ 1838 году былъ отпразднованъ съ Высочайшаго разрѣшенія пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности; по этому случаю была даже выбита медаль съ его портретомъ и повсемѣстно открыта подписка на учрежденіе Крыловской стипендіи. **Кончина и памятникъ Крылова.**

По выходѣ въ отставку въ 1841 г., онъ доживалъ послѣдніе годы жизни, спокойный и независимый, необремененный никакими заботами — даже заботами о своей славѣ, которая и безъ всякихъ усилій съ его стороны, вѣнчала его даже и при жизни тѣми лаврами, которые другимъ знаменитымъ русскимъ писателямъ доставались на долю лишь послѣ смерти. Онъ скончался въ 1844 г. на 76-мъ году жизни, послѣ кратковременной болѣзни, и похороненъ былъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ со своимъ пріятелемъ Гнѣдичемъ—единственнымъ человѣкомъ, къ которому онъ былъ довольно близокъ при жизни.

Любопытно, что памятникъ, въ 1855 г. воздвигнутый Крылову въ Лѣтнемъ саду, на площадкѣ, которая служитъ любимымъ мѣстомъ дѣтскихъ игръ, былъ первымъ памятникомъ рус-

[1]) Воспользовавшись тѣмъ, что это шуточное стихотвореніе понравилось государю, Крыловъ тутъ же попросилъ у него дозволеніе прочесть ему свою басню „*Вельможа*“ и получилъ разрѣшеніе на ея напечатанье.

[2]) Въ послѣдніе три года жизни Крыловъ получалъ 11,750 руб. с. одной пенсіи въ годъ, кромѣ весьма значительныхъ доходовъ отъ продажи его сочиненій.

скому писателю, достойнымъ своего назначенія. Талантливый скульпторъ, баронъ П. Клодтъ, которому поручено было выполненіе такой трудной задачи, какъ памятникъ одному изъ попу-

Памятникъ И. А. Крылову въ Лѣтнемъ саду, въ С.-Петербургѣ.

лярнѣйшихъ нашихъ писателей, превзошелъ всѣ ожиданія своимъ прекраснымъ произведеніемъ. Онъ, первый изъ русскихъ художниковъ, рѣшился отступить отъ тяготѣвшихъ надъ нашимъ искусствомъ классическихъ традицій и не представилъ намъ Крылова ни въ туникѣ, ни въ тогѣ, ни съ лирою въ рукахъ, ни съ иными мудреными атрибутами художественной древности. Онъ просто и прямо пошелъ къ цѣли: изобразилъ Крылова въ его обычномъ просторномъ домашнемъ платьѣ, въ самой естественной позѣ, а на массивномъ и объемистомъ пьедесталѣ памятника помѣстилъ цѣлую вереницу живыхъ и художественно выполненныхъ сценъ изъ того животнаго царства, которое доставило Крылову такъ много готовыхъ сюжетовъ для его басенъ.

Этотъ прекрасный памятникъ явился въ такой же степени первымъ народнымъ памятникомъ русскому писателю, въ какой и самъ Крыловъ, въ своихъ басняхъ, первымъ вполнѣ народнымъ русскимъ писателемъ.

Два снимка съ миніатюрнаго изданія басенъ Крылова, изготовленнаго Экспедиціею Заготовленія Государственныхъ бумагъ къ его юбилею.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

А. С. Грибоѣдовъ. — Его особое, уединенное положеніе въ литературѣ. — Рѣдкій типъ писателя. — Увлеченіе театромъ и близкій ему кружокъ. — Первоначальные наброски «Горя отъ ума».—Литературная дѣятельность для сцены.—Дальнѣйшія работы надъ комедіей.—Увлеченіе политикой.—Послѣдніе годы жизни и преждевременная гибель.—Разборъ комедіи Грибоѣдова и ея значеніе въ исторіи нашей словесности.

Въ исторіи словесности каждаго народа встрѣчаются типы чрезвычайно разнообразныхъ литературныхъ талантовъ. Въ то время, когда всѣ живутъ кругомъ, живутъ одною жизнью, увлекаются однимъ общимъ теченіемъ, поклоняются однимъ общимъ кумирамъ, руководятся принципами, которые всѣми принимаются за непогрѣшимые, группируются около одного или нѣсколькихъ общепризнанныхъ вожаковъ или патріарховъ,—находятся и такіе писатели, которые стоятъ отъ всѣхъ въ сторонѣ, особнякомъ, создаютъ свои произведенія вполнѣ самостоятельно, отвергая всякія традиціи и пренебрегая всѣми установленными правилами и, къ удивленію всѣхъ своихъ современниковъ, добиваются громкой славы, иногда переживающей не одно поколѣніе. Случается даже, что такіе своеобразные таланты выливаются всецѣло въ одномъ произведеніи, которое возбуждаетъ во всѣхъ современникахъ удивленіе и преувеличенныя надежды и ожиданія; но жизнь отвлекаетъ автора въ сторону другихъ запросовъ и потребностей, и произведеніе остается одинокимъ памятникомъ необычайной силы дарованія, которое не шло обычнымъ и медленнымъ путемъ постепеннаго развитія, а вспыхнуло яркимъ пламенемъ и какъ бы все разомъ вылилось въ одномъ произведеніи...

Такимъ именно своеобразнымъ талантомъ въ нашей исторіи словесности является намъ *Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ* (род. 1795 г., ум. 1829 г.) со своей удивительной, нестарѣющей комедіей *„Горе отъ ума“*.

Вспоминая о Грибоѣдовѣ, не слѣдуетъ забывать, что онъ жилъ и создалъ свою комедію въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ нашей литературы, въ то время, когда гремѣлъ славою Жуковскій, и около него цѣлою плеядою группировалось поколѣніе молодыхъ писателей и поэтовъ, когда Пушкинъ ослѣпительно яркимъ свѣтиломъ поднялся надъ нашимъ литературнымъ горизонтомъ, когда интересы литературные сдѣлались насущнѣйшими интересами значительной доли русскаго образованнаго общества. Эти интересы сводили и разводили людей, собирали ихъ въ тѣсные дружескіе кружки или разъединяли ихъ на враждебные лагери... Время было именно такое, что необходимо было непремѣнно принадлежать къ которому-нибудь изъ этихъ круж-

ковъ, чтобы пользоваться хоть какимъ-нибудь значеніемъ въ литературѣ; надо было непремѣнно признавать чей-нибудь авторитетъ (хотя бы даже авторитетъ Шишкова), чтобы заявить о себѣ, какъ о членѣ общей литературной семьи, чтобы попасть въ списки „Парнасскаго Адресъ-Календаря"...

И что же мы видимъ? Совсѣмъ въ сторонѣ отъ всякихъ литературныхъ кружковъ, въ небольшомъ кружкѣ любителей театра и общества, актеровъ и актрисъ, является блестящій молодой человѣкъ, который занимается больше шалостями и любовными шашнями, нежели дѣломъ, ставитъ на сцену двѣ-три плохія пьески, вызванныя скорѣе желаніемъ угодить актрисѣ, за которою онъ ухаживаетъ, нежели потребностью писать,—и въ то же время всѣхъ поражаетъ своимъ замѣчательнымъ умомъ, своею талантливостью, своею образованностью, своимъ сильно развитымъ изящнымъ вкусомъ. Онъ непрерывно кружится въ какомъ-то вихрѣ, въ которомъ выказываетъ, однакоже, самостоятельный характеръ, силу воли и—прежде всего—страстное стремленіе къ независимости. Ни передъ кѣмъ не преклоняясь, ни у кого не заискивая, не выходя изъ весьма ограниченныхъ предѣловъ кружка близкихъ къ нему людей, не пользующихся никакимъ авторитетомъ въ литературѣ, онъ вдругъ, ни для кого нежданно, выступаетъ съ такимъ произведеніемъ, которое всѣхъ озадачиваетъ своею оригинальностью, новизною тэмы и даже новизною обработки этой тэмы, возбуждаетъ въ литературѣ массу толковъ и пересудовъ, производитъ переполохъ, сразу занявъ высокое положеніе среди лучшихъ представителей пера—и вдругъ такъ же быстро сходитъ съ литературной сцены, не оправдавъ ничьихъ надеждъ...

Грибоѣдовъ и Пушкинъ.

Не слѣдуетъ забывать, что Грибоѣдовъ былъ всего на четыре года старше Пушкина, что онъ выступилъ на литературное поприще со своею комедіею „Горе отъ ума" въ то время, когда Пушкинъ уже пользовался громкою, заслуженною славою и успѣлъ выказать лучшія стороны своего таланта въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ произведеній—и все же Грибоѣдовъ, вдругъ выдвинувшись, становится съ нимъ рядомъ, какъ вполнѣ самостоятельный мастеръ... А его комедія и до нашего времени сохраняетъ за собою такую свѣжесть, такую жизненность и правду въ выведенныхъ авторомъ на сцену типахъ и положеніяхъ, въ своемъ языкѣ и способѣ выраженій, что можетъ, пожалуй, въ этомъ отношеніи, смѣло стать на ряду съ лучшими произведеніями Пушкина.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ разбору произведенія, прославившаго имя Грибоѣдова, мы должны будемъ ознакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми подробностями біографіи этого писателя, такъ какъ очень многія черты его личности и жизни

нашли себѣ прямое отраженіе въ его произведеніи... Этотъ личный, чисто-субъективный характеръ комедіи слышится и чувствуется въ ней почти на всемъ ея пространствѣ, отъ начала и до конца; въ отдѣльныхъ сценахъ, какъ и въ отдѣльныхъ характерахъ, точно такъ же какъ и въ характерѣ главнаго дѣйствующаго лица, явно внесены нѣкоторыя черты личнаго характера автора.

А. С. Грибоѣдовъ, портретъ, приложенный къ первому изданію его комедіи.

Біографія Грибоѣдова.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ происходилъ не изъ очень стараго дворянскаго (и притомъ дьяческаго) рода [1]). Притомъ Грибоѣдовы не были и богаты, а между тѣмъ состояли въ родствѣ и свойствѣ съ Одоевскими, Разумовскими, Тиньковыми, Акинѳіевыми и Паскевичами. Родился А. С. Грибоѣдовъ 4 января 1795 года, въ Москвѣ, гдѣ и до сихъ поръ сохранился въ почти неизмѣненномъ видѣ старый барскій домъ Грибоѣдовыхъ [2]).

[1]) Извѣстный намъ дьякъ Ѳеодоръ Грибоѣдовъ приходился Александру Сергѣевичу прапрадѣдомъ.

[2]) На углу Новинскаго и Большого Девятинскаго переулка, на двѣ улицы; двухэтажный: нижній этажъ каменный, верхній—деревянный, оштукатуренный. Теперь принадлежитъ В. П. Ускову.

О его отцѣ, секундъ-маіорѣ Сергѣѣ Ивановичѣ Грибоѣдовѣ, мы не имѣемъ никакого понятія; но о его матери, Настасьѣ Ѳедоровнѣ, знаемъ, что она была женщина очень гордая, властная и честолюбивая; знаемъ, что ея сынъ уже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ не могъ никакъ выбиться изъ-подъ ея опеки, и что она, какъ мы увидимъ далѣе, была до нѣкоторой степени виновницею рокового перелома въ жизни сына.

Несомнѣнною заслугою матери было то, что она прилагала постоянныя и тщательныя заботы къ воспитанію сына, причемъ, однакоже, имѣла, главнымъ образомъ, въ виду—сдѣлать изъ него

Домъ (бывшій) Грибоѣдовыхъ на углу Новинскаго и Большого Девятнинскаго переулковъ, въ Москвѣ.

блестящаго свѣтскаго молодого человѣка, но никакъ не писателя или ученаго. Надъ его первыми юношескими стихотворными опытами она постоянно смѣялась и отзывалась о нихъ съ пренебреженіемъ, да и потомъ не очень цѣнила его литературныя заслуги, жаждая для него блестящей служебной карьеры—чиновъ и отличій.

Однакоже, Александру Сергѣевичу такъ посчастливилось въ воспитателяхъ, что онъ уже очень рано, при домашней подготовкѣ, успѣлъ вполнѣ овладѣть двумя новѣйшими языками, хорошо зналъ латынь и читалъ въ подлинникахъ римскихъ классиковъ. Не забыта была и другая сторона воспитанія—изящный

и тонко-развитой юноша былъ отличнымъ знатокомъ музыки, прекрасно игралъ на фортепьяно [1]) и даже сочинялъ небольшія музыкальныя пьесы. Музыку Грибоѣдовъ не разлюбилъ до конца жизни и развлекался ею въ самыя тяжкія минуты и въ періоды самой мрачной хандры, которая порою на него находила и жестоко его мучила.

Въ 1811 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ на такъ-называемое этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета (по-просту: на юридическій факультетъ) и слушалъ тамъ профессоровъ: Гейма, Буле, Сохацкаго, Рейхарда, Шлецера-сына и Спѣшнева... Но громы Отечественной войны отвлекли 16-ти-лѣтняго юношу отъ лекцій и учебниковъ: онъ поспѣшилъ выдержать экзаменъ на степень кандидата и поступилъ корнетомъ въ Салтыковскій гусарскій полкъ, а въ 1813 году мы видимъ его уже въ Брестъ-Литовскѣ въ Иркутскомъ гусарскомъ полку.

На войну Грибоѣдову не удалось попасть; но зато пришлось пройти черезъ всю неприглядную школу тогдашней гусарской жизни, такой именно, какъ ее описываетъ Денисъ Давыдовъ въ своихъ поэтическихъ воспоминаніяхъ, и потому мы не удивляемся, что Грибоѣдовъ не могъ вспомнить о своемъ гусарствѣ безъ содроганія: „пробывъ всего четыре мѣсяца въ этой дружинѣ (такъ пишетъ онъ пріятелю), цѣлыхъ четыре года потомъ не могъ я попасть на путь истинный...“ Единственнымъ добрымъ воспоминаніемъ объ этомъ времени осталось у Грибоѣдова завязанное имъ здѣсь знакомство съ С. Н. Бѣгичевымъ, съ которымъ онъ до конца жизни былъ связанъ тѣсною дружбою, и еще сближеніе съ извѣстнымъ писателемъ для сцены, княземъ А. А. Шаховскимъ, также служившимъ тогда въ военной службѣ. Къ этому же времени относится и первый печатный опытъ пера Грибоѣдова— описаніе въ прозѣ и стихахъ какого-то военнаго праздника, отправленное къ издателю „Вѣстника Европы“, вмѣстѣ съ деньгами, собранными на этомъ праздникѣ въ пользу московскихъ жителей, пострадавшихъ при пожарѣ Москвы [2]).

Первыя пьесы. Въ слѣдующемъ (1815) году видимъ Грибоѣдова въ Петербургѣ, куда онъ, вѣроятно, пріѣхалъ для того, чтобы перейти изъ военной службы въ статскую. Здѣсь, въ столицѣ, онъ сошелся съ Н. И. Гречемъ и съ кружкомъ лицъ, близко стоявшихъ къ театру и сценѣ, къ которой Грибоѣдовъ давно уже ощущалъ

---

[1]) Сестра его была даже замѣчательною и весьма извѣстною виртуозкою.

[2]) Издатель «Вѣстника Европы» прибавилъ въ выноскѣ къ этой статьѣ любопытное примѣчаніе: «Мы ничего почти не переправили ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Впрочемъ, нельзя читателямъ требовать отъ Марсовыхъ дѣтей того, что мы требуемъ отъ Аполлоновыхъ въ условіи ихъ искусства».

сильное влеченіе [1]). Лица эти были: Катенинъ, Н. И. Хмѣльницкій и Жандръ, и всѣ они вскорѣ изъ знакомыхъ и товарищей Грибоѣдова, обратились въ его сотрудниковъ по тѣмъ пьесамъ, которыя онъ принялся ставить на сцену одна за другою. Такъ, въ 1815 г. была поставлена на сцену первая комедія Грибоѣдова—„*Молодые супруги*“, въ слѣдующемъ—„*Притворная невѣрность*“, переведенная Грибоѣдовымъ и Жандромъ, а затѣмъ—„*Своя семья*“ Шаховского, въ которой Грибоѣдову также принадлежатъ нѣ-

Горе отъ ума.

Астографъ Грибоѣдова на переписанномъ экземплярѣ его комедіи, который хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

сколько сценъ. При этомъ онъ велъ такую разсѣянную и шумную свѣтскую жизнь, такъ увлекался всякими развлеченіями и приключеніями, что мы рѣшительно не знаемъ, когда онъ успѣвалъ бывать въ засѣданіяхъ масонской ложи „Астрея“, гдѣ онъ значился однимъ изъ членовъ [2])... Несомнѣнно, однакожъ, что Грибоѣдовъ успѣвалъ и въ это время много читать и много думать, и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ литературныхъ кружковъ, съ одной стороны, своею очень умною и рѣзкою статьею въ защиту Катенинскаго перевода „Леноры“ Бюргера, а съ другой—колкими

[1]) Уже въ началѣ 1812 г. Грибоѣдовъ прочелъ своему бывшему воспитателю Іону начало какой-то комедіи—будто бы первоначальный остовъ «Горя отъ ума».

[2]) Оказывается, что онъ въ это время успѣвалъ даже учиться по-гречески.

эпиграмами, направленными противъ Загоскина [1]) и противъ полемики, возбужденной пьесою Шаховского „Липецкія воды". Послѣднюю изъ этихъ эпиграммъ приводимъ здѣсь, чтобы показать, какъ ловко, уже въ это время, Грибоѣдовъ владѣлъ стихомъ и какъ онъ относился къ литературной распрѣ, раздѣлившей всѣхъ рыцарей пера на два враждебные лагеря:

«На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью».

Понятно, что такое спокойное отношеніе ко всей этой распрѣ, которая въ молодомъ кружкѣ вызвала цѣлую бурю и сплотила всѣ лучшія литературныя силы около Жуковскаго—не могло сблизить Грибоѣдова съ *арзамасцами*, и при всей своей наклонности (въ это время) ко всякимъ шалостямъ, онъ не почувствовалъ въ себѣ ни малѣйшаго расположенія къ участію въ шалостяхъ арзамасскихъ. Въ этомъ же, такъ сказать, нейтральномъ отношеніи Грибоѣдова къ литературнымъ партіямъ слѣдуетъ, вѣроятно, искать объясненія и той холодности, съ которою Грибоѣдовъ встрѣтилъ Пушкина — своего товарища по службѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, куда онъ поступилъ въ 1817 году, конечно, по настояніямъ матери. Эта холодность и сухость отношеній между обоими писателями сохранилась и впослѣдствіи, хотя имъ не разъ случалось встрѣчаться въ жизни; но, ради справедливости, мы должны замѣтить, что Грибоѣдовъ относился къ Пушкину гораздо безпристрастнѣе, нежели Пушкинъ впослѣдствіи отнесся къ главному произведенію Грибоѣдова.

Поступленіе въ миссію. Поступленіе на службу нисколько не отвлекло Грибоѣдова отъ той пустой свѣтской жизни, которую онъ продолжалъ вести; при этой жизни здоровье, силы, время и деньги не принимались вовсе въ расчетъ, и она, конечно, не могла способствовать развитію его поэтическаго дара... Однакоже, несчастная дуэль между двумя пріятелями Грибоѣдова, которая окончилась очень трагически, образумила вѣтренаго юношу; онъ сознавалъ себя невольнымъ виновникомъ смерти своего пріятеля и очень мучился угрызеніями совѣсти. Этотъ случай заставилъ его одуматься, отвлекъ отъ свѣтской жизни и вынудилъ искать уединенія — въ удаленіи изъ

[1]) Эпиграмма на Загоскина написана въ видѣ обычнаго речитатива раешника и озаглавлена: «Лубочный театръ».

Петербурга. Въ 1818 году ему предложено было мѣсто переводчика при нашемъ повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи, и Грибоѣдовъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы уѣхать изъ Петербурга, хотя это ему было не легко. Съ дороги онъ недаромъ пишетъ С. Н. Бѣгичеву: „Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысль все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь, когда оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было и всего жаль...“

Тѣмъ же оттѣнкомъ глубокой грусти и разочарованія звучатъ строки его стихотворенія („Прости, отечество“), написаннаго, кажется, тотчасъ по пріѣздѣ на Кавказъ.

«Не наслажденье жизни цѣль,
Не утѣшенье наша жизнь.
О, не обманывайся, сердце!
О, призраки, не увлекайте!..
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно;
Когда же въ уголокъ проникъ
Свѣтъ счастья на единый мигъ—
Какъ неожиданно, какъ дивно!

* * *

Но скоро бросишь кисть и прочь
Бѣжишь отъ радужной палитры.
Мы молоды и вѣримъ въ рай,
И гонимся и вслѣдъ, и вдаль
За слабо брезжущимъ видѣньемъ...
Постойте. Нѣтъ его, угасло!
Обмануты, утомлены.
И что жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры были,
Ногой отмѣрили пять стопъ,
Соорудили темный гробъ
И въ немъ живыхъ себя зарыли.

* * *

Премудрость! Вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,—
Отвагу, дружбу, честь, любовь.
Займемся былью стародавней,— [1]
Какъ люди весело шли въ бой,
Когда плѣняло ихъ собой
Чтò такъ обманчиво и славно».

---

[1]) Въ этихъ словахъ есть существенная біографическая черта: Грибоѣдовъ около этого времени весьма охотно занимался Русской Исторіей. Даже въ дорогу съ собой взялъ «Дѣянія Голикова» и другія книги по исторіи Петра Великаго.

И въ этомъ стихотвореніи, и въ письмахъ къ друзьямъ за это время, звучитъ грустная нота сознанія, что времени потеряно много, что много силъ растрачено на пустяки, а между тѣмъ еще ничего не сдѣлано для удовлетворенія своего самолюбія, своихъ мечтаній о литературной дѣятельности—о славѣ.

Онъ прямо говорилъ, противополагая Москвѣ Петербургъ, что въ Петербургѣ у него „по крайней мѣрѣ, есть люди, которые, не знаю, на столько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой я хочу, чтобы на меня смотрѣли..." И тутъ же высказываетъ желаніе остепениться, взять себя въ руки — выработать изъ себя человѣка, способнаго приносить пользу не только близкимъ, но и ближнимъ.

Дѣйствительно, удаленіе отъ свѣта и то глубокое уединеніе, въ которомъ Грибоѣдову пришлось провести нѣсколько лѣтъ, послужили ему въ пользу. Несмотря на то, что онъ долженъ былъ посвятить значительную долю времени на изученіе восточныхъ языковъ, несмотря и на многосложность своихъ занятій по новой должности, Грибоѣдовъ успѣлъ, однакоже, въ своемъ далекомъ уединеніи настолько окрѣпнуть духомъ и сосредоточиться, что имѣлъ возможность глубоко обдумать и планъ, и подробности произведенія, которое впослѣдствіи доставило ему неувядаемую славу.

Это произведеніе имѣетъ свою исторію, заслуживающую вниманія. Оно не сразу вылилось изъ-подъ пера автора—не сразу и сложилось въ головѣ его, и этимъ именно отличается отъ всѣхъ скороспѣлыхъ произведеній перваго періода литературной дѣятельности Грибоѣдова, о которыхъ желчный сатирикъ и соперникъ его, А. А. Писаревъ, выразился въ извѣстной эпиграммѣ:

«Какъ Грибоѣдова забыть?
Сатирикъ, трагикъ, лирикъ!
Его не нужно намъ хвалить—
Онъ самъ свой панегирикъ.
... Онъ старымъ слогомъ намъ прочелъ
«*Супружескую вѣрность*»
И преневѣрно перевелъ
«Притворную невѣрность» и т. д.

„Горе отъ ума". Первыя, самыя раннія (изъ достовѣрныхъ) свѣдѣнія о „*Горѣ отъ ума*" относятся еще къ концу 1816 года; а именно С. Н. Бѣгичевъ, другъ Грибоѣдова, пользовавшійся его полною довѣренностью, утверждаетъ, будто бы первая мысль о комедіи „*Горе отъ ума*" явилась у Грибоѣдова въ этомъ году и тогда же написано было нѣсколько сценъ, въ которыхъ обрисовано было лицо, позднѣе вовсе выпущенное изъ комедіи: это лицо — жена Фаму-

сова, мать Софьи, изображенная сентиментальною и суетною модницей и гордою аристократкой. По другому, гораздо менѣе достовѣрному преданію, и первоначальная мысль, и планъ, и общая обработка комедіи явились у Грибоѣдова въ 1822 году одновременно, подъ вліяніемъ какого-то особаго настроенія [1]). Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе другихъ знатоковъ комедіи Грибоѣдова, которые думаютъ, что въ Тифлисѣ въ 1822 г. могли быть написаны только два первыхъ акта комедіи. Съ полною достовѣрностью можно утверждать, что комедія была дописана и вполнѣ закончена не ранѣе 1823 года, когда Грибоѣдовъ получилъ разрѣшенный ему четырехмѣсячный отпускъ, растянувшійся впослѣдствіи почти въ двухгодовой. Такъ мы знаемъ, что Грибоѣдовъ, въ мартѣ 1823 г., читалъ первый актъ комедіи Бѣгичеву въ Москвѣ и очень былъ задѣтъ за живое нѣкоторыми его замѣчаніями; однакоже, нашелъ ихъ справедливыми и почти весь актъ передѣлалъ заново. За этою первою переработкою послѣдовали, вѣроятно, и другія, потому что сохранились извѣстія такого рода: „Грибоѣдовъ часто, возвратясь поздно домой, садился писать, и писалъ цѣлыя сцены за одинъ присѣстъ...“ Однакоже и при этой усиленной работѣ, третій и четвертый акты комедіи оставались ненаписанными. Грибоѣдовъ написалъ ихъ въ *с. Екатерининскомъ* (Тульской губ., Епифановскаго уѣзда), принадлежавшемъ Бѣгичеву. Лѣтомъ 1823 года Грибоѣдовъ жилъ тамъ, послѣ свадьбы своего друга, въ садовой бесѣдкѣ.—Здѣсь и закончилъ онъ свою знаменитую комедію.

Слухи о комедіи.

Около этого же времени проникли въ общество первые слухи о томъ, что Грибоѣдовъ пишетъ какую-то комедію изъ московскихъ великосвѣтскихъ нравовъ. Одинъ изъ современниковъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „Грибоѣдовъ былъ разсѣянъ и чрезвычайно безпеченъ: работалъ (живя въ Москвѣ, въ домѣ матери), гдѣ Богъ приведетъ, и никогда не затруднялся прибирать своей работы, разбрасывая листы рукописи, гдѣ ни попало. Извѣстный любитель музыки, графъ Вьельгорскій, перебирая однажды ноты на роялѣ Марьи Сергѣевны Грибоѣдовой (сестры поэта), нашелъ листъ комедіи, потомъ другой, третій, и всѣ написанные стихами, почеркомъ Грибоѣдова. На вопросъ, обращенный къ хозяйкѣ, онъ получилъ уклончивый отвѣтъ: „ce sont là les folies d'Alexandre“... Но Вьельгорскій выпросилъ эти листки, увезъ ихъ домой—и вѣсть о новой комедіи разнеслась по городу гораздо ранѣе,

---

[1]) По этому преданію, какъ-то осенью 1822 г., Грибоѣдову будто бы приснилось, что онъ въ кругу друзей разсказываетъ о планѣ комедіи уже написанной имъ, даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ нея вслухъ. Пробудившись, Грибоѣдовъ, будто бы, тотчасъ же записалъ все видѣнное во снѣ и тотчасъ принялся за эту комедію, которую и окончилъ въ томъ же году въ Тифлисѣ.

нежели появились первые списки ея отрывковъ". Эта вѣсть вызвала толки и слухи всякаго рода и притомъ далеко не благопріятные для автора; такъ, напримѣръ, нашлись люди, которые стали утверждать положительно, что характеръ Чацкаго списанъ съ Чадаева, извѣстнаго московскаго общественнаго дѣятеля и публициста, незадолго передъ тѣмъ подвергнувшагося преслѣдованію со стороны правительства. Многіе даже и положительно утверждали, что вся комедія есть ничто иное, какъ памфлетъ на Чадаева, и это, вѣроятно, вызвало извѣстный вопросъ въ письмѣ Пушкина (изъ Одессы) къ князю П. А. Вяземскому:

„Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны" [1]).

Хлопоты о комедіи.

Окончивъ свою комедію и приготовивъ ее къ постановкѣ на сцену, Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ, и здѣсь уже, конечно, не скрывалъ своего произведенія: читалъ его въ литературныхъ кружкахъ и въ обществахъ, совѣщался съ актерами (Каратыгинымъ, Сосницкимъ, Щепкинымъ), излагая имъ свои возрѣнія на тѣ роли, которыя онъ хотѣлъ имъ поручить въ своей пьесѣ... И пьеса эта всѣми была встрѣчена съ восторгомъ; оваціямъ, похваламъ и всякимъ лестнымъ для самолюбія автора изъявленіямъ — конца не было. Не слѣдуетъ забывать, что комедія явилась одновременно съ другимъ замѣчательнымъ произведеніемъ—съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ" Пушкина—и все же слава великаго поэта не могла въ данный моментъ затмить славу Грибоѣдова. Комедія, въ это именно время, разошлась въ тысячахъ списковъ не только въ столицахъ, но и въ провинціи, и вскорѣ нельзя было почти указать ни одного дома среди высшихъ и образованныхъ классовъ общества, въ которомъ бы не было своего списка комедіи Грибоѣдова.

Знакомство съ декабристами.

Нельзя не замѣтить, кстати, что именно въ это зимнее пребываніе свое въ Петербургѣ (въ 1824 г.), Грибоѣдовъ, среди многихъ другихъ новыхъ знакомствъ, сошелся съ нѣкоторыми изъ декабристовъ—К. Ѳ. Рылѣевымъ, Д. И. Завалишинымъ и А. А. Бестужевымъ—и сошелся настолько близко, что князь В. Ѳ. Одоевскій, у котораго онъ жилъ это время, даже предостерегалъ его отъ излишней откровенности въ этомъ кружкѣ, который тогда уже принималъ извѣстный характеръ кружка политическаго. Но общество этихъ умныхъ и талантливыхъ людей нравилось Грибоѣдову, онъ любилъ съ ними бесѣдовать и даже послѣ отъѣзда изъ Петербурга имѣлъ неосторожность поддерживать съ ними пере-

---

[1]) Далѣе мы будемъ имѣть возможность опровергнуть этотъ вымыселъ, неимѣющій никакого фактическаго основанія.

писку и сношенія, которыя, конечно, не имѣли никакого отношенія къ ихъ скрытымъ планамъ и замысламъ [1]).

Комедія запрещена.

Но подъ лаврами скрывались и терніи; среди общаго гула похвалъ и восторговъ слышались и такія ноты, которыя болѣзненно заставляли сжиматься сердце автора новой комедіи. Прежде всего, онъ убѣдился, что его комедія не будетъ допущена на сцену: никакія самыя энергическія усилія, никакія знакомства и связи въ высшемъ обществѣ и въ театрѣ, никакія уступки и урѣзки въ самой комедіи не могли помочь Грибоѣдову... Цензура не пропустила его комедіи даже въ печать, и вслѣдствіе этого ея постановка на сценѣ оказалась дѣломъ совершенно немыслимымъ.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Это былъ ударъ, который тяжко поразилъ его самолюбіе и невольно заставилъ его подумать о дальнѣйшей судьбѣ своей. Его мечты о литературной карьерѣ разлетѣлись прахомъ, и вызывали его на очень горькія и желчныя мысли...

„Другъ и братъ! — писалъ онъ около этого времени къ С. Н. Бѣгичеву — пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра: не спится. Нынче день моего рожденія (4 января),—и что же я? На полпути моей жизни; скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться: отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ; но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь — и надолго...“

Но гораздо болѣе всякихъ литературныхъ дрязгъ и сплетенъ

[1]) Любопытно, что никакія новыя знакомства, никакой свѣтскій шумъ, блескъ и говоръ—не отвлекали, однакоже, Грибоѣдова отъ занятій восточными языками, которые онъ продолжалъ изучать весьма усердно (вѣроятно не упуская изъ виду дипломатическую карьеру); въ то же время онъ изучалъ правовѣдѣніе, философію, исторію и политическую экономію.

Грибоѣдова донимало и оскорбляло то, что нѣкоторые изъ друзей его, вкусу и знаніямъ которыхъ онъ привыкъ довѣрять, цѣнили его произведеніе не по справедливости, не по его достоинству, а по своимъ личнымъ соображеніямъ. Такъ, отъ января 1825 г. намъ сохранилось письмо Грибоѣдова къ П. А. Катенину, который, среди всей молодежи, слылъ въ то время авторитетнымъ критикомъ. Это письмо—отвѣтъ на замѣчанія Катенина по поводу только-что прочтеннаго имъ „Горя отъ ума"—написано было такъ горячо, что цѣлый мѣсяцъ пролежало въ столѣ Грибоѣдова прежде, чѣмъ было отправлено по назначенію. „Критика твоя—пишетъ Катенину Грибоѣдовъ,—хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно бы требовалъ отъ другихъ людей..."

А. А. Бестужевъ,
болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ «Марлинскаго».

Защита комедіи.

Затѣмъ, опровергая нападки Катенина на планъ комедіи (который, кстати сказать, всѣхъ поражалъ своею новизною), Грибоѣдовъ переходитъ къ его отдѣльнымъ замѣчаніямъ и нѣкоторыя изъ нихъ опровергаетъ блистательно:

„*Сцены связаны произвольно*. Такъ же, какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ,—пишетъ Грибоѣдовъ.—Чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ; а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую: раззѣваюсь, и бѣгу вонъ изъ театра".

„*Характеры портретны*. Да! и я, коли не имѣю таланта Мольера, то, по крайней мѣрѣ, чистосердечнѣе его; портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи. Въ нихъ, однако,

есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя и всему роду человѣческому настолько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Карикатуръ ненавижу — въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня и, коли лучше что выдумаешь, я позаймусь (позаимствуюсь) отъ тебя съ благодарностью...

„*Дарованія болѣе, нежели искусства*. Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю — стóю ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобы поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ... въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ—если художникъ—разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое — брось за окошко!..“

Но, отбиваясь такъ ловко и рѣзко отъ нападокъ несправедливыхъ и отъ замѣчаній неловкихъ и неумѣстныхъ, самъ Грибоѣдовъ, въ душѣ, какъ художникъ, не былъ вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ. Ему казалось, что онъ испортилъ его, нарушилъ его цѣлость и уменьшилъ его достоинство тѣми поправками, которыя онъ въ немъ допустилъ подъ вліяніемъ различныхъ дружескихъ внушеній. Это очень ясно и вѣрно было имъ вы-

Автографъ К. Ѳ. Рылѣева.
Изъ собранія П. Я. Дашкова.

сказано въ небольшомъ отрывкѣ, сохранившемся въ его бумагахъ.

Личное мнѣніе автора.

„Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха—заставили меня портить мое созданіе сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той же участи; такъ мнѣ ли роптать? Въ превосходномъ стихотвореніи многое должно угадывать: не вполнѣ выраженныя мысли или чувства тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на душу читателя, что въ ней, въ сокровенной глубинѣ ея, скрываются тѣ струны, которыхъ авторъ едва коснулся, нерѣдко однимъ намекомъ,—но его поняли, все уже внятно и ясно, и сильно. Для того съ обѣихъ сторонъ требуется: съ одной—даръ, искусство; съ другой—воспріимчивость, вниманіе. Но какъ же требовать вниманія отъ толпы народа, болѣе занятаго собственною личностью, нежели авторомъ и его произведеніемъ? Притомъ, сколько привычекъ и условій, нимало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія, — однако, надобно съ ними сообразоваться. Суетное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждыхъ трехъ-четырехъ-сотъ стиховъ; необходимость побѣгать по коридорамъ, душу отвесть въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ, — и всѣ движутся, входятъ и выходятъ, и встаютъ, и садятся. Всѣ таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой. Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, т. е. дѣлать глупости...“

Князь В. Ѳ. Одоевскій.

Ничего не добившись и потерявъ напрасно много времени и

усилій, Грибоѣдовъ, еще болѣе прежняго разочарованный въ людяхъ, вырвался, наконецъ, изъ Петербурга въ концѣ августа 1825 г. и, черезъ Крымъ, направился на Кавказъ. Въ Крыму Грибоѣдовъ никогда не бывалъ, очень хотѣлъ его видѣть, и возлагалъ на него большія надежды, въ смыслѣ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній и подъема духа. Но и здѣсь его ожидало разочарованіе: недовольство собою и людьми не оставляло его ни на минуту. Крымъ и Кавказъ.

„Ну, вотъ, почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ — пишетъ онъ С. Н. Бѣгичеву,—а результатъ—нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? Умѣю ли писать? Право, для меня все это еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что́ сказать — за это я ручаюсь; отчего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ?..

„...Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда (въ Симферополь): никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось не болѣе сутокъ: потому ли, что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили — ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга.

„...Мало этого: наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: *сочинитель Фамусова и Скалозуба*—слѣдовательно веселый человѣкъ! Тьфу, злодѣйство! Да, мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно... И то неправда: иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои риѳмы, ожидаютъ отъ меня, чего я, можетъ-быть, не въ силахъ исполнить. Такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ... Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности“.

Онъ вернулся на службу въ Грузію; на прежнее мѣсто чиновника по дипломатической части при А. П. Ермоловѣ. Но и здѣсь то же мрачное настроеніе, которое онъ вынесъ съ собою изъ пребыванія въ столицахъ, не проходило... Какой-то внутренній гнетъ, какая-то неудовлетворенность духовная и недовольство самимъ собою продолжали его терзать и мучить... И это его душевное настроеніе, повидимому, очень тревожило его друзей, которые напрасно обращались къ нему со словами утѣшенія и старались его ободрить. „На твои убѣдительные утѣшенія и совѣты (такъ пишетъ онъ къ Бѣгичеву отъ 7 декабря 1825 г.) надобно бы мнѣ отвѣчать не словами, а дѣлами... Ты совершенно правъ, но этого для меня не довольно; ибо, кромѣ голоса здра-

ваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель; наклоняетъ меня къ мрачности, къ скукѣ... Не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положеніе незавидно?—Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть охоту всегда имъ пользоваться; но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя пустѣйшимъ головою и сердцемъ—чѣмъ прикажешь ихъ наполнить? Люди не часы; кто всегда похожъ на себя, и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? Чтобы дольше не іовничать, пускаюсь въ Чечню: А. П. (Ермоловъ) не хотѣлъ, но я самъ ему навязался. Теперь это меня нѣсколько занимаетъ,—борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ—дѣйствіе конгревовъ... Будемъ вѣшать и прощать, и плюемъ на Исторію..."

Подъ судомъ. Но „исторія" сурово напомнила о себѣ мрачно-настроенному поэту и вынудила его сбросить съ себя хандру и взглянуть на жизнь и ея задачи съ болѣе положительной стороны. Въ началѣ 1826 г., вскорѣ послѣ того, какъ на Кавказъ дошли первыя извѣстія о событіяхъ 14 декабря, къ Ермолову былъ присланъ фельдъегерь съ приказаніемъ—немедленно арестовать Грибоѣдова и, захвативъ всѣ его бумаги, выслать въ Петербургъ. Оказалось, что Грибоѣдовъ, знакомый и близкій со многими изъ декабристовъ, былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи къ ихъ замысламъ и привлеченъ къ обширному, тогда только-что начатому слѣдствію.

Нужно ли говорить о томъ, что Ермоловъ поступилъ, по отношенію къ нему, самымъ благороднымъ образомъ и далъ наилучшій отзывъ о его службѣ? Твердо увѣренный въ своей невинности [1]), Грибоѣдовъ нимало не растерялся и не упалъ духомъ; онъ держалъ себя на допросѣ съ большимъ достоинствомъ, и подъ арестомъ не перерывалъ своихъ занятій чтеніемъ и самообразованіемъ. Въ іюнѣ 1826 г. онъ былъ, наконецъ, оправданъ, освобожденъ изъ-подъ ареста и даже получилъ слѣдующій чинъ.

Періодъ колебаній. Для Грибоѣдова наступилъ опять періодъ колебаній и сомнѣній: „что дѣлать? На чтó обратить свой умъ и способности?"... Но, пока онъ раздумывалъ и колебался, исторія дѣлала свое дѣло. Въ половинѣ іюля загорѣлась Персидская война. Императоръ Николай I, давно уже недовольный способомъ дѣйствій Ермолова, назначилъ главнокомандующимъ въ войнѣ противъ Персіи своего любимца, И. Ѳ. Паскевича (впослѣдствіи князя Эриванскаго), родственника Грибоѣдовыхъ. Грибоѣдову, слѣдовательно, открывалась блестящая карьера на службѣ подъ начальствомъ госуда-

---

[1]) Грибоѣдовъ не только не участвовалъ въ заговорѣ декабристовъ, но и не сочувствовалъ ему: «сто человѣкъ прапорщиковъ—часто говорилъ онъ, смѣясь,—хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи».

рева любимца — этого новаго восходящаго свѣтила. Но онъ помнилъ свои отношенія къ Ермолову, онъ цѣнилъ и дорожилъ ими. Онъ затруднялся. Однакоже, его честолюбивая и суетная матушка не дремала... Вотъ что разсказываетъ намъ родная сестра Грибоѣдова:

„Матушка никогда не понимала глубокаго, сосредоточеннаго характера Александра и всегда желала для него только блеска и внѣшности. Вотъ, что она съ нимъ сдѣлала: братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу. Матушка какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божьей Матери. Пріѣхали — отслужили молебенъ... Вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣни и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить... Растерянный, взволнованный, онъ далъ слово... Тогда она объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего — онъ поѣхалъ“...

А. П. Ермоловъ, по современному наброску съ натуры.

Само собою разумѣется, что вся эта трогательная и нѣсколько театральная обстановка, въ которую мать Александра Сергѣевича облекла свою просьбу, была не главнымъ и не единственнымъ поводомъ къ тому, чтобы вынудить его къ поступленію на службу при Паскевичѣ. Очевидно, что въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, въ результатѣ которой онъ пришелъ бы, вѣроятно, къ тому же рѣшенію... Онъ не зналъ, куда дѣвать, на что направить свои силы; онъ не находилъ имъ примѣненія, и былъ убѣжденъ, что именно на Кавказѣ, въ Грузіи, въ Персіи онъ найдетъ себѣ, при своемъ знакомствѣ съ бытовыми условіями края, при знаніи восточныхъ языковъ, обширное поприще дѣйствій и можетъ смѣло надѣяться на блестящую карьеру въ близкомъ будущемъ. Самолюбіе, непомѣрно-развитое въ Грибоѣдовѣ, Ермоловъ и Паскевичъ.

и даже то честолюбіе, которое могло быть преобладающею родовою чертою его нравственнаго типа—превозмогли его робкія сомнѣнія, и онъ выступилъ на новую карьеру... Но сначала выступилъ робко, какъ бы не желая и самому себѣ признаться въ томъ, что служба, которую онъ начиналъ у Паскевича, должна была глубоко оскорбить его недавняго покровителя, Ермолова [1]), который постоянно благоволилъ къ нему и всегда относился къ нему превосходно.

Любопытно, по письмамъ самого Грибоѣдова къ его друзьямъ, прослѣдить то, что онъ самъ имъ сообщалъ объ этомъ своемъ переходѣ изъ одного лагеря въ другой. Въ декабрѣ 1826 г. онъ пишетъ Бѣгичеву:

„...На войну (Персидскую) не попалъ, потому что и А. П. туда не попалъ. А теперь другого рода война; два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлажденія дружбы. Денисъ Васильевичъ [2]) этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи при себѣ. Но старикъ нашъ—человѣкъ прошедшаго вѣка. Несмотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ... [3])". И далѣе, въ томъ же письмѣ, онъ говоритъ: „я принялъ твой совѣтъ—пересталъ умничать; со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти"... Еще немного далѣе, въ томъ же письмѣ, опять прорывается наружу недовольство самимъ собою, окружающими людьми и существующими условіями русской жизни:

„Буду ли я когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая—отъ службы, третья—отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, *и, можетъ статься, наперекоръ судьбѣ*. Поэзія! Люблю ее безъ памяти, страстно; но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И, наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ

---

[1]) Недаромъ Ермоловъ сказалъ о немъ: «И онъ, Грибоѣдовъ, оставивъ меня, отдался моему сопернику. «Et tu, Brute»...

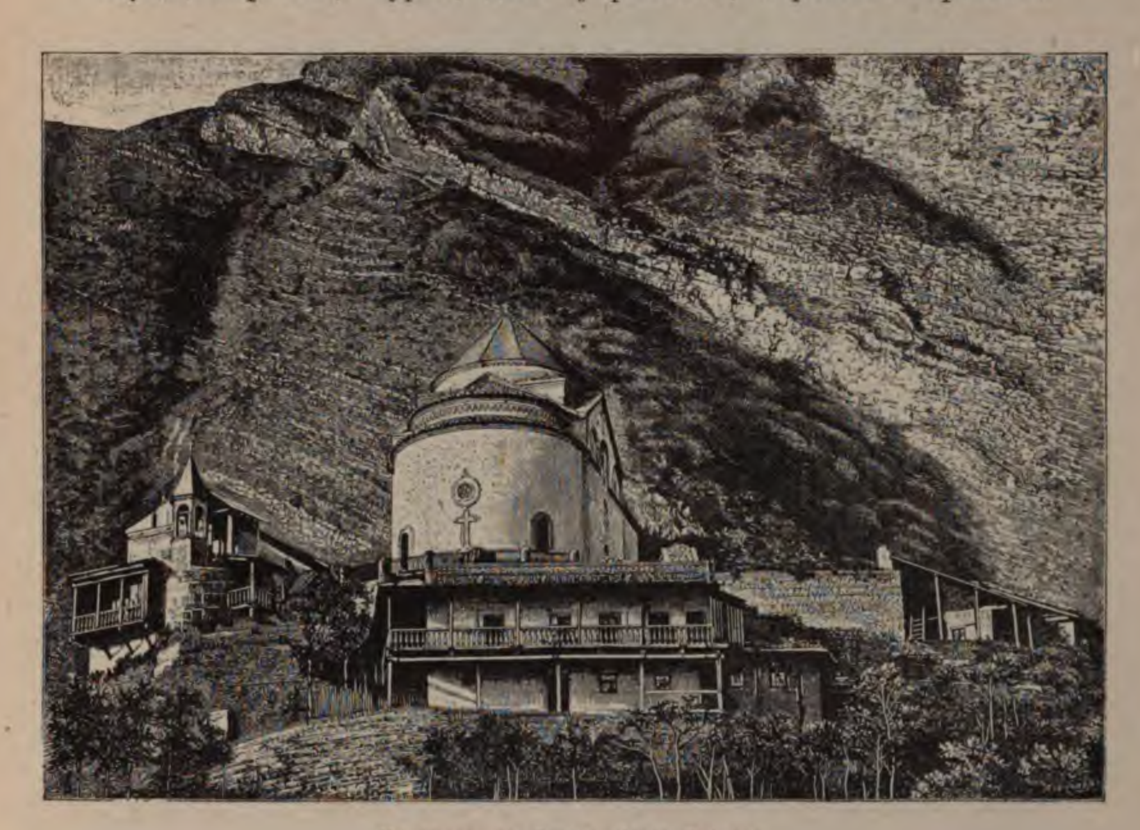
[2]) Давыдовъ, извѣстный партизанъ и поэтъ,—человѣкъ глубоко и вполнѣ искренно преданный Ермолову.

[3]) Этотъ холодный и даже нѣсколько пренебрежительный отзывъ о Ермоловѣ,—послѣ тѣхъ многихъ восторженныхъ страницъ, которыя посвящены ему въ перепискѣ Грибоѣдова съ друзьями—невольно бросается въ глаза.

числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ?! Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ!..“

Тѣ же колебанія замѣтны и въ другомъ письмѣ (къ Булгарину, отъ 16 апрѣля 1827 г.), но уже въ гораздо менѣе ясной, менѣе опредѣленной формѣ...

„Не ожидай отъ меня стиховъ: — пишетъ Грибоѣдовъ, — горцы, персіяне, турки, дѣла управленіе, огромная переписка



Монастырь св. Давида, близъ Тифлиса.

нынѣшняго моего начальника — поглощаютъ все мое вниманіе. Ненадолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь — и не моя вина. Люди мелки, дѣла ихъ глупы—душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему... Я рожденъ для другого поприща“...

Грибоѣдовъ министръ.

Но ему не пришлось идти „наперекоръ судьбѣ“: она вела его роковымъ путемъ блестящей дипломатической карьеры все выше и выше... По окончаніи кампаніи, въ награду за труды при веденіи переговоровъ, Паскевичъ отправилъ Грибоѣдова въ Петербургъ для поднесенія государю мирнаго (Туркманчайскаго) трактата. Государь осыпалъ Грибоѣдова милостями и наградами...

И хотя это онъ все еще твердилъ своимъ друзьямъ, что онъ созданъ для кабинетной жизни, что онъ выйдетъ въ отставку и посвятитъ себя занятіямъ литературнымъ; хотя онъ говорилъ о готовыхъ планахъ нѣсколькихъ будущихъ произведеній [1]) — однакоже, когда ему, даже сверхъ всякаго его ожиданія, предложено было занять постъ полномочнаго министра при Персидскомъ дворѣ, онъ увидѣлъ себя въ невозможности отказаться отъ такой чрезвычайной милости. Но, уѣзжая изъ Петербурга и

Склепъ и могила Грибоѣдова въ монастырѣ св. Давида.

прощаясь съ друзьями (въ іюнѣ 1828 г.), Грибоѣдовъ былъ необыкновенно грустенъ и не скрывалъ отъ нихъ своихъ мрачныхъ предчувствій.

Гибель Грибоѣдова.

Но эти предчувствія должны были всѣмъ казаться не болѣе, какъ прихотью воображенія, призракомъ... Счастье улыбалось Грибоѣдову, заискивало въ немъ, забѣгало навстрѣчу. Проѣздомъ черезъ Тифлисъ, по пути въ Персію, Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Нинѣ Чавчавадзе, которую за нѣсколько времени передъ тѣмъ успѣлъ узнать и полюбить. 9-го сентября 1828 г. Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ молодою женою и огромною, блестящею свитою,

[1]) Онъ даже читалъ друзьямъ своимъ отрывки одного изъ такихъ произведеній: романтической драмы «*Грузинская ночь*», навѣянной впечатлѣніями Востока.

окружавшею его, какъ полномочнаго министра, направился въ Тавризъ.

„Путешествую съ огромнымъ караваномъ — 110 лошадей и муловъ — ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній... Для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи: конница во весь опоръ несется, пылитъ, спѣшивается, и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось".

Въ томъ же самомъ письмѣ заключается и кратко изложенная программа дѣйствій, которой Грибоѣдовъ намѣренъ былъ придерживаться въ Персіи.

„Друзей (въ политическихъ сношеніяхъ съ Персіей) не имѣю никого, и не хочу: должны, прежде всего, бояться Россіи... И я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали *сахтиръ* (твердое сердце)"...

Этою программою дѣйствій, проводимою настойчиво и упорно, но не съ достаточною осторожностью, Грибоѣдовъ много повредилъ себѣ и нажилъ много враговъ на своемъ новомъ и важномъ постѣ. Когда онъ прибылъ въ Тегеранъ [1]), его слишкомъ рѣзкій способъ дѣйствій и пренебреженіе къ нѣкоторымъ установившимся на Востокѣ обычаямъ — возбудили противъ него персидское духовенство и невѣжественную массу тегеранскаго населенія. Внезапно вспыхнулъ мятежъ: домъ русскаго посольства былъ окруженъ, взятъ съ бою приступомъ, послѣ отчаянной обороны, которой мужественно распоряжался самъ Грибоѣдовъ, во главѣ своей свиты — и всѣ русскіе были растерзаны разсвирѣпѣвшею толпою [2]). Грибоѣдовъ погибъ смертью героя (30 января 1829 г.).

По странному совпаденію случайностей бренные останки Грибоѣдова были встрѣчены на пути въ Россію Пушкинымъ, который спѣшилъ на Кавказъ въ поискахъ за новыми и яркими впечатлѣніями. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ „Запискахъ":

„На высокомъ берегу рѣки увидѣлъ я противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣною низвергались съ высокаго берега. Я переплылъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. „Откуда вы?"—спросилъ я ихъ.—„Изъ Тегерана". — „Что вы везете?" — „*Грибоѣда*". Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ".

---

[1]) Молодую жену свою онъ оставилъ въ Тавризѣ.

[2]) Только одинъ секретарь посольства, Мальцевъ, спасся какимъ-то чудомъ, и доставилъ свѣдѣнія о гибели посольства.

По желанію Грибоѣдова, выраженному еще при жизни, тѣло его было погребено въ монастырѣ св. Давида, построенномъ на живописной и крутой скалѣ, на западъ отъ Тифлиса [1]).

Мѣстоположеніе этого монастыря всегда нравилось покойному поэту — и въ немъ нашелъ онъ послѣднее успокоеніе, послѣдній предѣлъ самолюбивымъ мечтамъ, смѣлымъ планамъ и туманнымъ стремленіямъ...

Комедія Грибоѣдова. Отзывы критиковъ.

Мы не безъ намѣренія остановились на нѣкоторыхъ подробностяхъ біографіи Грибоѣдова и привели тамъ много отрывковъ изъ его любопытной переписки съ пріятелями и друзьями. Намъ было необходимо выяснить съ разныхъ сторонъ этотъ довольно сложный характеръ и точнѣе опредѣлить отношеніе поэта къ его произведенію, которое такъ и осталось единственнымъ памятникомъ его творчества, единственнымъ проявленіемъ его блестящаго ума и замѣчательнаго литературнаго таланта.

Переходя къ разбору этого замѣчательнаго произведенія, которое занимаетъ такое высокое и почетное мѣсто въ исторіи развитія нашей драмы, мы прежде всего должны замѣтить, что рѣшительно не можемъ согласиться съ мнѣніемъ о комедіи „Горе отъ ума", высказаннымъ нѣкогда извѣстнымъ знатокомъ нашей словесности, А. Д. Галаховымъ.

„Главная мысль этой комедіи, — говоритъ г. Галаховъ въ своей книгѣ,—выражена въ слѣдующихъ стихахъ:

«Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...»
(Дѣйствіе II, явленіе 2-е).

„Понятно, что задачею автора было — выставить противоположность двухъ послѣдовательныхъ временъ. Но такъ какъ характеръ времени выражается въ драмѣ посредствомъ образовъ, то Чацкій выведенъ какъ представитель нынѣшняго вѣка, или точнѣе—первой его четверти, а всѣ прочія лица служатъ представителями вѣка минувшаго, или точнѣе—второй его половины..."

„А Молчалинъ, а Софья, а Репетиловъ и Скалозубъ?—развѣ это типы не новые, не современные Грибоѣдову, не извлеченные прямо изъ окружавшей его живой дѣйствительности?"—сказали бы мы. Самъ Фамусовъ—этотъ почтенный и чиновный старецъ, этотъ сановитый и разсудительный родитель Софьи — развѣ онъ не воплощаетъ въ себѣ типъ чиновника именно Александровской эпохи, когда, подъ вліяніемъ Аракчеева, такъ странно развился у насъ

---

[1]) На пути въ Персію, проѣзжая черезъ Эривань, Грибоѣдовъ говорилъ шутя своей женѣ: «Не оставляй костей моихъ въ Персіи; если умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида».

внѣшній формализмъ? Не мѣшаетъ замѣтить, что самъ Фамусовъ (а онъ старше всѣхъ выведенныхъ Грибоѣдовымъ дѣйствующихъ лицъ) [1]) вспоминаетъ о „вѣкѣ минувшемъ", какъ о чемъ-то весьма отдаленномъ, давно-прошедшемъ — какъ о временахъ своей юности... И даже въ Скалозубѣ не находитъ себѣ сочувствія: даже и тотъ склоняется болѣе на сторону „смѣты" Чацкаго. Гдѣ же тутъ противоположеніе „вѣка нынѣшняго—вѣку минувшему", какъ основная идея всей комедіи? Это противоположеніе составляетъ въ пьесѣ только одинъ небольшой эпизодъ II дѣйствія—не болѣе... А далѣе что же? Гдѣ же далѣе проводится авторомъ противоположеніе вѣка „нынѣшняго" вѣку „минувшему"? Нигдѣ объ этомъ противоположеніи ни слова, и все дѣйствіе комедіи, всѣ переходныя ступени ея развитія—вращаются исключительно около одного характера, около одной и той же внутренней борьбы, около того разлада, который главное лицо комедіи ощущаетъ въ душѣ своей по отношенію къ современному обществу—того разлада, который является и можетъ явиться во всѣ времена вѣчнымъ и неизсякаемымъ источникомъ готовыхъ тэмъ для трагедіи, комедіи и сатиры. Что это дѣйствительно такъ и есть, и что именно такую общую тэму нравственнаго разлада одной личности съ цѣлымъ обществомъ имѣлъ въ виду и Грибоѣдовъ — въ этомъ насъ убѣждаетъ живучесть самой его комедіи на русской сценѣ: наши отцы и дѣды смотрѣли ее на сценѣ съ такимъ же удовольствіемъ и съ такимъ же живымъ участіемъ, какъ и мы, и какъ, вѣроятно, будутъ смотрѣть наши внуки. Отчасти, къ этому выводу приходилъ уже и нашъ тонкій, дальновидный критикъ Бѣлинскій; но отвергъ его только потому, что не хотѣлъ признать цѣлости и законченности произведенія Грибоѣдова, которое не подходило подъ его теоретическія воззрѣнія на комедію, какъ художественное произведеніе. Бѣлинскій говорилъ: „въ комедіи (Грибоѣдова) нѣтъ цѣльнаго, потому что нѣтъ идеи. Намъ скажутъ, что идея, напротивъ, есть, и что она—*противорѣчіе умнаго и глубокаго человѣка съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ*... Но неужели представители русскаго общества все—Фамусовы, Молчалины, Софьи, Загорѣцкіе, Хлестовы, Тугоуховскіе и имъ подобные?.." Но этотъ вопросъ ничего не объясняетъ. Если мы придемъ къ тому выводу, что Чацкаго, въ томъ кругу, гдѣ онъ вращался, могло окружать даже только большинство „*имъ подобныхъ*", то уже

[1]) Отмѣтимъ любопытный фактъ. До конца 70-хъ годовъ, комедія Грибоѣдова игралась на русской сценѣ въ современной обстановкѣ, въ современныхъ костюмахъ—и производила то же впечатлѣніе, что и теперь, когда въ постановкѣ ея соблюдаются самыя большія тонкости бытовой и костюмной стороны. Любопытно, что и тогда одинъ только Фамусовъ являлся на сцену въ чулкахъ и ботинкахъ съ пряжками—съ претензіей на принадлежность къ «вѣку минувшему».

и тогда должно было бы допустить, что въ комедіи „Горе отъ ума“ есть и цѣлость, и основная идея. Но Бѣлинскій (отчасти слѣдуя Пушкину) [1]) доказываетъ, что Чацкій и не глубокій, и не умный человѣкъ, а какой-то „бѣшенный“, полусумасшедшій крикунъ и фразеръ, неумѣющій себя вести въ обществѣ. Но если бы даже мы допустили, что Чацкій и не особенно умный, и не особенно глубокій, и даже не достаточно воспитанный (чего ужъ никакъ нельзя допустить) человѣкъ, то все это не исключаетъ нимало возможности разлада между нимъ, и если не всѣмъ обществомъ, то тѣмъ кружкомъ, въ которомъ ему суждено вращаться и дѣйствовать—и этотъ разладъ, въ качествѣ обыденной и, такъ сказать, вѣковѣчной тэмы, могъ быть положенъ авторомъ въ основу его комедіи, какъ общая идея.

Собственно говоря, намъ кажется даже, что вопросъ о теоретической и философской правильности въ постройкѣ комедіи Грибоѣдова, какъ художественнаго произведенія, является, до нѣкоторой степени, вопросомъ празднымъ. Мы достаточно близко знакомы, въ настоящее время, съ процессомъ творчества, путемъ котораго явилось на свѣтъ прекрасное произведеніе Грибоѣдова. Мы можемъ смѣло утверждать, что молодому автору, въ то время, когда онъ задался первою мыслью о созданіи своей комедіи, менѣе всего приходило въ голову—составить правильный и безукоризненно-соразмѣрный планъ своего будущаго произведенія. У него передъ глазами было то московское общество, которое, кстати сказать, онъ терпѣть не могъ; были тѣ, превосходно подмѣченные и превосходно очерченные имъ типы Фамусовыхъ, Хлестаковыхъ, Загорѣцкихъ, Репетиловыхъ и Скалозубовъ, которые ему хотѣлось выставить на общее посмѣяніе; былъ прекрасно созданный рядъ красивыхъ, изящныхъ, забавныхъ и оригинальныхъ картинъ изъ жизни этого общества—и было желаніе связать ихъ нитью внѣшней, незатѣйливо-придуманной сценической интриги, хотя и не хватило на это умѣнья... Вотъ все, съ чѣмъ авторъ приступилъ къ выполненію своей многосложной задачи, своей превосходной картины нравовъ московскаго общества первой четверти нынѣшняго вѣка! Намъ достовѣрно извѣстно, что въ первой редакціи первыхъ двухъ дѣйствій участвовало даже вполнѣ разработанное лицо — жена Фамусова и мать Софьи — и что это лицо было потомъ выпущено авторомъ, вѣроятно, потому, что авторъ нашелъ его излишнимъ; слѣдовательно, даже и тогда, когда комедія уже разрабатывалась Грибоѣдовымъ, онъ находилъ возможность выкидывать изъ числа дѣйствующихъ лицъ и вносить въ число ихъ лица, которыя должны были имѣть первенствую-

[1]) Пушкинъ сказалъ: «Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ...»

щее значеніе въ его пьесѣ. Другими словами, онъ писалъ свою комедію безъ строго-опредѣленнаго плана или на основаніи плана, весьма слабо разработаннаго. Недостатки плана, точно такъ же, какъ и недостатокъ дѣйствія въ комедіи чувствовались уже самимъ авторомъ, который, какъ мы видѣли выше, и самъ называлъ свое произведеніе не комедіей, а „сценической поэмой". Но съ другой стороны, въ своемъ отвѣтѣ на замѣчаніе Катенина, онъ съ достаточною ясностью высказалъ, что онъ не особенно и гонялся за слишкомъ большою правильностью постройки своего произведенія, за установленіемъ слишкомъ тѣсной связи между переходами дѣйствія, между отдѣльными сценами и явленіями. Прискучивъ всѣмъ надоѣвшею правильностью сценическихъ произведеній ложно-классической школы, онъ, какъ бы намѣренно, отъ этой правильности уклонялся и болѣе слѣдовалъ своей прихотливой фантазіи, чѣмъ правиламъ устарѣлой теоріи.

Припомнимъ, что онъ даже защищалъ отъ нападокъ Катенина довольно спорную теорію случайной связи между сценами на томъ, будто бы, основаніи, что и въ жизни также все зависитъ отъ случайности. Можетъ-быть потому именно комедія Грибоѣдова, когда она стала извѣстна въ рукописи и затѣмъ когда она появилась въ печати, была встрѣчена критикой крайне недружелюбно и подверглась несправедливымъ порицаніямъ и осужденіямъ. Порицать было тѣмъ болѣе легко, что авторъ не могъ отвѣчать на нападки: „*Горе отъ ума*" явилось въ печати нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Грибоѣдова. Отъ этихъ нападокъ пришлось защищать Грибоѣдовскую комедію Бѣлинскому, который ничуть не былъ ея поклонникомъ, указывалъ многіе ея недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ и самое горячее сочувствіе ко многимъ достоинствамъ комедіи Грибоѣдова, къ его художественно-очерченнымъ характерамъ и высоко цѣнилъ въ немъ „исполинскую силу таланта". „Горе отъ ума", — говоритъ Бѣлинскій,—сатира, а не комедія... но „Горе отъ ума" есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношеній къ цѣлому, художественно-нарисованныхъ кистью широкою, мастерскою, рукою твердою, которая, если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, съ которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладать..." „(Дѣйствующія лица комедіи) за исключеніемъ Софьи, лица типическія, авторомъ художественно созданныя, хотя и не составляющія комедіи своими взаимными отношеніями — не говоря уже о Репетиловѣ, этомъ вѣчномъ прототипѣ, котораго собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ, и который обличаетъ въ авторѣ исполинскую силу таланта..."

И въ этомъ отзывѣ о комедіи Грибоѣдова опять слышится

намъ критикъ чуткій и тонкій; онъ однимъ намекомъ, брошеннымъ вскользь, выказываетъ глубокое пониманіе всей сущности разбираемаго произведенія; въ словахъ Бѣлинскаго, который говоритъ, что рука автора „дрожала не отъ слабости, а отъ негодованія, съ которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладать"—заключается цѣлая характеристика творчества Грибоѣдова и, пожалуй, готовое объясненіе всѣхъ несовершенствъ его произведенія.

Сущность комедіи Грибоѣдова.

Произведеніе это, цѣликомъ, отъ первой строки и до послѣдней, написано подъ впечатлѣніемъ того негодованія, которое возбуждали въ немъ вынужденныя, обязательныя сношенія съ извѣстнымъ кружкомъ высшаго московскаго общества. Съ этимъ кружкомъ тѣсно связана была семья Грибоѣдовыхъ, постоянно державшая Грибоѣдова въ нѣкоторой зависимости. Негодованіе это, недовольство и сознаніе полнѣйшаго разлада, которое Грибоѣдовъ чувствовалъ по отношенію къ этой средѣ,—всѣ эти чувства копились въ немъ цѣлыми годами [1]); въ головѣ его годами вынашивалось желаніе, какъ бы то ни было,—но осязательно, но наглядно—выразить этому обществу то, что его самого *„и волновало, и бѣсило"*, и онъ, наконецъ, остановился на мысли о комедіи, такъ какъ со сценою отъ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ былъ знакомъ, любилъ ее, и сознавалъ, что его голосъ со сцены будетъ слышнѣе, а горячая, желчная проповѣдь его больнѣе отзовется въ сердцахъ людей, среди которыхъ, въ качествѣ *„бывшаго Саши, милаго ребенка"* онъ никогда не надѣялся „быть пророкомъ" [2]). Изъ этого отношенія Грибоѣдова къ его задачѣ, къ его комедіи или сценической поэмѣ, выясняется для насъ и главный изъ его характеровъ — характеръ Чацкаго, съ разныхъ сторонъ подвергавшійся такимъ огульнымъ порицаніямъ, вызвавшій столько насмѣшекъ и осужденій.

Всѣ критики, занимавшіеся разборомъ характера Чацкаго, кажется, упустили изъ виду одно важное условіе всякой сатиры: отрицательныя стороны ея всегда гораздо легче удаются автору, нежели положительныя. Гораздо легче отмѣтить и заклеймить дурное, нежели указать то, что хорошо, что можетъ быть для всѣхъ идеаломъ, достойнымъ подражанія. Впослѣдствіи мы

---

[1]) Уже въ 1818 г., уѣзжая въ Персію, онъ писалъ своему пріятелю: «въ Москвѣ все не по мнѣ—праздность, роскошь, несопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку—нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви ни къ чему изящному, а притомъ всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ, становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ Миссію и можетъ современемъ попасть въ статскіе совѣтники; а больше во мнѣ видѣть ничего не хотятъ...» (Письмо къ Бѣгичеву 18 сентября 1818 г.).

[2]) Въ томъ же самомъ письмѣ: «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»,—отечество и домъ мой въ Москвѣ...»

tendre de mon goût à [illegible] et un autre à la
petite [illegible]. Je me [illegible] et pour-
tant il se passera bien une heure, avant que j'aille
me mettre au lit. Faites moi quelques deux
pages bien amicales, sur ce qu'on fait chez Vous
à Tiflis. Je Vous en serai bien reconnaissant [illegible]
[illegible] à celui qui Vous est si franchement
dévoué et cela depuis bien des années. [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Передайте отъ меня [illegible]
[illegible]

Автографъ Грибоѣдов
Письмо хранится въ рукоп

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Вашъ

усердный слуга

[illegible]

[illegible]

[illegible]

1847.

[illegible]

писка къ французскому письму.
Императорской Публичной Библіотеки.

убѣдимся, что даже такой геніальный сатирикъ, какъ Гоголь, представившій намъ такъ много художественно-набросанныхъ отрицательныхъ типовъ въ русскомъ обществѣ—рѣшительно сталъ втупикъ, когда задумалъ противоположить имъ типы положительные. Слѣдуетъ ли удивляться, что юноша-Грибоѣдовъ потерпѣлъ такую же неудачу съ характеромъ Чацкаго, котораго онъ хотѣлъ рѣзко противоположить остальнымъ типамъ своей комедіи—съ характеромъ Чацкаго, на сторонѣ котораго, видимо, были всѣ его симпатіи?

Въ характерѣ Чацкаго, на нашъ взглядъ, отразилась весьма обыкновенная черта молодого творчества: авторъ не сумѣлъ отдѣлить своей личности отъ личности своего героя. Онъ передалъ Чацкому многія личныя черты своего собственнаго типа, отразилъ въ немъ невольно нѣкоторыя стороны своего характера (по отзывамъ близко знавшихъ его людей, не особенно ровнаго и пріятнаго), вложилъ ему свои рѣчи въ уста... Въ результатѣ получилось лицо ничуть не типичное, не живое, лицо много говорящее, но рѣшительно неспособствующее развитію дѣйствія; лицо, напоминающее собою хоръ греческой трагедіи, потому что оно какъ бы только отзывается на чужія рѣчи, только оттѣняетъ ихъ своими рѣчами, которымъ авторъ придаетъ большое значеніе, но которыя въ самой пьесѣ напоминаютъ „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“. Именно благодаря тому, что авторъ не сумѣлъ отдѣлить своей личности отъ личности главнаго героя пьесы, этотъ герой и остался такимъ одинокимъ среди живыхъ, яркихъ и превосходно обрисованныхъ типовъ другихъ важнѣйшихъ лицъ пьесы. Если мы ближе и подробнѣе станемъ вглядываться въ характеръ Чацкаго, если мы станемъ сопоставлять его съ біографическими данными о Грибоѣдовѣ, съ его письмами къ пріятелямъ и съ тѣми достовѣрными свидѣтельствами современниковъ, какія сохранились намъ о личности и характерѣ этого писателя, то мы непремѣнно придемъ къ тому убѣжденію, что Чацкій—это самъ Грибоѣдовъ. Его голосъ, его манеру, его пріемы рѣчи слышимъ мы въ тирадахъ Чацкаго; его презрѣніемъ къ людямъ, его непомѣрною гордостью и ненасытнымъ самолюбіемъ отзываются всѣ проповѣди этого „Московскаго мизантропа“, и даже болѣе: всѣ недостатки этихъ проповѣдей—ихъ напыщенность, ихъ ходульность, ихъ накидное презрѣніе и равнодушіе—все это личные недостатки самого автора, насколько онъ намъ извѣстенъ по своимъ письмамъ, по отзывамъ друзей и враговъ. Намъ кажется даже, что та послѣдняя сцена комедіи, которую особенно осуждали критики, которая возмущала Бѣлинскаго [1]), была вовсе не

Характеръ Чацкаго.

[1]) Разбирая эту послѣднюю сцену комедіи, Бѣлинскій восклицалъ: «Скажите, Бога ради, какой бы порядочный человѣкъ, на мѣстѣ Чацкаго, не удалился тихонько, узнавъ

случайною ошибкою неопытнаго еще таланта, а естественнымъ слѣдствіемъ, прямымъ выводомъ изъ всего предыдущаго. Авторъ не могъ отрѣшиться отъ излюбленнаго имъ типа Чацкаго, который, такъ-сказать, составляетъ его собственную тѣнь, его *alter ego*, но въ субъективности этого характера и его ненормальныхъ, странныхъ отношеній къ остальнымъ лицамъ комедіи, онъ не могъ не видѣть большого недостатка своего произведенія—и вотъ этому-то недостатку онъ и старался помочь именно тѣмъ, что заставилъ Чацкаго въ послѣдней сценѣ дѣйствовать безтактно, очертя голову, и своимъ изступленіемъ, своимъ „милліономъ терзаній"—вызвать улыбку на уста зрителя и поставить самого Фамусова втупикъ, сбить его окончательно съ толку и привести къ чрезвычайно комическому выводу, которымъ онъ такъ превосходно характеризуетъ себя и такъ безподобно заканчиваетъ самую комедію [1]).

Изъ всего высказаннаго нами выше, для объясненія характера Чацкаго, мы можемъ видѣть, въ какой степени несправедливы были литературныя сплетни, побуждавшія подъ типомъ Чацкаго подразумѣвать какой-то неблаговидный памфлетъ на Чаадаева, въ то время подвергнувшагося опалѣ. Еще менѣе основательными представляются намъ сужденія о Чацкомъ со стороны другого критика, который находилъ сходство между Чацкимъ и Стародумомъ (!), какъ бы взводя на Грибоѣдова обвиненіе въ полномъ безвкусіи и литературной безтактности, потому что онъ, будто бы, допустилъ въ свою пьесу какого-то несноснаго резонера, выражающаго свои мысли готовыми сентенціями [2]). Нужно ли говорить, что между Чацкимъ и Стародумомъ (въ особенности, Стародумомъ, какъ мы его выяснили выше)—нигдѣ не можетъ быть ничего общаго.

Въ заключеніе всего, что нами сказано о комедіи Грибо-

горькую истину?.. Но ему надо было произвести трагическій эффектъ, а вышла преуморительная сцена, гдѣ самое смѣшное лицо—г. Чацкій. Нѣтъ, не то: ему надо было еще прочесть нѣсколько проповѣдей. Безъ этого комедія, по крайней мѣрѣ, кончилась бы на мѣстѣ, а тутъ она еще тянется Богъ знаетъ для чего»...

[1]) Въ этомъ, именно, смыслѣ мы никакъ не можемъ согласиться съ предположеніемъ Бѣлинскаго, по которому комедію слѣдовало бы закончить на монологѣ Софьи къ Молчалину и на безмолвномъ удаленіи Чацкаго: комическія положенія, въ которыя авторъ поставилъ въ концѣ всѣ лица своей пьесы, вполнѣ правдивы и составляютъ весьма существенную сторону его произведенія.

[2]) Этотъ критикъ—князь П. А. Вяземскій. Онъ говоритъ: «Чацкій похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно, но способность, съ которою онъ, ex abrupto, проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, нерѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его, точно, могутъ примѣнять къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ у Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ всякаго свойства вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго...» Замѣтимъ кстати, что это, дѣйствительно, было бы очень печально, если бы было справедливо. Но ни Фамусовъ, ни Софья, ни даже Молчалинъ, ни Загорѣцкій, ни Репетиловъ, ни Скалозубъ—далеко не глупцы.

ѣдова, мы, не вдаваясь въ разборъ характеровъ ея, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ, замѣтимъ, что изъ нихъ только два характера разработаны слабѣе другихъ: Софьи и Лизы — всѣ же остальные вполнѣ оригинальны, новы по замыслу и по художественности своей отдѣлки, и давно уже признаны типами, настолько жъ вѣрными русской дѣйствительности, насколько вѣрны ей и герои „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя. Языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица комедіи Грибоѣдова, представляетъ собою одинъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ русской литературной рѣчи. Это не только рѣчь человѣка высокоразвитаго и образованнаго, человѣка умнаго, талантливаго и прекрасно владѣющаго своимъ роднымъ языкомъ, но еще рѣчь человѣка свѣтскаго. Можно сказать, что Грибоѣдову — первому изъ всѣхъ русскихъ писателей—первой четверти XIX в.—удалось разрѣшить труднѣйшую задачу: создать въ своемъ произведеніи новый литературный языкъ, красивый и звучный, энергичный и сильный, тотъ языкъ, о которомъ только помышлялъ Карамзинъ и который пытались создать его ближайшіе поклонники и подражатели. И нельзя не удивляться тому искусству, той чрезвычайной виртуозности, съ которою Грибоѣдовъ сумѣлъ воспользоваться для своей комедіи всѣми лучшими сторонами живой русской рѣчи, не прибѣгая для выраженія своей мысли ни къ славянскимъ архаизмамъ, ни къ обилію иностранныхъ словъ, ни къ уродливымъ измышленіямъ, которыми старая партія „бесѣдистовъ“ старалась эти слова замѣнить и вытѣснить изъ русскаго литературнаго языка. Лучшею похвалою для языка Грибоѣдова должно, конечно, служить то, что его комедія съ давнихъ поръ у всѣхъ на устахъ и въ памяти и что десятки извлеченныхъ изъ нея реченій давно уже обратились въ общепризнанныя пословицы и поговорки, т. е. приравнялись къ произведеніямъ народной мудрости. А этой чести удостаивались лишь очень немногія произведенія первостепенныхъ поэтовъ и писателей.

Еще одно послѣднее замѣчаніе, касающееся комедіи Грибоѣдова: и онъ такъ же, какъ и многіе предшественники его, сатирики и авторы драматическихъ произведеній, отдалъ въ своей комедіи должную дань давно назрѣвшему вопросу о маніи русскихъ къ подражанію иностранцамъ и о недостаточномъ уваженіи къ себѣ и своимъ національнымъ особенностямъ. Тотъ энергичный и горячій монологъ, въ которомъ Чацкій высказываетъ намъ свои мысли по этому вопросу (и между прочимъ, осмѣиваетъ европейскій костюмъ, навязанный намъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“), навлекъ особенно много нареканій на Грибоѣдова и укоровъ въ томъ, что онъ относится пристрастно къ русской старинѣ, отрицаетъ необходимость и

пользу для Россіи европейскаго просвѣщенія и т. д. Но онъ говоритъ только о модахъ и свѣтскихъ обычаяхъ, ни единымъ словомъ не проговариваясь о просвѣщеніи: онъ порицаетъ только обезьянство, а не заимствованіе такихъ сторонъ жизни, которыя бы могли внести къ намъ нѣчто полезное и важное въ смыслѣ образовательномъ, научномъ или житейскомъ. И этотъ монологъ, въ произведеніи автора, высоко-образованнаго на европейскій ладъ и постоянно трудившагося надъ своимъ образованіемъ, можетъ только сдѣлать ему честь, только послужить доказательствомъ того, что русское самосознаніе окончательно окрѣпло и уже даетъ возможность русскимъ людямъ желать, чтобы ихъ избавили отъ иностранной указки... Не доказалъ-ли это и самъ Грибоѣдовъ своей безсмертной, неувядающей комедіей, въ которой онъ такъ открыто пренебрегъ всѣми наставленіями, правилами и указаніями псевдо-классической піитики?

* * *

Виньетка Екатерининскаго времени.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Расцвѣтъ просвѣщенія въ началѣ царствованія Александра I. — Университеты и гимназіи.—Университетъ Московскій.—Новые университеты: С.-Петербургскій, Казанскій и Харьковскій. — Періодъ реакціи и ея печальныя послѣдствія. — Ученыя учрежденія.—Ученыя общества казенныя и частныя. — Покровители наукъ и ихъ дѣятельность.

Первые годы царствованія императора Александра I, какъ мы уже неоднократно упоминали, были періодомъ расцвѣта и торжества въ исторіи русскаго просвѣщенія. Послѣ краткаго, но довольно сумрачнаго періода, пережитаго русскимъ просвѣщеніемъ и литературой въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ особенности въ недолговременное царствованіе Павла I, начало Александровской эпохи всѣхъ ободрило и обрадовало тѣми надеждами на обновленіе и усиленіе средствъ народнаго просвѣщенія, которыя всѣмъ такъ охотно и благодушно подалъ юный императоръ.

Надежды эти, какъ мы уже видѣли выше, вполнѣ оправдывались составомъ главнаго правленія училищъ—этого вершителя судебъ русскаго просвѣщенія — въ первомъ періодѣ существованія этого учрежденія. Историкъ русскаго просвѣщенія въ Александровскую эпоху, академикъ М. И. Сухомлиновъ, особенно рѣзко оттѣняетъ этотъ первый и блестящій періодъ дѣятельности главнаго правленія училищъ отъ второго: „Въ первомъ періодѣ— говоритъ почтенный академикъ, — дѣйствовали Завадовскіе, Муравьевы, Потоцкіе: во второмъ—выступили на сцену Магницкіе и Руничи. Различіе между двумя періодами выразилось какъ въ самомъ составѣ главнаго правленія училищъ, такъ и въ началахъ, принятыхъ имъ въ руководство, и въ преобладающемъ направленіи, отразившемся въ бо́льшей или меньшей степени не только на внѣшнемъ устройствѣ, но и на внутренней жизни университетовъ...“

Чтобы вполнѣ ясно представить себѣ ходъ и развитіе тѣхъ благихъ начинаній, которыми ознаменовалось царствованіе Александра I въ области русскаго просвѣщенія, необходимо оглянуться назадъ и припомнить тѣ обширные проекты и планы распространенія просвѣщенія по всему лицу земли Русской, которые были вызваны Екатериною въ одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ ея царствованія. Планы и проекты эти важны для насъ не только потому, что они легли въ основу подобныхъ же мѣропріятій Александра I, который стремился идти „по стопамъ“ бабки своей; но отчасти и потому, что въ примѣненіи этихъ проектовъ и плановъ къ дѣйствительности принимали участіе почти одни и тѣ же *Просвѣщеніе при Екатеринѣ.*

лица, представлявшія собою какъ бы живое преданіе минувшаго вѣка новому, наступающему.

29 января 1786 г. комиссіи объ учрежденіи училищъ предписано было составить планъ необходимыхъ для Россіи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній—университетовъ и гимназій. На первое время предполагалось открыть только три. университета (во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ), и въ основу ихъ принять такой планъ: богословскій факультетъ не долженъ былъ входить въ составъ университетовъ, а медицинскій должно было сообразовать съ потребностями обширной Россійской Имперіи. Нельзя не замѣтить при этомъ, что одновременно съ указомъ, комиссіи данъ былъ въ руки богатый матеріалъ, знакомившій ее съ планомъ университетовъ и положеніемъ просвѣщенія въ сосѣднихъ государствахъ — въ Германіи и Австрійской Имперіи. Для разсмотрѣнія этого матеріала, въ отношеніи его пригодности къ Россіи, призваны были люди, уже извѣстные своею опытностью въ этомъ дѣлѣ и хорошо знакомые съ учебными силами и средствами Россіи: Янковичъ-де-Миріево, Козодавлевъ, Крейдманъ и Кохъ, подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго. Указъ требовалъ, чтобы управленіе университетовъ, ихъ права и преимущества — все это было бы сообразовано съ существующими у насъ государственными учрежденіями. Оказалось, что члены комиссіи не только приняли къ свѣдѣнію данные имъ матеріалы и указанія, но еще и отнеслись къ своей задачѣ вполнѣ разумно, стараясь придать русскимъ университетамъ, насколько возможно, національный характеръ и руководствоваться при написаніи ихъ уставовъ уже готовымъ уставомъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, Московскаго. Предсѣдатель Завадовскій въ особенности усердно отстаивалъ необходимость университетскаго преподаванія на русскомъ языкѣ; согласно съ его наставленіями вопросъ этотъ былъ поставленъ на твердую почву и въ офиціальномъ актѣ.

„Языкъ народный — сказано въ проектѣ университетовъ — есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: гдѣ науки преподаются на языкахъ иностранныхъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго, и рабство это нераздѣльно съ невѣжествомъ..." „Просвѣщеніе всегда будетъ распространяться тихими шагами, когда наука будетъ преподаваться на языкѣ мертвомъ или чужомъ".

Въ февралѣ 1787 г. окончательно былъ выработанъ планъ учебной части для всей Россіи. Рѣшено было открыть три университета въ выше-указанныхъ пунктахъ, и въ каждомъ изъ нихъ учредить три факультета: философскій, врачебныхъ наукъ и правовѣдѣнія. Уставъ университетскій задуманъ широко и либерально: свобода преподаванія признана важнѣйшимъ началомъ

преуспѣянія ученой дѣятельности въ новоучрежденныхъ университетахъ, и въ планѣ ихъ, выработанномъ комиссіею, говорится по этому поводу:

„Профессора не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ: *свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ*, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо".

При этой свободѣ преподаванія, въ планѣ допущена и весьма замѣчательная, по тому времени, свобода для учащихся: доступъ въ университетъ открытъ для всѣхъ жаждущихъ знанія — для студентовъ и посторонних слушателей, безъ различія лѣтъ и сословій. Приводимъ здѣсь то замѣчательное мѣсто въ планѣ комиссіи, гдѣ этотъ вопросъ рѣшается наглядно и просто, и подтверждается очень кстати ссылкою на примѣръ геніальнаго Ломоносова—перваго изъ русскихъ людей, отстаивавшихъ необходимость свободы ученія и его обязательной общедоступности:

„Несвободные люди также должны имѣть право быть въ университетѣ: когда несвободные люди будутъ учиться, какъ и прочіе студенты, то симъ ученьемъ и наукою люди ни мало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и отцы духовные не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе. Науки называются *свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобы сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ*. Исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низкаго состоянія пріобрѣли себѣ науками безсмертную славу; въ отечествѣ нашемъ стяжавый оную Ломоносовъ служилъ истины сей доказательствомъ".

Но этимъ добрымъ начинаніямъ не суждено было осуществиться... Прекрасные планы разбились о весьма твердую скалу: открытію университетовъ помѣшалъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, а затѣмъ наступила реакція, надолго отодвинувшая всякія просвѣтительныя начинанія на задній планъ. Въ царствованіе императора Павла I, — упорно и настойчиво отрицавшаго все, что задумывала Екатерина въ лучшіе годы своего царствованія,—открытъ былъ только одинъ университетъ, да и тотъ не въ центрѣ Россіи, а на ея иноземной окраинѣ — въ Дерптѣ! Но зато уже при самомъ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія былъ вновь поднятъ вопросъ объ университетахъ, и открытіе ихъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность главному правленію училищъ. Въ засѣданіи преобразованной комиссіи объ училищахъ, открытомъ подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, принимали участіе, кромѣ извѣстныхъ уже намъ Янковича-де-

Просвѣщеніе при Александрѣ.

Миріево, академики: Озерецковскій, Фусъ и Клингеръ, и столь приближенные къ Александру лица, какъ его воспитатель Муравьевъ и его личные друзья: Чарторижскій и Потоцкій.

Въ вопросѣ о выборѣ городовъ для учрежденій университетовъ мнѣнія членовъ комиссіи нѣсколько разошлись; Озерецковскій, сверхъ двухъ уже существующихъ университетовъ, въ Москвѣ и Дерптѣ, предлагалъ открыть новые: въ Харьковѣ, Во-

Герцогъ Ришелье, основатель Ришельевскаго Лицея, въ Одессѣ.

ронежѣ, Казани, Устюгѣ Великомъ; академикъ Фусъ указалъ на иной планъ: по его мнѣнію, кромѣ двухъ существующихъ, надо было еще открыть университеты въ С.-Петербургѣ, Казани и Вильнѣ. Слышались голоса и въ пользу открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ учрежденію высшаго учебнаго заведенія могла въ значительной степени способствовать и давно уже существовавшая въ Кіевѣ духовная академія. Но зато всѣ, безъ всякихъ разногласій, согласились съ тѣмъ стройнымъ и гармонически согласованнымъ планомъ общаго просвѣщенія для всей Россіи, который

былъ предложенъ академикомъ Фусомъ. Почтенный академикъ предлагалъ въ каждомъ губернскомъ городѣ учредить гимназію или главное училище, въ каждомъ уѣздномъ — училище второго разряда; въ каждомъ селѣ—училище третьяго разряда. При этомъ предполагалось, что „каждое сельское училище должно будетъ состоять подъ надзираніемъ уѣзднаго; а каждое уѣздное должно состоять въ прямой зависимости отъ главнаго губернскаго; всѣ эти губернскія училища, въ извѣстномъ округѣ, должны быть въ такой же степени подчинены вѣдѣнію университетовъ, въ какой самые университеты должны быть подчинены вѣдѣнію особыхъ директоровъ или попечителей".

Въ концѣ-концовъ, когда рѣшено было, на первыхъ порахъ, открыть университеты только въ Вильнѣ, Казани и Харьковѣ, члены комиссіи дѣятельно принялись за составленіе уставовъ для всѣхъ трехъ университетовъ одновременно, и при этомъ въ основу устава Харьковскаго и Казанскаго университетовъ положенъ былъ, конечно, уставъ Московскаго университета. Новые университеты.

Въ 1803 г. утверждены 24 января предварительныя правила [1]) народнаго просвѣщенія; 18 мая—уставъ Виленскаго университета, 12 сентября—уставъ Дерптскаго университета; 5 ноября 1804 г. уставы университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго. Изъ пяти городовъ, названныхъ въ предварительныхъ правилахъ, университеты открыты только въ Харьковѣ и Казани; въ Петербургѣ же, вмѣсто университета въ его полномъ составѣ, открыто одно отдѣленіе его подъ названіемъ „*Педагогическаго института*", предназначенное для подготовленія юношества къ учительской должности.

Вслѣдъ за открытіемъ университетовъ послѣдовалъ цѣлый рядъ заботъ о пополненіи ихъ профессорами и о привлеченіи въ стѣны ихъ и студентовъ. Всѣ эти работы возложены были на попечителей округовъ, которые, по общимъ отзывамъ современниковъ, относились къ своимъ обязанностямъ въ высшей степени добросовѣстно. Однакоже недостатокъ и въ профессорахъ, и въ слушателяхъ былъ настолько великъ, что полное открытіе университетовъ иногда задерживалось на нѣсколько лѣтъ [2]). Мѣры для пополненія каѳедръ и аудиторій принимались экстренныя,

[1]) Въ «предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія» сказано: «для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія, опредѣлены четыре рода училищъ; а именно: 1) училища *приходскія*, 2) *уѣздныя* 3) *губернскія* или *гимназіи* и 4) *университеты*. Приходское училище должно быть при каждомъ приходѣ, уѣздное—въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гимназія — въ каждомъ губернскомъ городѣ. Въ округахъ учреждаются университеты для преподаванія наукъ въ высшей степени»...

[2]) Такъ, напримѣръ, полное открытіе Казанскаго университета послѣдовало не ранѣе, какъ въ 1814 г.

чрезвычайныя. Съ одной стороны, въ число студентовъ (какъ и при основаніи академическаго университета) принимали способнѣйшихъ изъ числа семинаристовъ; съ другой — подготовляли особымъ курсомъ гимназистовъ старшаго класса къ слушанію университетскихъ лекцій. Нѣкоторые попечители учреждали даже и особые приготовительные курсы при университетѣ, служившіе неизбѣжнымъ преддверіемъ для вступленія въ храмъ науки.

Одинъ изъ попечителей даже весьма подробно выясняетъ поводы, вынудившіе его къ учрежденію подобныхъ курсовъ, и при этомъ рисуетъ намъ далеко не привлекательную картину современнаго провинціальнаго общества въ отношеніи его къ образованію:

„Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ (такъ пишетъ попечитель въ своемъ докладѣ министру) или имѣя о нихъ весьма темное понятіе, дворяне здѣшніе не радѣли о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершать ихъ знанія: они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше 14-ти-лѣтняго возраста посѣщать гимназіи, которыя, впрочемъ, не приведены еще въ желаемое состояніе. Поэтому, если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ пріемѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы ни одного студента, и цѣлому поколѣнію пришлось бы заградить путь къ образованію. Убѣждаясь такими причинами, я нахожусь вынужденнымъ учредить при университетѣ приготовительный курсъ, въ которомъ люди пріобрѣтутъ достаточныя свѣдѣнія къ слушанію высшихъ наукъ“.

Профессора. По отношенію къ преподавателямъ приходилось также принимать мѣры временныя и необычайныя; приходилось искать ихъ и въ средѣ русскихъ ученыхъ, и за границей, и даже предлагать каѳедру *„достойнѣйшимъ представителямъ учительскаго сословія“* [1]). И несмотря на такую пестроту состава первоначальной профессорской коллегіи, въ средѣ ея было много весьма почтенныхъ дѣятелей и замѣчательныхъ своими заслугами ученыхъ, и имена такихъ профессоровъ, какъ *Рижскій, Осиповскій, Успенскій* и *Яковкинъ*, произносились слушателями съ восторгомъ и глубочайшимъ уваженіемъ. И въ средѣ иностранцевъ, приглашенныхъ въ Россію, преимущественно изъ австрійскихъ и германскихъ университетовъ, было много замѣчательныхъ ученыхъ, обращавшихъ на себя вниманіе своими почтенными трудами. Таковы были, напримѣръ, оріенталистъ *Френъ*, математикъ *Бартельсъ*, астрономъ

[1]) Въ 1815 г. министерство народнаго просвѣщенія потребовало, чтобы для занятія каѳедръ избирались исключительно русскіе, а не иностранные ученые.

Литтровъ, профессоръ политическихъ наукъ *Якобъ*, клиницистъ *Эрдманъ!* Послѣдній изъ нихъ, въ отвѣтъ на посланное ему предложеніе пріѣхать въ Россію, писалъ письмо, въ которомъ совершенно откровенно высказывалъ причины, побуждавшія иностранныхъ ученыхъ къ выселенію изъ Германіи:

....„По настоящимъ политическимъ перемѣнамъ въ Германіи, неблагопріятствующимъ наукѣ,—писалъ Эрдманъ,—я съ радостью переселюсь въ такое государство, какъ Россія, гдѣ мудрое правленіе споспѣшествуетъ успѣхамъ и процвѣтанію наукъ".

Число преподаваемыхъ въ университетѣ предметовъ быстро увеличивалось по мѣрѣ того, какъ возрастала профессорская коллегія, пополняемая русскими и иностранными преподавателями. Но все же, на первыхъ порахъ, многіе профессора вынуждены были одновременно принимать на себя чтеніе курсовъ по многимъ каѳедрамъ и преподавать предметы, мало имѣвшіе между собою общаго. Такъ, напримѣръ, профессоръ *Успенскій* (въ Харьковскомъ университетѣ) читалъ: русскую исторію, географію и статистику, русское гражданское право, и въ то же время обозрѣвалъ нѣкоторыя мѣстныя права: литовское, курляндское, лифляндское и эстляндское. Профессоръ *Кронебергъ* (въ томъ же университетѣ) преподавалъ исторію латинской словесности, римскія древности, филологическую энциклопедію и исторію нѣмецкой литературы [1]).

Любопытно, что въ молодыхъ русскихъ университетахъ, надъ всѣми остальными предметами, преобладала и пользовалась общимъ сочувствіемъ философія. Не только нѣмецкіе ученые, занесенные судьбою въ нашу провинцію, но и русскіе ученые со страстью предавались изученію Канта (а позднѣе Шеллинга) и внушали своимъ молодымъ слушателямъ, что человѣкъ, незнакомый съ системою того или другого знаменитаго нѣмецкаго философа, не можетъ назваться вполнѣ образованнымъ. По этому поводу, академикъ Сухомлиновъ въ своей книгѣ замѣчаетъ довольно тонко: **Господство философіи.**

„Не отрицая даже вліянія, оказаннаго философскимъ характеромъ первыхъ университетскихъ лекцій, не можемъ не замѣтить, что исключительное господство философскаго направленія грозило и вредными слѣдствіями: вело къ туманности, неопредѣленности и неуваженію факта. Противодѣйствіемъ подобной крайности являлись естественныя и математическія науки, съ ихъ спеціальною методою. Къ строгой, отчетливой работѣ и внима-

[1]) Этотъ почтенный ученый первый оцѣнилъ въ Россіи Шекспира по достоинству и оказалъ важныя услуги молодому поколѣнію, знакомя слушателей съ важнѣйшими явленіями въ области европейской литературы и критики. Онъ отличался особеннымъ умѣньемъ возбуждать въ молодежи сочувствіе къ древнему міру и нѣмецкой философіи.

тельному наблюденію фактовъ пріучали также науки, имѣющія предметомъ своимъ Россію, каковы: русское право и русская исторія"...

Русская исторія, въ ту пору еще наука молодая и недостаточно изученная, не давала никакого простора ни для гипотезъ, ни для философскихъ умствованій, и вынуждала изслѣдователей къ изученію текстовъ, и потому становилась на одну линію съ науками точными, представители которыхъ (напр., извѣстный математикъ Осиповскій) выказывали себя открытыми и ярыми противниками философіи вообще, и системы Канта—въ особенности.

Несмотря на всѣ тѣ затрудненія, которыя молодымъ русскимъ университетамъ приходилось переживать въ первые годы ихъ существованія, они уже съ самаго начала привились на русской почвѣ и пустили въ нее глубокіе, благотворные корни. И попечители университетовъ, и профессора прекрасно поняли предлежавшую имъ задачу: содѣйствовать всѣми силами распространенію ученыхъ знаній и просвѣщенія въ Россіи. Въ виду этого, они не ограничивались чтеніемъ лекцій въ аудиторіяхъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ обращались къ публикѣ съ рѣчами, въ которыхъ касались различныхъ вопросовъ науки и общественной жизни. „Общедоступность, пригодность для общества, — говорилъ академикъ Сухомлиновъ,—при внутреннемъ достоинствѣ, постоянно имѣлись въ виду не только въ рѣчахъ, но и въ чисто-спеціальныхъ сочиненіяхъ".

Ученая дѣятельность.

Въ самыхъ стѣнахъ университета члены профессорской коллегіи старались поддерживать—и въ средѣ своихъ членовъ, и въ средѣ молодежи—духъ уваженія къ наукѣ и ея просвѣтительнымъ задачамъ. Съ этою цѣлью, профессора, сверхъ обычныхъ дѣловыхъ засѣданій, собирались еженедѣльно въ особыя *ученыя* собранія, въ которыхъ каждый сообщалъ объ успѣхахъ своей науки, о новыхъ трудахъ и открытіяхъ по своей спеціальности, или же всѣ вмѣстѣ разсматривали и обсуждали чьи-нибудь сочиненія, представленныя на соисканіе медалей или премій. Съ другой стороны, каждый профессоръ устраивалъ особыя ученыя бесѣды со студентами. На этихъ бесѣдахъ профессора предлагали своимъ слушателямъ научныя темы для устнаго объясненія, направляли ихъ сужденія и вырабатывали ихъ способъ выраженія мыслей.

Для распространенія и усиленія ученой и литературной дѣятельности среди мѣстной интеллигенціи, университеты учреждали въ средѣ своей ученыя общества по примѣру старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ — Московскаго—въ которомъ существовало „*Общество исторіи и древностей русскихъ*". Въ Казани, студентами перваго выпуска составлено было общество „*любителей рус-*

ской словесности при Казанскомъ университетѣ". Въ 1812 году, при Харьковскомъ университетѣ, учреждено "*Общество наукъ*" съ двумя отдѣленіями: словесныхъ и естественныхъ наукъ. Въ 1819 году въ Харьковскомъ университетѣ образовалось общество "*студентовъ-любителей отечественной словесности*", еженедѣльно собиравшееся подъ предсѣдательствомъ декана словеснаго факультета; нѣсколько позднѣе видимъ тамъ же "*Сотоварищество любителей наукъ*", основанное студентами философскаго факультета [1]).

Одновременно съ этою внутреннею ученою дѣятельностью, университетская коллегія оказывала весьма энергичную поддержку и періодической литературѣ, развивавшейся въ университетскихъ городахъ. Такъ, въ Казани, въ относительно краткій періодъ времени, послѣдовательно явились три періодическія изданія: "*Казанскія извѣстія*", "*Казанскій Вѣстникъ*", "*Труды Казанскаго Общества любителей отечественной словесности*". Еще оживленнѣе, въ той же области, была дѣятельность Харькова, гдѣ около этого времени явилось четыре изданія: "*Украинскій Вѣстникъ*", "*Украинскій домоводъ*", "*Харьковскій журналъ*", "*Украинскій журналъ*" [2]).

Рядомъ съ быстро-возраставшимъ количествомъ новыхъ періодическихъ изданій, университеты, пользовавшіеся полною независимостью отъ цензуры, въ значительной степени способствовали и развитію книжной торговли, такъ какъ всѣ лучшіе профессора налагали на себя непремѣнную обязанность печатанія учебниковъ, которые каждый изъ нихъ составлялъ по своему предмету. Многіе изъ подобныхъ учебниковъ (какъ напр. учебникъ Рижскаго) пользовались громкою извѣстностью и послужили учебнымъ руководствомъ для обученія многихъ послѣдовательныхъ поколѣній. Къ печатанію учебниковъ профессора были поощряемы и министерствомъ, которое воспрещало „обременять студентовъ записываніемъ лекцій" и требовало, чтобы въ основу лекцій была положена профессоромъ непремѣнно печатная книга.

Внутренняя жизнь университетовъ.

Внутренняя жизнь университетовъ Александровскаго времени, несмотря на многіе недочеты, пробѣлы и недостатки, все же складывалась очень хорошо и многое сулила въ будущемъ, благодаря той широкой и либеральной основѣ, которая была дана университетамъ. Не слѣдуетъ забывать, что университеты этого періода были не только высшими научными учрежденіями въ

---

[1]) Увлеченные ихъ примѣромъ, студенты Ришельевскаго лицея завели въ средѣ своей «содружество» подъ названіемъ «Общество соревнователей отечественной словесности».

[2]) Число сочиненій, вышедшихъ изъ типографіи Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія съ 1805—1815 г., простирается до 210, что составляетъ почти 1/12 долю того, что произвело въ это время книгопечатаніе во всей Россіи; изъ 210 сочиненій 90 принадлежатъ профессорамъ и 16-ть—студентамъ. Замѣтимъ кстати, что изъ 240 украинскихъ писателей и ревнителей просвѣщенія около половины получили образованіе въ Харьковскомъ университетѣ.

извѣстномъ краѣ (учебномъ округѣ), но и высшей инстанціей, рѣшавшей самостоятельно всѣ вопросы по учебной части и всѣ юридическіе вопросы по тяжбамъ, возникавшимъ въ правленіи университета съ частными лицами. Кромѣ полной свободы преподаванія, профессорская коллегія пользовалась еще значительными преимуществами: сочиненія профессора были избавлены отъ цензуры, профессорамъ выдавались на руки всѣ, даже и запрещенныя книги и рукописи, и коллегія имѣла право суда надъ студентами. По замѣчанію академика Сухомлинова, душою учрежденія былъ его выборный ректоръ, „который былъ не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности представителемъ университета, и защищалъ его интересы съ тѣмъ достоинствомъ и энергіею, которыя даются только сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей и свободою дѣйствовать по своему убѣжденію и долгу".

Важное, первенствующее значеніе получили университеты Александровскаго времени еще и потому, что они были, дѣйствительно, главными разсадниками образованія для края, служили какъ бы центрами, къ которымъ примыкали всѣ училища округа, связанныя съ университетами не только учебными, но и административными отношеніями. Связь эта — живая и тѣсная — поддерживалась тѣмъ, что университетъ посылалъ по округу *визитаторовъ* изъ профессорской коллегіи, и эти визитаторы всюду слѣдили не только за правильнымъ выполненіемъ уставовъ и программъ, но и за внутреннею жизнью училища, и за его отношеніями къ окружающему обществу [1]). Надѣляя училища преподавателями и улучшая постепенно ихъ управленіе и внутренній бытъ, университеты же заботились и о снабженіи училищъ необходимыми учебными пособіями... Автономія и права, дарованныя университетамъ въ области ихъ отношенія къ остальнымъ учебнымъ заведеніямъ округа, долгое время сохранялись неприкосновенными. Любопытнымъ образцомъ ихъ примѣненія можетъ служить слѣдующій разительный примѣръ. По случаю безпорядковъ въ одной изъ гимназій, посланъ былъ на ревизію не членъ университета, а, вопреки уставу, чиновникъ канцеляріи министра. Профессора университета, къ округу котораго принадлежала гимназія, обратились въ Петербургъ съ жалобою на это нарушеніе устава. Комитетъ министровъ прислалъ имъ выговоръ; но они этимъ выговоромъ нимало не смутились и вошли съ новымъ предложеніемъ, въ которомъ опирались на уставъ университета, такъ что комитетъ министровъ, найдя доводы ихъ совершенно законными, измѣнилъ свое рѣшеніе.

---

[1]) Тѣ отчеты визитаторовъ, которые приведены Сухомлиновымъ въ его книгѣ, представляютъ собою массу драгоцѣннаго матерьяла для исторіи постепеннаго распространенія въ Россіи просвѣщенія.

Профессора и студенты.

Прекрасно и въ высшей степени гуманно складывались въ этотъ періодъ и отношенія профессорской коллегіи, и ректора университета къ студентамъ. Правила внутренняго благоустройства создавались коллегіально, совѣтомъ университета, и не отличались ни чрезмѣрною требовательностью, ни драконовскою строгостью. Высшей степенью наказанія, налагаемаго на студентовъ университетскимъ судомъ, было занесеніе его имени на черную доску, послѣ чего онъ долженъ былъ неминуемо покинуть университетъ. Но къ этой мѣрѣ прибѣгали очень рѣдко, руководясь въ дѣйствіяхъ своихъ мягкостью и снисхожденіемъ къ молодежи. Такой способъ дѣйствій въ сильнѣйшей степени поддерживалъ авторитетъ ректорской власти и уваженія къ коллегіи въ средѣ студентовъ, и многія современныя свидѣтельства положительно доказываютъ намъ, что одного появленія ректора или профессора передъ толпою бушевавшей молодежи было достаточно, чтобы призвать ее къ порядку и заставить повиноваться внѣ-университетскимъ властямъ [1]).

Такое независимое и почетное положеніе юныхъ университетовъ въ нашемъ провинціальномъ обществѣ невольно возбуждало къ нимъ сочувствіе, и они никакъ не могли пожаловаться на равнодушіе къ нимъ окружающей среды. Пожертвованія имущественныя и денежныя щедро изливались на нихъ со всѣхъ сторонъ, и ихъ библіотеки и кабинеты, быстро возраставшіе въ количествѣ и цѣнности своего состава, могли служить достаточно яснымъ указаніемъ на то, какъ благосклонно къ нимъ относилось общество.

Но вотъ горячая пора первоначальныхъ и благодѣтельныхъ преобразованій и нововведеній въ области русскаго просвѣщенія миновала: подъ вліяніемъ войнъ, въ которыя вовлечена была Россія, и трудныхъ политическихъ обстоятельствъ, во всей внутренной жизни Россіи наступило затишье, вызванное отчасти поглощеніемъ всѣхъ финансовыхъ средствъ страны военными издержками, отчасти же и отвлеченіемъ лучшихъ умственныхъ силъ на героическую борьбу съ Наполеономъ за отвлеченную идею освобожденія Европы и во имя такихъ идеаловъ, которые всѣмъ представлялись туманными и проблематичными. Результатомъ этой борьбы явилось для всѣхъ неожиданное торжество и преобладаніе такихъ началъ, которыя менѣе всего способны были удовлетворить сильно возбужденнымъ чувствамъ любви къ отечеству и народной гордости, жестоко страдавшимъ отъ тѣхъ порядковъ, какіе приходилось переживать обществу.

---

[1]) Ареною такихъ шумныхъ волненій и демонстрацій бывалъ обыкновенно въ Харьковѣ театръ, который молодежь любила до страсти и слишкомъ горячо сочувствовала различнымъ несогласіямъ театральныхъ партій.

Это была дѣйствительно странная эпоха, полная всякихъ противорѣчій, несообразностей и неожиданныхъ сопоставленій! Общеевропейская борьба противъ одного врага поднимала духъ народовъ, но поражала лучшіе умы какимъ-то нравственнымъ безсиліемъ, какимъ-то самоуничиженіемъ, которое легко способствовало переходу къ мистическому экстазу и всѣмъ увлеченіямъ, какія съ нимъ соединены.

Реакція. По личному (и весьма искреннему) признанію самого императора Александра I, событія эпохи вызвали его къ новой жизни, пересоздали его; онъ говорилъ, что пожаръ московскій „озарилъ его душу, а судъ Божій, совершившійся на поляхъ битвъ, наполнилъ его сердце невѣдомой дотолѣ теплотою вѣры... Спасенію Европы отъ гибели онъ обязанъ своимъ собственнымъ спасеніемъ..." И въ этомъ откровенномъ признаніи намъ слышится внутренній голосъ многихъ и многихъ лучшихъ представителей современнаго общества, которые мало-по-малу пришли къ созданію такого совершенно идеальнаго и неосуществимаго договора, какъ приснопамятный актъ Священнаго Союза, вызвавшій столько недоразумѣній, породившій столько ложныхъ толкованій, столько извращеній истины. Дѣло въ томъ, что началами Священнаго Союза прежде всего воспользовались люди неблагонамѣренные—ловкіе дѣльцы и дипломаты, въ родѣ Меттерниха,—и воспользовались лишь для того, чтобы стянуть бразды правленія и усилить значеніе власти правителей. Чтобы легче было этого достигнуть, люди, проводившіе идеи Священнаго Союза, прежде всего принялись за печать и школу и наложили тяжкія оковы на эти два лучшихъ органа духовной жизни народа. Оковы эти, собственно говоря, налагались въ видахъ достиженія самыхъ благотворныхъ цѣлей: ради „водворенія въ общественномъ воспитаніи начала вѣры и уваженія къ власти, ради торжества откровенія и покорности властямъ надъ порывами разума и воли, не признающихъ никакого авторитета". И подъ личиною этихъ началъ обратились къ притѣсненіямъ и ограниченію сословныхъ правъ, къ которымъ среднеевропейское общество отнеслось съ крайнимъ недовольствомъ, послѣ упорной и долгой борьбы съ Наполеономъ. Недовольство проявилось въ кое-какихъ мѣстныхъ волненіяхъ, особенно въ средѣ университетской молодежи, и въ ней же, къ сожалѣнію, нашлись горячія головы, которыя дошли до чрезвычайныхъ и прискорбныхъ крайностей [1]). Этими крайностями люди реакціи воспользовались, какъ доказательствами въ пользу необходимости предлагаемыхъ ими стѣсненій печати и преобразованій школы. Стѣсненія и преобразованія были окончательно закрѣплены и обусловлены на съѣздахъ

[1]) Мы разумѣемъ убійство извѣстнаго нѣмецкаго сторонника реакцій, писателя Коцебу, совершенное студентомъ Карломъ Зандомъ.

дипломатовъ въ Карлсбадѣ и Франкфуртѣ. Рѣшеніе этихъ съѣздовъ, вызванныхъ событіями внутренней жизни въ Германіи, примѣнены были и къ Россіи, хотя она и была совершенно чужда тому броженію, которое въ это время охватило Германію. И вотъ, вся дѣятельность нашего правленія училищъ была направлена, подъ вліяніемъ новаго оборота въ воззрѣніяхъ на воспитаніе, на новый и совершенно ложный путь... Одинъ изъ ораторовъ новаго направленія такъ описываетъ современное состояніе европейскаго просвѣщенія, университетской науки и печати:

„Когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада... Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы; книгопечатаніе—орудіе его; профессора безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству; а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ...“

И затѣмъ въ своемъ мрачномъ паѳосѣ доходитъ даже до такихъ крайностей:

„Счастлива была бы Россія, ежели бы можно было такъ оградить ее отъ Европы, чтобы и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея! Настоящую войну духа злобы не могутъ остановить арміи, ибо противъ духовныхъ нападеній нужна и оборона духовная. Благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ бездны, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ“.

Подъ вліяніемъ такихъ и подобныхъ проповѣдей явилось въ высшихъ сферахъ убѣжденіе, которое, мало-по-малу, легло въ основу цѣлой системы реформъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Убѣжденіе это заключалось въ томъ, что все ученіе и даже все движеніе науки должно исходить отъ религіи и ни въ какомъ случаѣ не переходить за предѣлы, указанные каноническими правилами. Строгая религіозная и исключительно-монархическая доктрина должны быть присущи преподаванію на всемъ пространствѣ гимназическаго и университетскаго курса и всѣ свѣдѣнія, получаемыя учениками и студентами отъ ихъ преподавателей, должны быть исключительно направлены къ тому, чтобы внѣдрять въ души учащихся эту основную доктрину. Ей все подчинено и никакое знаніе, внѣ ея, не признавали даже и знаніемъ... Другими словами, около 1817 года наступила вдругъ страшная реакція, надолго попятившая нашу русскую науку и просвѣщеніе, и отразившаяся впослѣдствіи, даже еще и въ послѣдующее царствованіе, весьма прискорбными явленіями. Въ

главномъ правленіи училищъ явились люди, подобные Стурдзѣ, графу Лавалю, Магницкому и Руничу—и въ дѣятельности его проявилось такое усердіе не по разуму, которое, вѣроятно, принесло бы неисчислимый вредъ Россіи, если бы продлилось долѣе 6—7 лѣтъ и перешло за предѣлы одного министерства, какъ и весьма многія быстрыя реформы, исходившія у насъ въ Россіи не изъ живыхъ потребностей народа.

Сліяніе министерствъ.

Реакція проявилась, прежде всего, въ томъ, что два министерства были слиты воедино, о чемъ объявлено было во всенародное свѣдѣніе особымъ манифестомъ.

Въ манифестѣ 24-го октября 1817 г. сказано: „желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признаемъ мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составѣ одного управленія подъ названіемъ *министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія*".

Первымъ и прямымъ слѣдствіемъ такой странной реформы явилось быстрое развитіе дѣятельности *библейскихъ обществъ*, которыя уже и до этого времени нашли себѣ доступъ въ Россію. Новый министръ новаго министерства, князь А. Н. Голицынъ, былъ въ то же время и президентомъ россійскаго библейскаго общества, и горячимъ поклонникомъ его дѣятельности. Увлекаясь основною идеею своего общества, члены его, какъ извѣстно, посвящали всю свою дѣятельность распространенію книгъ, въ которыхъ „заключался чистѣйшій источникъ просвѣщеній". Окруженный въ главномъ правленіи училищъ вице-президентами и членами библейскаго общества, новый министръ потратилъ много силъ и средствъ на распространеніе дѣятельности библейскаго общества. По указанію свыше, учебное начальство ревностно принялось вербовать членовъ для библейскаго общества среди студентовъ, воспитанниковъ лицеевъ и другихъ учебныхъ заведеній. Движеніе распространялось и приняло довольно обширные размѣры; если вѣрить отчету Россійскаго Библейскаго Общества за 1818—1819 г., въ которомъ президентъ его заявляетъ съ восторгомъ, что „чтеніе Св. Писанія распространяется у насъ и между поселянами [1]); солдаты и матросы сами ищутъ сей пищи духовной. Во внутренности семействъ библія становится правиломъ жизни и ежедневнымъ поученіемъ. Но еще замѣчательнѣйшіе

---

[1]) Въ этомъ заявленіи президента замѣчаемъ, конечно, весьма значительное преувеличеніе, потому что поселяне еще не могли въ эту пору мечтать о чтеніи Св. Писанія. Однакоже, несомнѣнно то, что успѣшная дѣятельность библейскаго общества направлялась и въ эту сторону: они впервые обратили вниманіе правительства на необходимость распространенія грамотности въ народѣ. До того времени, приходскія школы, проектированныя новымъ правленіемъ училищъ, существовали только на бумагѣ.

виды представляются намъ для отечества нашего: въ сообразность съ волею монаршею вводится теперь чтеніе Св. Писанія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ нашимъ и таковое основаніе послужитъ непремѣнно къ насажденію благочестія въ духѣ возрастающаго поколѣнія, *къ созданію царства Христова на землѣ*"... Движеніе, поощряемое начальствомъ, среди учащейся молодежи доведено было до такихъ крайностей, что даже „дѣти Ришельевскаго лицея" учредили между собою „библейское сотоварищество, для снабженія сверстниковъ своихъ книгами „слова Божія", и начальство лицея, вполнѣ сочувствуя „благословенному подвигу юныхъ сотрудниковъ россійскихъ библейскихъ обществъ", разрѣшило членамъ сотоварищества собираться дважды въ недѣлю на совѣщательныя собранія.

Подобныя проявленія дѣятельности библейскихъ обществъ вполнѣ соотвѣтствовали той идеалистикѣ, которая ими руководила, но не имѣли, конечно, и не могли имѣть никакого практическаго значенія въ отношеніи къ насущнымъ потребностямъ русской жизни. Они стояли въ полномъ соотвѣтствіи съ фантастическими стремленіями образовать изъ всего народа „единую семью Небеснаго Отца", съ мечтами о сліяніи всѣхъ народовъ въ одинъ народъ, который бы могъ объясняться на „всеобщемъ языкѣ", въ родѣ нынѣ-изобрѣтеннаго воланюка, и т. д. [1]).

Другимъ прямымъ слѣдствіемъ соединенія двухъ министерствъ во власти одного министра явилось стремленіе къ преобразованію всѣхъ учебныхъ заведеній, созданныхъ въ началѣ царствованія, и преобразованіе коренное, касающееся не только внѣшнихъ формъ, но и системы, и духа всего преподаванія. Напуганные національнымъ движеніемъ, проявившимся въ германскихъ университетахъ, слишкомъ усердные и недальновидные члены главнаго правленія училищъ стали искать тѣхъ же „зловредныхъ началъ" и на почвѣ русскаго просвѣщенія, и въ средѣ только-что учрежденныхъ университетовъ, и въ средѣ самого общества.

Рѣшено было и у насъ примѣнить знаменитыя постановленія карлсбадскихъ и франкфуртскихъ конференцій, на основаніи которыхъ положили: усилить бдительную строгость цензуры, принять чрезвычайныя мѣры въ отношеніи университетовъ, гимназій и школъ, сократить права университетовъ и подчинить студентовъ надзору и вѣдѣнію внѣшней полиціи... [2])

---

[1]) Какой-то профессоръ баварскаго лицея представилъ въ ученый комитетъ свое сочиненіе о всеобщемъ языкѣ, и ученый комитетъ занимался серьезнымъ его разсмотрѣніемъ.

[2]) Послѣднее на томъ основаніи, что «въ глазахъ закона студентъ есть несовершеннолѣтній гражданинъ, имѣющій право на нѣкоторое снисхожденіе, но отнюдь не на безнаказанность».

Общая ломка.

Началась работа надъ усерднымъ разрушеніемъ недавно-созданнаго. Рьяные мистики и піэтисты были отправлены во всѣ концы Россіи въ качествѣ ревизоровъ и наблюдателей, а потомъ они возведены въ роль полноправыхъ вершителей судебъ всего русскаго просвѣщенія — и результаты отъ этой дѣятельности получились невѣроятно-плачевные. Св. Писаніе было офиціально признано основою всѣхъ наукъ, и съ полнѣйшимъ спокойствіемъ духа рѣшено было исключить изъ гимназическаго и университетскаго преподаванія всѣ науки, которыя нельзя было подчинить вполнѣ точному смыслу текстовъ Св. Писанія. Особенно ярому преслѣдованію подвергались науки естественныя, дерзавшія истолковывать явленія природы на основаніи точныхъ наблюденій и математическихъ выкладокъ или по необходимости вдававшіяся въ объясненіе о происхожденіи земли и различныхъ эпохахъ ея существованія [1]). Затѣмъ положительному преслѣдованію подвергались такія науки, какъ „естественное право", дерзавшее говорить о первобытномъ дикомъ состояніи человѣческихъ обществъ, и какъ „статистика", пытавшаяся цифрами доказать и объяснить свои выводы. Но этого мало: программы преподаванія остальныхъ предметовъ были измѣнены до неузнаваемости. Такъ въ основаніе преподаванія философіи приказано было принять посланіе апостола Павла къ Колоссянамъ и Тимоѳею; а начала политическихъ наукъ — извлекать изъ Моисея, Давида, Соломона, отчасти изъ Платона и Аристотеля, причемъ указывалось, что „всеобщая исторія должна быть непремѣнно излагаема такимъ образомъ, чтобы постоянно доказывать превосходство монархическаго образа правленія надъ всѣми другими"...

Въ программахъ университетскаго преподаванія рекомендовалось профессорамъ даже и „врачебныя науки преподавать въ духѣ Св. Писанія", доказывая слушателямъ, что цѣль анатоміи—„находить въ строеніи человѣческаго тѣла доказательства премудрости Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію своему", а цѣль физіологіи—„объяснять дѣйствіе органовъ въ соединеніи безсмертной души съ тѣломъ".

Самое преподаваніе медицинскихъ наукъ въ университетѣ пытались очистить отъ присущаго имъ матерьялизма, всячески затрудняя открытіе анатомическихъ театровъ, въ которыхъ видѣли „уступку жестокой необходимости и *неуваженіе къ праху умершихъ*".

Можно ли, при этомъ направленіи, удивляться тому, что въ описываемую нами эпоху, на каѳедрѣ математики явились про-

[1]) Современные отчеты университетовъ сообщаютъ намъ, что «по всей справедливости осуждено и воспрещено ученіе о воображаемой древности вселенной, поддерживаемое многими учеными, *вопреки свидѣтельству Св. Писанія* о сотвореніи міра».

фессора, которые серьезно доказывали, что „гипотенуза въ прямоугольномъ трехугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и міра, правосудія и любви, черезъ ходатая Бога и человѣка, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ..." [1])

Реакція съ особенною силою проявилась въ Казанскомъ университетѣ, который сначала поручено было обревизовать члену правленія училищъ, Магницкому; а потомъ ему же, какъ попечителю казанскаго округа, ввѣрено было его преобразовать основательно и строго, на основаніи имъ же выработанной инструкціи. Эти преобразованія (равнявшіяся сплошной ломкѣ) привели къ дикимъ абсурдамъ, къ лицемѣрію и обманамъ, и къ самому печальному извращенію всѣхъ университетскихъ порядковъ и обычаевъ, такъ какъ университетъ сталъ мало-по-малу превращаться въ нѣкоторое подобіе іезуитскаго коллегіума [2]). Даже и наказанія виновныхъ студентовъ пріобрѣли характеръ какихъ-то монастырскихъ покаяній: „виновнаго заключали въ такъ-называемую комнату уединенія съ желѣзною рѣшеткою на двери и окнѣ, съ живописнымъ распятіемъ на одной стѣнѣ и съ картиною Страшнаго Суда—на другой" — дабы онъ имѣлъ полную возможность раскаяться въ своей винѣ и задуматься надъ суетою всего мірского... Магницкій и Руничъ.

Все это привело, конечно, къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: все, что было талантливаго и честнаго въ профессорской коллегіи, должно было покинуть каѳедру и выйти изъ университета. Убылыя мѣста были заняты людьми малознающими, но способными льстить, лицемѣрить и притворяться. Обманъ и ложь торжествовали всюду и оказывали самое пагубное вліяніе на молодежь, которая теряла всякое уваженіе къ власти, видя, что золотыя медали и награды присуждаются тѣмъ ученикамъ, которые лучше умѣли лицемѣрить и отличались притворною набожностью...

Странно сказать и даже трудно себѣ представить, что какое-то тяжкое и сплошное помраченіе овладѣло вдругъ всѣми высшими слоями русскаго общества, которое безгласно и почти равно-

---

[1]) Тотъ же профессоръ съ каѳедры сообщалъ студентамъ: «Св. Церковь издревле употребляетъ трехугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра, зиждителя всея твари»...

[2]) Отъ іезуитовъ несомнѣнно была заимствована слѣдующая любопытная программа университетскаго торжественнаго акта:

«Послѣ обѣдни и молебна, пропоютъ: «днесь благодать Св. Духа насъ собра»; профессоръ прочтетъ рѣчь: о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи; пропоютъ: «Боже, царя храни». Студентъ прочтетъ: «о золотосодержащихъ пескахъ»; пропоютъ: «Коль славенъ»... Студентъ прочтетъ: «о необходимости соединенія наружнаго со внутреннимъ богопочитаніемъ»; пропоютъ: «Слава въ вышнихъ Богу». Ректоръ произнесетъ слово «о достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ»: пропоютъ: «Господи, силою Твоею возвеселится царь».

душно слѣдило за реакціей, совершавшей свое губительное дѣло разрушенія основъ русскаго просвѣщенія. На глазахъ у всѣхъ творились вопіющія дѣла! Магницкій свирѣпствовалъ въ казанскомъ округѣ, преобразуя на свой ладъ Казанскій университетъ и торжественно провозглашая, что для этого несчастнаго университета наступила, благодаря ему, Магницкому, эра обновленія... Для Петербургскаго университета, только-что основаннаго въ 1819 г. (8 февраля), нашелся свой Магницкій, въ лицѣ попечителя Рунича, который уже два года спустя призналъ необходимымъ преобразовать этотъ молодой разсадникъ просвѣщенія по инструкціямъ Магницкаго. И вотъ, въ 1821 году, началась ломка, притѣсненія и преслѣдованія, закончившіяся громкимъ судомъ надъ лучшими представителями профессорской коллегіи — Арсеньевымъ, Галичемъ, Германомъ и Раупахомъ. Обвиненные въ злонамѣренномъ распространеніи зловредныхъ и ложныхъ идей и мнѣній среди молодежи, эти почтенные дѣятели, измученные нескончаемыми допросами, отзывами и разслѣдованіями, вынуждены были покинуть университетъ, какъ виноватые, несмотря на то, что судъ надъ ними былъ произведенъ самымъ неправильнымъ образомъ и у нихъ были отняты почти всѣ способы къ оправданію [1]).

Графъ Ѳ. А. Толстой, извѣстный библіографъ и собиратель книжныхъ сокровищъ.

[1]) Въ этотъ печальный періодъ реакціи, изъ числа новыхъ трехъ университетовъ, менѣе всѣхъ пострадалъ Харьковскій, хотя и онъ утратилъ одного изъ лучшихъ своихъ представителей—*Осиповскаго.*

Одновременно съ этими печальными событіями въ университетской жизни, подъ вліяніемъ той же мистико-піэтистической реакціи, свирѣпствовала и цензура, подвергая пересмотру не только все новое, выходившее изъ-подъ печатнаго станка, но даже и такія книги, которыя давно успѣли выдержать десятки изданій и Цензурныя строгости.

Платонъ Петровичъ Бекетовъ, извѣстный издатель и любитель русской старины.

пріобрѣсти себѣ право гражданства въ кругу книгъ учебныхъ. Такому строгому пересмотру и осужденію подверглась извѣстная „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина", которая была составлена однимъ изъ лучшихъ педагоговъ Екатерининскаго времени, Янковичемъ-де-Миріево, и собственноручно выправлена самой Екатериной. Съ 1780 года книга эта была введена въ училища и вдругъ подверглась осужденію и изгнанію изъ училищъ. Въ ми-

нистерство князя А. Н. Голицына ее велѣно было замѣнить чтеніемъ изъ Евангелистовъ... [1]) Реакція, какъ и во всемъ, доходила до крайностей смѣшныхъ и жалкихъ; даже *прописи* подверглись передѣлкѣ въ отношеніи какъ почерка, такъ и помѣщенныхъ въ нихъ изреченій. Для новаго изданія прописей извлечены статьи изъ книги о подражаніи Христу и чтенія четырехъ евангелистовъ, такъ какъ „комитетъ желалъ ознакомить учащихся съ единою на требу истинною нравственностью христіанскою".

Такія и тому подобныя крайности, мало-по-малу, создали вокругъ рьяныхъ мистиковъ такую массу враговъ, которая, рано или поздно, должна была ихъ подавить. Даже и въ высшей инстанціи, въ самомъ комитетѣ министровъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, противъ нихъ поднялись такіе мощные противники, какъ суровый Аракчеевъ, какъ неугомонный Шишковъ, поддерживаемый изувѣромъ Фотіемъ (архимандритомъ Юрьевскаго Новгородскаго монастыря)—и тѣ самые люди, которые всѣхъ обвиняли и заподозрѣвали въ недостаточной религіозности и въ слабомъ настроеніи патріотическомъ, подверглись теперь отъ своихъ противниковъ гоненіямъ за то, что они будто бы подкапываются подъ основы православія и государственности... Министерство Голицына пало, но счастью не успѣвъ достигнуть тѣхъ цѣлей, къ которымъ такъ ревностно стремилось: пало, пораженное собственнымъ своимъ оружіемъ. Заступившее его министерство Шишкова тоже не много обѣщало въ будущемъ для нашего просвѣщенія; но все же всѣ вздохнули свободно, всѣ оживились надеждою на лучшія времена...

Учрежденіе Публичной Библіотеки. Отъ изложенія печальной судьбы, постигшей наши университеты въ самомъ началѣ ихъ существованія, мы охотно перейдемъ къ болѣе утѣшительнымъ фактамъ исторіи нашей культуры, свидѣтельствующимъ о значительныхъ успѣхахъ въ области нашей исторической науки и въ удовлетвореніи возраставшихъ потребностей нашего просвѣщенія. Къ такимъ фактамъ относимъ мы, прежде всего, учрежденіе богатѣйшаго книгохранилища въ С.-Петербургѣ, открытаго для публики, подъ названіемъ „*Императорской Публичной Библіотеки*"; затѣмъ учрежденіе многихъ ученыхъ обществъ, казенныхъ и частныхъ, и, наконецъ, дѣятельность частныхъ лицъ на пользу русскаго просвѣщенія. Эти факты, между прочимъ, въ особенности важны потому, что указываютъ

---

[1]) Въ гимназіяхъ около того же времени установлено было чтеніе Св. Евангелія отъ Матѳея съ дополненіями изъ другихъ евангелистовъ и, сверхъ того, особый курсъ христіанской морали; а до появленія «по этому предмету классической книги», разрѣшено эту мораль почерпать «изъ притчей Соломоновыхъ и книги премудрости Іисуса сына Сирахова, съ краткимъ приложеніемъ къ нравственности евангельской».

на неудержимость въ прогрессивномъ развитіи культурныхъ потребностей общества, которое продолжаетъ идти своимъ путемъ, несмотря ни на какія временныя препятствія, и ни на какія задержки и перемѣны въ общемъ направленіи. Въ знаменательный періодъ начала царствованія Александра I, обильный просвѣтительными идеями—въ вѣкъ основанія новыхъ университетовъ и усердныхъ заботъ о распространеніи просвѣщенія въ Россіи — явилось между русскими учеными стремленіе сплотиться въ тѣсные кружки для достиженія опредѣленныхъ научныхъ цѣлей. Пробуждающаяся самодѣятельность русскаго общества проявилась въ учрежденіи ученыхъ обществъ, на частныя средства, рядомъ съ обществами казенными и офиціальными. Объ одномъ изъ нихъ, о „Бесѣдѣ любителей русскаго слова", задуманномъ и основанномъ по мысли Шишкова, мы уже имѣли случай говорить выше, причемъ обращали вниманіе на его полуофиціальный характеръ и тѣсную связь съ Россійской Академіей. Но, собственно говоря, первымъ, по времени основанія, частнымъ ученымъ обществомъ было основанное въ 1801 г. „*Вольное Общество любителей россійской словесности, наукъ и художествъ*". Учредителями были шесть студентовъ бывшей Академической Гимназіи. Цѣлью и основою дѣйствій этого общества было „взаимное совершенствованіе въ трехъ отрасляхъ человѣческой способности — словесности, наукахъ и художествахъ—и содѣйствіе другимъ въ томъ же стремленіи". Неопредѣленность и сложность этой цѣли указываетъ намъ на туманность современныхъ понятій о взаимномъ соотношеніи между искусствомъ и наукою и не сулила долговѣчности обществу; однакоже оно просуществовало до самаго конца царствованія Александра I и окончательно прекратило свою дѣятельность въ предсѣдательство А. Измайлова.

Вторымъ ученымъ обществомъ полуофиціальнаго характера было, знаменитое по своей дѣятельности и донынѣ существующее, „*Московское Общество исторіи и древностей*", основанное при Московскомъ университетѣ въ 1804 году. Это почтенное общество, лѣтъ десять спустя, выступившее со своими замѣчательными періодическими изданіями научнаго характера въ первые годы существованія, проявило свою дѣятельность собираніемъ древнихъ письменныхъ памятниковъ и составленіемъ богатой библіотеки изъ печатныхъ книгъ и рукописей. Серьезныя, научныя цѣли, положенныя въ основу этого почтеннаго общества, привлекли къ нему и талантливыхъ научныхъ дѣятелей: юнаго К. Ѳ. Калайдовича, просвѣщеннаго архіепископа Евгенія Болховитинова, Бантышъ-Каменскаго, Тургенева, Фитингофа, Ермолаева, Востокова и многихъ другихъ, впослѣдствіи прославившихся на науч- **Ученыя общества.**

номъ поприщѣ. Органами его явились весьма почтенныя изданія: „Временникъ“ и „Чтенія“, существующія и донынѣ.

Третьимъ обществомъ было основанное при Московскомъ же университетѣ „*Общество любителей Россійской словесности*“ (въ 1810 г.), очень много сдѣлавшее для изученія русскаго и церковнославянскаго языка и словесности. Дѣйствуя безпристрастно и не поддаваясь никакой исключительности, это „Общество“ сумѣло привлечь къ своимъ трудамъ лучшихъ изъ числа современныхъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей и задавалось постоянно рѣшеніемъ вопросовъ живыхъ и имѣвшихъ значеніе для современной науки языка.

А. Х. Востоковъ.

Въ 1816 году основано было и четвертое частное общество, подъ названіемъ: „*Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія*.“ Странно сказать, что это общее наименованіе новаго учрежденія не понравилось составу его членовъ и вскорѣ уже (именно въ 1820 г.) было замѣнено другимъ—общество стало именоваться: „*Вольнымъ Обществомъ любителей Россійской словесности*“. Цѣль общества была, по преимуществу, благотворительная: доходами со своихъ изданій оно предполагало доставлять помощь „бѣднымъ, но достойнымъ литераторамъ и художникамъ, а равно и ихъ семьямъ“. Несмотря на участіе въ этихъ изданіяхъ многихъ весьма крупныхъ и весьма извѣстныхъ писателей, изданія общества оказывались крайне безсодержательными и потому вскорѣ прекратились.

С. С. Уваровъ, въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ объ эпохѣ Александра I, оцѣниваетъ по достоинству значеніе всѣхъ подобныхъ частныхъ ученыхъ обществъ, и говоритъ, что „они имѣли ощутительное, хотя и невидимое вліяніе на современниковъ, и что, въ этомъ отношеніи, академіи и другія офи-

ціальныя учрежденія того же рода далеко не имѣютъ подобной силы, такъ какъ они не даютъ знаменитымъ писателямъ, а скорѣе заимствуютъ отъ нихъ жизнь и направленіе".

Однимъ изъ важныхъ и вѣскихъ подтвержденій этого вывода является уже извѣстное намъ шутливое общество „Арзамасъ", которое, несмотря на свой совершенно частный и—можно почти сказать—домашній характеръ, пользовалось большимъ значеніемъ въ обществѣ и вліяло на большой кружокъ талантливѣйшихъ писателей.

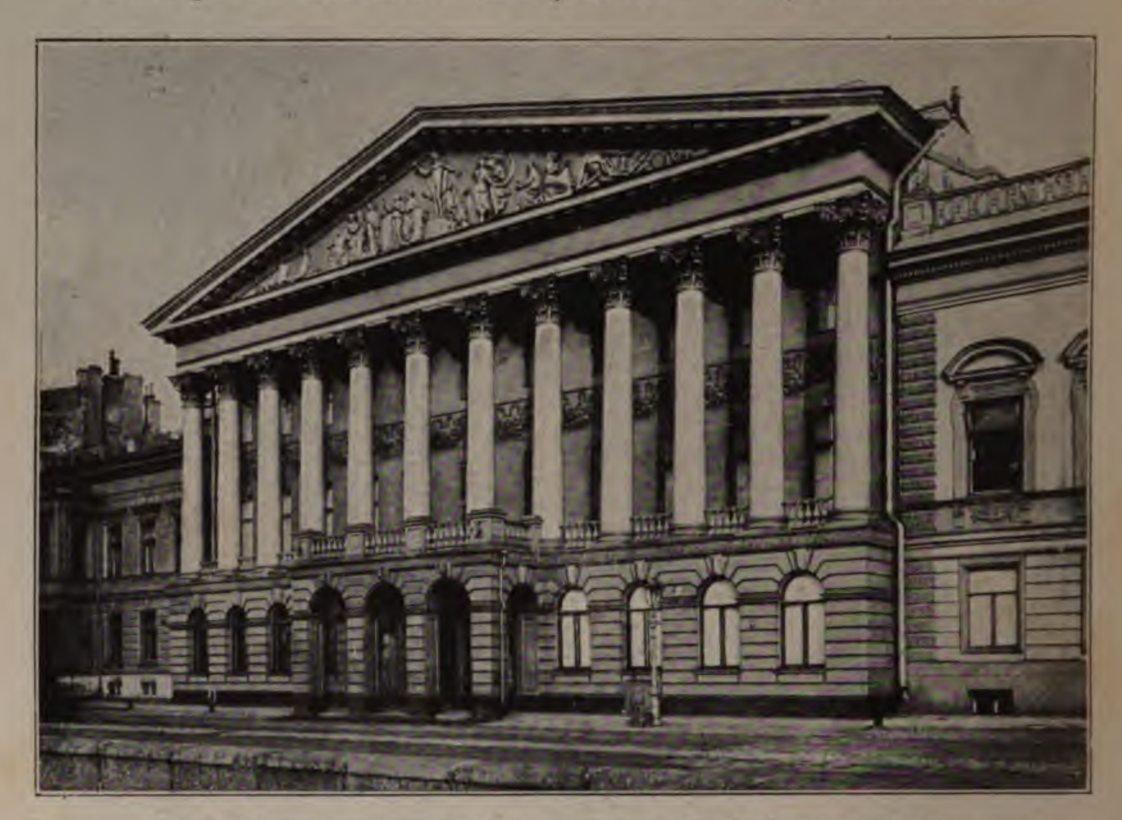
Митрополитъ Кіевскій Евгеній Болховитиновъ.

Перечисляя всѣ явленія, послужившія прямымъ указаніемъ значительнаго прогресса въ области нашей культуры, нельзя не упомянуть и о тѣхъ почтенныхъ дѣятеляхъ изъ общества, которые, какъ частныя лица, помимо всякаго офиціальнаго значенія, способствовали и покровительствовали успѣхамъ нашего просвѣщенія, не щадя на это своихъ средствъ матеріальныхъ, пользуясь связями и выдающимся положеніемъ въ нашемъ обществѣ.

Любители наукъ.

На грани XVIII и XIX вѣковъ мы видимъ высоко-замѣчательнаго дѣятеля по разработкѣ русской старины и памятниковъ древнѣйшаго періода русской словесности. То былъ уже неоднократно упоминавшійся нами *Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ* (въ 1797 г.). Одинъ изъ его почитателей-біографовъ говоритъ о немъ, что онъ „принадлежалъ уже съ молоду къ числу защитниковъ всего русскаго, соединяя съ любовью ко всему родному уваженіе къ памятникамъ прежней народной жизни". Онъ началъ съ 1791 г. собирать памятники, частью для императрицы,

въ подспорье ея работамъ по русской исторіи, частью для себя. Успѣшному собранію памятниковъ помогло въ значительной степени его положеніе: его связи и назначеніе оберъ-прокуроромъ Сvнода, причемъ ему поручено было собирать по епархіямъ и монастырямъ лѣтописи и другія книги историческаго содержанія [1]). Розыски и старанія добыть важное въ историческомъ отношеніи—увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Вскорѣ было найдено



Зданіе, завѣщанное канцлеромъ Румянцевымъ для помѣщенія Румянцевскаго музея въ С.-Петербургѣ.

нѣсколько драгоцѣнныхъ памятниковъ: сборникъ XIII—XIV вѣка съ „Русской Правдой“, Лаврентьевскій списокъ древней лѣтописи, другой сборникъ XIV вѣка, въ которомъ помѣщено было „Слово о Полку Игоревѣ“ и т. д. Собраніе быстро возрастало и богатѣло, пополняемое даже самой Екатериной [2]). До 1799 года драгоцѣнное собраніе оставалось въ Петербургѣ; но, по выходѣ Мусина-Пушкина въ отставку, оно было перевезено въ Мо-

[1]) Начало собранію Мусина-Пушкина положено было покупкою бумагъ Крекшина и подарками, и присылками съ разныхъ сторонъ. Особенно важна была присылка изъ Кіева двухъ древнихъ монетъ (времени Ярослава и Владиміра). Это неожиданное открытіе побудило Мусина-Пушкина завести по городамъ комиссіонеровъ, которымъ поручена была покупка старыхъ книгъ, монетъ и другихъ древностей.

[2]) Екатерина дарила Алексѣю Ивановичу старинныя историческія книги и бумаги, и свои черновыя рукописи—для его собранія автографовъ.

скву и помѣщено въ домѣ графа, гдѣ было всегда открыто для всѣхъ, занимавшихся древностями и древнею русскою словесностью. Подъ конецъ жизни Мусинъ-Пушкинъ собирался передать свое драгоцѣнное собраніе древнихъ книгъ и рукописей въ архивъ иностранной коллегіи, но не успѣлъ: оно погибло въ пожарѣ 1812 года, одновременно съ драгоцѣннымъ собраніемъ древностей и библіотекою профессора Баузе, съ библіотекою „Московскаго Общества исторіи и древностей", и множествомъ другихъ библіотекъ и архивовъ, казенныхъ и частныхъ. Сохранилось отъ сокровищъ Мусина-Пушкина только то, очень немногое, что было имъ роздано по рукамъ или находилось въ подмосковной деревнѣ графа [1]). Въ числѣ лицъ пользовавшихся для своихъ изслѣдованій сокровищами графа Мусинъ-Пушкина были и Болтинъ, и Карамзинъ.

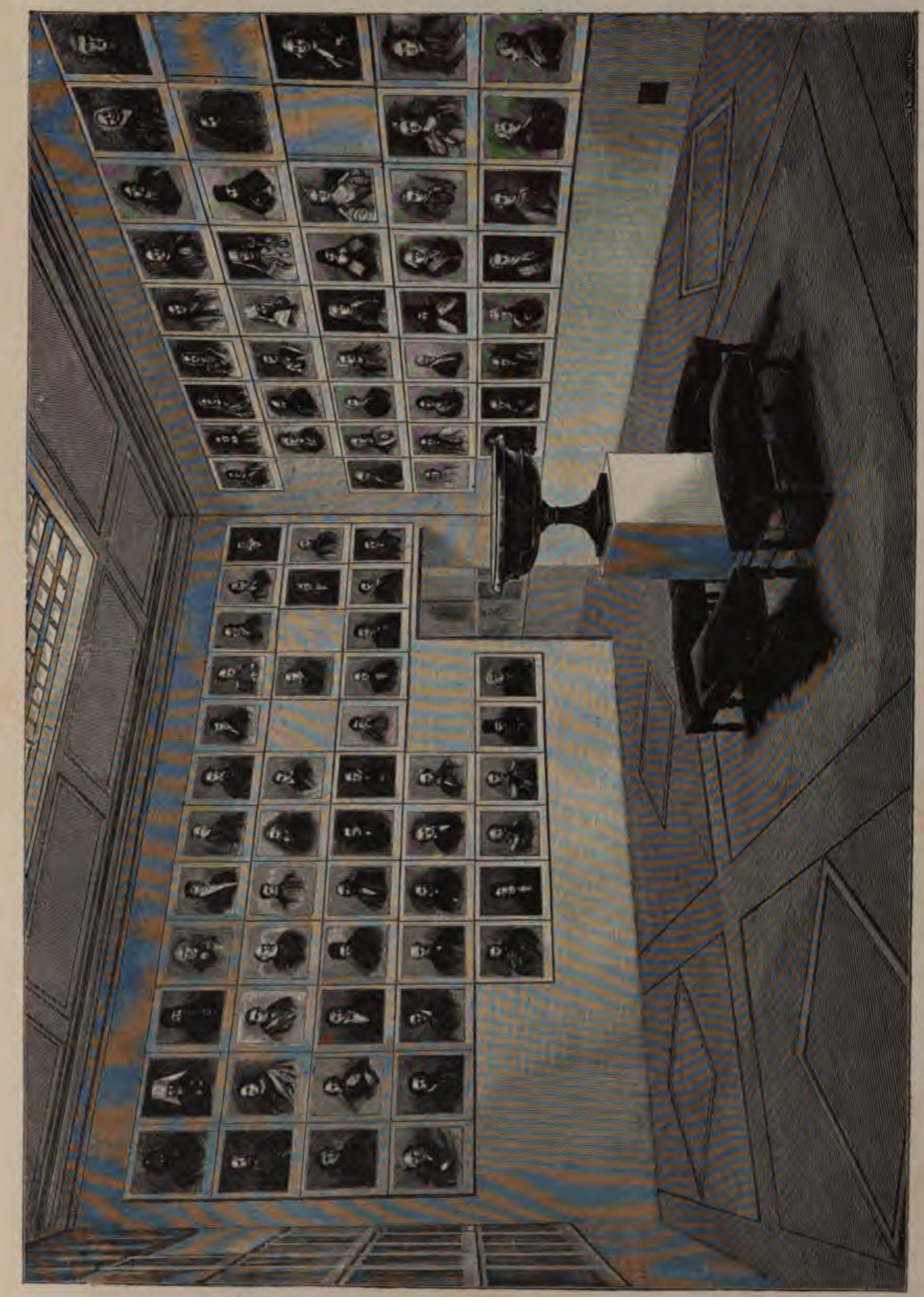
Графъ Н. П. Румянцевъ, государственный канцлеръ.

А. Н. Оленинъ.

Рядомъ съ именемъ Мусина-Пушкина слѣдуетъ вспомнить здѣсь еще другого просвѣщеннаго вельможу начала Александровскаго царствованія—*Алексѣя Николаевича Оленина*—президента Академіи Художествъ и перваго директора Императорской Публичной Библіотеки. О его салонѣ, какъ центральномъ пунктѣ, въ которомъ постоянно собирались поэты, литераторы и художники—мы уже говорили выше. Здѣсь отмѣтимъ только значеніе Оленина въ научномъ изученіи нашей старины, какъ человѣка, который

[1]) Мусинъ-Пушкинъ занимался и изданіемъ памятниковъ («Русская Правда», «Поученіе Владиміра Мономаха», «Слово о Полку Игоревѣ»); хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, «Русская Правда», выдержали даже и три изданія, однакоже, они не отличаются научными достоинствами.

Одинъ изъ залъ Румянцевскаго музея въ Москвѣ.



Залъ „Портретовъ русскихъ литературныхъ дѣятелей" въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

обладалъ художественнымъ чутьемъ и научно-критическимъ тактомъ, и потому сумѣлъ воспользоваться художествомъ для вѣрной передачи снимковъ съ древнихъ памятниковъ, которые были воспроизведены имъ съ большою точностью въ его „*Опытѣ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія Славянъ*" (СПБ. 1832). Его „Письмо" къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутараканскомъ (1806 г.) представляетъ собою прекрасное начало правильныхъ палеографическихъ работъ по русской старинѣ [1]).

П. П. Бекетовъ.

По той же отрасли знаній большія услуги были оказаны извѣстнымъ богачомъ и владѣльцемъ образцовой типографіи въ Москвѣ, *Платономъ Петровичемъ Бекетовымъ* (р. 1761 г., ум. 1836 г.). Будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, П. П. Бекетовъ былъ избранъ въ почетные члены Московскаго университета и, страстно предавшись изученію русской исторіи и русской литературы, посвятилъ себя издательской дѣятельности въ этой области знанія. Многія его изданія, прекрасно исполненныя, и до сихъ поръ не утратили цѣны и значенія. Припомнимъ, напр., „*Описаніе въ лицахъ торжества при бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича*" или „*Собраніе портретовъ знаменитыхъ Россіянъ*", въ которое вошли весьма цѣнные портреты многихъ важныхъ дѣятелей, стараніемъ Бекетова спасенные отъ забвенія. Сверхъ своей издательской дѣятельности, П. П. Бекетовъ извѣстенъ и какъ сотрудникъ Карамзина по „Аонидамъ" и по „Пантеону русскихъ авторовъ".

Изъ лицъ, потрудившихся надъ собираніемъ рукописныхъ и книжныхъ сокровищъ на пользу русскаго просвѣщенія мы должны еще здѣсь упомянуть графа *Ѳеодора Андреевича Толстого,* собравшаго драгоцѣнную библіотеку, описанную такими учеными, какъ П. Строевъ и Бантышъ-Каменскій [2]).

Н. П. Румянцевъ.

Но самое видное мѣсто въ кругу покровителей русской науки, въ царствованіе Александра I, занимаетъ, несомнѣнно, канцлеръ графъ *Николай Петровичъ Румянцевъ.* Онъ былъ сынъ знаменитаго фельдмаршала Екатерининскихъ временъ, графа Румянцева-Задунайскаго. Съ молодости графъ Николай Петровичъ отличался просвѣщенною любовью къ наукамъ, и, будучи человѣкомъ отлично-образованнымъ, умѣлъ разумно проявить эту любовь, собирая въ своемъ домѣ замѣчательныя книжныя богатства и окружая себя избраннымъ кружкомъ ученыхъ. Съ честью за-

---

[1]) Къ «Опыту» приложены прекрасные снимки съ памятниковъ и рукописей, не уступающіе, по изяществу и вѣрности, гораздо болѣе позднимъ работамъ въ томъ же родѣ.

[2]) Библіотека графа Ѳ. А. Толстого впослѣдствіи вошла въ составъ Императорской Публичной Библіотеки.

кончивъ весьма почтенную дипломатическую карьеру [1]), графъ Н. П. Румянцевъ, уже 60-ти-лѣтній, удалился отъ дѣлъ и посвятилъ себя исключительно заботамъ о распространеніи въ Россіи просвѣщенія, причемъ въ особенности покровительствовалъ изученію русской старины и народности.

Еще задолго до выхода своего въ отставку (въ маѣ 1811 года) графъ подалъ государю докладъ о необходимости тщательно издать обширное, монументальное собраніе „Государственныхъ грамотъ и договоровъ", и просилъ о дозволеніи ему принять это изданіе на свой счетъ, причемъ, однакоже, считать его изданіемъ казеннымъ, и избавить отъ цензуры. Государь утвердилъ этотъ докладъ, и началось многотомное и прекрасно-выполненное изданіе, которое составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней нашей исторической науки. Во главѣ изданія стоялъ сначала управляющій архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ *Бантышъ-Каменскій* (отецъ), а затѣмъ его преемникъ, *Малиновскій*. Закончивъ это изданіе, графъ Румянцевъ занялся пополненіемъ своей превосходной библіотеки и составленіемъ музея рукописей своего имени; при этомъ онъ при-

А. Ѳ. Малиновскій.

[1]) Въ 1807 году, послѣ долгой службы по дипломатической части, графъ возведенъ былъ въ высокій санъ министра иностранныхъ дѣлъ, а вскорѣ послѣ того и въ канцлеры. Въ 1809 году заключенъ былъ миръ со Швеціею, и этотъ миръ былъ дѣломъ его рукъ и крупною политическою заслугою.

звалъ къ важнымъ трудамъ такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ Калайдовичъ, протоіерей Григоровичъ, Востоковъ [1]), Кеппенъ и многіе другіе, и до самой кончины употреблялъ часть своихъ доходовъ на издательство. Всѣ его изданія, съ его гербомъ [2]) на титульномъ листѣ, цѣнятся до сихъ поръ и не утратили значенія по своимъ несомнѣннымъ научнымъ достоинствамъ.

Графъ Румянцевъ скончался 3 января 1826 года, и передъ кончиною завѣщалъ свою библіотеку и музей „на пользу отечества и благого просвѣщенія". Для помѣщенія ихъ онъ завѣщалъ и домъ (на Англійской набережной, около Николаевскаго моста), надъ колоннадою котораго еще недавно красовалась крупными буквами изображенная на фронтонѣ надпись: „на благое просвѣщеніе..." Но завѣщаніе было впослѣдствіи измѣнено: музей и библіотека Румянцева перевезены были въ Москву и помѣщены въ Пашковскомъ домѣ, вмѣстѣ съ Чертковской библіотекою. А графскій домъ, съ пресловутою надписью, съ лѣстницею, по мысли графа украшенною фресками изъ Иліады и Одиссеи, проданъ въ частныя руки и одно время служилъ даже помѣщеніемъ для какого-то клуба или ресторана... Печальная участь многихъ памятниковъ, неохраняемыхъ общественнымъ уваженіемъ къ волѣ завѣщателей...

Гербъ Румянцева.

[1]) Объемистое „*Описаніе рукописей Румянцевскаго музея*", составленное Востоковымъ, представляетъ собою классическую основу всѣхъ нашихъ позднѣйшихъ трудовъ по палеографіи.

[2]) Гербъ Румянцева: на щитѣ двухглавый орелъ половинами наоборотъ, два дерева и два панцыря, расположенные діагонально; по сторонамъ два льва; на основаніи надпись: „*non solum armis*".

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Проповѣдники и проповѣдь въ царствованіе Александра I. — Мистическія вѣянія, занесенныя къ намъ съ Запада; религіозно-мистическое направленіе въ литературѣ и журналистикѣ. — Увлеченіе мистицизмомъ во всѣхъ слояхъ общества и его печальныя послѣдствія. — Библейскія общества и ихъ дѣятельность по народному образованію.—Министерство просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

Чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ первой четверти нынѣшняго столѣтія является сильнѣйшее оживленіе въ обществѣ интереса къ вопросамъ религіознымъ и религіозно-нравственнымъ. Отчасти оно стояло въ связи съ тѣмъ мистико-масонскимъ движеніемъ, которое проявлялось въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего общества въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II; но и внѣ этой связи, пробужденіе интереса къ этимъ отвлеченнымъ вопросамъ коренилось въ тѣхъ исключительныхъ историческихъ условіяхъ, въ которыхъ протекала жизнь Россіи и Европы за эту четверть вѣка. Условія же, дѣйствительно, были до такой степени чрезвычайными, необыкновенными, выходящими изъ ряда, что должны были въ сильнѣйшей степени вліять на умы, возбуждая ихъ къ такой дѣятельности, которая была всецѣло направлена на уясненіе какой-то неуловимой таинственной нити, связывавшей событія, повидимому не имѣвшія между собою ничего общаго, не проистекавшія одно изъ другого въ общей прагматической связи. Послѣ ужасовъ революціи наступилъ періодъ консульствъ и имперіи во Франціи, періодъ безконечныхъ, кровавыхъ войнъ, потрясшихъ до основанія сильно обветшавшее зданіе Германской имперіи; въ результатѣ войнъ — подчиненіе всей Европы (кромѣ одной Россіи и Англіи) невыносимо тяжкому гнету желѣзнаго Наполеоновскаго деспотизма. И вслѣдъ за тѣмъ борьба *одной Россіи* противъ всей Наполеоновской Европы, окончившаяся побѣдами и истребленіемъ всей арміи завоевателя!.. И новая борьба побѣдоносной Россіи за освобожденіе всей Европы, борьба, пробуждающая всѣ народы Европы и возносящая значеніе Россіи и ея царственнаго вождя на верхъ возможной на землѣ славы... Народы братались въ восторгѣ и упоеніи побѣды и освобожденія отъ долгаго рабства, мечи вложены въ ножны; наступаетъ эра новой жизни, эпохи, въ которую является заманчивая съ виду идея Священнаго Союза, какъ символа общаго умиротворенія... Всѣ радуются и торжествуютъ при мысли, что войны не будутъ болѣе нужны, что всѣ вопросы мирно будутъ рѣшаться по обоюдному соглашенію, однимъ почеркомъ пера, на мирныхъ и дружественныхъ общеевропейскихъ съѣздахъ... На глазахъ у всѣхъ нарождалась какая-то новая, дивная эпоха историческая— эпоха мира и тишины, эпоха спокойнаго, культурнаго процвѣта-

Духъ времени.

нія, эпоха благодати, напоминавшая собою мечты древнихъ о золотомъ вѣкѣ. Естественно и понятно, что всѣ эти событія, всѣ эти такъ быстро послѣдовавшія одна за другою перемѣны въ жизни европейскаго общества направляли всѣ умы въ одну сторону, настраивали ихъ на одну общую тэму разсужденія—на выясненіе событій различными таинственными вліяніями, на отысканіе связи ихъ съ указаніемъ высшаго Промысла, будто бы ясно выраженными еще въ отдаленныхъ библейскихъ апокалипсическихъ прорицаніяхъ и т. п. Въ результатѣ получилось необыкновенно быстрое и обширное распространеніе мистическаго ученія по Европѣ, отразившееся въ литературѣ, въ поэзіи, въ журналистикѣ и—что всего печальнѣе—въ направленіи европейскаго просвѣщенія и политики. Плоды такого усиленнаго преобладанія мистики вскорѣ привели къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ и вызвали повсемѣстно всеобщее разочарованіе въ наступившемъ золотомъ вѣкѣ...

То, что мы говоримъ объ этомъ періодѣ въ Европѣ, находило полнѣйшее отраженіе и въ Россіи. Въ важнѣйшихъ центрахъ русской жизни, въ высшихъ слояхъ общества и въ администраціи, получили огромное значеніе и развитіе тѣ же мистическія вліянія, которыя были такъ широко распространены въ этотъ періодъ въ западно-европейскомъ обществѣ. У всѣхъ на устахъ былъ Промыселъ Божій, неисповѣдимые пути Провидѣнія, таинственная сила духовныхъ вліяній, горделивое сознаніе того, что русскій народъ и русскій Царь избраны были для указанія всѣмъ новыхъ путей, для руковожденія человѣчества къ новой, невѣдомой цѣли—и рядомъ съ этими высокими пареніями кругомъ преобладала та-же неказистая русская дѣйствительность съ повсемѣстнымъ застоемъ и косностью, съ проектами военныхъ поселеній и неограниченнымъ могуществомъ Аракчеева и аракчеевщины.

Проповѣдники.

Чрезвычайно страннымъ и характернымъ явленіемъ русской жизни, за этотъ періодъ, было именно то, что при такомъ сильномъ развитіи и распространеніи, какое пріобрѣлъ въ русскомъ обществѣ мистицизмъ, онъ почти не встрѣтилъ себѣ отпора въ нашемъ духовенствѣ и не возбудилъ противъ себя никакого голоса среди нашихъ проповѣдниковъ, которыми, кстати сказать, блестящій вѣкъ Александра былъ далеко не богатъ [1]). И дѣйствительно, ни одинъ изъ духовныхъ ораторовъ этого времени не напоминаетъ намъ тотъ расцвѣтъ духовнаго краснорѣчія, ко-

[1]) Къ сожалѣнію, это молчаніе современныхъ проповѣдниковъ можетъ быть объяснено только однимъ: они опасались говорить противъ мистицизма, который, какъ имъ было извѣстно, преобладалъ въ высшихъ кругахъ русскаго общества и находилъ себѣ сочувственный отголосокъ даже въ сердцѣ самого императора Александра.

торымъ прославился вѣкъ Екатерины... Среди немногихъ проповѣдниковъ этого періода не видимъ ни одного Платона! При этомъ еще не слѣдуетъ забывать, что большинство проповѣдниковъ принадлежатъ значительною частью своей жизни ко второй половинѣ XVIII вѣка—всею своею юностью, годами ученія и развитія, значительною долею своей пастырской дѣятельности они относятся еще къ вѣку Екатерины и вѣроятно даже сочувствовали его традиціямъ. Таковы были: *Іоаннъ Леванда* (1736—1814), протоіерей Кіевскаго Софійскаго собора; *Михаилъ Десницкій* (1761—1821), митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій; *Августинъ Виноградовъ* (1766—1819), архіепископъ московскій и коломенскій, и *Амвросій Протасовъ* (1769—1830), архіепископъ казанскій и симбирскій. Исключеніе изъ нихъ составлялъ только *Филаретъ Дроздовъ* (1782—1867), бывшій юношею при вступленіи Александра I на престолъ и быстро выдвинувшійся въ его царствованіе, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, обширному уму и замѣчательной учености.

Характеръ проповѣди. Собственно говоря, только одинъ Филаретъ изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ проповѣдниковъ и заслуживаетъ упоминанія, потому что его проповѣди невольно обращаютъ на себя вниманіе по глубинѣ мысли, по обилію и богатству содержанія, по изяществу и выразительности той внѣшней формы, въ которую онъ умѣлъ ихъ облекать. Нельзя, конечно, отрицать и того, что у каждаго изъ вышепоименованныхъ ораторовъ есть, несомнѣнно, свои достоинства, свои красоты, свои болѣе или менѣе удачныя произведенія, заслужившія имъ извѣстность; такъ Іоаннъ Леванда привлекалъ къ своимъ проповѣдямъ общее вниманіе ихъ теплотою и задушевностью [1]); такъ Августинъ явился живымъ отголоскомъ славныхъ подвиговъ нашей Отечественной войны и потрясъ сердца всѣхъ русскихъ людей словомъ, сказаннымъ въ память воиновъ, павшихъ въ Бородинской битвѣ [2]); такъ, наконецъ, Амвросій получилъ большую извѣстность своими сильными, рѣзкими и укорительными проповѣдями по поводу различныхъ событій, происходившихъ въ нашей общественной жизни. Но ни у кого изъ этихъ проповѣдниковъ проповѣдь не являлась логически-послѣдовательною въ изложеніи, безукоризненною по языку и по внѣшней

---

1) Кому, напримѣръ, не извѣстна его проповѣдь: «*тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со мною?*»

2) Невыразимое впечатлѣніе на всѣхъ слушателей произвело окончаніе этого слова, въ которомъ проповѣдникъ обращается къ Бородинскому полю и восклицаетъ: «Земля отечественная! Храни въ нѣдрахъ своихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества: не отяготи собою праха ихъ! Вмѣсто росы и дождя окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россійскихъ... Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дня, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ».

своей формѣ. Среди нихъ только одинъ Михаилъ Десницкій поражалъ безыскусственностью и простотою склада своихъ ораторскихъ произведеній, и удивительною ясностью и доступностью въ изложеніи даже самыхъ отвлеченныхъ истинъ. И это достоинство его пастырскихъ бесѣдъ тѣмъ болѣе способно было къ нему привлекать, что тэмою ихъ являлись такіе туманные вопросы, какъ „внутренній духовный человѣкъ", какъ „духовное рожденіе въ насъ Іисуса Христа" или „степени восхожденія души въ небесный храмъ Господень" [1]).

Филаретъ. Неизмѣримо выше всѣхъ современныхъ духовныхъ ораторовъ стоялъ знаменитый митрополитъ московскій ***Филаретъ***, въ мірѣ—***Василій Михайловичъ Дроздовъ***, сынъ діакона при каѳедральномъ соборѣ въ городѣ Коломнѣ (Московской губ.). Его отецъ, мать и дѣдъ (со стороны матери), также священникъ при одной изъ Коломенскихъ церквей, принимали одинаковое и живѣйшее участіе въ воспитаніи Василія Дроздова во время его дѣтства и юношества, проведеннаго въ родительскомъ домѣ. Девятилѣтнимъ мальчикомъ Дроздовъ былъ опредѣленъ въ коломенскую семинарію, учился въ ней до класса философскаго, и окончилъ курсъ въ Троице-Сергіевской лаврской семинаріи (въ 1803 г.). Выпущенный со званіемъ студента, онъ былъ оставленъ при той же семинаріи сначала учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ, а потомъ—учителемъ піитики, риторики и краснорѣчія. Вскорѣ послѣ того онъ постригся въ монахи, по собственному влеченію и по любви къ уединенію [2]), и въ иночествѣ получилъ имя „Филарета".

Въ 1809 г., въ числѣ другихъ отличныхъ семинарскихъ преподавателей, Филаретъ былъ выписанъ во вновь преобразованную С.-Петербургскую Духовную Академію и здѣсь вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ пастырей своего времени—съ архіепископомъ Ѳеофилактомъ Русановымъ, который принялъ на себя должность профессора словесности въ Академіи и пользовался большою силою и значеніемъ по своимъ тѣснымъ, дружественнымъ отношеніямъ къ всемогущему въ то время Сперанскому. Здѣсь Филаретъ обратилъ на себя вниманіе духовныхъ властей своимъ даромъ слова, какъ духовный проповѣд-

---

[1]) Михаилъ былъ нѣкогда воспитанникомъ семинаріи Шварца и, вѣроятно, воспринялъ отъ него нѣкоторыя воззрѣнія и убѣжденія, господствовавшія въ средѣ московскихъ масоновъ. Такъ, напр., то «внутреннее возрожденіе», о которомъ постоянно мечтали масоны, является излюбленною тэмою его проповѣдей; но только онъ старается обосновать эту тэму не на мечтаніяхъ, а на болѣе прочныхъ точкахъ опоры, заимствованныхъ въ ученіи Церкви.

[2]) Очень трогательно было письмо его, написанное къ отцу за двѣ недѣли до постриженія: «Батюшка! *Василья* скоро не будетъ; но вы не лишитесь сына—сына, который понимаетъ, что вамъ обязанъ болѣе, нежели жизнью, чувствуетъ важность воспитанія и знаетъ цѣну вашего сердца».

никъ, своею ученостью и начитанностью въ твореніяхъ Отцевъ Церкви, и вообще своими блестящими способностями. Въ 1812 году онъ назначенъ былъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи, затѣмъ необычайно быстро совершилъ свою духовную карьеру, и въ 1820 году достигъ ужъ высшихъ степеней духовной іерархіи [1]).

Въ теченіе этого 8-ми-лѣтняго періода Филаретъ выказалъ себя необычайно дѣятельнымъ. Постоянно занятый на трудномъ поприщѣ духовнаго просвѣщенія (то какъ преподаватель, то какъ ревизоръ и обозрѣватель учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства), онъ въ то же время успѣлъ издать въ свѣтъ свои весьма замѣчательныя богословскія сочиненія: „*Начертаніе Церковно-Библейской исторіи*“ и „*Записки на книгу Бытія*“ [2])—первый въ Россіи опытъ ученаго изъясненія Св. Писанія. Въ то же время онъ успѣвалъ говорить свои прекрасныя проповѣди, основанныя на глубокомъ знаніи церковной литературы, успѣвалъ постоянно совершенствовать свой обширный кругъ знаній и переводить творенія наиболѣе любимаго имъ изъ духовныхъ писателей, Григорія Богослова. По вступленіи на престолъ императора Николая I, Филаретъ возведенъ былъ въ высокій санъ митрополита московскаго (22-го августа 1826 г.), и съ этого времени постепенно сталъ пріобрѣтать значеніе дѣятеля государственнаго, такъ какъ ни одинъ изъ важныхъ государственныхъ вопросовъ не миновалъ его обсу-

Протоіерей Іоаннъ Леванда.

[1]) Въ 1812 г. Филаретъ былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи; пять лѣтъ спустя возведенъ въ санъ епископа Ревельскаго; еще два года спустя (1819)—въ санъ архіепископа Тверского и Кашинскаго; въ 1820—наименованъ архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ и въ томъ же году—архіепископомъ Московскимъ и Коломенскимъ и архимандритомъ Троице-Сергіевой Лавры.

[2]) Тогда же имъ былъ составленъ «Пространный катехизисъ», по которому, по крайней мѣрѣ въ теченіе полувѣка, обучалась Закону Божьему вся грамотная Россія.

жденія, и императоръ Николай высоко цѣнилъ ту независимость и твердость, съ которыми митрополитъ Филаретъ высказывалъ свое мнѣніе.

Занявъ такое высокое положеніе, митрополитъ Филаретъ попрежнему продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность, отчасти касаясь въ своихъ проповѣдяхъ различныхъ вопросовъ, волновавшихъ наше общество въ теченіе 30—40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ какой степени живо онъ умѣлъ воспринимать впечатлѣнія этой, совершенно чуждой ему жизни общественной, мы можемъ это видѣть изъ того, что на извѣстное стихотвореніе Пушкина: *„Даръ напрасный, даръ случайный“* онъ отвѣчалъ слѣдующими знаменательными стихами:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я, своенравной властью,
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ;
Душу Самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забытый мною!
Просіяй сквозь мрачныхъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ!

Мы знаемъ, какъ были приняты нашимъ великимъ поэтомъ эти суровые укоры Филарета. и какими вдохновенными строфами онъ на нихъ отвѣчалъ...

Въ августѣ 1867 г. былъ торжественно отпразднованъ 50-тилѣтній юбилей пастырской дѣятельности Филарета, а на слѣдующую осень онъ скончался (19-го ноября 1868 г.). Всѣ творенія Филарета, много разъ переизданныя при жизни его, еще разъ были собраны, пополнены и изданы послѣ его кончины. Въ числѣ ихъ *„Слова и рѣчи“* Филарета занимаютъ весьма видное мѣсто. Одинъ изъ почитателей его проповѣдническаго дара такъ характеризуетъ его ораторскія произведенія: „Глубокая сосредоточенность мысли, строжайшая послѣдовательность въ развитіи тэмы, сила выраженія—вотъ что составляетъ неотъемлемую принадлежность каждаго слова этого архипастыря. Никто изъ нашихъ проповѣдниковъ не обладаетъ такимъ великимъ искусствомъ проникнуть въ самую глубину содержанія текста, избраннаго для проповѣди, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ — раскрыть весь его смыслъ. Сжатость и совершенная чистота, сила и точность, строжайшая правильность, простота, нисходящая до языка простой бесѣды, и, вмѣстѣ, необыкновенное изящество, — вотъ отличительныя свойства его образцоваго слова...“

Къ этой несомнѣнно вѣрной характеристикѣ Филаретова краснорѣчія, мы не можемъ не добавить отъ себя, что его рѣчи поражаютъ глубиною и обиліемъ идей, но, въ то же время, нигдѣ не касаются нѣжнѣйшихъ, чувствительныхъ струнъ сердца; онѣ прямо говорятъ разуму, вызываютъ иногда изумленіе богатствомъ содержанія, но не трогаютъ насъ, не наполняютъ душу восторгомъ, не проливаютъ въ нее цѣлительный бальзамъ утѣшенія, не умиротворяютъ ее среди житейскихъ бурь и волненій, и не согрѣваютъ ее теплымъ участіемъ и снисхожденіемъ...

Чрезвычайно любопытно то, что, въ первомъ періодѣ своего духовнаго витійства, Филаретъ, вмѣстѣ со многими другими лучшими представителями современной интеллигенціи (напр., Сперанскимъ и Ѳеофилактомъ, архіепископомъ калужскимъ), выказывалъ несомнѣнную склонность къ тому мистицизму, который такъ сильно и рѣзко проявлялся во всѣхъ слояхъ русскаго общества въ первую четверть XIX вѣка. Наклонность эта выражалась въ болѣе мягкой, болѣе осмысленной формѣ, нежели у других приверженцевъ этого моднаго направленія; но все же по отношенію къ такому строго-логическому уму, какъ Филаретъ, это временное увлеченіе мистицизмомъ свидѣтельствуетъ о весьма сильномъ распространеніи у насъ мистическихъ ученій и о томъ, что они очень глубоко проникали въ сознаніе мыслящей и просвѣщенной массы общества.

Архіепископъ Августинъ Виноградовъ.

Въ первую четверть вѣка, въ царствованіе Александра I, явилась цѣлая мистическая литература, оригинальная и переводная, и та быстрота, съ которою изданія нѣкоторыхъ мистическихъ сочиненій слѣдовали одно за другимъ, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ интересѣ, который возбужденъ былъ къ мистическимъ ученіямъ въ современномъ русскомъ обществѣ. Интересъ этотъ былъ настолько великъ, что были вновь перепечатаны и даже **Мистики.**

вновь переведены многія мистическія сочиненія, перенесенныя на русскую почву еще братьями-масонами Новиковскаго кружка, которые, подъ конецъ, почти не отдѣляли мистику отъ масонства и сильно увлекались теософическими [1]) теоріями. На время подавленныя крутымъ поворотомъ, происшедшимъ въ отношеніяхъ Екатерины къ Новикову и масонамъ, эти мистическія ученія возродились вновь въ первые же годы царствованія Александра и породили цѣлую литературу, при чемъ нашли себѣ особенно яркое выраженіе въ журналѣ Лабзина „Сіонскій Вѣстникъ". Этотъ журналъ пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ даже со стороны такихъ просвѣщенныхъ пастырей, какъ Евгеній Болховитиновъ, хотя онъ вполнѣ сознавалъ всѣ тѣ крайности и увлеченія, до которыхъ нерѣдко договаривался Лабзинъ, издатель этого излюбленнаго органа мистиковъ.

Михаилъ (Десницкій), митрополитъ с.-петербургскій.

Мистическая литература.

Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ общимъ духомъ „Сіонскаго Вѣстника" и съ главною сущностью этой странной литературы, мы попытаемся въ краткомъ очеркѣ сообщить важнѣйшія и тѣмъ болѣе характерныя черты того ученія мистиковъ, которое многихъ сбивало съ толку, отвлекало въ туманную даль отъ насущнѣйшихъ вопросовъ жизни и, въ дальнѣйшемъ развитіи, привело къ такимъ крайностямъ, которыя очень печально отразились на нашей литературѣ и на нашемъ просвѣщеніи.

Главная сущность мистики заключается въ особомъ воззрѣніи

---

[1]) Теософія представлялась мистикамъ особою наукою, стремившеюся открыть въ явленіяхъ природы *образъ божественной сущности и процессы божественной жизни*. Одинъ изъ самыхъ рьяныхъ мистиковъ, Лопухинъ, придавалъ теософіи высокое значеніе и называлъ ее «теоріей внутренняго познанія». Сущность теософіи прекрасно опредѣляется въ слѣдующемъ объясненіи цѣли и назначенія этой науки: «она открываетъ въ самой послѣдней твари, въ самомъ бренномъ растеніи, образъ воплощеннаго Слова и всего того, что сотворило Оно для спасенія нашего — образъ всѣхъ его таинствъ, зачатіе, рожденіе и всего хожденія его въ мірѣ до самаго совершенія искупительнаго его пришествія на землю» и т. д.

на значеніе христіанства, не только какъ религіи, но и какъ главной сущности жизни. Это значеніе христіанства мистики объясняютъ различно [1]); но это различіе болѣе внѣшнее и формальное, нежели дѣйствительное, и всѣ ихъ опредѣленія могутъ быть весьма легко приведены къ одному общему выводу.

Этотъ выводъ представляется намъ въ такой формѣ: главная сущность христіанства и главная цѣль христіанской жизни (по мнѣнію мистиковъ) состоитъ въ возсоединеніи съ Богомъ, какъ источникомъ нашей души. Это возсоединеніе мистики называютъ „вторымъ духовнымъ рожденіемъ" или еще чаще — „возрожденіемъ". Такое внутреннее „возрожденіе" составляетъ главную основу всего ученія мистиковъ, и вся литература ихъ, въ главнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, посвящена разбору и разслѣдованію тѣхъ путей, которыми вѣрующіе должны стремиться къ этой цѣли и достигать ея. Это духовное возрожденіе и есть главная, существеннѣйшая тэма довольно обширной мистической литературы и главная основа ученія, изложеннаго даже въ формѣ руководствъ, расположенныхъ въ видѣ діалоговъ [2]), или же въ формѣ аллегорическихъ повѣстей и разсказовъ [3]).

Не вдаваясь въ исторію мистическихъ ученій вообще, мы должны, однакоже, замѣтить, что мистицизмъ былъ далеко не новымъ явленіемъ въ жизни и литературѣ европейской конца XVIII и начала XIX вѣка [4]): онъ былъ только явленіемъ, возродившимся вновь и съ новою силою подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ условій современной исторической жизни. Не новостью былъ онъ и на русской почвѣ, потому что могъ бы, пожалуй, исходить отъ твореній аѳонскихъ иноковъ XIV вѣка и отъ нашихъ иноковъ, состоявшихъ съ ними въ частыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ; съ аскетическими твореніями аѳонскихъ иноковъ [5]) наши

---

[1]) Одни говорятъ, что «все христіанство состоитъ въ возстановленіи образа Божія въ человѣкѣ и въ истребленіи образа сатанинскаго»; другіе—что «христіанство есть соединеніе души съ Богомъ, сопричастіе божественнаго естества его»; третьи—что «истинное христіанство состоитъ въ общеніи, соединеніи, дружествѣ или связи внутренности нашей, нашего сердца со Іисусомъ Христомъ» и т. д.

[2]) Напримѣръ: «*Начальныя основанія дѣятельности христіанской, по отвѣтамъ и вопросамъ расположенныя*». Книга разошлась въ концѣ прошлаго вѣка въ двухъ изданіяхъ и еще однимъ изданіемъ вышла въ 1805 году. Въ этомъ руководствѣ, между прочимъ, указаны тѣ пути и тѣ степени, по которымъ Богъ приводитъ падшія души къ «возрожденію».

[3]) Сюда относятся, напримѣръ, такія переводныя сочиненія, какъ Буніана: «*Путешествіе христіанина и христіанки къ блаженной вѣчности*» или книга Штиллинга: «*Тоска по отчизнѣ*», изображающая пути истиннаго христіанина къ вѣчности. Первая изъ этихъ книгъ между 1785—1819 гг. выдержала три изданія.

[4]) Начало мистическаго ученія слѣдуетъ искать въ твореніяхъ церковныхъ писателей V—VI вѣковъ. Особенно сильно развились мистическія ученія въ XII, XIII и XIV вѣкахъ.

[5]) Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Максима Исповѣдника, Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита и др.

предки могли уже знакомиться съ конца того же вѣка по русскимъ переводамъ, весьма распространеннымъ въ древне-русской письменности. Но идеи этихъ твореній, весьма близкія къ теоріямъ западно-европейскихъ мистиковъ, отжили свой вѣкъ вмѣстѣ со старою, до-петровскою Русью, и отголоски ихъ сохранились только въ незначительной части грамотныхъ русскихъ людей, уклонившихся отъ непосредственнаго вліянія Петровской реформы; образованному же русскому обществу конца XVIII вѣка пришлось уже знакомиться съ тѣми же идеями по сочиненіямъ западныхъ мистиковъ. Одинъ изъ нихъ, Таулеръ, сочиненія котораго признавались особенно авторитетными въ средѣ почитателей мистицизма, весьма сжато и по возможности точно опредѣляетъ сущность и степени развитія того процесса, путемъ котораго вѣрующій можетъ восходить на величайшую высоту духовную. Такихъ степеней Таулеръ указываетъ три: первая состоитъ въ томъ, что человѣкъ *входитъ въ себя* самого или собираетъ внутрь себя всѣ низшія и высшія силы духа; второй достигаетъ онъ тогда, когда, при полномъ обладаніи всѣми силами души, доходитъ до полнаго самоуничиженія, самоотреченія; третья степень представляетъ уже полное торжество духа надъ плотью—соединеніе души съ Богомъ или „рожденіе Бога въ душѣ". На этомъ внутреннемъ освященіи человѣка (по мнѣнію мистиковъ) ознаменовалась тайна нашего искупленія, которая и состоитъ именно въ „преображеніи" человѣка. Къ обсужденію и уясненію этого таинственнаго перерожденія человѣка направлены всѣ проповѣди и всѣ разсужденія мистиковъ. Любимою тэмою для проповѣдниковъ мистической школы является постоянно истолкованіе таинственнаго значенія Рождества Христова и вочеловѣченія Бога: мистики видятъ въ немъ знаменье грядущаго обожествленія человѣка, производимое „рожденіемъ Бога въ душѣ". Такое воззрѣніе на одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ земной жизни Христа-Спасителя подавало, конечно, поводъ ко всякимъ таинственнымъ сравненіямъ и сопоставленіямъ и все окутывало туманомъ символизма, который не мало способствовалъ затемнѣнію истиннаго смысла Св. Писанія [1]). Съ другой стороны, и самое понятіе о возрожденіи духовномъ представлялось мистикамъ чрезвычайно туманнымъ, а понятіе о духовномъ совершенствѣ „возрожденнаго человѣка" достигало крайнихъ преувеличеній. „Возрожденный", по мнѣнію ми-

[1]) Не сознавая этого, мистики начала нынѣшняго вѣка высказывали постоянно недовольство проповѣдниками, говорившими прямо и просто отъ Писанія. «Нынѣшніе проповѣдники Евангелія — говоритъ Лабзинъ, — представляютъ Христа Главою и Учителемъ, который, находясь *внѣ насъ*, учитъ насъ, что есть добро; а не говорятъ, что онъ долженъ *внутренно* владычествовать и самъ совершать въ насъ добрыя дѣла. Не добрыя и благочестивыя дѣла дѣлаютъ человѣка добрымъ и благочестивымъ, а добрый и благочестивый человѣкъ дѣлаетъ добрыя и благочестивыя дѣла».

стиковъ, является уже безгрѣшнымъ: внимая говорящему въ немъ Слову, онъ уже не способенъ заблуждаться, не можетъ грѣшить... Живя по заповѣдямъ Божіимъ, онъ живетъ уже „не подъ закономъ, но превыше закона“ и т. д. Мало того, по своему совершенству нравственному, „возрожденный“ пріобрѣтаетъ такую сверхъестественную силу, которая будто бы выражается въ представляющихся ему видѣніяхъ, въ особыхъ откровеніяхъ, въ способности къ предсказаніямъ и чудеснымъ исцѣленіямъ [1]).

Филаретъ (Дроздовъ), митрополитъ московскій.

Не трудно себѣ представить, къ какимъ печальнымъ заблужденіямъ способны были привести подобныя воззрѣнія мистиковъ, извращавшія отношенія разумнаго человѣка къ дѣйствительности и въ значительной степени приводившія мистиковъ къ отрицанію свободнаго развитія науки и пользы образованности. Въ послѣднемъ смыслѣ особенно вредное вліяніе оказывала теософія, тѣсно примыкавшая къ мистиче-

[1]) Лабзинъ даже весьма охотно давалъ мѣсто въ своемъ журналѣ всякимъ извѣстіямъ о подобныхъ мистическихъ чудесахъ. Любопытно, что и тѣ аѳонскіе мистики, о которыхъ мы упоминали выше, сходятся съ западными мистиками въ своихъ воззрѣніяхъ на «обожествленіе» человѣка. По ихъ мнѣнію, это «обожествленіе человѣка» достается «умною» молитвою, въ совершенной тишинѣ и безмолвіи и притомъ безъ всякихъ внѣшнихъ проявленій молитвеннаго созерцанія... «Долгимъ и усерднымъ пребываніемъ въ этой молитвѣ достигается такое настроеніе нравственное, когда умъ *непрестанно* молится; плодомъ такой молитвы является также особенная прозорливость молящагося, чистое и ясное пониманіе существа Божія» и т. д.

скому ученію и постоянно стремившаяся открыть и установить тѣсную связь между явленіями природы и существеннѣйшими истинами и догматами христіанской религіи. Теософы искали въ религіи и Св. Писаніи прямыхъ объясненій явленіямъ природы и способны были даже утверждать, что человѣкъ, недостаточно проникнутый религіознымъ чувствомъ, не способенъ былъ къ вѣрному наблюденію природы и къ опредѣленію ея законовъ [1]). Прямыя слѣдствія подобныхъ воззрѣній отозвались печальными результатами на русскомъ просвѣщеніи, какъ мы уже видѣли выше... Но и сами по себѣ эти ученія вліяли въ высшей степени неблагопріятно на развитіе чисто-фанатическихъ теорій и доктринъ, отчасти даже извращавшихъ смыслъ всей исторіи человѣчества. Такъ, одни изъ нихъ не признавали никакихъ раздѣленій въ христіанствѣ, не допускали различіе Церквей и вѣроученій, подраздѣляя весь родъ человѣческій только на „вѣрующихъ“ и „невѣрующихъ“, и мечтая о какомъ-то *универсальномъ* христіанствѣ. Другіе не признавали исторіи до христіанства; а для того, чтобы примирить свои воззрѣнія съ существующими фактами, доказывали, будто христіанство существуетъ еще съ сотворенія міра, и различіе между христіаниномъ и язычникомъ полагали единственно въ одномъ условіи: которое изъ двухъ началъ—*плотское* или *духовное* (небо или земля?)—преобладало въ сердцѣ человѣка? Отсюда истекало убѣжденіе, что праведники могли быть и между язычниками, и на такомъ именно убѣжденіи основывали уваженіе къ нѣкоторымъ писателямъ классической древности.

Понятно, что такое направленіе, преобладавшее въ русскомъ обществѣ начала нынѣшняго вѣка, должно было вызвать возраженія и протесты... Но критика не была ни энергичною, ни рѣзкою; приходилось быть осторожнымъ, потому что мистицизмомъ увлекались преимущественно въ высшихъ сферахъ, и не только такіе крупные государственные дѣятели, какъ Сперанскій и князь А. Н. Голицынъ, какъ Стурдза и другіе сановники, но и многіе архіереи, и самъ императоръ Александръ были не чужды мистическихъ ученій и увлеченій.

Критика мистицизма.

Среди писателей, дерзавшихъ говорить и писать противъ мистицизма и доказывать всю ложность мистическихъ воззрѣній, заслуживаютъ упоминанія священникъ *Иванъ Петровъ* (Полубенскій) и *Станевичъ*. Первый изъ нихъ выпустилъ въ свѣтъ книгу: „*О внѣшнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ человѣка-христіа-*

[1]) Невзоровъ, въ своемъ журналѣ «*Другъ Юношества*», прямо говоритъ: «Эккартгаузенъ могъ лучше Шапталя знать химію и созерцать таинство природы, ибо былъ больше христіаниномъ, водимый высшимъ свѣтомъ, тогда какъ французскіе ученые были водимы одною языческою мудростью».

нина", а второй издалъ сочинёніе: „*Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души*"—и этотъ протестъ противъ мистицизма былъ въ ту пору не малымъ подвигомъ со стороны обоихъ этихъ лицъ [1]). Особенно любопытна и важна была книга Станевича, который въ ней ратуетъ противъ мистицизма вообще и противъ „Сіонскаго Вѣстника"—въ частности. Подробно разбираетъ Станевичъ всѣ пункты ученія мистиковъ и тщательно указываетъ на всѣ его противорѣчія ученіямъ православной Церкви. При этомъ онъ, не обинуясь, называетъ мистику тѣмъ лжеученіемъ, которое, „придавая Св. Писанію иносказательный, духовный и таинственный смыслъ, старается затемнить истинный разумъ онаго и ниспровергнуть вѣру и Церковь".

Но эти голоса были одинокими „гласами вопіющаго въ пустынѣ..." Мистицизмъ торжествовалъ и находилъ себѣ выраженіе въ литературѣ и журналистикѣ, и проявлялся въ жизни фактами крайне безотрадными... Широко и свободно проявляясь въ литературѣ прозаической (переводной и оригинальной), въ видѣ такихъ книгъ, какъ „*Образъ житія Енхова или родъ и способъ хожденія съ Богомъ*" (1784 года) или „*Присутствіе Божіе*" (сочиненіе Дю-Дуа, 1798 г.), или „*Письма о томъ, сколь нужно и полезно всегда помнить о присутствіи вездѣсущаго и всевидящаго Бога*" (2-ое изданіе вышло въ 1813 г.) и „*Хожденіе передъ Богомъ или жизнь брата Л.*" (1821 г.)—мистика вторгалась даже и въ область поэзіи. Не говоря уже о старческихъ произведеніяхъ Хераскова и Державина, одинаково заплатившихъ свою дань мистицизму, мы видимъ, что ему посвящали свое вдохновеніе и болѣе молодыя силы: ему вполнѣ предался *Өеодоръ Глинка*, написавшій цѣлый рядъ духовныхъ стихотвореній [2]); къ нему склонялся въ значительной степени и Жуковскій (въ особенности въ послѣдній періодъ своей дѣятельности). Благодаря общему и весьма упорному, въ своей односторонности, направленію мистическому, неувядаемою славою и глубочайшимъ уваженіемъ, среди мистиковъ, продолжала пользоваться поэма Хераскова „*Владиміръ возрожденный*", въ которой находили дивное вдохновеніе, указывали съ восторгомъ на глубокомысленныя истины христіанскія, восхищались символическими истолкованіями и старались даже искать пророческихъ намековъ на современныя событія Александровской эпохи.

Навѣянныя мистицизмомъ мысли о „возрожденіи" человѣка, о „возсоединеніи человѣка съ Божествомъ" и т. п. являлись преобладающими даже въ проповѣднической дѣятельности такихъ

---

[1]) Первое изданіе книги Станевича, въ 1818 г., было запрещено цензурою въ министерствованіе Голицына. Второе разрѣшено уже въ 1825 году.

[2]) Особенно славились въ свое время его стихотворенія: «Исканіе Бога» и «Жизнь анахоретовъ».

сильныхъ умомъ и волею людей, какъ Филаретъ, митрополитъ московскій. Мистическій тонъ и общее настроеніе обнаруживаются во многихъ уподобленіяхъ, пріемахъ и образахъ ораторскихъ произведеній, относящихся къ раннему періоду его проповѣднической дѣятельности [1]).

Карамзинъ и мистики. И только одинъ сильный умъ, не примирявшійся ни съ какими крайностями мистическаго направленія, смотрѣлъ съ недовѣріемъ и горечью на то, что происходило въ литературѣ и жизни современнаго русскаго общества: то былъ Карамзинъ. Узнавъ изъ вѣрнаго источника о предстоящемъ соединеніи двухъ министерствъ (народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ) въ рукахъ одного лица, Карамзинъ писалъ своему другу Дмитріеву:

„Соединеніе двухъ министерствъ послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ кураторы будутъ люди извѣстнаго благочестія. Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ...“

Къ сожалѣнію, надо сознаться, что предсказаніе великаго мыслителя и историка сбылось даже еще гораздо ранѣе, чѣмъ можно было того ожидать.

Виньетка на титульномъ листѣ патріотическихъ стихотвореній М. Лобанова.

[1]) Цитаты указаны въ «Исторіи Словесности» А. Д. Галахова, который замѣчаетъ, что Филаретъ самъ выпустилъ всѣ подобныя мѣста изъ своихъ проповѣдей, въ позднѣйшихъ изданіяхъ.

что Духъ властенъ дать ему
и приличнаго рода недостанетъ
средствъ очевидно подкрѣпляемъ
ищущимъ въ Его благодати.
Простите меня въ томъ, что
не могу соотвѣтствовать
Вашему благоусердію.

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга и богомолецъ
Филаретъ А. Московскій.

Май 29. 1824.

Автографъ Филарета, митрополита московскаго.

Окончаніе письма къ князю А. Н. Голицыну.

Письмо хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Журналистика въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.—Ея цѣли и направленіе.—Журналы ученые и литературные, журналы спеціальные.—Журналы-сборники.—Журнальная критика.—Взглядъ на критику.—Цензура въ царствованіе императора Александра I.

Въ описаніи предшествующаго періода нашей литературы намъ удалось довольно подробно ознакомиться съ журналистикой этого періода, съ главными, преобладавшими въ ней направленіями, съ различными литературными пріемами и формами, преобладавшими въ концѣ XVIII в. въ нашей журналистикѣ. Журналистика первой четверти нынѣшняго вѣка значительно разнится отъ журналистики временъ Екатерины. Типъ журналовъ, народившихся въ началѣ царствованія Александра I, уже значительно приближается къ нашему современному журнальному типу. Измѣняются и цѣли, и направленіе журналистики, въ тѣсной связи съ нарождающимися новыми потребностями общества, которое становится болѣе и болѣе образованнымъ и ощущаетъ потребность въ чтеніи болѣе серьезномъ, болѣе разнообразномъ и притомъ болѣе систематическомъ. Вслѣдствіе этого, журналы Александровской эпохи начинаютъ утрачивать характеръ сборниковъ случайнаго литературнаго матерьяла и носятъ уже на себѣ характеръ настоящихъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ опредѣленные сроки, въ видѣ довольно объемистыхъ книжекъ, подраздѣленныхъ на извѣстное количество отдѣловъ, пріятно разнообразящихъ составъ каждой отдѣльной книжки. Тутъ и беллетристика, и серьезныя историческія статьи, и статьи по вопросамъ нравственнымъ, и теоретическіе споры объ искусствѣ, о критикѣ и ея задачахъ, и свѣдѣнія о новѣйшихъ явленіяхъ западно-европейской литературы. Содержаніе лучшихъ журналовъ Александровской эпохи, несомнѣнно пользовавшихся расположеніемъ публики, даетъ намъ выгодное понятіе о читателѣ того времени и выказываетъ въ немъ не только человѣка болѣе просвѣщеннаго, но и болѣе развитого, болѣе пробужденнаго въ смыслѣ литературномъ, нежели читатель второй половины XVIII вѣка. Этого читателя уже нельзя удовлетворить только „сатирою на нравы" или нескончаемыми переписками „бѣсовъ" о взяточничествѣ судей, о сословныхъ предразсудкахъ и о недостаткахъ въ воспитаніи подрастающаго поколѣнія. Этотъ читатель уже чувствуетъ себя гражданиномъ, уже интересуется всею общностью явленій русской жизни въ ея прошломъ и настоящемъ, и, оставаясь патріотомъ (иногда даже весьма исключительнымъ), онъ, тѣмъ не менѣе, охотно слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ Европѣ, и относится къ явленіямъ европейской жизни болѣе спокойно и

болѣе безпристрастно, нежели русскіе писатели и журналисты конца XVIII вѣка.

Направленіе журналовъ.

Характеръ и направленіе журналовъ Александровской эпохи вполнѣ соотвѣтствуетъ сильно и быстро развивающейся въ обществѣ наклонности къ занятіямъ отечественнымъ языкомъ и словесностью. Съ легкой руки Карамзина и въ особенности благодаря его журналамъ, начинаетъ развиваться страсть къ чтенію и къ литературному творчеству. Мы видѣли выше, что учрежденіе университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ значительной степени способствуетъ развитію вкуса къ литературѣ. Отечественная словесность и тщательное изученіе ея образцовъ составляютъ всюду, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, предметъ первостепенной важности въ общемъ преподаваніи и личность профессора или преподавателя словесности пользуется въ средѣ учащихся особеннымъ значеніемъ и симпатіей. Это общераспространенное сочувствіе къ занятіямъ словесностью въ описываемый нами періодъ было даже явленіемъ въ такой степени обыденнымъ, что этою излюбленною отраслью знанія занимались весьма охотно многіе ученые, посвятившіе себя занятіямъ другими науками; эти науки не имѣли ничего общаго со словесностью, но она все же являлась важнѣйшимъ предметомъ изученія и важнѣйшимъ показателемъ образованности. Словесностью и ея произведеніями начинаютъ интересоваться всѣ классы общества отъ среднихъ, наиболѣе образованныхъ (въ смыслѣ сплошной массы) до высшихъ; и если въ Екатерининское время мы отмѣтили появленіе *мѣщанской литературы*, какъ признака поступательнаго движенія въ нашей культурной жизни, то въ Александровскомъ вѣкѣ мы должны отмѣтить, въ качествѣ подобнаго же признака, распространеніе страсти къ чтенію не только среди мужчинъ, но и среди женщинъ, и моду на собираніе новѣйшихъ произведеній изящной словесности въ „великосвѣтскихъ альбомахъ“, тѣхъ самыхъ альбомахъ, которымъ Пушкинъ посвятилъ извѣстную строфу въ своемъ „Евгеніи Онѣгинѣ“ [1]). Но книгъ все еще было мало, библіотекъ для чтенія—не только въ провинціи, но и въ столицахъ—никакихъ, и въ то самое время, когда въ свѣтскихъ салонахъ свѣтскія дамы и барышни, состоявшія въ частыхъ сношеніяхъ съ литературными кружками, заботились о пополненіи своихъ альбомовъ автографами знаменитыхъ поэтовъ и писателей—въ провинціи и сельской глуши, тѣ же барышни усердно переписывали печатныя поэмы и повѣсти нашихъ модныхъ писателей, а иногда даже и сплошь цѣлыя книжки журналовъ и

---

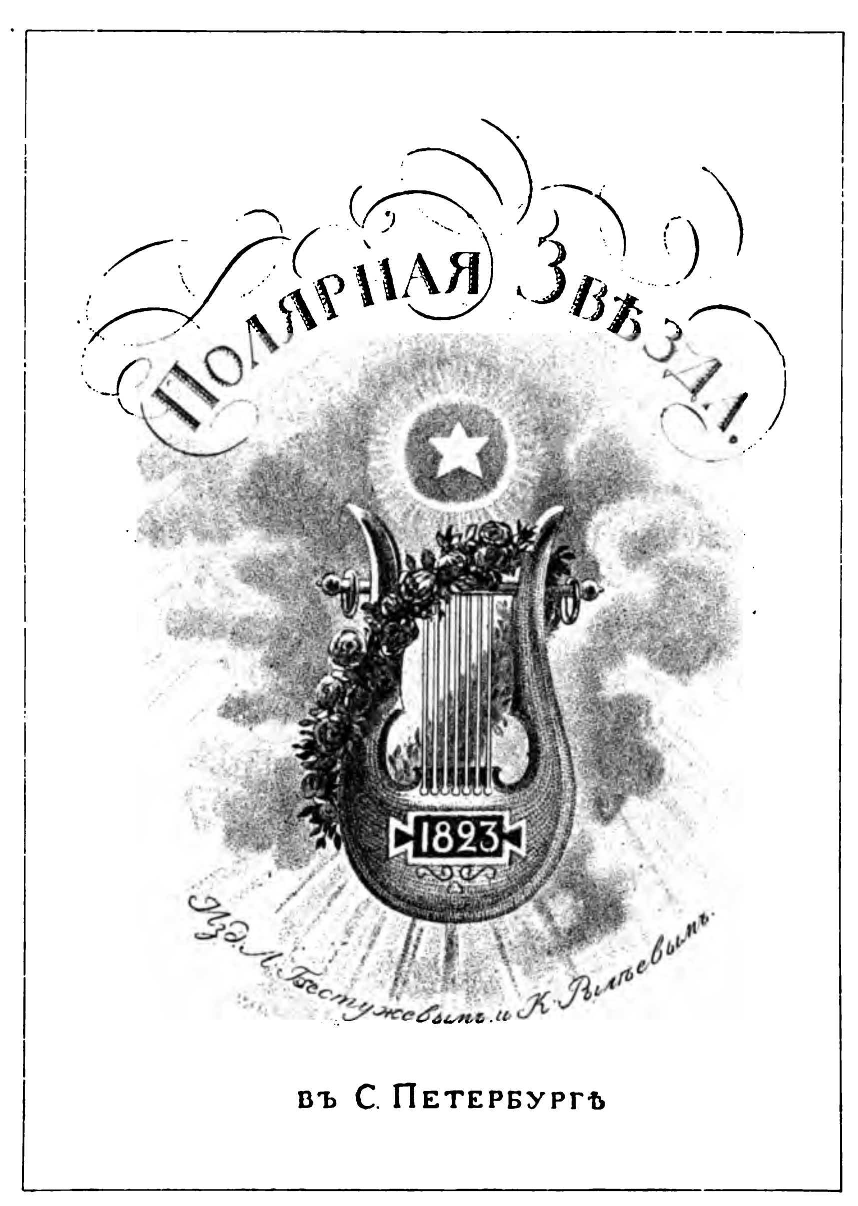
[1]) «О вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великосвѣтскіе альбомы!» и т. д.

альманаховъ, распространяя въ кругу своихъ знакомыхъ рукописные сборники уже напечатанныхъ произведеній и съ наслажденіемъ заучивая ихъ содержаніе наизусть [1])

Читателямъ нашимъ, конечно, для сравненія съ послѣдующей эпохой, не излишнимъ будетъ ознакомиться, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, съ составомъ журналистики Александровской эпохи. Мы имѣли уже случай замѣтить, что составъ этотъ довольно разнообразенъ: въ журналистикѣ этого времени, занимающаго всю первую четверть нынѣшняго вѣка, видимъ и журналы ученые, и литературные, и учено-литературные, и спеціальные; видимъ и журналы-сборники, какъ остатокъ прежняго типа періодическихъ изданій. Съ общимъ составомъ и направленіемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ органовъ этой журналистики, съ *„Вѣстникомъ Европы“* и *„Русскимъ Вѣстникомъ“*—мы уже достаточно знакомы за тотъ періодъ, въ который эти журналы издавались подъ редакціею Карамзина и С. Н. Глинки. Мы знаемъ, какъ выдохся и обезличился впослѣдствіи „Русскій Вѣстникъ“, когда миновала героическая эпоха борьбы и подвиговъ и вновь наступило обыденное теченіе русской жизни; а потому не будемъ дополнять то, что уже объ этомъ журналѣ было сказано; но о „Вѣстникѣ Европы“ слѣдуетъ добавить нѣсколько словъ. Послѣ небольшого перерыва въ изданіи этого журнала, онъ перешелъ подъ редакцію Жуковскаго, который издавалъ его съ 1808 по 1810 годъ, не съумѣвъ поддержать въ публикѣ то значеніе журнала, которое ему придалъ Карамзинъ. Съ 1811 г. за редакцію журнала принялся профессоръ Московскаго университета *М. Т. Каченовскій* и непрерывно издавалъ его до 1830 года, сразу значительно измѣнивъ типъ журнала и давъ преобладаніе въ немъ научному элементу надъ литературнымъ. Журналъ принялъ, вслѣдствіе этого, нѣсколько однообразное и скучное направленіе, несмотря на то, что многія изъ историческихъ статей, помѣщаемыхъ въ немъ Каченовскимъ, заслуживали по своимъ достоинствамъ полнаго вниманія, и даже несмотря на участіе въ журналѣ такихъ сотрудниковъ, какъ Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, Мерзляковъ, Милоновъ, А. и В. Измайловы, В. Пушкинъ и А. А. Воейковъ... Не слѣдуетъ забывать, что на страницахъ этого журнала явилось и *первое печатное стихотвореніе юноши-Пушкина.* Журналисты.

Помѣщенная Каченовскимъ (въ 1819 г.) злобная и придир-

[1]) Подобные рукописные сборники, и теперь еще часто попадающіеся въ старыхъ библіотекахъ и семейныхъ архивахъ, имѣютъ иногда очень важное значеніе, потому что сохраняютъ любопытные варьянты текстовъ, впослѣдствіи измѣненныхъ или исправленныхъ писателями (въ позднѣйшихъ изданіяхъ ихъ сочиненій). Сверхъ того, въ подобныхъ сборникахъ очень часто попадаются и такія произведенія, которыя, по современнымъ цензурнымъ условіямъ, не могли быть напечатаны, ходили по рукамъ въ рукописномъ видѣ и исчезли бы безслѣдно, если бы не сохранились такимъ путемъ.



Титульный листъ альманаха «Полярная Звѣзда».

веденіяхъ, которыя почитались классическими и совершенно неприкосновенными со стороны критики.

Не отличались особенною долговѣчностью и содержательностью и многіе изъ петербургскихъ журналовъ [1]). Журнальныя предпріятія стали болѣе устойчивыми только уже впослѣдствіи,

[1]) «*Цвѣтникъ*» Бестужева, Измайлова и П. Никольскаго существовалъ не болѣе двухъ лѣтъ (1809—1810), несмотря на участіе въ немъ такихъ сотрудниковъ, какъ Гнѣдичъ и Батюшковъ; «*С.-Петербургскій Вѣстникъ*», издававшійся отъ «*Общества любителей словесности, наукъ и художествъ*» (при участіи Дашкова) существовалъ менѣе года, въ 1812 г.; «*Сіонскій Вѣстникъ*» Лабзина, въ 1806 г. явившійся на свѣтъ, не пережилъ одного года. Онъ возродился впослѣдствіи и имѣлъ успѣхъ.

послѣ 1815 г., когда миновалъ патріотическій и воинственный пылъ. Въ это время въ Петербургѣ журналистика начала процвѣтать, и рядомъ съ „Сыномъ Отечества“, который пользовался большимъ успѣхомъ, могъ существовать журналъ даже и такого неопредѣленнаго типа и характера, какъ „*Благонамѣренный*“ (1808—1826 г.) А. Измайлова и журналы такой рѣзко-опредѣленной мистической окраски, какъ извѣстный уже намъ „*Сіонскій Вѣстникъ*“ Лабзина, „*Другъ Юношества*“ М. Невзорова (1807—1815 г.) и „*Духъ Журналовъ*“ (1815—1821 г.) Яценкова и такой серьезный и почтенный органъ, какъ „*Историческій, статистическій и географическій журналъ или современная исторія Свѣта*“, который издавался Гавриловымъ (съ 1809—1828 годъ)[1].

Титульный листъ альманаха «Сѣверные Цвѣты», издаваемаго Дельвигомъ.

Ученые журналы.

Лучшія ученыя и литературныя силы сосредоточивались преимущественно въ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ, которыя, какъ мы видѣли, были въ этотъ періодъ въ большомъ ходу. Въ числѣ подобныхъ изданій на первомъ планѣ стоятъ изданія Россійской Академіи, въ Шишковскій періодъ, не блиставшія особенными достоинствами[2]. Рядомъ съ ними стояли почти тождественныя, какъ по содержанію, такъ и по направленію, изданія „Бесѣды“, а именно „*Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова*“ (19 книгъ съ 1811—1815 гг.). Въ этихъ „Чтеніяхъ“, среди

[1]) Въ теченіе того же двадцатилѣтія серьезные и почтенные органы издавались и на казенныя средства отъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «*С.-Петербургскій журналъ*» (1804—1809) и затѣмъ «*Сѣверная пчела*» (1809—1820).

[2]) Изданія Россійской Академіи: «*Сочиненія и переводы въ 7-ми частяхъ*» (изд. 1805—1823 гг.); «*Извѣстія*», 12 книгъ (изд. 1815—1828 гг.); «*Повременныя изданія*» (съ 1829—1832 гг.) и «*Краткія записки*» 3 книги (изд. 1830—1835 гг.).

множества статей весьма посредственныхъ, среди всякаго очень тяжеловѣснаго и неудобоваримаго литературнаго хлама, появлялись, однакоже, отъ времени до времени, статьи даже и весьма замѣчательныя, принадлежавшія перу Державина, митрополита Филарета, графа Уварова, Гнѣдича, Капниста, Муравьева-Апостола и другихъ.

Гораздо выше „Чтеній Бесѣды любителей", и по достоинству, и по разнообразію содержанія, стояли „*Труды Общества любителей Россійской словесности*" (27 частей „Трудовъ" было издано между 1812—1828 гг.). Хотя главною сущностью этого изданія являлась сторона научная—преимущественно статьи по языкознанію, и въ отдѣлѣ научномъ мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Востоковъ (онъ помѣстилъ здѣсь свое знаменитое „Разсужденіе о словесности"), Каченовскій, К. Калайдовичъ, Снегиревъ, И. Давыдовъ и др., однакоже и отдѣлъ поэзіи былъ въ изобиліи пополняемъ произведеніями лучшихъ современныхъ поэтовъ... Мы здѣсь видимъ, въ полномъ составѣ, весь цвѣтникъ современной русской поэзіи: Мерзлякова, В. Туманскаго, князя Вяземскаго, Гнѣдича, Батюшкова, Ѳ. Глинку, Д. Давыдова, Крылова, Жуковскаго, А. Пушкина, А. Измайлова, Милонова, Раича, Капниста, князя П. Долгорукова, Воейкова. Сотрудники и критики.

Почти тотъ же составъ сотрудниковъ встрѣчаемъ въ „Трудахъ" *Вольнаго общества любителей Россійской словесности*, издававшихся въ 1820 г., гдѣ рядомъ съ литераторами, уже извѣстными и зрѣлыми, видимъ не мало еще совсѣмъ молодыхъ и начинающихъ писателей: *Дельвига*, Баратынскаго, А. и Н. Бестужевыхъ, Лажечникова, Рылѣева, Плетнева.

Самымъ большимъ недостаткомъ журналистики Александровскаго времени былъ недостатокъ критики и правильнаго пониманія важнѣйшихъ основъ критическаго отношенія къ литературнымъ произведеніямъ. Эпоха и въ этомъ отношеніи была переходная: старыя теоріи, на основаніи которыхъ производилась оцѣнка литературныхъ произведеній, уже отжили свой вѣкъ; а новыя, основанныя на новыхъ воззрѣніяхъ философскихъ—еще не успѣли пріобрѣсти достаточно значенія. Новыя вѣянія уже чувствовались въ извѣстной намъ полемикѣ Дашкова съ Шишковымъ, въ критическихъ статьяхъ Жуковскаго и Каченовскаго о Кантемирѣ и Крыловѣ, въ смѣлыхъ нападкахъ Строева на „Россіяду" Хераскова, въ отзывахъ князя Вяземскаго о сочиненіяхъ Озерова и Дмитріева. Но до настоящей, правильно-обоснованной критики еще было далеко...

Тщетно, однакоже, пытался Мерзляковъ—и въ „*Краткомъ начертаніи теоріи изящной словесности*", и въ публичныхъ лекціяхъ—пріурочить критику къ условіямъ уже отжившей свой вѣкъ фран-

цузской теоріи Буалò, Баттё и ихъ послѣдователей. Онъ уже самъ видѣлъ невозможность руководствоваться ею въ объясненіяхъ важнѣйшихъ литературныхъ произведеній и потому нерѣдко впадалъ въ противорѣчія, непослѣдовательность и несообразности. Одна и та же теоретическая точка зрѣнія не давала ему возможности съ одинаковымъ безпристрастіемъ отнестись, напримѣръ, къ „Эдипу“ Озерòва и къ „Россіядѣ“ Хераскова. Жизнь шла впередъ быстрыми шагами и выдвигала на первый планъ все новыя и новыя явленія, въ которыхъ почтенный профессоръ уже не чувствовалъ себя въ силахъ разобраться надлежащимъ образомъ, и потому онъ недоволенъ собою, недоволенъ и этими невполнѣ ему ясными явленіями. Онъ возстаетъ и противъ балладъ, и противъ романтическихъ нѣмецкихъ образцовъ, занесенныхъ къ намъ изъ нѣмецкой поэзіи. Граціозная поэма Пушкина („Цыгане“) представляется ему „сочиненіемъ неблагопристойнымъ и безнравственнымъ“... Другіе критики, выступавшіе со своими отзывами въ журналахъ, были еще менѣе состоятельны во всѣхъ своихъ сужденіяхъ... Большинство ихъ, съ А. Измайловымъ (въ „Благонамѣренномъ“) и А. Воейковымъ во главѣ, ограничивалось чисто внѣшними стилистическими и грамматическими придирками и замѣчаніями. Даже въ средѣ самой Россійской Академіи, издававшей въ свѣтъ всякія стилистическія руководства, не существовало здравыхъ понятій о критикѣ. Совершенно справедливый и умѣренный по тону критическій отзывъ объ академическихъ изданіяхъ принимался чуть ли не за оскорбленіе. Такъ, статья Н. Греча о грамматикѣ, изданной Россійской Академіею, вызвала волненіе среди членовъ почтеннаго учрежденія. Въ отзывѣ критика они увидѣли „дерзновеніе“ и опредѣлили единогласно, что „по здравому разсудку, нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобы изданныя отъ Академіи и, слѣдовательно, оцѣненныя уже ею сочиненія, были вновь переоцѣниваемы журналистами“. Члены Академіи при этомъ явно высказывали притязаніе на непогрѣшимость въ научномъ отношеніи, и на основаніи такого воззрѣнія не стѣснялись даже заявлять, что „поступокъ Греча подлежитъ не суду Академіи, но суду правительства“. Вотъ каково было въ то время положеніе критики въ русской современной литературѣ.

Цензура. Говоря о критикѣ журнальной, намъ нельзя обойти молчаніемъ и ту критику офиціальную, которая лишь съ Александровскихъ временъ стала вполнѣ правильно и притомъ на законномъ основаніи примѣняться къ произведеніямъ литературы. Мы говоримъ о *цензурѣ*, которая офиціально была основана, какъ отдѣльное учрежденіе въ начальную эпоху царствованія Александра I, и именно въ 1804 году. Исторія этого

учрежденія, которая такъ тѣсно связана съ исторіею нашей литературы, несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что она является самымъ вѣрнымъ отраженіемъ взглядовъ правительства на русскую культуру и тѣхъ вѣяній, какія возникали въ разное время и временно господствовали въ нашемъ обществѣ. Читателямъ нашимъ, вѣроятно, будетъ любопытно оглянуться на періодъ, предшествовавшій учрежденію цензуры, чтобы ознакомиться ближе съ условіями, въ какихъ стояла наша печать до 1804 г.

До половины XVIII вѣка просмотръ книгъ былъ поручаемъ нашему духовенству, какъ сословію наиболѣе просвѣщенному и ученому. Просмотръ этотъ ограничивался только одною религіозно-нравственною стороною сочиненій, отъ которыхъ требовалось, чтобы они были вполнѣ согласованы во всемъ съ ученіемъ православной Церкви. На этомъ основаніи ректоръ и профессора славяно-греко-латинской Академіи были обязаны наблюдать, чтобы никто не читалъ и не имѣлъ у себя волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и богохульныхъ книгъ; а людямъ, не окончившимъ курсъ наукъ въ академіи, строго воспрещалось даже держать у себя книги латинскія, нѣмецкія, польскія, лютеранскія и кальвинскія и на основаніи ихъ заводить споры о вѣрѣ. Итакъ, мы видимъ, что до половины XVIII вѣка понятіе о цензурѣ, въ собственномъ смыслѣ слова, даже и вовсе не существовало.

Понятіе о цензурѣ и въ половинѣ XVIII вѣка было весьма темное и неопредѣленное. Существовало только наблюденіе за книгами, распредѣленное между двумя вѣдомствами—духовнымъ и гражданскимъ, т. е. между Св. Синодомъ и Академіею Наукъ. Наблюденіе это было весьма немногосложно, потому что типографій было мало (только казенныя), книгъ выходило въ свѣтъ очень немного, и такъ какъ само правительство заботилось о размноженіи книгъ, то, конечно, никому въ голову не приходило придумывать какія бы то ни было стѣсненія и препоны для выхода въ свѣтъ книгъ, и безъ того весьма туго размножавшихся. Но съ 1783 года — столь памятнаго въ исторіи русской печати — дозволено было всюду заводить *„вольныя типографіи, не отличая ихъ отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій“*, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы типографіи „отнюдь не выпускали книгъ, противныхъ законамъ божескимъ и гражданскимъ, и клонящихся къ явнымъ соблазнамъ“. Тогда же цензура книгъ (въ смыслѣ весьма поверхностнаго и общаго просмотра) предоставлена была Управамъ благочинія, а съ 1802 года—гражданскимъ губернаторамъ при участіи директоровъ училищъ.

Гораздо правильнѣе было поставлено дѣло цензуры при учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло было отнесено къ обязанностямъ главнаго правленія училищъ и возложено

на университеты, которые должны были разсматривать всѣ выходящія изъ типографіи книги свѣтскаго содержанія, *„предварительно“* ихъ выпуска въ свѣтъ. Для того, чтобы цензура могла совершаться правильно, на точно-установленныхъ основаніяхъ, рѣшено было выработать въ главномъ правленіи училищъ общій для всей Россіи цензурный уставъ, въ основу котораго принятъ былъ весьма либеральный датскій цензурный уставъ короля Христіана VII (правившаго съ 1766 по 1808 г.), и въ немъ произведены различныя измѣненія и дополненія, согласно съ условіями русской общественной жизни. Надъ этими измѣненіями и дополненіями работали академики Озерецковскій и Фусъ, и ихъ-то проектъ и послужилъ главнымъ основаніемъ перваго цензурнаго устава для Россіи.

Первый цензурный уставъ. Этотъ первый цензурный уставъ, утвержденный 9-го іюля 1804 года, былъ образцомъ разумнаго и гуманнаго отношенія къ писателямъ и ихъ произведеніямъ. „Преслѣдуя злоупотребленія,— говоритъ академикъ Сухомлиновъ,—уставъ не преграждалъ пути для успѣшнаго развитія наукъ и добросовѣстной оцѣнки государственныхъ и общественныхъ вопросовъ“. И дѣйствительно, въ уставѣ этомъ прямо говорится, что „скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательствъ, государственнаго управленія какой бы то ни было отрасли правительства, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется *совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія*“. Еще ярче духъ этого перваго для Россіи цензурнаго устава выражается въ § 21, касающемся объясненія мѣстъ, кажущихся опасными: „Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать“.

Къ сожалѣнію, однакоже, этому цензурному уставу не суждено было быть долговѣчнымъ и прочнымъ. Подкапыванье подъ важнѣйшія основы устава начались уже очень рано и исходили съ разныхъ сторонъ, главнымъ образомъ—изъ нашего столь обычнаго неумѣнья уважать законъ и укоренившагося у насъ стремленія обставлять каждый параграфъ его нескончаемыми исключеніями, дополненіями и поправками, открывающими путь къ обходу закона. При этомъ сильно дѣйствовали и всевозможныя личныя вліянія, и разладъ между различными вѣдомствами. Мы уже видѣли выше, какому несправедливому и неосновательному преслѣдованію подверглась книга Станевича *„Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“*.

Первыя запрещенія. Книга была запрещена; всѣ экземпляры ея отобраны; цензору, пропустившему ее, сдѣланъ строжайшій выговоръ; а сочи-

нителя выслали изъ столицы. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія писалъ по этому поводу: „Я удивленъ былъ, какъ могла книга такого содержанія быть одобрена цензурою. Къ сужденію о безсмертіи души авторъ приводилъ защищеніе грекороссійской церкви, на которую никто не нападалъ. Книга наполнена защитою наружной Церкви противъ внутренней: раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ, ибо наружная Церковь безъ внутренней есть тѣло безъ души; превратно представлено понятіе о Церкви, за которую принимается одно духовенство“ и т. д.

Еще болѣе курьезнымъ нападкамъ и запретительнымъ мѣрамъ подвергся въ 1815 г. „*Вѣстникъ словесности*“, ежемѣсячное изданіе литературное и критическое, издаваемое кружкомъ друзей-литераторовъ. Въ одномъ изъ отдѣловъ этого журнала предположено было помѣстить „сужденіе о театрѣ“. Противъ этого пункта программы возсталъ министръ полиціи и выразилъ такой взглядъ: „позволительно сужденіе о театрѣ и актерахъ, когда бы они зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденіе объ Императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся на службѣ Его Величества—я считаю неумѣстнымъ во всякомъ журналѣ“ [1]). И такимъ образомъ театральная критика была журналу воспрещена.

Затѣмъ, поводомъ къ нарушенію и несоблюденію параграфовъ устава служило иногда слишкомъ церемонное отношеніе къ политикѣ сосѣднихъ державъ, иногда непониманіе современныхъ научныхъ требованій... Такъ статьи *о конституціяхъ* не были пропущены потому, что „нѣкоторыя сужденія объ этомъ предметѣ могутъ показаться непріятными для союзныхъ съ Россіею иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное“. Такъ Шишковъ былъ возмущенъ статьею академика Германа о числѣ смертоубійствъ и убійствъ въ Россіи въ 1819 и 1820 гг. Онъ высказалъ свой взглядъ на нее, какъ на вредную и ненужную [2]). Такъ, наконецъ, по настоянію того же министра полиціи, былъ воспрещенъ романъ Нарѣжнаго „*Россійскій Жильблазъ*“. Камнемъ преткновенія для цензуры служилъ и вопросъ о крѣпостномъ правѣ, несмотря на то, что само правительство (по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго времени) носилось съ идеею объ освобожденіи крестьянъ. Академикъ Сухомлиновъ, въ своей общей исторіи цензуры въ Александровское время, указываетъ, что „за переводъ книги объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами постра-

[1]) Мы видѣли выше, что совершенно подобное же мнѣніе было выражено членами Академіи по поводу критики Греча на академическую грамматику.

[2]) «Мнѣ кажется, — писалъ Шишковъ въ своемъ отзывѣ, — что подобныя статьи, неприличныя къ обнародованью, надлежало бы къ тому, кто прислалъ ихъ для напечатанія, отослать съ замѣчаніемъ, чтобы впредь такими пустыми вещами не занимался. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе».

далъ Анастасевичъ. За лекціи объ экономической сторонѣ крестьянскаго вопроса подвергся гоненію Арсеньевъ. Сочувствіе къ освобожденію крестьянъ и сознаніе благодѣтельныхъ послѣдствій этой мѣры, высказанное въ литературѣ, повело къ запрещенію книги Пнина [1]) и послужило источникомъ непріятностей для профессора Челнокова, пропустившаго въ Москвѣ переводную статью подъ заглавіемъ: „Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ Россійскомъ государствѣ". Въ послѣдней статьѣ главнѣйшимъ залогомъ благосостоянія Россіи авторъ полагаетъ открытіе училищъ и освобожденіе крестьянъ.

Цензурныя крайности.

Всѣ эти нарушенія авторскихъ правъ, вопреки вполнѣ опредѣленнымъ параграфамъ гуманнаго и либеральнаго цензурнаго устава, были прямымъ произволомъ, точно также какъ и вторженіе цензоровъ (иногда очень некстати) въ область литературной критики, которой они подвергали не только произведенія русской, но и европейской литературы. Такъ, напримѣръ, не была одобрена цензурой къ представленію трагедія Гёте: „*Эгмонтъ*" и задержана баллада Жуковскаго „*Замокъ Смальгольмъ*", явившаяся первоначально (1822 г.) подъ заглавіемъ „*Ивановъ вечеръ*". Представляя министру отзывъ комитета объ этой балладѣ, извѣстный уже намъ попечитель округа Руничъ прибавлялъ со своей стороны, что баллада „Ивановъ вечеръ" не только не заключаетъ въ себѣ ничего полезнаго для души и сердца, но и совершенно чужда всякой нравственной цѣли [2]). Еще курьезнѣе являлись, напримѣръ, такія рѣшенія цензурнаго комитета, какъ его отказъ „прапорщику лейбъ-гвардіи драгунскаго полка Александру Бестужеву" въ разрѣшеніи издавать съ 1819 г. журналъ подъ названіемъ „*Зимцерла*". Отвѣтъ былъ основанъ на томъ, что программа журнала очень обширна, а „къ выполненію такого обшир-

---

[1]) Этотъ эпизодъ настолько интересенъ, что заслуживаетъ болѣе подробнаго изложенія. Иванъ Петровичъ Пнинъ (1773—1805 г.) издавалъ «*Петербургскій журналъ*», въ которомъ, рядомъ со стихами и баснями, помѣщались статьи (переводныя и оригинальныя) изъ круга политической экономіи и сродныхъ съ нею наукъ. Обширный планъ просвѣщенія всей Россіи, изложенный въ извѣстныхъ намъ «предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія», вызвалъ Пнина къ сочиненію подъ заглавіемъ «Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи». Авторъ высказывается въ этой книгѣ очень рѣзко о печальномъ положеніи крестьянъ, порицаетъ многія явленія и въ бытѣ другихъ сословій, нападаетъ и на систему управленія во всѣхъ ея отрасляхъ. Книга была отпечатана въ 1804 г. съ дозволенія С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора, быстро разошлась, и когда потребовалось ея новое изданіе съ дополненіями, цензурный комитетъ запретилъ книгу и дополненія. Пнинъ возражалъ противъ этого запрещенія, и, между прочимъ, заявилъ: «все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великой Екатерины. Она внушила мнѣ эти истины. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе».

[2]) Баллада Жуковскаго была напечатана два года спустя, съ измѣненіемъ заглавія (вмѣсто «*Ивановъ вечеръ*» она названа «*Дункановъ вечеръ*») и сверхъ того, измѣнены два—три выраженія.

наго плана потребны обширныя свѣдѣнія и практическая опытность... чего въ Бестужевѣ, по его слишкомъ молодымъ лѣтамъ, нельзя ни предполагать, ни отрицать: ему всего 20 лѣтъ отъ роду"... И такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Но все это были только незначительные эпизоды, частные случаи, неспособные серьезно вредить общему поступательному движенію литературы... Однакоже, со времени соединенія двухъ министерствъ въ рукахъ одного министра и по мѣрѣ усиленія реакціи, первый цензурный уставъ сталъ представляться администраціи слишкомъ слабымъ и недостаточно охраняющимъ наше общество отъ мнимыхъ ужасовъ безначалія и невѣрія, будто бы грозившихъ вторгнуться къ намъ съ Запада. Въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго про-

Автографъ А. С. Шишкова. Начало его письма къ Государю о цензурѣ.

свѣщенія сталъ исподволь выработываться новый, гораздо болѣе подробный и строгій цензурный уставъ, надъ которымъ работалъ Магницкій и подобныя ему темныя силы. Уставъ этотъ былъ почти готовъ къ 1823 году и для руководства цензоровъ въ примѣненіи этого устава на практикѣ Магницкимъ была заготовлена особая „секретная инструкція". Въ этой любопытной запискѣ онъ говоритъ, между прочимъ, что одною изъ важнѣйшихъ мѣръ для борьбы съ господствующей въ Европѣ „нравственной заразой" должны служить цензурныя установленія. Переходя потомъ къ новому уставу для цензурнаго комитета, Магницкій добавляетъ:

„Цѣль сего важнаго законоположенія облекаетъ цензоровъ высокимъ званіемъ стражей, охраняющихъ вѣру Христову, нравы отечественные и самый языкъ нашъ, не оскверненный еще ни богохуленіемъ, ни разрушительными вѣяніями противъ власти царской, ни нечистотами разврата и сладострастія, отъ язвы повсемѣстно уже и особенно въ Германіи свирѣпствующей. Да проникнутся цензоры всею важностью сего служенія по Царству Божію во времена самыя опасныя и тяжкія, и, приступая съ благословеніемъ Господнимъ къ исполненію своего долга, да дѣйствуютъ они по прямому разумѣнію и по чистой совѣсти, вѣрою освящаемымъ" .

Такія „секретныя инструкціи" не предвѣщали ничего добраго для литературы. Наступали, повидимому, дѣйствительно, времена тяжкія и опасныя; но не въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понималъ Магницкій, вызывая цензоровъ къ самоотверженной борьбѣ съ европейской заразою... По счастію, строгій уставъ 1823 г. ввести въ дѣйствіе не удалось; онъ встрѣченъ былъ со всѣхъ сторонъ различными, болѣе или менѣе вѣскими возраженіями, и новый цензурный уставъ явился уже только при Шишковѣ, въ 1826 году, въ значительно-смягченномъ и сглаженномъ видѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Оглавленіе.

„Исторія Русской Словесности“

П. Н. ПОЛЕВОГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

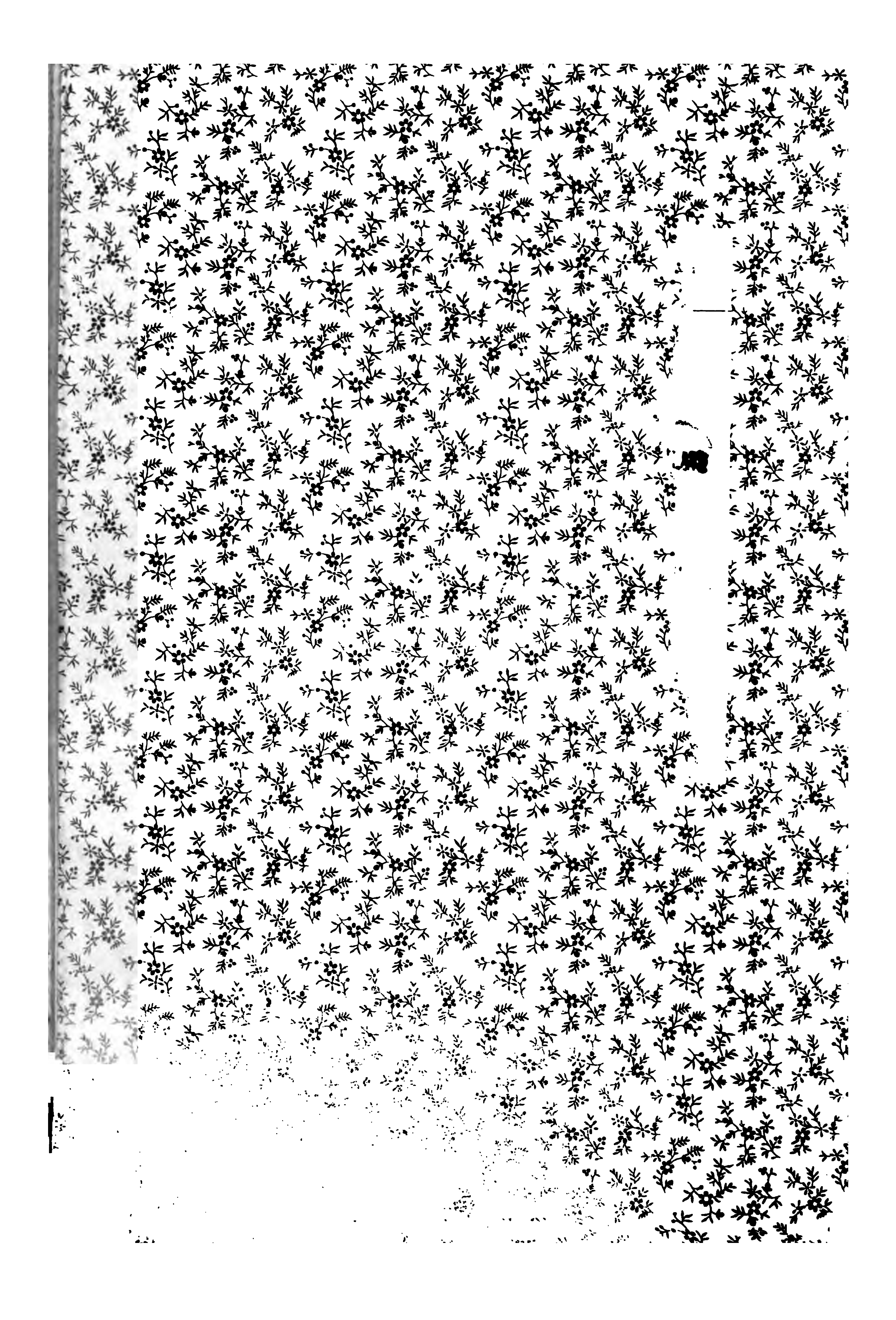
ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

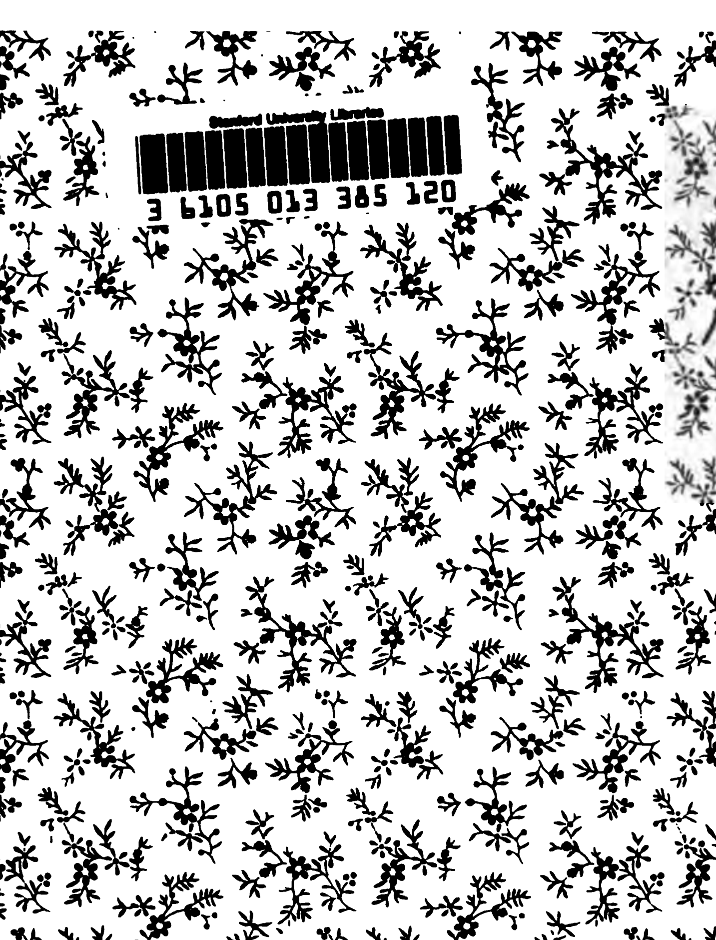
Отъ Карамзина до Пушкина.

Списокъ рисунковъ второго тома

Исторіи Русской Словесности.

Списокъ хромолитографическихъ и другихъ приложеній ко второму тому.




Stanford University Libraries
3 6105 013 385 120